

У ТОЛСТОГО

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ
ЗАПИСКИ»

Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДСТВО

Настоящий том «Литературного наследства», в четырех книгах, посвящен публикации обширного дневника-хроники о Л. Н. Толстом его домашнего врача, секретаря и друга, словака по национальности, Д. П. Маковицкого. Он прожил в Ясной Поляне с конца 1904 по 1910 г. и сопровождал Толстого в его последней поездке, прервавшейся в пути болезнью и смертью писателя на станции Астапово. Маковицкий дал своему дневнику название «У Толстого 1904—1910». Но в литературе он получил известность под именем «Яснополянские записки».

Дневник Маковицкого — документ единственный в своем роде, источник первостепенной важности. Это летопись всего, что на протяжении своей жизни в Ясной Поляне, возле Толстого, видел и слышал Маковицкий; это хронограф жизни Толстого не только по дням, но часто буквально по часам; это широкая панорама быта яснополянского дома. Это и исторический памятник эпохи, своеобразно отражающий те годы, в которые он создавался, — годы русско-японской войны, первой русской революции и последовавшей, вслед за ее поражением, полосы реакции. Главная и ценнейшая особенность дневника Маковицкого — множество приведенных в нем разговоров и высказываний Толстого, записанных либо синхронно их произнесению, «стенографически», либо по свежей памяти, «протоколно». «Яснополянские записки» — единственный источник, в котором с таким изобилием и с такой документальной достоверностью воспроизведена устная речь писателя, почти непрерывно звучит его живой голос.

Часть записанных Маковицким разговоров и высказываний Толстого падает на бытовые и автобиографические темы, в том числе ретроспективного содержания; другая — относится к невообразимо широкому кругу идейных интересов писателя. В этих высказываниях — отклики Толстого на вопросы морали, религии, философии, искусства, литературы, истории, науки и больше всего на острейшие социальные и политические вопросы современности.

Вступительные статьи к публикации осмысливают основное содержание дневника в системе мировоззрения Толстого, определяют место и значение «Яснополянских записок» среди других дневников и мемуаров о Толстом, знакомят читателя с личностью и биографией Маковицкого, а также с историей создания «записок». Публикация сопровождается примечаниями к отдельным местам текста. Как всегда в томах «Литературного наследства», издание «Яснополянских записок» богато иллюстрировано.

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДСТВО

У ТОЛСТОГО

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ»
Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТЫЙ

В ЧЕТЫРЕХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ

Г. П. БЕРДНИКОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, А. С. КУРИЛОВ, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, Л. А. СПИРИДОНОВА,
Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А. ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (глав. ред.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 9.

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
Л Е Н И Н

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО У ТОЛСТОГО 1904—1910

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ»

Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1909 (июль — декабрь) — 1910

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 9

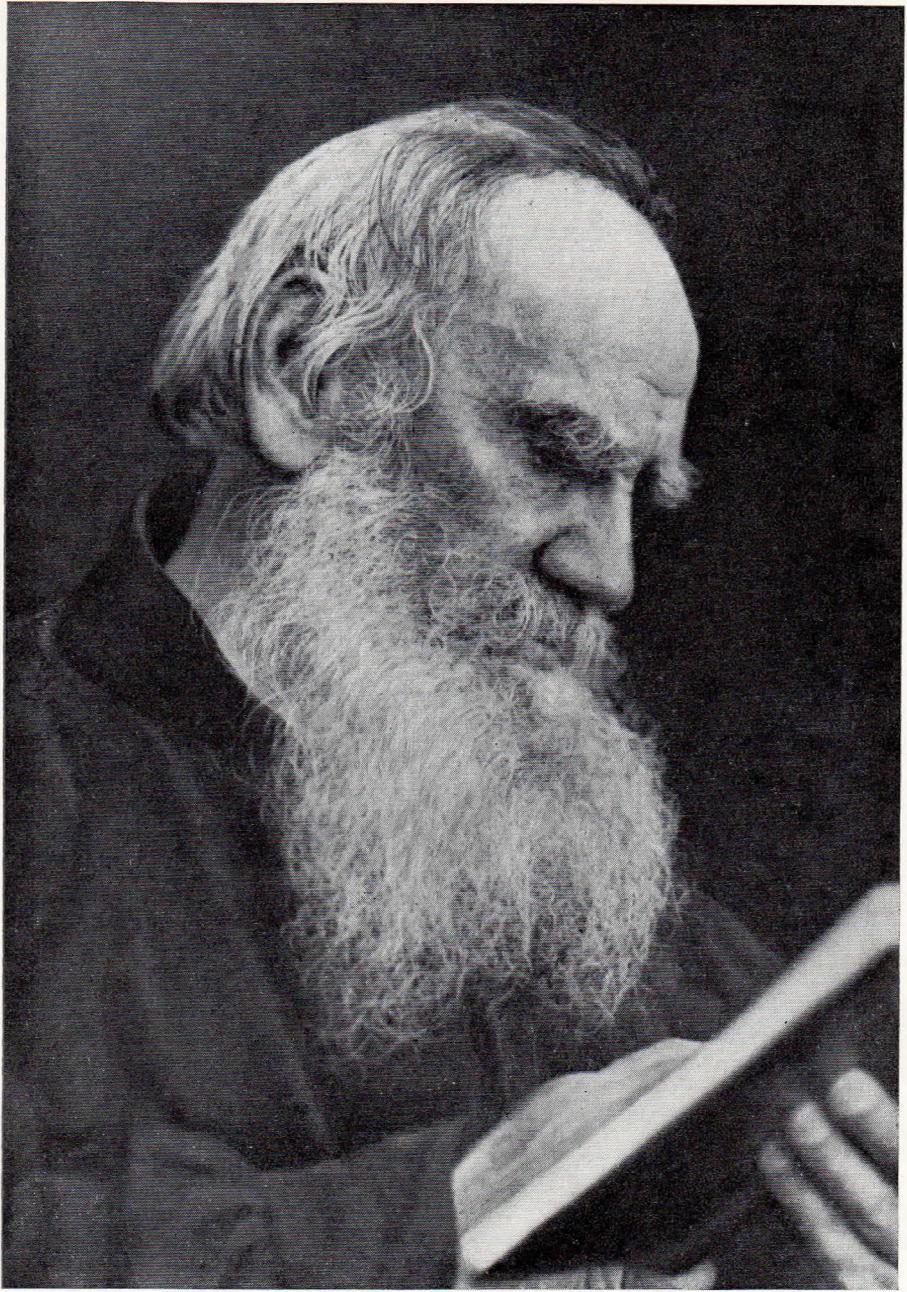
*Издание «Яснополянских записок»
подготовлено при участии
Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва),
Карлова университета (Прага),
Института литературоведения Словацкой Академии наук
(Братислава)*

Редакционная комиссия издания
С. А. МАКАШИН, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ДЕВЯТЫЙ

Л $\frac{70202-262}{042(02)-79}$ БЗ-29-28-78 3603020410

© Издательство «Наука», 1979 г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
Фотография, 1910

ДНЕВНИК

Подготовка текста и примечания Т. Н. Волковой, Н. И. Азаровой
и С. А. Розановой

1 июля. В селе Ломцах, в семи верстах от Кочетов, ярмарка. То и дело о ней говорили и готовились к ней все. Вчера тянулись туда обозы и толпы народу, а сегодня с утра еще больше: празднично одетые, с песнями, дуги с колокольчиками. У нас в доме какое-то праздничное настроение и суета. Заехали головеньские на тройке, вместе с ними на долгуше (линейке) поехали Л. Н. и Сухотины. Л. Н. хотел взять с собой книжки для раздачи, но их больше не оказалось — роздал все, которые привезли из Ясной.

На ярмарке обступила Л. Н. толпа кочетовских парней и с самого начала за ним ходила. Одна старуха спросила:

— Что это такое, али старого старика женят?

Когда уезжали, провожавшие парни спели: «Многая лета». Возвращались в дождик. Объезжали множество телег, возвращающихся с ярмарки. Из них торчали прялки, лопаты, вилы, грабли, метлы и т. п.

На ярмарке Л. Н. не производил сенсации: мало кто его узнавал, разве одни кочетовские парни. Один из них, работающий на стороне слесарь, посещал Л. Н.-ча. Л. Н. заговаривал с людьми. К одним пожилым, с которыми интимнее разговаривал (старуха пригласила его, чтобы с ними поел), присел на землю. Пробыли на ярмарке полтора часа. Ярмарка очень многолюдная, и народ все деревенский. Очень пестрые бабьи наряды, еще видать кички. Бабы еще не покинули старинное народное платье, все в домодельном.

Вернувшись, Михаил Сергеевич сейчас же пошел по своим хозяйским делам: он очень аккуратный, хлопотливый, и хозяйство у него в порядке.

Л. Н.: У Михаила Сергеевича, как он сам жалуется, *сансара*, суета житейская, которая портит его жизнь. («Сансара» — санскритское слово).

Вечером Михаил Сергеевич пожаловался на боли.

Л. Н.: Болит — так болит. — Посмотрев на нас, тут сидевших двух врачей: — Они скажут: экзема, камни. Раньше говорили: болит — и хорошо.

Л. Н. заметил, как англичанин-фотограф¹ вполне доволен остался мечами, алебардами в передней Сухотиных, которые Михаил Сергеевич унаследовал от Боде. Англичанин ездил на ярмарку и снимал Л. Н.

Читали почту, прочли письмо Стыки.

Л. Н.: Нужно отвечать². (*К Татьяне Львовне*): Тебя за бока возьму. Читали какое-то письмо — строчки вверх. Л. Н. сказал, что пишуший — оптимист.

2 июля. Л. Н. спал до девяти и еще полежал: чувствовал себя слабым после напряжения, вызванного серьезными разговорами с Чертковым вчера и третьего дня. Л. Н. был рад, что не задержал Черткова, хотевшего остаться и вместе с Л. Н. ехать сегодня. Утром Л. Н. сделал обыкновенную свою прогулку к тройному дубу и целебному колодцу. Потом, все чувствуя слабость, мало занимался, больше пасьянс раскладывал и спал. Пульс был неравномерен и реже обыкновенного: к четырем часам дня,

когда Л. Н. лежал, пал на 60, температура — 36, а у Л. Н. норма 72 и 36,6. Изжога, озноб в спине, и холодно всему телу.

С утра и до половины первого не решились, поедет ли Л. Н. домой. Утром дали телеграмму, что поедет сегодня, если не будет дождя. Телеграфировали, собственно, только для того, чтобы Софья Андреевна не беспокоилась, что Л. Н. все не едет. В половине первого Л. Н. решил сегодня не ехать¹.

Утреннего кофе не пил, до шести вечера ничего не ел. В три часа прочел почту, потом прочел вслух Михаилу Сергеевичу свой ответ Абрамову о настоящей, единой науке, черновик которого вчера стал писать². Не выходил, сидел в халате.

Вечером была директорша женской гимназии из Волыни и барышня Перовская. С ними Л. Н. играл в винт. Прежде — шахматы с Михаилом Сергеевичем.

Петр Григорьевич сказал Л. Н.-чу, что он прочел его ответ Абрамову о науке-образовании и что он так же думал. Л. Н. спросил его мнение, и разговорились о том, что настоящая наука только одна: как жить хорошо нравственно.

— Я начал говорить с Мечниковым о нравственности и видел, что нечего с ним говорить. «Спасать жизнь» (цель врачебной науки) ставить в угольный камень нельзя. И ставить это в угольный камень именно те, которые оправдывают дуэли, войну. Спасти утопающего — не верх долга человеческого. Но, разумеется, любовь заставляет спасать. Приводят пример: злоумышленник хочет взорвать поезд с людьми. Как же злоумышленника не убить! Спасти столько жизней. Смерть — не самое худое, спасать от смерти — не верх всего.

3 июля*. Ехали с Л. Н. домой. Сели на поезд в Благодатной в третий класс.

Татьяна Львовна поговорила с обер-кондуктором. Он, ввиду переполнения третьего класса, предложил второй класс. Л. Н. не хотел; тогда опорожнили служебное отделение третьего класса. Когда мы туда входили, бывшие там перешли в вагон, в котором ехали переселенцы, где и так было набито, что Л. Н. было неприятно.

В Орле, где была пересадка, узнали Л. Н. Из сидевших в отделении двоих — один сам ушел и унес чемоданы, другой — жандарм — остался. Жандарм (к усевшемуся напротив него Л. Н.) проговорил, извиняясь:

— Вам неприятно: я конвойный жандарм.

Л. Н.: Вы — человек. «Люби ближнего...»¹

Жандарм (Плавко) узнал Л. Н., знал из Курска, когда Л. Н. ездил в Крым, по душе побеседовал. Когда слезал в Глазуновке, был тронут, благодарил. В вагоне было полно народу. У нас в отделении осталось нас только трое. Я спросил Л. Н., можно ли позвать к нам женщину с детьми, которым там тесно.

Л. Н.: Как же!

Л. Н. сидел на сквозняке, ходил в соседнее отделение к переселенцам, едущим в Сибирь, разговаривал с ними.

Жандарм и кондуктор рассказывали Л. Н. о проезжавшем на днях председателе Совета министров Столыпине, который смотрел отруба в Орловской губернии.

— Одна беда: — жаловались ему хозяева, перешедшие на отруба. — Колодец.

Л. Н. в Скуратове вышел, купил газету «Русское слово», вычитал из нее, что умер его сват Рачинский.

Перед окном остановилось множество людей из интеллигенции.

* Этот и следующий день переписаны с листов через два года — 29 мая 1914 г.

*Милой внучке Соничке.
1909, 27 Июля.*

Лев Толстой

ТОЛСТОЙ

Ясная Поляна, 1907 г.

Фотография В. Г. Черткова с дарственной надписью: «Милой внучке Соничке. 1909, 27 июля, Лев Толстой»

4 июля. Вчера вечером вернулись с Л. Н. из Кочетов. Утром Л. Н. съездил на Делире к Анне Константиновне, из-за которой и поспешил приехать. Она в полдень уехала скорым в Крекшино — имение Пашковых близ Москвы. Перевозят туда и корову, т. к. крестьяне там до того бедно живут, что молока у них достать нельзя.

Пополудни Л. Н. короткое время гулял. К вечеру нога не болела, только немного отекала. Работалось Л. Н. хорошо. Домашние — Варвара Михайловна и Николай Николаевич — рассказывали о том, с каким нетерпением Софья Андреевна ждала мужа, как была зла, что он так долго не приезжает. Она злилась на всех и ругала главным образом Черткова.

Здесь были сыновья — Лев, Андрей — и внуки Ильичи. Она им говорила, что Чертков берет самовольно из дому рукописи их старого отца и деда. Когда она спрашивает Л. Н., отдаст ли он рукописи Черткову, он отвечает, что не даст и не знает, что (?) возьмет Чертков.

Софья Андреевна осознала, что она без Л. Н. ничего не значит. Она всегда говорит, что ненавидит людей, и теперь заметила, что нет взаимной любви. С мужиками, которые возвращались с косябы, тоже плохо обошлась. Будь там Чертков, он назвал бы ее демоном смерти, такой она была в это время.

За обедом Л. Н. рассказал о Кочетах, о путешествии сюда. Софья Андреевна ужаснулась, что ехал в третьем классе.

Л. Н. рассказал:

— Было набито, тут мы и воспользовались важностью своей. Остался один железнодорожный жандарм, очень умный человек, и потом Душан Петрович привел женщину с двумя детьми.

Л. Н. рассказал, что вошел к переселенцам из Орловской губернии, которые не знали его, называли «отец», охотно слушали. Говорил с ними о земле по Генри Джорджу. Они едут в Акмолинскую область, получают по 15 десятин на душу. Их семь мужских душ (120 десятин). Говорили, что их дома заставляют выходить из общины всякими прижимками: кто не платит податей, а согласится выйти из общины — отсрочат ему платеж податей.

Л. Н. получил письмо, в котором его укоряют, что отказался от авторского гонорара, что надо бы этими деньгами помогать нуждающимся¹.

К Л. Н. приезжала из Тулы овдовевшая дама просить помощи.

Л. Н.: Как это люди не могут понять человека, окруженного миллионами людей, который вследствие этого не может помогать. Всякий другой лучше может: случайно узнает о бедственном положении. А этому нет возможности: завален (прошениями), <как> выбирать?

Александра Львовна спросила Л. Н., что ей ответить А. А. Стаховичу, желающему привезти П. Струве. Кто-то заметил: «Ответить, чтобы он приехал без Струве».

Л. Н.: Лучше со Струве пусть приедут². Миша Сухотин привез в Кочеты «Вехи». Все люди читают «Вехи», потому что интеллигентные люди нашли, что бог есть.

Л. Н. видел сегодня у Чертковых фотографии ярмарки в Ломцах, восхищался ими, заговорил об этой ярмарке. Народу было тысяч десять. Водил фотографа (Тапселя), чтобы снимать, но мешали полицейские.

— Они, чтобы сделать мне приятное, — сказал Л. Н., — ходили со мной и делали дорогу.

Л. Н. хотел, чтобы Тапсель снял, как торгуют корову за 46 рублей, и все дело только в том, кто даст 15 копеек на магарыч. Не удалось. На земле сидели. Л. Н. подошел к ним. «Грибки едим, милости просим», — пригласила его старушка. Л. Н. присел, Тапсель снял. Хорошо вышел старик, сидящий на первом плане; остальных полицейские подняли.

Вечером Л. Н. в кабинете говорил с Николаевым о статье «Неизбежная революция», которую перед отъездом своим в Кочеты отдал Николаеву, чтобы ее проредактировать³. Потом диктовал какое-то письмо о земле⁴. Потом Николаев прочел Л. Н., очень хорошо, письмо И. П. Накашидзе о Генри Джордже. И раньше, наверно, прочел письмо о Генри Джордже Кузнецова, члена Первой думы, в котором тот упрекает себя, что поздно узнал о Генри Джордже. Интересно, что Накашидзе пишет про Генри Джорджа чуть ли не те же самые слова, которые Л. Н. только что продиктовал в своем письме.

Получено множество книг.

Л. Н.: Что это за масса книг! Мне совестно, что получаю и ими не пользуюсь, а много хорошего в них.

О полученной картине В. Черного «Сожжение Яна Гуса» Л. Н. не высказался, но видно было, что был разочарован в ней. После сказал только:

— Мила любовь, а не подарок.— И еще сказал: — Надо сочинить письмо к славянам.

Гусеву и Николаеву сказал:

— Мне совсем не нравится, особенно лицо Гуса — деревянное.

На картине надпись: «Великому реформатору». А письмо «Славии», присылающей эту картину в подарок, Л. Н.-чу понравилось⁵.

— У них вся идея,— сказал Л. Н.,— за которую я себя упрекаю, что славяне более склонны к решению религиозных вопросов, чем другие народы.

Николай Николаевич сообщил Л. Н. новость: Досев женится на дочери Скороходова.

Л. Н.: Это хорошо. Лучше не жениться. Но, когда женится, жениться на дочери Скороходова, это хорошо.

Л. Н. рассматривал книгу, великолепно изданную: *Stump und Willepegger. Zur Alkoholfrage. Verlag R. Willenegger. Zürich.*

Л. Н. вспомнил изречение Лихтенберга о том, какое впечатление должно производить художественное произведение («Круг чтения», 2 июля), и относил особенно к музыке⁶.

Л. Н.: Я внушал Михаилу Сергеевичу: как вы можете жить, не читая «Круга чтения»? Он сказал, что теперь будет.

Л. Н. сказал, что у Лихтенберга и Аммиеля есть изречения (не воспользовались ими для других сочинений) особенной глубины.

Л. Н.: Это хорошие мысли. Надо их наизусть заучить. Коли проживу еще до ста двух лет, буду знать «Круг чтения» наизусть.

— Жена Левы Сухотина и ее сестра — милы, для них эти взгляды новы,— говорил Л. Н.,— они имеют несчастье быть богатыми.

Миша Сухотин, конногвардеец, привез граммофон. Голос еще ничего, а скрипку, виолончель больно слушать.

5 июля. Л. Н. брал сегодня ванну теплую. Этим летом не купается в реке, в пруду. Еще прошлым летом купался и плавал.

У Л. Н. был владимирский мужик; долго разговаривал с ним.

Шкарван пишет Л. Н.-чу, что Сергеенко, желающий напечатать в «Альманахе» письма Л. Н. к Шкарвану, настаивает на пропуске следующего места: «У него * есть свойственная всем немцам, не замечаемая ими запутанность выражений (про что Гете говорит, что, когда недостает понятия, вставляется слово), которую они наивно принимают за глубокомыслие. Этому недостатку подлежат лучшие их мыслители, как Кант и Гегель (только Шопенгауэр) свободен от этого). Неясность эта еще усиливается, когда они захотят быть красноречивы и украшают свою речь риторикой, что и составляет слабую сторону Шмита»¹. Вот это место Сергеенко находит «неверным, огульным отзывом о немцах». Л. Н. поручил ответить, что он согласен на пропуск потому, чтобы не обидеть самолюбие немцев и Шмита. Но замечание свое находит тонким и верным.

Я спросил Л. Н.:

— Верно ли, что Кант тоже запутанно пишет?

Л. Н. ответил, что да, запутанно:

— Вы чувствуете, что можно не так запутанно, а проще и короче сказать.

Надежда Павловна: А в «Круге чтения» Кант легко читается.

* Шмита.

Л. Н.: Это уж мы позволили себе поправки сделать. Если бы все мои сочинения сожгли, а только «Круг чтения» оставили... А второе издание «Круга чтения» не появилось, а «На каждый день» с пропусками... Меня удивляет, как Анатолий Франс интересуется мною, читая дурные французские переводы. Зато немецкие (Шкарвана) отличны, и английские Моода.

6 июля. Был И. И. Горбунов. Бывший вчера у Л. Н. владимирский мужик побывал и у него. Он в десяти верстах от Наживина жил. Рассказывал, что в ихнем селе все, как и он, одинаково презирают бомбы и виселицы и отходят от православия. В соседней деревне — нет.

Л. Н. о книге Пругавина «Раскол вверх»:

— О пашковцах неинтересно. Сам автор, Пругавин, чужд религии, интеллигент, с высоты *, которой нет, смотрит на это явление.

Во «Введении» Л. Н. вычитал, что делают с книгами, арестованными цензурой. Раньше жгли их, теперь же рубят топорами на мелкие куски, мелют и опять делают из них бумагу, так что «Московские ведомости» печатаются на анархической бумаге.

Л. Н. об ответе XVIII Congrès International de la Paix в Стокгольме: — Таня написала ответ, мне не понравился: слишком официальный, учтивый. Это французская учтивость, доходящая до униженности.

Л. Н. читал письмо интересное Нахмана, семидесяти лет, из Москвы, приносящего Л. Н-чу рукопись своей популярной астрономии, труда сорокалетней работы¹. Л. Н., пробежавший его рукопись, сказал:

— Его взгляды оригинальные. Какая это страшная вещь — помасть на ложный путь (может быть, я на нем нахожусь), если один! А то, когда несколько, большинство человечества...

Л. Н. ездил верхом к Марии Александровне. На возвратном пути не мог устоять, чтобы не нарвать полевых цветов. Очень любит их. Чуть ли не каждый день приносит букеты, и в его комнатах всегда букеты цветов.

Л. Н. продолжает писать ответ Абрамову о науке, и Гусев сказал, что очень просто излагает и цельно.

7 июля. Вчера в полночь приехала Мария Николаевна — невестка, сегодня под вечер ее мать и племянница. Л. Н. прочел им вслух что-то. Вечером были Андрей Львович с Екатериной Васильевной.

8 июля. Софья Андреевна второй день лежит от невралгии плеч и руки ниже плеча.

Л. Н. долго беседовал с графиней Зубовой, с ее племянницей, Марией Николаевной и Ольгой Константиновной. Графиня Зубова, между прочим, рассказала про евреев.

Л. Н.: Они разделяются надвое: у одних все дурные свойства (подобранны), у других — все хорошие.

Л. Н. спрашивал про Жмудь (Шавли), про католических священников.

Л. Н.: Я никогда не был в католической, польской стране.

Винт с гостями.

Я ездил к Марии Александровне: серьезно больна. У нее усилился бронхит. При ее эмфиземе и в очень сильной степени перерожденном сердце — ноги припухают, жар.

9 июля. Л. Н. встал рано утром провожать гостей. Уезжала графиня Зубова с племянницей и Марией Николаевной. Пополудни Л. Н. съездил к Марии Александровне, я с ним. Ей сегодня легче. По пути сказал мне, что получил второе письмо из Стокгольма от подготовительного комитета XVIII Международного конгресса мира¹ и что, если будет здоров, непре-

* с высоты интеллигенции.

менно поедет и прочтет речь о том, что христианство и военная служба несовместимы. Там можно будет то сказать, что в России печатать нельзя. Скажет про сидящих за отказы в России (их 16), в Болгарии и других местах. Просил достать данные про Сербию, Венгрию и от Досева данные про Болгарию².

Л. Н. поговорил с Марией Александровной минут десять, потом с Горбуновыми. Иван Иванович передал ему только что вышедший русский перевод Кросби «Толстой и его учение».

После обеда Л. Н. сказал Софье Андреевне, что намеревается поехать в Стокгольм. Софья Андреевна отговаривала его с точки зрения его преклонного возраста, трудности перенесения мореплавания. Потом отнеслась двойственно и сама хочет поехать в Швецию. Вечером с Софьей Андреевной истерика: заперлась в комнате, никого не пускает; мы боялись, что она отравилась.

10 июля. Был Демчинский — агроном. Л. Н. говорил о Мечникове: — Ученость убивает умственность (самобытную умственную работу).

Приехала семья Денисенко.

11 июля. Я ездил к Марии Александровне и в Тулу — паспорт получить. И отыскал словаков-жестяников. Вечером Л. Н. говорил с Денисенками о земле, о «Круге чтения». Софья Андреевна перебивала и говорила о том, что перепечатали «Три смерти» и еще что-то, будто бы много, из «Детства» в одной книге, вышедшей в Петербурге, и что она написала своему контролеру-конторщику (судебному чиновнику) о судебном преследовании издателя.

Л. Н. было это несносно. Отозвал Александру Львовну и меня и спросил, есть ли у Софьи Андреевны доверенность от него издавать его сочинения. Александра Львовна сказала, что доверенность есть на издание, но права собственности нет. Л. Н. сказал, что если Софья Андреевна будет судебно преследовать, тогда он поступит решительно: отнимет у нее доверенность; что ему тяжело слушать такие речи (как о преследовании переиздателей его сочинений). Другой раз опять брань Софьи Андреевны на Черткова.

Л. Н. вчера перед всеми сказал, что хочет поехать на Конгресс мира в Стокгольм.

12 июля. Воскресенье. У Л. Н. было семь посетителей. Вчера поручил Александру Львовне ответить американцу (<1> Farrell, спрашивающему мнение Л. Н. о вивисекции, что никакого не имеет. Ночью передумал и сегодня ответил сам Фарреллу в Нью-Йорк: «What I think about vivisection is that if people admit that they have the right to take or to endanger the life of living beings for the benefit of many, there will be no limit for their cruelty» *1.

Л. Н., как обыкновенно, принес с прогулки букет цветов. Вечером принес его из кабинета в зал и показывал.

— Каждый день иду: «Нынче не буду срывать». Потом один цветок сорву, другой...

Л. Н. об успехе «Вех»:

— Читая эту книжку, люди пришли в восторг, что бог не есть совершенная глупость.

Ожидается приезд художника Пархоменко (хочет писать портрет Л. Н-ча), П. А. Сергеенко, А. А. Стаховича и П. Струве.

Вечером с семи до 9.30 Л. Н. ездил в Телятинки проститься с Димой, уезжающим к родителям в Крекшино, и там беседовал с молодежью.

* «Мое мнение о вивисекции то, что если люди считают, что они имеют право отнимать или подвергать опасности жизнь живых существ ради блага многих, то границ не будет их жестокости» (англ.).

Николай Николаевич прочел молодежи вслух письмо Л. Н. о науке (Абрамову).

Л. Н. вчера говорил, что он не любит крика петухов и лая собак, как если бы его по голове били. Л. Н. теперь по утрам занимается в ремингтонной с окном на юго-запад, на двор. В его кабинете с окном на северо-восток, в парк — утром солнце.

Л. Н. сказал сегодня кому-то из посетителей, выразивших свое восхищение его художественными произведениями, что это вроде того, как если бы Эдисона хвалили за то, что в молодости мазурку хорошо плясал.

13 июля. Вечером Н. Б. Гольденвейзер (учитель гимназии), С. Д. Николаев и домашние: Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Денисенки, Николай Николаевич. Разговор о «Вехах».

Л. Н. спросил Николая Николаевича, какое мировоззрение было у Эртеля.

Николай Николаевич: У него никакого не было. Изгоев, в «Вехах», ставит ему в заслугу, что он не толстовец¹.

Л. Н. вспомнил, что Эртель был милый человек, хороший писатель, но мировоззрение его никак нельзя было ухватить.

Читали вслух ругательные приписки к портретам Л. Н. (вырезкам из газет) и полемику одесской газеты с правой (в этой Л. Н-ча зовут «жидом»). Вырезки присланы в двух письмах неоплаченных.

Николай Николаевич прочел вслух полученное сегодня письмо Дербина, друга Сиксне, его автобиографию². Отбывает наказание, четыре года, за отказ от военной службы.

Разговор о Гоголе, о памятнике, о книге «Письма Гоголя» под редакцией Шенрока в четырех томах. В этой книге письма и прежде не печатанные. Л. Н. ее не знает, а желал бы ее прочитать.

Л. Н. о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»: — Эта книга имела огромное влияние на моего брата Дмитрия Николаевича. Об этом есть в биографии (моей)?

Ответили, что нет.

Л. Н.: Очень жалко, если нет. Дмитрий Николаевич — это такой человек образованный, серьезный, он так и умер в православии.

Н. Б. Гольденвейзер: В «Письмах» есть только письма Гоголя к отцу Матвею, а писем отца Матвея к нему нет.

Л. Н. высказал по этому поводу сожаление.

Н. Б. Гольденвейзер рассказал про влияние отца Матвея на Гоголя: под его влиянием Гоголь сжег второй том «Мертвых душ». Кое-что уцелело.

Л. Н.: Мне очень понятно это сожжение: это сознание того, что не то, что нет..... * Когда он писал первый том, у него было сознание, что он делает все, что нужно и что он в силах делать. А затем интересы его стали другие, так что он не мог все силы свои отдать на это. Заниматься этим кое-как, между делом, не следует.

14 июля. Софья Андреевна вчера узнала, что не может подать в суд жалобу на издателей сочинений Л. Н. Она читала, что один петербургский издатель издал том сочинений Л. Н. до 1881 г. Софья Андреевна спросила контролера в своей конторе, судебного чиновника, что можно предпринять против петербургского издателя. Он ей ответил, что ничего, т. к. у нее одна только доверенность Л. Н. на ведение его дел, а этого недостаточно. Л. Н. же не даст ей формальную передачу прав издательских.

Сегодня был об этом разговор между Александрой Львовной, Николаем Николаевичем, Варварой Михайловной. Что теперь будет? Софья

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

ТОЛСТОЙ НА ЯРМАРКЕ БЛИЗ СЕЛА ЛОМЦЫ, В СЕМИ ВЕРСТАХ ОТ КОЧЕТОВ

1 июля 1909 г.

Фотография Т. Тапселя

«Л. Н. видел сегодня у Чертковых фотографии ярмарки в Ломцах, восхищался ими. Водил фотографа Тапселя, чтобы снимать, но мешали полицейские...».— Запись от 4 июля 1909 г.

Андреевна всеми способами будет стараться вымогать у Л. Н. передачу. Некоторые из сыновей будут ей помогать. Л. Н. же не даст. Что у нее нет прав, это она сама расскажет всем. Найдутся такие издатели, которые начнут издавать сочинения Л. Н. Софья Андреевна уже теперь не хочет начинать новое издание, боясь, что вложит все деньги и не выручит их. О том, что у Софьи Андреевны нет права на издание, никто не догадывался (никому не приходило на ум, даже Черткову).

Л. Н. получил письмо из венгерской тюрьмы (Байя) от М. Глюксманна¹, сидящего за перепечатание одной страницы из немецкого издания «Круга чтения» и статьи Шкарвана «Почему нельзя служить военным врачом». Я вспомнил другого, сидевшего в Будапеште год за напечатание «Не убий!» и «Солдатской памятки» Л. Н.-ча.

Л. Н. (Ивану Васильевичу и мне): Как же мне не поехать в Стокгольм и не сказать во всеуслышание то же самое, что стоит в «Солдатской памятке»?

Софья Андреевна очень против этого плана поездки.

Вечером И. В. Денисенко рассказал Л. Н., почему пало министерство Клемансо.

15 июля. Утром был Николаев, вечером И. И. Горбунов. Л. Н. говорил Ивану Ивановичу про то, что пишет ему Чертков: если Л. Н. чувствует потребность, пусть едет, а Чертков предлагает сопровождать его, быть секретарем¹.

Л. Н.: Я руководствуюсь внутренним чувством, сознанием нужного дела. Мне кажется, что нужно ехать. Если бы я этого не сделал, было бы сознание, что не сделал, что нужно; как пройти мимо больного, голодного, не спросивши?

Л. Н. прочел вслух 15 июля из старого «Круга чтения». Софья Андреевна поспорила с Л. Н., что это одни речи, а ей заказывать искусный обед нужно.

Л. Н. всегда раздаёт то, чего ему жалко (т. е. что любит сам).

16 июля. Л. Н. не пишет писем: был занят статьей. Вечером заговорили об Амиеле. Л. Н. читает его, с третьего дня, в подлиннике. Л. Н. сказал, что днем был студент из Одоева и вчера другой. Ему Л. Н. сказал:

— Я советую начать читать минимум с пятидесятого года минувшего века назад, а не вперед. Туда попадет и Амиель.

Получил толстую книгу Военского: «Акты, документы и материалы для истории 1812 года»¹. Разговор о ней, о воззвании Наполеона к курляндцам. Л. Н. заметил:

— Какой жулик был Наполеон! Маленького роста, не француз, корсиканец. Его выдвинула революция, и какая революция! Наша взрывала, а та казнила.

За обедом Танечка Денисенко хотела квасу, но, так как было мало его, предлагала раньше другим. Л. Н. сказал о ней, что она духовно наслаждается.

— Это не шутка, — добавил он*.

17 июля. Пятница. Был Павлов (из тройцы: Александр Соловьев, бывший фельдшер Чернышов и он — теперь приверженцы христианских взглядов). Вечером была Л. Д. Николаева.

Л. Н. получил от Мечникова книги. Прочли из присланной Мечниковым книги «La traversée de l'Afrique du Zambèze au Congo Français, par Edouard Foa (Paris, s. a. 3e édition), о том, как антропофаги-негры кормят пленников, чтобы растолстели; как на них, живых, отмечают места, которые съедят главарь и другие, и как им отрубают головы и едят их (страницы 250—252)¹. Из книги Мечникова «Essais optimistes» Денисенко прочел вслух одну главу (страницы 372—396)². Кроме того, Л. Н. прочел вслух из «Тульской молвы» от 9 июля 1909 г. статью «Вивисекция над живыми преступниками и воскрешение мертвых»³. На парижском завтраке ученых, врачей, хирургов большинство высказалось за вивисекцию, чтобы изучать способы пересаживания здоровых органов тела одного человека в организм другого, подвергшегося удалению больных почек, нервов и т. д.

Трудно сказать, что произвело более жалкое впечатление и недоумение: поведение ли главарей негров или современных парижских ученых врачей.

Л. Н. сказал о них с изумлением:

— Эти нравственные идиоты-ученые, — и добавил, что он ответил о вивисекции американцу⁴. — Потом сказал: — Решить, что это будет, благо или не благо, никто не может. Это самоуверенность современности (как у молодых людей). Разумеется, что все должно постепенно развиваться, но современным поколением брошено все прежнее.

Про Мечникова Л. Н. сказал:

— Эрудиция, знает много, все (в нем) напихано, но ни к чему не приурочено. Зачем я ему был нужен? Очевидно, я, по его взглядам, заблудший человек. Я ему нужен, потому что я замечательный человек, чтобы меня цитировать, как Бурдука**. Мне Мечников совершенно не нужен: я знаю его взгляды. Но он приятный человек.

* А на следующий день, когда эгоистически капризничала, припомнил ей сегодняшнее поведение (с квасом) как противоположное.

** В главе из «Essais optimistes» цитирован Бурдук (!), никому из присутствовавших не известный.

И. В. Денисенко рассказал про крематорий и про сохранение пепла в урне.

Л. Н.: Тут есть остатки привязанности к телесному предков. Следует дать пепел разнести ветром. Конфуций, Будда, Христос — одно воспоминание. И одно воспоминание их гораздо живее (чем телесные останки).

18 июля. Л. Н. после завтрака прошел через мою комнату к Александре Львовне. Взволнованный, бледный, с изменяющим ему голосом, сказал мне:

— Софья Андреевна со мной разговаривала о правах (на издание). Я ей отказал. Она в ужасном положении. Я за нее немножко боюсь.

Софья Андреевна страдает сердцем, пульс у нее очень слабый: 52, жалуется на одышку. Ее болезнь началась до нашего приезда из Кочетов — бронхитом с жаром, а главное душевным расстройством, беспокойством. Звала, ожидала Л. Н. Неприятности с сыновьями: Лева ей пилил голову, приезжал Андрей просить на уплату долгов. В тот же день получила известие, что брат психически заболел. Дрязги с мужиками, с покосом, неудача в вымогании прав, отказ Черткову в праве вернуться, а главное, что Л. Н. не возвращался, — надломили ее силы: невралгия, миозит, жар.

Вечером Л. Н. посылал меня проведать Софью Андреевну, чтобы показать участие.

Ложась спать, заговорил о разговорах с Софьей Андреевной, что она примирилась (с отказом права) и что он тому очень рад. Говорил с радостью победы над собой, т. е. что мог отказать жене в правах на издание сочинений.

Были: Н. В. Давыдов, Николаев, Вера Сергеевна. Л. Н. спрашивал о дороге в Стокгольм, просил найти в библиотеке проект всемирного мира. Софья Андреевна помирилась с идеей поездки Л. Н.

19 июля. Л. Н. утром, войдя в залу, где я убирал брошюры, спросил, где книга Мечникова («Essais optimistes»). Л. Н. взял ее под мышку и, отходя, остановился:

— Он присылает (книги) и пишет. Надо отвечать. А надо сказать правду, как грубо заблуждается. А чтобы это написать, надо много поработать, а работы и так много¹.

Приехал И. К. Пархоменко (предварительно спросивший и приглашенный), скромный, молчаливый, писать портрет Л. Н.²

Днем были у Л. Н. новоколпинские мужики, покупающие землю у Гужона. Л. Н. писал в защиту их интересов два раза Гужону, но не получил ответа. Они приезжали месяца полтора тому назад посоветоваться, покупать ли ее. Л. Н. им советовал. Гужон просил 230 рублей за десятину. Л. Н. даже им сказал, что теперь земля подешевела, как слышал от посетителей, и написал Гужону, чтобы отдал по 200 рублей. В этот раз Гусев написал им письмо³.

Раз днем, другой раз под вечер, с 7 до 8.30, Л. Н. позировал И. К. Пархоменко. Разговаривали вместе с И. В. Денисенко. Л. Н. дал читать вслух Онисиму Денисенко статью о воздухоплавании в России. Разговор о воздухоплавании.

Л. Н.: Воздухоплавание получит общее распространение. Подумать: это уничтожит все дороги.

Софья Андреевна: Как же тяжести перевозить?

Л. Н.: Если возможно одну тяжесть, можно и другую. Главное, чтобы было управление и борьба с ветром.

Иван Васильевич рассказал очень интересно, как он двадцатилетним студентом в Женеве летал на воздушном шаре с Годаром пять часов; поднялись на высоту 2 500 метров.

Л. Н. спрашивал, как устроены аэропланы, дирижабли Цепелина и других.

Когда стемнело, Л. Н. принес Мечникова «Essais optimistes», и Иван Васильевич прочел вслух две главы. Очень не понравились.

Л. Н.: Я должен ему сказать, и неприятно, что до какой степени глупо, самоуверенно рассуждает.

Софья Андреевна спросила, что такое альтруизм.

Л. Н.: Альтруизм — противоположность эгоизму. Это забота о другом в противоположность о себе. Ego — это я, alter — другой.

Вспоминали о том, что «Смерть Ивана Ильича» — это смерть прокурора тульского Ивана Ильича Мечникова, брата бактериолога. Разговорились об этом потому, что Мечников в своей книге об этом пишет⁴.

Л. Н.: Работы-то у меня много, и это хорошо: валяешь подряд, а что не сделаешь, не успеешь сделать, стало быть не нужно.

Л. Н. просил достать ему из библиотеки книг о международном мире. Наверное, готовит речь или письмо на Стокгольмский конгресс. В библиотеке нашли книги следующих авторов: Ernest H. Crosby. A Precedent for Disarmament; V. H. Dugas. Universal Peace; Henry Richard. Papers of International Arbiters, еще книги: Pratt Hoyson, Th. Haydock и другие английские книги, «Review of Reviews», 1903, 4, 5, 7 и еще несколько французских журналов: «Bulletin de la Conciliation» и др.

Софья Андреевна: Я уверена в том, что большинство болезней — душевного происхождения и моя последняя болезнь с невралгиями — fièvre lente*.

Л. Н., когда позировал Ивану Кирилловичу и был разговор о Мечникове, рассказал мечниковскую историю про аппендицит:

— Когда я говорил, какое безнравственное отношение господ к слугам, он ответил, что наука все это поправит, что слуги должны быть. И рассказал историю господской семьи с аппендицитом: у слуг их было плохое устройство отхожих мест. В чем же мораль? Никакой морали нет. Главное, он возражает против «Прощай вину не за награду» и что всякое доброе дело не должно ожидать вознаграждения (это у Канта). Не то что у индивидуума, а и у рода человеческого.

20 июля. Л. Н. похвалил присланную ему книжку о кустарном производстве: кн. Ф. С. Голицына. Необходимый для России строй труда. СПб., 1909 г.¹

** Газеты сообщают, что было покушение на Столыпина.

Л. Н.: Я нынче ему только письмо написал по поводу одной женщины. Ее сын в тюрьме. Должна была приехать и не приехала².

21 июля. Кажется тогда, когда Л. Н. думал в Стокгольм поехать, Софья Андреевна сказала: «Умираю, заговор, отравить...»

Л. Н.: С ума сходит. Если не будет здорова, не поеду.

Софья Андреевна: Я добьюсь того, что не поедет...

Читали «Людскую пыль» А. М. Осендовского (СПб., 1909). Кто-то сказал: «Скучно».

Л. Н.: Нет, не скучно, а безобразно.

22 июля. Приехала Татьяна Львовна. Все ей очень обрадовались. Вызвала ее Александра Львовна. Софья Андреевна, когда узнала, что приехала, сказала, что ей стыдно, что побеспокоили Таню. Вечером пришла, как ни в чем не бывало, перебивала и щебетала, как всегда, когда говорил Л. Н.

Л. Н. сегодня писал «Письмо Конгрессу мира»⁴.

* изнурительная лихорадка (франц.).

** Дальнейшее до 22 июля записано поздно и неточно.

Вечером Татьяна Львовна говорила, что в Кочетах боятся нападения мужиков; они очень озлоблены и высказываются, что сделали промах: во время войны не вырезали помещиков.

— Я понимаю их озлобление: тысяча десятин земли у помещика, — сказала Татьяна Львовна.

Л. Н.: Я постоянно это озлобление вижу. Что 50 лет тому назад было крепостное право, то теперь земельный вопрос, собственность — назревшее.

Татьяна Львовна: Петр Григорьевич, который постоянно с крестьянами беседует, слышал такие рассуждения, что теперь, когда сменили царей в Турции, Персии, говорят: «Надо сменить царя и у нас».

Когда я вечером массировал ногу Л. Н.-чу, он сказал:

— Стыке надо писать. Хочу ему послать «Круг чтения» немецкий.

Я: Можно русский, теперь каждый образованный поляк по-русски знает.

Л. Н.: Как это — раздробленность Польши — их оскорбляет, и спрavedливо. Буду отвечать по-французски.

Здесь Татьяна Львовна второй день, Денисенки.

23 июля. Приехали В. А. Поссе и И. Я. Гинцбург, Мария Александровна. Л. Н. ездил с Онисимом Денисенко по Засеке. Вернувшись, пришел к Марии Александровне в библиотеку, спросил ее о здоровье.

Он теперь читает старый «Круг чтения» и Июнь — Июль нового — в ремингтонном виде. Разговорились о Денисенках. Л. Н. об Иване Васильевиче, что он умен и приятен, а Елена Сергеевна — милая, правдивая.

Л. Н.: Нынче в «Круге чтения»¹ о правдивости. Нет свойства, которое так разъединяло бы людей, как неправдивость. Тут нет общения. Я всем советую читать «Круг чтения», во-первых, потому что это не мое, а во-вторых..... *

Мария Александровна спросила:

— Вышел Июль нового?

Л. Н.: Нет, опять задержка.

Л. Н. спросил меня, зачем приехал Гинцбург:

— Не хочет ли меня лепить? Я напишу завещание, чтобы мне памятника не строили. Зачем это Пушкину, Гоголю ляжки смотреть?

За обедом Поссе. Л. Н. спросил его, как сюда приехал.

Владимир Александрович: Повидать Диму Черткова. Я с Чертковыми жил два года в Англии.

Потом рассказал о своем проекте, высказанном в «Современном слове» за пять месяцев перед 80-летним юбилеем Л. Н., как его праздновать: не развратничать, не пить, не курить. С этим многие и многие согласились, а на статью «Мяса не есть» возражали, что это неосуществимо. Он просил газеты перепечатать. Перенечатал только один журнал — «Вестник теософии». Прошло полтора года, газеты всё его высмеивают, особенно Чуковский в «Речи»². Это удивляет Поссе, т. к. «Речь» — прогрессивная газета: Милюков, Набоков, Петрункевич.

Николай Николаевич: «Речь» снисходительно-свысока к Л. Н. относится.

Л. Н.: Когда человек не пьянствует, не развратничает, тогда он сектант.

Поссе говорил, что террор теперь не возможен: протрезвели. Убили его Азеф и Гартинг. Теперь множество людей, бывших террористов, хочет приносить пользу, благо людям другим путем: деятельностью неправительственной, организациями, кооперацией.

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Л. Н. говорил о сегодняшних посетителях: студенте, курсистке, чиновнике (29 лет, он целомудрен). «Как же можно обмануть девушку?» — ответил.

В. А. Поссе рассказывал про теперешних литераторов. У них в Петербурге театральные клубы. Там представление начинается в половине первого ночи. Пьют, едят, азартная игра. И там все литераторы изо дня в день. Днем с тяжелой головой пишут статьи в газеты и выпрашивают авансы на них, чтобы ночью опять могли играть. Между молодыми писателями есть и талантливые, но ничего не выйдет, именно из-за такой жизни.

Л. Н. спросил:

— Кто же даровитый?

Поссе: Есть Грин (подлинной фамилии его не знаю), но он опустившийся. В «Новом журнале для всех» (февраль 1909 г.) есть его «История одного заговора» — о том, как революционеры посылают молодую девушку совершить террористический акт. Один же из революционеров старается помешать, и потом он является в комитет и говорит им, что они не лучше других³.

Поссе вспомнил про свое сопротивление Гапону, когда он, Гапон, гипнотизировал молодую девушку, чтоб она в экстазе убила Плеве. Поссе ее отговорил.

Рассказал, что он с Гапоном вернулся в Россию, чтобы воздействовать на рабочих — чтобы не было террористических актов. Гапон прочел его, Поссе, книгу против терроризма и согласился с ним, но потом опять склонился к террору. Рабочие были сначала не согласны с террором.

Л. Н. спрашивал про Гапона, жив ли?

Поссе рассказал, как его революционеры (инженер Рутенберг) заманили на дачу, накинули на него веревку и повесили.

Вечером Л. Н. гулял с Николаевым, говорили о праве. Л. Н. не допускал права внеправительственного. Николаев же утверждал, что есть право нравственное.

Вечером Л. Н. читал вслух Поссе письмо Александра Соловьева Молочникову.

Л. Н.: Лучше всех полковник. Говорит: «Мы его жалеем (Соловьева), но спросите про наше положение». Л. Н. говорил о единомышленниках: Соловьеве, Чернышеве, Волкове. Один застрелился, один спился. Л. Н. думает, что это процент соответственный.

24 июля. Поссе Л. Н.-чу о Кропоткине; хвалил его, какой он добрый человек. Он настоящий ребенок. Его книга о взаимопомощи между людьми и животными прекрасна¹. Л. Н. говорил, что желал бы с ним познакомиться, что он его уважает. Его новая книга «Terror in Russia» будет иметь успех в Европе².

Поссе говорил, что Кропоткин собирался в Россию, паспорт взял у консула, но заболел. Кропоткин, шутя, говорил, что ему надо поторопиться в Россию, пока еще самодержец — Николай, пока ему грозит только ссылка на Сахалин, который будет изучать. Когда же будет правителем Плеханов, тогда ему грозит повешение. Потом Поссе и Гиндбург говорили о вражде между Плехановым и Кропоткиным: со стороны Плеханова — Аксельрод и другие социал-демократы.

Л. Н. с Поссе о Мечникове и его теориях, о книжке профессора А. Яроцкого «Идеализм как физиологический фактор» (Юрьев, 1908 г.)³. Поссе хвалил.

Л. Н.: Здоровье нельзя ставить выше как какую-то желательную цель. У Мечникова мировоззрение — продлить телесную жизнь. Все равно — жить 17 или 120 лет для того, кто живет духовной жизнью, по-

ТОЛСТОЙ НА ЯРМАРКЕ БЛИЗ СЕЛА ЛОМЦЫ, В СЕМИ ВЕРСТАХ ОТ КОЧЕТОВ
1 июля 1909 г.

Фотография Т. Тапселя

«На ярмарке обступила Л. Н. толпа кочетовских парней и с самого начала за ним ходила». — Запись от 1 июля 1909 г.

тому что духовная жизнь вне времени и пространства. Мне Конфуций ближе, чем домашние: доказательство духовного единства.

Л. Н. теперь особенно часто подчеркивает: не осуждать никого, любить всех. Л. Н. теперь натурален. Когда бывал Чертков, Л. Н. бывал в возбужденном состоянии, как бы несвободный, заипнотизированный, такой возбужденно-невменяемый почти, как сам Владимир Григорьевич.

Вечером уехали Поссе и Гиндбург, делавший комические представления.

25 июля. Утром уехали Денисенки в Пирогово. Л. Н. провожал их. Вчера вечером был астроном, крестьянин из Пензенской (?) губернии. Л. Н. направил его к Морозову в Петербург.

Вчера вечером Л. Н. дал прочесть Ивану Васильевичу вслух из «Русского богатства» (1909, июнь) статью «Генрих Блок», т. е. о крестьянском банке. Как крестьяне, несмотря на платежи, остаются в долгах у него, иногда в больших, чем первоначальный¹. Л. Н. эта статья потрясла. Суть в том: банк дает деньги займы с тем, чтобы ими наживали капиталы и притом платили проценты и амортизацию. Капиталисты умеют так делать. Крестьяне же, купив землю на банковские деньги, стараются только прокормиться на ней, а не то, чтобы нажиться и платить проценты. Но банк с ними поступает по таким же правилам, как с первыми (торговцами, спекулянтами, капиталистами). И они разоряются при круговой поруке товарищества.

Л. Н. сегодня утром написал автору статьи благодарное, сочувственное, ободряющее, горячее письмо — предисловие к его статье, если ее отдельно напечатать².

Сегодня приехал и уехал старший брат Софьи Андреевны, А. А. Берс с женой и двумя дочерьми. Л. Н. говорил ему о статье «Генрих Блок». Александр Андреевич — сам директор поземельного банка — недоумевал, говорил, что крестьянский банк дает деньги за 3,5%.

Л. Н. с ним на ты. Его старшей, 17-летней, дочери говорил вы. Она с ним ездила верхом. До вчерашнего дня ездил Онисим Денисенко. Сегодня напряженное состояние: Л. Н.-ча статья «Генрих Блок» и разговоры о ней волнуют.

Л. Н.: Получил характерное, безграмотное письмо, но наполненное революционными фразами.

26 июля*. Приехали Маруся Маклакова, Сергей Львович с Бутурлиным и И. И. Горбунов.

У Л. Н. нога отекает; гулял. Посетители. Молодой босяк рассказал Л. Н., как пустил красного петуха попу, еще ударил кинжалом кого-то. Грозит каторга. Скрывается, скитается. Сегодня много любопытных гуляющих.

Л. Н. за обедом рассказывал спрашивавшему Бутурлину про Мечникова. Л. Н. при Илье Васильевиче рассказал начало по-французски, т. е. о том, как он сказал Мечникову, что безнравственно наше пользование услугами лакеев. «Да вот я вам расскажу», — ответил Мечников и рассказал про богатую французскую семью, болеющую аппендицитом потому, что отхожие места их слуг плохо устроены, экскременты попадают на редиску, которую господа сырую едят. Взял микроскоп, нашел воображаемых козявок — воображаемых потому, что если есть эти, то в этих маленьких есть другие козявки, и так без конца. Эту глупость повторяет в своей книге «Essais optimistes». Там же есть глава о Канте: он Канта вдребезги разбил. Иначе не может быть. Там это место занято козявками, эти не даются даром. Но настоящего Канта не знает. Самоуверенность, невежество. Миллионы людей жили на основании религиозной истины до открытия протоплазмы и козявок. Появился Мечников и говорит, что все заключается в козявках, и все, что делали люди до того, все это насмарку.

В другой раз Л. Н. сказал о книге Мечникова:

— Грешный человек, зная Мечникова раньше, я думал, что будет серьезнее, а тут много французской болтовни.

Иван Иванович рассказал про заседающий в Петербурге съезд школьных законоучителей. Решили ввести чтение Евангелия, с объяснениями обучать.

Софья Андреевна: Я думаю, это твое влияние, что Евангелие введут.

Бутурлин рассказал, что в «Новой Руси» Измайлов перечисляет разные вопросы (18), какие законоучители задают. Например: почему господь-бог позволяет смертную казнь; почему Христос на одной ноге стоял; как Христос слышанную от ангела молитву пальцем на камне записал.

— Почему в последнее время начали такие нелепости учить? В мое время этого не было, — сказал Бутурлин.

И Л. Н. подтвердил, что и в его время этого не было.

27 июля. Из разговора Л. Н. с А. С. Бутурлиным**.

Л. Н.: Настоящее есть точка соприкосновения прошлого и будущего. Есть жизнь в этом промежутке вне времени. Подняться в область вне времени и пространства.

Бутурлин: Из жизни вне времени сделают жизнь вечную.

Л. Н.: Надо освободиться от того, что мешает любви.

* Этот день переписан мной с черновых записей через четыре года.

** Записано 29 мая 1911 г.

Бутурлин: Любви нет.

Л. Н.: Есть любовь во всех. Он любит собачку, дочку... Единое благо то, что я сегодня лучше, чем был вчера.

У Л. Н. левая нога отекает. Ночью лежит на кровати, конец которой, где ноги, приподняли и подставили чурки.

Л. Н.: Не понимаю, что это — иллюзия. Ведь вы не сомневаетесь во сне, что сновидение — реальность.

Л. Н.: Я не помню, чтобы я бывал в тюрьме.

— А в Крапивне Гусева посещали. И у пересыльных двух духоборов в Москве побывали.

Были Тухачевский, Раевский, Гольденвейзер. Говорилось о том, что война с Наполеоном велась не Россией, а Англией в ее интересах; о Хаджи-Мурате, что он на почве соперничества с Шамилем отдался русским; о поляках по поводу какого-то рассказа или романа Реймонта, который Л. Н. читал и очень не одобрял.

Л. Н.: У меня, не знаю почему, большая симпатия к полякам.

Кто-то спросил:

— Есть что у Товянского серьезное?

Л. Н. ответил:

— Нет.

28 июля *. Приехала сестра Л. Н. — Мария Николаевна. Говорила, что монашки читают «Круг чтения» и архиерей Парфений. Спросила про него Л. Н.-ча.

Л. Н.: Он хорошо, просто вел себя.

Л. Н., когда говорит с молодыми поколениями своих знакомых, говорит о их дедах, имея в виду их родителей.

Л. Н. (Раевскому): Вы того еще не чувствуете: у меня всегда одно поколение перескакивает.

Разговор об автомобилях. Кто-то сказал, что надо пожалеть лошадей.

Л. Н.: Надо пожалеть людей, которые строят автомобили.

Л. Н.: А это интересно: страх перед возможностью отмены крепостного права.

Л. Н. решил не ехать в Швецию.

Разговор о холере, которая второе лето свирепствует в России и в Тульской губернии: в Крапивенском и Новосильском уездах, в самой близости Кочетов.

Л. Н.: Я на холеру никогда никакого внимания не обращал.

29 июля. Приехала барыня-писательница с двумя дочерьми из Петербурга, чтобы видеть Л. Н. и оставить ему на память рукопись своей статьи.

Софья Андреевна сегодня вышла из своей комнаты и, как вчера обещала, была здоровая. Был Андрей Львович. Уехал Сергей Львович. Александра Львовна с Варварой Валерьяновной уехали в Пирогово.

Л. Н. ездил в Колину (волостное правление) и Телятинки. Кончил, и сегодня начисто переписали, «Единую заповедь» и «Письмо о науке». Вчера и сегодня разговор о Яне Стыке, которому отвечал¹. Вечером шахматы с Гольденвейзером. Гольденвейзер играл на фортепьяно.

Пополудни очень интересный разговор между Софьей Андреевной, Марией Николаевной и Бутурлиным. Говорили о вчерашнем споре Л. Н. с Сергеем Львовичем, как Сергей Львович любит спорить, почему он такой неуступчивый. Софья Андреевна говорила, что Л. Н. был такой же

* Очень неточно записано 29 мая 1911 г.

спорщик. Бутурлин удивлялся спору Л. Н. с Тургеневым у Фета в присутствии хозяйки. Софья Андреевна высказала свое предположение, что недоброе чувство между Л. Н. и Тургеневым происходило оттого, что Тургенев отбил у Л. Н. даму в Петербурге. Этот случай рассказал ей Л. Н. когда-то, а она приводит это в связь с распрей между Толстым и Тургеневым. Мария Николаевна рассказала, как у нее из запертого стола, приподняв (сломав) верхнюю доску, зять Варвары Валерьяновны — Г. Э. Волькенштейн* взял разные письма, между прочим рукопись «Севастопольских рассказов», письма Некрасова о них, где написано, что выпустила из них цензура. Этого теперь дополнить нельзя, нет полного экземпляра².

Софья Андреевна рассказала, как Сергею Львовичу, когда она родила Машу, понадобился длинный ларь, на котором Ваня-лакей спит. И он убрал оттуда часть рукописей, уложил в кульки и велел унести. Лакей унес их в канаву. Софья Андреевна весной, когда снег стаял, нашла их и опять прибрала.

Софья Андреевна рассказала, как Лев Львович, когда поселился с женой в кузминском доме, очистил кладовую: снес все книги и рукописи на чердак, откуда большая часть книг была растаскана, так же и часть рукописей. Часть рукописей после многих лет взял оттуда Андрей Львович и отдал в музей**.

Вечером за чаем беседа с Бутурлиным.

Ложась спать, Л. Н. мне:

— Я сколько раз употреблял сравнение, что сон похож на смерть. Мне часто вечером хочется умереть, а утром иногда хочется жить. Сегодня как раз как хорошо было бы умереть.

Я сказал Л. Н., что только что вычитал в газетах, что Бичер-Стоу — автор «Хижины дяди Тома» — 98-летняя старушка — еще жива³.

— А где она живет? — спросил Л. Н. — Странно сказать, что люди сильной духовной жизни долговечны: какая-нибудь Мария Александровна. Другая, слабая духовной жизнью (на ее месте, при тех же данных телесного здоровья) уже не жила бы. Сколько раз видел, что люди малой духовной жизни рано умирают.

30 июля. Был интервьюер от «Русского слова» спрашивать, почему Л. Н. не едет на Конгресс мира в Стокгольм⁴.

Здесь Мария Николаевна (сестра), А. С. Бутурлин, Варвара Валерьяновна (сегодня вечером вернулась с Александрой Львовной из Пирогова), М. А. Маклакова. Вечером был Гольденвейзер.

Вечером Л. Н. принимал живое участие в саломасовском мужике, которого привезли на двор к дому. Воз переехал ему через берцо и сломал. В сарае для дров я наложил ему гипсовую повязку. Л. Н. сначала немного сам помогал и своим присутствием и разумными замечаниями заставлял меня быть внимательнее и мягче.

Получил письмо через П. А. Сергеевко от совсем нового отказавшегося от военной службы Владимира Засосова. Л. Н. с Николаем Николаевичем прочли вслух. Его очень мягко наказали: две недели — и отпустили. Слушающие удивились малому наказанию.

Л. Н.: Хотят от него отделаться, потому что он опасен им в войске — на других подействует. Это, как в Болгарии.

Л. Н.: И Александра Соловьева (месяца полтора тому назад отказавшегося в Новгороде?) держит полковник около себя. Желает отпустить его. Робеет перед ним.

* муж ее дочери Татьяны.

** Я же летом 1907 г. 14 книг «Современника» перенес в библиотеку.

Мария Алексеевна сообщила мне по секрету, что Софья Андреевна, может быть, сама предложит Л. Н. поехать в Стокгольм с ней. Мария Алексеевна вызвалась привезти из Москвы и почистить ей бензином платье.

Софья Андреевна смотрит с такой точки зрения: платье, и посещение заграницы, и великолепная встреча, какая ей в Стокгольме будет. Софья Андреевна больше склонна ехать.

Вечером массировал Л. Н-чу ногу. Л. Н. сказал мне:

— Обращаюсь к вам, как к близкому другу, скромному, воздержанному человеку: я хочу из дому уйти куда-нибудь за границу. Как быть с паспортом? Так, чтобы об этом никто не знал, хоть один месяц.

Я ответил, что это можно. Л. Н. сказал, что это выхлопочет дочь. Я сказал Л. Н., что знаю от Марии Алексеевны, что Софья Андреевна хочет ему предложить ехать в Стокгольм с ней.

Л. Н.: Что же, зависеть от истерической особы? Это не телесная, а душевная болезнь. Болезненный эгоизм.

Как-то недавно Л. Н. сказал:

— «Единая заповедь» — это не литературное, а самое простое высказывание того, что чувствовал.

В тот же вечер Софья Андреевна стала бранить Спира, говорила, что он кривляется, и т. д.

— Я ему сказала, что он тебе тяжел, чтобы он уезжал.

— Соня, что ты! — заахал Л. Н. — Зачем всегда осуждать?

— Я не всех не люблю, — возразила Софья Андреевна.

— Никогда я другого не слышу, — ответил Л. Н.

31 июля. Был Николаев с письмом к нему от Эрнефельта о Конгрессе мира в Стокгольме. Эрнефельт хочет сопровождать Л. Н-ча. Л. Н. решил послать доклад Эрнефельту и попросить его, чтоб съездил в Стокгольм прочесть его, а то бюро может доклада и не прочесть, а просто о нем сообщить по-своему.

За обедом Л. Н. с Марией Николаевной, Бутурлиным, Варварой Валерьяновной.

Л. Н.: Память — в ущерб самодеятельности мысли. Я наблюдал это у многих и многих людей.

Мария Николаевна рассказала — этого нет у Бирюкова, — как Л. Н. ждали у княжны Дондуковой-Корсаковой, что лежала. Там были Голицына, Долгорукова. Пришел лакей, смущенный, и что-то докладывает, и слышишь тяжелые шаги. Мария Николаевна подумала: «Легочка выкинет какую-нибудь штуку». И вошел Л. Н. в деревянных сабо. Разговор о другой Дондуковой-Корсаковой, которая иногда пишет Л. Н-чу. Ей 81-й год. Мария Николаевна знает ее и благодарна ей за помощь, несколько раз оказанную ей. Мария Александровна тоже знает ее, говорила, что у нее ничего нет: она все отдает нуждающимся.

Л. Н.: Я не понимаю, как можно обращать другого в свою веру.

Мария Николаевна: Когда веришь, что твоя вера истинная.

Л. Н.: Магометанин — православного, баптист — магометанина... Вся его жизнь, воспитание, привели его к его мировоззрению.

Вечером с Гольденвейзером шахматы. Я уезжал к заболевшему Диме. Перед сном массаж. Я рассказал Л. Н. о процедуре доставания заграничного паспорта.

— Очень сложно, — заметил Л. Н. — Нельзя так сделать, чтобы не стало известно?

Потом я сказал, куда можно было бы поехать — к чешской крестьянской семье Яначковых в Восточной Чехии (Круценбург). И еще к Ольге, в Туро Тридвори. Л. Н. было интересно слушать про Яначковых, расспрашивал подробно и заметил:

— Там бы не искали *.— Потом сказал:— Я слаб, ослабел духовно. (Я понял это так, что он недоволен, беспокоен.) О том, чтобы добывать паспорт, не сказал; наверное — в долгий ящик.

1 августа. Уехал Бутурлин; приглашали опять приехать: все его полюбили.

Пополудни Софья Андреевна читала корректуру второго тома «Материалов к биографии Л. Н. Толстого» Молоствовова и Сергеенко. Место о «романе» Л. Н. с Молостовой прочла вслух ¹. Негодовала на слог Сергеенко, манеру растягивания и слащавость.

Мария Николаевна, знавшая Молостову (училась с ней в одном классе), сказала, что ничего этого не было (романа).

Л. Н. на вопрос Софьи Андреевны ответил только:

— Она мне была симпатична.

Софья Андреевна: Как Лев Николаевич стал знаменитым, у всех были с ним романы.

Мария Николаевна: Когда он уехал с Николенькой на Кавказ, ему было 20 лет. Тогда мы и во сне не видали, что из него выйдет какая-нибудь знаменитость.

Потом Мария Николаевна вспоминала Л. Н., когда ехали из Казани в Москву шестерней. Ему было 14 лет. Кучер слез что-то поправлять на пристяжке. Л. Н. выскочил из коляски и побежал во весь дух вперед, потеряли его из виду, долго не могли его догнать. Когда догнали и он сел в экипаж, задыхался, глаза выкатившиеся, налиты кровью. «Я стала реветь. У него главное было, и когда он из окна прыгал: хотел всех удивить».

2 августа. У Л. Н. вчера вечером и сегодня утром стеснение в груди. Вечером были и перебои. В полдень, вследствие этого, Л. Н. полежал. Прошло. В три часа поехал верхом с Онисимом Денисенко. Семья Денисенко сегодня приехала из Пирогова повидать бабушку — Марию Николаевну.

В три часа дня я входил к Л. Н.-чу. Л. Н. мне говорил, что Софья Андреевна согласна, сама предлагает ехать в Стокгольм. Она раздражена и говорит, что непременно нам, кому-нибудь из нас, умереть в дороге и что деньги напрасно выбросить — при таких условиях путешествовать.

— Нужно паспорт получить. Паспорт получить из этой жизни, этого постоянно хочется. Как это хорошо у буддистов, что старики уходят в леса, — сказал Л. Н.

За обедом очень шумно. Дразнили М. А. Маклакову Дмовским. Л. Н. спросил ее, когда выйдет замуж. Ответила, что она не выйдет. Александра Львовна ей крикнула с конца стола:

— Я недостаточно стара, чтобы не негодовать **.

Л. Н.: Авось я умру к тому времени ***.

Александра Львовна: Нет, не надо!

Л. Н. с Марией Алексеевной говорил о поляках и сказал, что национальность — ограничение в сношениях человечества, а государственность создает новое искусственное ограничение и еще усиливает национальность.

Подали рисовые котлеты. Л. Н. сказал каламбур: «Каких кот лет, не ест котлет?» Потом еще: «Едут в вагоне отец с сыном, и у них попугай. Напротив сидит поп. Сын говорит: «Папа, попугаем попа попугаем?»

* Меня поражало, что Л. Н. хочет ехать на Конференцию мира в Стокгольм. Я думаю, что Л. Н. тогда имел и мысль осмотреться, нельзя ли устроиться, где устроиться и не вернуться домой. Софья Андреевна, может быть, чуяла это и потому не хотела его отпустить.— *Позднейшее примечание Маковицкого.*

** Т. е. что она еще слишком молода и не замужем, чтобы не негодовать на Марию Алексеевну, если та выйдет замуж.

*** Т. е. к тому времени, как Александра Львовна выйдет замуж.

Мария Николаевна, как все старые люди, не любит шума и особенно когда несколько голосов сразу говорят: ей тошно, голова кружится. Да и речь слышит, а слов не отделяет. Просит не шуметь, но шумят.

Вечером Л. Н. мне:

— Софья Андреевна совсем собирается и вас приглашает.

В Туле выставка лесоводства и всероссийский съезд лесничих. Члены съезда сегодня осматривали питомник казенный лесничества, на шоссе в лесу против Ясной Поляны. Оттуда пришли числом двести, с местным лесничим М. М. Морозовым, хорошим знакомым Л. Н-ча. Л. Н. вышел к ним перед террасой. Хотел спросить Морозова, есть ли среди них желающие поговорить с ним, очень будет рад. Но не успел этого сказать, т. к. раздалась приветственная речь оратора среди них: «Мы счастливы видеть вас и выразить горячее душевное пожелание, чтобы вы еще долго жили и долго звучало ваше слово». Это было сказано патетическим голосом.

Л. Н. стало неловко от такого официального, непростого, ненатурального приветствия, сказал тихо: «Благодарю». Спросил, зачем сошлись и сколько их. И сейчас же, не побеседовав с ними ни одной минуты, простился и, повернувшись, пошел к крыльцу веранды, где стояли Софья Андреевна, Денисенки и прочие. Вероятно, неловко было ему, может быть и растерялся, не привыкший к толпам, овациям. М. М. Морозов, смущенный, и все смущенные, поклонились и стали уходить. Иным из них, позади стоявшим, Л. Н-ча почти не досталось видеть, только сзади, уходящего¹.

Я пошел за ними и поговорил с последними уходящими. Один, из Екатеринодара, разговорился со мной, за ним еще пять-шесть. Тут же стоял чужой человек с сумкой, попросил книжек. Я вернулся за книжками и захватил около ста «Обращений к русским людям», побежал за лесничими и отдал им на память о Ясной Поляне. Были очень благодарны. Некоторые только потому и приехали на съезд, чтобы Л. Н. увидеть. Очень горячие приветы посылали через меня Л. Н. и просили еще книжек. Получили все. Л. Н. одобрил раздачу книжек*.

Вечером шахматы с Гольденвейзером. Играл Шопена «Похоронный марш». Л. Н. разговаривал с Марусей Маклаковой и Александрой Львовной, опять почувствовал стеснение в груди. Александра Львовна и я сразу щупали ему пульс. Л. Н. смеялся. До того сказал нам: «Не только вечерами, утрами желаю умереть. Я почувствовал, понял, как старикам естественно хочется умереть».

Днем Л. Н. переводил по-французски и дополнял свой доклад Съезду мира в Стокгольме². Вечером просил И. В. Денисенко помочь ему перевести, а Софье Андреевне предложил прочесть доклад на заседании съезда. Сказал, что на нее не будут грубо нападать (как на него). И кому же пристойнее прочесть, как не ей — жене.

Софья Андреевна ответила, что для этого надо хорошо одеться. Смех со стороны женщин и крик, как проявляется женщина в Софье Андреевне.

В 11 часов ночи уехала Мария Алексеевна в Москву за деньгами и туалетами для Софьи Андреевны на дорогу.

* «Лесничих у Л. Н. было 180 человек. Речь произнес Нестеров, профессор Московского сельскохозяйственного института по лесоводству. Говорил, как с кафедры (всегда так говорит), с пафосом, увлекаясь, но от души. Л. Н. ответил быстро, отрывисто, и я не расслышал, не понял, как говорил: провел параллель между тем, что «вы живете непосредственно с природой; старайтесь, чтобы так же просто, непосредственно относились к людям». У членов съезда лесничих осталось самое отрадное впечатление от посещения Л. Н. На следующем съезде в Петербурге, в январе 1910 г., благодарили меня, что я устроил посещение». — *Записано Маковицким позднее со слов М. М. Морозова. — Ред.*

Софья Андреевна делает вид, что едет из-за Л. Н. в Стокгольм, чтобы он не ворчал всю жизнь на нее. И говорит, что он перестал с ней говорить, но что она не будет брать на себя обязанностей по дороге: ни еду готовить, ни билеты брать. Поедет «багажом».

3 августа. Л. Н. переводил с помощью Ивана Васильевича и Елены Сергеевны свой доклад «Съезду мира». Днем был Николаев и говорил с Л. Н. о праве.

Л. Н.: Право никогда не может быть нравственное. Право предполагает насилие. Есть один закон божий, а право ему поперека.

Николаев: Но вы признаете право на произведение труда?

Л. Н.: Вот куда вы метите! Если у вас есть две шубы, а Душан Петрович — голый, я возьму одну вашу шубу и отдам ему, и сделаю, что следует. Есть договор: ты не будешь на этом лугу корову пасти, а я не буду по этой дорожке скотину гонять.

За обедом Варвара Валерьяновна рассказала, почему перестала есть мясо: когда каждую курицу знаешь «в лицо», невозможно свою курятину есть. Вечером были братья Гольденвейзеры с дядей — киевским адвокатом, А. С. Гольденвейзером, автором статьи о «Воскресении» — кажется, разбор суда с юридической точки зрения, — которая Л. Н. понравилась¹. Умный и приятный. Разговор об индузе — убийце бывшего наместника Индии — лорда Керзона. Он убил его по политическим причинам. О нем статья в «Русских ведомостях» Шкловского (Дионею). Кто-то послал ее Л. Н., но он не прочел ее².

Л. Н.: Меня интересуют эти восточные народы (персы, индузы), как усваивают европейскую культуру. — И Л. Н. разговорился о политической газетке «Free Hindusthan», выходящей в Соединенных Штатах³, и о философско-религиозных журналах, получаемых из Индии. О Вивекананде*.

Шахматы с А. Б. Гольденвейзером, который потом играл на рояле. Гольденвейзер рассказал про Чайковского, что он не любил Шопена.

Л. Н.: Когда я вечером слышал «Marche funèbre», я еще мог понять мнение Чайковского о Шопене, но в этих вещах (которые Гольденвейзер сегодня играл), в полонезах, не могу понять Чайковского.

Разговор о Чайковском. Чайковский, говорил Гольденвейзер, за пять дней до смерти дирижировал своей симфонией, и она провалилась⁴. А после его смерти сделалась самой знаменитой. Умер молниеносной холерой. Потом о Рубинштейне.

Л. Н.: Николая я очень любил: замечательно простой.

— От чего он умер? — спросила Софья Андреевна.

— От почеч. Он пил, — ответил Гольденвейзер.

Л. Н.: Пьяниц я вообще люблю.

Софья Андреевна: И Илью Васильевича?

Л. Н.: Как же!

Илья Васильевич сегодня, после двухлетнего воздержания, выпивши. Ложась спать, Л. Н. мне:

— Ах, бедный Илья Васильевич! Что он, в Туле был? Он, верно, там начал. Ах, как хорошо было бы, если бы он бросил курение. Я уверен, что одно содействует другому: маленький дурман.

Разговор о Швеции. Софья Андреевна дала прочесть Л. Н. известие «Русских ведомостей» о забастовках рабочих в Швеции и высказала свои опасения перед поездкой по морю, которой она боится, и через Петер-

* Индийские, английские власти сравнительно недавно (четыре года тому назад) наказали плетью Вивекананду за политический проступок. Вивекананда — старик, индульский Толстой. Можно ли подумать, чтобы русское правительство так поступило с Л. Н.? Бутурлин того мнения, что правительство не трогает Л. Н. только потому, что он доживает последние годы и потому не стоит трогать его.

бург (где холера, которой еще больше боится). Гольденвейзер-адвокат там был и рассказывал, как просто жил прежний король. Он — Гольденвейзер — был как турист в его комнатах, в кабинете, когда он дома был. В Швеции есть крестьяне, закончившие университетское образование, например медицину, и возвратившиеся к земледелию. Это последнее Л. Н. заинтересовало.

4 августа. Приехала В. С. Толстая. Вечером — Гольденвейзер. Я уехал верхом по больным. Когда вернулся, узнал, что в 8.30 прибыл становой со своим помощником и со стражниками, на двух-трех экипажах, арестовали Гусева и увезли в Крапивну, чтобы отправить его этапным порядком в Чердынъ Пермской губернии на два года в ссылку. Сообщил это встретившийся мне Гольденвейзер.

Вернувшись в 10.10, застал Л. Н., читающего вслух «Единую заповедь» за круглым столом. Слушали: Мария Николаевна, Вера Сергеевна, Денисенки, М. А. Маклакова, Варвара Михайловна. Читал, как всегда, внятно, с убеждением, с жаром. Когда прочел, что всякого человека любить надо, Софья Андреевна возразила:

— Только не Столыпина и станowego.

Л. Н.: Как же, именно их-то.

Когда кончил, Л. Н. подождал. Было тихо. Никто ничего не спросил. Только когда встал и прошел через залу, подошел к нему Онисим 16-летний и спросил его о «личном боге».

Л. Н. вечером мне:

— Жалко, что вас не было. Мы с такой любовью провожали его. Мне особенно было приятно, с какой любовью провожали Николая Николаевича все: и гости, и дети.

Л. Н. вернулся к столу, где был разговор как раз о том.

Л. Н. заметил:

— Помощник пристава сказал, что делает по предписанию господина министра. Говорил это таким голосом, что очевидно было: министр — бог ему.

Мария Николаевна: Помощник пристава, которого я олевала. Я плюнула ему в спину и сказала: «С удовольствием плюну вам».

Л. Н.: Исправник — тот умный, он знает, а помощник — он начал говорить, а тот его перебил.

Варвара Валерьяновна: Когда уходили, никому в глаза не поглядели. Были смущены.

Л. Н. спросил, кто подписал акт о ссылке Николая Николаевича: Столыпин или Курлов? Если Курлов можно на Столыпина подействовать.

Л. Н., когда ложился спать, сказал мне:

— Я радуюсь, что у меня никакого личного чувства нет, что я потерял такого хорошего сотрудника. Просто жалко мне его как человека. Я думаю, судя по его высылке, по письмам, которые получаю, из Петербурга и со всех сторон — просят книг, — что религиозное движение усиливается, правительство это чувствует и потому высылает.

Л. Н. о Николае Николаевиче и о Лебрене (я заговорил про его письмо):

— Все мы идем по одному пути и все больше сближаемся.

Говорили о 12-летней Танечке Денисенко: она очень живая, восторженная, бойкая.

Л. Н.: Много опасностей ей предстоит, между иными и та, что будет сочинять.

Потом Л. Н. сказал:

— В иллюстрированном «Новом времени» я прочел стихотворение женщины (Веры Рудич). Стихотворение как стихотворение, только один эпитет нехороший. Прочтите, найдите какой.

Иван Васильевич прочел раз, никто не заметил, какой. Прочел на вызов Л. Н. еще раз две строки, в которых он заключался; опять никто не нашел. Тогда Л. Н. указал: «Гнется яблонь в золотых плодах» и сказал:

— Яблоки золотые никогда не бывают. Пишут это зачем? В деле искусства нужна близость к совершенству, а если этого нет, то не стоит писать!

Разговор о современных стихотворениях. Иван Васильевич недоумевал над французскими стихотворениями в «Il Futurismo» — журнале на трех языках (один номер прислали Л. Н.) и прочел вслух по-французски программу этого журнала. Всех занимало, удивляло и особенно Л. Н.:

— Это злое и скверное, — сказал Л. Н.

Заговорили о том, как Петербург заражает все города европейской, городской, светливой, пустой, модной, внешней жизнью.

Л. Н., ложась спать, мне:

— Софья Андреевна все в неврастеничном состоянии. Как будто едет в Стокгольм, но все говорит против поездки. Я предоставляю все судьбе. Я поездке не придаю особенного значения: в моем возрасте все равно.

5(?) августа. М. А. Шмидт рассказала мне: Л. Н. написал по поводу Гусева статью «Заявление об аресте Гусева»; он переделает всю. «Единственная моя задача заключается в двух вопросах, — сказал Л. Н.: — Во-первых, книги, которые он посылал, не революционные, и он посылал их по моей просьбе. Во-вторых, он жил такой хорошей, доброй жизнью, что только за это его взяли и сослали на два года. Вот что я хочу выразить в этой статье». Затем Л. Н. сказал: «Если бы только не было у нас трудности жизни, испытаний, то не было бы настоящей, истинной жизни. Это дано нам богом на благо». С Марией Александровной Л. Н. говорил о чем-то «между нами».

Варвара Михайловна мне говорила: «Гусева взяли за вписание в цензурный экземпляр какого-то сочинения Л. Н. нецензурных дополнений из экземпляра, изданного Чертковым. Ему было нужно эти два года не на свободе жить, а в тюрьме, а он пользовался свободой, у Л. Н. жил. Так что Столыпин все сделал, что мог». Варвара Михайловна передавала чьи-то слова.

6 августа. Уехали Денисенки. Здесь Мария Александровна. Приехал А. А. Стахович с известием, что съезда не будет. Вечером Д. Д. Оболенский. Рассказал впечатления о загранице: Далмации, Черногории.

Пропасть гуляющих дачников. Рабочие, крестьянская молодежь — «за книжечками».

Записано с чьих-то слов: когда Л. Н. выходит гулять и встречает крестьян (нынче праздник), спрашивает: «Куда идете?» — «Идем так, погулять, в лесок». А идут по орехи.

Л. Н.: Я жалею, что у меня нет искренних отношений с ними, что они не возьмут камень и не ударят меня в голову за то, что я по 20 лет держал столько земли, это их же... А я должен оберегать права других, это моя обязанность, и сознание их права, и не написанного права, а есть высшее право, о котором говорят французы: «Loi naturelle». Народ слова «право» никогда не употребляет. У них на языке его никогда нет.

Л. Н. (ложась спать, мне): Я думаю, — нескромно с моей стороны, — что в отложении конгресса играли роль не одни забастовки рабочих в Швеции, а и то, что я собирался приехать, и мое письмо к ним, и статья газеты (интервью Спиро в «Русском слове»). Побоялись приезда. «Как нам быть с ним?» (Толстым). Прогнать нельзя. И отложили конгресс.

Л. Н.-чу понравилась статья Шкловского (Дионео) в «Русских ведомостях» несколько дней тому назад об убийстве бывшего вице-короля Индии Керзона индусом (политическое убийство) и о разрушении англий-

ским правительством общины в Индии (ставит параллель разрушению общины у нас). И к какому беспримерному голоду, нужде привела эта мера народ в Индии. Л. Н. говорил об этой статье несколько раз. Еще привлекла внимание Л. Н. статья Кожевникова в «Русских ведомостях», в которой он передает содержание статьи доктора-немца в каком-то журнале «Für Ethik» о том, как просвещать, учить негров. Советует только в той мере, насколько это выгодно европейцам, советует розги. Кожевников же осуждает доктора, но у Кожевникова нет опоры, кроме науки. Сам он признает культурность японцев, потому что они побили русских¹.

Л. Н. с А. А. Стаховичем о «Вехах», об интеллигенции:

— Интеллигенция — это презренная клика, которой через несколько десятилетий и помину не будет.

Л. Н. (о русских интеллигентах): Они только повторяют то, что Европа сказала, сами своим умом не думают. Я получаю письма от интеллигенции: одни глупости пишут, а нынче получил два письма от мужиков — полны смысла.

Л. Н. (А. А. Стаховичу): Вся наука в том, как прожить хорошо в этой жизни, как отнестись к нищим, прислуге. А наука говорит о всем другом, только не о том.

А. А. Стахович возражал Л. Н.-чу:

— Вы сами интеллигент.

Л. Н.: Нет, я был офицером и орфографии не знаю. Я рад, что не интеллигент. Нет. (Вообще не хотел признать себя интеллигентом.)

А. А. Стахович спорил. Л. Н. разгорячился, встал и ушел, раз обошел около стола и опять вернулся и продолжал разговор.

— Зачем вы меня ругаете скверными словами? — сказал Л. Н. после.

Стахович продолжал говорить, что Л. Н. и его предки — интеллигенты.

Л. Н.: 50 лет тому назад и раньше были декабристы, которые стыдились, что они крепостники. Теперь же интеллигенты не сознают греховности своего положения. Теперь 99 из 100 интеллигентов произошли из народа и сидят на его шее, пишут «Вехи», изрекают слова, рассуждают.

А. А. Стахович: Заслуга их (писавших «Вехи») — указали на бога.

Л. Н. в этом не видит никакой заслуги: указали, что сморкаться в суп нельзя. Кто рассуждает, есть ли бог и что такое бог, у того нет бога.

А. А. Стахович про Булгакова, что он истинно верит. (Он пишет в православном духе².)

Л. Н.: Если я хочу православия, возьму катехизис, пойду к старцам. Если хочу болтовню, возьму газеты. Писателей «Вех» такие вопросы, которые существенны, не касаются.

Л. Н.: Орлов — это, по-моему, самый лучший художник России. Изображает крестьянскую жизнь. Теперь издают его альбом (альбом его картин). Разумеется, тем никто не интересуется.

Я сказал, что альбом не издается, что в прошлом году Сытин — по настоянию Черткова — взялся было его издавать, Л. Н. написал предисловие, но потом Сытин оттягивал, и кончилось тем, что отступился от издания.

Л. Н.: Интеллигенция...

Л. Н. спросил А. А. Стаховича:

— Каких людей больше на свете, умных или глупых?

А. А. Стахович: Разумеется, глупых.

Л. Н.: Тот, кто делает для выгоды, тот угождает глупым (Сытин своими изданиями, газетой).

Л. Н. давал А. А. Стаховичу, служащему у Сытина, поручения к Сытину насчет «Круга чтения», второго издания, который Сытин давно (с год-полтора) задерживает, не издает.

А. А. Стахович: Это чей «Круг чтения»? Ваш?

Л. Н.: Да.

А Л. Н. говорил Стаховичу, что он два месяца посвятил на переработку «Круга чтения» для нового издания и «На каждый день», которого появился Июнь и застрял.

— Я бы ему (Сытину), — говорил Л. Н. в досаде, — не дал печатать, а Чертков хотел. Если бы от меня зависело, я его к чертовой матери прогнал бы. Я с ним дела не буду иметь и с его скверной газетой!³

Характерно для современной интеллигенции русской, для передовых либеральных деятелей — не знают о выпуске «На каждый день», Июнь. Л. Н.-ч А. А. Стаховичу во время его прежних посещений о «Круге чтения» несколько раз долбил.

Л. Н.: «Vivre et laisser vivre» * мало кто исполняет.

Л. Н.: Не говорю, что надо делать добро другим, но по крайней мере оставить в покое.

А. А. Стахович хотел верхом поехать с Л. Н.-чем. Л. Н. просил, чтобы не ехал: утомит.

Л. Н.: Ругательное письмо. Ничего такого не было, а вдруг разделились на партии, как русские, негры, правые, левые...

Софья Андреевна приходит в нормальное состояние. Л. Н. написал о Гусеве.

Софья Андреевна (?): То, что Лев Николаевич написал о Гусеве, ни одна газета не напечатает. То, что он хочет читать в Стокгольме — (не прочтет), его оставят.

7 августа. Утром приехал Д. В. Никитин. М. А. Маклакова ездила к губернатору Кобеко хлопотать, чтобы Гусеву позволили ехать не по этапу, а по железной дороге прямо, на свои средства. Губернатор исполнил, но высказал радость, что от Гусева отделались. Мария Алексеевна рассказала очень подробно и живо их разговор, его механическое отношение.

Л. Н.: Главное, равнодушие. Раз дело официальное — официальное отношение.

— Неужели и мой брат-губернатор так относится? — сказала Мария Алексеевна.

Л. Н. вспомнил про Александра Александровича, как вчера раз десять повторял один и тот же анекдот, и заметил:

— La manière d'être trop enpuieux — c'est de tout dire **.

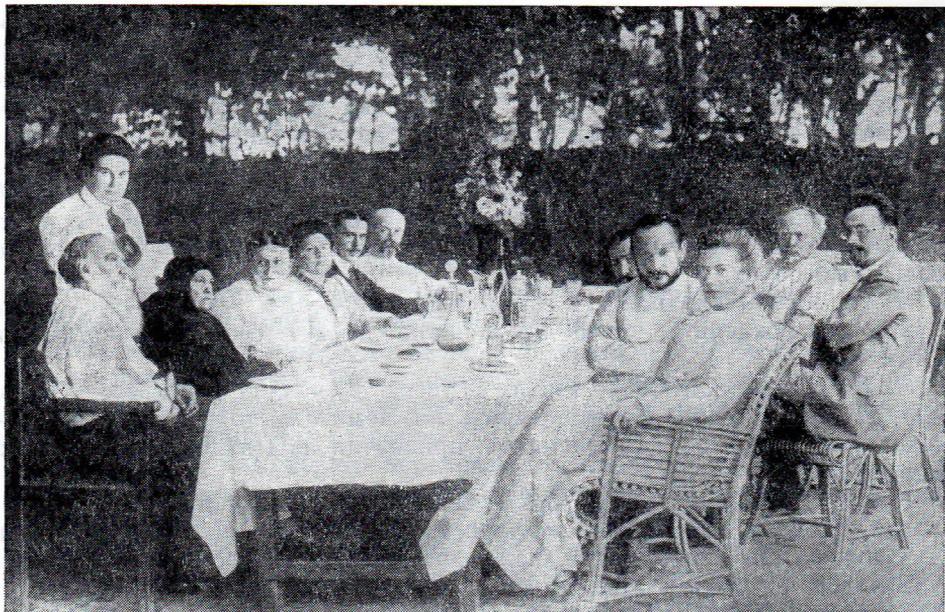
Мария Алексеевна, шутя, приняла это на себя: ее подробный пересказ переговоров с губернатором.

Вечером Л. Н. прочел вслух Мопассана «Одиночество» (11 августа «Круг чтения»). Слушали: Мария Николаевна, Софья Андреевна (не встала ни одного слова, не перебивала) и другие. Мария Николаевна, Варвара Валерьяновна во время чтения поддакивали: «Это правда». Л. Н. читал с большим трудом, как если бы имел стеснение в груди и спешил, но выразительно и с большой растроганностью и убеждением. Когда прочел «Нищие духом», заметил по-французски: «Pauvres d'esprit — глупцы». В середине чтения, после упоминания о Флобере, сказал:

— Это все не так сильно, как следующее, — и продолжал читать: — «Никто никого не понимает. Да, никто никого не понимает; что бы мы ни думали, что бы ни говорили, что бы ни делали, — никто никого не понимает».

* «Жить и давать жить другим» (франц.).

** Чтобы всем очень надоест, надо рассказывать всё подряд (франц.).

ТОЛСТОЙ В КРУГУ РОДНЫХ, БЛИЗКИХ И ЗНАКОМЫХ

Слева направо: Толстой, А. Л. Толстая, М. Н. Толстая, С. А. Толстая, В. М. Феокритова, Д. А. Кузминский, Маковицкий, И. И. Горбунов-Посадов, С. Н. Семенов, А. В. Цингер, В. А. Махлаков, Т. Л. Сухотина

Ясная Поляна, 28 августа 1909 г.

Фотография Ф. Т. Протасевича

«Л. Н. исполнился 81 год... Приехали и пришли еще гости... Настроение было тихое и радостное. Никто не шумел, не спорил». — Запись от 28 августа 1909 г.

Мария Николаевна: Действительно, никто никого не понимает.

Когда читал: «Женщины в особенности заставляют меня сильнее чувствовать мое одиночество». И «О горе, горе! Как я страдал от них!» — голос Л. Н. звучал страдальчески, как бы выражая свою мысль. «Они чаще мужчин вызывали во мне ложную надежду на то, что я не одинок».

Когда кончил, стало тихо. Никто не проронил ни слова. Л. Н., после минутного молчания:

— Молодчина!

Потом Л. Н. встал и, отойдя от стола, сказал мне:

— Мне это особенно дорого потому, что он говорит, каким способом.....* — для меня это основная мысль: мы все, одно и то же начало, разделены, и наше дело (дело нашей жизни) — соединиться в божьей помощи (сближаться в божьей помощи).

Потом Л. Н. еще хвалил художника Мопассана:

— Как это написано, сколько раз все с новым интересом читаю.

Возник вопрос, откуда заглавие произведения «Одиночество»? Из «*Bel ami*» или есть отдельный рассказ «*Solitude*». Я утверждал, что такой есть. Л. Н. просил достать «*Solitude*».

За чаем Дмитрий Васильевич рассказал возмутительный случай, как учитель, заведомо неповинный в покушении с бомбой, был приговорен к смерти военным судом (желал этого Гершельман). Председатель суда был «за», а заседатели-офицеры — против смертного приговора. Председатель склонил их подписать смертный приговор тем аргументом, что

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

тут есть достаточно поводов для кассации приговора. Гершельман приговор утвердил, и учитель был казнен. Один из заседателей-офицеров, считая себя виновником его смерти, застрелился. И еще говорили про другие ужасы Гершельмана. Мария Николаевна же рассказала, что Гершельман позапрошлым летом гостил у ее внучки Саши (А. Л. Долинино-Иванской) и что она про него говорила, что он добрый человек.

Я заметил о бомбах, что читал в газетах: теперь изобретен способ взрывать электричеством без проволоки. Дмитрий Васильевич сказал, что изобретено бесшумное стреляние из ружей: до сих пор был только бездымный порох.

Л. Н.: Все к «лучшему»! Как Блерио перелетел через Па-де-Кале, первые рассуждения: какое применение найдет себе аэронавтика в войне.

Л. Н. сегодня писал о взятии Гусева и доклад Конгрессу мира. У Л. Н. были: М. Г. Битоев, черкес из Кема (место ссылки), возвращающийся домой, и Г. С. Олеников, приказчик из Пятигорска. Задавали вопросы о вере.

Как вчера, так и сегодня, без Гусева справлялись с почтой и с перепиской Варвара Михайловна и Александра Львовна. Л. Н. ездил один. Мне, пожелавшему провожать, сказал, что поедет по шоссе. Поехал в лес.

Вечером шахматы с Гольденвейзером.

8 августа. Мы с Дмитрием Васильевичем сходили к Марии Александровне, к Горбуновым в Овсянниково. Мария Александровна рассказывала Дмитрию Васильевичу, что в последнее время написал Л. Н.: «О праве», «О науке», «Единую заповедь», об аресте Гусева, доклад Конгрессу мира. Рассказала, что пришла к Л. Н. и спросила его: «Что вы пишете?» — «Ах, Мария Александровна! Брошу писание, пора все это бросить. Довольно помарал. Жить нужно, смиряться, нести крест свой, терпеть».

Когда Л. Н. прочел письмо священника, сочувственное, полученное месяц тому назад, увидел подпись священника, — поплакал, так был тронут¹. Марии Александровне говорила Александра Львовна, что на место Николая Николаевича никто не придет, справятся она, Варвара Михайловна и Душан Петрович: к новым людям трудно отцу привыкать.

Л. Н. живет один (стал больше один бывать) в заключении (в своем кабинете) — это по наблюдению Марии Александровны. Я — Душан Петрович — этого не замечаю.

Мария Александровна еще говорила, что ей Л. Н. сказал что-то по секрету*.

Вечером были в Ясной: Горбуновы, Е. Е. Короткова, Алексеева, Гольденвейзер. Л. Н. прочел вслух свою статью о высылке Гусева.

После, когда я был один с Л. Н., сказал ему замечания о трех местах в его статье, которые следовало бы изменить.

Л. Н.: Как вы чутки! — А ложась, сказал мне: — Как приятно, что вы заметили те самые мысли, в которых я сам сомневался. Единство взглядов.

Л. Н. играл в шахматы с Гольденвейзером. Потом Гольденвейзер на фортепиано. Л. Н. рано ушел к себе. Был возбужден и утомлен. В 11 вышел и спросил корректуру мыслей Лао-тзе, принесенную Иваном Ивановичем. Иван Иванович спросил в Овсянниково, может ли Л. Н. прочесть и выбрать мысли, чтобы напечатать в «Посреднике» маленькой книжкой в пол-листа. Л. Н. через 20 минут вышел и принес. Выбрал всего 33 мысли.

— Мало, — сказал Л. Н. — Всего тридцать три мысли.

* О том, что хочет уйти из дому? Моя догадка.

Иван Иванович: Труднопонимаемые.

Л. Н.: Надо строгое желание, чтобы их оценить. Мистические. Плохо выражены*, плохо переведены, к тому же — перевод с перевода².

Л. Н., узнав от Софьи Андреевны, что я вскоре собираюсь посетить отца, сочувственно, радостно отнесся к этому. Спросил о его здоровье и как память.

— Не так хороша, как у вас.

Л. Н.: У меня память плоха.

— Что вам нужно, то помните.

Л. Н.: Вот странно, как это на старости лет уничтожается интерес к прошлому и к будущему. Живешь настоящим.

Потом спросил, нужен ли паспорт за границей. Я ответил, что и нужен, и нет. В Венгрии бедно одетому или безработному нужен, богатому — нет. Потом поручил узнать, если поеду за границу, как переправляют через границу без паспорта.

— Узнайте, как можно переправиться через границу, хочется уединения, удалиться от суеты мирской, как буддийские старики делают. Вам одному говорю.

9 августа. Гусев телеграфировал из Крапивны, что сегодня будет в Ясной Поляне. Вследствие этого ни Л. Н., ни кто другой не удалился из дома и парка. В 6 часов приехал Николай Николаевич в сопровождении ясенского урядника Н. И. Сидорова и стражника. Урядник заявил, что говорить могут с Николаем Николаевичем только Александра Львовна, Мария Александровна и я (которым выхлопотала свидание Мария Алексеевна у губернатора), по четверти часа, и провел его в бывшую библиотеку. Наверх ему не разрешено взойти. Было смятение, тревога, взволнованность, спешка. Софья Андреевна негодовала, что в своем доме не может войти в комнату, где Гусев. Мария Николаевна, также и Софья Андреевна, понукали Л. Н. войти проститься с Гусевым, что ему, Николаю Николаевичу, будет дорого. Л. Н. не согласился и не вошел. После сказал, что он просто не хотел участвовать в этой комедии.

Л. Н. рассказал про полученное письмо от «Concert Direction Jules Sachs» (Берлин). Зовут его произнести в Берлине речь, которую должен был говорить на несостоявшемся Конгрессе мира в Стокгольме. Предлагают за одно выступление 5 000, за десять в нескольких городах — 50 000 франков вперед и путевые расходы¹.

Л. Н. получил сегодня следующее письмо, поданное на почту — по штемпелю, в Урюпинской, Донской области 6 августа:

«Милостивый государь Лев Николаевич! К глубокому нашему сожалению, ходят слухи, что вы, проездом по Балашово-Харьковской железной дороге выдали жандармерии ехавших с вами в одном вагоне троих пассажиров, которые были арестованы, и им теперь грозит смертная казнь. Мы просим вас опровергнуть или же подтвердить этот слух корреспонденцией в газете «Современное слово»».

Л. Н. на конверте написал: «Выдал и получил за это вознаграждение 500 рублей»².

Дмитрий Васильевич говорил про Свенцицкого, автора книги «Второе распятие Христа»³, речи которого на религиозную тему он слышал; что сам он не верит.

Л. Н.: Ужасно: религия — тема для сочинений, — добавил задумчиво.

Л. Н. рассказал про письмо студента, спрашивающего, кому верить: Геккелю, Дарвину или христианству, православию⁴. Л. Н. разговорился об этом и между прочим сказал:

* И Евангелие плохо написано.

— Разница между Геккелем, Дарвином, с одной стороны, и Кантом, Буддой, с другой — как между последней хибаркой и Зимним дворцом. И это еще недостаточное сравнение. Будда, Христос говорили истину, которая одна и та же 6 000 лет тому назад и теперь. Она только уясняется в большей и большей мере. А что ученые говорили 1 000 лет тому назад, того и не знаем. А что нынешние ученые говорят, через сто лет не будут знать.

Дмитрий Васильевич еще говорил о Свенцицком и о «Вехах». Разговор о них. Л. Н., между прочим, заметил:

— Алексей Степанович Хомяков не был религиозным. Славянофильство — мысль политическая, национальная (народная), а никак не религиозная в его основе. Православие значительно для славянофилов, потому что большинство славян его исповедует.

Был Джонс — профессор Томского технологического института. Л. Н. читал вслух статью о Гусеве с изменениями. Потом передал ее М. А. Маклаковой свезти в «Русские ведомости» и просил, чтобы напечатали ее полностью и сообщили об этом ему телеграммой. Мария Алексеевна предложила еще «Речь», что она все напечатает. Л. Н. дал ей второй экземпляр для «Речи»⁵. Гольденвейзер поддержал «Речь». Я после сказал Марии Алексеевне наедине, что «Речь» недавно нападала на Л. Н. Сегодня же узнал, что «Современное слово» — отпрыск «Речи» — сообщает клевету о Л. Н.: будто бы он выдал трех революционеров жандармам и их впоследствии казнили.

— Разумеется, выдал и получил за это 500 рублей, хочется мне написать в газету, — сказал Л. Н., когда услышал об этом, а еще раньше сказал: — Мне это приятно: есть ряд клевет на меня, с одной стороны революционной, с другой — церковной.

Л. Н. сказал сегодня, что главная цель его статьи — подействовать на отмену ссылки Гусева.

Л. Н. продиктовал мне ответ на приглашение «Concert Direction Jules Sachs» (Берлин) прочесть доклад, который Л. Н. хотел прочесть на несостоявшемся XVIII Конгрессе мира в Стокгольме:

«Так как конгресс отложен, а я приготовил доклад, который хотел сделать бы известным, я рад воспользоваться вашим приглашением, хотя приехать не сам, а попросить одного из моих друзей и единомышленников прочесть его в вашем собрании».

10 августа. Утром был у Л. Н.-ча В. И. Засосов из деревни Павлюково, Клинского уезда Московской губернии, о котором Сергеенко писал Л. Н.-чу. Высокий, тонкий, 25-летний крестьянин, письмом отказавшийся явиться на призыв. В письме усмотрели оскорбление властей, и суд присяжных приговорил его к трехнедельному аресту, который он отсидел. Болен чахоткой*. Побывал в Канаде, вблизи духоборов, работал там у англичан и в Японии. Там научился обрабатывать землю без помощи животных. Л. Н.-чу был очень интересен, мил. Вечером прочел его письмо, которым отказался от военной службы: в нем доводы наполовину взяты из сочинений Л. Н. Еще читал вслух «Воспоминания» Черткова¹.

Л. Н. был сегодня слаб, сонлив. Почти ничего не ел. Спал до 10 утра, потом с 2 до 4, с 4.30 до 8, и лег в 11. С Гольденвейзером в шахматы. Приехал С. М. Сухотин, лозаннский студент. Разговор о статье-письме Л. Н. к Абрамову «О науке». Л. Н., лежа на кушетке, говорил, что нынче понял всю глубину этой мысли. Есть такие мысли, которые знаешь на 1, на 3, на 5 баллов. Ясно, что наша наука — пустыня. Ведь это истина, а не парадокс, что люди науки, нашего сословия, знают пропасть вещей, а не знают, как прожить свою жизнь перед совестью, перед

* Через год умер.

богом. Человек, который кормится, не будет думать пустяки. Потому письма крестьян такие умные в сравнении с письмами, получаемыми от интеллигентов.

Л. Н. спрашивал, как преподают философию. Л. Н. сказал, что хочет, когда придет Струве, прочесть вслух свою статью «О науке».

— Как жалко, что у нас продолжают изучать науки, которые не имеют никакого значения в жизни. Когда думаешь о нынешних мыслителях, — не будут вспоминать Хомякова, Писарева, а Сквороду будут вспоминать через тысячу лет.

11 августа. Л. Н. слаб. Утром гулял и сказал мне, что желал бы, чтобы к нему вчерашний молодой человек (Засосов) не заходил.

Стал читать Канта «Религия в пределах чистого разума» в русском переводе. Делал отметки (кажется, экземпляр С. М. Сухотина, который вчера и сегодня здесь).

Вечером Л. Н. читал вслух «Воспоминания» В. Г. Черткова, написанные им в Крекшине, о его дежурствах офицером в военном госпитале. Классические. Все мы были глубоко тронуты, захвачены и поражены серьезностью содержания и художественностью подачи. Чертков оказался удивительно талантливым писателем. А как читал Л. Н.! Впечатление сильнейшее. Особенно видно было на присутствовавших С. М. Сухотине и Засосове, с которыми Л. Н. опять было поговорил в моей комнате, а потом позвал его в залу.

Вечером были Гольденвейзер, Николаева. Уехал Засосов. Очень милый, серьезный, просвещенный, достойно себя ведущий, бесстрашный молодой человек.

Массируя ногу Л. Н., я сообщил ему, что мне пишут Иосиф Грегор и Мичатек про назаренов: пятеро сидят шесть-восемь лет. Л. Н. был радостно тронут известием о их молчаливом терпении¹. Спросил о Грегоре и пожелал почитать его рассказы.

Стало поступать очень много писем, в которых просят книг. И прохожие стали просить — и меня поражает: большинство (серьезно хотящих книг из прохожих и странников) прямо просит Евангелие.

12 августа. Приехал П. Б. Струве с А. А. Стаховичем. Л. Н., выйдя к завтраку на террасу в 1 ч. 30, спросил Струве, откуда приехал.

Струве: С реки Шексны, Новгородской губернии — административно. Фактически — также Ярославской, Белозерского уезда. Там много озер и много монастырей.

Л. Н.: Есть старцы?

Струве не знал. Стал говорить, какие монастыри там есть. В мужских — запустелость, работой земледельческой не занимаются. Поименовал некоторые славящиеся монастыри и назвал старца, пользующегося славой.

Л. Н.: Я думаю, что этот приют (монастырь) очень полезен и нужен.

Струве согласился: особенно женские монастыри. Рассказал про казанскую кустарную выставку, там выдающиеся отделы Пермский и Вологодский. В Казани же выставка картин Поленова из жизни Христа. Поленов работал над этими картинами 20 лет.

Во время разговора перебивали и заглашали его. Перебивание и трескотня Софьи Андреевны, одновременно говор и перебивание А. А. Стаховича, и тяжелые нищие, и прохожие, отрывающие Л. Н. (Я было начал откупать Л. Н. от просителей, но боюсь продолжать: будут еще в большей мере ходить.) Софья Андреевна параллельно говорила, как она озлоблена на правительство за высылку Гусева. А. А. Стахович стал ругать правителей, что ссылают людей, и, обращаясь к Л. Н., сказал:

— Что же, Гусев в Пермской не будет опасен, а в Тульской да?

Л. Н. остановил его:

— Господь бог с ними!

Мария Николаевна: И у правительства не все злые люди.

Л. Н. о множестве книг, которые печатаются: человек может прочесть множество книг и ни одной дельной. Потом разговорились об интеллигенции.

Л. Н.: Тут, в том самом, в чем вы, я — plus royaliste que le roi*. Мое отношение к «Вехам», что это слишком поверхностно: тут есть более глубокие причины. О том поговорим, когда вернусь с прогулки. Ах, это количество книг, это не шутка. Я каждый день получаю письма: «Что читать?» Бесконечное количество книг. Задача состоит в том, чтобы определить, что самое нужное, что прежде, что после.

Пришел Николаев. Заговорил о праве и сказал Л. Н.-чу:

— Вы сами, возражая правоведам, употребляете слово «право».

Л. Н.: Слово «право» употребляется, чтобы оправдать насилие.

Л. Н. отходил часто к просителям и от шума: Софья Андреевна с А. А. Стаховичем. Когда совсем ушел, чтобы поехать с Александрой Львовной верхом, Струве с Николаевым разговорились о журналах, почему они так потеряли значение и опошлелись. Струве говорил, что раньше в журналах можно было между строками сказать то, чего в газетах нельзя было, а теперь можно в самих газетах. Л. Н. сколько раз говорил, что будет писать только для народа, а все продолжает писать для интеллигенции.

Сегодня был босяк-фельдшер, принес стихи. Л. Н. прочел, нашел хорошими, написал записку Ивану Ивановичу, чтобы дали ему работу¹.

Струве, А. А. Стахович, Софья Александровна. При начале разговора о «Вехах» Л. Н. сказал Струве, что слово — важное дело, что надо всё сказать, не половину.

За обедом Л. Н. прочел вслух письмо о том, что в церковной газете напечатано обвинение Л. Н. в богохульстве по параграфу (статье закона) в «Учении Христа для детей»². Цитата — в чем состоит богохульство: в том, что, по учению Христа, люди жили бы в любви. Кажется обвинитель — тамбовский епископ Иннокентий³.

Пришел Гольденвейзер. Л. Н. сказал, что считает нужным повторить ему то, что говорил о его игре перед другими, и думает, что это ему может быть на пользу**⁴.

— Я очень рад был бы быть равнодушным к музыке, но никак не могу: она всегда меня переворачивает, — сказал Л. Н.

Несколько дней очень жарких, июльских. Косят и возят рожь. Л. Н. ездил с Александрой Львовной в лес верхом.

Л. Н.: Я всегда чувствую, когда ежду по лесу, чувство самое христианское: желаю другим наслаждаться природой и жалею, что мы одни наслаждаемся этим: чаща, тишина. Сегодня попал на дорожку, по которой никогда не ездил.

Речь зашла о Герцене. Струве спросил про Огарева.

Л. Н.: Огарев малоинтересен. Герцен мне напоминает Шопенгауэра: по силе ума, по его способности высказывать общечеловеческие религиозные истины. Герцен, часто вопреки философско-политическим своим взглядам, «высказывает» такие религиозные истины, которые имеют общечеловеческое значение. Шопенгауэр был атеист; все-таки у него было больше положений о неизбежности религии, чем у Филарета.

С 8.30 до 10 Л. Н. читал вслух письмо крестьянина Абрамова об образовании и свой ответ ему — статью «О науке». Слушали: Софья Анд-

* более роялист, чем король (*франц.*).

** Наверное, говорил ему, что чувствуется искусственность, выученность, не непосредственная простота.

**ТОЛСТОЙ В МУЗЫКАЛЬНОМ МАГАЗИНЕ Ю. Г. ЦИММЕРМАНА ЗА ПРОСЛУШИВАНИЕМ
АППАРАТА «МИНЬОН»**

Слева направо сидят: В. Г. Чертков, А. Б. Гольденвейзер, Толстой, А. Л. Толстая и И. И. Горбунов-Посадов; стоят: родственники управляющего магазином, служащие магазина и В. В. Чертков.

Москва, 4 сентября, 1909 г.

Фотография Т. Тапселя

«Л. Н. встал рано, прошелся по саду и проехался на трамвае и на конке... Потом был... у Циммермана, слушал «Вельте миньон пиано». — Запись от 4 сентября 1909 г.

реевна, Мария Николаевна, С. А. Стахович, ее брат Александр, Струве, Горбунов, Гольденвейзер, П. Н. Ге, Варвара Михайловна.

Струве возражал Л. Н. в том, что образование дает барскую обеспеченность: в Америке труд учителя и работника и в Германии труд приват-доцента одинаково оплачиваются. И спросил Л. Н.-ча:

— А вы считаете нужной науку, которая продлевает жизнь человека?

Л. Н.: По-вашему, можно, чтобы спасти сто человек, убить одного? Понятие нравственности не может обуславливаться поступками предполагаемой пользы, а внутренним требованием совести. Цель поступков религиозного человека есть удовлетворение всего того, что от него требует божий закон. Есть суеверие научное: в будущем, при лучшем устройстве, достигнется благо народа, как есть суеверие церковное, что на том свете получите вознаграждение. В какой мере каждый будет совершенствоваться, в такой мере устройство общественное будет лучше. Ваша задача — деятельность; каким внешним путем установите внешнее благоустройство людей, и какое: социалистическое, анархическое? А я говорю о том, что все происходит в мысли, чтобы человек слушался внутреннего закона, совести, бога.

Струве с Л. Н. о пользе косилок, химического удобрения. Л. Н. говорил, что китайское земледелие выше нашего, а достигнуто «без науки», и что нынешней науки при простой, безнасильственной жизни не будет: она основывается на праздности класса. Какая будет наука —

неизвестно, но этой не будет. Если люди будут работать земледельчески, их знания будут другие, чем людей праздных поколений, подобно тому, как знания людей, живущих в природе, другие, чем людей, заключенных в доме.

— Какие будут — не знаю, а будут лучше для людей, чем нынешние.

Л. Н. (Петру Бернгардовичу о «Вехах»): Надо признать одно из двух: или верить в церковное учение, или признать христианским то, что общее во всех религиях.

Л. Н.: Я понимаю православие сестры, а православие Соловьева, Булгакова — совсем не понимаю. У ней (Марии Николаевны) есть то отношение к богу, которое — основа всего, т. е. преданность, послушание ему. А если человек в том усомнится, тогда выйдет каша, как у Соловьева.

Л. Н.: Я вижу какое-то поверхностное отношение. Не хочется все высказывать. Это не религиозность, а ужасная самоуверенность. «Нам не нужно это христианство». Но тогда надо более точную точку, с которой осуждают интеллигенцию.

Л. Н.: Я говорю не о последствиях (Струве говорил, что в будущем достигнется благоустройство), а истинное знание, как мне исполнить волю Того, кто меня послал.

Л. Н. получил сегодня ругательное письмо от Великанова. Возвратил и написал ему⁵.

Л. Н. (о Великанове): Это есть такие люди, которые умеют бойко и ядовито писать и хотят эту способность использовать. Когда меня ругают, я радуюсь, так как вижу, что не живу в боге, когда ловлю себя на том, что сержусь.

Л. Н. сказал Струве, прощаясь, что будет всегда рад иметь с ним общение. Кажется, поцеловал его. Струве — конфузливый, внимательно, хорошо слушает, не спорит, а ищет разъяснения, правды, а не своей правоты.

Л. Н.-чу он, очевидно, понравился.

Л. Н.: Нынче сочувственные письма по поводу высылки Гусева. Димочка еще не вернулся. Его выплют непременно. Какая удивительная реакция пошла! Сегодня — не читали в газетах? — пять смертных казней совершено.

13 августа. Утром, перед отъездом, И. И. Горбунов отдал *Л. Н.* корректуры статьи в детский журнал «Маяк» к 81-летию *Л. Н.*-ча. *Л. Н.* полудни поехал к нему верхом и сvez корректуру.

Мне сказал, что отсочвет ему это печатать: во-первых, что оно о нем, хвалебное; во-вторых, что там между книгами, которые имели на него влияние и которые он рекомендует, нет Руссо, Канта, Лихтенберга и т. д. Уж если писать, то полнее. А за обедом *Л. Н.* рассказал, что Горбунов написал статью о его суждениях о писателях:

— Рядом с Паскалем, Ламенэ — такими серьезными мыслителями — вдруг случайные: Поленц, Семенов, что никакого понятия не дает. Надо это серьезно обдумать и дополнить. Я уверен, что он где-нибудь найдет отзывы о Руссо.

Л. Н. еще говорил про корректуры «Маяка», что желал бы, чтобы его портрета не печатать. Приветственные письма — это нехорошо, пропустить, т. е. Иван Иванович печатает из писем, полученных к юбилею, несколько детских приветствий¹.

Разговор о том, что с купальни таскают доски, ободрали мостик. А самую купальню уже и не строили из досок, а поставили из плетня.

«Из холста тоже нельзя, а то давно бы ее ободрали» — браня мужиков, говорила Софья Андреевна.

Л. Н. сказал, что это не непонятно: мы их кругом ободрали.

Л. Н. поблагодарил С. А. Стахович за электрический карандаш. Два раза употреблял его.

Мария Николаевна рассказала, что ночью просыпается. Софья Александровна про бессонницу ее отца. Л. Н. сказал, что он просыпается ночью через два-три часа.

— Тогда думаешь, о чем я думал, и потом, чтобы не думать, о чем думал. И, когда думаешь, чтобы не думать, о чем думаешь, — на том засыпашешь.

Чудный, теплый вечер. До девяти на террасе. Шахматы с Гольденвейзером. С девяти Гольденвейзер играл Шумана и Шопена. Длинный разговор о музыке Л. Н. с Гольденвейзером.

Л. Н. рассказал про полученную сегодня переработку Гальпериным-Каминским и Ripset рассказа «Зерно с куриное яйцо» для сцены: «Le grain merveilleux». Гальперин-Каминский пишет, что, по отзывам газет, эта вещь имела огромный успех на народной сцене в провинции французской². Разговорились про театры. Больше всего Софья Александровна. Задавала ряд вопросов о театре Л. Н.-чу.

Л. Н.: Я никогда не любил театра, никогда он меня не трогал.

Софья Александровна: А смешное — это трогало?

Л. Н.: Да, Хлестаков. Когда я вижу актера, что он притворяется (старается рассмешить) — кончено. Островского вещи видал на сцене, но они меня не трогали нисколько, а его вещи хороши: «Бедность не порок» и др.

Тут Л. Н. процитировал что-то из пьесы «Бедность не порок». Повторил:

— Я все-таки говорю, что на сцене такого сильного впечатления они на меня не производили, как при чтении.

Софья Александровна вспомнила Дузе. Через 12 лет она вернулась в Россию, состарилась, испортилась: Аннунцио, который ее опозорил, внушил ей некоторые внешние приемы, как держаться на сцене.

— Как время беспощадно по отношению к женщинам, — сказала Софья Александровна, — я говорю о привлекательности: мужчины совершенствуются со временем, старики выигрывают, женщины теряют.

Л. Н.: Доля правды есть.

Софья Александровна продолжала говорить на эту тему.

Мария Николаевна: Сергей Николаевич удивительно красив был.

Л. Н.: Да. (К Софье Александровне):

— Вы знали моего брата?

Софья Александровна ответила, где его увидала и приняла за Л. Н.:

— Он был на вас похож.

Мария Николаевна рассказала, что Сергей Николаевич был так красив, что, когда Анночка Долинино-Иванская увидала его, она сделала ему реверанс.

— Николенька был дурен, — заметила она: — У него глаза были добрые необыкновенно. Застенчивый, неловкий был.

Софья Андреевна: Он бочком держался, шепелявил.

Мария Николаевна: Не шепелявил, но говорил он самые простые вещи с юмором. Он уморительно рассказывал, серьезно. Мы хохотали. Он такой чистый был.

Мария Николаевна рассказала анекдот про него.

Этот дар юмора, как у Николая Николаевича, есть и у Марии Николаевны (очень хорошо подмигивает, рассказывает с юмором смешное), и у Л. Н.

Л. Н. в это время, устремив глаза на пламя свечи, имел вид, как если бы его мысли были где-то далеко.

Вывела его из задумчивости Софья Александровна словами: «А я бы желала, чтобы вы увидели когда-нибудь что-нибудь хорошее на сцене».

Софья Андреевна: Лев Николаевич недавно (лет пять — десять тому назад) видел в Художественном театре «Дядю Ваню». Играли Кшиппер, Андреева³.

Л. Н. (про «Дядю Ваню»): Это бог знает что!

На вопросы Софьи Александровны Л. Н. отвечал:

— Мольера люблю, «Горе от ума» люблю.

Сегодня два раза, когда осуждали кого-то, Л. Н. вставил:

— Ну что же делать, простить надо.

Я рекомендовал Л. Н. ответить португальцу, 21 года, на его письмо. Л. Н. не нашел, что стоит отвечать, и отменил. И вспомнил из романских почитателей: Мороте⁴, Арлотта и 16-летнего португальского мальчика. Засосов говорил, что в альманахе Сергеенко ему больше всего понравилась статья Мороте.

Л. Н.: Альманах Сергеенко я не читал: хвалебный. У Паскаля, помните, был пояс; когда хвалили его, он локтем ударял по нем⁵. Ничто так не отвлекает человека от его долга, как хвала людская, мнение людей о нем и старание удовлетворить людей, а надо не озиаться на мнение людей, а жить для одного бога. Хвала мне неприятна, а ругань приятна. Если я в слабом состоянии духа, то меня ругательное письмо огорчает; если в хорошем, то радует. Оно мне полезно, тянет к богу.

Л. Н.: Струве говорил мне, что у Эртеля, в его письмах к Черткову, есть возражения мне. Вы их читали?⁶

Я: Нет.

Л. Н. (продолжая): Эртель был нерелигиозен, и Струве пишет о религии, а сам ни то, ни се. С таким человеком говорить, как на чужих языках. Не понимаешь друг друга. А с религиозным — будь последователь Беха Уллы, татарин, будь человек чужого народа, будь он необразованный, — а он сразу близок, есть общее, с ним легко, приятно общение.

Л. Н. просил:

— Найдите мне письма Эртеля к Черткову.

Л. Н. отказался от дальнейшего массирования ноги, потому что ему совестно из-за себя задерживать меня до глубокой ночи: 11. 40—12 часов. Я было просил не делать этого, но Л. Н. пока настоял. Буду стараться утром массировать и при этом не разговаривать.

Л. Н. сегодня возвратил Великанову ругательное письмо и написал ему. Письма эти его волнуют и делают ему больно за Великанова.

После обеда Александра Львовна с Варварой Михайловной и П. Н. Ге бошли на конюшню. Л. Н. с крыльца пошутил, вспомнив в двух словах, что рассказала на днях М. А. Маклакова. Раз пришла Александра Львовна в залу в валенках, полушубке, за поясом рукавицы, в шапке с выбивающимися из-под нее волосами в инее, и решительными, тяжелыми шагами подошла к Софье Андреевне, сосредоточенно что-то вышивавшей у маленького круглого стола. Софья Андреевна сразу обернулась и, увидя ее такой, испугавшись от неожиданности, вскрикнула: «Я думала, что родила дочь, а родила кучера!». И Л. Н. прибавил, что был у них немец-учитель. Про него сказал кто-то, что он точно кучер. Он на это сказал: «И кучера хорошие суть».

На днях за чаем раздался грохот. Гостья — С. А. Стахович — испуганно переглянулась с Л. Н. и Прасковьей Николаевной. Прасковья Николаевна ее успокоила: «Это ничего, это Саша сапоги снимает».

14 августа. Парит. Л. Н. до часу сидел в одной нижней рубашке в аллее, читал почту. В час принес ее на террасу и отдал с поручениями Александре Львовне.

Л. Н. прочел из «Русских ведомостей» вслух телеграмму: «Как сообщают, в Петербург вызывается тульский губернатор Кобеко; приезд Кобеко ставится в связь с арестом секретаря Л. Н. Толстого — Н. Н. Гусева»¹.

Присутствующие стали высказывать мысли по этому поводу. Л. Н. спросил, кто заведует теперь Министерством внутренних дел, т. к. он сомневается, чтобы это распоряжение исходило от Столыпина.

С. А. Стахович: Курлов. От него всего можно ждать. Столыпин в отпуске.

Софья Андреевна осуждала Кобеко.

Л. Н.: Простить надо. — И шутя добавил: — «И губернаторы хорошие суть».

Л. Н. был изумлен статьей в «Русских ведомостях» о самоубийствах детей в России². На первом месте процент детей среди самоубийц. Я рассказал Л. Н. про самоубийства Петенкофера, Гумпловича с женой и то, что в Японии процент самоубийств в десять раз выше процента в любом европейском государстве. Л. Н. изумлялся и убийству Герценштейна. Процесс. 25-е заседание сейчас происходит.

Обедали (вчера и сегодня, и пока только два раза за это лето, т. к. раньше не было жарких дней) «на крокете»^{*} под вязами. После обеда Л. Н. в 6.50 стал читать вслух первые две главы «Обида непонимания» и «Своеобразность гоголевского дара» из присланной ему месяц тому назад автором книги: Ив. Щеглов «Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе». Книгоиздательство «Мир». СПб., 1909. С двумя рисунками Репина. Потом при свече на террасе продолжалось чтение до 9.30. Чередовались в чтении С. А. Стахович и Л. Н. Прочли до 89-й страницы. Очень мало пропустили, почти все было очень интересно. Смотрели картинку Репина: «Гоголь с отцом Матвеем» и «Гоголь сжигает вторую часть «Мертвых душ»». К последней заметил Гольденвейзер, что в этой комнате, где сжег в камине вторую часть «Мертвых душ» и где умер Гоголь (на стене там памятная доска) живет теперь лакей А. М. Каткова. Дом принадлежит Щербатовым, а Катков женат на Щербатовой. Богатые люди, и такое неучливое отношение к памяти Гоголя. Л. Н. не ответил на это замечание, ничего не сказал. Вся первая глава о том, как пришлось терпеть Гоголю от непонимания. Л. Н. очень сочувствовал и тихо радовался за него. В первой главе («Обида непонимания») — как не понимали, осуждали Гоголя современники. «Знаменитый критик Белинский» в последнем случае («Переписка с друзьями») тоже не понял Гоголя. И мало того, что не понял, но даже не постыдился включить в свое гневное послание к больному и нищенствующему писателю язвительный намек, будто он пользуется своим болезненным положением, чтоб «устроить себе через земных богов сладкое существование».

Л. Н.: Как же нищенствующего?

Когда кончили две главы, Л. Н. сказал:

— Да, сложны пути господни.

Спросили его, как, что думает?

Л. Н.: Для меня филиация мыслей такая: нынче в «Русских ведомостях» статья о самоубийствах детей. Нигде столько детских (до семнадцатилетнего возраста) самоубийств, как в России. Все религиозное осмеивается с отвращением. Вот причина этому. Эта причина кажется далекой,

* «На крокете». — *Ред.*

а для меня она так связана с последствием, как то, что если сяду на этот маленький стол, он сломается.

Читали о том, что Гоголь создал «художественную картограмму» исторически сложившихся типов русских. Щеглов пишет: «Слово «кармазовщина» «пущено критикой», «но едва ли <...> эта самая публика отдаст себе в нем ясный отчет». И «каренинщина» отнюдь не вошла в оборот ни у критики, ни у публики. Между тем <...> слова «чичиковщина», «манюиловщина», «хлестаковщина» отпечатались на спине русского человека».

Когда это читали, Л. Н. заметил:

— Это очень верно.

После Л. Н. начал читать дальше третью главу: «Метод работы Гоголя и его отношение к слову». Продолжала читать Софья Александровна: «Слова поэта — суть уже его дела», — сказал Пушкин. И этим <...> подчеркнул всю огромную важность отношения писателя к слову. «Обращаться со словом нужно честно: оно есть высший подарок бога человеку», повторяет за Пушкиным Гоголь». Когда читала, что, как писал Гоголь, нужно переделывать восемь раз, Л. Н. поддакивал:

— Это очень интересно, очень верно.

Четвертая глава — «Три дня в городе Калуге». Когда читали про Смирнову, Л. Н., знавший ее, сказал:

— Не пленительна, а умна была.

Главы пятую «Гоголь в Оптиной пустыни» и шестую «Юмор и христианство» — я, Душан Петрович, проспал. Седьмая глава — «Отец Матвей Константиновский и его роковое значение в судьбе Гоголя». Л. Н. интересовался речами и письмами отца Матвея. О речах не высказался, но, судя по выражению его лица, глаз, не нашел в них осудительного. А про письма отца Матвея сказал:

— Письма хороши.

Прочитали из письма Гоголя отцу Матвею: «Книга моя есть произведение моего переходного душевного состояния, временного, едва освободившегося от болезненного состояния... Дело в том, что книга — это не мой род. Но то, что меня издавна и продолжительно занимало, это было — изобразить в большом сочинении добро и зло, какое есть в нашей русской земле, после которого русские читатели узнали бы лучше свою землю, потому что у нас многие, даже и чиновники, и должностные, попадают в большие ошибки, по случаю незнания коренных свойств русского человека и народного духа нашей земли».

Л. Н.: Вот как хорошо.

Про отца Матвея Щеглов пишет: «Это был человек, который стоял не на своем месте <...> Настоящее его место было не на амвоне городского храма, а в строгом монастырском скиту» (Щеглов, 80 стр.). Л. Н. выразился:

— История самая трогательная: человек стремится в подвижники, отшельники, ищет уединения в глухом месте, но есть меньшие братья, нужно их поддержать, и превращается в дьякона. Это так трогательно.

Еще сказал Л. Н. о том, чего я не слышал, когда читали:

— Это первое свидание отца Матвея с Гоголем — нехороший тон, высокомерие.

Кончили чтение. На балконе стало сыро и холодно для Марии Николаевны. Пошли в залу. Разговор про отца Матвея продолжался. Между прочим, Л. Н. сказал:

— Я люблю священников, простые между ними типы. По письмам, которые от них получаю, сужу. — И Л. Н. вспомнил, обращаясь к Марии Николаевне, сидевшей, как всегда, за столом, справа от него в кресле, знакомого им обоим отца Василия, покойного кочаковского священника:

— Хороший был человек, не мудрствовал лукаво, особенно не обижал народ. Его любили. Выпивал. Он делал свое дело, как ремесленник.

Мария Николаевна: Отец Василий нас всех крестил.

Потом Л. Н. по ассоциации мыслей вспомнил своего друга Дьякова:

— Не помнишь? А вы, — к Софье Александровне, — не помните? Вот этакий тип энергический, веселый, открытый, скрытого в нем нет; как пьяницы бывают: человек подрался, сделал дурное, расскажет. Это очень драгоценная черта.

Говорили о дочери Дьякова, душевнобольной, и Мария Николаевна рассказала про ее самоубийство, насколько хитро, ловко совершила его, как сумасшедшие умеют.

Л. Н. вспомнил про тульскую девочку, душевно расстроенную, сестру студента П-го, приходящего к Л. Н. У нее душевное расстройство на женской почве. Л. Н. все собирается ее посетить на даче: П-ые живут на Косой Горе. Ее брат сам развинчен; тревога внутренняя.

Софья Александровна с Марией Николаевной собираются завтра к обеду. Л. Н. расспрашивал сестру, старательно заботился, как поедет, на чем будет сидеть. Успокаивал ее, что Софья Александровна найдет ей место в церкви, где сквозняка не будет, уговаривал ее съездить. На опасение Марии Николаевны, что вовремя не доехать, Л. Н. сказал:

— Благовест слышно. Я тебе тогда скажу.

Процаясь в 11 часов, еще раз сказал:

— Смотри же, чтобы хорошо съездила в церковь.

15 августа. Мария Николаевна утром немного суетилась, боясь опоздать в церковь. Большой праздник: Успенье пресвятыя богородицы. Л. Н. встал в семь, часто так рано встает. В 8.20 вышел к ней на крыльцо, где она сидела, дожидаясь экипажа, и сказал ей, что он съездил к церкви спросить, когда будет служба: в 8.30 будет. Народу пропасть.

Л. Н.: Я говорил со священником, будет кресло. Ты знаешь, там, в полверсте от церкви, летом живут тульские монахини.

За обедом Гольденвейзеры с женами. Л. Н. с С. А. Стахович говорили о В. Гюго. Л. Н. сказал, что у него такое чувство, как будто бы он (Гюго) еще жив.

Софья Александровна: А вы всегда любили его?

Л. Н.: Всегда. У него есть фраза и пафос, которые отталкивают, а вместе с тем есть и простота.

Софья Александровна: У него целые тома поэзии безумия.

Л. Н.: Но другого рода безумие, чем декадентское.

В дальнейшей беседе Л. Н. сказал:

— Есть еще другой поэт французский, которого я люблю.

Гадали, кто, никто не угадал.

Л. Н.: Беранже. За даровитость. Ничего безнравственного у него нет. Склад народный, благородный, нравственный и бодрый.

Софья Александровна, минутку сосредоточенно подумав, произнесла:

— Но не нравственный.

Днем был 43-летний шапочник из Тулы, сочувствующий, вегетарианец. Думал, что без строгости, ругани нельзя вести дело. А выходит, что не только можно, а лучше можно. Жена тоже заинтересовалась книгами Л. Н., видя, что муж переменялся, не так вспыльчив.

Н. Б. Гольденвейзер — учитель гимназии; с Л. Н. говорили об учебном плане в гимназиях. И тут Л. Н. говорил по поводу обучения греческому и латинскому языкам, что, насколько они близки западным народам, которых язык и вера связывают с ними, настолько нам близки восточная философия, вера. Лучше этой заниматься.

В связи с этим Л. Н. рассказал, что читал Легге о Ми-ти, Шангу, Мэн-тзи. Никто его, Ми-ти, не знает:

— Очень полезно было бы популяризирование философии китайской, индийской. Это сбило бы нашу спесь. Я читал вашу книгу «Историю новейшей философии» Геффдинга¹. Там есть и про французского философа Бутру, которого я не знал, а Мечников о нем пишет. Наша современная философия — это такая болтовня, это такая черта ребяческой самоуверенности, как у гимназиста, который прочел книгу и думает, что все знает.

Были два тульских рабочих с ружейного завода, очень по-европейски одетые. 15—20 минут говорил с ними и дал им обоим один общий экземпляр «На каждый день». Когда ушли, сказал:

— Социалисты. Есть закон, по которому фабрики перейдут рабочим. Как это будет?

После обеда шахматы. А. Б. Гольденвейзер сказал, что он ведет запись партий, сыгранных с Л. Н.: 500 с чем-то. Из них 300 выиграл он, а 135 — Л. Н.

Вечером Л. Н. опять говорил, что мы (славяне, русские) гораздо ближе к восточной религии и философии — Индии, Китая, даже Персии, чем к западной. Побеседовав с Н. Б. Гольденвейзером об учебной программе гимназии, спросил о свободном университете Шаняевского. На ответ Николая Борисовича заметил:

— А главное, что нет дипломов.

Потом вечером говорил об этих социал-демократах, бывших сегодня у него:

— Один из них не признает ничего другого, кроме социалистического учения. Другой находится под его влиянием, но в нем есть и религиозные запросы. Социал-демократ говорил, что: 1-е, есть закон, по которому жизнь поправится. Значит, можешь жить, как хочешь. А 2-е, почему любить людей? Есть борьба за существование. Закон этой борьбы противен закону, по которому жизнь сама делается лучше. Не надо бороться с собой, надо бороться с другими.

Л. Н.: Нынешнее положение России принуждает думать (призадуматься), и этим хорошо.

16 августа. Л. Н. на следующий день по поводу письма бывшего революционера, пишущего, что «революционное движение его спасло: стал читать книги», — сказал:

— Революционное движение много добра сделало: выбило людей из сонного состояния. А фиаско революции еще больше заставило их задуматься, так что для религиозного пробуждения это очень благоприятно.

За обедом разговор о Н. С. Воейкове, бывшем кавалерийском (?) офицере, красавце, потом монахе. Впоследствии вышел из монастыря, но рясу все носил. Мария Николаевна, Софья Андреевна вспоминали его оригинальности, от которых мы приходили в ужас, недоумевали, хохотали. Л. Н. говорил, что он все-таки трогательный человек был: когда в монастырь пошел, было в нем нечто живое, что заставляло идти.

Софья Андреевна: С него списан отец Сергей.

Вечером Гольденвейзер играл Шумана и Шопена.

Л. Н.: Шуман совсем другой: я его слышу, я его сужу, а тот (Шопен) — он меня захватывает. Баллада Шопена — сценическая полнота.

Уехала С. А. Стахович. Софья Андреевна рассказала, что в материалах для «Истории моей жизни» (несколько дней, как начала ею опять после многомесячного перерыва заниматься) сегодня прочла, как умер Фет (от удущья), и рассказала, как. Вспомнила, какой друг ей был Фет. Разговор о нем.

Л. Н.: Фета многие считали глупым, между ними Тургенев. Совершенно напрасно. Он из тех, у которых передаточный ремень снят. Есть два разряда людей: у одних мысль руководит жизнью, а у других мысль сама по себе, а жизнь сама по себе, как вчерашний социалист: не убеждать их, перестать с ними говорить.

Мария Николаевна и Софья Андреевна вспоминали, как хорошо играл Нагорнов, деверь Варвары Валерьяновны, на скрипке.

Софья Андреевна: Лев Николаевич его описал в «Крейцеровой сонате». Он был очень богатый и развратный. Все прожил.

Очень теплые дни: вчера 45° на солнце. Теперь вечер, 11.30, в комнате Л. Н. 18°, снаружи 12°. Лунная теплая ночь.

Иван Иванович и я с Александрой Львовной, Варварой Михайловной, П. Н. Ге гуляли, пели цыганские, словацкие, венгерские песни. Иван Иванович вспомнил, что, когда он первый раз пришел в Ясную Поляну, П. И. Бирюков сватался за Марию Львовну. Мария Львовна тогда, как газель, была.

Я: Как странно, что о Марье Львовне после ее смерти ничего не появилось, не писали, кроме короткой заметки к ее фотографии в «Иллюстрированном «Новом времени»». Совсем как в жизни: добро не замечается, забывается.

Иван Иванович: Добро незаметно, шумит другое. Это именно был человек, который в душу других много вносил светлого.

Потом, гуляя около дома, Иван Иванович рассуждал:

— Лев Николаевич — как бы ось земного шара, около него мир вертится. Что тут тревог пережито, бурь, радостей!

А в «Новом времени» 13 августа пишут: «Да к тому же так называемая проповедь толстовских учений, по-видимому, уже отжила свой век». Я дал прочесть Л. Н.-чу.

Л. Н.: Это мне нравится: по крайней мере откровенно пишут.

17 августа. Рано утром, в 7.30, я зашел к Л. Н. Двустворчатые двери плотно не смыкаются, и через них из кабинета виден в постели Л. Н. При неотдернутых шторах, в полутьме, лежа в постели, записывал в книжку. Просил яблоко принести и спросил, сколько среди населения взрослых мужчин, сказав, что цифрам придается мало внимания, и напрасно. Предположили, что мужчин выше 15-летнего возраста в России 35%. Откинуть 5—10% стариков, остается при 150-миллионном населении около 35 миллионов. Из них революционеров, Л. Н. полагает, от 100 до 200 тысяч: 99% людей не имеют своего мнения, примыкают к другим. Когда революционеры были в силе и определяли общественное мнение, — примыкали к ним; теперь — к правительству. Сколько людей надо, чтобы приняли воззрение?

Думаю, что Л. Н. имел в виду распространение его взглядов. В последнее время чувствуется, что, как снежный обвал, число людей, близких ему по взглядам, нарастает.

Утром был отставной штаб-ротмистр С. В. Плышевский — своеобразный первый учредитель «Русского общества в Варшаве», с проектом учредить общество толстовское. В его программе этого общества пять пунктов, между ними отказ от собственности. Л. Н. с ним очень коротко поговорил. Статей, привезенных им (напечатанных в газетах, которые из-за них закрыли), и не посмотрел. Днем и вечером Л. Н. вспоминал о нем и жалел, что с ним не побеседовал:

— Мне совестно, что его обидел. Какое его отношение к полякам?

— Говорил, что между ними чувствует себя, как на чужбине. Он объединил все русские кружки в Варшаве, — ответил я.

Л. Н.: Он хочет объединять одну народность, это мне не нравится.

Почта огромная. Множество сочувственных писем по поводу высылки

Гусева. Один утешает Л. Н., что его не понимают те, кто ему причинил это горе: собака кусает того, кто хочет отвязать ее. Другой пишет, что из-за высылки Гусева все сосланные и заключенные заинтересуются им и станут за него. М. А. Стахович пишет, что будет поднят вопрос в Думе.

Л. Н.: Это не поможет: они, правительство, будут отстаивать раз совершенное.

За обедом приходил Василий Копылов, попавшийся стражнику Балякину с дровами. Назавтра назначен суд у земского начальника. Пришел просить, чтобы его не судили. Софья Андреевна хотела отвитьнуть, говоря, во-первых, что этот протокол составлял и подавал Балякин, не она; второе, что хозяйка не она, а сыновья — владельцы имения. Третье, что дрова, вероятно, из казенной Засеки. Сам Копылов так говорил, но боится явно высказаться, т. к. в таком случае будет более строгое преследование.

Л. Н. уговаривал ее прекратить дело:

— Разве есть человек, который желает, чтобы из-за него другой сидел в остроге?

Софья Андреевна долго отделивалась софизмами, наконец написала письмо земскому начальнику. Это было за обедом. А после обеда Л. Н. встал и, не дождавшись кофе, ушел. Александра Львовна входила к нему. После она мне передавала его слова: «Это кончится очень плохо. Я убегаю». Она ему сказала: «Это уладится». — Л. Н.: «Да, и другое начнется», — и плачет.

Вечером гостей не было. Л. Н. сидел и беседовал с Марией Николаевной и Софьей Андреевной. Софья Андреевна говорила, что вот уже больше чем шесть недель ее лихорадит. Раздражительная, усталая, не купается, чего ей очень недостает.

Петерсон прислал сегодня вырезку из французского дневника Огаревой, телятинской помещицы, бабушки его, Петерсона, жены, о рождении Марии Николаевны и о смерти (через шесть месяцев после родов) ее матери от *fièvre chaude** после семи лет замужества. И о том, что у нее, Огаревой, была в то время связь, свидания в лесу, с отцом Марии Николаевны, Николаем Ильичом. Это не сказано прямо, а между строк¹.

После обеда Л. Н. беседовал с тульскими 16-летними реалистами. Мальчики премилые. Родители им сочувствуют. Л. Н. дал им «На каждый день», «Учение Христа для детей», «Мысли о боге», «Любите друг друга».

За вечерним чаем Л. Н. рассказал, что читал в иллюстрированном приложении к «Новому времени»: 1) о Цепелине — аэроплане, что поднимает девять человек и что с него можно разрушить самые крепкие орудия и укрепления²; 2) что у китайцев будет в 1912 г. армия в миллион 200 тысяч человек.

18 августа. Наплыв гостей: семья Дубенских (доктор из Калуги), Гогринова с 12-летней дочерью-виртуозкой Ириной Энери, князь Тенишев, молодой Свербеев, М. С. Сухотин с сыном Сергеем, Мария Александровна, вечером Гольденвейзеры, Николаева.

У Ирины волосы тесно сплетены за ушами и над ними в две косы. Л. Н. спросил об этом у ее матери. Она сказала, что в Гельсингфорсе, где они жили, так носят. А лоб скрыла нарочно, потому что большой. Л. Н. советовал прическу самую простую, как у этой девицы, и указал на сидевшую тут дочь Дубенских, — в одну косу.

Ирина: Но у меня лоб ужасный.

Л. Н.: Зачем же скрывать ваш лоб, в котором столько добра?

* горячки (франц.).

Ирина — очень энергичная и смелая, самостоятельная. Ездил с Александрой Львовной, правила Чудачком, норовистой лошастью. Первый раз каталась верхом на Катъке. Вечером играла на фортепяно. Играет очень спокойно, и техника у нее удивительная. Лучше всего нравился Л. Н.-чу в ее исполнении Гендель. Был доволен ее игрой. Беседовал с ней очень серьезно, внушал ей религиозные истины, говорил ей дальше ты.

М. И. Горяинова спрашивала Л. Н., знал ли он Чайковского. Л. Н. ответил, что нет.

Михаил Сергеевич: Я поправлю вашу память — знали. Мне рассказывали: Чайковский был огорчен, что вы нападали на Бетховена; что Чайковский терпеть не мог Шопена.

Мария Ивановна: Его душа не переносила болезненного Шопена.

Л. Н.: Какое «не переносила»! Шопен поднимает. Вы не знаете эту прелесть: все забыть. Вы мне рассказываете про какого-то Анатоля — ничего не помню.

Разговор между Л. Н. и М. И. Горяиновой об обучении Ирины. Мария Ивановна говорила, что С. И. Танеев советует основательно учить ее теории музыки.

Л. Н.: Самое искусство в педагоггии: c'est la suggestion — навести на мысль.

Недавно Л. Н. о музыке сказал:

— Музыка — комбинация звуков. Одним радуешься, другие скучны. Она как будто бессмысленна, а производит такое действие на человека. Музыка — это, может быть, самое практическое доказательство духовности нашего существования.

Л. Н. пробовал прочесть вслух (из полученного сегодня письма Молочникова) отрывок письма отказавшегося А. Соловьева¹, но параллельный разговор заглушил его слова.

Ложась, сказал мне:

— Суеты много, из учтивости слушают, что я им говорю, но оно им чуждо. Тенишев — умный, серьезный человек.

Л. Н. был очень радушен с гостями. К Ирине, как дед: поцеловал ее на прощанье. Софья Андреевна ее хвалила в глаза, было тяжело. Но Ирина не принимала к сердцу похвалу, не смущалась, не сияла удовлетворенной гордостью.

19 августа. Пополудни Л. Н. беседовал с князем Тенишевым: наставлял его, чтобы заговорил о Генри Джордже в Государственной думе. То же хочет советовать и Маклакову. Л. Н. слышал от Тенишева, что Столыпин хочет успокоить народ. Но отрубное хозяйство — не та мера. Разве мужики не знают, что выгоднее иметь землю в одном месте, чем в разных полях, по полю в ширину этого стола? Только они знают, что выгода материальная менее для них важна, чем справедливость. Это относится и к общине: это во имя нравственного начала. Выгоду понимают; как землю обрабатывать, знают лучше, чем петербургские господа. Тенишев возражал, что мужики не такие идеалисты.

Л. Н.: Вся община на том основана. У них есть свои нравственные устои. Петербургские господа, в своем высокомерии, хотят учить мужиков, как им выгоднее. Это (разрушение общины, введение собственности на отрубных участках) происходит от того воображения, что мужики глупы, а мы (господа) умны. А всегда так было и будет, что кормящие умнее тех, которых они кормят. Что мы теперь переживаем, совершенно соответственно сознанию несправедливости крепостного права и требованию уничтожения его декабристами и после. Тогда лучшие люди понимали и против них восставали крепостники, только с той разницей, что теперь против Генри Джорджа больше восстают и что ненависть низшего сословия гораздо больше.

Л. Н.: Для того, чтобы успокоить народ, это средство наилучшее. У революционеров козырь — беспокойность народа — теперь сильнее, чем был во время декабристов. Основание государства — нравственное сознание народа (общинное землевладение). Теперь оно на моих глазах разрушится. Решение земельного вопроса по Генри Джорджу должно исходить от правительства*. Пусть правительство, по крайней мере, обмолвится о земельном вопросе, даст надежду. Этим внесет успокоение. Разом сделать нельзя. Пусть правительство начнет заниматься им.

Сегодня с *Л. Н.* ездили верхом к Марии Александровне. У Козловки стояли два конных стражника. *Л. Н.* спросил, зачем стоят.

— Должен государь проехать (в Ливадию на свидание с новым султаном).

Л. Н.: Когда проедет?

— Неизвестно. Говорят, 25 или 26-го (а сегодня 19-е).

Так караулят путь железнодорожный уже 14 дней. Стражники, и все деревенские старосты (и наш яснополянский), и некоторые очередные крестьяне. Нынче, во время жатвы, когда каждый день так дорог. Никакого вознаграждения за это не получают. Во сколько миллионов обойдется России такое путешествие государя!

20 августа. Утром уехал князь Тенишев. *Л. Н.* остался им доволен: внимательный, желающий учиться, знающий законы, государственные дела. «Внешнюю сторону», — оговорился *Л. Н.*

Здесь *М. С. Сухотин*. Вечером в семь часов приехал с двумя дочерьми *М. П. Боткин*, почти сверстник *Л. Н.*, Гольденвейзер с женой, *С. Д. Николаев*.

Л. Н. вчера с Тенишевым и сегодня с Николаевым очень обстоятельно говорил о Генри Джордже. Гольденвейзер записал разговор.

Л. Н., ложась, когда я его массировал, сказал мне:

— С одной стороны, пора мне молчать, все высказал; с другой стороны, надо говорить, так как об этом (земельном вопросе) мало говорил. Как *noblesse oblige***, так и *réputation oblige****: надо удовлетворить то внимание, которое обращено на твои слова.

Приехал *Д. А. Кузминский*, окончивший юридический лицей.

21 августа. После полудня уехал *М. П. Боткин* с дочерьми. С *Л. Н.* был знаком в молодости, так же, как с Тургеневым, Фетом, и с тех пор *Л. Н.*-ча не видал. Славный и крепкий старик, и дочери его милые. Утром *Л. Н.* был слаб, вместо работы лежал в постели.

— Когда такая слабость, — сказал он, — сам чувствую, что лучше лечь в постель, потому что инстинкт того требует.

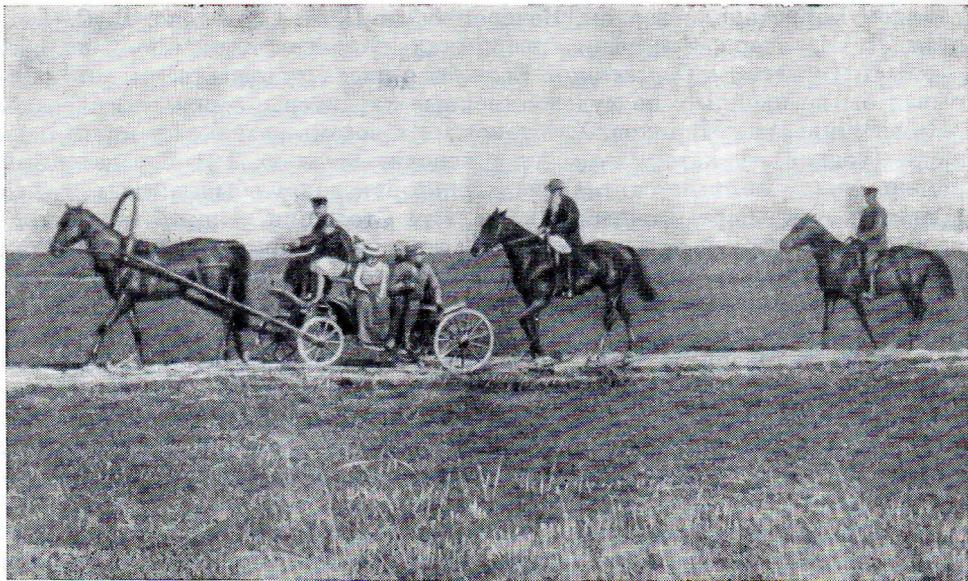
Полудни был крестьянин из Белевского уезда, 35-летний лепщик. Жил в городе, зарабатывал 20 р. в месяц, все проживал. Попались ему книги *Л. Н.*, изменились его мысли, вернулся в деревню, где у него два надела, построил хатенку, но не хватает ему денег обзавестись лошастью и т. п. Пришел к *Л. Н.* поговорить о душе и попросить на хозяйство. Когда *Л. Н.* ему сказал, что этого не может, он сразу же понял и пожалел, что просил. *Л. Н.* побеседовал с ним, дал ему «На каждый день» и три рубля. Вечером шахматы с Гольденвейзером.

Софья Андреевна рассказывала про письма Татьяны Львовны: перечитывает их для истории своей жизни. Между ними письма Ванечки к Татьяне Львовне, восторженные, полные любви. По поводу разговора о Ванечке и других детях, *Л. Н.* сказал:

* Беседа с Николаевым, *Л. Н.* был с ним одних мыслей: решение земельного вопроса по Генри Джорджу состоит из и помимо правительства.

** положение обязывает (франц.).

*** репутация обязывает (франц.).

ТОЛСТОЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ КРЕКШИНА

В экипаже: внучка Толстого Соля (на козлах, рядом с кучером), А. Л. Толстая, А. М. Хирьяков (в светлом картузе) и В. Г. Чертков. Верхами Толстой и В. В. Чертков

5—18 сентября 1909 г.

Фотография Т. Тапселя

▲Пополудни Л. Н. верхом на высокой... семивершковой вороной лошади. С большим трудом садился на нее. Первые две версты было ему трудно с ней справляться... Потом объездил ее. — Запись от 5 сентября 1909 г.

— Если бы я сотворял людей, я сотворил бы их старыми, чтобы они постепенно становились детьми. У детей дороги черты простоты, наивности и правдивости, главное — правдивости.

Л. Н. читает по рукописному Август «На каждый день» и чуть не каждый день жалуется, что Сытин не печатает его.

22 августа. Из Москвы приезжала княжна Енгальчева, девица-учительница, из-за места секретаря после Николая Николаевича. Есть и письменные предложения.

Л. Н. пробовал докончить Куприна «Яму»; уже раз было отложил, но не мог и сегодня (и еще, кажется, «Морскую болезнь»). Вынес книги — сборник «Земля» и рассказы Куприна — и просил убрать куда-нибудь и с возмущением на лице, с румянцем и глядя в сторону, избегая глядеть в глаза, сказал:

— Как ему не стыдно такое писать! Человек должен бы стыдиться, что это знает. Потому что, чтобы знать, нужно это проделать.

Л. Н. переделал письмо польке — ответ на анонимное письмо из Закопане — хочет послать Поссе для затейного им журнала «Жизнь для всех». Получено письмо от Немравы. Л. Н. расспрашивал о нем. Говорили о том, как все сидящие за отказ терпеливо, спокойно переносят наказание.

День рождения Софьи Андреевны: 65 лет. Были Мария Александровна, Андрей Львович с Екатериной Васильевной, А. Б. и А. А. Гольденвейзеры. Александр Борисович играл. Особенно понравился Л. Н. полонез. «Мужественное», выразился о нем Л. Н.

Л. Н. одинок.

23 августа. Утром уехала Мария Александровна. Л. Н. ездил с Алек-

сандром Борисовичем верхом. Вечером были П. А. Сергеенко, В. С. Толстая. Л. Н. вчера и сегодня продолжал поправлять письмо к польке.

Л. Н. (вечером к Сергеенко): Если бы я писал художественное, то описывал бы не идейные, не художественные характеры, а психологические. (Не внешние, как Чичиков, Хлестаков.) Их восемь разрядов у меня. Есть люди (редкие), у которых мысль руководит жизнью. Тут передаточный ремень между ними не снят. Обыкновенно руководит обычай: делают, что нравятся, — тут передаточный ремень снят. Столыпин, Андрей — мне видно (психологический процесс), как они тем стали, что они есть: нельзя на них сердиться. Передаточный ремень снят, один бог может его надеть.

Сергеенко спросил Л. Н.-ча, записано ли это где-нибудь у него?

— Записано¹.

Сергеенко говорил о состоявшемся на днях в Реймсе слете аэропланов и их полетах. Было их 80. Один продержался в воздухе 22 часа. Оказались управляемыми дирижаблями, маневрировали. Цепелин поднимает 200 пудов динамита, может уничтожить военные корабли, корпус войск. Все изменяется, приведет к прекращению войн. Д. А. Кузминский заметил:

— Есть уже пушки специальные против аэропланов.

Л. Н.: Никакие изобретения, усовершенствования не могут вести к нравственному благу.

24 августа. Были днем Дима и Гусаров, вечером Мария Александровна и Иван Иванович. Иван Иванович говорил о серии «Религии мира», издаваемой в «Посреднике». Гусаров идет пешком в Бессарабию к Александри, чтобы там осесть на землю. С ним жена и трое детей, от девяти до полутора лет. Их везут в повозке на себе. Гусаров — кровельщик, а вообще мастер на все руки. Остановился на неделю у Чертковых, хочет помочь Диме построить дом бедной старушке-вдове в Ларинском.

Л. Н. сегодня сделал визит его жене. Она крестьянка, как ее муж, предана ему, смиренная. Софья Андреевна спросила о Гусарове, образован ли.

Л. Н.: Очень образован.

Софья Андреевна: Где учился?

Л. Н.: Как всегда, образовался сам, читал.

Л. Н. получил второе письмо от «Concert-Direction Jules Sachs»¹. Был ему рад, но понял, что главную роль в побуждении этого приглашения играет «гешефт», реклама, но все-таки даст у них прочесть доклад о мире.

Спрашивали Л. Н. о впечатлении от игры Ирины Энери.

Л. Н.: Прекрасно играла. Особенно Генделя и Шопена «Impromptu».

Вечером был Горбунов. Иван Иванович счастлив, что Л. Н. занялся с ним серией книжечек для народа о мировых религиях: Лао-тзе, Конфуций, Будда.

25 августа. Л. Н. с Александрой Львовной вечером у Марии Александровны.

Л. Н. сегодня начал заниматься маленьким «Кругом чтения» для народа, копеечным «На каждый день» за месяц, выборкой из «На каждый день» и переработкой некоторых мыслей. Писал прямо в экземпляре «На каждый день» Июня.

Мария Николаевна прочла «Совестный Данила» в пересказе Лескова, издание «Посредника»¹, и рассказала за завтраком. Л. Н. не одобрил конец (я — Душан Петрович — не помню сам рассказа. Будто бы через его поступок преждем зло сделанное зло перестало быть злом). Л. Н. не одобрил этой мысли Лескова. Мария Николаевна не соглашалась, собственно не могла понять Л. Н.

Потом говорила о «Гоголе», книжечке, составленной Орловым в 80-х годах, изданной «Посредником»². Мария Николаевна подчеркнула,

удивляясь, что он в 40-х годах говорил один такие глубокие христианские истины, какие теперь говорят Л. Н. и многие. Потом стала говорить, что Гоголь был святой, потому-то его и не трогало непонимание, клеветы, ложь современников о нем.

Л. Н.: Святых никаких нет. Святых не бывает. Он сделал это никак не потому, что он не чувствовал оскорбления, а он в ту минуту сделал усилие над собой, подавил в себе оскорбление.

Л. Н. читал Э. Г. Шмита «Religionslehre für die Jugend» и продиктовал мне письмо ему. (Мне кажется слишком хвалебным.)³ Вероятно, одно это, а другое — расспрашивание* мною Николаева, что говорил ему Л. Н. о статье Меньшикова, побудило Л. Н. сказать Николаеву и мне, что он нам как друзьям говорит, хотя это нескромно с его стороны, мнение о важности своей:

— Некоторые из друзей, в том числе Душан Петрович, записывают, что я говорю. Я читал Конфуция, которому я в подметки не гожусь; у него рядом с превосходными, высокими мыслями — каша; глупые, а таких больше, главное, на эту кашу, на противоречия, неясное, накинута. Я признаю своим только то, что я печатал, а письма и то, что другие за мной записали, — нет. В письмах мало ли что напишешь в слабости, противоречии? «Христианское учение» десять лет тому назад писал, точь-точь то и теперь пишу, а в письмах — противоречия.

Это нам Л. Н. сказал, пришедши в мою комнату, где нас застал с Николаевым.

Сегодня статья Меньшикова в «Новом времени» по поводу заявления Л. Н. об аресте Гусева. Меньшиков умаляет Л. Н., его ум, и говорит, что он уже пережил самого себя. Л. Н. в этой статье увидал упадок, проявление падения Меньшикова и сказал:

— Статья хорошо написана, но нехорошая⁴.

26 августа.

Л. Н.: Сегодня приятные письма, ни одного ругательного. Чертков, Шкарван, Засосов, Ал. Соловьев хорошо пишут.

Л. Н. первым троим ответил¹. Соловьев описывает, как он перешел к религиозному сознанию. Его письма Л. Н. нравятся. Есть в них рядом с несуразностями очень глубокие мысли.

Л. Н. получил книгу «Land and Real Tariff Reform». Edited by Joseph Edwards. L., 1909. Очень понравилась ему. Это справочная книга, handbook земельного вопроса. На первой странице портрет Генри Джорджа. Вечером Л. Н. читал из нее.

Полудни парит. Л. Н. ездил верхом, я с ним, по Черте к Кудеярову колодцу, по новой дороге к Козловке. Тут стоял стражник, не пропуская к Козловке, т. е. должен был проехать царский поезд. Царь проезжал в Ливадию. Стражники и старосты стоят уже 18-й день около полотна железной дороги. А только сегодня проедут три поезда. Стражник стоял у мостика, где сходятся шлаковая дорога с большаком. Л. Н. хотел проехать на Овсянниково, но стражник его остановил. Мы повернули по большаку обратно².

По дороге Л. Н. спросил меня:

— Скажите откровенно: никогда не раскаивались, что не женились?

— Раньше, когда ездил домой и видел семейную жизнь братьев, да, но теперь рад, что не женился.

Л. Н.: Те, которые не женились, замуж не вышли, большинство из них не раскаивается, а те, которые женаты, большинство из них раскаивается. А ваши братья хорошо живут?

— Да. В нашей семье браки хороши.

* Когда Л. Н. вошел к нам в мою комнату, я как раз расспрашивал Николаева.

Л. Н. за обедом рассказывал о стражниках на железной дороге. Софья Андреевна сказала, что не пропустили бы его.

Л. Н.: Пропустили бы. Опыта делать не хотел.

Александра Львовна: Вышние чины пропустили бы, низшие — нет.

Александра Львовна рассказывала, как ругаются старосты, которых для этого отрываю от работы на целые дни и даже недели. Вспомнили несчастный случай под железнодорожным мостом со староколпинским мужиком, везшим доски и сидевшим на них. Когда проезжал в полдень под мост, стражник его торопил, мужик погнал лошадь, доски скатились, и он попал под колеса, и разmozжило ему бедро.

Л. Н. еще поправлял письмо Шмиту о его книге «Religionslehre für die Jugend». Л. Н. сказал о нем:

— Слишком смело придает словам Христа такое значение, к какому не привыкли.

Шкарван пишет, что Шмит боится прочесть доклад о мире. Если бы Шкарван его прочел! (и Л. Н-ча, и моя мысль). Я Шкарвану написал так: «Л. Н., разумеется, очень желал бы этого, но он не хочет тебя насиловать и поэтому он тебе об этом и не пишет»³.

Сегодня тихий день. Л. Н. с Марией Николаевной, Александрой Львовной и домашними беседовал задушевно. Мария Николаевна прочла в «Русском слове» 25 августа Д. Д. Оболенского «Вперед или назад» об обыске в Ясной Поляне 1862 г. и об аресте Гусева. Мария Николаевна тогда, во время обыска, была в Ясной Поляне. Вспомнила, что откомандировали тогда Николеньку Петерсона в Ясенки к учителю спрятать письма Герцена. Они были не к Л. Н., а Л. Н. взял их у кого-то прочесть⁴.

Л. Н. вечером, в 9 часов, в бывшей комнате Гусева, где готовилась почта. Александра Львовна давала ему подписывать письма, и я попросил подписать черновик ответа его «Славии», который хочу послать обществу чешских моравских учителей в Угорском Градище по их просьбе. Александра Львовна пошутила, как я заступаюсь за славян.

Л. Н.: Мы счастливы, что через Душан Петровича знаем таких интересных людей, как славяне.

Л. Н. только что написал ответ Шкарвану на его милое письмо и удивлялся его знанию русского языка. Вечером Л. Н. сказал, что желал бы читать письма Дарвина. Ал. Соловьев пишет, что, судя по ним, Дарвин очень сожалел, что всю жизнь так был занят и не мог подумать о боге и о жизни⁵.

Л. Н., когда я массировал ему ногу, опять о Дарвине:

— Я вспомнил себя, как я (на охоте) птиц убивал ножом прямо в сердце и никакого сострадания не имел. Я думаю, что военные и судьи также не видят. Эти наши Столыпины, цари указы дают, как я зайцев убивал. Разумеется, есть известный момент колебания, борьбы. Как раз увидит, если раз поймет (что это дурно), не может больше, как один-два раза (так) сделать.

27 августа. Приехал Буланже к Ивану Ивановичу. Л. Н. ездил к нему. Опять знойный день, отаву косят. Земля очень суха, опасаются за зеленя.

Приехала Татьяна Львовна. За обедом рассказывала, как в магазине старый приказчик читал вслух тульскую газету про вчерашний проезд государя и про его семью. Когда кончил, вздохнул, пожелал им всего хорошего и перекрестился с радостной улыбкой.

Л. Н.: Что же, это хорошо, это мне нравится.

Вечером Татьяна Львовна рассказала, как обиделась на бабу, которой она, по ее мнению, много добра сделала. А она ворует у нее и отказала ей в чем-то. Потом устыдилась и смягчилась.

Л. Н. рассказал в том же роде, как отказал далекому человеку, просящему на погорелое место, и потом поговорил с ним хорошо. Л. Н. вспомнил обязанности господ (он только удивляется тому, что крестьяне, рабочие так мало воруют) из французского романа: фабрикант, благодетельствующий рабочих, в их глазах: «Il a dû durement pour voler quand il fait ça *». Но это не означает, что он (фабрикант) должен бросить заботиться о более сносных условиях жизни фабричных рабочих, а только еще более совестливо это делать.

Софья Андреевна: Что было бы, если бы крестьяне перестали нам работать?

Татьяна Львовна: Это самое попытались в Швеции.

Л. Н.: Сами будем делать, в этом весь вопрос. Сегодня догнал меня студент, поступающий на юридический факультет. Я ему сказал, что юридическая наука в том, чтобы оправдывать всякое насилие.

Л. Н. отклонил массаж, говоря, что ему совестно, когда я дожидаюсь его, пока он ложится. Л. Н. о своем письме польке: он переделывает его.

28 августа. Пятница. Л. Н. исполнился 81 год. Ясный, тихий, жаркий день. Косят отаву, возят сено. Утром приехали С. Т. Семенов, Цингер — профессор физики, В. А. Маклаков. Л. Н. в начале десятого отошел от работы, чтобы приветствовать гостей. С Сергеем Терентьевичем Л. Н. увиделся у меня в комнате. Сергей Терентьевич высказал сочувствие по поводу ссылки Гусева и поблагодарил Л. Н. за статью о нем. «Хорошо, что вы разъяснили этот случай. Гусев — один из миллиона таких же ссыльных».

Л. Н.: Их двести тысяч.

В. А. Маклаков с Цингером у Л. Н.-ча. Л. Н. позвал Василия Алексеевича в кабинет и наставлял его в Генри Джордже. После Цингер рассказывал: «Маклаков говорил: «Земельный вопрос меня не интересует». — Лев Николаевич: «Скажи это крестьянам, что члена Думы земельный вопрос не интересует. На что же тогда Дума?»

Л. Н. с Маклаковым о Генри Джордже: внушал ему поднять этот вопрос в Думе, настраивал его. Маклаков говорил, что нельзя одному ничего сделать: единица в подчинении партии. И можно было в прошлом году, а теперь, когда закон 9 ноября вошел в силу, поздно. Сказал Л. Н.-чу, что, может быть, Чельшев этим бы занялся. Л. Н. вспомнил, что Лев Львович говорил ему о Чельшеве, что он хочет приехать сюда, и сказал Маклакову, чтобы передал ему приглашение. Л. Н. дал Маклакову полный экземпляр Генри Джорджа и другой Чельшеву (послал).

С 1.30 до двух Татьяна Львовна читала вслух статью Л. Н. о праве. По прочтении статьи — общее молчание. Л. Н. сказал, что студент-юрист, которому он написал письмо, бросил учение, теперь землю пашет.

Маклаков (по прочтении статьи): Я никогда не мог себе представить, почему право — наука. Еще скорее может быть наука — история права.

Л. Н.: История этого обмана.

Николаев: Ваша статья направлена против law**, а не против right***.

Л. Н.: Я говорю, что право — то, что может быть ограждено насилием. (Я говорю, что христианин не может иметь права, а одни обязанности.) Law — существительное, right — прилагательное. Это (right) надо избегать юристам (законодателям).

Маклаков: Есть естественное право — право на землю, оспариваемое юристами. Есть право религиозного убеждения.

* «Здорово же он нас, должно быть, обворовал, раз так поступает» (франц.).

** закона (англ.).

*** права (англ.).

Л. Н.: Нет, это нельзя отнять, а землю можно.

Маклаков: Вы отвергаете даже право на жизнь?

Л. Н.: Без сомнения. Государственный закон нарушает право русского человека.

Д. А. Кузминский, кончивший училище правоведения, стал говорить с Л. Н. о праве. Л. Н. ему о вере в право.

— Есть научная церковь. Беда в том, что вопросы, решающиеся разумом, решаются доверием. Ведь кто-нибудь да врет.

Маклаков: Не стоит юриспруденцию защищать. Право есть искусство, а не наука. Придумают законы, а сказали, что это наука.

— Право противоречит тому нравственно-должному, к которому, по словам одного из защитников права, профессора Трубецкого, оно должно стремиться¹, — процитировал кто-то.

За завтраком Л. Н. сказал:

— Мне три года в кубе².

Л. Н. поехал верхом с Маклаковым, все внушал ему Генри Джорджа.

Приехали и пришли еще гости. За обедом нас сидело 22 человека: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Сергей Львович, Андрей Львович с Екатериной Васильевной, Мария Николаевна — сестра Л. Н., Варвара Михайловна, А. А. Гольденвейзер, Мария Александровна, Д. А. Кузминский, В. А. Маклаков, Цингер, Иван Иванович, С. Д. Николаев, С. Т. Семенов, Протасевич (фотограф из Калуги), братья Гольденвейзеры, Дима Чертков и я. Настроение было тихое и радостное. Никто не шумел, не спорил. Из посторонних по усадьбе никто не гулял, не было любопытных около обедающих. Приветственных писем немного, телеграмм еще меньше: и десятка в продолжение дня не набралось. От Ирины Энери карточка, открытка с поздравлением — милое письмецо. Пишет, что она каждый день читает наизусть молитву Л. Н.³

Разговор о музыке. Об игре Л. Н. сказал, что хороший музыкант не может поправить плохое произведение. Можно испортить хорошее произведение, это сплошь и рядом (бывает). А это во всех искусствах: только не делай дурного, не уродуй, и это уж очень много. А если сделаешь еще хорошо — благодарю. Например, чтение: если читать просто — хорошо, не беда, но фальшивая интонация... В разговоре о сравнении исполнения музыки с драматическим искусством: в драматическом искусстве исполнение имеет большее значение, чем в музыке.

Маклаков сказал, что Мечников говорил: славянам бы не быть самонадеянными, потому что пражский славянский университет ничего не стоит, а немецкий хорош.

Сергей Львович говорил, что Орлов написал первую картину на воздухе и что у него три сюжета, и он говорит: «Я не без денег и небессюжетный»⁴.

Л. Н. говорил:

— Это характерно, что Боткин Михаил Петрович, который здесь был, его не знает (что есть художник Орлов).

Л. Н. вечером мне:

— Неприятные письма получил от немецких газет (одно от «Berliner Tageblatt») и вырезку «Tolstoy-Heuchler».

Сами газеты присылают вырезки и пишут письма, в которых вызывают Л. Н. на ответ в свою газету. В вырезках нелепое газетное вранье о нем.

29 августа. Все еще жара. Ясно, тихо. С почтой очень мало поздравительных писем, не больше десяти, и пять телеграмм.

Во вчерашних «Русских ведомостях» за передовой статьей статья о 81-й годовщине Л. Н. Обвинение правительству, что подло ведет себя против Л. Н., пример чему недавняя ссылка его секретаря¹. Выходит

так, что годовщина Толстого «Русским ведомостям» — противоправительственный козырь.

Был Буланже с дочкой Галей. Л. Н. с ним о Конфуции. Л. Н. говорил, что Конфуций бога не признает, но признает моральный принцип, как Кант. Буланже утверждал, что Конфуций бога признает: в таком-то разговоре его об этом речь. Буланже перевод Легге не признает хорошим, а признает хорошим новый английский перевод какого-то китайца, появившийся года два тому назад.

Буланже взял несколько китайских, английских книг по поручению Л. Н.²

Приехал М. В. Булыгин.

Л. Н. прочел вслух полученное неделю тому назад письмо Павлова Л. Н.-чу об А. Соловьеве и письмо А. Соловьева к Павлову. Последнее такое глубокое и спокойное: сообщает, что предадут его виленскому военному суду. Они оба молодые крестьяне.

Л. Н. был чуть не до слез тронут, читая.

— В прежних его письмах было возбуждение, рисовка; в этом — спокойное обсуждение своего положения, — сказал Л. Н.

Вечером был какой-то помещик³. Л. Н. говорил с ним о земельном вопросе и дал ему книг Генри Джорджа.

30 августа. Утром уехала Татьяна Львовна. Л. Н. сегодня слаб: утром кофе не пил и не ел до десяти вечера. Днем много спал. Были у него два рабочих-ссылных, один из них Макаренко, писавший Л. Н. из ссылки о насилиях властей над ссылными и арестантами¹. Л. Н. рассказывал за обедом про него: попал в ссылку за слово на митинге после 17 октября. По прошению на высочайшее имя был отпущен из ссылки, нашел хорошее место как слесарь, мог помогать матери. Его сразу арестовали и опять выслали: это власти нашли нужным.

Софья Андреевна возмутилась, как смеют власти нарушать царскую волю. Рассказала: сегодня в газетах, что недели две тому назад закрыта касса взаимопомощи Литературного фонда, Столыпин по ходатайству членов опять восстановил.

Л. Н. сказал, что ему непонятно, как можно серьезно к царю, к Столыпину обращаться, их слушаться.

Сергей Львович играл на фортепиано шотландские песни.

Вечером Л. Н. попросил винегрета. Против этого восстали Софья Андреевна и другие, и очень. Л. Н. просил не внушать ему, что есть, как не внушать, во что верить, как это делает милая княжна Дондукова в новом письме (к Марии Николаевне)².

— Я всю жизнь, или, по крайней мере, последние тридцать лет думал серьезно о вере перед богом, и я не совсем дурак. Не обращать. Дайте мне покой, не внушайте мне.

Л. Н.: Я уважаю твердость веры твоей, княжны Дондуковой, Марьи Михайловны.

Мария Николаевна возражала, что Л. Н. с Урусовым в Москве (она тогда еще не твердо верила в православие) обращал ее: не молиться.

Л. Н.: Какая молитва? Просительная?

Мария Николаевна: Конечно, не молюсь, как Мария Михайловна, чтобы выиграть двести тысяч.

Л. Н. вышел. В это время Мария Николаевна рассказала, как в обществе какая-то дама созналась, что она никогда Евангелия не читала. Были все поражены.

Я заметил, что у нас были бы поражены, если бы кто читал Евангелие. У нас католические священники отнимают Евангелие.

Тут вошел Л. Н.

— Ведь это неправда! Это не может быть, — сказал Л. Н. (чтобы отнимали Евангелие).

Л. Н. лег на кушетку, был раздражителен (печень?).

Л. Н. (о Н. В. Орлове): У него много задушевности. Он любит народ.

31 августа. Л. Н. мало спал, вид у него очень усталый. Утром был бывший псаломщик, просил рекомендацию.

— А я так устал и потом думал, почему же не попытаться его кому-нибудь рекомендовать?

Был Андрей Марухин из кюстендильских скопцов (Добруджа). Читал и его единоверцы читали Л. Н., послан ими поговорить с Л. Н. Я его видел, когда он пришел от Л. Н. и собирался уезжать. Вдумчивое, восторженное лицо, жилы на висках напряжены, глаза горели. Предложил ему поест, он чуть прикоснулся. Шла в нем какая-то борьба. Единственное, что он сказал:

— Боже мой, боже мой, как же мне вернуться домой!

Он думал увидеть Л. Н. в простой обстановке, почти плакал. Красивый молодой человек, необыкновенно выразительное лицо. 18-ти лет добровольно присоединился к скопчеству, отчасти под влиянием «Крейцеровой сонаты». Первый из этой секты, которого Л. Н. видел. Л. Н. рассказал, что спорили об этом. Он, Марухин, остался при своем.

Мария Николаевна: В Евангелии ведь против этого.

Вечером был Жашкевич, парикмахер из Киева, находящийся в сношениях с Кудриным и Калачевым, заключенными за отказ в Киеве, и Мюллер, сын миллионера, глухонемой и близорукий. Оба просто одеты. Долго беседовали с Л. Н. Вечером Л. Н. с Марией Николаевной. Она рассказывала.

1 сентября. Утром приехал двоюродный брат Софьи Андреевны, А. А. Берс. Были Жашкевич с Мюллером. Л. Н. с Мюллером-глухонемым переписывался по-немецки, между прочим о женитьбе. Отец хочет его женить, но непременно на немке. Л. Н. писал ему, чтобы был осторожен: может за него выйти замуж из-за денег. Л. Н. вызвал его описать свою жизнь: интересно, как у него, живущего внутренней жизнью, она развивалась. Были трое ссыльных, революционеры, с которыми Л. Н. хорошо поговорил и дал им много книг Генри Джорджа о земельном вопросе. Вечером Горбуновы, Гольденвейзер с женой.

А. А. Берс говорил с Л. Н. об интеллигенции, спросил, «куда она придет?»

— К чертовой матери, — ответил Л. Н.

Л. Н. говорил Александре Львовне, что для него сегодня беседа крестьян с Жашкевичем была поучительна. Они (яснополянские крестьяне) не верят, что Л. Н. не входит в хозяйство; говорят, что он только притворяется. Минкина, у которой забрали лошадь в саду, ругалась: «Они, черти, жрут, а мне за лошадь рупь отдавать, а нечего есть». Все к одному: уйти из обстановки господской.

Александра Львовна говорила мне, что Софья Андреевна на днях сказала Л. Н., что, если придет Молочников, она уедет из дому.

2 сентября. Л. Н. верхом. Я с ним. Со станции Козловка хотел по телефону поговорить с Гольденблатом. Начальник согласился, но тульский железнодорожный чиновник отказался соединить, потому что железнодорожный телефон полагается только для железнодорожной службы. Поехали на дачу Занфтлебена, оттуда поговорили. Очень хорошо слышно было. Говорил о вдове-крестьянке, мужа которой убило на железной дороге. Ей предлагают со стороны железной дороги 750 р.

По пути верхом Л. Н. вынимал записную книжку и записывал¹.

Приготовления к завтрашней поездке в Крекшино, очень беспокойные: Владимир Григорьевич боится обыска в яснополянском доме во вре-

мя отсутствия Л. Н-ча. Л. Н. этого тоже опасается (на него действует страх Владимира Григорьевича) и берет с собой все, что можно: рукописи, начатые свои статьи, даже и книжный материал к ним.

К тому же пришли опять Жашкевич и Мюллер, Гольденвейзер с женой. Днем был Сергей Дмитриевич, вечером Лариса Дмитриевна. Гольденвейзер играл. Л. Н. после мазурки Шопена:

— У Шопена нет ни одной ноты, которая не была бы необходима. Этого у Бетховена нет.

Потом Л. Н. просил сыграть Аренского. Речь о Дондуковой-Корсаковой. Мария Николаевна о ее страданиях от рака груди. Л. Н. высказал мнение, что есть предел страданиям, что люди почти одинаково много в их жизни перестрадают.

3 сентября. Четверг. Утром приходили Жашкевич с Мюллером. Кинематографички. Должны были выезжать из Ясной в Крекшино. Л. Н. утешивал кинематографичков, чтобы не снимали, но они не унимались. Снимали у столбов, перед вокзалом, на перроне. Просили Л. Н. разрешить снять его гуляющим по саду. Он им отказал, но они не постыдились все-таки снять его, когда с вокзала пошел погулять. На станцию провожали Софья Андреевна и Варвара Михайловна. С Л. Н. ехали в Москву: Александра Львовна, Илья Васильевич, Дима, Калачев, Тапсель, Гольденвейзер и я. Л. Н. по дороге был добр, шутлив. Поспал. Присел к нему офицер, рассказывал про Маньчжурию, Китай, интересно.

При прощании Мария Николаевна не поняла и переспросила Л. Н., советует ли Александре Львовне в монастырь.

Л. Н.: Лучше в монастырь идти, чем замуж.

Л. Н. с 1901 г. не был в Москве. Ему в поезде интересно, и мух нет — это одно чего стоит! Когда сел, в поезде стало ему дурно, но дурнота прошла. День знойный. Утром не было росы: можно было ожидать дождя. Не было.

В Москве на перроне за Л. Н. уцепился Спиро. Как Александра Львовна ни дергала его за рукав, он не переставал спрашивать Л. Н., пока не разузнал все, что хотел. Встречали: Владимир Григорьевич и сотрудники из «Посредника». Л. Н., Александра Львовна, Владимир Григорьевич и я поехали в четырехместной коляске. Владимир Григорьевич сказал кучеру — под Спасские ворота не проезжать, чтобы не оскорблять верующих людей.

Вечером в Хамовники пришел безработный крестьянин Софронов, приславший рукопись своей статьи о Л. Н-че. Л. Н. нашел ее слабой и отговаривал печатать. Между прочим и потому, что не пропустят ее, потому что им нежелательно выставлять в хорошем свете деятельность Л. Н.¹ Иван Иванович рассказал, что на Казанской выставке издательство не было награждено высшей медалью потому, что «ведь оно издает сочинения Толстого».

Л. Н. сказал, что Казанская губерния черносотенная, что оттуда часто получает ругательные письма.

Л. Н. говорил с Иваном Ивановичем о задуманной им серии маленьких книжек о религиозном учении Кришны, Лао-тзе, Будды, Конфуция, Марка Аврелия, Эпиктета, Магомета, Беха Уллы. О Талмуде еще не решил. Есть знакомый хороший человек, раввин, которому можно бы поручить. Главное, в виде нравственных изречений. Иван Иванович потом написал раввину.

В Хамовниках портрет Л. Н. 80-х годов, когда писал изложение Евангелия, переживал семейную драму, основывал «Посредник»: богатырское, бледное, грустное лицо².

4 сентября. В Москве. Л. Н. встал рано, прошелся по саду и проехался на трамвае и на конке. Его узнавали не как Толстого, а как бывшего

жителя Хамовников. На улице прочел бабе открытку. Потом с Гольденвейзером, Чертковым, Горбуновым, Александрой Львовной был у Циммермана, слушал «Вельте миньон пиано». Понравился Шопен: «Прелестно», а потом играли Грига и Вагнера:

— Эта такая чепуха, совсем как в литературе.

Л. Н. Марии Николаевне о Сереже:

— Бедный Сережа: идут — мальчик, весь вымазанный в красках,azole — гимназист. Если бы был мой сын, кем желал бы ему быть? Красильщиком.

В час выехали на Брянский вокзал. Когда вошли в залу, все присутствовавшие сняли шляпы и настала тишина. Здесь опять Спиро завладел Л. Н.-чем. Л. Н. отвел его в сторону и сказал ему то, что намеревался ему сказать, т. е. чтобы в Крекшино не приезжал и вообще не приезжал до приглашения. Спиро сейчас же оговорил, может ли встречать Л. Н. при возвращении из Крекшина? Л. Н. согласился. На вокзале женщина хлопнула Л. Н. по плечу: «Простудится старик!» Один носильщик бросил вещи и побежал смотреть Л. Н. Барыня за ним, кричит.

В вагоне третьего класса набилось столько людей смотреть Л. Н., что я одно время опасался, что будет давка, но публика менялась. Присел Черниковский, доцент-акушер, едущий на свою дачу, и разговорился с Л. Н. Рассказал, негодую, как «Русские ведомости», «Русское слово» и «Раннее утро» не напечатали его воззвание к дачникам, чтобы вместо устройства крокетов, танцевальных мест, устраивать огороды, в которых сами работали бы. Эта мысль его очень занимает, и он уже осуществил ее в своей семье. Л. Н., говоря с ним, говорил и всем вместе едущим пассажирам. Говорил о впечатлениях московских: когда ехал к Циммерману на конке, вспомнил Гусарова, его жалость к животным, лошадям на конках. В Москве замечал грубость народа.

Черниковский: Культуры нет?

Л. Н.: Не культуры, а что у народа нет нравственного сдерживающего начала. Из религии осталась одна внешняя, обрядная часть: посты, перекреститься перед образом. А что прежде было под этим внешним внутренним, религиозным, нравственного (не воровать), этого теперь нет. Внешнее осталось, внутреннего нет.

О памятнике Гоголю. Л. Н. смотрел его:

— Надо смотреть en face *, а со стороны дурно. Хорошее выражение, грустное и серьезное. Можно бранить и понять. (Скульптора Андреева все бранят.) Выразить духовную личность — этого нельзя. Красавца-гусара можно изобразить. Зачем это ставят памятник? И Гоголя, и Христа рисовать — образ не нужен, а дух. А что же Петр и Тотлебен, которые убивали людей? Забыть про это, а не памятники ставить¹.

Л. Н.: Многое изменилось с тех пор, как я не был в Москве.

Л. Н. поразило, что едут на извозчиках и читают газеты. Кто-то сказал: газетами стали интересоваться все. До Японской войны этого не было.

5 сентября. Крекшино. Пополудни Л. Н. верхом на высокой, семи-вершковой вороной лошади. С большим трудом садился на нее. Под стремя привязали петлю. Первые две версты было ему трудно с ней справиться: закусывает удила, и голову держит вниз, и внезапно круто поворачивается, и пускается в галоп. Потом объездил ее. Ездили в деревню к токарю. Сделали круг в девять верст. Провожали Л. Н.-ча Дима, Владимир Григорьевич и я.

Здешний народ, говорили Чертковы, пьянствует, забитый, суеверный, ограниченнее тульского. Песни всего три-четыре знают. Живут Москвой, в достатке. Дома их больше похожи на дачи, чем на избы.

* спереди (франц.).

ТОЛСТОЙ

Крекшино, 5—18 сентября 1909 г.
Фотография В. Г. Черткова

6 сентября. Крекшино. Прошло более трех недель, как Л. Н. ничего не писал, кроме дневника и коротких писем. Последняя его статья была «Заявление об аресте Гусева». Л. Н. теперь пишет «Письмо польке» и исправляет корректуру учения Лао-тзе. Очень много поправок в тексте выбранных мыслей из «Тао-те-Кинга». Л. Н. тут не справляется ни с оригиналом, ни с переводами, а поправляет, переделывает по своей догадке. Поступает по тому способу, что во втором издании «Круга чтения», где мысли других мыслителей поправлял, переделывал по-своему.

Я читал сегодня вырезку «Оторванный от жизни» А. М. Хирьякова из «Киевских вестей» 21 августа. Резкий ответ «Голосу Москвы», очень хороший¹. И в «Русских ведомостях» 5 сентября статья И. И. Горбунова о пребывании Л. Н. в Москве 3 и 4 сентября. Зато статьи Спири в «Русском слове» 4 и 5 сентября и еврейского корреспондента, бывшего вчера, в сегодняшних «Русских ведомостях» 6 сентября — перечень событий, больше внешний, и не подчеркнуто ничего нежного, задушевного, важного у Л. Н.²

Пополудни привезли от Циммермана «Пиано Вельте» и фотографии, снятые с Л. Н. и с ним бывших и служащих фирмы. Л. Н. очень понравился этюд Шопена в исполнении Падеревского.

Л. Н.: Шопен совсем под его линию подходит, веселый. — Потом понравилась баллада Падеревского: — В ней крещендо удивительно.

Л. Н-чу нездоровится.

7 сентября. Утром Л. Н. гулял к Брянской железной дороге. Писал статью о польке. Исправлял корректуру Лао-тзе. Пополудни ездил с Владимиром Григорьевичем. Утром Анна Григорьевна рассказала, что говорил урядник, будто бы становой намерен произвести обыск. Очень неприятное впечатление. Владимир Григорьевич все, что было в одном экземпляре, отсылает в Англию.

Утром уехал Хирьяков на суд. Перна. Пополудни Димочка с Крутиком — в Телятинки.

Вечером играли на «Миньоне». При увертюре вагнеровского «Тангейзера», сыгранного Листом, Л. Н. чуть не уснул. Остановили эту увертюру. Потом играли рапсодию Листа. Л. Н. не высказался о ней.

Огромная почта. Ламанский пишет и присылает две книги. Одна из книг — «Три мира европейско-азиатского материка» — прислана в связи со статьей «Письмо польке»¹.

Поздно вечером телеграмма от Софьи Андреевны, что она встревожена известием газет о нездоровье Л. Н-ча. Л. Н. ответил: «Совершенно здоров. Очень ожидаю тебя и все Чертковы. Лев»².

Владимир Григорьевич возмущался неверными газетными слухами (для сенсации) и переживаниями корреспондентов последних дней. Первое о Москве: будто бы Л. Н. пожалел, что отстранился от городской жизни. А Л. Н. сказал, что ему множество людей (городских), живущих совсем чуждой ему жизнью, чуждо, а вместе с тем сознает, что он составляет часть их жизни, участвует в их жизни. Второе: о памятнике Гоголю. Л. Н. совсем не критиковал его, а сказал, что он понимает художника, что он хотел выразить. Гоголь смотрит на гуляющую внизу публику серьезно, грустно. Но духовное нельзя выразить скульптурой. Третье: о «Миньон-пиано», что журналисты приписывают Л. Н. мнение, высказанное Гольдценвейзером. Л. Н. «Миньон-пиано» не считает достижением в популяризации музыки. Это ведь ему с изуродованным вкусом Шопен (в передаче «Миньон-пиано») нравится, а чтобы это была музыка всеобщая, Л. Н. не думает. В Германии будет нравиться Штраус, в России — наша народная.

Л. Н. хорошо настроен. Сегодня не было гостей. Л. Н. спрашивал Владимира Григорьевича про его дядю Пашкова, высланного из России за евангелическую пропаганду. Его выслали и сделали обыск в том же доме в Крекшине, в котором теперь живут Чертковы.

8 сентября. Утром приехали А. П. Алексеев, С. М. Соломахин, 50-летний автор «Дяди Фаддея» и других рассказов «Посредника», с дочерью, четверо из Москвы, молодой крестьянин из Рекинки. Л. Н. с ними после завтрака гулял. Несмотря на вчерашнее кровотечение, Л. Н. гулял и ездил верхом.

Приехала Софья Андреевна. Получен «Маяк» — номер, посвященный Л. Н. Сонечка очень любит читать «Маяк».

Вечером за чаем Л. Н. прочел вслух свое новое «Письмо польке» о том, что делать угнетенным народам и сословиям.

— А теперь «вальс», — сказал Л. Н. и прочел «Недельное чтение» из старого «Круга чтения» — «Беглец» Чехова.

— Как это хорошо читать! Я иногда, когда трогательно или смешно, волнуясь.

Анна Константиновна: Этот рассказ в «Новом круге чтения» не будет?

Л. Н.: Будет.

Анна Константиновна: Николай Николаевич говорил, что вы выпустили его, потому что несодержателен.

Л. Н.: Жалею, он несодержателен. Это у Чехова всегда. Но трогателен, мил.

Присутствовавший Могилевский, виолончелист, спросил Л. Н., читали ли «Яму» Куприна, что это несравненно грязнее, чем Мопассан.

Л. Н.: Я пробовал читать и не мог. Потом мне кто-то что-то сказал про Куприна, и почувствовал, надо прочесть. Попробовал, но опять не мог дочесть.

Сегодня с 2 до 3 и с 8 до 9 концерт «Миньон». С 9 до 10 Могилевский на виолончели под аккомпанемент Ольги Константиновны.

Вечером Л. Н. мне:

— Опасаюсь за Черткова. Тронут его отсюда.

9 сентября.

— Мне сейчас хочется работать, есть такое, чтобы не расплескать, — сказал Л. Н., вернувшись с утренней прогулки, и потом написал разговор с молодым человеком, с которым только что встретился¹.

Л. Н.: Мне говорят, что преступление — не учить детей, а я говорю, что двойное — учить. В Евангелии сказано, что «жернов на шею»²...

Л. Н. занят «Письмом польке».

Л. Н.: Я замечаю, вы довольно свободны от тщеславия, которое мешает свободе, искренности, правдивости. Это большое преимущество.

9 сентября вечером я выехал из Крекшина в Жилину, Мартин — и дома в Ружомбероке 13—30 сентября.

3 октября. Пополудни я вернулся в Ясную Поляну. Л. Н. до 19 сентября пробыл в Крекшине, потом уехал в Ясную¹.

Л. Н-ча встретил на шоссе около колодца гуляющим. Я шел пешком впереди извозчика. Подошел к Л. Н. поздороваться.

Л. Н.: Видел, кто-то едет — неприятно. Увидав вас, рад.

Л. Н. постарел, ослаб. Я слышал, что, когда он проезжал через Москву, толпа на вокзале его чуть не задавила. И, когда вернулся в Ясную, с ним был сильный обморок. С Л. Н. приехал Беркенгейм и сегодня утром уехал. Л. Н. ободрал себе ногу. Вечером Л. Н. мне:

— Вы должны рассказывать.

Я рассказал о родине, о впечатлениях в пути. Между прочим, я заметил, что кондуктора, рабочие читают газеты.

Л. Н.: В газетах столько новых сведений (самоубийства, грабежи и т. д.), что у читающего их места не остается для серьезного размышления. Газеты — оий, сокрытие того, что нужно.

Л. Н. поставил вопрос: есть ли идейная газета?

Павел Иванович: Были опыты, не окупается. Будет, когда пожертвуют миллионы. Как возникал «Посредник»? Чертков покрывал все расходы, только бы книжки распространялись минимум по 10 тысяч экземпляров.

Л. Н. рассказал, что в «Посреднике» печатаются учения Лао-тзе, Кришны, Конфуция.

— Поссе мог бы издавать идейный журнал. Он и хочет², — сказал Л. Н.

Кто-то заметил что-то о Поссе.

Л. Н.: Так Поссе легкомысленен?

Л. Н. сказал, что нужно бы такой журнал издавать и что он с Чертковым поговорит об этом.

Л. Н.: Николай Николаевич пишет, что придает важность посещению меня Струве. По-моему, Струве никакого впечатления не оставил, будто бы он и не был³.

От 10 сентября до 3 октября Л. Н. написал в форме разговора с крестьянами две статьи: о курении и о податях, военщине; эту продолжает писать⁴. А кончил и послал Поссе «Письмо польке»⁵.

В Крекшине, когда приходили к Л. Н. мужики с хлебом-солью, он сказал, что говорили, будто крепостное право никогда не отщеплется, а прошел год-два... и оно так будет и с землей.

4 октября. Л. Н. переделывал свою статью об анархизме, хранившуюся у Черткова в Англии⁶. Пополудни Л. Н. ездил верхом. Я с ним.

— Вам не скучно?— спросил, подождавши и поровнявшись со мной.

Под вечер приехал публицист Градовский, 65 лет, либерал. Очень робел перед Л. Н. и умилялся, восторгался им и был очень тронут, благодарен за его доброту, внимание. Л. Н. говорил с Градовским об общих знакомых. О Бирюкове Л. Н. сказал, что он один из редких по качеству правдивости людей. Ему нетрудно быть всегда правдивым. О Пархоменко. Градовский говорил, что Пархоменко писал и его портрет, быстро, но ему не нравится.

Л. Н.: Недавно получил второе письмо от еврея. Укоряет меня, что в «Азбуке» привожу слово *жид*, а это оскорбительно для евреев⁷. В мое время оно таковым не было. Другого слова (еврей) и не употребляли. У славян до сих пор не употребляется.

Я: И у малороссиян.

Градовский: У Тургенева есть рассказ «Жид».

Александра Львовна: Тут в презрительном смысле.

Л. Н.: И тут не презрительное — в заглавии не может быть.

Градовский говорил, какая каша теперь среди революционеров: не знают, кто шпион, кто не шпион. И среди правительственных людей. Недавно покончил самоубийством сенатор Коваленский*. Перед смертью выдал Бурцеву материал (тайны правительства): шпионаж, провокаторство.

Л. Н. сказал, что, сколько ему ни рассказывали про Лопухина, Азефа и т. п., он ничего не понимает, так же как слова: «Лампа поехала в Тулу»; не понимает логики, смысла в этом деле (Лопухин — Азеф).

Градовский рассказал, что сейчас 300 тысяч заключенных, а места в тюрьмах для 150 тысяч. Бертенсон рассказывал ему, что на Кавказе есть тюрьма, в которой заключено в девять раз больше, чем полагается. Сосланных больше, чем 100 тысяч. За дела, бывшие три — пять лет тому назад, теперь ссылают. Отрывают людей от работы и еще содержат их на счет народа. Разорение.

Л. Н. рассказал, что на Севере (люди из народа) недоумевают, почему ссыльным дают паек, по семь рублей в месяц. «Где же им самим найти место, чтобы наняться за семь рублей?» Они думают, что ссыльные — это доносчики (на них, т. е. на народ, среди которого сосланы на поселение).

Градовский говорил, что встреча Толстого в Москве 19 сентября имела громадное влияние. Говорил еще, что баварский ландтаг единогласно постановил прекратить конвенцию о выдаче преступников России, даже за цареубийство, потому что там нет правосудия. К сожалению, это совпало с казнью Фарера в Барселоне⁸.

Градовский о черносотенцах, монархистах, озлобленно.

Л. Н.: Они обманывают высшие сферы, что представляют массы (а их мало).

Разговорились о духоборах. Градовский знал их с Кавказа, с 1877 г.

Л. Н.: Свободники (среди канадских духоборов) — это лучший образец возможности анархизма: им ничего не нужно от правительства.

* Градовский характеризовал его как карьериста. Бывший шеф департамента полиции.

Л. Н. рассказал, что прочел в «Газете-Копейке», что к М. Н. Толстой в монастыре Шамордино проникли два грабителя.

Софья Андреевна: В московских газетах не было об этом, и Мария Николаевна не написала.

Разговор о газетах. Градовский о возникновении «Копейки».

Л. Н.: А я далек газетному миру. В Москве видел, как читают теперь газеты и какое это страшное влияние. Как хороша была бы хорошая газета, в которой устранили бы вопрос денежный.

Градовский: И которая, кроме того, не гонялась бы за новостями. Явилась потребность в чтении.

Л. Н. сказал, что получает письма, и очевидно: все сведения из газет. Л. Н. говорил, что теперь получает письма от крестьян: главный предмет — это о личном боге, второе — о вечной жизни. Простолудин обыкновенно не может себе представить вечное будущее иначе, как временное, а не как безвременное. Л. Н. был Градовскому приятен, но Градовский не был ему интересен: насквозь либерал. Градовского позвала, собственно, Софья Андреевна⁴.

Л. Н. и вчера и сегодня рассказывал с подробностями сны, какие видел.

Вечером читал про Суфий (суфизм) — подвижничество в магометанстве (в Брокгаузе)⁵, сказал, что ему это было известно: молоканин ему советовал в письме читать о Суфии и о нескольких магометанских подвижниках⁶.

5 октября. Понедельник. Вчера вечером Л. Н. сравнивал алхимию, схоластику с нынешней наукой и в чем-то давал преимущество схоластике.

Утром приехал Гольденвейзер. С ним Л. Н. ездил верхом. Он рассказал Л. Н.-чу содержание двух новых пьес Л. Андреева. Вечером Л. Н. смотрел в газете «Голос Москвы» фельетон о пьесе Андреева «Анатэма»¹. Недоумевал, жалел Андреева и огорчен был им, что такие глупости, неясности пишет. Градовский говорил про его нескромность: учредил в Петербурге театр, в котором идут его пьесы, вроде театра Мольера — театр Андреева. Говорил про его пьесу из жизни студентов — «Дни нашей жизни», которая давалась в Петербурге 60 раз. Какая неправдивая, грубая и нехудожественная. И Градовский и Гольденвейзер в разговоре о студентах говорили, что они теперь серьезнее, чем прежде (в их времена), и что теперь разврат больше среди гимназистов, чем среди студентов.

Л. Н. говорил про новую манеру писания — метерлинк-андреевскую, что она только внешняя, а надо художественно новую. Старая манера: «Была прекрасная ночь» — уже не годится. Пережиток. Происходит искажение новой.

Гольденвейзер спросил, где сказано, что ему сегодня рассказал Л. Н., что бог создал человека, чтобы проявить себя.

Л. Н.: В изречениях Магомета².

Л. Н. (о Делюре): Мы оба стары становимся. У него, вероятно, то же с глазами делается, что у меня. Всего пугается. Я маленький, близкий предмет принимаю за далекий, огромный (и он, вероятно, так). Наоборот — нет.

С 9 до 9.30 Л. Н. читал нам вслух новейшую, в Крекшине начатую, с тех пор переработанную статью — второй разговор с крестьянином о самопорабощении³. Крестьянин сам обрабатывает и караулит землю землевладельца, идет в солдаты.

Л. Н. на замечание Гольденвейзера констатировал с радостью, с удовлетворением, что люди не из-за выгод должны не участвовать в самопорабощении, а потому, что бог так хочет, а что будет — это не наше дело.

Л. Н. (Градовскому): у Столыпина своих мыслей нет, а все заимствованные у Европы, подражание Европе и хуторское хозяйство. А у 150-миллионного народа должны же быть свои основы.

Говорили о земле, что в Турции она государственная. А в Китае? Никто не знал.

— В Индии, — сказал Л. Н., — земля не считается собственностью.

Разговор перешел на Китай. Гольденвейзер сказал, что Китай вооружается. Л. Н. усомнился, насколько обосновано утверждение, что у китайцев миллион солдат.

Насчет принятия китайцами западной цивилизации, конституции и т. д.:

Л. Н.: Ох, не думаю! У них свои основы, чуждые нам. — И разговаривал о книге Ламанского «Три мира европейско-азиатского материка», рассказав содержание ее⁴.

Л. Н. решил начисто переписать второй разговор с крестьянином.

Уехал Градовский. Л. Н. сказал ему, что желает быть с ним в общении. И Гольденвейзер уехал. Л. Н. сказал мне о Гольденвейзере, что он интересен ему тем, что никакого школьного образования не получил, а до чего он образован.

Софья Андреевна рассказала Градовскому, что Л. Н-чу иногда приходила тревожная мысль о психической болезни, и она давала ему обещание ни под каким предлогом не отдавать его в больницу или на произвол врачей.

6 октября. Приехал Андрей Львович с Екатериной Васильевной и дочкой, которая остается, а они уедут в Петербург.

Третьего дня были у Л. Н. телятинские мужики, вчера был староста — жаловаться. На их зеленых паслись 12 лошадей арендатора Звегинцевой. Они загнали их. Становой послал за их старостой, посадил его в холодную, а там ночью был избит (становым? стражниками?). Л. Н. ездил расспросить другую сторону. Звегинцева ему рассказала: старший стражник сознался, что он бил старосту, но за ругань: староста был пьян. Л. Н. советовал помириться. Станового, живущего в усадьбе Звегинцевой, не застал. Звегинцеву спрашивал, кто исполняет должность губернатора. На обратном пути заехал к старосте и просил меня осмотреть его: (увечья). Снялки, ребра подбиты, один зуб сломан, другой — корешок — почти вышиблен и шатается.

День прекрасный. Л. Н. ездил грумантскими, телятинскими и яснополянскими полями и Лимоновской посадкой по таким местам, где десятки лет не бывали. Я с ним.

А. Е. Звегинцева вышла Л. Н. навстречу на двор, приветствовала его, предполагая, что он к ней едет, «наконец». Л. Н. долго не слезал с лошади, так разговаривал с Звегинцевой, потом на повторные приглашения, вошел к ней в дом. Побыв минут шесть и расспросив обо всем, что ему было нужно, уехал. Звегинцева провожала нас через парк до калитки. Л. Н. старался не быть нелюбезным, но не мог не быть в некоторой степени schroff*: не мог быть иным из-за Черткова, в высылке которого она так деятельно участвовала.

Вечером телеграмма от Маклакова: может ли приехать Чельшев? Ответила Софья Андреевна: «Просим». Л. Н. был очень рад, когда я ему достал из библиотеки брошюру Чельшева. Л. Н. интересуется им как противником вина, поднявшим этот вопрос в Думе, «единственным порядочным членом Думы» (так о нем выразился Лев Львович) и как единственным, который может поднять земельный вопрос по Генри Джорджу (так сказал Л. Н-чу Маклаков), и как самостоятельным и смелым, про-

* резким (нем.).

стым русским человеком. Чельшев все время посылал Л. Н-чу свои речи и статьи против вина¹. За обедом разговор о нем, потом о Л. Андрееве.

Л. Н. спросил, знает ли он (Л. Н.) лично Андреева? Никто (Софья Андреевна, Андрей Львович, Александра Львовна) не мог вспомнить.

Л. Н.: Это нескромно с моей стороны: я его принимаю потому, что могу быть ему полезным.

Андрей Львович: Переделаешь его?

Л. Н.: Этой опасности нет.

Андрей Львович: А помнишь ты Горького в Москве? Ты полтора часа увещевал его и спросил, не обижаешь ли его?

Л. Н. не мог вспомнить².

— Ты говорил ему, — продолжал Андрей Львович, — то, что он писал про босяков, то, что он сам пережил, — было хорошее, а как стал писать рассказы, вроде «Вареньки Олесовой», пошла такая околёсина.

Л. Н. (ко мне): «Я чуть не написал вашему другу Меньшикову. В статье о политике П. А. Столыпина он в конце написал: «Faire bonne mine au mauvais jeu» * вместо «à mauvais jeu». Употребил одно французское слово, и то ошибка³.

И Л. Н. вспомнил кого-то, продекламировавшего «Erlkönig» Гете по-русски и только в конце сказавшего по-немецки: но «der Kind war tot» **⁴.

Андрей Львович и Александра Львовна заговорили об «Erlkönig» и стали его по-немецки декламировать.

Л. Н.: Я его никогда не понимал: ничего в нем нет.

Вечером Л. Н. прочел что-то из Л. Андреева, и Андрей Львович читал некоторые рассказы из «Рассказов» первого тома. О рассказе «Молчание» Л. Н. сказал, что фальшиво. В рассказе «Жили-были» с одобрением выразился о дьяконе, но сказал, что конца рассказа нет и, кажется, сказал, что нет содержания, а одни картины.

7 октября. Утром Л. Н., когда я ему перевязывал ободранную ногу, сказал:

— Ночью ничего не спал, теперь хочется.

Я: Вы бы легли.

Л. Н.: Нет, утро хорошее, пойду гулять. Пойду к телефону, поговорю с адвокатом или губернатором. Они уже встали. (Л. Н. по делу избитого стражником телятинского старосты.)

Я: Мой отец три четверти дня проспит сидя.

Л. Н.: А ночью спит?

— Да.

Л. Н.: Сон для нашего брата-старика — дело хорошее.

В девять часов Л. Н. пошел пешком к телефону в лесничество. Встречать его поехала Александра Львовна. Пополудни Л. Н. был очень усталый. В 2 часа лег спать. Встал в 5.30.

Приехала Мария Андреевна.

Л. Н. о Л. Андрееве — хвалил его маленький рассказ «Валя»:

— Превосходный! Вечером прочтем его вслух. — Про способ писания Андреева Л. Н. говорил, что «Молчание» (рассказ, вчера читанный вслух) очень хорош вначале, но потом переходит в фантастическое, недействительное. Раньше он так писал, а теперь пишет только фантастическое, а это плохо.

Л. Н. припомнил, как верно сказал Гольденвейзер, что ему при чтении Андреева бывает стыдно за него, когда идут фальшивые разговоры.

* «искусно скрывать досаду» (франц.).

** «этот ребенок был мертв» (нем.).

Софья Андреевна вчера возмущалась тем, что из Крапивны ее спрашивают про ее доход от изданий сочинений Л. Н. Это вводится подоходная подать в России. Не знает, что считать доходом. Л. Н. ей довольно долго отвечал, объяснял.

Л. Н. рассказал, что сегодня получил письмо от знакомого Молочникова. Ему определили доход в три тысячи рублей и назначили налог 90 рублей, а у него доход 300 рублей. Он ответил им (земству?) резким письмом. Его за оскорбление заключили, а он только что отсидел 15 месяцев. Просит Л. Н. пособить ему. Л. Н. хочет, но не знает, куда ему обратиться. Просил Александру Львовну спросить об этом Молочникова¹.

Л. Н. после обеда просматривал «Вестник Европы» и взял читать «Новое время». Говорил Марии Александровне, что страшно читать газеты, что смотрел оглавление «Новой Руси», думал, все хорошо, но при самом конце — 12 смертных приговоров.

С 9.30 до 10 Софья Андреевна читала вслух по предложению Л. Н. им вчера уже прочитанный рассказ Л. Андреева «Валя». Меня не тронул, хотя тема выбрана трогательная: о ребенке-приемыше, полюбившем новых родителей, но после суда переходящем к матери. Л. Н-чу понравился, но, по-моему, только относительно, в сравнении с другими. Еще хвалил «Молчание», «На реке» и «В темную даль». Л. Н. рассказал их содержание. В «Молчании» дочь дьячка, революционерка, приехала домой, все молчит, потом бросается под поезд. «В темную даль» — сын-революционер уходит от родителей из богатого дома и потом возвращается. Но почувствовал, что он в таком богатстве не может найти никакого удовлетворения, так ему претила эта роскошь, и снова ушел.

Л. Н. говорил про Андреева, что это большой талант, но в его рассказах надо отчеркнуть, где начинается фальшивая чепуха (и эту часть выпустить). В «На реке» — там, где начинается ненужная сцена на крыше дома. Кажется, в «Молчании» — до кладбища, где начинается сцена на кладбище.

Л. Н. рассказал «В темную даль» и «Молчание» так, что его рассказ мне *очень* понравился.

Л. Н.: В художественных вещах надо, чтобы было естественно, правдиво. Когда вы читаете, то вы сами должны это переживать, тогда это естественно: ни одной фальшивой ноты, а вместе с тем, чтобы было чувство, которое бы вас постоянно волновало. Когда эти две вещи соединены, тогда естественно.

Л. Н., помолчав, прибавил:

— Я бы Андреева не читал, но он приедет, надо тогда это ему сказать.

Александра Львовна с Варварой Михайловной ушли спать. Остались Софья Андреевна, Екатерина Васильевна, Мария Александровна. Л. Н. продолжал лежать на кушетке, как слушал чтение, и после беседовал о нем. Вставая и подходя к круглому столу проститься, с просветленным лицом и широкой улыбкой сказал:

— Хотел бы сделать Душану Петровичу неприятное, — и Л. Н. посмотрел на меня. — Он не догадается: умереть.

Софья Андреевна: Разве скучно жить? Все тебя любят.

Л. Н.: Нет, чего же лучше, а пора. Знаю, что всем, которые меня любят, неприятно, но ему особо, профессионально неприятно, — с улыбкой договорил Л. Н., уходя.

О Чельшеве, которого сегодня ждали, Л. Н. говорил Марии Александровне (по ее словам), что ему очень интересно будет с ним повидаться, так как он сделал расчет на душу — шесть рублей податей, именно такой расчет, какой сделал и Л. Н.

Л. Н. предварительно прочел одну его книжку.

ТОЛСТОЙ ИДЕТ ПО ДОЛГО-
ХАМОВНИЧЕСКОМУ ПЕРЕУЛКУ

Москва, 18 или 19 сентября 1909 г.

Фотография В. Г. Черткова

8 октября. Л. Н. плохо спал. Все-таки бодрее вчерашнего.

Л. Н.: Брошюра Чельшева интересна. Я вперед напишу, что хочу ему сказать. Есть мысли.

Я: Чельшев посылал всегда свои речи.

Л. Н.: А вы достаньте мне их.

Помолчав, Л. Н. сказал:

— Ученые, члены Думы... На неученых одна надежда. Мух сколько — это они знают. Какой-то Вейерман вычислил, что их семь тысяч видов, и их свойства известны¹. А их, наверно, еще семь тысяч, 170 тысяч микроскопических. Он — Чельшев — против государственного, правительственного вмешательства в духовную свободу человека.

Я (Л. Н.-чу): Леонид Семенов говорил про Леонида Андреева, что он очень хороший человек. Они большие друзья.

Л. Н.: Какой вы добрый человек, что это напоминает! Он неясный, но у него чувствуешь стремления к самому высокому, духовному.

Пополудни Л. Н. пошел гулять на шоссе. Варвара Михайловна за ним, опасаясь, чтобы с ним чего не случилось. В шесть часов вечера приехал М. Д. Чельшев, член Думы от города Самары.

Чельшев — богатырского сложения, с энергичными движениями, красивым лицом, с черными, как смоль, усами, густой, длинной гривой, в рубашке и черной курточке. Говорил с убеждением и, может быть, преувеличенным пафосом.

Л. Н. интересовало, что он рассказывал о родителях-крестьянах и про свое детство. Родители были странноприимные. Один старик-странник остался у них жить: был болен. Чельшев мальчиком спал с ним на печке и с благодарностью вспоминает его поучения.

Еще Л. Н. оценил в Чельшове его убежденность во вреде водки и в том, что должны с пьянством бороться, прекратить его.

Чельшев приехал к Л. Н. поговорить о борьбе с пьянством и просить его помочь ему склонить к этой борьбе Маклакова в Думе.

Проекты Чельшева о прекращении продажи водки поддерживали в Думе священники, крестьяне из правых и некоторые депутаты из всех партий, но больше из правых и октябристов.

Он приехал просить содействия Л. Н., чтобы склонить кадетов.

— Вот моя просьба: духовные, в школах, в армии должны ввести преподавание о вреде алкоголя. Столыпин тоже желает трезвости и царь. Но многое зависит от интеллигенции. Повлиять на них можете вы.

Л. Н.: Моя вся надежда в России на мужика, который знает бога и знает, что надо жить для души. Интеллигенция отпета. Одна надежда на народ, на его религиозное воспитание, но не на то, чтобы молиться иконе. Интеллигенция «стремится залезть» на шею народу. «Мы хотим служить народу» — это патент. Я всюду стою за радикальные средства: нравственное, религиозное пробуждение, чтобы пьянства не было.

Чельшев: Считаю, что «пьяный вопрос» я почти кончил. Я просил Маклакова. Попросите вы Маклакова: с юридической стороны помощь нужна. Непременно!

Л. Н.: Нет, не думаю. Нужно нравственное религиозное чувство — вот что главное; а чем больше насилие, тем больше оно (чувство) уменьшается. Все эти виселицы развращают народ. Закон состоит «в том, чтобы» предоставить право всякому (обществу) селу определить, нужен ли ему кабак.

Чельшев: Чтобы шинков не было.

Л. Н.: Как же им не быть?

Чельшев: Первое — сделаем бездоходным это средство: кабаки могут открываться только в селах, где свыше 500 жителей, и они могут закрывать открытие, и второе — ярлыки на бутылках, номер лавки. Третье — только одну бутылку в день можно продать одному и тому же лицу. Нужны кадеты, нужен Маклаков, чтобы говорил. Всею душой стою за него (непреренно Маклакова). Вы за свободу? Дайте мне, дайте мужикам свободу закрывать кабаки. В Первой думе меня осмеяли. Это не введение питейного налога, а освобождение от рабства.

Образчик этикетки, привезенный Чельшевым и исправленный Л. Н.-чем*: «Водка — яд, от нее большой вред и душе и телу».

Л. Н. второпях сказал. Подробное обдумавши, думает что так: «Водка — яд, и пить ее — большой вред для души и тела. А потому и большой грех потреблять ее, угощать ею и также готовить этот яд и торговать им».

Чельшев: Мои мечты: когда же народ будет трезв?

Л. Н. (с усмешкой): Да, да, да. О вреде народного образования — надо прибавить семь тысяч видов мух. А о смертной казни? никто не подымал (в Думе) этого вопроса?

Чельшев: Были попытки, теперь нет.

Л. Н.: Это ужасно!

Чельшев начал:

— Вот вы указали прекрасно на подати, которые берутся с крестьян. Я думаю, что для меня разрешение питейного и земельного вопроса — это все.

Чельшев о торговле хлебом:

— Должна быть регалия государства. Государство должно определять, какое количество мы дадим на мировой рынок.

Л. Н.: Позвольте, как в подробности вы представляете себе это? Как в деревне определить?

* К записи приложены две напечатанные в типографии этикетки с изображением черепа и скрещенных костей и надписью «Яд». — *Ред.*

Чельшев: Государство определит, сколько оно вывезет, и определит, сколько волость будет ссыпать в волостные амбары и сколько сеять на будущее. Может вспыхнуть война; в голодный год, чтобы народ не покупал по полтора рубля пуд, а цена ему рубль. Ведь голодный год съедает три года. Одна цена должна быть.

Л. Н.: Этого я не понимаю: как одна цена?

Чельшев: Это цена хлеба, который вы ссыпаете в волостной амбар.

Л. Н.: Теперь положение, как было при крепостном праве: народ чувствовал, что нельзя продавать людей. Случайно Александр II сделал, потому что это сделано было в Европе. Подражал так, как теперь Столыпин подражает. И теперь крестьяне становятся рабами: владеет ими тот, кто владеет землей, а этот глупый человек — Столыпин — думает, что он поможет, когда наделает новых рабов. Но нам надо подражать только, а своим умом ничего не сделают; кто же это сделает, оставит добрую память по себе. Вы — такой человек, который думает своим умом: свели все подати на землю, не посылаете сына в город.

Чельшев: Приношу вам мою искреннюю благодарность за внимание.

Л. Н. сказал про Н. В. Орлова: «Вот мой любимый художник».

Про картину «Шинкарка»: «Он нарядился в онучи и ее уличает».

Про картину «Со службы»: «Солдат пришел, а она нажила с другим ребенка».

Чельшев: Он простил ее — машет рукой. Мужик может это сделать.

Л. Н., уходя в свою комнату, взял французский роман.

— Пока полежу, почитаю «L'immolé»².

9 октября. *Л. Н.* поручил переписать и переслать Чельшеву письмо владимирского крестьянина о том, что Крестьянский банк продает купцам земли, которые у него арендовали крестьяне¹. За завтраком *Л. Н.* рассказывал, что слышал от приказчика: приказчик сегодня утром на Воронке около купальни видел двух лосей. Один, верно, теленок, подложил голову под морду матери, и так стояли. *Л. Н.* захотел увидеть их и пополудни поехал верхом в те места. Я с ним, лесами за Воронкой и по краю глубокого барсучьего оврага. Из него вышли лоси. Приказчик говорил, что он ни за что не убил бы лося. Вечером приехавший Илья Львович, месяцев пять не бывший дома, которому *Л. Н.* тоже рассказал про лосей, говорил тоже, что больше не мог бы убивать их. Он убил двух. Лоси кормятся зимой верхушками ветвей ветлы.

Л. Н.: Не скажут, рысью бегут.

Сегодня было очень много нищих, бедных вдов, за советами. С административно-ссылным *Л. Н.* поговорил.

Илья Львович рассказал про 16-летнего сына Мишу, учившегося в Москве, откуда исчез. Одна телеграмма, которую получили, гласила об этом. Другая: «Скончался». Поехали мать и отец разными поездками хоронить его в Москву. Оказалось, телеграфист ошибся, телеграфировав «скончался», вместо «скрылся». Миша ездил к казакам около Новочеркасска наниматься на работу. Его, по паспорту узнав, старики-казаки уговорили новой жизни (рабочей) без благословения родителей не начинать. И он через неделю вернулся домой. Он учиться не хочет; говорит, что он прокормится: хочет быть кучером-наездником. Отец хочет, чтобы он получил хоть какое-нибудь образование, хоть техническое училище, хоть в машинисты. Софья Андреевна тоже стоит за образование, хотя вперед уверена, как говорит, что Миша учиться не будет.

Л. Н. отвращение Миши к учению в школе разделяет (не осуждает): это (у Миши) признак здравого ума. И *Л. Н.* говорил, что надо бы узнать, какая его нравственность, нравственное отношение. Жизнепонимание: пьет? курит? здоровый (т. е. свой самобытный) ум? и половое?

Отец говорил, что Миша курит, пьет лишь изредка и мало, и в денежных требованиях и расходах скромен.

Спрашивали про газетные известия, будто бы в Шамординском монастыре к Марии Николаевне ворвались грабители. Хотя оно было в нескольких газетах, никто в Ясной Поляне — ни Андрей, ни Илья Львович — не спросил Марию Николаевну, что было. Она же сама не пишет. Илья Львович подтвердил, что это было: калужский судебный следователь ездил туда и негодовал, что из-за десяти похищенных рублей должен производить следствие. Подробностей Илья Львович не знал. Л. Н. говорил, что представляет себе, как испугалась сестра, и «эта характерная точка зрения следователя».

Софья Андреевна очень ласково встретила Илью Львовича. Л. Н., лежа на кушетке, очень дружески, как с давно не виданным другом, спокойно побеседовал и после обеда и вечером. Я после обеда ушел, а в 10.10 застал разговор на том, что Илья Львович рассказывал, как молодое поколение развращено.

Л. Н.: Это ничего, а на всех экзаменах задают из закона божия вопрос: «А что, убивать можно?» — «Нельзя». — «Всегда нельзя?» Следует ответ, что не всегда, а можно на войне, по приговору суда и т. д. — И Л. Н. рассказал, какие письма получает сплошь и рядом. (Цитировать мне письмо крестьянина Владимирской губернии, полученное вчера. Л. Н. прочел его Чельшеву. Удивительное письмо.)

Л. Н. рассказал о Чельшеве, о его проекте ограничения продажи водки.

О деятельности Крестьянского банка. Про сегодняшнее письмо владимирского крестьянина Фомина о том, что Крестьянский банк землю, арендуемую у него же крестьянами, продал купцам. Отруба.

— Гадкая деятельность, — заключил Л. Н.

Илья Львович: Не совсем: без Крестьянского банка не могли бы крестьяне покупать. — Илья Львович рассказал из своей практики некоторые дела, где помог крестьянам.

Л. Н.: Можно на всяком поприще добро делать.

Разговор о Л. Андрееве.

Л. Н.: Его прежние рассказы с 1901 года: «Молчание», «Валя» — превосходны. «На реке», «В темную даль» — прекрасные, но там уже начинается чепуха, преувеличенные чувства.

Илья Львович сказал что-то, что у Андреева своя манера писать.

Л. Н.: Одна манера должна быть у всех: писать ясно и чтобы было понятно. А он вступает в область запутанного, непонятного, сумбур, как в рассказе «Тьма», «Семь повешенных». (Об этих рассказах говорил Илья Львович.) Ты рассказы приговления одного повешения, только было бы правдиво, и по коже мороз пробегит.

Л. Н. говорил про какую-то нагроможденность картин, развинченность чувств у Л. Андреева. Илья Львович сказал, что ему доктор заведения, в котором Андреев лечился водой, рассказал, что он был пьяница, и у него осталась нервность, впечатлительность.

Л. Н.: Мне это очень жаль, это мне объясняет многое у Андреева. У него, как в клинике живут, прекрасно описано.

Л. Н. желает читать и «Семь повешенных» и «Красный смех», но прямо не просит найти ему их в библиотеке, чтобы не утруждать.

Когда Илья Львович уезжал в 10.45, Л. Н., прощаясь, целуясь, как всегда, со всеми родными, сказал:

— Очень тебе рад был, хорошо поговорили.

Когда остались Л. Н. и я одни, я сказал, что меня Андреев не захватывает. Пересказ Л. Н. «Молчания», «В темную даль» — да. А сами эти рассказы Андреева — нет. Они натянуты, неестественны.

Л. Н. ответил:

— Вы слишком строги, а может быть я ошибаюсь, потому что я *хочу* найти хорошее у него. Тут что интересно: пока он так (хорошо как в 1901 году) писал, его не замечали.

10 октября. У меня ночью и днем было сильное головокружение. Встал только в пять вечера. Л. Н. три раза посетил меня: не может ли мне чем послужить? Большое участие проявили все домашние.

Л. Н. говорил третий раз про полученные письма:

— Копыл из Новой Басани все бранится ¹. Автографы — хочу написать раз навсегда, чтобы не обращались ². И написал русскому учителю ³. Другим же — без ответа. И письмо от толстовцев об образовании из Пятигорска. Знаете, там колония толстовцев. Оттуда пишет молодой человек: «Какие мы толстовцы? и пьянствуем, и деремся, какую жизнь ведем?» и что он хочет уехать, чтобы получить образование. Я ему хочу написать и выбрал из каталога Павла Ивановича книг на 11 рублей 70 копеек, которые, прочитавши, может, получит полное образование ⁴. А там и дорогие: Кропоткин — 80 копеек, а то по 3, 5, 10 копеек.

Л. Н. хотел сегодня поехать в волостное правление на суд Резунова с мачехой. Он, женатый на москвичке и живущий там кучером, хочет дом продать, хотя имеет двух сыновей. Тем мачеха, и так им прогнанная, будто за воровство, лишается крова. Но пошел пешком на шоссе встречать Александру Львовну из Тулы. Она привезла три тома Андреева: пятый и шестой полного собрания и первый том мелких рассказов. Л. Н., просматривая содержание их, сказал:

— Я раньше читал и слишком строго отнесся к ним.

Л. Н. рассказал, что он сегодня камень бил на шоссе. Два камня разбил.

— Вы не одобрите, — обратился ко мне, — хорошая работа.

Варвара Михайловна: Он сидит, камни бьет, а Белка рядом сидит. Она гуляет со Львом Николаевичем.

Вечером Л. Н. не выходил, чай не пил: устал от прогулки, лег в 11.30.

11 октября. Утром был у Л. Н. Сережа Попов, автор писем к В. Скороходову о путешествии с братом Львом без паспортов, на пути к матери в Петербург, пешком и товарными поездами. Очень скудно одет, маленький, белокурый, вида детски невинного. Он вышел из гимназии, прожил три-пять лет у Скороходова и еще где-то на земле. Белинский спросил его, сколько десятин земли у Скороходова.

— Двадцать пять присвоенной, а двадцать десятин арендует.

Были еще Гусаров, проживающий с семьей в Телятинках у Чертковых, оклеивающий дом, Перевозников и Белинский. Перевозникову предстоит, может быть, военная служба, он еще не решил, отказаться ли. Л. Н. говорил ему, что быть или не быть солдатом — это дело между ним и богом. Но, если служить — не оправдывать служения, знать, что это грех. Оправдывать — самое худшее.

Л. Н.-ч С. Попову о рассказах Андреева «Семь повешенных» и «Тьма»:

— Слабо, психологически неверно, много лишнего. — Л. Н. вспомнил некоторые подробности о казни цыгана как верные.

Как вчера, так и сегодня — тяжелые просители. Л. Н. слаб. В кабриолете ездили в Казначеевку к больным. Л. Н. пешком домой. Вечером написал семь страниц писем: Лебрену, Желтову и Черткову ¹.

Получен октябрьский номер ньюйоркского журнала «The World's Work» со статьей «Tolstoy in the Twilight» и фотографиями посещения Ясной Поляны летом Генри Джорджем-сыном. Довольно хорошее описание и очень тактичное, учтивое ².

Л. Н. заметил в «Новом времени» неприязненную критику Кравченко на появившийся альбом Орлова «Русские мужики»: девять картин Орлова с предисловием Л. Н. Толстого. «Заслуга же Орлова только в том, что он о народном горе рассказывал в целом ряде картин, тогда как другие делали это между прочим, лишь изредка заглядывая и сюда». Картины находят вялыми, фотографическими, тенденциозными³.

Л. Н. вял.

12 октября. Понедельник. Л. Н. написал много писем, также и Александра Львовна. Она пишет каждый день не менее пяти, а то и двенадцати от имени отца или от своего имени за отца. И Софья Андреевна сегодня написала семь писем, главное — за Л. Н. Иные к ней обращаются, чтобы не тревожить Л. Н.

Я с Л. Н. ездил на Воронку мимо Угрюмов, Горюшина, Рвовской казармы. Делир три дня стоял, поэтому горячился. Л. Н. пускал его рысью и галопом в гору. К концу так горячился, что Л. Н. надоело.

Утром был молодой человек, говорил с Л. Н. об искусстве и науке и ждал книжек. Посетителей никого. Александра Львовна спрашивала Л. Н., читал ли дальше Андреева. — «Читал». — Александра Львовна хвалила, как хорошо читать с отметками Л. Н.: от 0 до 5. Эта книжка, рассказы Андреева, находится у Александры Львовны. Софья Андреевна предлагала вечером читать вслух; Л. Н. и Александра Львовна высказались за чтение про себя. Л. Н. сказал, что вслух надо все читать, а тихо, для себя, пропускаешь, и потому очень быстро читаешь.

Софья Андреевна: Талант у него есть?

Л. Н.: Талант это несомненный, <но> отсутствие чувства меры и самокритики.

Александра Львовна спросила, какие мелкие рассказы хороши и читал ли большие и драмы.

Л. Н.: Из рассказов «Собака» («Кусака») вам понравится. «Праздник» хорош, но опять испорчено. Больших (рассказов) и драм не читал.

Софья Андреевна: Андреев все замечает. Его художественные подробности — это способность наблюдения или дарование?

Л. Н.: Дарование в этом и состоит. Язык прекрасный (каким говорят).

Л. Н.: Если бы я знал Андреева, я поместил бы его рассказы в «Круг чтения». Есть места хорошие, но потом, когда начинаются фантастические соображения...

За чаем Александра Львовна опять спрашивала об Андрееве.

Л. Н.: Очень хороший рассказ «Христиане». Это — такая сатира на христианство, на квазихристианство. Это, вероятно, действительно происходило в суде и он присутствовал⁴.

Л. Н. получил анкету редакции берлинского журнала «Neue Gesellschaftliche Korrespondenz» с вопросом: «Sind Sie für Beibehaltung oder Abschaffung der Todesstrafe?» *

Л. Н. подписал, но не отослал следующую версию: «Es thut mir herzlich leid, dass Sie eine Frage, die für wirklich aufgeklärte Leute schon lange her keine Frage (mehr) ist, stellen mir, der durch nichts, wie mir scheint, bewiesen hat, dass er ein Schelm oder Dumkopf wäre» **.

Кроме нее, написал еще несколько коротких ответов. Вечером я спросил, который нужно отослать. Л. Н. ответил:

— Колеблюсь, не было бы обидно.

Потом смягчил один и поручил переписать и подписал².

* «Вы за сохранение смертной казни или за отмену ее?» (нем.).

** «Мне искренне жаль, что вопрос, давно уже решенный для истинно просвещенных людей, вы задаете мне, хотя, кажется, я не показал себя ни плутом, ни дураком» (нем.).

ТОЛСТОЙ В РОЗОВОМ КРЕСЛЕ

Ясная Поляна, 1909

Портрет (масло) работы И. Е. Репина

13 октября. У Л. Н. изжога. Слаб. Пополудни гулял. Пишет в письмах к Лебрену, Черткову и говорит, что желал бы умереть, и говорит, что из его проповедей ничего не выходит (никакого эффекта не видать). А как раз теперь больше, чем когда-либо, распространяется книжками и усваивается жизнепонимание Л. Н. Доказательство: почти ежедневно получаемые одно-два сочувственных письма, большинство от крестьян. Ругательными письмами, которые в последние полгода стали очень часты, по несколько в неделю, Л. Н. тяготится: действуют на него удручающе. Александра Львовна мрачна тем, что Л. Н. думает, ожидает и говорит о смерти. Она живет им. Она с Варварой Михайловной теперь усердно секретарствует Л. Н-чу и прекрасно преуспевает в новой для нее роли. Близка и жизнепониманием, и детской любовью к отцу. Ей будет ужасна потеря отца.

Л. Н. за обедом показал серию книжек «Библиотека-копейка», издаваемых Мироллюбовым, издателем «Журнала для всех».

Л. Н.: Я бы хотел посоветовать им, чтобы не одни рассказы печатали из «Круга чтения». Спрашивают, что им печатать¹. Я хотел бы предложить им те же книжки, что Ивану Ивановичу. А ему это неприятно не будет? Я хотел бы посоветоваться с вами.

Я сказал, что, разумеется, надо это посоветовать им. У них свой круг читателей, а у «Посредника» — свой. Л. Н. сказал, что он так же думает. — Как они («Библиотека-копейка») оплачиваются? (получают доход).

Я: Во-первых, чужими объявлениями на обложке; во-вторых, (своими) объявлениями, также на обложке журнала. Живая и оплаченная реклама.

Л. Н. за обедом просил написать Ивану Ивановичу об этом и задержать ответ «Библиотеке-копейке».

Я прочел письма сербки и болгарки. Обе спрашивают, что им выбрать. Сербка спрашивает, есть ли для девушки иной, лучший путь «христианской общественной жизни», чем брак, материнство. Вторая, болгарка: учиться ли ей и чему (философии?), чтобы воспитать себя, или выйти замуж. Каково назначение девушки? И рассказал о них за обедом Л. Н.-чу и после снес ему письма в кабинет². Тут мне Л. Н. сказал:

— Я теперь думаю о женщинах, что существенная их сила — материнство. Суфражистки, государственные женщины: Екатерина II или (королева) английская — (их деятельность) не первостепенная. В области религии ни одной женщины-учительницы. Но это не исключает, что они не могут быть полезны во всяких отраслях (занятиях, областях).

В 9.25 Л. Н. пришел в столовую с книгой Л. Андреева, сел к круглому столу и читал «Проклятие зверя».

— Описание города, — сказал он, — восхитительно! Теперь я буду хохотать, — и передал Софье Андреевне — читать вслух. Потом сам продолжал читать и сказал:

— Длинно, а в конце скучно³.

Мы — Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна и я — пили чай. Л. Н. все читал для себя за круглым столом. Чаю не пил. Попробовал кефир. В 10.50 снес книги Андреева Александре Львовне.

— Надо прибрать их, чтобы они ему не попались. А то я сделал там замечания, для него нелестные.

Я: Ему будут интересны и полезны.

Л. Н.: Очень резки: «Чепуха» и в этом роде.

Александра Львовна все свободное время читает Андреева.

14 октября. За завтраком Белинский, выбиравший и переписывавший сегодня письма к Л. Н. для Черткова (раза два в неделю приходит отбирать их), заговорил о Веригине, что пришлось ему заступаться за него.

Л. Н.: Его положение такое: верят в него, он должен быть деспотом. В чем же его обвиняют?

Белинский: Что велел свободников сечь. Не знаю, верить ли.

Л. Н.: Лучше не верить. Осуждать очень легко.

За обедом Л. Н. сказал:

— Сергей Попов, не тот, который был на днях, а крестьянин, пишет хорошее письмо, просит выписать ему газету.

Софья Андреевна спросила, какую.

Л. Н.: Это не пишет, а «Газету-Копейку». Что она стоит?

— Три рубля 60 копеек в год.

Л. Н. подумал:

— Напишу ему, что я не советую ему газету, а вместо того пришлю побольше книг⁴.

Л. Н. (ко мне): Славянские девушки об одном и том же пишут. Вы можете писать по-сербски?

— Нет.

— А по-болгарски?

— Уж совсем нет.

— Как же им отвечать?

— По-русски.

Когда я в 10.15 пришел в залу, застал Л. Н. с Софьей Андреевной, играющих в четыре руки. Александра Львовна и Варвара Михайловна ушли спать. Л. Н. вышел в 10 часов к чаю в залу и сказал:

— Сегодня хочется или в карты играть или в четыре руки на фортепиано.

— Л. Н. отвык совсем от игры. И мне с ним, тоже не игравшей, трудно,— говорила Софья Андреевна.

Играли симфонию Гайдна и по несколько раз повторяли отдельные части. Играли с час.

Перевязывал рану на ноге Л. Н. Он говорил мне:

— Хорошая статья индуса, хочу ему написать.

Вчера я показал Л. Н. статью в «The Vedic Magazine», № 4, «Plato and Shankaracharya».

Л. Н.: Я люблю индийскую философию. Завтра напишу ему². Две крайности у молодых людей*: игнорирование того, что думали старые, а у индусов (и у нас) — вера в авторитетность, придавание значения и объяснение каждого слова их (индусских) мудрецов (и нашей Библии), которых они и не говорили, а писавшие их переврали.

Главная черта домашней жизни в Толстых нынче та, что несуетливо. Л. Н. так спокойно и, по-моему, так плодотворно работает, как никогда. Гостей, посетителей очень мало**. О политике никто не говорит. Софья Андреевна спокойна, не раздражена ни семейными, ни хозяйскими, ни издательскими, ни политическими (казни), ни общественными делами, ни высылкой Черткова, Гусева, полемикой с кем бы то ни было. Отпала и та доза суетливости, которую вносил Чертков, особенно когда бывал возбужден и рассказывал Л. Н-чу подробно о множестве дел. И та доза задорливости, которую вносил Гусев, волновавшись обидами, причиняемыми правительством единомышленникам и революционерам.

15 октября. Л. Н. утром поздно, в 8.30, проснулся. Звонил, никто не услышал. Когда я перевязывал ногу уже насухо, одной ватой, чтоб беречь струн, Л. Н. сказал:

— Осенняя погода. Ваши девицы озадачили меня (задали мне вопросы). Раньше я отвечал просто: целомудрие выше материнства. Нынче вижу, что и материнство есть.....*** Ответить можно, но не знаю еще, как выразить. Но вопрос нельзя ставить так, что дилемма между наукой и материнством. Заметил, что она (сербка) даже пишет о «браке», а не о «материнстве».

Илья Васильевич спросил из другой комнаты:

— Протопить вам не надо?

Л. Н.: Нет, нет.

Я сегодня ездил в Колину, Кочаки, Угрюмы, Воздремы, Телятинки. Как мне передали Варвара Михайловна с Александрой Львовной, за обедом Л. Н. говорил, что он теперь боится Андреева, увидав иллюстрации в «Искрах» из представления «Анатэмы» в Художественном театре¹.

Л. Н.: Из искусств драма и музыка имеют две стороны: одна — исполнение, а другая — сама вещь. При исполнении забывают саму вещь, потому что хорошее исполнение затемняет произведение. Иной раз спутывают содержание вещи с исполнением: хорошее исполнение, а содержание никакуда не годное. В музыке аккорды великолепны: иногда слышать аккорды — плакать хочется,— техника удивительная, а вещь

* Л. Н. имел в виду наших русских и европейских.

** И прохожих сегодня всего три человека.

*** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

никуда не годится, но производит впечатление. А эти похвалы и впечатление от исполнения портят автора, который принимает похвалы на свой счет. Если эту самую драму будешь читать, так бросишь: такая скука. А между тем, при талантливом исполнении на сцене, смотришь с удовольствием. То же самое можно сказать и про музыку. Это не то, что наше ремесло — литература и всякая поэзия.

За чаем Александра Львовна рассказала, что сегодня телушка катала пастушка Петюшку, сына кумы Аннушки. Он дразнит ее.

Л. Н.: Он, должно быть, без надобности ее стегает. У них свои счеты.

Л. Н. принес буддийскую книжку и оттуда прочел одну из пяти буддийских заповедей: никакое животное умышленно не убивать.

Л. Н.: Это хорошо: умышленно. А то муху нечаянно убьешь.

Просил выписать ему две индийские буддийские книги о европейцах: — Эта тема была использована Вольтером или кем-то. Благодарная тема, когда человек живет вне этой (своей) цивилизации.

Л. Н.: Меньшиков пишет, что одного недостает: обучения военному строю в сельских школах, как в Германии. И что надо набирать солдат помоложе, пока еще доступны воспитанию².

Л. Н. говорил о письме Жашкевича и Мюллера:

— Их в тюрьму сажали. Как я с ними говорил, по-русски? Очень хорошо пишет³.

16 октября. Был С. Т. Семенов. Разуверился в пользе землеустройства по закону 9 ноября: закон внес недовольство, раздор среди народа. В их местах поджигают поселившихся на отрубях и собираются перевешать стариков, закрепивших за собою землю.

Сергей Терентьевич желал бы, чтобы Л. Н. именно теперь написал об этом, и думает, что теперь решение земельного вопроса единым налогом внесло бы успокоение.

Л. Н. утром, поздоровавшись с Сергеем Терентьевичем в зале, сошел. Я за ним: пора было в лечебницу. *Л. Н.* в передней с озабоченным выражением лица спросил:

— Ведь он за отруба?

Я ответил, что был, но теперь мнение его изменилось. Именно об этом пришел поговорить. *Л. Н.* очень обрадовался.

За завтраком застал нового гостя: М. А. Липинскую — женщину-врача, полку, практикующую в Вогезах, во Франции. Проповедует гигиену. Пришла посоветоваться с *Л. Н.* о своей работе, которую пишет. *Л. Н.* с ней много беседовал. Впечатление приятной, тактичной, умной⁴.

Пополудни я поехал с *Л. Н.* к волостному правлению. *Л. Н.* просил позвать старшину. Вышел исполняющий его должность, позже писарь. *Л. Н.* спрашивал, есть ли закрепление за собой земли. Ответили, что в волости 45 случаев.

Л. Н.: В каких деревнях?

— Во всех по одному — по два случая. В Городне больше всех: переселившиеся в Сибирь закрепили и продали. В Подьяванькове двое, живущие в Москве и в Туле. Богатые закрепляют, у стариков власть против сыновей. Бедные видят, что переделов не будет.

Л. Н.: Это грех (закрепление). Не надо вам способствовать этому.

Писарь: Нам начальство в вину ставит, что мало закрепляющихся. Говорит: «Долой вас со службы».

Л. Н.: Правительство сегодня одно, завтра — другое. Думу можно сменить; а тут землю покупают дешево кулаки — новые помещики, и в их руках очутятся пастбища, будут жать крестьян.

Присоединившийся к нам мужик сказал:

— Известное дело. А продавшие землю останутся нищими. Кто продал, прожил.

Л. Н. спросил, когда будет суд над Резуновым с мачехой, хочет присутствовать.

Вечером беседа с Сергеем Терентьевичем и М. А. Липинской.

Л. Н.: Мясная пища держится по инерции, так как довода в ее пользу никакого нет.

М. А. Липинская (?): Эта книга — психотерапия.

Л. Н. (?): Почему же вы такое скверное слово употребляете? Из Горького что вам нравилось?

— Драматическое искусство.

Л. Н.: Надо, чтобы искусство было просто, ясно, доступно всему народу и вместе с тем захватывало струи жизни. Должно писать, чтобы забирать душу, и ясно. Тут же никакого искусства нет. Там много литературы, но они все пишут для высших сословий; низкий, мерзкий уровень высших сословий. У народа — наоборот.

17 октября. Л. Н. третьего дня и вчера получил письма с возражениями против его слов, сказанных на прощание Чельшеву: «Когда у вас в Думе отменят смертную казнь?» Анонимная аристократка и рабочий, оба, негодуя, пишут, что надо убийц вешать. Л. Н. написал сопроводительную статью к этим письмам и хотел отправить в «Новое время» и «Новую Русь», но передумал: «Вызвет раздражение и толки обо мне». Кажется, не пошлет никуда¹. Это мне рассказала Варвара Михайловна.

Л. Н.: Много интересных писем. Из 14 только два просительных. Письмо от Чельшева. Видно, что он поглощен своими думскими делами, выражает охоту делать, о чем говорили с ним, и просит ярлык на бутылки с водкой моей рукой написать.

Л. Н. так и сделал². Л. Н. говорил про только что полученную им русскую книгу из Баку о бехаизме³ и покачал головой. Александра Львовна спросила, почему качнул головой.

Л. Н.: Бехаизм — это высочайшее учение, написанное с восточным пафосом, о том, что не может быть насилия (ясно показывающее, что зло не может побеждаться насилием). Главные враги религии не те, которые убивают, а те, которые искажают религию, учение, как здесь (в бехаизме) — раздор между сыновьями. У Беха Уллы два сына (две партии) и спорят, кто из них настоящий наследник проповеди отца, и они один на другого клеветают. То же самое было у нас с Иисусом Христом. Это все, наверное, было и у Павла. Вопросы у Христа — вечные, а у него (Павла) интересы мелкие.

Александра Львовна, разбиравшая полученные сегодня письма:

— Ты получил письмо от человека, который раньше писал тебе, что видел. А ты ему ответил, что спиритизм — это глупости.

Л. Н.: И он (в нынешнем письме сознается) что он-то не видел, а слышал от другого⁴. Какое это влечение к чудесам! Бабу принес его поклонник книгу, где описал три тысячи им (Бабом) совершенных чудес. Баб велел уничтожить эту книгу и сказал: «Мои последователи должны верить только моим словам и написанному мною. Время чудес прошло»⁵.

Полуполудни я ездил с Л. Н. верхом к телефону на Занфтлебенскую дачу*, поговорить с Ольгой Константиновной, которая с детьми у Кунов, и назначить свидание на шоссе на Косой Горе, потому что в доме гость. Потом к П. А. Буланже поговорить насчет книги о бегаизме и работах Павла Александровича⁶. Обрато ехали стремглав, крупной рысью, около четырех верст.

Вечером приехали от «Общества деятелей печати» с фонографом и фонофоном, в который хотят записывать голос Л. Н. по-русски, по-анг-

* На Засеке железнодорожник пробовал, но не мог: тульский чиповник отказался соединить с центральной.

лийски и по-французски. Вечером представляли фонофон: песни соло и хоровые, балалайку, скрипку, фортепьяно и комические монологи. Вышло неудовлетворительно: инструмент не чисто передает звуки (далеко не так чисто, как граммофон у Чертковых или фонограф эдисоновский у Л. Н.), и выбор был неудачен, безвкусен*. Еще хорошие песни выходили кое-как.

О монологе городничего из «Ревизора», произнесенного Борисовым, Л. Н. сказал:

— Нехорошо, неталантливо.

Л. Н. просил к чаю прекратить игру. Потом из любезности похвалил Трояновского. О фонофоне выразился:

— После «Миньона» нельзя слушать.

С фонофоном приехали: поэт И. А. Белоусов — товарищ председателя «Общества деятелей периодической печати и литературы», И. И. Митропольский — редактор «Столичной молвы», А. Г. Михелес от общества фонофонов и механик Намре. Очевидно, цель — не сохранение голоса Л. Н. для «Общества деятелей печати», а скрытая — добыть пластинки с голосом Л. Н. на русском, английском, французском языках для Общества граммофонов⁷.

18 октября. Утром фонофончики томили Л. Н. вместо 20 минут, как обещали, целые часы. Говорил в трубу Л. Н. в отвратительном, нагретом и пропитанном запахом масла и испарениями воздухе по-русски и по-английски, по-французски и по-немецки будто бы для общества русских писателей, а в действительности для фирмы «Граммoфон». Сказали Л. Н.-чу, что он будет говорить для школ, как кинематографчики сказали, что будут снимать для педагогических целей, а после сами признались, что врали. Приемы одни и те же. Да и вся затея Общества писателей — собрать голоса живущих знаменитостей (Вересаева, Муромцева, Толстого) — скорее всего внушение этой фирмы, чтобы иметь работу и, главное, раздобыть голос Толстого.

Утром Л. Н. сказал мне, чтобы им еще раз внушить, что подарка, фонофона, он принять никак не может:

— Как тяжело это нашествие вчера, ах, как тяжело! Одно утешение: кто бы они ни были, как ни чужды своими взглядами, надо отнестись к ним, как к братьям.

Л. Н.: Белоусов очень добрый, симпатичный.

Белоусову, которого встретил сегодня на лестнице, Л. Н. сказал:

— Наговорил в граммофон и насилу отделался от подарка. Но одно утешение: не глупости же я туда наговорил.

Я похвалил стихи Белоусова, книгу которых он подарил Л. Н. и мне.

Л. Н.: Не содержат ничего дурного, вредного, но не новы и не сильны⁴.

Здесь приехавшие вчера из Петербурга Андрей Львович с Екатериной Васильевной. Приехала Мария Александровна, к обеду Звегинцева. За обедом Софья Андреевна сказала Звегинцевой:

— Я кур очень люблю.

— Они того не любят, потому что их режут, — заметил Л. Н.

Андрей Львович рассказал про повесть Ропшина (псевдоним) «Конь бледный» в «Русской мысли»². Про эту повесть и писал А. А. Столыпин на днях в «Новом времени», что она тем сильно действует (описание убийства, анализ душевного процесса), что сам автор совершил убийство; потому так хорошо описывает и потому такой успех³.

Л. Н.: Тем больше успех, если сам совершил убийство! Рассказ большой?

* Например, из песен каторжан: сильный баритон соло пел совсем безучастно, сурово, не трогательно.

Андрей Львович: Семьдесят страниц, и в стиле Андреева.

Л. Н. посмотрел, почитал несколько строк, и рассказ совсем ему не понравился и не заинтересовал его. Александра Львовна принесла только что полученный экземпляр альбома Н. В. Орлова «Русские мужики». Л. Н. стал смотреть и удивлялся:

— Я не понимаю, как его художники не оценят. Я бы его расцеловал. Я это буду каждый день смотреть.

Софья Андреевна похвалила рецензию в «Русских ведомостях» на днях. А дня четыре тому назад была рецензия, не очень сочувственная, в «Новом времени»⁴.

Встали от стола. Остались Софья Андреевна с Звегинцевой и Л. Н. с Марией Александровной. Л. Н. стал рассказывать Марии Александровне про Беха Улла и про полученную им на днях книгу Атрпета «Имамат». Хвалил книгу и советовал Марии Александровне читать ее. Ужасные картинки в книге. Бабистов 15 миллионов, но разделены на секты.

Софья Андреевна рассказала Звегинцевой, говорившей про картежную игру, что Сергей Львович выиграл 6 000 и как ее это беспокоит. Эта страсть у него в крови: оба его прадеда проиграли имения, были игроки.

Л. Н.: Дед Андрей Толстой игроком не был: он не играл, чтобы выигрывать; он играл спустя рукава; был богатый человек, гости. Проигрывал им 100, 150 рублей в вечер.

Л. Н. рассказал про шантажиста, бывшего недели три тому назад в Ясной у Беркенгейма, Булыгина, Семенова (я его не видел). Беркенгейм к нему сошел. Прием у него верный: он приходит не со словами: «Дайте мне 10 рублей», а «Мне некуда деваться, должен скрываться, дайте мне три-четыре дня у вас пожить». Каждый рад откупиться. И Л. Н. рассказал, между прочим, как он показывал револьвер:

— Жалко, что я его не видел, я бы у него револьвер отнял и бросил в пруд.

19 октября. Л. Н. о фонофоне:

— Как запели первую песню, меня поразило что-то сильное, грубое. Каторжная песня должна вызывать сострадание, а тут делают из нее игрушку.

Л. Н. мне, говоря про ответ Черткова о затянувшемся печатании у Сытина «На каждый день»¹:

— Я нынче четыре «Круга чтения» читаю, и, должен сказать, с истинной пользой. Они для меня — Библия².

После обеда Л. Н. прочел вслух смешную вещь: «Агафия. Моральная трагедия». Просят не смешивать с аморальной «Анфисой»^{*}. Фурioso». «Русское слово», 18 октября, № 239³. Александра Львовна выразила некоторое негодование, Софья Андреевна же — большое на прочитанное. Л. Н., когда кончил, ответил:

— Как пародия, очень хороша, и рифмы комические. Та же неопределенность выражения, и вычурность, и опять неопределенность. Нечто в черном⁴.

Л. Н. принес «Русскую мысль» за январь 1909 г. В ней читал Ропшина «Конь бледный», какую-то повесть Ф. Сологуба (псевдоним) и стихи и еще что-то. Говорил взволнованно и недоумевающе, что это все сумасшедшие, что это не шутка, а действительность. В «Коне бледном» Л. Н. отмечал и подсчитывал пустые строки вроде: «Ну» десятки раз; точек — целые строчки:

— Это ни к чему не нужно и корыстно, чтобы было больше строк. Цитирует длинно Евангелие и стихи, какие стихи: «Если вошь в твоей

* Новейшая пьеса Л. Андреева.

рубашке крикнет тебе, что ты блоха, Выйди на улицу и убей...» Что это значит? Как Столыпин мог об этом писать? ⁵

Софья Андреевна касательно коротких строчек:

— Это с легкой руки Дорошевича, потому что им платят построчно.

Л. Н.: Сколько этих «ну» постоянно, без всякой надобности (в «Коне бледном»). Страшно интересно в устах революционеров: есть один, который говорит о любви. Это о чем пять лет тому назад никто не говорил. Нынче ты читала, — *Л. Н.* обратился к Александре Львовне, — письмо присяжного, который отказался участвовать в суде. Општрафовали на десять рублей, которые он очень охотно внес. Письмо простое ⁶. Я удивлялся, что это в январской книжке. Раньше, — и *Л. Н.* назвал имена редакторов 1860-х годов, — старались критически составлять январский номер. А эта вся книжка, с начала до конца, — полнейшее сумасшествие. Все это глупо, бездарно, самоуверенно, все бред. Не знаю, которые сумасшедшие: в твоём соседстве ли, в Петелине, — *Л. Н.* обратился к Андрею Львовичу, живущему рядом с психиатрической больницей, — или эти забавнее.

Л. Н. говорил от стола, где играл в винт, первый раз после, кажется, пяти месяцев. Потом говорил по этому поводу:

— Андрееву я прямо соболезную, потому что печатается вся эта дребедень; что пишет Леонид Андреев — все-таки лучше. Что печатают! Газет сотни, журналов... из-за денег составляются. Принято их выписывать из приличия, как крахмальные рубашки носить. У купцов Гучковых, Михайловых это валяется, как у нас, никто не читает их.

20 октября. Утром приехали И. И. Горбунов с Дурылиным (милым юношей, сотрудником «Свободного воспитания» и «Маяка») по делу издания серии книг для народа о религиях мира. Иван Иванович принес некоторые новые книжки (изречения Магомета и другие).

Пополудни уехал Андрей Львович с Екатериной Васильевной и Машенькой. После приехала Ольга Константиновна с детьми.

С *Л. Н.* верхом. *Л. Н.* на Кривом, чтобы испробовать его. Низенький, легче садиться, спокойный и не пугливый. Я на Делире. За обедом *Л. Н.* спросил:

— Какое самое сладкое кушанье? По изречению Магомета, когда во рту дурное слово и ты его проглотить ¹.

Говорил про книгу Атрпета «Имамат», которую прислал бехаист.

Л. Н.: В духовных делах Магомет был истинный пророк, но в практических делах был слабый, податливый. Автор описывает слабые стороны нынешнего руководителя бехаизма.

Л. Н. еще говорил, что Магомет воспользовался послехристовой литературой.

Зашла речь об И. А. Белоусове. *Л. Н.* рассказал, что он был портной, и отец его. Он был с отцом в довольно хороших отношениях. У отца было 150 тысяч капитала. К отцу пристроился священник и стал уговаривать его завещать на богоугодные дела. Отец сам мало делал и был медлительный. Иван Алексеевич ему сказал: «Мне ваши деньги не нужны. Если вы их дадите на общепользные дела, хорошо поступите». Другой брат в ссылке. Священник пригласил митрополита. Старик Белоусов был тщеславен (митрополит его посещает!), согласился. В один прекрасный день 18 числа поехали к нотариусу совершить духовное завещание, но опоздали, и нотариус назначил им на завтра. На другой день отец, отправляясь к нотариусу, волновался; умер. Деньги остались его сыновьям.

Иван Иванович рассказывал про Ивана Алексеевича, какой он добрый, ласковый человек. Рассказал, как Иван Алексеевич с *Л. Андреевым* путешествовали.

ТОЛСТОЙ И Ф. А. СТРАХОВ

Телятинки, 1909

Фотография В. Г. Черткова

«Утром... Ф. А. Страхов с поручениями от Черткова относительно завещания Л. Н.» — Запись от 26 октября 1909 г.

Л. Н. про вчерашнюю пародию — «Агафию» на «Анфису»:

— Что они с рифмами делают, как умело.

Л. Н. говорил, что Андрееву скажет, если он это может понять, что у него в первых вещах есть хорошее, но уже и в них начинается пафос, преувеличенное рассказывание. И выходит, что он последнее (пафос, преувеличения) положил в основу последних сочинений.

Л. Н.: Мне его жалко, он одурен своей славой. Про его рассказы сказал: «Сергей Петрович» — слабо, «Кусака» — так себе.

Присутствовавший сотрудник «Посредника», друг Ивана Ивановича, знал хорошо все рассказы. Он уехал сегодня.

Л. Н.: Тютчев хорош: каждое его слово нельзя заменить другим.

Уезжала Софья Андреевна с Ольгой в Москву, но на новой дороге в темноте наткнулись на сломанный автомобиль. Приняли его за пролетку, предполагая, что лошадей, верно, увели, седока ограбили и убили, как и извозчика: они, может быть, там и валяются мертвые. Никто не откликнулся — вернулись. Софья Андреевна сказала, что больше ночью не будет ездить.

22 октября. Остался до вечера Иван Иванович: все по поводу издания книжек для народа о религиях мира. Утром приехал неприглашенный М. Г. Эрденко, двадцатитрехлетний скрипач, ученик Гржимали, с женой¹. Хотел показать «свою манеру декламативного искусства» (исполнение) русской музыки, и задачей своей считает сделать ее доступной для народа. Л. Н.-чу, когда я ему передал, не понравились эти его речи, и Л. Н. пожелал, чтобы не остались. Дал решить Александре

Львовне и Ольге Константиновне, а они решили так же. Эрденки уехали обратно в Щекино, но, не достав билетов на скорый поезд, вернулись обратно в Ясную вместе с Фридманом, гостившим у Толстых, тоже не доставшим билета, и вечером играли. Кроме них, к обеду приехали: католический ксендз из Тулы, литовец 28 лет, Мажонович² с учителем французского языка в гимназии, мосье Сильвестром. Этот сказал Л. Н. лестную фразу, как *son pain gaucenne en France**. Л. Н. ему ответил русской пословицей, что, когда вспоминают его имя, *on a mal à l'estomac***.

Француз на это возразил, что, может быть, это ему не неприятно.

Л. Н. сказал:

— *Se mal m'incommode beaucoup****. — Потом после молчания сказал, чтобы что-нибудь сказать:

— *J'aime la France et les Français*****.

Француз поблагодарил от себя и именем родины.

Эрденко сыграл какой-то шведский романс, который Л. Н.-чу не понравился. Потом Шопена «Ноктюрн», что Л. Н. привело в восторг.

— Какая у вас нежность, грация, сила, чувство меры!

Потом Л. Н. спросил:

— Есть такая вариация к «По улице мостовой»?³

Л. Н. говорил, что музыканты — хорошие шахматные игроки.

Л. Н.: Музыкант, играя, воображает, и в шахматной игре воображает, что будет.

Л. Н.: Еврейская молитва — вошь, экстаз.

Эрденко говорил, что его предки по отцовской линии были цыгане. Внешне исповедовали христианство, в душе — иудейство. Он сыграл еврейскую скорбную песню, которую евреи поют в Судный день. Говорил, что он 15-летним давал концерт.

Л. Н.: Что он играл, мы не знаем, но так сыграл, что в душу ударил, особенно ритмические вещи, мазурки. Эрденко — самоучка, но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так играл⁴. В искусстве — первая вещь, чтобы не слышно было личности, что я это выдумал. Чельшев — единственный свежий человек в Думе, и Эрденко — самоучка; я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так играл, эффекты страстные.

Л. Н. написал на портрете, который дал Эрденкам: «В память большого нам доставленного удовольствия».

Утром Л. Н. ходил на деревню, откуда уходили семеро парней на призыв в Крапивну. Л. Н. провожал их в Дворики; думал, что там застанет бабуриных и из других деревень, но ясенские приехали первыми. Л. Н. говорил с ними и плакал, и многие плакали.

— Это так глупо, что «про» самый существенный вопрос индийской философии: в чем состоит нравственность — ни слова.

— Грех — ничего, а оправдывать грех — это плохо.

— Лев Николаевич! Когда мы умираем, останется что-нибудь от нас, от души нашей?

Л. Н.: Этого я ничего не знаю.

23 октября. После вчерашней езды верхом 12 верст по заросшим тропинкам и оврагам Засеки, пригибания под деревьями — сплошная гимнастика — Л. Н. сегодня жаловался на боль в спине и пояснице. Пульс —

* имя его блистает во Франции (франц.).

** живот болит (франц.). Здесь, возможно, в смысле «ему икается». — Ред.

*** Эта боль меня очень беспокоит (франц.).

**** Я люблю Францию и французов (франц.).

90, вместо обыкновенного 72. Температура не повышена. Л. Н. не поехал верхом, а в новом экипаже Александры Львовны, в котором должен был поехать в Телятинки с кучером. Он один поехал, правя, на новой паре чалых (Чудачок и Дурачок).

Л. Н. сегодня написал 17 страниц нового, сегодня начатого художественного произведения. Наверное, «Песни на деревне»¹.

Л. Н. сегодня получил письмо от Черткова и другое от Черткова к П. А. Сергеенко о том, чтобы Сергеенко напечатал на своем издании писем Л. Н., что «перепечатка разрешается». Л. Н. сделал приписку к письму Сергеенко, что Чертков выражает его желание, чтобы письма его к другим так же не составляли ничьей собственности, как и другие его сочинения последних 30 лет². Л. Н. спросил об этом и наше, присутствовавших, мнение: Александры Львовны, Варвары Михайловны, Ольги Константиновны и меня. Согласились.

Еще Л. Н. спрашивал вот о чем: Чертков предлагает новую копировальную множительную машину — ротограф, на которой можно получать 1 000 копий, но на которую требуется разрешение начальства. Чертков хочет раздобыть это разрешение для Л. Н. Это нашли неудобным, и Л. Н. сказал:

— Во-первых, не затевать новое, само собой в будущем сделается. Нужно скрывать, это уже одно нехорошо. Во-вторых, будет много таких изданий, будешь давать их людям, а люди могут попасться за это и пострадать. Главное же то, что, на мой взгляд, это совсем не нужно. Если есть что в моих писаниях доброго и нужного людям, то они найдут себе путь. У бога времени много. Вообще это дело не настоящее, а такое, которое может только отвлекать всех, кто будет этим заниматься, от настоящего дела, того самого, которое мне, да и всем нам, надо делать до смерти, не желая ее ускорения.

Л. Н. написал об этом Черткову³.

Завтракал и обедал Белинький. Рассказывал, что в Маньчжурии не доят коров. Они подкованы и работают, как волы. Молока их не пьют и для мяса их не убивают, а мясо их едят только когда скотина падет. Масло едят бобовое и гаоляновое. Л. Н. спросил:

— Сильны ли маньчжурцы, китайцы?

Белинький: Телом они худощавы, сухопары.

Л. Н.: Это и у нас: худощавые самые лучшие работники, а не мукулистые.

Л. Н.: Если вы хотите быть умным человеком, забудьте Челпанова. Грамотные, мы имеем счастье общения со всеми, wybranными из миллиарда, людьми: Евангелие, Будда. И вдруг будем слушать Челпанова. Это большая ошибка.

Л. Н.: Мы не видим по нашей слепоте истину. Величайшее бедствие происходит (потому, что есть) устраиваемые и устраивающие. От этого происходят бедствия и семейные, и государственные. Я изобрел — величайшее мое изобретение, — что устраивать других есть величайшее суеверие.

24 октября. Утром на вопрос, как спал, Л. Н. ответил, что плохо.

— А спина болит?

Л. Н.: Еще не знаю; когда похожу, узнаю.

Потом заговорил по поводу предлагаемой Чертковым машины:

— Надо отказать совсем. Черткову хочется деятельности, а этого не нужно. А если будет много экземпляров, будем рассылать, и многие попадутся.

Я: Не попадутся: ведь по одному экземпляру можно иметь, особенно писаного (не печатного).

Л. Н.: В деревне будут читать, говорить, что священник...

Л. Н. заснул в кресле и крепко спал. Александра Львовна перепуга-

лась. Слабость. После двух часов просил позавтракать и прогулялся по саду.

За обедом Л. Н., Александра Львовна, Варвара Михайловна, Ольга Константиновна с детьми, Белинький.

Л. Н.: Беседа миссионера Боголюбова с И. М. Трегубовым интересна (просил ее вырезать из «Новой Руси» и наклеить)¹. Я Трегубова очень ценю, его деятельность. И как ведется эта беседа: когда он уличил их всех, говоря: «Не убий», «Не клянись», сказали: «Давайте помолимся». И они запели.

Л. Н.: Я ходил (по аллеям) и вспоминал, как немец учил детей нравственности.— И Л. Н. подозвал к себе Соню, взял за руку и, пересчитывая по пальцам, говорил: «Благочестие, трудолюбие, аккуратность, чистоплотность» — и, дергая за мизинец, повысив голос, решительно повторял: «Не лгать, не лгать, не лгать!»

Спросили:

— Какой немец так учил?

Л. Н.: Не помню, кто. Немецкий катехизис.

Л. Н. говорил о письме женщины, просившей написать «Историю Иисуса» для детей. Почему запретили его (Л. Н-ча) книгу «Учение Христа, изложенное для детей?» Потому что там хотя очень осторожно сказано: «Иисус родился от Марии, жены Иосифа»².

Белинький говорил о прохожем с волчьим паспортом. Он весь в ломотях и не находит работы.

Ольга Константиновна сказала что-то про нашу безучастность, как мы запутались.

Л. Н.: Главное — условность.— И похвалил Гусарова (мастеровой, пробирающийся босиком, с тележкой, с семьей в Бессарабию).

Л. Н. о Поссе (писал мне, что начал питаться безубойно):

— Я записал о нем: типичный интеллигент, но милый человек. Он ищет, движется³.

Я сказал о письме Алейникова ко мне о «Круге чтения».

Л. Н.: Как об убийстве Караваева ни слова не писали газеты, так и о «Круге чтения», который я считаю самой полезной из моих книг, ни строки в «Русских ведомостях», ни в одной другой газете.

Сегодня, как почти каждый день, одно-три письма от людей, читавших сочинения Л. Н. и нашедших в них то, что в глубине души сами чувствовали и думали. И. М. Трегубов говорит о них уже на миссионерской беседе с кафедры. Поссе затевает периодическое издание и хочет в нем провозглашать главные идеи Л. Н. и близкие ему. «Новая Русь» объявляет, что с ноября будет печатать «На каждый день»⁴.

25 октября. Утром приехал А. В. Цингер. Александра Львовна ожидала, что приедут Дунаев, Гольденвейзер для подписания завещания Л. Н., в котором он отдает свои сочинения после 1884 года в общую собственность¹. Не приехали. Гольденвейзер прислал Цингера. Л. Н. был слаб, живот и спина у него болели, и насморк продолжается. Утром лежал до десяти, пополудни не выходил гулять. Цингер за обедом говорил о комедии «Цезарь и Клеопатра» Б. Шоу, которую видел в Москве².

Л. Н.: Бернард Шоу меня заинтересовал. Он очень остроумный и самобытный. Это один из лучших современных писателей.

О Л. Андрееве Л. Н. сказал:

— Тем, что он портит свои первые добрые рассказы — пафосом, преувеличением, — полны его новые сочинения.

Цингер об «Анатэме».

Л. Н.: «Анатэму» читать не буду.

Цингер о декадентах, об А. Белом.

Л. Н.: Я бы желал видеть такого человека и спросить, что они хотят сказать. Я прочел январский номер «Русской мысли». Это бред сумасшедших. Я никакого общения не имею с этими людьми. Я хотел бы спросить, что они хотят сделать.

И Л. Н. расспрашивал Цингера, который с ними знаком, дружен с А. Белым, чего они хотят. Цингер отвечал, он их не понимает. Если их спросят, сколько 2×2 , они ответят фразой вроде: «Дважды два для меня — фиолетовое дуновение облаков». Измайлов написал книгу пародий на декадентов, но, подойдя к А. Белому, пишет: «Пародировать такого господина я не берусь». И выписывает цитату из его, А. Белого, критики Чехова — набор слов.

Л. Н.: Но как же с ними разговаривать, когда редакторы печатают их? Ведь это характеризует вообще публику.

Цингер говорил, что главное, с чем считаются декаденты, — тщеславие и гонорар, который всегда получают. У Андрея же Белого, главным образом, виноваты девицы, его поклонницы.

Л. Н.: Я получаю письма от разных писателей. Нынче, кажется, три, и пишет товарищ Максима Горького.

Л. Н.: Публика стала большая, и всегда видны глупые.

Цингер: Но ведь раньше были же Пушкины?

Л. Н. после обеда очень серьезно, не торопясь, подробно поговорил с Цингером о физике. Л. Н. говорил ему о том, что нынешняя наука хуже, чем схоластика, что физика основывается на понятиях материи, пространства, времени, которых нет, вместо того, чтобы основываться на восприятии нашего зрения, осязания и т. д.

Позднее мне сообщено Цингером следующее:

Л. Н. о науке: «Прежде всего — единственная действительно нужная наука, единственное нужное знание есть знание того, что я должен делать, как я должен жить, чтобы прожить жизнь наилучшим образом. Все так называемые научные знания, не ведущие к ответу на этот основной вопрос, не нужны. Математические, а также отчасти физические и астрономические знания — привлекательны и ценны как средство изощрения и дисциплинирования ума. Но, признавая это, нельзя забывать, что, как говорит Лихтенберг, «вместимость мозга конечна»³.

Л. Н. (о пространстве и времени): «Представления пространства и времени есть способ мыслить. Пространство нужно мне, чтобы в этот момент времени представлять себе, как отдельно существующие «меня самого» и «что-то вне меня». Время нужно мне, чтобы сопоставить, как нечто единое, «меня сейчас» и «меня несколько лет назад». Представление пространства и времени, как чего-то реального, ведет к непонятным и ненужным представлениям и рассуждениям. «Земля движется вокруг солнца, солнце движется вокруг чего-то, это что-то движется еще вокруг чего-то, и т. д. очевидно без конца». И то же самое со временем: «Что было прежде? А еще прежде? Еще прежде?» и т. д.

Л. Н. (о физике): Внешний мир, все материальное, мы познаем только через чувства. Главная задача в физике должна была бы заключаться в изучении восприятий чувств. Рассуждения физики о том, что не воспринимается чувствами (атомы, эфир и пр.), представляют собой ненужные измышления».

Какой интерес у 82-летнего старика к науке, к радио! Цингер ему показывал⁴.

Л. Н. просил Цингера выписать дополнительные томы к Брокгаузу⁵. Цингер говорил, что составляет учебник физики для третьего класса гимназии. Просмотрел множество, и что самый лучший учебник нашел японский.

Разговор о японцах, о Кониси⁶, которого Цингер хорошо знает. Говорил о нем, что он приехал учиться православию. Потом Грот убедил его, что ему нужно учиться философии, а не православию. Потом В. Соловьев, что это чепуха — учиться. Потом Л. Н. сказал ему (Кониси), что не им, японцам, китайцам у нас учиться, а нам у их Лао-тзе, и внушил ему перевести Лао-тзе на русский язык. Л. Н. говорил, что Кониси несколько недель тому назад хотел приехать, но Л. Н. просил отклонить его приезд, потому что слух такой, что он японский шпион. Он не был огорчен.

Речь о Токутоми. Л. Н. о нем:

— Токутоми другой человек. Сущность христианского учения имела на него влияние.

Л. Н. принес французский роман «L'immoié». Говорил, что это вроде Андреева, и прочел как образец несколько строк. Л. Н. о прочтенном:

— Никакого образа не дает.

Л. Н. просил принести полученное сегодня письмо ссыльного П. М. Рындина, крестьянина Воронежской губернии⁷.

— Он говорит то, что испытывают тысячи людей, — сказал Л. Н.

Л. Н. получил письмо от Л. Семенова. Очень ему обрадовался, сразу стал его читать вслух. В письме прочел, что Семенов просит уничтожить его письмо. Уничтожил⁸.

26 октября. Утром приехали Софья Андреевна и Ф. А. Страхов с поручениями от Черткова относительно завещания Л. Н. Так как завещать нельзя всем, а нужно кому-нибудь, Л. Н. свои сочинения завещает Александре Львовне с тем, что она предоставит печатание всем¹. Эта тайна мало кому известна. Страхов вечером уехал.

Речь об Эрденко. Софья Андреевна говорила, что ее знакомые музыканты его не знают.

Л. Н.: Он им не понравится, он не классик. Это не Сибор. Одну ноту услышишь его игры — именно та точка, которая одна есть для известного тона.

Софья Андреевна рассказала, как дело произошло с грабителями у Марии Николаевны в Шамординском монастыре месяц тому назад. Они лომались в ее дом, он стоит отдельно. Мария Николаевна открыла форточку и высунула им 10 рублей. «Вот вам, и уходите». Л. Н. был очень доволен ее поступком.

Разговор о нынешних писателях.

Л. Н.: Сказать, что «Некто в черном» страшен — это все поймут и каждый может. А рассказать, как люди живут, как работают, чувства, столкновения — не каждый может. Толпа читателей усотерилась: что были в мое время десятки, теперь сотни. Большинство (читателей, толпы) глупо. Потворствуют ей.

27 октября.

Л. Н. (утром): Без всякой причины не заснул до трех.

Пришли пешком из Рязанской губернии Л. Семенов с братом (духовным) Михаилом, рязанским мужиком его же лет. Он раньше знакомства с Л. Семеновым слышал про «Краткое изложение Евангелия» и купил себе его, также «В чем моя вера?». Леонид с прошлого года августа, как был у нас, прожил полгода в Самарской губернии среди братьев (добролюбовцев), работая. Потом по их поручению, на их средства съездил повидать заключенных за отказ от воинской повинности братьев: Кудрина и Шнякина в Полтаву и Киев (?). Свез девочку пяти лет Кудриных к братьям. Потом прожил полгода в Рязанской губернии, в деревне Гремьячки Данковского уезда. Шли шесть дней вдоль железной дороги, без копейки, собираясь.

Я спросил, не совестно ли бывает принимать от бедных.

ТОЛСТОЙ

Ясная Поляна, конец ноября — начало декабря 1909 г.

Фотография С. А. Толстой

«Софья Андреевна показала портрет (фотографию) Л. Н., сделанный ею недавно. Л. Н. пишет за маленьким круглым столом. Л. Н.: «Портрет прекрасен, потому что не позировано. Руки прекрасны, выражение натурально». — Запись от 4 декабря 1909 г.

Л. Семенов: Нужно смирение.

Пришел в изношенной крестьянской одежде, в лаптях.

Л. Н-чу говорит: «брат», «ты». Л. Н. ему отвечает на *вы* и на *ты*. Говорит: «брат Александр», «брат Михаил Иванович», с которым пришел. Л. Н. спросил его про сестер и братьев. Семенов прибавил: «Плотские». Прощаясь, Семенов говорит: «С миром». Л. Н. тоже употребил это выражение, прощаясь ночью со мной.

Леонид со мной говорил о том, что видел сон (он верит в сны), что Л. Н-ча больше таким, как теперь, не увидит, потому что его жизнь скоро изменится (жизнь во плоти кончится).

Илья Васильевич с большим уважением о Леониде:

— Вот это настоящий, единственный последователь.

Когда я напомнил М. С. Дудченко, Илья Васильевич сказал, что не помнит его, он больше таких не видал.

После еды Семенов сказал:

«Благодарен тем, кто трудился».

Про «брата» А. Добролюбова говорил, что он больше чем полгода где-то далеко за Ташкентом, на китайской границе, в уединении.

Л. Н. говорил об этом и вообще об их скитаниях по миру (Сибири) с Леонидом, сказав:

— Где ты проснулся к настоящей жизни, там живи. А что из того выйдет, это не мое дело. Как я сам начну устраивать мою жизнь? Могу ошибиться.

Л. Н. сходил вниз, в бывшую библиотеку, где живут Семенов и Михаил. Они там и обедали. Л. Н. был очень рад приходу Семенова и поговорил с ним по душе. Дал ему читать свои статьи, особенно рекомендовал «Единую заповедь». Вечером с 7.30 до 9 просидел с ними и опять еще приходил:

— Вот такая моя жизнь: стыдно мне вас позвать с собой обедать, — сказал он.

Семенову самому было тяжело, что ставит Л. Н. в неприятное положение.

Л. Н.: Это самое точное выражение моего чувства.

Пополудни с Л. Н. верхом в Телятинках у Гусарова. Хорошая семья у него: смиренная, работающая жена, девятилетняя Зиночка — умница. Там же Мама Кузевич учила телятинских детей грамоте.

Когда ехали обратно, поехали мимо Черкасовских прудов — Л. Н. их так называл — вдоль сада, где теперь жгут кирпич и раньше стояла баня. Там раньше жила помещица Черкасская, у которой отец Л. Н. купил имение, сад. Были три пруда. Давно прорвало плотину, все три вытекли. Когда спускались из-за сада к этим прудам — очень крутая тропинка — Делир не хотел спуститься, заартачился. Л. Н. повернул и сказал:

— Бояться стал.

Л. Н. сказал про себя: «Поехать обратно?» Я предложил вернуться, но Л. Н. повернул, понукал Делира и съехал по крутизне. Я слез со своей лошади и провел по крутизне в поводу.

Л. Н. третий день, как перестал пить кофе и не ест суп. Получил такое письмо от последователя Ламана, Хэйга.

28 октября. Л. Н. устал от езды к Марии Александровне: туда и обратно много рысью. Там долго пробыл, беседуя и разговаривая. По дороге говорил, что Мария Александровна читала письмо племянника с каторги, хорошо. Спросил, кто такой Николай Максимович?

— Кузьмин.

Слезши с лошади, медленно таща ноги, вошел в дом. Я последовал за ним в спальню и предложил снять ему сапоги.

— Не надо.

Просил накрыть себя:

— Спишу мне хорошо накройте. Который час? Четыре? Еще посплю.

— Поспите подольше: утром рано встали, не выспавшись.

У Л. Н. сосредоточенный взгляд, лицом бледен. Пульс неравномерный — 80.

— Можно потушить свечу?

— Я потушу, — ответил Л. Н.

29 октября. Со вчерашнего дня М. С. Сухотин. Сегодня приехал и Сергей Львович и Мария Александровна. С Л. Н. ездили по Засеке. Прекрасный день: чистый, прозрачный воздух, как весной. Л. Н. предполагал сделать малый круг, семь верст, а все забирал дальше, не хотелось ему вернуться. Да и Делир не хотел через ручей переходить. По неволе пришлось ехать высоко против течения у двух-трех ручьев. Сделали 15 верст.

Шахматы. В зале был Л. Семенов, в лаптях не хотел идти наверх,

хотел переобуться, потом пошел. Пишет Л. Н-чу письмо о недоговоренном. Л. Н. читал фельетон в «Новом времени» о новой книге «Наше преступление»¹.

— Теперь почитаю книгу (роман). Он из крестьянской жизни.

О поджогах. Сознание несправедливости. Маклаков об этом не думал. Л. Н.: Их развращают и законом 9 ноября, и казнями.

Л. Н. о «Christian», а может быть о «Нашем преступлении»:

— Преувеличенность, пафос, на них строит все, а хорошее пропало.

30 октября. Л. Н. утром, в 10 часов, вышел гулять. В 12 поехал верхом один в Ясенское волостное правление: судился яснополянский мужик Резунов с мачехой. Поделались. Л. Н. хвалил судей волостных (они из крестьян), что умны, совестливы. Вечером с 10 до 12 читал роман Родионова «Наше преступление». Местами хорошо. Видно желание в дурном виде показать деревню. Хорошо описан суд, но очень длинно. Ясно видно, что автор желал, чтобы виновника строго наказали.

31 октября. Выпал снег. Приехала С. А. Стахович. За завтраком сказала Л. Н-чу, что читает «Прогресс и бедность»¹ и что скучно.

Л. Н. о Генри Джордже:

— Какой он христианин! — И Л. Н. прочел вслух из «Круга чтения»

31 октября Генри Джорджа². Потом сказал:

— Я во сне видел разговор о Генри Джордже, что другие говорили, и стал его писать. Но вышел такой вздор, что бросил.

За обедом С. А. Стахович рассказала Л. Н., что читала, кажется в «Вестнике Европы», в одной из последних книг, как Мериме при публичке говорил Виктору Гюго: «Quand je parle du plus grand poète de notre siècle...»^{*} и Гюго его остановил: было ему неловко, Мериме поправился, что он подразумевает Пушкина: «Je parle de Pouchkine»³. Дальше рассказала, как Мериме своими стихотворениями («Гузла») ввел в заблуждение Пушкина: Мериме написал в «Гузле», что это перевод славянских народных песен. Пушкин поверил.

Л. Н.: Прежде чем я узнал, что это подделка, я удивлялся: что тут находят? Что древнее — должно быть, это важно.

Софья Александровна: Просто национальные песни.

Софья Александровна рассказывала про Григоровича и спросила, знал ли его Л. Н.

— Знал. Премилый: добродушный, легкомысленный, остроумный.

В дальнейшем разговоре о Григоровиче Софья Александровна вспоминала его — в какой обстановке в высших кругах Петербурга его видала и говорила, что вопрос нравственности для него совсем не существовал. О «Нашем преступлении» Л. Н. говорил С. А. Стахович:

— Талантливо, но мысль нехороша. Описывает разврат народа. Это хорошо описано: он знаток, но односторонне.

Л. Н. вспомнил слова Маклакова о Чельшеве: «Он, слава богу, неученый, он один может этот вопрос (о земле) поднять».

Л. Н. рассказал, как он уговаривал его (Чельшева) поднять этот вопрос в смысле Генри Джорджа, но что он, очевидно, не может.

Л. Н. сегодня слаб. С трех до шести спал и сказал, что по слабости будет подписывать автографы. Софья Александровна попросила автограф для актера Вишневецкого:

— Так вы мне это сделаете?

— С величайшим терпением. Я не могу понять, зачем автографы. Это одна из мод.

Говорили, какой Илюшок был толстый, а теперь худой. Л. Н. вспомнил, что и он маленьким был толст.

* «Когда я говорю о величайшем поэте нашего века...» (франц.).

— Ты знаешь, как меня звали, когда я был маленький? — спросил Л. Н. у Илюшка: — Левка-Пузырь.

Навроцкий, редактор «Одесского листка», телеграфно спрашивает Л. Н., может ли отпечатать «Круг чтения» как премию для подписчиков «Одесского листка». Л. Н. протелеграфировал: «Печатание предоставлено всем, рад вашему намерению»⁴.

1 ноября. Утром ушли Л. Семенов с братом Михаилом. Выпал первый снег, но стоял. По снегу и грязи пошли пешком на Тулу.

Приехали: Ф. А. Страхов, Гольденвейзер. Л. Н. собственноручно написал завещание, и они подписали как свидетели¹. Страхов с завещанием вечером уехал в Москву и оттуда к Черткову.

Полудни приехал Булыгин. Вечером рассказал, что в Брокгаузе читал о богомилах: это были совершенные христиане. Достали словарь и прочли вслух².

Л. Н.: Богомилы были в Болгарии. Оттого в Болгарии теперь так горячо принимается христианство.

Булыгин читал в словаре, что богомильство проникло в Италию, Францию (катары, альбигойцы).

Л. Н.: Кто знает, насколько это верно. Я думаю, что возникало одновременно из злоупотреблений церковей: вставало в разных местах.

Л. Н. о книге истории катаров:

— Как это «научно», а сущность... Теперь в науке беда... Вы сказали это, «а он? а Вейсман что говорят?». В песне погудка важна.

Л. Н. о книжке «Die Greuel der christlichen Civilisation»:

— Лама был в Германии, усвоил европейскую цивилизацию, излагает свои взгляды, ужасы европейской цивилизации. Переведите на русский язык, — сказал Л. Н.-ч Гольденвейзеру³.

Л. Н. о «Нашем преступлении»:

— Прекрасный язык, народный. Он подтрунивает над судьей, который старается освободить «преступников». Суд ужасно длинен, но прекрасно, верно описан.

Л. Н. говорил о письме от офицера — коменданта крепости, в которой заключен отказавшийся А. Соловьев.

— Он сидит в Минске, и я послал ему книги. «Вами присланные книги не можем ему передать, но, так как книги уже у меня, нельзя ли их оставить мне? — пишет комендант. — Они полезны». Я ему пишу, нельзя ли передать их арестанту, ему же с удовольствием другие книги пошлем⁴.

Л. Н. рассказал о Л. Семенове. Софья Андреевна предсказывала, что он ослабеет.

Л. Н.: Он усилится. Пришел оборванный, в лаптях, без паспорта, без копейки денег. Серьезный, умный, спокойный, может работать. (Л. Н. говорил словами Семенова: «Работать мне бог дал».) Он видел во сне, что ему нужно со мной видаться: «Нужно с тобой видаться, общение с тобой»; «Я живу среди крестьян». Отец и мать смотрят на него, как на сумасшедшего. Он просил их часть земли отдать крестьянам: «Я не имею права пользоваться трудами других». И говорил, что у него не было тяжелых минут.

Л. Н. это рассказал, перебываемый вопросами и замечаниями.

Л. Н.: Я ему говорил, что мне не нравится внешнее: «брат», «ты», но потом думал, что тут дилемма — или говорить одному *ты*, другому — *вы*, или раз перестать. — Л. Н. кончил серьезно: — Прямо, как он побывает, стыдно за свою жизнь. Не рассуждает, а делает. — Л. Н. заплакал.

Л. Н. поехал на «пауке» в Телятинки — привезти Александру Львовну и еще кого-то. В деревне сказал кучеру Адриану, чтобы слез и вернулся, только чтоб не сказывал графине, а сам сел на козлы и поехал к Александре Львовне. Ее не застал в усадьбе, поехал к Чертковым. Видят,

подъезжает Л. Н. и великолепно правит: вожжи лошади, которая больше тянет, натянуты, у другой — свободнее. Александра Львовна его встретила.

Л. Н.: Однако правая дышлавая здорово тянет.

Потом сказал ей:

— Знаешь, что я сделал? В Воробьевке насажал полный «паук» детей и катал их.

2 ноября. Здесь С. А. Стахович, А. В. Моравов — художник, иллюстрирующий детские рассказы Софьи Андреевны, приехавший писать осенние картинки к ним, на два дня. Пишет также два портрета Л. Н., остается дольше. Молчаливый¹. Утром уехал Булыгин.

Софья Андреевна получила письмо от Марии Николаевны о том, как в 5-м часу утра проник к ней на кухню грабитель и грозил зарезать ее, как она высунула ему в форточку два золотых.

Софья Александровна говорила Л. Н., что ее брат знал Гюи де Мопассана и видел, как он нежно относился к своей матери.

Л. Н.: Отношение к матерям у французов общее: исключительной любви с оттенком сентиментальности.

Пополудни ездили с Л. Н. верхом два часа. Делир своим широким, ровным шагом, как считает Л. Н., проходит в час семь верст с чем-то.

В 4. 30 пополудни у Л. Н. были В. С. Морозов с 25-летним землекопом, сосланным из Козельска в Белев за то, что он что-то сказал во время забастовки. Здоровый малый, высокий, сильный. В Белеве не находил работы. Просил пособия, ему не дают; просил: «Посадите меня в тюрьму», ему отвечали: «Если бы провинился», а так не могут. Так он и ушел. Взял чужой паспорт, ищет места. У племянника Морозова есть место, 20 р., занято стариком, тоже сосланным в Тулу за то, что он сказал, что податей платить не надо. Морозов сказал ему, что племянник примет его на место старика, но он не хочет, чтобы из-за него старик лишился места. Л. Н., — говорил дальше, — придумал так: не взяли ли бы Чертковы старика в сторожа, и тогда этот поступил бы к племяннику Морозова. Л. Н. обо всем этом говорил за столом и поручил спросить у Апурина и у Чертковых.

Л. Н. Софье Александровне сказал:

— Герцен говорил про Чингисхана с телеграфом², теперь можно сказать — с аэропланами. — И Л. Н. сказал, что, по его предположению, аэропланы сделаются самыми обыкновенными орудиями.

Софья Александровна: Через четыре часа после объявления войны могут чужие враждебные аэропланы появиться над Петербургом.

Л. Н.: Поэтому-то Меньшиков защищает патриотизм, но точно так же немцы. И потому разумно противоположное.

В. С. Морозов — христианская душа, привязанная к Л. Н., настоящий ученик его. Л. Н. его и его спутника, серьезного, разумного (тоже понравился Л. Н.-чу), награждал книгами.

После обеда Софья Александровна спросила Л. Н., позволит ли ей прочесть рассказ Мопассана «Le pain maudit»^{*} и, чтобы не лишиться его обычного в это время пасьянса, подала ему карты — его очень изношенную колоду. Прочитав, сказала:

— Мопассан не любит мужиков.

Л. Н.: Он знает мужиков, но он жесток к ним. Он меня прельщает своей прекрасной техникой, как в музыке, но очень часто композиция не удовлетворяет.

После Л. Н. прочел вслух рассказ Мопассана «Le petit fût». Очень хорошо читал.

^{*} в томе рассказов «Les sœurs Rondoli».

Л. Н.: Мне французы симпатичны. И язык, и литература, и люди самые.

Винт. За чаем *Л. Н.* рассказал, как его отчасти подвели с фонографом: в Москве в сентябре 1909 г., в этой суете, через *С. Т. Семенова* немецкая компания «Граммофон» просила его наговорить в фонограф. «Не могу». *Чертков*: «Почему им отказать, когда американцам (*Эдисону*) не отказали»? Согласился. Получил телеграмму: «Завтра приезжаем». Отклонил. Приехал *Семенов* и сказал, что «Общество русских литераторов» выписало мастера нарочно для этой цели из Лондона (оказался немец, живущий в Москве). Приехали.

— Меня зовут говорить — я не могу: надо говорить в трубу — задыхаюсь. Надо читать. Ужасно конфузился и путал. Наконец (после русского, французского, английского текстов) механик просил еще по-немецки. Я и по-немецки (из «Круга чтения»), хотя это сомнительно, чтобы что запало.

Софья Андреевна и *Софья Александровна* вспомнили картины *Поленова* из жизни Христа³.

Л. Н.: Это (жизнь Христа) нам так задушевно близко — этого не трогать.

Софья Александровна: Тогда не было бы искусства XVI века, Рафаэля.

Л. Н.: Ну что же! Хотя бы Мадонна (Рафаэля) — это так гадко, несмотря на то, что у меня висит.

Софья Андреевна: А сестра твоя молилась, когда грабитель грозил резать.

Л. Н.: Это умилительно, когда старушка. А как начнут об этом рассуждать, изображать — (нехорошо). Серьезно: как могут эти вопросы трогать? — *Л. Н.* говорил очень серьезно, растроганно.

Л. Н. искал книгу «My Master» (Шри Рамакришна).

Он выбрал из «The Sayings of Ramakrishna» 100 изречений и к ним хочет что-то из «My Master»⁴.

Очень часто и легко посетители и друзья берут книги — единственные экземпляры у *Л. Н.* — или для того, чтобы перевести их, или для прочтения, и часто очень долго или никогда не возвращают.

3 ноября. Приехала Мария Александровна. *Л. Н.* сегодня слаб, долго спал и был особенно мил к Александре Львовне, как всегда, когда слаб. Гулял в Елочках. За завтраком и обедом ничего. *Л. Н.* читал книжку «Die Greuel der christlichen Civilisation», которую после послал Гольденвейзеру для перевода. Отметил места, которые не надо переводить*.

— Это отношение человека, совсем свежего — <сам> он не свежий, он буддист, — наблюдающего ужасы наши: казни, войны, вивисекцию, скачки, дуэли, самоубийства. Слава богу, теперь мы похожи на Запад: теперь и у нас самоубийства**.

Лама из Тибета, пишущий эти письма, был в Германии (учился в университете), вернулся в Гималаи, вполне усвоив европейскую цивилизацию.

Л. Н.: Мой буддист (лама) пишет о нетерпимости христианской церкви: наших буддистов обращают, а в их церкви бог (*Иосафат*) признан святым.

Как *Л. Н.* проповедовал христианские взгляды каждому, с кем пришлось побеседовать, — например, детскому врачу, и как не было отзыва.

Вечером художник *А. В. Моравов* писал *Л. Н.*, сидящего у круглого стола в обществе. И *Л. Н.*, чтобы ему доставить возможность подольше

* Появилась в «Вегетарианском обозрении».

** После Японской войны, революции, со времени забастовок — самоубийства стали обыденным явлением.

писать его, взял «Goethe Kalender auf das Jahr 1909», перелистывал и читал вслух (переводя по-русски), выбирая¹.

Л. Н. к чему-то сказал:

— Любовь к народу, из-за которой борются (политические партии), есть вывеска, а, в сущности, борются из-за личных, эгоистических интересов.

Л. Н.: Он (Гете) совершенно атеист. Он с большими способностями, но с отсутствием одного из самых больших человеческих чувств — религиозного.

Л. Н., читая слова Гете: «Наполеон — der größte Talent»*, — сказал: «Болван!».

Софья Александровна что-то возразила.

Л. Н.: Я во всяком ищю основу — мирозерцание (она в Лихтенберге есть). Когда это отсутствует, тогда все пошло, мерзко.

Л. Н. прочел изречение Гете: «Суша та душа, которая в молодости не любила Шиллера».

— Совершенно правильно, — согласился Л. Н.

Прочел что-то о Лоренсе Стерне и спросил:

— А у нас есть что-нибудь его?

В библиотеке нашлось его «A Sentimental Journey through France and Italy» старого издания. Я ее принес. Л. Н. взял ее в кабинет и через некоторое время пришел с ней в руке и прочел несколько строк о Париже и дал Софье Александровне прочесть. Софья Андреевна вспомнила, что Л. Н. переводил эту книгу молодым человеком, но никогда не печатал².

Л. Н.: Стерн — это самобытный (остроумный).

Профессор, доктор медицины Демостен послал Л. Н-чу номер бухарестской газеты «La Roumanie» со своей статьей: «Les persécutions des Magyars».

Л. Н. понял так, что это преследуют мадьяр в Румынии, а описано преследование румын мадьярами в Венгрии.

Демостен напоминает мадьярам слова Л. Н. из его «Le testament...» (?) о любви: что любовь вызывает любовь и уничтожает вражду.

Л. Н. рассказывал о речи священника Образцова в Думе 1 ноября за общину; назвал ее «превосходной».

4 ноября. Л. Н. за завтраком восхищался сегодняшним «Кругом чтения», говорил о нем Марии Александровне и добавил:

— Это Толстой написал книжку, наверно уж хорошую.

Л. Н. вспомнил вчера читанное им изречение Гете в «Goethe Kalender 1909», что, когда пишешь прозу, в прозе надо что-нибудь сказать, а когда в стихах, одно слово подает другое, и в конце выходит что-то.

Л. Н. поручил Ольге Константиновне прочесть три письма: одно неразборчиво написанное французское о книге стихов уроженца острова Таити¹, другое — неразборчиво написанное английское от квакеров² и третье — английское от индуса о том, что английское правительство запрещает, ограничивает иммиграцию индусов в Южную Африку (Трансвааль и др.), даже высылает часть уже там осевших индусов-магометан. Просят Л. Н. заступиться за них³.

Разговор. Ольга Константиновна говорила о том, как англичане и в Англию ограничивают иммиграцию евреев и итальянцев и как хорошие англичане не покупают товаров, добытых sweating labour system** и продаваемых будто бы «распродажей остатков», чтобы не поддерживать sweating labour; и что англичане поддерживают теперь у себя кустарное

* величайший талант (нем.).

** потогонной системой работы (англ.).

производство. Эти иммигранты сбивают заработную плату и делают возможным «выжимание пота».

Л. Н.: Англичане достигли удивительно многого в том, что правительство своим действием полезно английскому народу. А у нас оно только своей дурной стороной чувствуется народом.

Еще *Л. Н.* подчеркнул, что в Англии свобода слова. Ольга Константиновна возразила, что во время бурской войны ее не было: нельзя было говорить против войны, и Бурцева осудили на полтора года ⁴.

Л. Н.: Это общественное мнение (не давало свободы слова, а не правительство).

С. А. Стахович рассказала мне, как вчера *Л. Н.*, играя в винт, охал. Она спросила, почему охает. *Л. Н.* ответил, что пишет художественное и перед ним проходит множество картин, как грезы, и он не может их схватить. И *Л. Н.* цитировал немецкое изречение, кажется Гете, что художник в подробностях должен упорно напрячь все силы, а этого-то он (*Л. Н.*) не может и, может быть, никогда и не сможет; что он рассеивается.

— Бросьте вы своего проклятого Рамакришну, — сказала ему с упреком Софья Александровна. *Л. Н.* расхохотался и так хохотал, что голову опустил к самому столу.

Софья Александровна начала, а продолжали Ольга Константиновна и *Л. Н.* говорить о римских императорах, их статуях в Капитолии и о царях, как они верили в себя и народ — в них, до самого Николая Павловича, даже и в Екатерину-развратницу.

Софья Александровна: А в Елизавету Петровну?

Л. Н.: Елизавету я всегда любил и продолжаю любить. Тем, что она отменила смертную казнь, она испустила всё.

Софья Александровна возразила, что уже Владимир Мономах в поучении сыновьям отменил смертную казнь.

Л. Н.: Это такое красноречие (на деле не отменил).

Вечером уехала Софья Александровна. *Л. Н.*, как всегда, дал ей поручения такие, с которыми много хлопот, и сложных. На этот раз, между прочим — выхлопотать смягчение участи солдата Крапивенского уезда в бессрочной каторге, замахнувшегося поленом на офицера-армянина ⁵. Никто столько и так охотно и точно, не исполняет поручения *Л. Н.*, как Софья Александровна и ее брат Михаил. Она скоро уедет в Париж на две недели. С Софьей Александровной было очень приятно, живо, весело в семье Толстых.

Л. Н. получил августовскую книжку «На каждый день». Любовался ею, читал вслух, над некоторыми местами качал головой, удивляясь, что Хирьяков оставил их, т. е. не вычеркнул из-за цензуры:

— Боюсь, что запретят, а мне жаль потому что не будет дешево*.

Я получил от *К. Калалы* книжку «Životni program» ⁶ — педагогические статьи. Очень многое в духе *Л. Н.* Сказал с радостью о ней *Л. Н.*-чу. *Л. Н.* сегодня снова прочел «Das höhere Leben, oder die Regeln des Rad-scha Joga» (Leipzig. Buddhistischer Verlag). Похвалил. И «Der Weg zur Glückseligkeit». Von Swami Abhedāpanda (Leipzig. Jäger'sche Buchhandlung Vedanta Philosophie. XII). Написал на ней: «Превосходно». Обе книжки поручил передать Ивану Ивановичу для использования при составлении книжек для народа о мировых религиях.

Александра Львовна с радостью заметила, что «папенька входит в норму; вчера еще был слабый, милый»: «Когда слаб, бывает особенно мил», — заметила Александра Львовна.

5 ноября. *Л. Н.* за завтраком о 50-летию «Литературного фонда», которому вчера посылал поздравление и по поводу которого картинки в

* дешевого издания.

«Искрах»¹. Эти смотрел. Пропало пять номеров «Искры» из пачки на этажерке. Софья Андреевна ругала того, кто взял, и в продолжение двадцати минут вслух перебирала, кто мог их взять. Л. Н. успокаивал, останавливал ее, но Софья Андреевна все повторяла свое. Наконец, утомилась.

Ольга Константиновна спросила Л. Н., знает ли он о том, о чем в «Русских ведомостях» пишут: что во многих местах сажают в тюрьмы крестьян за то, что не хотят идти на отруб. Л. Н. со страдальческим выражением:

— Не будем осуждать, не будем о том говорить.

Ольга Константиновна еще что-то добавила.

Л. Н.: Бог с ними!

Это его больное место. Старался действовать против разрушения общины, против насильственного введения отрубов.

Полудни — верхом (выпал глубокий снег). По дороге Л. Н. остановил лошадь, сказал мне, что в «Новой Руси» появляется ноябрьский «На каждый день».

Вечером Л. Н. о полученном сегодня письме:

— Очень хорошее письмо Якубовского про общину Репина (В. А.), про генерала Мищенко (который ходатайствовал о помиловании стрелявшего в него рядового)². Как это естественно, а люди удивляются. Как это другие — Столыпин — тем случаем не пользуются?

Ольга Константиновна: Сипягин или Боголепов просил о помиловании.

Софья Андреевна: И великая княгиня — убийце ее мужа Сергея Александровича.

Л. Н.: Помиловали?

Софья Андреевна: Нет.

Л. Н.: Неужели она не могла достигнуть? Не верится.

6 ноября. С Л. Н. верхом. Останавливал лошадь, хвалил, как хорошо. Был тихий день: безветренно и не холодно. Мы ехали лесом. Над нами проносились три раза стаи перелетных птиц. Одни — большие птицы и высоко летящие — к северу; две стаи — дрозды или грачи — к югу.

Л. Н. долго не выходил к завтраку. Писал¹ и заодно позировал Моравову. Моравов его не стесняет. Один из тех людей, которые не стесняются: он молчаливый, деликатный. За завтраком Л. Н. говорил, что получил книгу «Педагогика на Л. Н. Толстая» П. М. Нойкова (София, 1909, 230 стр.). Просматривал ее и прочитывал, находил очень основательной и подробной по изложению. Видимо, был приятно удивлен ею. Автор написал ему письмо по-болгарски. Болгары, за редкими исключениями, пишут Л. Н. по-болгарски. Поручил мне ответить и поблагодарить автора².

Л. Н. говорил, что получил нынче от незнакомого ему человека — Полилова — прекрасное письмо и чудо какое хорошее предисловие к его (Полилова) книге о Генри Джордже. Л. Н. ему ответил на трех листах. В предисловии первая часть — о несправедливости владения землей, вторая часть — о государственных проектах землеустройства, третья — о Генри Джордже.

— У него свои мысли очень умные; видно, основательно. Приятно³.

Л. Н. рассказал, что опять получил письмо по поводу его вопроса Чельшеву при прощании: «Когда же в Думе отмените смертную казнь?» Есть группа людей, отстаивающих ее. Софья Андреевна защищала отстаивающих смертную казнь за убийство и сказала Л. Н., что он тем защищает убийства.

Л. Н.: Никто не защищает убийства и никто не может запретить их. Но тут разрешается правительством задняя мысль, что казни прекратят убийства.

С тем, что казни не прекратят убийств, согласилась и Софья Андреевна.

Л. Н. интересовался номером «Новой Руси» от 1 ноября, в котором начался ноябрьский «На каждый день».

— Откуда получили «На каждый день»? Верно, от Черткова. Есть ли вступление?

Его не оказалось. Просил выписать еще экземпляр. Как Л. Н. рад, что печатают «На каждый день»! Еще был рад тому, что в «Новой Руси» рубрика «Борьба с пьянством», в номере от 4 ноября, кроме того, и беседы миссионера Боголюбова против пьянства, и тому, что так серьезно, внимательно и часто следят за сектантской жизнью.

Вечером Л. Н. больше сидел в кабинете. Вышел накоротко и хорошо, весело беседовал. Были: Софья Андреевна, Ольга Константиновна, Александра Львовна, Варвара Михайловна и художник Моравов. Я проспал это время. Говорили мне, что Л. Н. так искренне, весело сказал, что читал свои «Севастопольские рассказы»:

— Как это глупо! Какая это гадость! Кто это читает? Верно, никто не читает. С одной стороны какой-то юмор, с другой — какой-то патриотизм.

На замечание чье-то, что он в то время не чувствовал ужас войны, Л. Н. сказал:

— Как же не чувствовал? Тут умирают. Пошел в солдаты и должен был оправдывать свое положение.

На книжке «На каждый день», Июнь, Л. Н. сделал надпись: «Милой сестре и другу Машеньке. Надеюсь, если не все, то все-таки большая часть того, что написано в этих книгах, не вызовет твоего негодования и не будет неприятно тебе. Любящий тебя брат Л е в о ч к а.

6 ноября 1909 г. Ясная Поляна».

7 ноября. Л. Н. плохо спал. Утром бегал за Илюшком вокруг стола и по комнатам, пугал его и кричал: «Вот, вот поймаю!»

Л. Н. рассказал мне, что утром получил телеграмму из Женевы от Шкарвана: можно ли прочесть доклад стокгольмский на антимилитаристском собрании в Биенне. Л. Н. ответил, что согласен на прочтение без пропусков¹. Шкарван не сообразил, что статья должна появиться 30 ноября/12 декабря, что Черткову будет очень неприятно это чтение раньше срока появления. Л. Н. об этом забыл, меня в этот день дома не было.

Л. Н.: В «Новой Руси» в один день — девять смертных приговоров, четыре казни!

8 ноября. Утром Л. Н., вышедши на крыльцо, увидал рыжего 30-летнего человека в лохмотьях. Он хотел что-то сказать Л. Н-чу, но не смог, только заплакал. Л. Н. вернулся к себе наверх, всхлипывая и задыхаясь. Послал ему пальто. Я шел в деревню, и человек этот, бывший газетчик, сосланный за продажу запрещенных брошюр, мне сказал: «Спасибо ему — на ноги меня поставил. А то оборванного ни на какое место не принимают. Теперь в Москве работу найду». Был очень тронут добротой Л. Н. и очень благодарил в душе.

Пополудни верхом 12 верст. Когда вернулись, Л. Н. поблагодарил меня, что с ним ездил. Всегда или благодарит, или спросит, не устал ли, не озяб ли, и т. п. Говорил: «Брат Сергей Николаевич провел семь лет на лошади, я — больше. Если провожу в день два часа, в год — месяц. В 60 лет — пять лет».

Смотрел «Новую Русь». Разговор о ней, что там постоянно против пьянства, о сектантах. Л. Н-чу нравится, и высказал удивление С. Т. Семенову, который недавно осуждал ее. Семенов поверил клеветам ее соперницы «Речи».

9 ноября*. Маляр Алексей. Анючка Хольмберг родила сына.

Л. Н.: Я забыл, что они протестанты. Это много значит. Какие они способные!

Это Л. Н. говорил о садовнике А. Д. Соансе и, кажется, о его двоюродном брате, о которых завела речь Александра Львовна.

Л. Н.: Нынче я письмо кончил, такое серьезное. У него сомнения насчет икон. Стаховичу послал мои советы¹. Один корреспондент мне посоветовал ванны, и массаж, и чурки под ножки кровати подставить. Даже теперь что-то мне неловко: ноги — ровно, так привык.

Л. Н.: Горького читал. Болеслав Прус пишет о современном положении Польши, что надо в каждом положении жить спокойно, не терять спокойствия. Это тот самый патриотизм русский, который развивается у поляков, финляндцев. Как это не видят? Когда человек свободен от этого, то видит.

Л. Н.: Читал все Горького. Он как материал — превосходный. Язык хороший, когда он описывает то, что он знает, — эти разговоры босяков, их чувства, — превосходен. Но когда составляет из этого.....**, приписывает им чужие чувства, тогда ерунда.

Л. Н.: Горький вкладывает чувства невозможные, фальшивые.

— А кто талантливее?

Л. Н.: Он (Л. Андреев — кажется, его приезд предстоит) талантливее. С ним тяжело будет мне, если приедет. Перечитывал Горького. Он мне был тогда несимпатичен. Боялся, что я несправедлив. Нет, не изменилось мое мнение.

10 ноября. Ольга Константиновна с детьми. Александра Львовна, Варвара Михайловна ездили на санях к Марии Александровне. Л. Н. со мной туда же.

Привезли Марию Александровну к нам. Л. Н. за обедом (меня не было: ездил к больной; по пересказу Марии Александровны) рассказал, как провел день: впечатление тех полуголых, сильных, молодых, бедных прохожих-безработных:

— Хожу гулять, встречаю молодых людей с башмаками на плечах. Что бы это было, если бы только не было деревни, которая дает им приют? Куда бы они девались? Все это кончилось бы тем, что они нас убили бы или повесили перед нашими окнами.

Л. Н. говорил о том, как мы обязаны крестьянам, которые их (прохожих) пригревают.

11 ноября. В «Русских ведомостях» 10 ноября ответ Л. Н. крестьянину Абрамову о науке под неверным заглавием «О ложной науке», с большими пропусками. Л. Н. попросил выписать побольше номеров. В «Биржевых ведомостях» ответ Л. Н. семилетней Соне Рубинштейн о боге и молитве¹.

Л. Н. увидел, сказал:

— Они всё печатают. Как надо быть (отвечая) осторожным!

Л. Н. за завтраком говорил, что ему всю ночь представлялось, как вправить вывихнутые салазки, и как зовут Ольгу Алекс<еевну?>. Это я вчера вечером рассказал про соскочившие салазки — нижнюю челюсть — у 15-летнего дѣминского парня, пришедшего ночью вправить их. Я сказал, что сегодня утром у него опять соскочили: он зевнул, и я опять вправлял в амбулатории. Л. Н. по этому поводу, с намеком на свою статью о науке, заметил:

* Это число переписано мною с черновых записей через четыре года.

** Пропуск в подлиннике.— Ред.

— В случаях, как этот, нельзя отрицать полезности медицины. Но такие знания подачи первой помощи должны бы быть более распространены и более доступны. Медицина загромождена, много лишних знаний, которые требуют специализации.

Пополудни верхом (З^о) на купальню, станцию Рвы по шлаковой дороге — по бывшей насыпи железной дороги — до старого завода под Косой Горой. По шоссе домой до 20 верст. Я сбил Л. Н.: он хотел свернуть от новой шлаковой дороги в лес, чтобы выйти на Горелую Поляну, но я боялся заблудиться и того, что там ямы теперь под снегом не видны возле дороги, да и на самой дороге, где копали руду.

Вечером Л. Н. пришел в залу в 10. Там за чаем Софья Андреевна, Мария Александровна, Ольга Константиновна и я. Сел в кресло и на вопрос Марии Александровны, что делал, сказал, что перечитывал «Гетевский календарь 1909 г.», что Гете был ему всегда несимпатичен. Боялся, что несправедлив к нему, и перечитывал.

— Нет, не изменилось мое мнение о нем, — сказал Л. Н. — Он низменный.

Мария Александровна очень подробно и интересно рассказывала об общих знакомых женщинах, воспитательницах в Смольном, Николаевском и других институтах, и как она познакомилась в 1883 г. с Л. Н.: напрасно ища его книгу «Евангелие» в московских книжных магазинах, решила пойти за нею к нему и пошла с приятельницей О. А. Баршевой. Л. Н. внимательно слушал и вставлял вопросы.

12 ноября. Приехала Татьяна Львовна. Здесь Мария Александровна. Л. Н. ездил один: я был занят больными до самого вечера. Делир споткнулся и, быстро поднявшись, ударил головой Л. Н-ча по лбу.

Татьяна Львовна сказала Л. Н., что Полилов, на днях писавший ему о Генри Джордже, — это она. Л. Н. даже не было приятно: он думал, что явился новый сторонник Генри Джорджа не из его близких.

Л. Н. проводил больше обыкновенного времени в зале из-за приезда Татьяны Львовны, которую так любит. Рассказывал ей происшествия: об Эрденко, как он играл, — скрипка какая идеальная: для каждой ноты на струне одна только точка, которая верна, о Крекшине и т. д. Татьяна Львовна за обедом говорила Л. Н., ужасаясь проводами в Москве — как им было, когда еще теперь Александра Львовна, рассказывая про эту давку, трясется от ужаса.

Александра Львовна сказала Л. Н., что он не знает, как она вытолкнула из вагона влезшего за ними еврея, хотевшего их снимать. И Дима ей помогал: это не было непротивление. Л. Н. по поводу непротивления вспомнил, что ему самому понравилось, что на днях написал в письме: закон непротивления — стрелка компаса, к направлению которой надо стремиться, приближаться. Это не закон, а направление¹.

Л. Н. рассказал Татьяне Львовне о том, что ожидали Андреева, что он читал его и Горького. Александра Львовна вставила что-то про Чехова.

Л. Н.: У них (Андреева, Горького) такие же бессодержательные темы, как у Чехова, но у Чехова комизм, наблюдательность.

Татьяна Львовна в Риме была у Бьёрнсона. Он ее просил: «Et votre père, croit-il à Dieu?» — «Oui, et je pense que vous croyez aussi». — «Moi? Jamais. Ni à toutes ces choses saintes ni à la vie future». — «Mais d'où prenez-vous la morale? Vous êtes dans vos ouvrages pour la morale». — «Pour être heureux dans la vie matérielle on doit être honnête et bon» *.

* «А ваш отец верит в бога?» — «Да, и думаю, что вы тоже верите». — «Я? Конечно, нет. Не верю и во все эти святые истины и в загробную жизнь». — «Но откуда же вы черпаете нравственность? В своих произведениях вы за нравственность». — «Чтобы быть счастливым в земной жизни, надо быть честным и добрым» (франц.).

Бьёрнсон умер 78-летним от воспаления легких.

Софья Андреевна находила сходство с кончиной Марии Львовны. Говорили про докторов. Мария Александровна про докторов, мучивших умиравшего Гоголя, как она их вмешательства боится. Потом о мучительных освидетельствованиях больных, бесконечных, повторных, когда их демонстрируют ученикам-фельдшерам в Туле.

Л. Н.: Когда люди ставят науку, общественное благо выше отношения к человеку, то и выходит это уродство. В «Русском слове» 11 ноября статья Боборыкина «Нет ложной науки!»². Уморительная! Наука ему то, что иным — православие: это суеверие.

Я вспомнил во вчерашней статье редакции «Русских ведомостей» о статье Л. Н., что они повторяют возражения, приводимые, предусмотренные уже Л. Н. в его статье.

Л. Н.: Заметили? Я вчера не хотел о том говорить.

Л. Н. говорил дней десять тому назад, что он рад: Андреев не приехал; ему было бы тяжело с ним, говорить ему о его недостатках.

Л. Н. сегодня много писал³. Винт.

13 ноября. Утром уехала Мария Александровна. Л. Н. рано встал и в 7.30 пошел гулять. Зашел в деревню к Семену Резунову, 60-ти лет, бывшему ученику, спросить его о порядке, в каком ночуют по домам прохожие. Их распределяет и водит по домам десятский, распределяя по количеству наделов. Приходится в каждом дворе каждые четыре-пять дней иметь гостя. Им дают ужинать: «Нельзя не дать». Столько прохожих, что каждый день раздают им ковригу. Яснополянцы обижаются на Л. Н., что к нему столько прохожих сворачивает с шоссе и они должны им подавать и пускать ночевать.

Вечером пришел Буланже из Овсянникова. Он работает очень удачно над переводами и изложениями восточной мудрости⁴. За обедом Татьяна Львовна с Буланже об «Альманахе» Сергеевко:

— Все было бы хорошо, только Тенеромо гадит про Марию Александровну, и про сестру Машу — вранье².

Буланже: У Сергеевко отвратительная манера это делать. И все его описания Л. Н-ча противны. А у Тенеромо — подло.

Поздно к обеду явился Л. Н. Ночью дурно спал, в полдень поспал. Полудни не выходил гулять.

Л. Н.: Нынче я получил письмо американки царю, в стихах, обличительное, упрекающее царя².

Л. Н. про вчерашнее известие в «Русских ведомостях» о том, что члены кривницкой толстовской колонии были приговорены от полугода до полутора лет тюремного заключения за участие в революции. А в сегодняшних «Русских ведомостях» есть письмо о них, что людей, которые считали должным делать добро, непротивление, смешали с революционерами⁴. Л. Н. спрашивал Буланже, Татьяну Львовну, меня, кто был членом кривницкой колонии. Никто не знал, гадали: Юшко? Скороходов?

Татьяна Львовна рассказывала Буланже о своей беседе со Столыпиным, которого она считает тупым. Между прочим, он ей сказал: «Я считаю, что толстовцы гораздо опаснее для правительства, чем революционеры». Татьяна Львовна говорила, что на днях их посетил бывший обер-прокурор Синода Извольский; он ей, извиняясь, говорил, что в провозглашении Синода по поводу празднования 80-летия Л. Н. он не участвовал⁵. Это без него его секретарь написал:

Л. Н. рассказал Татьяне Львовне про фонофон и фонограф, как навязались обманом, как его заставляли говорить в фонограф.

— Трудно я говорил в эту штуку: надо на известном расстоянии говорить и притом читать. Несмотря на всю почтительность обращения, мне голову сзади пригибали к трубе. Говорил два раза по-английски,

по-русски, по-французски, а потом механик-немец попросил еще по-немецки.

Л. Н. про письма:

— Письма мне интересны и тяжелы.

Александра Львовна рассказала Татьяне Львовне про учителей в Крешине, как они внимательно слушали Л. Н.⁶ Татьяна Львовна вспомнила, как во время революции были богородицкие учителя и что в их разговорах с Л. Н. ясно было, что они обращают «дурака»⁷. А Л. Н. говорил с ними со слезами. Какая перемена в отношении к Л. Н. за эти годы! Л. Н. не соглашался насчет этой перемены, как ее понимала и оценивала Татьяна Львовна, и заметил:

— Перемена сделалась, что я дожил почти до (такой же) репутации, что Андреев. И толпа идет за мной потому, что Толстой почти такой, как Андреев.

Татьяна Львовна, Ольга Константиновна, Буланже (в один голос): Нет!

Л. Н.: Я хочу сказать, тут есть имя, которое привлекает именно толпу.

Ольга Константиновна по поводу перемены отношения социал-демократов к Л. Н.:

— Когда случились азефские разоблачения — страшный разгром партии (эсеров), то на одном собрании русских учащихся-инженеров в Германии шли большие дебаты: как могла партия (эсеров) дойти до такого разращения, что в ней явились провокаторы. Все было страшно расстроены, ошеломлены, подавлены. Тогда встал один пожилой инженер и сказал: «Позвольте, господа, по поводу всего сказанного напомнить вам того, кто давно остерегал нас от того пути, по которому мы пошли и дошли до таких результатов. Вспомните Льва Николаевича Толстого». Все присутствующие почтительно встали, и никто ничего не возразил.

Потом Буланже прочел вслух Л. Н-чу за круглым столом в зале свое предисловие к популярной книжке о Конфуции для «Посредника»⁸. Для Л. Н. было новым, что Мэн-тзи жил после Ми-ти, а не был его современником, и то, что последователи Конфуция преследовались: их живыми зарывали в землю, а менее опасных заставляли строить китайскую стену.

Л. Н.: Предисловие хорошо, очень хорошо, такое прекрасное, интересное. Ново для меня, а для других, не изучавших восточных учений, тем более ново.

Потом Буланже разговорился об Упанишадах: что из них можно тоже почерпнуть для «Посредника», как высоко их ценили Эмерсон, Торо, Шопенгауэр. Л. Н-чу Упанишады мало знакомы. Прочли вслух про них из Брокгауза⁹. Упанишады, оказывается, — комментарии к Ведам. Упанишад очень много. Пока известно около 250.

Л. Н. (*Иавлу Александровичу*): Какую Упанишаду перевести, когда их 250? Вступите в сношения с «Vedanta Society», New York. Спросите их, какие лучшие, воспользуйтесь моим именем. Какую же из них?

Л. Н. все время шутливо путал имена.

Л. Н. дал Буланже несколько книг восточной мудрости, между прочим «Бхагавад-Гиту». Потом Л. Н. хотел прочесть нам из «Русских ведомостей» от 12 ноября «Великая слепота» — письмо в редакцию С. Ордынского. Выражает недоумение, боль, тоску по поводу судебного приговора над членами криницкой толстовской колонии. Еще хотел Л. Н. прочесть статью оттуда же о борьбе с клерикализмом параллельно во Франции и Германии, но не прочел. Буланже говорил, что старые китайцы, индусы переживали и решали те вопросы, которые нашим современным культурным людям, по незнанию браманизма, буддизма, кажутся только что представшими, новыми, требующими решения.

Л. Н.: Иногда пишешь ненужное только для того, чтобы видеть, что

его надо выкинуть. Пока оно в мыслях — затрудняет, пока не напишешь и не увидишь, что оно — лишнее.

Прощание с Татьяной Львовной, которая рано утром уезжает.

14 ноября. В один из этих вечеров Л. Н. читал книгу генерала Бутса «In darkest England» и был доволен ею ¹.

— У генерала Бутса видят сектанство и отворачиваются от него, а на другую сторону не обращают внимания, — сказал Л. Н.

Кажется, Сонечка спросила, о ком речь.

Л. Н.: Есть такой генерал Бутс, который занялся тем, чтобы спасти бедных.

Л. Н. показал на картинку в книге Бутса, где изображены всякого рода места: ночлежные, мастерские, переселенческие пункты и т. д., которые устроены для того, чтобы облегчить жизнь бедным. Там главное — город, у нас — деревня. Л. Н. попросил Ольгу Константиновну спросить близких Бутсу людей, каковы дальнейшие результаты деятельности Бутса. Написать им (центральной конторе), что он прочитал книгу Бутса и очень восхищался ею и желал бы знать, какие дальнейшие результаты.

Л. Н. рассказал, что получил: 1) письмо от отказавшегося крестьянина-парня. Он слабосилен и притом отказывается от мясной пищи, так что арестованный голодает. Спрашивает, как ему быть с пищей ²; 2) от Завадского: просит письмо покойной Дондуковой к Л. Н., чтобы их вместе с его ответом напечатать. Пишет, что Дондуковой какой-то церковный сановник написал ответ на письмо Л. Н. к ней и она не одобрила его ³. Это было Л. Н. приятно.

Меня в 11 ч. ночи отозвали к родам Натальи Михайловны в Пирогово. Там пробыл весь день 15-го, когда она родила сына. В этот день был в Ясной Андрей Львович. Вечером, как я слышал, Л. Н. волновался, был не в духе. Долго сидел в зале. Разговаривал с Ольгой Константиновной. И слезы на глазах.

16 ноября. Утром вернулся в Ясную. Л. Н. в 7.30 вышел гулять. Утром зашел к нему Гусаров по пути из Крекшина с известием, что в типографию, где печатали «На каждый день», явилась полиция, захватила набранный Сентябрь и еще другие месяцы из-за изречений о земле ⁴.

Л. Н. раскрыл «Новую Русь» от 14 ноября и в «На каждый день» указал последнюю мысль — заключение о земле: «Тот, кто владеет земельной собственностью в большем размере того, что нужно ему для пропитания своего и своей семьи, не только участник, но и виновник той нужды, тех бедствий и того развращения, от которого страдают народные массы». Теперь такое изречение поражает, как поражало лет 35 тому назад непротивление или безубойное питание. И Л. Н. сказал:

— Не это ли место послужило причиной арестования «На каждый день»?

Ему кажется, что именно оно. Да, о земле было во всех вышедших книжках «На каждый день» — Июне, Июле, Августе. Л. Н. говорил об этом событии с тихой серьезностью, торжественностью.

Л. Н. рассказал еще, какое письмо получил от поручика, временно исполнявшего должность коменданта крепости г. Минска, под арестом у которого находился А. Соловьев: «Ваши мысли неоспоримы». Книжки Соловьеву отдал («Круг чтения»), и просит другой экземпляр для себя ².

За завтраком, когда я подавал Л. Н. еду, притом встав, Л. Н. полупутья-полусерьезно запротестовал, говоря, что я не должен вставать, прислуживать, усталый, невыспавшийся. Л. Н. за завтраком и все интересовались родами Натальи Михайловны. В продолжение нескольких недель у Л. Н. родилось пять внучат, правнучат, внучатных и правнучатных племянников.

Л. Н. поручил мне ответить на два письма: армянки ³ и немца ⁴.

Пополудни Л. Н. чувствовал слабость и поехал в санях в Овсянниково. Услышав от Александры Львовны, что заболел кучер Иван Матвеев и я у него еще не был и собираюсь только под вечер идти, Л. Н. решил посетить его, заехать сначала к нему и пригласил меня. Это тонкий способ заставить меня идти пораньше к Ивану Матвееву. Л. Н. тоже вошел к заболевшему. Оказалось — воспаление легкого.

Л. Н. ехал в валяной шапке без мехового пальто и не хотел его надеть, говоря, что пальто на вате достаточно теплое, хотя температура была минус 7° и сильный ветер. Вернувшись, сказал, что рукава холодны. На санях нет спинки, устал. Александра Львовна, ездившая с ним (правильно кучер Адриан Павлович: новая пара лошадей), рассказала, что Л. Н., закрыв глаза, покачивался от слабости. На обратном пути была метель. Наверх поднялся Л. Н. медленно, но душевно свеж. Лег, и спал до 9.30. Мы входили к нему. Л. Н. спрашивал, утро ли или вечер. В 10 ч. вышел в залу. Ничего не ел, не пил: во рту было противно, и есть не хотелось. М. В. Булыгин сегодня в метель, заблудившись, попал в Ясную Поляну вместо Телятинок. Л. Н. проговорил ему несколько фраз. Михаил Васильевич сказал, что он просто не пойдет на службу, и это — самый лучший способ разрушения государственного строя: не идти к ним. И по поводу этого вспомнил легенду из «Четьи Миней» и рассказал ее очень интересно, и еще другие. Л. Н. слушал, но с трудом делал реплики: легенда эта с большим, глубоким смыслом. Л. Н. лег на кушетку, закрыв глаза, лежал. Началась сумятица — Софья Андреевна, Александра Львовна. Л. Н. вскоре встал и лег на кровать. Не забыл ни часы завести, ни записную книжку, ни электрический карандаш положить на место на тумбочку. Съел ложку миндаля от изжоги, просил полрюмочки вина Рафаэль; не допил: горько.

— Я думаю, что это мозговое, — сказал мне Л. Н. — Все забыл: не помню, кто сыновья Михаила Васильевича.

Раздеваясь у кровати, покачнулся; ложаюсь сказал:

— Я думаю, что это смерть. Так и хорошо. Пора.

Когда потушили:

— Я думаю, это удар. Все забыл: сколько мне лет. Ноги какие холодные!

Я спросил:

— Растереть их или принести горячие кирпичи?

Л. Н.: Нет, оцупайте.

— Ноги не очень холодны.

— Засуньте мне одеяло под спину хорошенько.

Глубоко стонал. Отослал меня спать.

17 ноября. Л. Н. спал хорошо. Утром проснулся после восьми. Вошли к нему Софья Андреевна, которая и ночью проводывала его, Александра Львовна и я. Говорили о его сне, желудке. Софья Андреевна предложила ему боржому попить хоть для освежения рта. Я — массаж желудка. Л. Н. отклонил и то и другое. Я остался. Л. Н. говорил мне, что чувствует усталость, нервную слабость. После работы делается вял, шалает, и, когда в таком состоянии развлекают, — вчера проситель приставал, — разгорячился на него.

— Я беру пример с вашей духовной медицины: внешняя медицинская помощь мне не нужна; надо молчать, надо жалеть себя побольше.

Л. Н. спросил про Михаила Васильевича и просил извинить его и передать ему, что ему неприятно, что забыл его сыновей, которых он, Л. Н., так любит. Л. Н. хотел встать. Я ему сказал, чтобы остался лежать, что еще нужно отдохнуть: видно по тому, что язык у него тяжело ворочается. Л. Н. остался лежать и даже позвал задернуть шторы.

— Надо полежать.

Почту принесли к кровати. Л. Н. просмотрел «Новую Русь» от 15 ноября, где продолжается печатание «На каждый день», и был озабочен что ей будет: не будет ли општрафована, верно, как газета больше, чем типография «Труд», где Сытин печатает «На каждый день». Заметил статью Буланже там же о том, как возник «На каждый день», но боится, что она может повредить печатанию «На каждый день».

Приехал человек из Донской области об «очень серьезном деле» поговорить с Л. Н. Александра Львовна сказала ему, что он болен и что он ни о чем не разговаривает с проходящими, кроме как о религиозных вопросах. Он сказал на это, что он именно об этом и хочет поговорить и что охотно подождет один-два дня. На следующий же день пополудни Л. Н. оторвался от работы и принял его. И человек попросил найти ему место. Л. Н. волей-неволей написал ему три письма: к И. И. Горбунову¹, к Дунаеву и к М. Н. Толстой — невестке².

Л. Н. заметил в «Вестнике теософии», № 11, Петербург, 1909, перевод Бхагавид-Гиты; поручил передать Булавже³. На вопрос Ольги Константиновны о теософии Л. Н. говорил, что теософы любят браминское учение:

— Но вздору там (в теософии) много, ужасно много: четвертое измерение — (будто бы возможность) читать письма закрытые, — сказал Л. Н.

Л. Н. все у себя сидел. Пришел в 10-ть. Софья Андреевна собиралась в Москву. Заговорила что-то про М. А. Стаховича, что он хитрый, и другое недоброе. Разошлась и что-то спросила о нем, ожидая согласия. Л. Н. ответил с укором:

— Он добродушный, привязанный, друг нам. Все люди добрые, тем паче Стахович.

Д. В. Никитин пишет, что Л. П. Никифоров очень нуждается в заработке и слышал, что у Л. Н. есть какие-то прочтенные им рассказы, которые он находит хорошими, и просит их для перевода на русский язык. Л. Н. ничего такого не знает, но стал искать. Я ему принес из библиотеки десяток книг. Шоу Л. Н. не одобрил и не мог советовать. Болтона Холла тоже не одобрил. Просматривая Давидсона-Моррисона, Л. Н. нашел что-то лестное про себя. Неодобрительно сказал:

— Я вчера думал, какой я дурной и ничтожный человек. Право, я характером.....* Когда же найдется ein kleines Kind**, который крикнет: «Er hat nichts an!»***⁴.

18 ноября. Л. Н. был сегодня особенно мил.

Сегодня вечером было очень уютно, приятно. Л. Н. принес из кабинета с собой полученную сегодня книжку: Фидэль «Новая книга о Чехове (Ложь в его творчестве)». СПб., 1909¹.

Л. Н.: Книжка хорошая. Смешной Чехов. Мне книжка понравилась, потому что я всегда то самое находил. Он выкупает все своим юмором. У него никакого убеждения: насмешки над всем, а во имя чего — неизвестно.

Вспоминали Ольга Константиновна, Александра Львовна, что он (Чехов) был добр, мил. Л. Н. согласился с этим:

— Он был умен, талантлив, но он не был мне близок. Во что он верил, один бог знает.

Л. Н. посидел минут 20 с нами за столом. Сел со словами: «Кто расскажет, что интересно?»

Этот раз вызвался я рассказать про ссыльного черкеса, живущего с месяц у нас объездчиком. Он сослан за то, что убил родного брата. Со-

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

** маленький ребенок (*нем.*).

*** «Он голый!» (*нем.*).

скутился в двухлетней ссылке (еще ему шесть лет пробыть), хочет домой и убить старшину, против него показывавшего на суде, потом хочет убить жену. Я ему прочел мысли Магомета, избранные Л. Н-чем, месяц тому назад появившиеся в «Посреднике». И как он все понял, попросил себе книжку, сказав, что будет ее читать, когда ему будет скучно, и товарищам грамотным даст ее.

Л. Н. встал, прошелся около нашего стола и отошел к круглому, сел один и взял «Вестник Европы», ноябрь. Нашел там статью: «Петр Хельчицкий, чешский Толстой XV столетия» (По поводу 500-летия Кутногорского декрета), профессора С. Кульбакина. И прочел всю, похваливая: «Как это интересно, прекрасно изложено!» Просидел около 25 минут за ней. «Мне это ново, я его забыл. 500-летие!»

Л. Н. очень много читает и очень быстро. Вчера вечером прочел всю огромную книгу Бутса; сам сказал, что всю. Ольга Константиновна удивилась, как это мог прочесть. Л. Н. сказал, что перелистывает, а когда что не понимает, идет назад. Я спросил вчера и сегодня Л. Н. его мнение о коэдукации*, о чем спрашивает чешский учитель К. Калал.

Л. Н.: Я думаю, что в этом ничего нет дурного.

Второй вопрос Калала, как воспитывать детей в половом отношении.

Л. Н.: На это могу очень определенно ответить, мне очень понравилось: Рамакришна одевался женщиной и жил с женщинами для того, чтобы уничтожить в себе сознание полового различия**. Я думаю, что самое желательное это то, чтобы женщины смотрели, как на братьев, на мужчин, а мужчины, как на сестер, на всех женщин. Вот идеал. Я думаю, что <следует> опасаться всякого подчеркивания различия полов.

Л. Н. сегодня просмотрел, прочел, еще три книжки и Давидсона-Моррисона, ища для Л. П. Никифорова подходящее для перевода.

— Блестящий, остроумный писатель, — сказал он о Давидсоне-Моррисоне — «The New Book of Kings» не пропустит цензура. Пишет, что в укор ставят бедным рабочим, что родят детей, которые не могут себя прокормить. Французские аристократы после революции сделали учителями танцев, потому что другого не умели, а Эдуард (нынешний английский король) и на это не годится: слишком толст и неуклюж. «That Great Lying Church» цензура не пропустит.

Потом прочел книжку и отметил в ней некоторые места: «Prisons, Police and Punishment» by Edward Carpenter. (London, Pifield, 1905). Рассказал ее содержание, что он против наказаний, полиции.

— «Who shall watch the watchman?»*** спрашивает Карпентер. Эту книгу пусть переведет Никифоров, — сказал Л. Н. — Я очень охотно напишу к ней предисловие, в котором выражу, в чем я не согласен с Карпентером (в его понимании христианства)².

19 ноября. Оттепель. Утром встретились с Л. Н. Он искал меня. Спросил, написал ли я чеху (Калалу) и поручил добавить: «Я на днях перечитывал Хельчицкого и думаю, что если бы они (чехи) вполне поняли и следовали учению этого великого учителя, то все вопросы были бы разрешены, которые они мне задают. Я думаю, они его совсем не знают».

Полудни верхом, обратно — ветер навстречу. Л. Н-чу не повредил. В 4.35 получена телеграмма от Гольденвейзера: может ли привезти контрабасиста Кусевичко и парижское Общество старинных инструментов —

* совместном обучении мальчиков и девочек (от лат. coeducatio).

** Л. Н. прочел об этом в книге «My Master (Ramakrishna)» by Swami Abhedānanda.

*** «А кто будет надзирать за надзирателем?» (англ.)

ТОЛСТОЙ И МАКОВИЦКИЙ

Ясная Поляна, 31 января 1910 г.

Фотография А. И. Савельева

шесть музыкантов? Александра Львовна спросила Л. Н.: «Надо же сейчас ответить?». А он второпях согласился. Вечером сказал, что теперь испугался, не согласился бы, потому что это лишнее. «Если бы я теперь отвечал этим господам, я бы отказал».

Из сегодня полученных писем обратили особое внимание Л. Н. письма Леонида Семенова о том, в чем несогласен с Л. Н. Ему ответил длинным письмом, обстоятельно¹. И второе — живущего, работающего в деревне Пимена Карпова, который прислал и свою книжку «Говор зорь. Страницы о народе и интеллигенции» (Петербург, 1909). Ему тоже отвечал².

Еще Л. Н. поручил Александре Львовне переписать письмо Кореневского, автора «Крестьянского Генриха Блока», о Крестьянском банке, и за это уволенного отсюда со службы, и переслать его Дунаеву, Коншину, рекомендуя найти ему место³. За чаем: Л. Н., Ольга Константиновна и я. Л. Н. принес письма Семенова, Карпова и его книгу. Рассказал, что получает письма обличительные, ругательные по поводу «О науке», и от кого? — от крестьян и интеллигентов, которые потратили

столько труда, чтобы выбраться в интеллигентны. И вдруг им скажут, что это занятие бесполезно.

Ольга Константиновна спросила:

— Папа, у вас не болят вечером глаза?

— Нет, я принимаю некоторые предосторожности: я избегаю слишком сильного света от лампы, читаю при свече.

Потом спросил меня:

— У вас партийность развита?

— У словаков — не очень: мы мало участвуем в политике. А у чехов — очень.

Л. Н. вспомнил про сегодняшнюю езду, как лайка Белка бежала впереди его лошади, и вспомнил про охоту, по поводу замечания Ольги Константиновны, что Сонечка, когда ей было шесть лет, сказала ей: «Как ты могла выйти замуж за охотника?» Рассказал очень художественно, как впереди все время бежит борзая — «передняя рыска» — молодая, менее быстрая, чем задняя рыска. Как эта, когда покажется (впереди) заяц, быстро обгоняет переднюю. В охоте эта быстрота движений увлекает, красива быстрота. А результат плачевный: замечаешь не убийство, а процесс.

Л. Н. о книжке П. Карпова «Говор зорь»:

— Очень бойко, слишком бойко, неглубоко, озлобленно и многословно пишет об интеллигенции, виноватой перед народом, и возвеличивает народ.

Л. Н. говорил с Ольгой Константиновной об И. С. Гусарове, крестнице из Москвы, побывавшем в общине Шейермана, завтра уезжающем с семьей из Телятинок в Кельменцы (Бессарабия) к Александри. Он в такой одежде летней, босой поедет. Л. Н. говорил, что он очень умен и вообще ему нравится. Гусаров был среди дня у Л. Н., и с Л. Н. прочли письмо Л. Семенова. Л. Н. говорил про письмо Семенова, что он отстаивает пение духовных песен, придает значение загробной жизни Иисуса; что это еще не чистая, настоящая религия; истинная религия — когда не нужны никакие поддержки.

— Когда человек достигнет, доживет до того, как я, что ему жить или умереть — все равно, и старается только, как бы хорошо прожить жизнь, исполнять волю Божию, тогда узнает истинную религию. Может быть, это (песни) и нужно на той ступени. Прекрасные люди! У каждого свое. Страшно разъединение с людьми, которых уважаешь. Лучше всего молчать. Я желал бы знать, есть ли у меня особенности, как у них (которые у них я вижу), особенности, которые (они) считают у меня лишними.

В «Новой Руси» 17 ноября о «На каждый день»: «К сожалению, мы принуждены пропустить изречения сегодняшнего дня, так как в них Л. Н. излагает свои взгляды на современное государство. Взгляды эти общеизвестны, но это еще не дает им места в современной русской печати».

20 ноября. Утром приехали Гольденвейзер с пятью членами «Société des instruments anciens (fondée par Henri Casadesus)». Quatuor des violés*.

Quinton: Maurice Hewitt,

Viole d'amour: Henri Casadesus.

Viole de gambe: Marcel Casadesus,

Basse de viole: Maurice Devilliers.

Clavecin: Alfred Casella.

* «Общество старинных инструментов (основано Анри Казадезюсом)». Квартет виол (франц.).

и с контрабасом С. А. Кусевидским, который сказал, что никогда ему не хотелось так играть, как сегодня. Играли с 2 до 3.15 и с 7.15 до 10. Л. Н. понравилось больше всего первое, что играли: 1) «Les plaisirs champêtres» (Ballet) par Fontclair.

Дальше играли:

2) Symphonie concertante pour viole d'amour et contrebasse — Logezetti,

3) Adagio di Concerto pour les violes — Ph. Bach,

4) Ballet divertissement — Montclair,

5) Marche turque — Mozart; Gavotte — Bach,

6) Sonate — Borghi,

7) Quatuor pour les violes — W. Nicolay.

Л. Н. указывал на сходство старой французской музыки, когда еще не отошла от народной, с народной музыкой русской. Говорил, когда играли, и о старинной музыке:

— Они чувствуют вдохновение, а новые — ils se battent les flancs *, чтобы что-нибудь создать.

На лестнице слушали из прислуги (дворник, кучера и пр.). Л. Н. позвал и сам усадил их в зале.

Л. Н. был очень тронут, восхищен. Французы оказались все — живые, интересные, симпатичные, простые люди.

Прочли вслух Л. Н-ча доклад для Конгресса мира по-французски ¹.

Сытин отказался дальше печатать «На каждый день» под своею ответственностью. Владимир Григорьевич предложил Ивану Ивановичу взять ответственность на себя и делиться с Сытиным, который по-прежнему будет издателем, пополам в прибыли. Иван Иванович не согласился. Александра Львовна решила сама издавать эту книгу ².

21 ноября. Суббота. Праздник**. Теплонь стоит. Туман снег ест. Утром уехала Мария Александровна. Днем приехали П. А. Буланже, Белинский: переписываются интересные письма к Л. Н-чу. Софья Андреевна в Москве. Здесь Ольга Константиновна с детьми, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Дорик Сухотин.

Утром пришла пешком с Козловки девица из Москвы, очень нервная, расстроена, за успокоением к Л. Н-чу. Л. Н. побеседовал с ней.

Приезжал на два часа редактор московской газеты Лопатин, напечатавший «Нет худа без добра» Л. Н-ча и отсидевший за это три месяца ¹. Он понравился Л. Н.: нашел его умным и скромным человеком. Посоветовал ему печатать «На каждый день» в «Утре России», где он работает.

Пополудни Л. Н. дал П. А. Буланже читать вслух полученное письмо Молочникова и вложенную в письмо беседу его с заключенным в сумасшедшем доме «неизвестным Мишей», давшим обет не говорить своего имени, арестованным за то, что говорил толпе во время революции, как он выражается, «от бога». Что-то очень сильное, вроде чеховского рассказа «Палата № 6», только получше и сильнее. Между прочим, «неизвестный» отвечал Молочникову, когда Молочников сожалел, что у него нет книг в заключении: «Плохая привычка проводить большую часть времени за книгой».

— Какой умница! — сказал Л. Н., довольно долго рыдавший во время чтения ².

К концу чтения Л. Н. записывал что-то и ушел на десять минут в кабинет — наверно, записать возбужденные этим чтением мысли. Еще

* они из кожи лезут (франц.).

** Введение во храм пресвятыя богородицы.

хотел Л. Н. прочесть вслух полученное сегодня письмо Иконникова об отказе от воинской службы пяти каторжан-солдат³. Но отложили до вечера.

Для Л. Н., для его духовного движения такие люди, как Кудрин, Иконников, умирающий чахоткой в зеньковском тюремном замке Савелий Шнякин, умершие Дрожжин, Сиксне, и прежде Сютаев, Бондарев — гораздо влиятельнее, чем Андреев. Еще читали письмо Соловьева. Л. Н. плакал при чтении места, где говорилось о счастье быть заключенным.

Л. Н. спросил робко, как и вчера, поедет ли вместе верхом. Л. Н.-чу кажется, что мне это тяжелая обязанность. Л. Н. поехал в Новую Колпну к вдове, просившей определить ее сирот. Л. Н. заходил в дом, расспрашивал там и записывал, а после удалось ему определить их⁴.

Л. Н. мало спал ночью и потому был усталый, находила на него слабость: спрашивал, например, про дорогу и путал раза три. Туманно. На шоссе встретили сани с кочаковским священником, дьячком и отцом-дьяконом Алексеем; последний чувствительно раскланялся: «Здравствуйте, ваше сиятельство! Люблю — беда!»

Л. Н. проспал до 7.15. За обедом рассказал, что слышал в Колине, как пьяные мужики и отец-дьякон этой же ночью (т. е. в пятом часу) с гамом хоронили убитого поездом сторожа.

Я рассказал про немецкое письмо к Л. Н. старокатолического священника А. Розенберга (чех из Нижковиц, Моравия)⁵, и про статью «Ein Bahnbrecher des zukunfftigen Christentums». Автор ее пишет, что без государственного и церковного строя человечество жить не может, и потому учреждение анархического строя и первобытного способа жизни, одним ученым из истории известного, а народом забытого, Л. Н.-чу не удастся: оно невозможно.

По этому поводу разговаривали о старокатоличестве, о догматах непорочного зачатия.

Буланже удивлялся произведенному сегодня провозглашению Жан-ны д'Арк святой. Что в ней святого? Это заискивание Рима у французов, игра на патриотических чувствах.

Беседа была прервана принесением телеграммы. Александра Львовна вскрыла и прочла: «Из Москвы, Засека, Л. Н. Толстому. Пожалуйста, не болейте. Если и можно еще теперь жить, так только со знанием, что вы здоровы». Это, верно, в Москве разошелся слух о недомогании Л. Н. 12—18 ноября. Александра Львовна и Буланже выразили одобрение телеграмме.

У Л. Н. немного оборвалась нить мыслей:

— Да, да.— Лицо у него сморщилось; переживает что-то неприятное в себе.

Буланже сказал, что трудно священникам и скучно исполнять обряды (причастие), в которые не верят. Не чудо, что отдаются питью как православные, так и католические. Л. Н. спросил меня насчет католических и удивился, когда я подтвердил, что среди них порок пьянства не меньше, скорее больше, чем среди православных.

Буланже: У них только более скрыто. Пьют в одиночку.

Л. Н.: Я думаю, священники меньше верят, чем лаики (миряне).

Л. Н. рассказал заветную свою мечту: он желал бы, чтобы был написан, им или другим, рассказ про священника, разуверившегося в вере, которую он исповедует, написать о его сомнениях, страданиях, о том, что семья заставляет его продолжать этот путь. Л. Н. говорил, что он сам стал писать (от лица священника), «но не кончу», сказал он; не знает: мог ли бы священник писать это действительно⁶. Л. Н. предлагал эту тему неоднократно посещавшим его писателям (точно не помню,

кому, неясно: кажется мне, что Л. Семенову, Наживину). «Мы часто не понимаем, осуждаем, а ведь это такая сильная связь, так трудно отделаться», — говорил Л. Н.

Буланже сказал, что «Вестник теософии», данный ему Л. Н-чем для ознакомления с помещенным там переводом начала «Бхагавад-Гиты», слаб⁷.

Л. Н.: Теософы переступают пределы ума, определяют будущую жизнь, говорят о ней с точки зрения времени и пространства. А она вне этих условий. У Канта этого нет. Кант выгораживает, что может решать ум и что не может. Гегель — это такая каша, путаница. Вы чувствуете, что внутреннего содержания нет. Pour être repoussant, c'est de tout monter*. Женщины часто <этого> не понимают.

Л. Н. играл с «китайцем» (игрушка для детей: голова китайца и чехол, представляющий платье, которое надевается на руку) и хохотал — очень ему понравилась.

В 10 ч. принесли еще телеграмму: избрали Л. Н. почетным членом какого-то общества. Никто, и Л. Н. меньше всех, не обращает внимания и не помнит, где, в каких обществах состоит Л. Н. почетным членом и председателем и т. п. За доставление телеграммы уплатили 50 коп.; сегодня же за четыре доплатных письма — 72 коп. (все четыре — просительные). Вчера уплатили 43 коп. таможенного сбора за брошюрованный экземпляр «Закона насилия и закона любви», присланный из Швеции для подписи (автографа).

Винт. После Л. Н. записывал в дневник.

Датчанин Маделунг просит статью о современном состоянии России для рождественского номера «Berliner Tageblatt». У Л. Н. такая есть: «Чингисхан с телеграфом» (написал месяц тому назад). Согласился послать через Черткова⁸.

Л. Н. всем серьезным и небогатым, стремящимся познать его учение и обращающимся к нему за книгами, посылает их. Также и всем нуждающимся, заключенным за отказ, посылает месячное пособие.

Пока жив, один действует: один в поле воин.

22 ноября. Воскресенье. Л. Н. сегодня стал переделывать предисловие к «На каждый день» и самое «На каждый день», приравнивая их так, чтобы содержание дней в обоих соответствовало, и поправляет текст в «На каждый день». Л. Н. высказал даже, что не беда, что с сентября месяца конфисковали «На каждый день», т. к. можно поправлять.

Л. Н-чу было холодно. В 2 ч. лег и до 3.30 спал. Пошел гулять. За обедом Л. Н. спросил нас, читали ли мы обвинительный акт против Ивана Ивановича. По статье, под которую его подводят, меньшая кара — пожизненная ссылка¹.

Л. Н.: Обвинительный акт этот — это такое удивительное, короткое, неоспоримое изложение взглядов Генри Джорджа. Это то самое, на что русский народ никогда иначе не смотрит — что земля есть общее достояние всех и что кто владеет землей, тот снимает ее у всех и должен платить аренду всем в форме подати, единого налога. Верно, Муравьев будет защищать его.

В «Биржевых ведомостях» 20 ноября молодой писатель передает будто бы слова Л. Н. о современных писателях.

Л. Н.: Какой вздор! Никогда ничего такого не сказал. Все выдуманно. Да и язык не мой.

Александра Львовна спросила, не опровергнуть ли. Л. Н. согласился: — Пусть кто-нибудь из вас опровергнет².

Л. Н. с месяц как не пьет за обедом. Сегодня сказал:

* Чтобы вызвать отвращение — надо показывать всё (франц.).

— Питье за обедом и потому нехорошо, что с питьем можно съесть лишнее, прихлебываячи.

Л. Н. поправлял корректуру «Конфуция» для народного издания «Посредника». Л. Н. сказал, что трудно переводить с китайского языка: у них пишутся не слова, а понятия-знаки. Чувствуешь, читая перевод, что мысль глубокая, а плохо выражена. Потому позволяешь себе поправлять, по-иному выражать (изменять).

Ольга Константиновна спросила Л. Н. о пасьянсах — какие делает?

Л. Н.: Всегда один. Газеты читаешь — досаждаешь, роман читаешь — осуждаешь автора, а при пасьянсе внимание напряжено (без выражения чувства злобы), и известные умственные способности отдыхают.

Александра Львовна говорила про новые случаи воровства в деревне и на усадьбе. Воровство есть своего рода охота.

Л. Н.: У нищих тут вопроса нет, что у Толстых нельзя брать. Я заметил это даже в себе: у Софьи Андреевны были пряники. Я ходил в ее комнату брать их. Она поставила их ко мне — не ел: чего-то недостает.

Винт с 10.30 до 11.30. Обучали Ольгу Константиновну и меня. Л. Н., уходя: «Il n'y a pas de société agréable qu'on ne quitte»*.

23 ноября. Л. Н. пополудни ездил верхом к Марии Александровне и Буланже поговорить с ним о его корректурах «Конфуция». Просил Буланже, чтобы, если не согласен, изменял его (Л. Н-ча) поправки.

Сегодня не было посетителей. Л. Н. сказал, что кто-то пишет ему, что в Шотландии пасторы цитируют в проповедях своих его мысли. Л. Н. по поводу дуэли Уварова с Гучковым. Уваров был оскорблен, принужден к дуэли Гучковым и ранен в грудь. По газетным сведениям, Гучков не подал раненому руки, не осведомился о его ране, состоянии, а так уехал после дуэли.

— Все эти приготовления к дуэли, к убийству — хуже убийства. Все эти убийства, про которые все знают (всеми это допускается), хуже других убийств.

В иллюстрированном приложении к «Утру», № 899 (харьковская газета) есть перепечатанное из «Нивы» «сказание» Л. Н., которое будто бы когда-то он рассказывал крестьянам. Ольга Константиновна вкратце передавала ему его. Л. Н. с трудом мог вспомнить:

— Да, что-то вспоминаю. Вероятно, это пересказ.

Л. Н. (о сегодняшней поездке): Мне хотелось спать на лошади.

— Ты никогда не засыпал на лошади? — спросила Александра Львовна.

Л. Н.: О, сколько раз в походах.

По поводу задавления поездом мужика, отвозившего снег от Щекинской станции третьего дня, Л. Н. разговорился о железных дорогах:

— Так и помру с мыслью, что железные дороги вредны. Убить человека! Они для того, чтобы приехать поскорее, а спешить некуда. Непосредственные чувства. Вывозят и привозят те же товары. Можно и на лошадях.

Я рассказал про статью Меньшикова о железных дорогах (недели три тому назад), что они и невыгодны, когда их больше построено, чем нужно (что уже в России чувствуется)¹.

Л. Н.: Материальная выгода — ее нельзя определить, а непосредственное чувство, я его ясно высказать не могу (не умею), против железных дорог.

Моод просит «a message to Temperance Society»***. Л. Н. искал в «Круге чтения»; ища, сказал про «Круг чтения», что (эта книга) стано-

* «Нет такого приятного общества, которое не пришлось бы покинуть» (франц.).

** «послание Обществу трезвости» (англ.).

вится литературной, библиографической редкостью. Решил послать последнего издания «1 сентября» («Одурманивание»).

Александра Львовна: Не ездили бы на концерт Гофмана в Москву, и свежие цветы не получали бы. Сегодня телеграмма от какой-то дамы, что присылает свежие цветы.

Другая телеграмма, что завтра приедут Даниель и А. П. Сергеевко. Л. Н. спросил, что с его (Сергеевко) военщиной?

Ольга Константиновна: Освобожден. Не призывается, не является: отец его, вероятно, взяткой освободил.

Я предложил Л. Н. прочесть иллюстрированное приложение к «Новому времени» от 21 ноября. В нем письмо И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому* и его ответ³. Л. Н. с трудом читал (изжога?), но стал читать и прочел до конца вслух. В начале письма Ивана Сергеевича, где слишком издали подходил к главному вопросу, Л. Н. сказал:

— Ах, этот Аксаков... Не люблю.

Когда кончил, Л. Н. сказал:

— Очень интересно! Я благодарю вас, Душан Петрович, что показали, Достоевского давно не читал. Вот кого надо мне хорошо перечесть.

Л. Н. сегодня много работал⁴. Еще и в 11 ч. продиктовал письмо⁵.

24 ноября. Утром вернулась Софья Андреевна из Москвы. Нашла места в приютах мальчикам-сиротам новоколонпийским. Л. Н. пополудни поехал известить их мать об этом. От Двориков до самой Новой Колины ехал без остановки быстрой рысью.

За обедом Ольга Константиновна спросила, кто такой Беха Улла.

Л. Н. ответил:

— Баб был предвестник (Иоанн Креститель): настоящий учитель был Беха Улла. Теперешний же глава бабидов Беха Уллы сын, Аббас Эффенди. Беха Улла был больше.

Софья Андреевна рассказала, что встретила скульптора Андреева, поговорила о памятнике Гоголю. Софья Андреевна ему высказала свое неодобрение. Он спросил мнение Л. Н-ча. Софья Андреевна сказала ему: «Лев Николаевич смог перенестись в вас, (понять), почему вы сделали его, Гоголя, таким, каким вы его сделали». Андреев ответил, что его совесть спокойна: сделал Гоголя так, как понимал его.

Софья Андреевна рассказала про свою встречу с Е. П. Ермоловой, больше чем 80-летней старушкой-фрейлиной, которая давала ей наставление, как сохранить здоровье Л. Н.: не допускать к нему посетителей, не волноваться ему. «Молиться, и довольно дела».

Л. Н. вспоминал, что он с ней танцевал, что она не возбуждала влюбленности. «Хотя я более красивой женщины не видал»,— сказал Л. Н. Софья Андреевна описала ее облик, сказала, как она и теперь красива, и что она была тип целомудренной красавицы. Л. Н. согласился и добавил, что ее сестра, Самарина, была тип женственный.

Л. Н.: Зося то же самое, что Екатерина Петровна.

Софья Андреевна рассказала, что слышала от Екатерины Петровны про царя, что она нервная, все нервные узлы у нее болят: дрожит за жизнь царя и детей. Прекрасная мать-наседка, семьянинка. Детей сама обучает. Безличная. Софья Андреевна рассказала еще про вдову убитого Сергея Александровича, великого князя.

Л. Н.: Она, если бы была хорошая, могла бы влиять на царя. Несчастные они все.

Я принес Л. Н-чу в кабинет I—III тома «Дневника писателя» Достоевского, по изъявленному вчера желанию Л. Н. прочесть его. Л. Н.

* О тоне его «Дневника писателя»: Иван Сергеевич ставит в упрек ему, популяризатору христианства, непристойный тон.

продержал один вечер и в 11 ч. сказал, что можно убраться, что не будет читать:

— Он труден.

Л. Н. о французах, игравших четвертого дня:

— Превосходно играли. Французы всегда очень приятный народ: в обращении милы.

25 ноября. Сегодня приехали А. П. Сергеенко и мистер Даниель, издатель «The Open Road Magazine» (London), редактированного в свободном-христианском духе, с особыми взглядами на половую любовь и другие особенности. Л. Н. с обоими поодиночке внимательно побеседовал.

Вечером за чаем Л. Н. о статье Даниеля о вегетарианстве, об употреблении яиц, соглашаясь и изумляясь:

— Ведь на самом деле мы их (кур) заставляем нестись, а когда снесут несколько яиц, их рассиживаем. Потом всех цыплят-петушков уничтожаем.

Софья Андреевна: А куда их девать?

Л. Н.: Я не говорю, куда их девать, а что это жестокость.

Софья Андреевна. Не есть яйца — это крайность.

Л. Н. с этим согласился. Александра Львовна сказала, что это зависит от породы: есть и такие породы кур, которых никак не посадить.

Л. Н.: Да, я думаю, что такую породу вывели, которая не рассиживается.

Л. Н. просмотрел книгу, потому что о ней заговорили Даниель и Сергеенко: «Tolstoy on Land and Slavery»*, составленную Веджвуд из сочинений и писем Л. Н.

— Хорошо составлена, — сказал Л. Н. — Хорошо было бы по-русски такую составить. Вот бы Николаеву.

Л. Н. нашел еще интересным в «Open Road» «On the women» — Odd Man.

С Сергеенко Л. Н. поговорил хорошо о молитве. Вечером Л. Н. прочел вслух ответ офицеру (А. М. Завадскому) о боге. Очень хорошее определение бога («бог никак не может быть существом»)¹. Был Буланже. Он очень хорошо чувствует, счастлив, что видит Л. Н. и что занят такой интересующей и поглощающей его работой — изучением восточной мудрости (браминской, буддийской, конфуцианской). Сейчас изучает зооастризм, но у него сомнение, овладеет ли, поймет ли его.

26 ноября. Приехал Христо Досев. О нем мы слышали месяца два тому назад, что он женился на дочери Скороходова. И приехала Мария Александровна.

За завтраком Л. Н. разговаривал с Даниелем. Даниель сообщил Л. Н. поразившую его (Л. Н.) новость, что Вивекананда был убит лет десять тому назад. Его настоятель послал проповедовать в Англию и дал ему строго определенные указания, что проповедовать. Он принадлежал к высшей касте. Он жил среди христиан и не исполнял требований своей веры, за это по возвращении в Индию был своими убит.

Л. Н. спросил Досева, лучше ли женатому или неженатому.

Досев: Иногда лучше, иногда хуже.

Л. Н.: Молочников пишет о «неизвестном Мише» в сумасшедшем доме, который говорит, что холостой связан по ногам, а женатый по ногам и по рукам.

Досев потом добавил, что они еще не женаты. Л. Н. спрашивал Досева про В. И. Скороходова и его материальные дела. Досев, в свою очередь, спросил:

* «Land Values», 376—377. Strand, London, W. C.

— Отчего это так, что, читая ваши книги («Изложение Евангелия»), некоторые не бывают удовлетворены, а читая синодальное Евангелие, бывают удовлетворены (например, некто Коган). А Владимир Иванович ушел в толстовство.

Л. Н. сказал, что он многих таких знает и понимает их: это не вполне религиозные люди, это идолопоклонство. Вот почему им трудно с ним (каноническим Евангелием) расстаться.

За обедом Л. Н. спросил Даниила:

— Who is the most prominent english writer? * (нынешний).

Даниель не умел ответить:

— I have no interest in the literature **.

Л. Н. согласился, что и он не интересуется литературой. Даниель сказал, что ему раз какой-то англичанин сказал, что лучший английский писатель — Толстой.

Л. Н.: I am very flattered by my success between the english people ***.

Л. Н. верхом 12 верст Засекой. Провожали Ольга Константиновна с Даниелем в саних, я — верхом. Л. Н. вечером долго беседовал с Даниелем; с А. П. Сергеенко — в одиночку.

Л. Н.: Я очень сочувствую тому, что Чертков хочет писать о либеральной цензуре моих сочинений ¹.

И Л. Н. рассказал, что и «Новая Русь» и «Русские ведомости» исключили из статьи «О науке» некоторые неоспоримые места, обличающие их.

Л. Н. нашел полемику с крестьянином П. Карповым в газете «Новая Русь» от 24 ноября, а в «Русском слове» от 25 ноября, где (в критической статье Философова) Карпов назван «новым врагом интеллигенции» ². Карпов на днях писал Л. Н. и прислал свою книгу «Говор зорь».

Л. Н. (о нем): Он пишет замечательно бойко об интеллигенции, о незаслуженном отношении к тому народу, который всех кормит.

Мария Александровна: Карпов пишет, что народ не может читать то, что интеллигенты пишут, настолько их язык ему далек, непонятен — «индивидуальный» и тому подобные слова — и ей (Марии Александровне), живущей в деревне, такой язык труден.

Л. Н. сказал, что он теперь старается избегать чужих слов, например, «идеал»:

— Я сейчас останавливаюсь, пишу «образец»... Или как «материализм»...

Прочли вслух письмо Н. Н. Ге о крестьянах-интеллигентах, т. е. о существующем старании интеллигенции окультурить русских крестьян, чему он ужасается, и о русских интеллигентах, которых он называет дикарями. Он написал статью об этом и послал Ивану Ивановичу в журнал ³.

Л. Н. вчера и сегодня очень усердно перерабатывал введение и самый текст «На каждый день». Л. Н. очень рад тому, что Александра Львовна хочет его издавать с января.

Л. Н. заметил в «Новой Руси», что в печатании «На каждый день» один день перескочили; оглавление отстало от всего. Там, где в оглавлении «О праве», в тексте — «О смиреннии». Поручил мне написать им.

Л. Н., как всегда, и сегодня, написал несколько длинных ответов на конвертах писем, некоторые карандашом.

27 ноября. Сегодня были: М. В. Булыгин с Сережей и его другом, бывшим телеграфистом <?> Скипетровым из Владимира, кроме Досева, А. П. Сергеенко и Даниила.

* Кто самый выдающийся английский писатель? (англ.).

** Я не интересуюсь литературой (англ.).

*** Я очень польщен своим успехом у английского народа (англ.).

Получены 33 письма, из них 11 от евреев. Всего одно хорошее письмо от крестьянина Пермской губернии¹.

М. В. Булыгин говорил об окружном суде в Туле, где он будет защищать обвиняемых в богохульстве крестьян из Потемкина: три дела о богохульстве.

Л. Н.: Я непременно поеду слушать судебное разбирательство. Те люди, которые, в сущности, ни во что не верят, и интеллигенты, как они могут продолжать свое дело?

Софья Андреевна: Будет давка, как в Москве.

Л. Н.: Я удивляюсь прокурорам.

Л. Н. принес обвинительный акт И. И. Горбунова за напечатание книжки Г. Спенсера «Право собственности на землю» — извлечение из книги «Запутавшийся философ» Генри Джорджа. В обвинительном акте очень хорошо изложено учение Генри Джорджа.

Л. Н.: Это обвинение за то, что он говорит, что дважды два — четыре.

Акт прочли вслух. Сергеенко читал.

Л. Н.: Если бы я не знал, что это подлинная бумага, я думал бы, что это ирония.

Еще читали вслух: 1) письмо отказавшегося Смирнова к Молочникову² и 2) письмо Черткова о Гусеве в редакцию «Русских ведомостей»³, и еще читали вслух хорошее письмо старообрядца-беспоповца. Л. Н. подолгу беседовал в кабинете с Булыгиным и Досевым. Меня не было: я разговаривал со Скипетровым.

Варвара Михайловна рассказала характерное, милое про Л. Н.:

— Я вчера сижу — стучат немножко. Пошла к Л. Н.: «Вы стучали?» — «Да», — с виноватым видом. — Стыдно сказать, такие пустяки: кренделя хочется выборгского».

Скипетров Л. Н.-чу очень понравился: милый, искренний. Он мне (Душану Петровичу) говорил про своего отца, священника, умершего чахоткой (которой и он сам болен), что он был человек кроткий и простой, как дитя. Такой же вот и сам Скипетров.

Ночью ушли в Телятинки и завтра уезжают: Даниель, А. П. Сергеенко, Сережа Булыгин с другом Алешей Бирулей, Досев. Даниелю Владимир Григорьевич передает «The Free Age Press», т. к. Томпсон уходит от Владимира Григорьевича. Даниель издает «The Open Road». Он вполне сочувствует Л. Н. Утром уехали М. В. Булыгин со Скипетровым.

28 ноября. От французов-родителей второе неграмотное письмо, в котором извещают Л. Н., что они его записали крестным отцом их новорожденного сына и просят прислать ему портрет. Л. Н. сегодня послал им (отец — парикмахер вблизи Парижа) портрет, подписав на нем следующие слова: «J'envoie mon portrait à mon filleul et remercie ses parents pour les bons sentiments qu' ils ont pour moi».

Léon Tolstoï *1

41 décembre 1909

Л. Н. сегодня слаб умственно, много спал. Ездил 12 верст. Вечером винт. Приехали Н. П. Иванова и Дорик.

29 ноября. Л. Н. за завтраком говорил Александре Львовне, что сегодня столько сработал, сколько за десять дней¹. Александра Львовна реферировала письма: она их вскрывала и читала; это, кажется, первый раз.

— Писем 29; только одно от П. И. Бирюкова об отказавшемся Платонове — хорошее². Двое просят книг, прочие письма — пустые. Много писем от евреев, — сказала Александра Львовна.

* «Посылаю свой портрет моему крестнику и благодарю его родителей за их добрые ко мне чувства. Лев Толстой». 11 декабря 1909 года.

Л. Н. остановил Александру Львовну, показав через открытые двери на Белинского, работающего в ремингтонной. И поговорили о Белинском, как он быстро и хорошо переписывает и какой симпатичный человек.

По поводу порчи памяти, забывчивости своей Л. Н. сказал:

— Я очень рад, что забываю; что мне нужно, то помню.

Софья Андреевна получила письмо от оперной певицы, исполнительницы и русских и славянских народных песен М. И. Горленко-Долиной, желающей приехать петь с двумя аккомпаниаторами. Советовались, что ей ответить. И так как Софья Андреевна в тот день будет дома, и так как Александра Львовна, слышавшая ее, не одобряла ее пения русских народных песен (поет, как поют в операх: ненатуральным голосом — «кривлешен», — как выразилась Софья Андреевна), то Софья Андреевна не пригласит ее. Картинки на ее книжечках «Славянские песни», которые прислала, — «чешское», сентиментальное, театральное изображение представителей разных славянских народов. Костюмы (а не крој*) не понравились Л. Н., и он согласился.

Л. Н. за обедом рассказал, где мы были: в Крыльцове у 50-летнего больного мужика. Л. Н. в Крыльцово больше чем половину дороги ехал рысью.

— Изба в четыре-пять этих столов, низкая. Молодайка качает в люльке ребенка. «Где же больной?» — «На печке». — «Как его звать?» Молодайка кликала его, он что-то отозвался на печке. Душан Петрович полез туда, попросил лампу и позвал меня посмотреть: агония. Лежит без памяти, синее, худое лицо, трудно дышит, скулой нижней движет, ничего не постану...

Тут Л. Н. оборвал — не мог продолжать из-за слез. Потом добавил:

— Как после такой тесноты совестно так просторно жить, как мы живем.

Разговор начался с того, что говорили о гигиене жилища.

Лопатин, один из редакторов «Утра России», просит «На каждый день», хочет печатать с декабря. Л. Н. очень рад. («Утро России» получило «На каждый день», не стало печатать его). Тоже обрадовался Л. Н. присылке копеечной книжки: Л. Н. Толстой «О разуме и вере». Главный склад издания А. С. Балашова. Москва, Трубная площадь. Выписал за деньги 500 экземпляров, но вскоре затем узнал, что запретили это издание.

Сегодня были у Л. Н.: 1) одиноко живущая, от деверя отдельно, баба с двумя детьми из Дёминки, у которой взяли мужа в солдаты! Л. Н. хотел ехать к телефону поговорить с Гольденблатом (вызвалась и поехала Александра Львовна), спросить его, как поступить, чтобы мужа-солдата вернуть. Гольденблат посоветовал попросить командира полка. За нее хлопочет еще и Булыгин. 2) Вдова мужика, задавленного неделю тому назад локомотивом на Щекинской станции. Л. Н. ее направил со своей карточкой к Гольденблату же³.

За чаем разговоров не было.

В Крыльцове пропал щенок Пушок, бегавший с нами. Александра Львовна, Варвара Михайловна, Авдотья Васильевна и все грустят о нем. Утром Александра Львовна поедет за ним.

Ольга Константиновна показала мне в «Новом времени» 27 ноября извещение в черной рамке: «26 ноября скончалась Евгения Владимировна Липранди, о чем извещают сын, дочь, зять и внуки покойной. Памяти в 2 часа дня и 7 часов вечера в квартире: Н. Стаденская 3, Петербург». Умерла сестра той Валерии Владимировны, на которой Л. Н.

* национальный костюм (словацк.).

хотел жениться (Судаковская). О намерении Л. Н. рассказано в двухтомной биографии Бирюкова. По требованию Софьи Андреевны Бирюков должен был во втором томе биографии пропустить письма Л. Н. к ней.

30 ноября. Вечером Л. Н. говорил, что сегодня не работал; чувствует, что стар. Утром был у Л. Н. яснополянский мужик, у которого за подати взяли самовар.

Полудни Л. Н. колебался, поехать ли верхом или остаться дома. Потом пошел пешком в Колпну узнать в волостной канцелярии. Там узнал, что старшина увез самовар в Городню продавать. Сперва описывают овец, кур и т. д., потом земский начальник — Миша (хорошее занятие!) решает, что можно взять. Взятые три дня держат у себя в волости, и если до пяти дней не выкупают вещей, продают их.

Л. Н. заговорил о нуждающихся в помощи и попросил Софью Андреевну дать одной вдове на подати. Софья Андреевна говорила о средствах Л. Н. и о своих суммах, определенных на раздачу.

Л. Н.: Надеюсь, что мои деньги вместе со мной умрут — кончатся*.

Полудни заезжал Андрей Львович по пути из Крапивны.

Л. Н. заметил в «Русских ведомостях» 29 ноября свое письмо к умершей Дондуковой-Корсаковой¹. Л. Н. о статье Меньшикова в «Новом времени» 28 ноября о национальном союзе²:

— Меньшиков плох, думая, что можно только по-ихнему верить.

Л. Н. как почетный член Общества Руссо получил сегодня «*Annales Jean-Jacques Rousseau*», tome IV. Genève, 1908. Читал в нем «*Confessions*» и говорил, как многое из того, что Руссо говорил, и теперь ново: свободное воспитание; чтобы не было внушения; a suggestion — навести на мысль³. Л. Н. говорил про роман «*Immolé*», что местами хорошо, но язык уже не тот, старый, хороший, как у Руссо, а малопонятный, какой и у нас, русских. Рассказал подробно из романа «*Immolé*» (сцену у доктора, сцену в Лурде — исцеление) и удивлялся, как автор, который в курсе дел, знает и социализм, и анархизм, верит в чудесное исцеление в Лурде. Удивлялся католицизму, вере в католицизм: *credo quia absurdum* **.

Л. Н. переделывает предисловие к «На каждый день», потому что недостаточно ясно, а это (предисловие) очень важно.

1 декабря. Л. Н. ездил к Марии Александровне, куда приехал Иван Иванович с семьей.

Был 20-летний литовец, поэт, портной, семейный, ссыльный в Туле. Чистое, хорошее лицо. Л. Н. говорил с ним коротко, серьезно, внушительно о стихотворстве. Мне рассказал Иван Иванович, что слышал от М. Н. Толстой (невестки): ее брат был у Столыпина, и был разговор о Гусеве, может быть, по поводу статьи Черткова о нем в «Русских ведомостях» пять дней тому назад⁴. Столыпин будто бы выразился, что Толстому до сих пор делали поблажки, но отныне не будут: пора закону восторжествовать.

Иван Иванович томится и предстоящими судами над ним, и пошатнувшимся состоянием «Посредника». Поблагодарил Софью Андреевну, что выручила второй том «Биографии» (Л. Н.), с которого снят арест

* Л. Н. дает ежемесячно около 25 р. отказавшимся, около 90 р. вдовам, погорелым, нищим. Его же доход от «Власти тьмы» около 1 500 р. в год. На днях Моод послал из английского издания «Воскресения» — 500 р. на имя Софьи Андреевны. Она должна была бы отдать их Л. Н., но удержала для своих благотворительных целей. Л. Н. убавляет по 50 коп. с 1½ р. вдовам, чтобы сводить концы с концами. По-моему напрасно, хватает. У Л. Н. сейчас, если верить словам Софьи Андреевны, 3 000 р. — *Примечание от 31 марта 1911 г.:* Деньги эти экономил Л. Н. и потому, что предполагал уйти из дому, и тогда были бы нужны средства для жизни. Так понимаю теперь.

** верую, потому что бессмыслица (*лат.*).

московским градоначальником². Но ни одна газета не берется печатать объявление, в котором это (снятие ареста) упоминается. Говорил Иван Иванович про книжку о Ми-ти, что Буланже погрузился в Индию, в браманизм: это такая бездна премудрости!

Л. Н. говорил о какой-то бабистской книге «Лучи», что это восточная риторика без содержания³. Александра Львовна, шутя, упрекнула отца, что введение к «На каждый день», как его переделал, еще менее цензурно: прибавил «соблазн государственности»⁴.

Софья Андреевна: Я нынче нашла изречение Василия Великого о злословии.— Встала от стола, прихрамывая, и принесла из своей комнаты отрывок сытинского настенного календаря. Прочла Василия Великого — прекрасное и еще другое без подписи, тоже о злословии.

Л. Н.: Это мое (из «Круга чтения») ⁵.

Иван Иванович спрашивал про Даниеля — издателя журнальчика «Открытый путь», — как Л. Н. перевел «Open Road».

Л. Н.: Я о нем вспоминаю: он и по книгам, и по жизни — вегетарианец, кормится орешками. И жена его одних взглядов. Единственный недостаток у него — fun *, общий всем англичанам: с шуткой говорит о серьезных вещах.

Еще Иван Иванович говорил о «Цезаре и Клеопатре» Б. Шоу на сцене в Москве. Иван Иванович говорил, что Клеопатра не величава.

Л. Н.: Это английский fun. Сущность в том, чтобы третировать исторических лиц по-домашнему.

Иван Иванович говорил о копеечной книжке Балашова: она уже запрещена. Иван Иванович говорил с возмущением о том, что перепечатанный со стереотипа первый выпуск второго тома «Круга чтения» арестован из-за двух мест: о Генри Джордже и о..... ** Новый цензор, выбранный председателем московского отделения Национального союза, арестовал его, но сказал, что можно вырезать эти страницы и вложить другие.

Л. Н. по поводу ареста «Круга чтения» из-за изречения Генри Джорджа:

— Это арестовали только из-за того, чтобы не говорить противное Столышину⁶.

Говорили о предстоящем суде над Иваном Ивановичем из-за брошюры «Право собственности» (из-за выдержек из «Запутавшегося философа»).

Л. Н.: Я бы приехал на суд.

Софья Андреевна: Повторилось бы то же, что было с проводами (в Москве).

Л. Н. (*устремив глаза вдаль*): У нас могла быть Ходынка.

Л. Н.: Для меня самый низкий тип в организации правительства — прокурор. Как же он может обвинять? Я не понимаю, откуда этот тип взялся.

Л. Н. говорил про сытинское остановление печатания «На каждый день»:

— Говорил мне Гусаров, приехавший от Черткова и им осведомленный, что конфисковали Сентябрь («На каждый день») и шрифт. Иван Иванович говорил, что ни о какой конфискации в их издательском «журнале» не было упомянуто. Я думаю, что тут история такого рода: как была конфискация нашего «Круга чтения», Сытин испугался и остановил печатание.

* шутливость (англ.).

** Пропуск в подлиннике.— Ред.

тание «На каждый день». И, если он писал Владимиру Григорьевичу, — он имеет обычай гиперболически выражаться, — Сытин просто струсил.

Иван Иванович говорил про печатание «Круга чтения» «Ясной Поляной»⁷ — есть такое издательство, довольно темное: наряду с Л. Н. печатает революционное и прочее. Дает взятки и может печатать — это очень просто. Потом говорил, что они напечатали теперь копеечных брошюр («Ивана-дурака» и др.) 80 — по 20 000: вместе один миллион 600 тысяч. Л. Н. это интересовало, поражало.

Иван Иванович говорил про новый роман Э. Синклера из жизни миллионеров (он нанялся лакеем к Рокфеллеру; узнали — рассчитали); как им скучно⁸. Говорил о набирающих, печатающих машинах и др.

Л. Н. по поводу всего этого сказал, что в материальных делах прогресс, усовершенствование до известного предела хороши, а перейдя его, теряют смысл, делаются безразличными, — например, газеты, автомобили.

— Газеты потеряли всякое значение, так как их много, лгут, лгут. Нельзя не лгать: надо заполнять, надо получать редакторам жалованье, а «в духовном совершенствовании нет предела», — сказал Л. Н.

Иван Иванович говорил про вегетарианский ресторан — 204 посетителя; про лекцию доктора Блюментала о вегетарианстве, об алкоголизме, что только наука может сделать переворот. Но в конце лекции указал пример Л. Н.-ча.

Л. Н.: Наука ничего не сделает. Надо, чтобы изменилось общественное мнение (утверждающее), что пьянство это не грех, что это хорошо.

Л. Н. сегодня очень много, около четырех часов, беседовал с Иваном Ивановичем. Был очень внимателен, мил. Иван Иванович же был убит, грустен, нервен, расстроен, хотя много шутил и много юмору подпускал.

Л. Н. меняет костюм: на днях стал одеваться в темно-синюю русскую поддевку вместо блузы, в которой стало холодно коленям в комнате.

2 декабря. Остался И. И. Горбунов. Приехали Е. Е. Горбунова и П. А. Буланже. Софья Андреевна рассказывала им о своей печатающейся детской книжке «Руколки-скелетцы»¹. Л. Н. начал было писать такую сказку «Скелетцы» и потерял рукопись: чемодан с рукописями и редкими книгами Страхова выпал из саней и не был найден².

Иван Иванович с Павлом Александровичем про книжки о религиях, что надо поторопиться их составить при жизни Л. Н., чтобы их Л. Н. просмотрел, поправил.

Л. Н. рассказал про недавно, недели две тому назад, отказавшегося Смирнова (из его, Смирнова, письма к Молочникову): тут трогательно, что младший командир взял его к себе и стал уговаривать. Пришел старший командир и грубо обращался с ним: «Как стоишь? Стой твердо! Носки врозь, руки по швам!» Этот контраст, что у того и у Смирнова в душе идет, и внешнее.

Говорили, что в сегодня полученном «Русском слове» стоит, что Герцика за издание «Царства божия» приговорили к году тюрьмы³.

Софья Андреевна: А что, если я напечатаю, меня тоже посадят?

Л. Н.: Если ты держишься моих убеждений, то надо печатать и садиться в крепость.

Буланже изучает зороастризм: он соприкасается с браманизмом. Буланже находит в нем много драгоценного, особенно любовь к природе, к земле — параллелизм с Торо. Зороастризм этим дополнит христианское учение, как буддизм дополняет его любовью к животным, отречением, состраданием к живым существам. Это рассказал Буланже Горбунову. Л. Н. выразил сомнение в зороастризме: ему казался неясным.

Буланже хочет разработать браманизм; особенно, как вылился из браманизма буддизм: «Зороастризм и буддизм». Буланже браманизму

придает большое значение. Л. Н. браманизму не придает большого значения.

Л. Н.: У Конфуция нет того грубого личного понятия бога, как у евреев. У Конфуция нет понятия о загробной, о вечной жизни, но о божественном начале есть.

Л. Н. сказал, что буддизм, с одной стороны — идолопоклонство, с другой стороны некоторые буддийские секты бога отрицают. Трудно найти путь. Л. Н., по словам Горбунова, видит центр тяжести в легенде — для такого массового распространения, которого браманизм не дает.

Буланже: Теперь разрушается эта легенда: отец Будды не был божественный царь, а наш старшина.

Л. Н.: Это не важно. В каждой религии известная сторона: в браманизме — метафизическая, а в буддизме его, Будды, жизнь. В этом главная черта трогательная, которая привлекает к его, Будды, учению.

Буланже: У индусов, по мере развития сект, выдвигается то один, то другой бог, выдвинулся и Кришна — полубог.

Л. Н. поправил:

— Обоготворенный человек.

Принесли словарь Брокгауза и прочли «Кришну»⁴. Оказалось, что в легенде о Кришне есть сходство с легендой о Христе. Буланже высказал предположение, что Иисус знал учение Кришны. Л. Н. сказал, что он думает, что Иисус не был знаком с учением Кришны, потому что у самого Христа не было такого метафизического понимания, но, может быть, то лицо, которое писало Евангелие Иоанна, было знакомо с ним и заимствовало, потому что в Евангелии Иоанна есть эта глубина о христианстве.

Л. Н.: Мне всегда казалось, что Иоанн заимствовал: у Иоанна такое ясное метафизическое понимание, которое отсутствует у тех, других евангелистов.

Горбунов: Буланже говорит Льву Николаевичу, что хочет основательно изучить браманизм, буддизм, чтобы критики не могли упрекнуть его в незнании.

Л. Н.: Вы только не увлекайтесь научностью. Всегда, что бы вы ни делали, всегда будет: «А что говорит Хвольсон?» Надо махнуть рукой на критики. У меня столько в голове, такие планы, а вместе с тем слабость.

Последняя книжка о бегаистах разочаровала Л. Н.

Вторая серия книжек: Рамакришна, Беха Улла, американские, Чаннинг — американский религиозный мыслитель нового века. Горбунов спросил о пророках еврейских: написать о них предложить Гусеву?

Л. Н.: Не знаю, как с ними быть: это были скорее вспышки; религиозного чувства у них нет.

Л. Н. с 8 до 10 работал над корректурой Ми-ти и принес ее Павлу Александровичу и сел за винт, очень живой, в 11.15. Потом побеседовал. Горбунов рассказал Л. Н., что Чайковского будут судить за принадлежность к социал-революционной партии.

Л. Н.: Были ли у меня личные сношения с Чайковским? Чайковский — это именно один из того типа революционеров, которые бессознательно чисты. Он в душе религиозный человек; сознание в душе несправедливости, которая совершается.

Буланже: Я его близко знаю. Он рассказал о своих путешествиях пешком с Фреем (позитивистом) по Северной Америке, тысяча верст. Он описал свою жизнь.

Л. Н.: Форма описания своей жизни — одна из самых лучших.

Софья Андреевна возражала:

— Что может быть интересного описывать свою монотонную жизнь?

Л. Н.: Только углубиться, каждая, всякая жизнь получит глубокое значение. Леонид Семенов пишет мне, как в художественных произведениях описания, выдумка — плохи. Он в тюрьме рассказывал «Воскресение», и слушатель спросил: правда ли, было ли это, и, когда услышал, что нет, — был разочарован. И Семенов пишет, что надо писать правду и что было. И я понимаю это и соглашаюсь с этим, что эта форма — описать, что было, что пережито, — совершенно достаточна. На днях хотел записать, что мне рассказал рабочий. А переноситься в другого человека, рассказывать, что он чувствует, — часто в подробностях лжешь, рассказываешь то, что он не может чувствовать. Свойство художника — в том, что он рассказывает, есть большая лестница состояния душевного: <он может> опускаться и подниматься. Большая широта — это главное свойство художника (может переживать разные впечатления, даже — низкие, почти животные) ⁵. Чертков имеет эту способность.

Уехали Е. Е. Горбунова и Буланже.

Л. Н. (о П. Карпове, крестьянине 22 лет): Блестящая манера писания, это обвинение интеллигенции с точки зрения крестьянина.

Л. Н.: Краснов, которого жду, писал мне, что он приходил ко мне в Москве и рассказал мне про свое намерение раку Сергиеву взорвать и что я отговорил его от этого. И он хотел приехать и привезти свои записки, должно быть очень интересные, потому что он был крайний революционер ⁶. И как удивительно — эти революционеры — какие у них резкие переходы! Даниель мне рекомендовался: «Я был самый ярый противник непротравления».

3 декабря. Л. Н. ходил поздно гулять к шоссе. На обратном пути за ним двое развальной. В передних сидела Пелагея Болхина* и пригласила Л. Н. садиться, но не могла остановить лошади. Л. Н. на ходу сел, на раскате около Границы вывалился.

Л. Н., как бы чувствуя себя виновным, что чересчур изменил труд Буланже, что очень перемарал корректуру, справлялся у Ольги Константиновны, ездившей сегодня в Овсянниково, где живет Буланже, как он отнесся к вчерашним его поправкам Ми-ти.

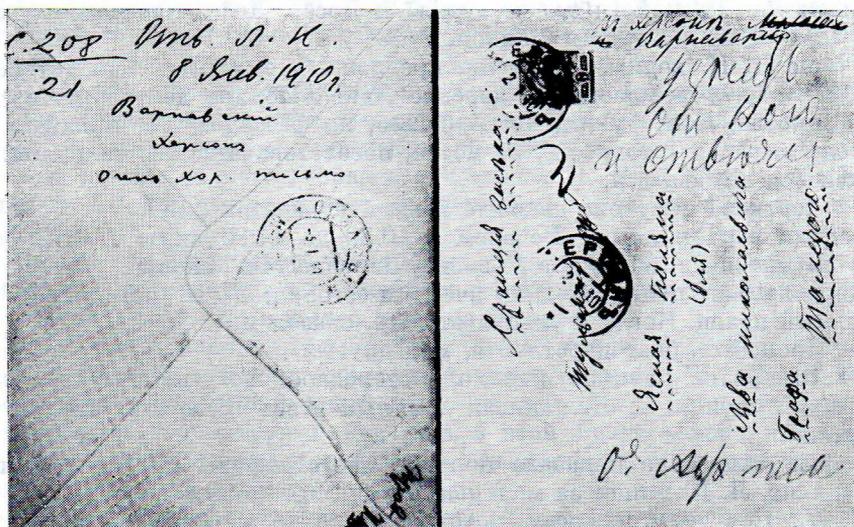
Ольга Константиновна: Павел Александрович все понял и высказался, что великолепно.

Л. Н. мне сказал, что получил интересное письмо И. М. Трегубова и письмо Л. Семенова; пишет, между прочим, что не получил книжек (очень часто пропадают наши бандероли. Придется заказными посылать, как посылала их Юлия Ивановна); присылает выписки из Плотина ¹. Л. Н. сказал, что он его читал и помнит, что у него мало можно почерпнуть. Но все-таки попросил Ивана Ивановича достать ему книжку Плотина. О Плотине сказал Л. Н., что он напоминает Иоанна Богослова. Его — Иоанна — причисляют к апостолам, но он был другого типа. Это признают и новые исследователи.

Л. Н. говорил о письме Фельтена:

— Пишет о своем судебном деле. Помощник Маклакова посоветовал ему, чтобы сам Маклаков защищал его — он умеет гипнотизировать судей. Надо будет Маклакову написать, чтобы он лично защищал его. Фельтен пишет, присылает рассказ Марка Твена об австралийском Ро-

* Эта же Пелагея рассказала Л. Н-чу, что ее зятя взяли в солдаты. У дочери, только что родившей, от горя пропало молоко в грудях, коровьего молока у них нет, теперь месячного ребенка кормит жванками — хлебом в воде, — и она просила молока у Л. Н-ча. Л. Н. попросил Александру Львовну давать ей молока из ее телятинского хозяйства. Л. Н. рассказывал это, тронутый и с участием, удивляясь, как кормят ребенка.

КОНВЕРТ ПИСЬМА А. В. ВАРНАВСКОГО К ТОЛСТОМУ

от 24 декабря 1909 г. На лицевой стороне надпись Толстого:

«Узнать от кого и отвеча<ть>. Оч<ень> хор<ошее> пись<мо>». На оборотной стороне помета В. Ф. Булгакова: «Отв<етил> Л. Н. 8 янв<аря> 1910 г.» и Маковицкого: «Варнаровский. Херсон. Очень хор<ошее> письмо». Почтовые штемпели: «Херсон 2.1.10» и «Ст. За-сека 5.1.10»

бинзоне, пошедшем к обиженным, ожесточенным аборигенам (их истребляли, осталось их 300) и жил между ними мирно².

Ольга Константиновна: Квакеры, благодаря Пенну, тоже мирно жили с индейцами, и индейцы их не трогали, кроме нескольких случаев, когда некоторые квакеры смалодушничили и выходили вооруженные: их по ошибке смешивали с другими, враждебными европейцами.

Л. Н. получил еще вчера новые издания «Посредника», между прочим Лао-тзе. Сегодня давал из них мальчикам. Просил нас разделить эти книжки на кипы для детей и взрослых. Александра Львовна спросила Л. Н., нет ли у него чего-либо для «Маяка». (Иван Иванович сказал, что он никогда не смеет просить у Л. Н. для его журнала.) Л. Н. очень охотно предложил послать ему из «Детской мудрости»³.

В газете «Приднепровский край»^{*} с 1 декабря появляется «Чем интересуется гр. Л. Н. Толстой. Учение о жизни, изложенное в изречениях» и т. д., т. е. «На каждый день»⁴.

Ольга Константиновна говорила о Сонечке, что она еще трехлетним ребенком спрашивала ее, откуда происходит человек: «Я произошла от тебя, ты от мамы...»

Л. Н.: Эти вопросы о происхождении человека, мира (у детей) навязаны, навеяны. Я не помню — а мог бы вспомнить, — что я об этом в детстве думал.

Л. Н. сегодня нарисовал лошадь внучку Илюшку в его тетрадь^{**}.

4 декабря. Л. Н. эти дни очень много работает — удивительно бодр и легко работающий, помнящий, соображающий, совсем не как старик¹.

* Ее присылают Л. Н-чу.

** Не помню, чтобы с декабря 1904 г. Л. Н. когда-нибудь что-нибудь нарисовал.

Были Лев Рыжий (я его не видел) и Досев. Досев простился, уезжает к Чертковым и оттуда в Майкоп.

Утром Л. Н. ходил к учителю предложить ему быть библиотекарем в библиотеке, учреждаемой в деревне Ясной Поляне деятелями московского земства: Долгоруким, Звегинцевым, профессором Анучиным и т. д. Учитель выразил готовность, но после, посоветовавшись со священником, должен был отказаться.

От Черткова получено какое-то извинительное письмо².

Ездили верхом лесом. Вечером с 10.30 до 11.20 винт: Л. Н., Ольга Константиновна, Александра Львовна, Варвара Михайловна.

Перевязывал палец Л. Н-чу вчера и сегодня: Л. Н. помял себе указательный палец. Когда я уходил от него, сказал мне:

— Прощайте, благодарствуйте, мой друг!

От Шкарвана длинное письмо, интересное: возражения три листа против «О науке». Л. Н. написал длинный ответ Шкарвану на эти возражения³.

Софья Андреевна показала портрет (фотографию) Л. Н., сделанный ею недавно. Л. Н. пишет за маленьким круглым столом,

Л. Н.: Портрет прекрасен, потому что не позировано. Руки прекрасны, выражение натурально.

Л. Н. сегодня на прогулке спросил меня, что за книга «Наше преступление»; Т. А. Кузминская пишет, что ее муж читает и восхищается ею. Это роман, который Л. Н. получил месяц назад и прочел, но забыл. Я кое-что рассказал из него, и он его вспомнил⁴.

5 декабря. Утром Л. Н. поправил ответ Шкарвану на возражения Шмита против статьи «О науке» и сказал мне, что, кроме этого письма, стал писать (пишет со вчера) новую статью «О науке»⁴.

Когда Л. Н. вышел в 2.15, ждал его прозябший, душевно помешанный человек и говорил, что он избрал решение социального вопроса, но не сказал, в чем оно, хотя Л. Н., прогуливаясь с ним, спрашивал его несколько раз. Вечером, вспоминая про этого сумасшедшего, Л. Н. говорил, что он часто видел, что у сумасшедших — эгоизм: они не переносятся в положение другого человека, считают, смотрят на другого человека, как на орудие своих целей.

Верхом на купальню до половины дороги ко Рвам, Кудеярову колодцу, Козловке. Л. Н. спросил меня, кто такой был Гюйо? Гагина посылает выписки; его мысли превосходны².

Л. Н. сел на лошадь. Помешанный, жалкий сказал ему, что он подождет. Л. Н. ответил, что нечего ждать, что ему, Л. Н-чу, тут дела нет. Этот человек вечером зашел в кучерскую, спросил, какая деревня это, тут ли живет Толстой. Верно, ничего не ел, ходил, еще больше прозяб. Я его звал на кухню согреться, когда дожидался Л. Н., а после свидания кучер Адриан предлагал ему сесть в сани, сказал, что довезет его до Козловки. Отказался и оба раза отошел. Смотрит в сторону: шея свернута вправо, глаза мутные, как у факиров, ничего не фиксируют, бледный, зубами стучит. Нас всех, говоривших с ним (Александрю Львовну, меня, Л. Н-ча) очень грызет совесть, что не приняли в нем участия, не приютили, не согрели его, не направили на дорогу. На прогулке Л. Н. и вечером несколько раз вспоминал о нем. Через неделю о нем спрашивал меня урядник. Его привели в участок и отправили на родину.

Сегодня узнал Л. Н. из писем Гали и что Кенворти поместили в дом сумасшедших, и что Репин, основатель и член процветающей ташкентской колонии, помешался. Обе вести очень тронули его, и Репина ему очень жаль³.

Л. Н. рассказал, что получил письмо от ссыльного малограмотного, очевидно крестьянина, озлобленное: «Не дают вам правды говорить. Как

же им (правительству) не мстить?» Очевидно, не знает христианских взглядов. От образованных, которые ему импонируют, слышит о том же мщении⁴.

Л. Н. про письмо от Гагиной и ее дневник (наверно, продолжение того же рода дневника, что раньше посылала, — о занятиях с учениками, их оригинальные вопросы, ответы, рассуждения).

— Я не мог от него оторваться, — сказал Л. Н. — Интересен. Хотела приехать на Рождество играть с учениками «Где любовь, там и бог». Я ей отказал⁵.

Приедет на Рождество осведомлявшийся у Софьи Андреевны и приглашенный ею писатель с волшебным фонарем. Софья Андреевна за обедом говорила, как много гостей ждет на Рождество.

Л. Н. дочел, наконец, роман «L'immolé», принес в 10.15 в залу.

— В высшей степени интересная книга, — сказал Л. Н. — В России невозможна (т. е., что русский писатель не мог бы написать такую абсурдность, серьезно веря в нее, как в этой книге — вера в исцеление лурдской водой): «*œuvre souponné par l'Académie*»*. Написана прекрасно, самый утонченный декаданс.

Л. Н. не сказал «декаданс», а скорее — «декадентизм»⁶.

— Слишком много сцен, язык современный, а вместе с тем проповедь католицизма. Я рад, что это прочел. Французский народ какой! Верит в католицизм. Описано в нем, как больная женщина — рана бедра — лурдской водой исцелилась. Потом рана снова открылась. Потом повела в Лурд слепую товарку и молилась: «Я благодарю за себя, а Ты исцели товарку слепую». Как она только это сказала, товарка закричала: «Я вижу!»

Приехал на праздник Дорик Сухотин.

6 декабря. Приехал Дима с другом — англичанином Бобом. Рассказал, что свезли «Круг чтения» в редакцию «Утра России». Хвалил эту газету. Рассказал про фельетон «Утра России»: «Неприкосновенность личности»⁷. Нравился его отцу.

Л. Н.: Лопатин, человек, который издавал газету, приехал ко мне, был у меня, кажется, после появления «Не могу молчать». Я ему написал (продиктовал) несколько строк «Нет худа без добра». Он напечатал это, и его за это заключили на три месяца. Теперь он работает в «Утре России». Он приезжал неделю тому назад, вышедши из заключения. Это меня свело с «Утром России»².

Л. Н.: Нынче письмо странное от московского богатого купца. Пишет о том, что меня очень занимает: о нищих. Их число все увеличивается. Он придумал чеканить копейки для милостыни, чтобы их принимали только в ночлежных домах и в столовых, а никак не в трактирах. Я думал, что он придумал рабочие биржи, которые очень хороши. Меня одно время очень занимала эта вещь — устроить такие дома, где дадут работу, накормят, пригреют.

Л. Н. написал новую статью «О науке» (в два-три дня) и письмо Шкарвану — ответ на возражения Шмита против статьи Л. Н. «О науке». В этом возражении Шмит пишет, между прочим: «*Falsch ist der Vorwurf, den Tolstoy den Männern der Wissenschaft macht, daß sie meinen, die Welt sei wirklich so beschaffen, wie sie sich den äusseren Sinnen der Menschen biete... Es glaubt, zum Beispiel, kein Naturforscher, daß sich die Sonne um die Erde bewege, wie der Sinnenschein zeigt*»**. — Дальше очень непонятно.

* «Произведение, премированное Академией» (франц.).

** «Толстой ложно упрекает ученых, будто они полагают, что вселенная действительно такова, какую представляется внешнему восприятию человека... Ни один уче-

Л. Н. по этому поводу сказал, что теперь думал, кто имеет более реальное знание о Солнце: мужик ли, который знает, где, когда восходит и заходит Солнце и какую работу до своего восхода сделало, или ученый, который этого не знает, а знает какую-то воображаемую линию, по которой Земля движется вокруг Солнца. Но эта линия неточная: есть отклонения от нее притяжением Земли небольшими небесными телами.

Л. Н. пополудни (по случаю престольного праздника все яснополянцы дома: извозчики, солдаты) ходил по деревне. Был у Морозовой, его ровесницы, у которой невестка померла.

За обедом Л. Н. рассказал, что Гагина в своем дневнике пишет, что в их местах, те винопольщики, которые продали больше водки, получили награду.

7 декабря. Сегодня Л. Н. очень много написал беллетристического под заглавием: «Воспоминания врача»¹. За завтраком мало ел: чувствовал во рту горечь. Потом (на ветру) поехал в санях с кучером в Овсянниково. С 4.15 спал до 9.15. Язык отяжелел, лицо бледное, гладкое, глаза усталые, и все забыл: что писал сегодня, были ли какие письма, что ездил в Овсянниково. В 9.15 вошла к нему Софья Андреевна. Л. Н. проснулся и вышел в залу, сел в кресло и дремал до 11.15. Потом (не емши, не пимши, только от изжоги одну-две чайные ложки тертого миндаля) пошел в спальню, разделся; говорил, что он никогда такой слабости не чувствовал, и с холодными ногами (грелку отклонил) лег спать в 11.25.

На дворе поземка, очень бушует ветер.

Александра Львовна перепугалась и взволновалась и спрашивала, не прислать ли докторов на помощь мне, и, главное, стерегла Л. Н., чтобы Софья Андреевна к нему не входила, его не волновала, не нарушила бы нужный ему теперь покой упреками, что он ездит далеко в Овсянниково и что после каждого раза ослабевает и делается сонлив. Но, слава богу, Софья Андреевна сегодня меньше обыкновенного суежилась, не принуждала Л. Н., как в других случаях при подобном состоянии, ни к еде, ни к питью, вишу, рому, к грелке и т. д. Ольга Константиновна, Варвара Михайловна соблюдали спокойствие.

8 декабря. Л. Н. спал ночью хорошо (от 4 до 5.30 не спал), встал в 8.30. Днем мало работал, больше читал. Утром погулял, пополудни не выходил. Вчера поправил «Пора понять», Белинский переписал. После полудня Л. Н. опять внес, в конце, поправки. Тоже поправлял новую статью «О науке», собираясь ее послать Шкарвану. Но потом поколебался и не решил, кому пошлет.

О статье «Пора понять», которую вчера или третьего дня намерен был никуда не посылать, не печатать, а нынче, поправивши, решил послать Черткову, сказал мне приблизительно так: в ней, с одной стороны, недоброе чувство осуждения, с другой стороны обращается внимание на то, что делается правительством, а это надо¹.

Перед обедом Л. Н. в кресле задремал, читая рукопись какую-то, и поручил отправить ее Поссе².

Сегодня получен первый номер (декабрь 1909 г.) нового журнала Поссе «Жизнь для всех», где появилось «Письмо польской женщины к Л. Н. Толстому» и «Ответ польской женщине» Л. Н. Толстого. Пропуски обозначены точками.

Л. Н.: Я боюсь, за эти точки его накажут, это возможно. Вот какая фраза (и Л. Н. цитировал без пропусков).

Софья Андреевна рассказала, что сместили крапивенского исправника,

ный, например, не считает, что Солнце вращается вокруг Земли, как это можно было бы по видимости заключить» (нем.).

станового Грессера, пятерых стражников и еще кого-то за то, что выдали Софье Андреевне бумагу «секретную» о взыскании четырех рублей с Л. Н. за фотографирование Гусева в крапивинской тюрьме: бумагу эту Градовский потом напечатал³. Исправник должен был написать другую бумагу, а этой — с означением «секретно» — не показывать. Привез же ее урядник Н. И. Сидоров, и его смеял. А жалко: он порядочный человек. Грессер плакал, т. к. его отрешили от должности, не дав другой.

Л. Н. о номере «Жизни для всех»: хвалил статью И. И. Горбунова о Кросби — «Поэт нового человечества». Хорошими нашел статью «Куда идет Л. Андреев» С. А. Адрианова и статью Поссе «Общественная жизнь». Нехорошей нашел «Дорожные разговоры» Чирикова.

9 декабря. Л. Н. ездил верхом с кучером в Овсянниково. Заболела Мария Александровна.

Был П. А. Буланже; рассказал, что сыновья Булыгина возили с другими дрова в Тулу. В Туле полицейский потребовал, чтобы слезли с саней и шли рядом с санями. Ваня Булыгин не слез. Его привели к полицмейстеру, а тот его позвал за перегородку, быстро поднял руку, ударил и быстро опустил руку. Когда отец узнал об этом, он помчался в Тулу. Полицейстер не принял его; он к губернатору. У губернатора полицмейстер отрицал, что он ударял.

Л. Н.: Должен <был> подставить другую щеку.

Буланже: Ваня Булыгин совершенно спокойно перенес.

Буланже сказал, что Конфуций не был государственным; он учил: чем других насилем заставляя не делать зла, самого себя обуздывая.

Л. Н.: Какие растут молодцы! — И Л. Н. рассказал про Е. П. Кузевича из Ясенков, 20-ти лет. Призывался к набору. Они (комиссия) пошептались и отпустили его, несмотря на то, что взяли младшего брата, который меньше его ростом. Молодой человек совсем спокойный и твердый. Его сестра, милая, учит телятинских детей. — Ах, эти молодые люди!

Буланже с Л. Н. о Вивекананде. У него умствование бесконечно, а вместе с тем — военная служба. Даниель говорил, что Вивекананда в Англии вращался только в богатых кругах. Он как будто отошел от браманизма, от такого искусственного выхода из материального мира. Нравственного учения у Вивекананды не найдешь.

Буланже говорил, что буддизм произошел из браманизма.

Л. Н.: То самое евреи говорят о христианстве — что оно вытекло из пророков, что и могло быть.

Буланже предложил Л. Н-чу просмотреть его работу о Конфуции, если у него есть досуг.

Л. Н.: У меня есть работа. Но корректуру Конфуция оставьте непременно. Я посмотрю самое существенное с моей точки зрения.

10 декабря. Сегодня должен играть в Туле Кубелик. Александра Львовна с Варварой Михайловной желали пойти слушать его и желали бы, чтобы он приехал играть в Ясную. Ища в газете «Тульская молва» объявление, нашли другое — про «Анну Каренину» на сцене (один-два месяца тому назад). Варвара Михайловна к Софье Андреевне:

— Не желали бы посмотреть?

Софья Андреевна: Боже избави!

Александра Львовна припомнила, как, давно, в Туле на сцене шла «Анна Каренина». И, когда поезд задавил Анну, публика кричала: «Бис! Бис!», и поезд дал задний ход и снова произвел задавление.

Софья Андреевна вспомнила давнее изречение Л. Н. о переделках: «Как вылилось художественное произведение в художественной форме, так и должно оставаться».

Некто Сулимов выписывал на 5 р. «Не убий!» и др. Л. Н. сначала думал не посылать; полагая, что это пропаганда, не желал подвергать

людей опасности; есть столько незапрещенных книг, из которых можно вычитать то же, что из «Не убий!» и др.

— Я ему напишу, — сказал Л. Н. — Но потом решил послать⁴.

Л. Н. сегодня прочел рукопись В. А. Лебрена «Труд и наука», присланный Лебреном Досеву по моему адресу. Л. Н. понравилось: бойкий, смелый стиль усвоил себе у Герцена. Но еще лучше было бы, если бы еще над ней поработал. Но она и так очень хороша.

Сегодня мне 43 года. Л. Н., узнав об этом: «Поздравляю вас!» — и чокнулись «Мостом» (виноградным соком, который он в это время пил).

Софья Андреевна только что говорила, что Святейший синод хочет приступить к провозглашению святым какого-то старца Иоасафа, в XVIII веке жившего; жаловалась, что много прохожих, что сегодня семнадцати подавала.

Л. Н. опять говорил то же, что и недавно: не будь деревень, где и кормят, и пускают почевать, что было бы с прохожими? Правда, что, не будь этого отношения народа к ним, их бы столько не было. Это соблазн (деревни) для них: порочный круг. Л. Н. разговаривал об автобиографии, посланной сибиряком, «незаконным ребенком, не знавшим ни отца ни матери». Его судьба очень интересна. По поводу этой автобиографии, напоминающей немного автобиографию Горького, Ольга Константиновна заговорила о Горьком. Да еще и потому, что на днях Дорошевич в «Русском слове» счел уже своевременным занести на него руку².

Л. Н. вспомнил рассказ Горького «На плотях». Он, Горький, в том поступке видит что-то поэтическое, сильное, а оно отвратительное³, и Л. Н. высказался в том смысле, что он Горького не любит.

11 декабря. Л. Н. только гулял; этой осенью прогулку делает только если слаб: предпочитает верхом ездить. Очень изредка, если совсем здоров, гуляет. Раньше же чередовал прогулку пешком с поездкой верхом.

В иллюстрированном приложении к какой-то газете голые тела. Л. Н., негодую, поражался:

— Тело — оно есть, бороться с ним <надо>, а тут выставляется, как какая-то прелесть.

Ольга Константиновна рассказала, как Димочка, когда приехал в Англию, хотел в отеле выйти в коридор, высунулся в дверь, но захлопнул и с удивлением сказал: «Мама, там какие-то неодетые». Это дамы декольте шли к обеду.

Александра Львовна же припомнила термин «бабы моются»: девочка кухарки Аннушки перелистывала иллюстрированную книгу и, где были голые, определяла: «Бабы моются». Это выражение и употребляется с тех пор у Толстых для обозначения неприличных картин. Л. Н. понравились эти воспоминания и сказал, что это поместит в «Детскую мудрость»⁴.

Софья Андреевна укоряла Л. Н., что сегодня столько работал (с 9 до 3-х и с 7 до 9.30) и теперь еще полтора часа без перерыва писал.

Л. Н.: Мне это легче, чем когда перерываю. Тогда прямо боль в голове. — И лицом выразил и рукой показал.

Л. Н. третьего дня ходил к учителю и сегодня спросил:

— А что, учитель слуху не дает насчет библиотеки?

Софья Андреевна: Предлагается сапожник Арбузов, но я, попечительница, не допущу: у него кабак.

Софья Андреевна уехала в Москву на пять-шесть дней.

12 декабря. Л. Н. гулял. После обеда остался сидеть. За столом спросил меня, что новенького. Я рассказал, что вычитал в «Новом времени» о Южном Сахалине, цитируя харбинскую газету: с прогрессом японской

ТОЛСТОЙ В ДЕРЕВНЕ ЯСНАЯ ПОЛЯНА

1908—1909 гг.

Фотография В. Г. Черткова

«Л. Н. ... этой осенью прогулку делает только если слаб: предпочитает верхом ездить... Раньше же чередовал прогулку пешком с поездкой верхом». — Запись от 11 декабря 1909 г.

части Сахалина дело не так обстоит, как пишут, — только рыболовство и лесопромышленность выгодны, а прочие японские колонисты покидают Сахалин. Ольга Константиновна усомнилась, правда ли это, если это пишет «патриотическое», националистическое «Новое время».

Л. Н.: Ах, «Новое время»! Да все они, эти газеты!

Л. Н. заметил о Финляндии, что там беспокойствие: слухи о войне с ней.

Л. Н.: В «Новом времени» в фельетоне 10 декабря какой-то Перцов меня вдребезги разнес!¹

* Была в Ясной Поляне сотрудница «Русской мысли» В. Г. Малахиева-Мирович. Привезла свой перевод книги В. Джемса «Многообразие религиозного опыта». Эта книга была впоследствии сильно рекламирована «Русской мыслью». Л. Н. просмотрел ее, и очень не понравилась ему: 1) потому что пишет о религиозном вопросе поверхностно; 2) тем, что в ней множество иностранных слов (Л. Н. прочел вслух несколько таких слов, которые даже он сам не понимал, прочел и целые непонятные предложения); 3) большим объемом и положенным на печатание ее большим трудом².

Л. Н. поговорил с Малахией-Мирович о редакционных делах «Русской мысли» и дал ей рукопись крестьянина, автобиографию Елисеева, которую было предназначил для Поссе, для его журнала «Жизнь для всех». Эта автобиография крестьянина не была напечатана в «Русской мысли», редакция вернула ее с какими-то отговорками. Малахеева еще просила Л. Н. позволить приехать ее другу Шестову³.

* Записано 3 марта 1911 г.

13 декабря. Л. Н. ездил верхом в Овсянниково, обратно на санях. Делир свободно бежал за санями. У Марии Александровны (Буланже, Александра Львовна, Варвара Михайловна и я) рассказал Л. Н., что в «Русском знамени» фельетон о нем, в котором несколько раз повторено, что он проповедует материализм и «живи в свое удовольствие»¹.

Л. Н.: Как же не радоваться таким статьям? Потому что ничто так не указывает, что не стоит заботиться о мнении людей, о славе людской — не о славе, не в смысле gloire, а о славе на народном языке, в смысле «осуждения».

Буланже заговорил о буддийском распределении любви; тройкую различают любовь: 1) какую чувствуешь к жене, 2) к родным, друзьям, 3) к врагам.

Л. Н.: Последнее это — христианская любовь.

Кто-то из нас заметил, что врагов любить трудно.

Л. Н.: Трудно-то трудно, а надо, как пахать землю: трудно ли, нет ли, а надо.

Когда ехали обратно на санях, Л. Н. молчал, только, подъезжая к лесничему, Л. Н. спросил* меня про Лопухина, Азефа, изумлялся тем, что человека наказывают за то, что он открыл гадость.

Около «границы» Л. Н. вздремнул, стал покачиваться и, наконец, лег. Раньше отгонял Делира, который имеет обычай просовывать голову свою между головами сидящих.

Л. Н. обедал с нами. Ел мало, после обеда читал за обеденным столом минут 10—15 книгу Джемса, то место, где о нем пишется, что у него религиозное учение выросло на почве меланхолии. Потом встал и, жалуясь на холод, пошел в кабинет.

Л. Н. в этот вечер заболел сильным припадком инфлюэнцы: температура 40,4, дыхание — 35, пульс — 120**. Уехал Андрей Львович.

Л. Н. пожаловался Александре Львовне, что его знобит. Стало его трясти. Губы тряслись, не мог ясно говорить; лицо, особенно нос и губы, посинело. Оделся в халат, сел в кресло, ноги окутали ему пледом и поставили на скамейку; к ногам — бутылку с горячей водой, на живот — мешок с горячей водой, на голову — шапку. Л. Н-ча лихорадило, охал все чаще и чаще. В восемь согласился выпить чаю с ромом. На просьбы, чтобы лег в постель, не соглашался: «Когда время будет».

Пульс в восьмом часу — 70, довольно сильный, без перебоев, руки холодные, ноги теплые. После восьми озноб усилился, пульс стал слабеть и частить, и до того ослаб, что нельзя было его хорошенько опухать. Л. Н. охал, стонал, но в то же время старался читать «Русские ведомости».

Предложили смерить температуру, не согласился. Опять предлагали ложиться в постель, говоря, что лучше будет.

— Никак не будет лучше, — ответил Л. Н. — Идет, как должно быть.

Пульс в 8.30 — 88, трясение ослабевае, нос менее синий, ноги не холодны на ощупь. Стал согреваться, но всему нехорошо, охает, изредка зевает, раз чихнул. Иногда охает и стонет подряд, бормочет, заговариваясь, бредя. Вновь предложили смерить температуру, Л. Н. позволил. Температура — 40, пульс — 96, с перебойми.

Послали срочные телеграммы Софье Андреевне, Черткову, Д. В. Никитину, Грушецкому, послали за П. А. Буланже. Л. Н-ча, несмотря на его отказы, раздели и переложили на кровать, которую притянули к

* Дальнейшее, до окончания записи этого дня, а также вся запись 14 декабря, переписаны мною с черновых записей через четыре года.

** А за завтраком достаточно ел и разговаривал с Ольгой Константиновной про новейшее письмо Черткова к нему (Л. Н-чу).

креслу. Был тяжел, опускался, ложился очень плохо, голова свалилась в глубь постели, но не хотел, чтобы его лучше положили. Задремал.

Бредит. Всему оказывает сопротивление.

Л. Н. лежит в постели, в кабинете. Вздremнул.

— Эх, Душан Петрович, вы не спите? — спрашивал два раза.

— Эмсу с вином не выпьете?

— Нет, не надо.

Это уже говорил кротко и не протестуя, и не бредит, а спокойно говорит. Узнал Буланже, который приехал в 11, и несколько раз спрашивал: «Как, почему он так поздно здесь?» С ним, Александрой Львовной, Ильей Васильевичем наложили ему компресс.

— Ах, как холодно! Это не может быть хорошо, такой холодный!

В 11.5 пульс — 110, слабый, с перебоями. Руки то холодные, то горячие. Александра Львовна подержала его руки, не заметил.

В полусне говорил: «Пять, восемь... Душан Петрович, вы бы спали».

В полночь приехал Андрей Львович с доктором Сухининым. В 12.25 температура 39,7. Сухинин считал пульс — 120, дыхание — 35.

Л. Н-ча совсем раздели. Кожа влажная, потеет. Бред прекратился.

В половине второго Л. Н-ча перевезли в его спальню; он выпил две чайные ложки виноградного сока, после некоторого времени еще одну.

П. А. Буланже остался дежурить.

14 декабря. Утром в 4.25 дыхание — 28, пульс — 92, перебои — 3—4. Л. Н. стонет.

— Болит что?

— Ничего не болит, только тоскливо... Совсем не помню.

С двух до четырех спал спокойно. В пять позвал Буланже, сообщил ему что-то и сказал, что не может заснуть. После заснул и спит.

В восемь часов охал, перевернулся к стене. Я просил смерть температуру. Л. Н. сам себе ставил градусник: 37,4°. Пульс — 92. Спросил: «А ночью сколько было?»

Попросил у Ильи Васильевича подушки — красную и другую, потом содовую лепешку.

Вошла Александра Львовна. Я спросил Л. Н-ча, болит ли что.

— Голова немножко. Если что болело эти дни — печень. А теперь не болит, немножко чувствую. Идите спать, голубчик.

Вообще ночью Л. Н. о всех заботился, отсылал спать. До шести дежурил Буланже. В восемь утра послали Софье Андреевне срочную телеграмму успокоительную.

Приехали Михаил Львович, Андрей Львович. В 12 часов дня — 37,3°. Глаза не режет, насморка нет, кашля нет. Л. Н. думает, что будет малярия.

Л. Н.: Надо всех людей любить.

Из Севастополя хорошее письмо еврея. Ответил ¹.

15 декабря. Вторник. Л. Н. не спал до двух; холодные ноги, изжога. Как ему неприятно беспокоить ночью и как благодарен за помощь!

Переделал «Сон»: ни строки не осталось прежней.

Л. Н. утром встал, оделся, но был очень слаб. Не ел до 6 часов вечера. Утром уехал Сергей Львович. Приехала Татьяна Львовна. За обедом и после Л. Н. разговаривал с Д. В. Никитиным и Татьяной Львовной. Дмитрия Васильевича спросил: «Вивисекцией вы занимаетесь?»

Разговор о какой-то статье (книге) «Le crime d'obéir». Разговор о какой-то семье, в которой один сын сгорел, другой застрелился, третий жену застрелил.

Л. Н.: Как вопросы религиозные, философские, они требуют сильного напряжения мысли, а тут — в стихах. Отвратительно! В древности не могли иначе, они до той точности не дошли. Но после Канта в стихах

писать (философское) — отвратительно! О религии писать в стихах... я никогда этого не мог терпеть.

Л. Н.: Чайковский *, я его хорошо знаю, необыкновенно добрый человек, отзывчивый, деликатный и совсем не революционер. Человек, который много испытал. Были у меня личные сношения с ним?

16 декабря. Здесь Татьяна Львовна, Д. В. Никитин.

Л. Н. ночью страдал изжогою, ноги были холодные, не мог заснуть до 2.30. Стонал, но не звал. Я сам к нему зашел, растер голень левую, обул в чулки. Л. Н. просил на него не сердиться за беспокойство, просил накрыть его хорошо. Утром массаж голени. Л. Н. встал поздно.

Ночью телеграмма от Стаховичей; я больше не заснул, как это часто бывало после получения ночью телеграмм. Я весь день до 6 часов вечера отсутствовал, был у истекавшей кровью, беспульсной женщины в Новой Колпне. Родила семь часов тому назад. Потом был в Засеке около Крыльцова.

Л. Н. за обедом спросил о больной и родах ее.

Я: Die Operation ist gelungen, jedoch die Patientin, wahrscheinlich, stirbt **. У нас на столе чудные цветы, полученные от неизвестной.

Л. Н. переспросил и спросил, глубоко тронутый:

— Там цветов не было?

— Нет, там было очень тесно, нечисто. Негде было больной лечь, чтобы протянуться. Надо было в середине комнаты устроить ложе из двух сундуков. Я сказал себе, что буду поскромнее жить: пирожного не есть.

У Л. Н. очень слабый голос. Л. Н. сам исхудал, ослаб, охрип. Никитин спросил Л. Н. про книги: учебник японского языка и японские книги для чтения, которые он вчера передал Л. Н., как подарок врача Гедговта. Составлены эти книги (по японскому образцу) православным русским священником в Токио †. Л. Н-чу понравились, но о японцах высказался опять же неместно в том смысле, что они в нравственном смысле — дикари. На них видно, как люди, малопросвещенные религиозно-нравственно, легко усваивают себе то, что называется просвещенностью — культурой. У них нет сдерживающего нравственного начала, что у нас, русских, все-таки есть.

Л. Н. после разговорился о том, как прохождение через школы поощряет воспринимающее, а заглушает самобытно мыслящее начало в человеке. Л. Н. хочет еще читать эти «Книги для чтения», пока только просмотрел их. Японское письмо иероглифическое назвал *изобразительным*.

Л. Н. спросил Дмитрия Васильевича про японскую медицину. Дмитрий Васильевич ответил, что она раздражительная — самобытного японцы ничего не вложили в медицину — и что она ниже русской.

Александра Львовна заговорила с отцом о письме Черткова, оставить ли издание «На каждый день» Сытину, который не хочет издавать его на свою ответственность, или ей самой издавать его? Она желает, но опасается заключения. Вмешалась Софья Андреевна: потребовала, чтобы ей передать издание «Круга чтения» и «На каждый день» (или не помню), и осталось за ней. Татьяна Львовна не поддержала Александру Львовну, предполагая все-таки, что ее не заключат. Александра Львовна не желает передачи Софье Андреевне: будет дорого продавать и для даровой рассылки Л. Н-чу не отпустит экземпляров.

* Кажется, Н. В. Чайковского арестовали в то время в России и, кажется, дочь его из Лондона писала Л. Н-чу, прося сделать, что может, для отца.

** Операция удалась, однако, больная, вероятно, умрет (нем.).

Дмитрий Васильевич спросил Л. Н. про Мечникова. Л. Н. сказал, что у него кастрировано нравственное чувство. По его мнению, надо только смотреть за состоянием ретирад, чтобы микробы не попадали на растения, и тогда все хорошо.

Приехал Спиро интервьюировать, но Л. Н. просил обойтись без него, и поговорили с ним Александра Львовна (за которой Спиро записывал)², Дмитрий Васильевич и Софья Андреевна, которая воспользовалась им, чтобы через него в «Русском слове» добиться объявления о ее появившейся вчера книжке детской. И за это ему льстила и его хвалила у Л. Н.

17 декабря*. Здесь М. С. и Т. Л. Сухотины, Д. В. Никитин. Л. Н. первый раз выходил, прошелся к конюшне. Голос и вообще — крепче, работает.

Утром вторгся в дом американец.

Л. Н. прочел из «Круга чтения» сегодня. Л. Н. прочел «L'immolé» и сказал, что этот роман превосходно написан. Но он проповедует католичество.

— Иоасаф нижегородский. А у нас мощи открываются.

Л. Н. вспомнил, что завтра будет суд над Иваном Ивановичем за «Право собственности на землю» Спенсера. Муравьев построил защиту не на том, чтобы доказать правоту взглядов Генри Джорджа, а на том, что Иван Иванович не читал, что перепечатывает.

Л. Н.: Буланже мне говорил о Бурцеве, что он мученик революции, искренний, преданный, Он ходил к нему по поручению Черткова насчет типографии, отыскал его на пятом этаже, в крошечной комнате. Постучал. «Come in!»** Лежал на кровати накрытый, встал — голый. Надел верхнее платье, пристегнул воротничок и пошел с ним.

Ольга Константиновна: Бурцев — добрый человек.

Л. Н.: А все, что делается, это пережитки. Мне все эти вещи указывают до того явственно, что все дело в человеке, в нравственном усовершенствовании людей.

Разговор о покушении Вознесенского на Карпова. Он был Азефом с большой склонностью влево. Он должен был убить государя, но на это не хотел рискнуть, а устроил покушение на Карпова.

Л. Н.: Ведь ему все равно — виселица и так, но тут он мог исчезнуть, а при покушении на государя — верная смерть. Он вниз, в отдаленные комнаты... Ушел бы, если бы не пошел за шапкой и потом побежал.

Л. Н. (Михаилу Сергеевичу, прощаясь): Желаю вам, чтобы нашли Танечку здоровой. Мне это так видно: она висит на очень некрепкой ниточке, а вы за нее ухватились. Ее жизнь вне воли, не только воли, а соображений наших.

Насколько Л. Н. русский: он, когда стучат, очень редко отвечает «Войдите», а обыкновенно: «Come in». У народа не принято стучать и звать войти, и он чувствует, что тут что-то неестественное. У народа приходит человек к человеку, когда нужно.

Спросить, что говорил о японских книгах?

Л. Н.: Японцы очень умеют подражать, но мало создают, потому они прогресс в технике обнаружили, особенно морской. Они же сами остаются совершенно дикими людьми, которые приняли только облик европейской цивилизации.

18 декабря. Л. Н. спал хорошо, восемь часов. Изжоги не было. Еще вял. Встал в 9. Приехал из Саратовской губернии крестьянин, очень интересный, самостоятельный¹. Ему предлагают вступить в молокоане, а у

* Числа 17 и 18 декабря переписаны мною с черновых записей через четыре года.

** «Войдите!» (англ.).

них — троица, которой он не признает. У них в деревне семь сект. Его с товарищем зовут безбожником. К Л. Н. уехал украдкой. Только жена и товарищи знают, куда он поехал. Толстого у них зовут «ненавистником» и не читали его книг. Приехал посоветоваться, какую веру избрать. Пополудни ходил гулять с Л. Н. к мостику. Александра Львовна их догнала, посадила в сани; они продолжали беседовать. Проехали Черту, Воронку и купальню.

Л. Н. (о нем): Мужичок самый серый, из беглопоповцев. Почти то самое, что старообрядцы. Попалась ему «В чем моя вера», а первой книжкой — «Восстановление ада», где поразили его слова о троице.

За обедом Л. Н., Дмитрий Васильевич, Ольга Константиновна, Александра Львовна, Варвара Михайловна.

Александра Львовна спросила Л. Н.-ча:

— Что, этот крестьянин вегетарианец?

— Нет, он совсем дикий, он в глухом месте живет.

Старинный, хороший русский язык; он еле-еле грамотен. Он продал лошадь, чтобы сюда приехать: «Писать боимся». Сюда ехал — и то сказал, что поехал в клинику лечиться. Задаёт самые обычные вопросы: иконы, таинства, крещение.

Дмитрий Васильевич спросил, где больше ищущих: среди народа или интеллигенции.

Л. Н.: Люди, которые живут преданием, гипнозом общественного мнения, их 99 процентов, а люди, которые ищут, — один процент. Их процент одинаковый у крестьян и у интеллигенции, но у интеллигенции восприимчивость (для религиозно-нравственных вопросов) меньше, потому что там, вместо церковных суеверий, — Дарвин. Ища в Брокгаузе Сметану, я посмотрел «смерть». Я искал, что люди, которые мыслят, разумеют под смертью. Нет там. Есть «смертность», «юридическая смерть» и т. п.

Дмитрий Васильевич: А что, из раскольников много обращаются к вам?

Л. Н.: Мало, особенно мало от молокан. Только из старообрядцев. От Молочникова письмо: был обыск у него, конфисковали его библиотеку, которой он очень дорожил, и рукописи. Она пропадет. Присылает два прелестных письма от отказавшихся Смирнова и Соловьева, которого уже приговорили к четырем годам².

Речь о Чудачке и Дурачке, лошадях Александры Львовны, какой они масти: буланые или соловые. Говорилось о разнице между буланой, соловой, саврасой, игреневой. Александра Львовна утверждала не то, что Л. Н.-ч. Л. Н., такой знаток русского языка, наконец допустил: «Может быть, я ошибаюсь».

Л. Н. просмотрел и карандашом отметил места в книге: Augustin Smetana «Geschichte eines Excommunicirten»³.

Л. П. Никифоров просит какую-нибудь книгу для переводов. Л. Н. послал ему эту и, кроме этой, еще: J. J. Doke «M. K. Gandhi: an Indian Patriot in South Africa». L., 1909. В этой книге описано, между прочим, пассивное сопротивление индусов, переселившихся в Южную Африку: в тюрьмах отказались от невегетарианской еды и жили впроголодь, т. к. английские власти не переменили им еду. Часть их англичане выслали обратно в Индию и ограничили переселение новых в Южную Африку⁴.

Л. Н. говорил, что искал Сметану в Брокгаузе: нет. Л. Н. советовал Дмитрию Васильевичу, чтобы Л. П. Никифоров перевел книгу Сметаны на русский язык.

— Книга Сметаны, по-моему, очень интересна, — сказал Л. Н., — но подлежит сокращению: надо выпустить его письма к полиции и отве-

ты, потому что это касается вопроса щекотливого, который, вероятно, у нас не пройдет. Монах, ученый, философ. Я уж, в конце концов, пожалуй, предпочел бы написать предисловие. Боюсь, что мое предисловие делает ее вредной. Что знаете про Сметану? — спросил меня Л. Н. — У него про церковь то самое, что в «Круге чтения». Как только о церкви, — у него очень хорошо. Как возникало сомнение несколько раз... Он не признает «религии» вследствие религии. В предисловии можно выдвинуть достоинства книги, не упоминая аналогии с русскими. Он раскрывает лицемерие священников, как они ни во что не верят; потом грубое отношение к деньгам деревенских священников: они пренаивно берут их себе. Их католическое отношение к кухаркам и наказание, потому что кухарка получает над ними огромную власть. Потом кафедра... Очень интересно. Как жалко, что мне нельзя..... *

19 декабря. Со вчерашнего дня продолжает здесь быть саратовский крестьянин А. А. Станков, 51 года, продавший лошадь, чтобы съездить к Л. Н.-чу. Л. Н. утром и пополудни с ним гулял и велел ему дать книг. Станков мне сказал, что Л. Н. ему сказывал про свое писание, что «еще надо написать истинную правду».

Л. Н. недавно принял почетное крестное отцовство, и сегодня прислали ему благодарственное письмо и фотографию его крестника. Порадовала Л. Н.: «А крестник мой хорош!»¹

Л. Н. с тихой радостью вспомнил об освобождении из-под суда И. И. Горбунова вчера².

Во вчерашних «Русских ведомостях» Л. Н. прочел в статье Рубакина, что Россия недавно была по изданию книг на последнем месте в Европе, а в 1906—07 гг. стала на первое место. Л. Н. рассказывал и удивлялся. Разгадка простая: в 1906—07 гг. издавались особенно много политические брошюры, листки³.

А. А. Станков выражается вместо «делать усилия» — «надо трудиться и удерживаться». Л. Н. о нем:

— Тип того огромного количества коренного, основного русского народа. Ничего они там не знают. Как-то попали туда «В чем моя вера», «Восстановление ада».

Станков говорил, что там, в волости, урядник всякое письмо вскрывает. Себе просил письма посылать в Саратов.

Ольга Константиновна рассказала, что сегодня вычитала в «Русском слове», что в Южной Японии три урожая риса; нет ни безграмотных, ни нищих.

Л. Н.: Вот это и беда! Все они читают ту книгу (Л. Н. намекал на «Токухон, или Книга для чтения и практических упражнений в японском языке»**) — вера, житейские рассуждения.

Вчера Л. Н. об этой книге: что воспитание верноподданнического долга у нас делается неумело и грубо; там делается тонко и умело.

Софья Андреевна заговорила о конфискации книг и привлечении издателей к суду. Кому это нужно? Кто это делает?

Л. Н.: Награждают их, хотят подслужиться.

И Л. Н. сравнил русскую цензуру, австрийскую (какая была во время Августа Сметаны в 40—60-х годах) и японскую. Япония в этом превзошла Россию и Австрию.

Софья Андреевна сообщила Л. Н. просьбу Градовского написать в газету (не разобрал что)⁴. Л. Н. отклонил эту мысль, потому что тут (в этой анкете) пружиной — газетное дело, денежное. Пускай бы он торговал, деньги наживал вином, табаком, публичными домами, а не словом.

* Пропуск в подлиннике. — Ред.

** «Токухон» введен японским министерством в качестве обязательного учебника для всех японских подданных.

Л. Н. просил Софью Андреевну привезти из Москвы сочинения Гюйо. Софья Андреевна рассказала, что Гюйо по-французски запрещен, в магазинах не продается, а позволен по-русски.

Софья Андреевна привезла из Москвы два номера юмористической газеты «Кривое зеркало». В Ясной Поляне юмористическо-сатирической газеты не видали, не получают. Я заметил: как в России — слава богу — сравнительно мало развита отрасль юмористическо-сатирической периодической печати. Сколько ее в Германии и особенно в Австрии! Л. Н. не одобряет, ему противны юмористически-сатирические листки: на все вопросы смотреть вскользь, чтобы они были забавны.

20 декабря. Здоровье Л. Н. пришло в нормальное состояние: гулял, пополудни верхом на Козловку, Воронку, Черту.

Пополудни приходили Лев Рыжий с Алешей Бирулей. Л. Н. с ним около 40 минут беседовал. Л. Рыжий спорил с Л. Н., утверждая, что нужны дела, а не самосовершенствование. Самосовершенствование проповедовать и самосовершенствоваться и этим успокаиваться — одни слова Л. Н.

Лев Рыжий с Алешей идут в Ташкент.

Утром приехал А. Н. Дунаев с Б. Г. Русановым, 30-ти лет, инженером железной дороги в Самарканде. Вечером Л. Н. дал прочесть вслух новополученную ремингтонную статью Черткова «Две цензуры для Толстого», в которой Чертков уличает либеральные и профессорские «Русские ведомости» за пропуск ими мест (цитирует двенадцать крупных) из-за несогласия и из-за того, что доказывать тут (опровергать Толстого) нечего, цензуровать надо!¹

Л. Н.: Места изъяты редакцией «Русских ведомостей», когда находили их неудобными, — инстинкт самосохранения. Редакторская цензура либеральной прессы опекает читателей.

Кто-то: Тут мы присутствуем при либеральном произволе и нетерпимости.

Л. Н.: Гагина, рязанская помещица, которая всю жизнь свою посвятила школе, послала мне свой дневник. Там цитирует Гюйо². Софья Андреевна привезла мне эту книгу из Москвы. Пустейшее сочинение! Человек, который сам не знает, что религия, описывает, что переживали религиозные мыслители, пишет историю религиозных движений.

О суде над И. И. Горбуновым за печатание «Права собственности на землю» и об освобождении его. Прокурор был особенно жесток.

Л. Н.: Я не могу понять такого типа прокуроров.

Л. Н. об обвинительном акте:

— Это квинтэссенция о праве всех людей на землю.

Л. Н. хотел до суда напечатать этот обвинительный акт и комментировать его, но предупредили его, что этим мог повредить Ивану Ивановичу, и Л. Н. оставил это.

Л. Н.: У меня вчера был гость (саратовский крестьянин), который нарочно приехал, чтобы поговорить о боге, и душе, и вере. Человек высокого религиозного понимания, а между тем, так как «там около Толстого приставлены стражники, и сейчас схватят», он готов лгать вследствие того, что он запуган стражниками, которые около дома*. Он произвел на меня сильное впечатление; боюсь сказать, о чем и говорить не следует, надо перестать говорить миру интеллигентному — «Русских ведомостей», а <говорить> тому миру — ста миллионов людей. И если б бог дал жизни и писать буду, тогда я буду иметь в виду эту публику (это будет моя публика), этот grand monde**.

* эти стражники на днях сменились.

** большой свет (франц.).

Александра Львовна мне сказала, что Л. Н. на днях поедет в Крекшино. «Вы рады?». — «Я — нет. Я и не поеду», — сказала.

Уехали Дунаев, Русанов. Лев Рыжий и Бируля ушли в Овсянниково.

21 декабря. Днем был Сережа Булыгин. За завтраком Л. Н. вспомнил статью Розанова во вчерашнем «Новом времени»: что он писал «Войну и мир» и «Анну Каренину» — это было весело, а что он теперь пишет — это скучно¹. Розанов рассуждает с точки зрения веселости и скуки.

Л. Н. с Сережей. Л. Н. привел определение Иоанна: «Бог есть любовь; пребывающий в любви пребывает в боге»². Человек верующий живет любовью, а который рассуждает, тот не верит в бога-любовь.

Л. Н. говорил вяло, он не в ударе; после записывал в дневнике.

Сережа Булыгин спросил про его новую статью о земле — «Сон». Л. Н. сказал, что запутался в ней. Сегодня перед полуднем выпустил все осмеивание (разговор княжны и графини) и др. и оставил одну речь «кого-то». Еще Л. Н. сказал, что речь эту видел во сне, особенно сильно³.

Вечером с 10.15 до 11.10 Л. Н. разговаривал с Сережей о боге.

Л. Н. получил сегодня письмо о Кудрине, что в чахотке, умирает.

22 декабря. Сегодня Л. Н. при разговоре сказал, что думал о вчерашнем:

— Я всегда чувствую: без бога ни до порога, но знаю: чем яснее себе его представляешь, тем слабее вера в него.

Утром были от «Русского слова»: тульский корреспондент с управляющим провинциального отдела Брио. Спрашивали о здоровье Л. Н.-ча.

Полудни Л. Н. верхом 16 верст. Утром уехала в Тулу Ольга Константиновна с детьми. Днем ушел Сережа Булыгин и приехала Мария Александровна; вид у нее болезненный.

Л. Н. после обеда долго беседовал с Марией Александровной. Софья Андреевна спросила его, и он говорит о статье Розанова в «Новом времени»:

— Тут самое забавное то, что Толстой говорит о христианстве; это все скучно, — сказал Л. Н. — Это манера Зоси Стахович, которая говорит: «Как-то ваш мудрец в «Круге чтения» говорит очень нелюбезно про дам: он говорит, что не надо много говорить». Эта точка зрения скучности, нелюбезности и у Розанова.

Сегодня Л. Н. имел тяжелый разговор с Андреем Львовичем. После Л. Н. спросил его, не сердится ли. Андрей Львович искренно ответил, что нет, и видно было у него любовное отношение к отцу.

Мария Александровна заговорила о том, что в Германии в школах унитариянские пасторы учат по книге Л. Н. «Учение Христа для детей», по немецкому переводу Шкарвана. Это рассказывал Дунаев, видевший это в школе в Баденском княжестве. А у нас «Учение Христа» запрещено.

Л. Н.: «Учение Христа для детей» запрещено за то, что там сказано: «В семье Иосифа родился сын».

Л. Н. вечером говорил, что прочел сегодня Эпиктета в новом русском переводе с новым удовольствием. Потом говорил про Марка Аврелия, про которого в той же книжке читал, что общее распространенное мнение, будто бы Марк Аврелий преследовал христиан, несправедливо.

Вечером Александра Львовна прочла вслух «Сон», проверяя только что подготовленный экземпляр ремингтонный в новой отделке Л. Н. Очень сокращен: оставлен один сон, пропущена обстановка, разговоры княжны с графиней и пр. Взгляд на несправедливость и неужерчивость земельной собственности особо, небывало ясно, сильно выражен в «Сне». Но мне казалось, что Л. Н. еще недоволен, что еще будет обрабатывать «Сон»⁴.

23 декабря. Уехала Мария Александровна. Под вечер вернулась Ольга Константиновна с детьми.

Утром в 9 часов у веражды молодой человек дожидался Л. Н. Я спросил его, зачем пришел. Показать свою работу Л. Н., у которого уже был и переписывался с ним, но ничем не проявлял желанья войти в дом. Только когда я его пригласил, — вошел. Вел себя очень скромно. Его начисто переписанная работа в 200 страниц фоллио — «Христианская этика». Это изложение учения Л. Н.

Булгаков, 23-х лет, из Томска, студент философского факультета Московского университета. Разделяет взгляды Л. Н.-ча. О себе мне отвечал, как он нашел Толстого: «Я был прирожденным христианином и все больше и больше находил правды в его учении». Говорил о радости, что Л. Н. жив. «Когда умрет, осиротеет все — такое чувство. И тогда поднимутся все, кто против него и которые теперь стыдятся подняться». Намерен отказаться. Спросил мнение мое: не будут ли впоследствии, когда все больше будет отказов, вешать отказывающихся для устрашения. В Московском университете мало разделяющих взгляды Л. Н. (один — пять человек). Интересующихся много. Из томичей — одиннадцать вегетарианцев.

Л. Н. съездил верхом с Филей в Дёминку к больной солдатке, снес ей денежную помощь. И, вернувшись, просил меня к ней и к больной сторожихе железной дороги съездить.

Л. Н. пришел в 10. 20 с рукописью Булгакова.

Л. Н.: Прочел до половины внимательно (я усердно читал), дальше пробежал. — Л. Н. показал Булгакову места, которые должно поправить (понятие о грехах — неясно). — Сделайте его доступным, цензурным, кое-что выкиньте. Необходимо заключение — резюме. Переработайте, дополните новейшим: «О науке».

Какой грузеник Л. Н.! Прочел такую большую рукопись чуть ли не сразу, пополудни — одну главу.

Софья Андреевна рассказывала, что сегодня писала о Фете, и прочла вслух Л. Н. и Булгакову частицу из 1892 г. о Фете перед его кончиной. Очень интересно — хорошо.

Л. Н.: Удивительно: Фет, Тургенев и я — мы были близки трое, и Тургенев считал Фета глупым, а, по-моему, у Тургенева не было сотой доли того здравого ума, что у Фета.

Я говорил про новонайденный рассказ Мопассана «Страх» («Утро России», 20 декабря), где он пересказал и Тургеневым испытанный большой страх. Л. Н. пожелал прочесть вместе. Номер не нашелся, не читали, я рассказывал.

24 декабря. Минус 16 градусов. Из-за мороза Л. Н. не поехал верхом, а гулял. Со вчерашнего дня здесь Булгаков; утром пришел Иван Васильевич и ушел вместе с Булгаковым.

Приехал крестьянин из Воронежской губ. (был уже раз 20 октября 1909 г.) — Н. С. Логунов. Логунов мне говорил, что то, что он раньше думал так, как Л. Н., то после читал в книжках («Ответ Синоду») Л. Н.: оно сошлось с его мнением, потому понравилось. А другие говорят ему: «Что ты слушаешься Льва Николаевича?». Приехал посмотреть личность, и книжек выпросить, и узнать прием. Говорил про закон 9 ноября: этот закон развращает общество, его надо остерегаться. Отцы, такие слепые, стали продавать землю (а у него дети) и оставлять поколение свое без всего. Писал Л. Н.-чу о законе 9 ноября, и Л. Н. ему ответил и вызвал его¹. Дома сказал, что едет работу искать. Л. Н.-чу приятен (Л. Н. рад ему); желает пробыть денька три. Илья Васильевич свел его на кухню жить. Ольга Константиновна озабочена, чтобы не узнала про него Софья Андреевна, а то прогонит.

ТОЛСТОЙ

1910

Портрет (уголь) работы В. Н. Мешкова

Л. Н. после полудня пришел в библиотеку, где мы трое завтракали (Булгаков, Иван Васильевич и я). Спросил, о чем говорим. Стоял, а нам не дал встать, стул ему принести. Заговорил о работе «Христианская этика» Булгакова. Булгаков рассказал, что заметки Л. Н. все пересмотрел и переделает по ним.

Л. Н.: Предстоит вам большая работа: заключение написать, вкратце повторить.

Булгаков: В нем резюмировать все.

Л. Н.: Чтобы сказать все, что нужно, и ничего лишнего. Это большой труд.

Булгаков: Вы сказали, что вы мне поможете.

Л. Н.: Да, тут вам помогу.

Потом Булгаков заговорил о том, что он хочет изложить и опровергнуть еще самые известные критики на Л. Н-ча: популярная — Михайловского, а из новых — Мережковского и Шестова².

Л. Н.: Мережковского, слава богу, я не читал. А Шестова я первый раз слышу. Вы слышали про него, Душан Петрович?

Я: Нет.

Л. Н.: Это вы взяли на себя большую работу, — чтобы не впади в полемическое многословие!

Булгаков: А Мережковский и Шестов — самые популярные среди студенчества, всё в новых изданиях появляются. Надо опровергнуть их неверные изложения вашего учения.

Л. Н.: У меня учения никакого нет. Правда одна во всех учениях; только то, что противоречит в них, надо исключить.

Когда **Л. Н.** ушел, **Булгаков** сказал:

— Хочется фактами доказать, что нет правильного понимания Льва Николаевича. В обществе общеприняты взгляды неверные, к тому же и устарелые, Михайловского на Льва Николаевича. А Лев Николаевич сегодня не тот, что вчера был: он движется.

Иван Васильевич пришел посоветоваться к **Л. Н.** (читал его сочинения): хочет уйти из города — он в Москве электротехником. Сам — смоленский, 27-ми лет, раньше учился в учебном заведении, но увидел, что это — второстепенной важности, бросил его, чтобы чтением — главное сочинений **Л. Н.** — образоваться, уйти. И ушел. Книги там оставил. Хочет в земледельческую общину.

— Лев Николаевич ему сказал, — говорил мне Булгаков, — чтобы остался в городе, только для того, чтобы он утвердился в том, что нужно из города уйти (чтобы, рано уехав, — не раскаяться).

В 3 часа **Л. Н.** опять пришел в библиотеку с рекомендательными письмами им — Булгакову и Ивану Васильевичу — к **С. Д. Николаеву** и **Черткову**³.

Еще принес письмо **Шкарвана**, в котором пишет о том, как анархические, даже социалистические рабочие (немецкие, швейцарские, австрийские, французские, испанские и Берта Зуттнер) усердно взялись за распространение «Доклада», предназначенного для прочтения перед Конгрессом мира в Стокгольме. И **Шкарван** просит **Л. Н.** написать то «Воззвание к народам», о котором **Л. Н.** говорит в «Докладе». Письмо это прочли вслух. **Л. Н.** не помнит, что он о каком-то воззвании упоминал. На конверте **Л. Н.** написал: «Подумать». А теперь сказал, задумавшись и, очевидно, желая исполнить: «Нельзя писать на заказ».

Шкарван пишет: «Время антимилитаризма очень назрело. Не только романские, и германские даже народы в высшей степени недовольны военщиной, много думают о ней, и многие, очень многие готовы на крайнюю жертву за эту идею. «Доклад» приготовил целую сеть хороших людей, которые мгновенно и очень легко распространили бы такое воззвание»⁴.

Л. Н. принес еще японское письмо к нему некоего **С. Mizuochi**, пришедшего ему целую кипу японских книг с картинками, и передал письмо Булгакову, чтобы он лично попросил **Кониси** перевести его.

Л. Н. рассказал, что нынче в «Русских ведомостях» читал о Японии (письмо путешественника), что там хлеба вырабатывается вдвое больше, чем нужно для своего населения; что там нет нищих; что готовятся напасть на Россию в 1911 г., и потому советует русским заключить союз с Китаем⁵.

Л. Н. заговорил об уже дней 14 продолжающихся в печати слухах о грозящей новой войне с Японией и сказал, что (ему) кажется, что будет, и что солдаты из народа (вроде нашего яснополянского Филиппа Макарова) говорят, что воевать не будут, что тут не откажутся, а там, в Сибири. Еще говорил **Л. Н.**, намекая на приведенное место из письма **Шкарвана**, что уже и на Западе антимилитаризм, только в Японии еще —

милитаризм*. И Л. Н. рассказал про учебную книгу школьную японскую, где преподается самая пошлая мораль: аккуратность, терпеливость, трудолюбие, главное — почитание императора.

Уходящим Булгакову и Ивану Васильевичу Л. Н. дал «На каждый день» Июнь, Сентябрь с надписью и сказал:

— Это не то что я вам подписываю — автограф. Это я вам очень советую читать. Я каждый день читаю, это моя молитва.

Иван Васильевич на какие-то речи Л. Н.:

— В деревне тоже есть люди, которые живут гипнозом, инерцией. Как ему о вере не хочется слушать, потому что ему нужно бороться со священником: «Почему мне бороться?»

Прощаясь, Л. Н. сказал обоим:

— До свидания, до весны.— И что если будет в Москве, увидится там с ними.

Иван Васильевич: Я в Москве виделся с вами.

Л. Н.: Тоже давили меня? — и ушел.

За обедом Софья Андреевна:

«Это ужасно!» (говорила про давку, когда толпа провожала Л. Н. к поезду).

За обедом: Софья Андреевна, Александра Львовна, Ольга Константиновна с детьми, Варвара Михайловна. Кроме цветов на столе и праздничной одежды Софьи Андреевны, Александры Львовны, ничто не напоминает, что сегодня сочельник, никакого намека в разговорах на него. Софья Андреевна говорила только о гостях, которые желают приехать на праздник, и кого на когда позвать. За обедом, по поводу не помню чего, Софья Андреевна произнесла:

— Я не была бы так глупа, если бы я бывала за границей.

Л. Н.: Неужели ты за границей не была? Удивительно! Я думаю, никто не поверит.

Потом позже Софья Андреевна упрекала Л. Н., что делал гимнастику с Илюшкой, перевертывал его в воздухе и готов проделывать ее и со мной (перевернуть меня в воздухе), что неблагоразумно, что может себе кость сломать, что-де у стариков они хрупки.

Л. Н. (шутя): Что значит за границей не была!

Веселый хохот.

Ольга Константиновна рассказала про китайцев (мужей, жен, детей), которых видала на вокзале в Туле: на коромыслах несли свои пожитки. Женщины в шароварах, и у них маленькие ножки, по которым их можно отличить от мужчин. Маленькие дети за спиной. Все тепло одеты: на-верное, северные китайцы.

Л. Н. интересно было это сообщение, расспрашивал, задавал вопросы о них. Л. Н. после обеда зашел к воронежскому крестьянину и в 10 часов, когда за чаем увиделись, и меня спросил, был ли я у него (крестьянина). И напомнил мне, чтобы заглядывал к нему.

Я после обеда дал Л. Н.-чу «Утро России» 20 декабря со «Страхом» — новооткрытой повестью Мопассана. Л. Н. взял к себе. После, увидавши меня, сказал:

— Отвык я от этой манеры писания, неверного описания природы.

«Страх», очевидно, не понравился ему. Еще читал в газете «Русские ведомости»** 23 декабря посмертные мысли Ренана⁶.

— Лучше бы не печатали их: болтовня легкомысленная,— сказал Л. Н. Л. Н. спросил меня, как мне понравились молодые люди.

* Л. Н. не этими словами выражался.

** Л. Н. читал еще «Новое время», которое почти каждый день читает, и «Новую Русь».

Я: Булгаков — очень, а другой, Иван Васильевич, так себе.

Л. Н. сказал, что ему оба понравились:

— Он (Иван Васильевич) — искренний.

Винт. В 11.50 Л. Н. ушел и возвратился с известием: 24° мороза.

25 декабря. Утром минус 27°. Л. Н. вышел в 10 часов. Гостей никаких. Один прохожий. Л. Н. пришел в залу, когда мы сидели за завтраком, и тоже сел завтракать. Принес старое издание Лоренса Стерна «A Sentimental Journey through France and Italy». Л. Н. перелистывал книгу, что-то в ней искал, и потом дал прочесть вслух.

Л. Н.: Я, когда мне было 15 лет, переводил это. Удивительно, до чего это смешно!

Софья Андреевна: Рукопись перевода сохранилась в Музее. — Ольге Константиновне она стала читать по-английски: — Что же, это английская, а не французская книга? Я думала, ты перевел ее с французского. Ты знал тогда по-английски?

Л. Н.: Я тогда на этом самом учился по-английски¹.

Ольга Константиновна указала в «Русском слове» письмо Черткова о печатании писем Л. Н., чтобы печатающие: 1) знали и заявляли — после первого печатания можно свободно перепечатывать, и 2) чтобы перед печатанием посылали их для пересмотра ему, Владимиру Григорьевичу: не нужно ли что неприятное кому-нибудь выпустить².

Л. Н.: Это справедливо.

Софья Андреевна обратила внимание Л. Н. на объявление: «Жить не стоит... Безумец! Есть гильзы Катыка!» И картинка: стреляющийся в висок. Я заметил:

— Какая отвратительная картинка!

Л. Н.: Это меня психологически интересует: кто попадает на эти объявления?

Л. Н. сегодня что-то грустен, как будто нездоров. Кажется слабым: чихает и кашляет. Перед обедом просматривал детские рыночные книжки, которые в подарок получили Сонечка и Илюшок. Спросил меня: поговорил ли я с воронежским мужиком. И после обеда спрашивал о нем: не скачает ли и не позвать ли его к нему. Потом решил, что лучше — нет: «слаб».

Александра Львовна думает, что Л. Н.-ча удручило сегодня полученное обличительное письмо, что он миллионы наживает, а только притворяется³. За обедом не разговаривал. После обеда читал Стерна «Sentimental Journey» и просил, если есть, его же «Tristram Shandy». Не оказалось в библиотеке. Сегодня Л. Н. опять работал над «Сном».

Хирьяков спрашивает письмом Л. Н., кто в русской литературе недооценен историками литературы. Л. Н. вспомнил Фета, Тютчева, Сквороду и дальше не мог. Решил, что не будет отвечать⁴.

26 декабря. Утром — минус 33° Цельсия. Л. Н. гулял, а пополудни гулял целый час. Ушел воронежский мужик, Л. Н. жалел, что не повидался с ним перед уходом.

Под вечер приехал Андрей Львович. За обедом Андрей Львович говорил, что вице-губернатор Лопухин назначен губернатором в Пермь.

Л. Н. просил Александру Львовну принести из его комнаты газету «Утро России» от 25 декабря.

— Вся газета нынешняя просто дом сумасшедших, ложь такая, этот язык ужасный.

И Л. Н. рассказал содержание фельетона-рассказа «Красногубая гостья» Ф. Сологуба*:

* Есть такой молодой писатель, который явился к Федору Сологубу и просил позволить ему взять его имя.

ТОЛСТОЙ В ЯСНОПОЛЯНСКОМ КАБИНЕТЕ

17 марта 1910 г.

Рисунок (соус, сангина, пастель) В. Н. Мешкова, с автографической подписью Толстого: «Лев Толстой, Ясная Поляна, 1910, 17 марта».

«Л. Н. предложил Мешкову утром в кабинет приходить писать». — Запись от 12 марта 1910 г.

— Был такой господин, очень богатый, молодой. Он скучал и встретил госпожу, у нее кривой рот, и из него кровь течет. Она ходит к нему и требует от него, чтобы он ее любил, и она будет сосать кровь у него. Он хочет развязаться с ней, но не может. Потом его лакей говорит ему, что у него родился ребенок. Он его крестит. Тут он чувствует, что он может с ней бороться. Она опять пришла к нему. Вот между ними встал отрок в белом хитоне. — И Л. Н. тут прочел вслух конец столбца предпоследнего и половину последнего: «Он ей сказал: «Уйди», и она исчезла». Л. Н. читал, подчеркивая бессмыслицы.

Л. Н.: И, верно, платят ему за это рублей 500 (большой фельетон на две страницы). Это хорошее сочинение? Ужас, ужас, ужас!

И Л. Н., просматривая, читал и спрашивал: «Что значит «жесточая нежность»? И тут же «нежная жесточость», «Золотом звенящие слова». И Л. Н. прочел еще стихотворение «Разлука»¹. Его нельзя понять!

Л. Н.: В кабаке пьяные мужики, ругающиеся матерщиной, говорят, несомненно, лучше этого.

Потом Л. Н. разговоривал с Андреем Львовичем и Софьей Андреевной в зале. Винт. Варвара Михайловна пожаловалась, что у нее голова начинает болеть. А Л. Н. сказал, что у него не перестает голова болеть и конечности холодны — от старости.

После винта и отъезда Андрея Львовича Л. Н. долго ходил решительно, быстро вдоль по зале. Л. Н. сегодня читал вторую корректуру Ми-ти. Днем поправлял «Сон»².

27 декабря. Утром приехала М. А. Маклакова, днем — Дима Чертков, под вечер — Сергей Львович с женой и сыном, а также сын-студент и дочь-девица С. А. Берса.

Холода третий день, мороз между 15°—35°С. Л. Н. проехал верхом десять верст; в Заказе показал лисий след.

Все пишет «Сон». Я сказал Л. Н., что только «Сон» мне вполне уяснил несостоятельность земельной собственности. Л. Н. сказал мне, что сон был убедительный, но не все во сне видел, что пишет; многое ему теперь уяснилось.

Л. Н. рассказал гостям новости, они не могли рассказать ничего. Их ничто не волнует из того, что в газетах. Винт до 11.35.

В полночь Сергей Львович сыграл какие-то русские народные песни. Л. Н. вышел из своей комнаты и ходил по зале, слушая. Потом Сергей Львович сыграл что-то Шопена.

Л. Н.: Хорошо сыграл, — и сказал растроганно: — Это — музыка: это — Тютчевы, Пушкины, а ваши Григи — это Федор Сологуб.

Софья Андреевна искренно:

— Сережа лучше играет, чем Гольденвейзер. У Гольденвейзера техника лучше, но я ничего не чувствую, когда Гольденвейзер играет.

28 декабря. Л. Н. спал до десяти хорошо. Вял, слаб, аппетита нет. Съел половину яблока. Не завтракал, не обедал, не ходил гулять по-полудни. В 3 ч. пульс 78. В 7 вечера температура 36,7. Выходил в залу только на 15 минут.

Л. Н. принес письмо из Америки от Кирка, пишущего, что читал в газетах, что Феррейра был с Л. Н. personal friend*. «Правда ли это?» — спрашивает Кирк¹. Л. Н. спросил, кто такой Феррейра? Сергей Львович объяснил, что он был испанский либерал, борющийся с клерикализмом посредством школ, которые он сам основал. И что после барселонского восстания анархистов (1909 г.) его казнили, хотя он не был ни анархистом, ни социалистом. Это версия либеральных газет. Л. Н. с Феррейра никогда ни в каких сношениях не был, а personal friend'ство с Толстым придумали, приврали для вещей славы Феррейра его единомышленники.

Должны приехать Ландовские.

Сергей Львович: Лучше бы они не приезжали. Ванда, ее слава — дело рекламы. Правда, она изучила малоизвестный клавесин и играет хорошо, но ничего особенного в ее игре нет, так же и в игре Гофмана, который положительно стал играть хуже. Между Танеевым, Гофманом, Гольденвейзером и их техникой игры — такие маленькие оттенки. В композиции разница огромная. Слушатели всех концертов — это как слушатели чтеца на испанском языке, которого никто не понимает. Сыграют «Экстаз» Скрябина — аплодисменты, хотя никто ничего не понимает. Повальный стадный идиотизм. А композиторы (Скрябин) нарочно пишут непонятно.

Это Сергей Львович говорил, отвечая матери на ее восхваление Ванды и Гофмана. И прямо ей сказал, что она в музыке ничего не понимает, т. к. не узнаёт после нескольких дней пьесы, которую уже слышала. Л. Н. при этом разговоре за обедом не было.

Ландовские приехали в 7 часов. Л. Н. пришел в зал только в десятом часу. Не ел. Закончил «Сон», переписывается начисто в шести экземплярах. Л. Н. сел в кресло, после на кушетку. Нездоровится ему. Духом не присутствовал, хотя показывал интерес и был мил с Ландовскими. Мне стало ясно, что больше Ландовских звать не будут.

Л. Н. говорил долго с Ландовским и Вандой о музыке; между разговором спросил, подают ли чай. Потом Ландовского отозвали нарочно к чаю.

Ландовская играла. М. А. Маклакова пела под аккомпанемент Сергея Львовича и Ландовской шотландские песни.

Софья Андреевна говорила про Танеева, что он желал и обещал приехать, но не приехал, потому что на дорогу денег у него нет, каких-нибудь 15—20 рублей. Пенсии не просит, хотя право на нее имеет. Живет

* личным другом (англ.).

в деревне в избушке, а 83-летняя няня его с прислугой в Москве: он ее содержит. Уроков не дает, чтобы не мешали ему заниматься композицией. У него плохое фортепиано. Ученики и почитатели поднесли ему новое; он не принял, потому что слишком дорогой подарок. Концерты дает очень редко.

Л. Н. опять получил письмо. Таких писем-воззваний получает много, чтобы высказался, протестовал по поводу казни 13/26 октября в Барселоне анархиста Феррейры. Но так как газеты страшно шумели о Феррейре, Л. Н. был недоверчив к поднятому шуму — и, главное, по этой причине недоверчив — и отмолчался.

29 декабря. Были Дима с Бобом-англичанином, его другом; и Кузьмой из Ясенков, у которого был обыск. Л. Н. дал ему прочесть 28 декабря из «На каждый день». Просил прочесть внимательно: это относится к его положению.

Л. Н.: Я теперь читал «Круг чтения» несколько дней. Как жалко, что его запретили. Сколько в нем хорошего!

Сергей Львович рассказал про Андреева-скульптора.

Л. Н. (Марии Александровне): По секрету вам скажу, что скучно мне. Надо говорить (т. е. с Ландовскими о музыке, расспрашивать их об их концертах, о Париже и т. д.). Все это фальшиво.

Я чувствую, как их присутствие стесняет Л. Н-ча. Софья Андреевна, Мария Александровна, Александр Львовна не видят этого. Их больше не «следует» приглашать: оба Ландовские имеют свойство много говорить с Л. Н., не оставляя его в покое, — как сделали бы русские художники, — его любезность исчерпать всю.

30 декабря. Сегодня Л. Н. поручил мне написать В. А. Лебрену, приславшему ему свою статью «Основатель научной метафизики — А. Шпир» следующее: «Я нахожу, что он приписывает слишком большое значение Шпире, называя его основателем метафизики. Это слишком большое значение, и это отталкивает читателя. А вместе с тем я желал бы это напечатать и постараюсь издать».

— Напомните мне, — сказал мне Л. Н.*

31 декабря. Утром уехала М. А. Шмидт. За обедом Л. Н. говорил, что нынче получил книгу: «Кавказский сборник». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (Выпуск XL. Тифлис, 1909).

— Страницы 54—70 в статье «Предание о шамилевском наibe Хаджи-Мурате» С. Н. Шульгина. И там история Хаджи-Мурата интересно рассказана и сходится совершенно с тем, как рассказывают, с моим рассказом, как он бежал, как он был убит.

И Л. Н. рассказал для всех присутствующих, что Хаджи-Мурат был главным из набов (мюридов) Шамиля. Он убежал, поссорившись с Шамилем, к русским, и от русских бежал. Как голову его носили.

* Через несколько дней Л. Н. поручил мне написать Лебрену еще следующее: «Я остался при своем мнении; очень жалею, хотел с вами согласиться».

До 34-й страницы, 2) — совершенно справедливо, а здесь начинается произвольное, совершенно произвольное определение истины и добра и все дальнейшее, даже до самого конца. А мысли, которые начинаются с 39 страницы, слишком отрывочны и тоже безосновны. Вообще этическое учение совершенно отсутствует и не может даже быть выведено из метафизического учения Шпира. В этом, по-моему, главный и большой недостаток. От этого и понятия бога и добра, которые входят в его избранные мысли, совершенно произвольны¹.

Как существующая иллюзорность мира верно определена и верно показано, что действительно существует только сознаваемая нами зависимость (?) явлений, как справедливо это, так произвольно определение истины и добра и все дальнейшее, даже до самого конца. А мысли, которые начинаются с 39 страницы, слишком отрывочны и тоже безосновны. Вообще этическое учение совершенно отсутствует и не может даже быть выведено из метафизического учения Шпира. В этом, по-моему, главный и большой недостаток. От этого и понятия бога и добра, которые входят в его избранные мысли, совершенно произвольны¹.

— Это было в мое время кавказское, очень характерно.

Сергей Львович: Ты его никогда не видел?

Л. Н.: Нет.

Л. Н. говорил Ландовскому (Ландовские едут концерттировать в Астрахань) про сегодня им полученное письмо из Астрахани, очень интересное, автобиографическое¹.

Вечером шахматы с Сергеем Львовичем.

Ванда Ландовская играла преимущественно танцы, хорошие, например, «Danse des jeunes» par Brissaire. В разговоре с Ландовскими *Л. Н.* внушал им, что есть нечто высшее, более важное на свете, чем искусство.

Л. Н.-ч Ландовскому, бывшему журналисту, хвалил «Wohlstand für Alle» — анархический журнальчик.

В 11 часов ночи получена телеграмма от сотрудника «Figaro» Marchand, что он с Шаляпиным желали бы приехать 2 января².

Л. Н. не решался ответить, советовался с Софьей Андреевной.

— Я бы лучше обошелся без них.

Софья Андреевна отказалась решать, т. к. она их и так не увидит: будут у него в кабинете.

С 11 до 12 *Л. Н.* говорил с Ландовским: расспрашивал его про крестьян и рабочих французских, кто делает тяжелую работу, откуда берутся эти lourds ouvriers*. Ландовский рассказал про состоятельность французских крестьян, про хороший заработок ремесленников (подмастерьев), про их организованность в синдикаты, про то, что синдикаты диктуют работодателям заработную плату. И очень гордился борьбой синдикатов с капиталистами и с штрейкбрехерами — рабочими-несиндикалистами (не членами синдикатов).

Л. Н. говорил ему, что синдикалисты — это уже буржуа, господа по отношению к несиндикалистам и что le progrès, la lutte des syndicalistes contre les lourds ouvriers doit être remplacée par.....**. Ландовскому этот взгляд был чем-то новым, неожиданным и непонятным.

В полночь приехал *Д. А. Олсуфьев*. За столом: *Л. Н.*, Софья Андреевна, Сергей Львович с женой Марией Николаевной и 12-летний Сережа, Ольга Константиновна с детьми, Александра Львовна, Варвара Михайловна, *Н. С. Берс* 20-ти лет с сестрой 17-ти лет, *М. А. Маклакова*, Генрих и Ванда Ландовские, Олсуфьев.

Шампанское, настроение невеселое. *Л. Н.* серьезен и один.

* чернорабочие (франц.).

** преуспевание, борьба членов профсоюза с чернорабочими должна быть заменена..... (франц.). Далее пропуск в подлиннике.— *Ред.*

1 января. Уехали Ландовские. Л. Н. пополудни верхом в Овсянниково.

Павел Александрович поправился; он сообщил Л. Н. поразившую нас всех новость, что прокурор протестовал против оправдания И. И. Горбунова. Л. Н. это рассказал за обедом; его голос стал так слаб...

Говорил с Д. А. Олсуфьевым. Рассказал, что напечатаны его письма к Гольцеву¹. Писал, чтобы как-нибудь ответить, не думая о стиле, орфографии (не предполагая, что будут печататься), и в них есть такие фразы, которые сам не может понять.

Говорили о Боборыкине. (Сергей Львович заговорил о нем.)

Л. Н.: У меня обычай баллы ставить за сочинения. О Боборыкине-человеке такое мнение, которое выражается: три с плюсом.

2 января. Л. Н. говорил о René Marchand¹. Сергей Львович говорил о Шмакове, о его отношении к масонам и о какой-то книге «Масония».

Л. Н.: Это только название, которым означают людей, не согласных с католическим учением.

Говорили о японских воинах.

Л. Н.: Самопожертвование — это суеверие, ложная вера. У русских не было злобы к японцам, французам.

О революционерах.

Л. Н.: Борюсь с дурными чувствами, чтобы во мне не вызвали озлобления.

Сергей Львович: Не у всех революционеров ненависть.

Л. Н.: Один круг видишь. Кругов много. Каждое распоряжение правительства вызывает негодование. Казни... Должно быть, каждое религиозное требование отжито... Остается кафешантан, жуирство или убийство. Говоря о несправедливости той или другой стороны, вижу одинаковый упадок той и другой стороны. Жуирство было и после Французской революции.

Сергей Львович: Не потому так жуируют, что одобряют правительство; правительство очень не одобряют, а боятся левых.

Д. А. Олсуфьев: Конституция была что-то такое, во что раньше верили; теперь — нет. Азеф...

Сергей Львович: Забастовки для них тоже страшны. А крестьяне тоже потерпели во время революции.

Л. Н.: Нет, революция для них недаром прошла, поняли свое положение.

Л. Н.: Уничтожить право рабства. Правительство, вместо того, чтобы пользоваться нравственным принципом общинного землепользования, разрушает его.

— Русский народ стоит впереди всех.

— Надо понять основной принцип: кто будет владеть землей, будет владеть людьми.

— Равенство людей друг перед другом, но <кто?> это осуществит?

— Они устроят это. Один идет в город, продает; другой отказывается от надела.

— Непонимание самого основного — того, что народ понимает.

— Русский же народ стоит гораздо выше. Его развращают очень успешно.

— В Турции нет крупных землевладельцев; земля государственная, а крестьяне — все арендаторы.

— Земля не может быть собственностью; у кого земля, у того власть. А чья будет земля, у того будут крепостные.

— Старшина относится к вымоганию податей очень неодобрительно. Л. Н. вычислял, сколько каких податей взимают:

— Подводы, царский проезд; а уж стараются изо всех сил; повинностям нет конца!

Л. Н.: У нас пользуются жизнью дворяне, а там (за границей) — массы. Я сижу в деревне, каждый день у меня семь-восемь писем от лиц, которых мучат вопросы².

Л. Н. о поездах, аэропланах, автомобилях.

3 января. Приехали М. С. Сухотин с Татьяной Львовной и Танечкой, пробудут долго; пополудни приехала М. А. Шмидт.

М. С. Сухотин сказал мне:

— Ваш маститый пациент прекрасен, а? Не отвечаете? Не хотите взглянуть? Ведь прекрасен?!

Л. Н. поправлял «Сон», писал письма. Днем ездил с Д. А. Олсуфьевым в Колину, в волостное правление, чтобы разузнать про вымогание продовольственных сумм, выданных в недород 1905 г. (крестьяне приходили к нему жаловаться), и, кроме того, чтобы Д. А. Олсуфьев узнал, как правительство «заботится» о мужиках, которые не могут копать руду на своих землях без предварительного разрешения. Л. Н. раскрывает глаза Олсуфьеву, а через него Столыпину и пользуется им совсем так, как Нехлюдов — вице-губернатором в «Воскресении»¹.

За обедом 16 человек. Л. Н. пришел поздно, как обыкновенно. До его прихода Софья Андреевна на слова Александры Львовны, кажется, Сергею Львовичу, что, стареясь, надо становиться лучше и лучше, сказала:

— Давно Лев Николаевич сказал, что старость приходит к одной точке, на которой начинает трястись, а потом идет или кверху или книзу. Это Л. Н. сказал относительно Перфильева.

Л. Н. заговорил о Гусеве:

— Получил письмо от его товарища, сосланного в Енисейскую губернию. Он пишет, что из-за ссылки в Пермскую губернию в наши времена не следует возмущаться². Л. Н. вспомнил письмо Дурьлина о том, что Гусев, прежде чем поступил к Л. Н., действовал антиреволюционно (письмо было напечатано в «Русских ведомостях» месяц тому назад)³.

Татьяна Львовна и Александра Львовна рассказывали Олсуфьеву, как несправедливо были обвиняемы Гусев и Чертков в революционной пропаганде. Сергей Львович возмущался тем, что можно человека сослать без суда.

ТОЛСТОЙ НА ОТКРЫТИИ НАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ДЕРЕВНЕ ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

Слева направо: в первом ряду (за группой крестьянских детей): Толстой, П. Д. Долгоруков, Т. К. Фоканов, Илюша и Соня Толстые, Таня Сухотина; во втором ряду: В. Ф. Булгаков (2-й слева), П. И. Вирюков, Мери Шанкс, М. С. Сухотин, А. Л. Толстая, Т. Л. Сухотина, О. К. Толстая и В. М. Феокритова

31 января 1910 г.

Фотография В. И. Савельева (?)

«Открытие народной библиотеки-читальни в Ясной Поляне... П. Д. Долгоруков говорил речь. Л. Н. благодарил: «Я очень благодарен и надеюсь, что и мои близкие, — показал на крестьян, — будут благодарны». — Запись от 31 января 1910 г.

Л. Н.: Сережа, прочти обвинительный акт Горбунова. Этот человек (сказано в акте) говорит: «Дважды два — четыре» — и потому он подлежит наказанию по 129-й статье.

По словам Олсуфьева, Столыпин сказал: «Если бы было все неправда, что ставится в вину Черткову! Ясной Поляне все прощается».

Говорилось о возможности вернуть Черткова. В Тульской губернии снято военное положение.

Л. Н. сказал, что извиняться перед правительством из-за клеветы — недостойно человека:

— Для Гусева это в высшей степени хорошо, что он сослан. Для меня тоже в высшей степени хорошо, для Черткова — думаю...

Александра Львовна вставила:

— Хуже всех.

Л. Н. (продолжая): Обращаться к правительству — ниже достоинства. Никому не следует обращаться.

Соболевский, редактор «Русских ведомостей», не хочет печатать письмо Полилова к Л. Н. и ответ Л. Н-ча Полилову, потому что выражения резкие и вся суть содержания — взгляды Л. Н. на землю — уже известна.

Салиенко пишет, что Кудрин умирает в чахотке.

4 января. Уехала Мария Александровна, приехала Надежда Павловна. Л. Н. грустен. Вечером ряженые, Софья Андреевна — тоже (среди ряженных) и плясала.

Вечером разговор об Эдисоне. Сергей Львович говорил о его новом изобретении — удобно переносимых аккумуляторах. Татьяна Львовна сказала, что она уважает Эдисона за то, что он всегда отказывался от изобретения инструментов для смертоубийства.

Разговор о духоборцах. Сергей Львович очень интересно рассказал об отъезде из Закавказья. У него это записано. Жалко, что не напечатано. Л. Н. поощрял его напечатать¹.

Татьяна Львовна вспомнила разговор с девушкой-духоборкой о том, как у духоборов одежды распределяют. Купят на фабрике куски материи и дают на две будничные и одну святочную одежду. «А кому этого не хватит?» — «Сколько износит, столько дают». — «Но ведь много получить стыдно, соседка не износила, а я износила».

Винт с Михаилом Сергеевичем, Сергеем Львовичем и Д. А. Олсуфьевым.

5 января. Шел снег, метель; Л. Н. гулял; приехали Николаев, Абрикосов. Вечером елка. Л. Н. долго говорил с Николаевым о науке. Потом Николаев спросил Л. Н., что делать: по новому закону ответственное лицо — издатель; как продолжать издание Генри Джорджа?

Вечером Л. Н. прочел вслух «Сон»¹. Позвал нас в кабинет и раньше, чем начать, сказал:

— Возражайте больше.

Читал взволнованно, торопясь и задыхаясь. Возражали неудержимо Сергей Львович и Михаил Сергеевич.

Л. Н.: Я в конце говорю, что народ (мужики) терпеливо переносит это земельное рабство. Тут дело не в логических доказательствах, а в том, чтобы вызвать нравственное чувство. Я так заражен этим чувством, что более или менее — смотря по восприимчивости человека — это должно иметь действие (на читателей).

6 января. Кинематографически снимали Л. Н. верхом¹ и вечером показывали кинематографические картинки. Пришло в залу смотреть около 20—30 детей и столько же взрослых. Утром уехал Сергей Львович, днем — Олсуфьев. Были Мария Александровна и Буланже. Л. Н. верхом.

7 января. Вернулся Д. А. Олсуфьев от Андрея Львовича. Вернулся Абрикосов от Булыгиных вместе с Михаилом Васильевичем.

За обедом Татьяна Львовна рассказывала про похождения Дашкевича и о Кропоткине; удивлялась, что Дмитрий Адамович не знает «Записок революционера» Кропоткина¹. Л. Н. спросил, нет ли их у нас.

— Нет в библиотеке.

Л. Н. стал говорить Дмитрию Адамовичу про Герцена:

— Это тип старого революционера. Герцен — глубокий, горячий, серьезный.

Дмитрий Адамович говорил про Елизавету Федоровну (вдову убитого великого князя Сергея Александровича) и про ее отношение к убийце — Каляеву. Он советует Репину это написать.

Л. Н.: Это психологически интересно, посоветуйте ему писать².

Дмитрий Адамович говорил затем, что Елизавета Федоровна до сих пор красивая и все, что имеет, раздает всем.

Л. Н. спросил, есть ли биография Каляева.

Дмитрий Адамович: Есть записки его где-то³.

Вечером кинематограф: показывали зверей из какого-то зоологического сада на юге, Бенарес, Леонида Андреева на даче, 80-летний юбилей Л. Н. в Ясной, Крекшино. А когда должны были, по желанию Софьи Андреевны, показывать «Власть тьмы», Л. Н. ушел. Спросили, почему уходит. — «Глаза устали».

«Власть тьмы» в кинематографе — гадкая, страшная, сенсационная⁴. То, о чем автор промолчал или одним словом сказал, тут представляют мимикой, растянуто. Например, страшную сцену отравления и ограбления мужа, вырывания ребенка у родившей Акулины... Ужасно безобразно. Я не выдержал и ушел. Сказал, чтобы перестали показывать. Но Софья Андреевна просила продолжать. Отвернулись и ушли Александра Львовна, Илья Васильевич.

Дранков тот раз показывал, как купец соблазняет девуку, — Л. Н. тоже ушел.

Л. Н. рассказал Булыгину про Авдакова, члена Государственного совета, получающего в разных местах жалования и вознаграждения 250 тысяч рублей в год.

— Чего же больше воровать? — сказал кто-то.

Вечером уехали Д. А. Олсуфьев, Мария Николаевна с Сережей.

Софья Андреевна просила Дмитрия Адамовича хлопотать за Андрея Львовича, место ему найти. Л. Н. же — о Молочникове и о других.

8 января. Л. Н. здоров. Днем уехал Булыгин. Вечером милый, тихий, мягкий Хрисанф Абрикосов. Здесь крестьянин Волынской губернии, книгоноша посредниковских изданий. Л. Н. с ним гулял. Л. Н. прочел вслух очень интересное и длинное письмо Гусева¹. Описывает ссыльных Чердынского края.

Сегодня списали начисто «Сон». Вечером винт: Л. Н., Михаил Сергеевич, Александра и Татьяна Львовны.

10 января. С Л. Н. на станцию Рвы, оттуда густым лесом возле двух провалов, через два огромных отвода по высокому месту, откуда видны усадьба Ясной Поляны и Угрюмы, на Горелую Поляну. Л. Н. был очень доволен этой дорогой, которой не знал. Спрашивал сторожа и лесопромышленников про нее.

День ясный, тихий, морозный. От Черты до прешпекта, чтобы догнать наших (Татьяну Львовну с Михаилом Сергеевичем и Александрю Львовну с Варварой Михайловной) — рысью. Круг 14 верст.

После обеда Л. Н. прочел вслух Михаилу Сергеевичу свое письмо к Шкарвану¹. Софья Андреевна ужасно мешала ему читать своей игрой с

Танечкой, неумолкаемым говором и строением карточных домиков. Софья Андреевна была в азарте рассказывания.

Письмо к Шкарвану по поводу возражений Шмита, и Л. Н. говорит в нем о большей восприимчивости религиозных истин неучеными, чем учеными.

Л. Н. расспрашивал Михаила Сергеевича про законы о наследстве и рассказал, что пишет новое «Три дня в деревне»². И теперь писал о том, как внучатая племянница отнимает в собственности и продает землю у мужика, родственника, много лет жившего, работавшего у ее дяди и тети, схоронившего их...

Сегодня были три бабы по каким-то делам. Л. Н. исполнил их просьбы. Еще был человек прохожий, будто бы нарочно пришедший из Выборга затем, чтобы рассказать тайну об аресте Гусева. Говорил, что он служил в охранном отделении и что он может сказать, кто главный виновник ареста Гусева. Тот человек теперь в сумасшедшем доме. Хотел обстоятельно рассказать. Но Л. Н., не желая с ним наедине долго говорить, торопился сесть на лошадь. Так он и ушел. Еще просил пособие добратся до Варшавы. Л. Н. разъяснил ему, почему не может ему дать. Получил, как все.

Л. Н. говорил, что Сутковой пишет ему, что «На каждый день» еще лучше помогает ему разобраться в вопросах жизни, чем «Круг чтения». Л. Н. сказал, что это ему ново (от первого слышит) и приятно³.

11 января. Л. Н. проехал верхом по вчерашней же дороге 15 верст, много рысью. Свез книжечки лесопромышленникам на отводе близ Рвов — они вчера присили,— заехал к лесничему поговорить по телефону с Гольденблатом. Поговорил по следующему поводу: пополудни были у него из Кишкина мужик и баба, вдова убитого. Рассказали, как ночью в лесу Фигнера (артиста — его имение в 15 верстах от Ясной) произошло событие: они воровали (рубил) лес, сторож заметил, побежал за приказчиком, тот с пятью работниками настиг их врасплох. При этом трое крестьян были выстрелами ранены и один кинжалом убит. Осталась вдова с детьми. Л. Н. страшно поразила, взволновала, тронула эта легкость, с какой стреляют, убивают друг друга. Л. Н. привлек и Михаила Сергеевича к совещанию с крестьянами и направил их со своей карточкой и адресом к адвокату Гольденблату.

Л. Н. заглянул в «Новое время», лежавшее на фортепьяно в зале, и прочел, что Буренин в фельетоне упрекает Репина за его новогоднее пожелание, чтобы прекратились казни⁴.

Вечером Л. Н. говорил Михаилу Сергеевичу с негодованием: «Это ужасно! «Новое время» ужасно!»

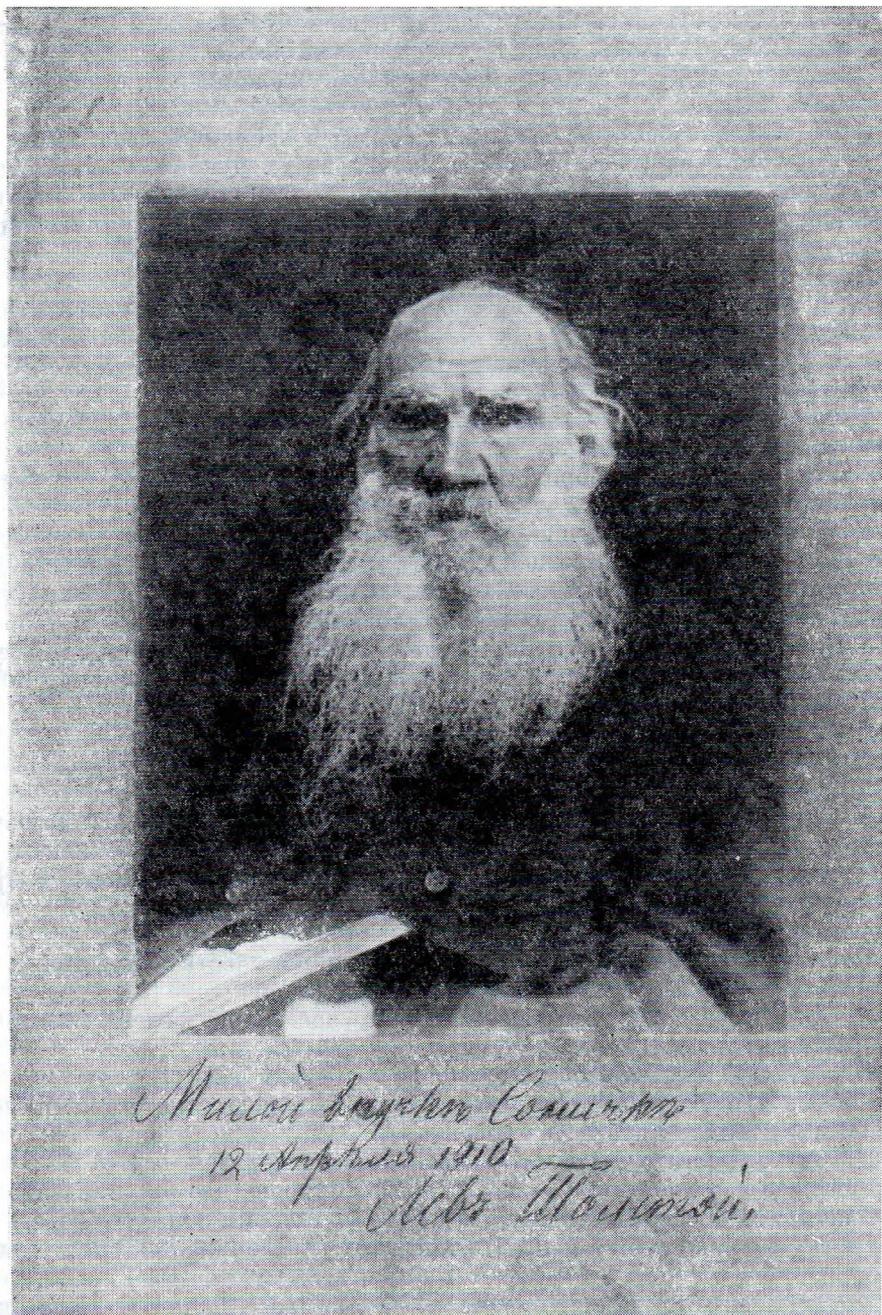
Михаил Сергеевич рассказал еще, как был убит Карпов и — по сообщению «Русского слова» — как был жандармом застрелен убийца инженера в Голутвине.

Л. Н.: Ужасно, как убийства часты и легко совершаться стали. Как же не желать умереть,— добавил с болью в голосе. Относительно Репина заметил, что прочел в «Новом времени», как Репин доволен памятником Гоголю в Москве, и сказал:

— Когда я увидел памятник, нашел его хорошим. У Гоголя страдальческое лицо, чувство страдания, он бога искал перед смертью.

— Прошел юбилей Гоголя и Чехова², — продолжал Л. Н. — Юбилей Чехова прошел для меня, как если бы его не было. Он милый, я смеюсь, когда его читаю, но он был пустой, без нравственной закваски. А у Гоголя было и то и другое.

В 7 часов вечера пришел к Л. Н. побеседовать Даниил Козлов, яснополянский крестьянин, ученик первой школы Л. Н.-ча. Л. Н. был ему рад. Приехали М. П. Новилов и Джонс.

ТОЛСТОЙ

Ясная Поляна, 1908

Фотография В. Г. Черткова с дарственной надписью: «Милой внучке Соничке, 12 апреля 1910. Лев Толстой»

«Приехала Ольга Константиновна с детьми...».— Запись от 11 апреля 1910 г.

С 7 до половины 9-го Л. Н. был на елке в Кузминском доме. Александра Львовна устроила для 114 крестьянских детей. Каждому дала узелок со сластями. Л. Н. стоял там на крыльце около дверей, стараясь предупредить давку.

Л. Н. позвал Новикова, Джонса, Козлова в кабинет и беседовал с ними с 9 до четверти 11-го. Новиков прочел вслух рукопись своей статьи «Обращение крестьянина к крестьянам» — о том, как жить крестьянам, ставя в пример такую свободную от суеверий, трезвую, семейную жизнь, какую он сам ведет.

Л. Н. о его статье:

— В высшей степени интересно, полезно. Повторения сократите; об одном предмете вы говорите во многих местах, разбросанно. Соедините в одном месте, тогда будет сильнее. Постараюсь напечатать в газете и гонорар раздобыть.

Михаилу Сергеевичу статья тоже понравилась, и он предложил послать ее Чельшеву.

— Как я живу? — говорил Новиков. — У меня мало земли, а с нее доходу больше, чем у других, у которых втрое больше земли.

Л. Н. сделал Новикову еще два замечания. Он не упоминает о следующих двух причинах бедности крестьян: первое — от разделов (все дело в нравственно-религиозном убеждении: если терпеть обиду — уживутся). Второе — вред, который вам странным покажется, — сказал Л. Н. Новикову. — Вот у Морозова (Ивана, брата Василия Степановича) умерла третья жена — у него восемь маленьких детей. Рожаются не сами собой, а от отцов.

Новиков: Крестьяне на это не согласятся.

Михаил Сергеевич: У них взгляд еврейский, что дети — благословение божье.

Л. Н.: Я не возражаю... Но все же они смотрят на детей, как на обузу. Когда я не имею возможности выводить их, тогда надо жить с женой, как с сестрой. Вот я вам сказал еще две причины. И обеих корень в нравственности. Интересно то, что вы говорите; интересно особенно, когда исходит от крестьянина.

Новиков главное зло видит в пьянстве и щегольстве. Крестьяне, побывавшие в Москве, уже неохотно слушают правду.

Л. Н.: Щегольства у вас больше, чем у нас. Народ беден потому, что развращен.

Новиков: У нас только двое не пьют, а курят все с десяти лет. До забастовок пьянства такого не было. Люди чего-то ждали, а теперь нечего ждаты, отдались питью.

Потом говорили о бродячих людях. Новиков сказал, что у него каждую шестую ночь ночуют. С одной стороны, хорошо, что русский народ не дает погибать бродячим людям, но, с другой стороны, они что соберут — по десять фунтов хлеба в день, — пропивают. Увеличивается грех — пьянство.

Л. Н.: Девять из десяти пропивают, а десятый — истинно несчастный, так что нельзя не подавать им.

Новиков прочел несколько новых вещей Л. Н. и взял с собой несколько новых книг и статей. Утром ушел.

Л. Н. (о нем): Он свободен от развращения и невежества, внушаемых народу.

За обедом Михаил Сергеевич рассказал подробно из газет, что унионисты победили либералов при выборах в Англии, и смущался тем, что не знал, и никто из нас, кто «националисты».

Л. Н.: Если быть мудрым, можно перенести это незнание; если быть любопытным, то тяжело.

Л. Н. рассказал, извиняясь, что интересуется газетами, что нынче в газете прочел: идет борьба за самостоятельность Индии, ее освобождение и, главное, без насилия. Не помнит имени индусского революционера, на многолюдном митинге говорившего речь:

— Он враг всякого насилия. Мне это было интересно,— закончил Л. Н.

Софья Андреевна: Еще новости газетные: со второго тома «Круга чтения» сняли арест; портреты Льва Николаевича разрешили в школах.

Винт. Л. Н. во время винта спросил Софью Андреевну, вклеивавшую на фортепьяно газетные вырезки о Л. Н. в книгу:

— Софья Андреевна, что читаешь?

Это его привычка спрашивать: «О чем читаете? О чем думаете?» У него всегда живой интерес к жизни окружающих.

В 11 встал от стола: «Прощайте». Поклонился и сделал рукой жест всем. «А с вами не прощаюсь»,— сказал мне и ушел, не подавая руки каждому, как это принято у Толстых вечером перед расставанием, и утром или днем при встречах.

12 января. Приехали Наживин из Геленджика, Буланже, Мария Александровна. У Наживина умерла пятилетняя дочь, и он неутешен. Л. Н. говорил Наживину о книге «На каждый день»:

— С Сытиных путаница была страшная. Его было устранили. Теперь, кажется, берется добросовестно... Из боязни перед цензурой вычеркивает много.

Наживин: Сытин напрасно торопится ставить точки. Это не нужно при большой книге. Следовало «На каждый день» сразу целой книгой напечатать.

Л. Н.: Последнее время (месяца три тому назад) я немного переделал последовательность дней, и мне предстоит работа переделать заново и в смысле языка (чтобы понятнее было народу), и в смысле распределения. Эта работа мне по душе. А вы что делаете?

Наживин: Землю копаю, деревья сажаю. Два года ничего не пишу.

Л. Н.: Это хорошо... Я знаю, что ваши книги полезны. Хорошо для вас, и для меня было бы хорошо.

Разговор перешел на бродячих людей, которых, как говорил Наживин, на Кавказе еще больше, чем здесь. Он с ними знакомится, расспрашивает их; по его опросам, 90 процентов толкнуло на этот путь безземелье. В двух случаях — предстоящая порка. Огульное пьянство среди них, пропиваются до последней степени. Работа на Кавказе всегда есть — и зимой можно получить, и хорошо оплачивается: от 80 копеек до трех рублей в день; но они, как заработают три рубля, так станут пьянствовать, все поголовно пьют. В поселке в 12 дворов 12 шинков — положение безвыходное.

Л. Н. сказал, что, по его наблюдениям, из десяти прохожих девять — пьяницы. И Л. Н. рассказал, что, хотя это бесполезно, он все-таки уговаривает их не пить, и сказал про одного сегодня:

— И вижу я, как он с улыбкой смотрит: «Что это старик болтает?!» — Все-таки сказал!

Л. Н. о книге «Almanaco del Scepobium», которую на днях получил. В ней на каждый день — одна или несколько мыслей современных писателей. «Scepobium» показывает, как проснулась потребность религиозного чувства. Самые разнообразные, самые неизвестные люди — сотрудники альманаха.

Л. Н. прочел некоторые из мыслей (он отметил около 30 из 365 дней).

Буланже заговорил об английских книжечках для народа Даниеля (или которые прислал Даниель). Они не дают никакого религиозного осознания тех основ, которые нужны для людей и которые они должны дать.

— То, что вы задумали, — сказал Буланже Л. Н-чу, — книжечки о всемирных религиях, будет нужно не только для нас, русских, а для всего мира. Я послал Мооду, который интересуется этим, Магомета, Лао-тзе. **Везде их надо пропагандировать.**

Л. Н.: А Гец наводняет меня книгами о Талмуде и, кажется, хороши-ми¹. В Талмуде узкое националистическое учение и рядом — величайшие истины. Разумеется, того много, а этих мало.

13 января. Уехали Наживин и Мария Александровна. Отвозила ее Александра Львовна на Сарте, который с трудом тянул. Александра Львовна вследствие этого заболела.

Л. Н. сделал верхом 15-верстный круг с Филькой. С 7 до 7.30 Л. Н. сидел у Александры Львовны, там видел книгу рассказов Горького¹. Александра Львовна похвалила «Вареньку Олесову».

За чаем Л. Н. об этом и прочих рассказах Горького:

— Не народный язык, фальшиво до невозможности. Все фальшиво: и описание природы, и сравнения...

Сидели за чаем: Л. Н., Софья Андреевна, Михаил Сергеевич и Татьяна Львовна. Варвара Михайловна переписывала на ремингтоне.

Л. Н. искал, что прочесть вслух. Я предложил Поссе «Встречи с Толстым» в книге, на днях полученной². Л. Н. не вспомнил тотчас, кто такой Поссе. Посмотрел и не желал прочесть. Зашел разговор о Поссе. Л. Н. сказал, что Поссе произвел на него при последнем посещении хорошее впечатление³. Татьяна Львовна говорила о том, что Поссе просит ее (Полилова) статью в «Жизнь для всех».

Л. Н.: Чего же лучше, пошли.

Смотрели «Жизнь для всех» (№ 2). Л. Н. не читал. Номер первый, вышедший в декабре, читал и очень подробно о нем высказался⁴.

Между тем М. С. Сухотин читал про себя «Встречи с Толстым» и затем стал читать вслух со страницы 118 разговор Л. Н. с Горьким о «Фоме Гордееве»: «Л. Н.: Начал читать, не одолел. Все выдуманно... Вот есть у вас рассказ «Ярмарка в Голтве». Этот мне очень понравился. Просто, правдиво».

Л. Н.: Это так.

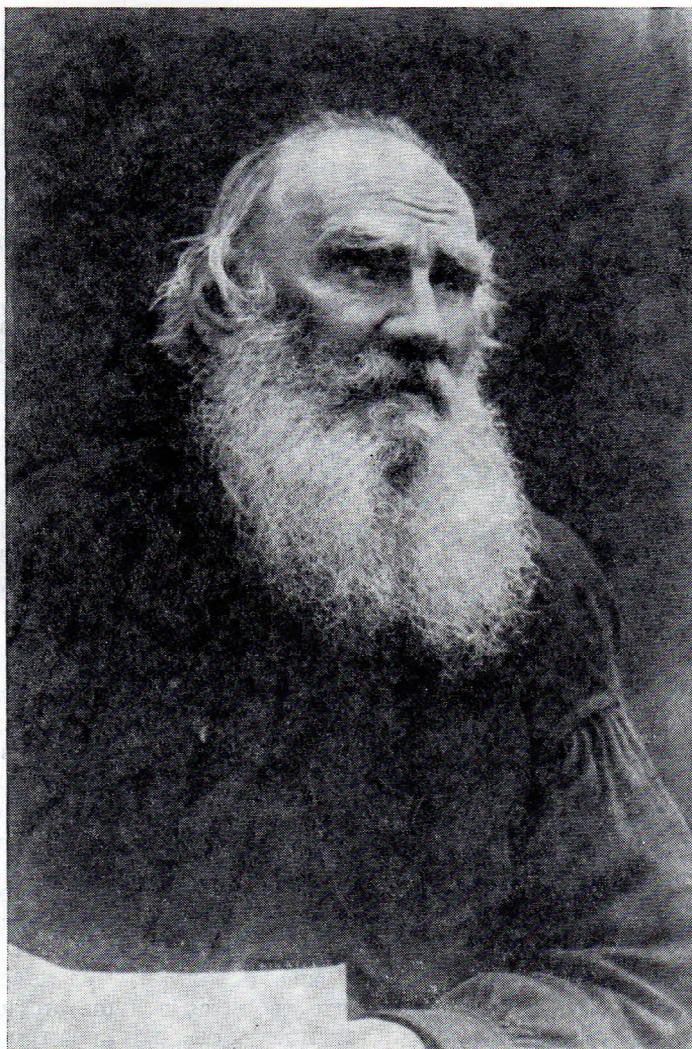
Когда же Михаил Сергеевич кончил это место, Л. Н. сказал: «Аминь» («Это хорошо»).

Л. Н. прочел вслух, несмотря на очень трудный почерк, сегодня полученное письмо бехаиста П. Полизоиди из Решта в Персии, где изложено учение Беха Уллы и даются сведения о распространении и преследовании этого учения в Персии. Л. Н. был письмом очень доволен, хотя в нем описаны такие дела (наряду с отказом от военной службы) — у бехаистов есть свой суд, и они присуждают и на смерть⁵.

В зале Дворянского собрания в Туле концерт московских цыган в пользу глухонемых. Александра Львовна с Варварой Михайловной поехали на лошадях, я — по железной дороге. Возле меня сидевший солдат спросил меня: «Вы чьи будете?» — «Яснополянский». — «Что же Толстой? Он еще жив?» — И рассказал, что его дядя был 15 лет тому назад у Толстых в экономии и что Л. Н. помогал (крестьянам). Сидевший тут же полунинтеллигент спросил его: «Как же помогал — деньгами?» — «Всячески: кому деньгами, кому землей. Если дать рубль нашему брату — пропьет, какая же помощь? А учить, как жить, — вот это помощь».

Концерт московских цыган (12 женщин и девушек и 9 мужчин) мне очень понравился, особенно Оля Степанова («Колокольчики, бубенчики звенят») и девица Мархоленко.

14 января. Были М. В. Булыгин с Сережей. С Л. Н. на Горелую Поляну, станцию Рвы, 15 верст. Булыгин рассказал про предстоящую ему записку на суде трех крестьян из соседней ему деревни Юрьевки. **Так как**

ТОЛСТОЙ ВО ВРЕМЯ РАЗБОРА ПОЧТЫ

Кочеты, 19 мая 1910 г.

Фотография В. Г. Черткова

дело считается очень серьезным, будет судить Московская палата. Выпившие возвращались с базара с обозом и не давали дороги почте, повздорили со столь же выпившими почтальоном и ямщиком. Это дело раздули в нападение на почту.

Л. Н. заинтересовался и хочет пойти в Тулу слушать.

Л. Н. рассказал, что читал в газете: Московский университет обходится правительству в один миллион в год, и больше всего студентов-юристов⁴. Очевидно, афера привлекает к праву.

Татьяна Львовна вспомнила знакомого, который на вопрос: «Ваши сыновья медики?» ответил: «Три медика, четвертый в прохвосты пошел».

15 января. Волконский умно построил дом и флигеля Ясной Поляны — на юго-восток фасадами.

Л. Н. (за обедом): «Новая Русь» — молодец. На кооперативное движение каждый день — отдел, и на духовное...

Л. Н. принес письмо Новикова, крестьянина и телятинского учителя.

— Характерное письмо,— сказал Л. Н. и продолжал: — Солдат молодой, который бывал у Черткова, просит прислать книг, чтобы распространять. Тон письма революционный, хотя он пишет, будто бы он за бога и за религию, а подкладка такая революционная. Он весь революционер.

Л. Н. поэтому решил не посылать ему книг («Солдатской памятки» и пр., каких он просит) для распространения, чтобы не подвергать опасности молодых солдат, а только послал ему по одному экземпляру всех книг, какие есть.

Винг.

Александра Львовна встала. Вчера и сегодня Ольга Константиновна помогала отвечать и посылать книги. Сегодня получено не меньше 30 писем. Ежедневно отвечают Л. Н., Александра Львовна и другие и посылают книг от 5 до 15 пакетов или бандеролей.

16 января. С Л. Н. в Туле на заседании Московской судебной палаты*. Судили крестьян, ехавших с обозом и не давших дорогу почте, повздоривших с почтальоном. А когда стражник, сопровождавший почту, вынул пашку, они выхватили ее и отняли у него револьвер. Случилось это рано утром между Ясенками и Крапивной. Пристав Грессер, составлявший протокол, представил дело так, что крестьяне хотели ограбить почту, и судебное следствие задалось целью сделать громкое дело.

Булыгин, знающий обвиняемых крестьян (они из подкрапивенских деревень) и взволнованный нелепостью судебного следствия, взялся защищать крестьян и рассказал об их деле Л. Н.-чу. Л. Н. был изумлен недобросовестным, глупым и злонамеренным поведением властей в этом деле и возможностью строгого наказания мужиков и решил поехать на разбор дела — по-моему, главным образом, для того, чтобы своим присутствием заставить судей добросовестнее вникнуть в дело, а не формально отнестись к нему. Но, кроме того, Л. Н. хотел видеть находящегося в тульской тюрьме в предварительном заключении мужика, рабочего в имении Фигнера, и поговорить с ним. Тот с другими рабочими и приказчиком пошел делать облаву и убил кинжалом мужика, воровавшего лес. Л. Н. хотел узнать его психологию. Его чрезвычайно взволновало это трагическое событие: как, зачем это «брат на брата»; что творится в душе этого человека и что творилось; что заставило его так поступать. Это событие было для Л. Н. огромной важности и значения. Л. Н. оставался в недоумении, он очень интересовался им, очень хотел раскусить его. Заседание суда прошло прилично. Из судей говорил только один старший, объективно, разумно, беспристрастно. Впечатление было хорошее. Такое же от симпатичного прокурора. Защитник (Б. О. Гольденблат) говорил убедительно, мягко. Но мне не понравилось, что он заставлял обвиняемых лгать (отрицать, что они отняли револьвер у стражника, ехавшего с почтальоном). Обвиняемые смущенно, несмело, тихо отрицали это. Эта ложь, фальшь видна была всем. Но ни судьи, ни прокурор из приличия не показали, что замечают ее. Наверно, из-за того, что эта лазейка была нужна, чтобы они не только по совести, но и по закону могли оправдать обвиняемых. В обвинительном акте особенное значение было придано тому, что с почтой везли деньги и сколько. Об этом долго говорилось.

Л. Н.: Это не нужно, искусственно; скучны эти формальности. Пустое занятие.

Пока суд выносил приговор, заходили к Ивановым позавтракать.

* Следующая далее запись Маковицкого о поездке в Тулу внесена им в дневник 4 марта 1911 г.— *Ред.*

Разбиралось еще другое дело при закрытых дверях; публику попросили удалиться. Когда уходил Л. Н., ему предложили остаться, если ему интересно.

Судили высокого, очень бледного, изнуренного, нервного молодого человека за революционную деятельность¹. Он уже долго сидел (полтора года) в предварительном заключении, и присудили его еще что-то к двум годам заключения. Л. Н-чу он был очень жалок. У подсудимого глаза горели, как у чахоточного, вел себя несмело, был почти безучастен к разбору своего дела, неохотно и мало отвечал. Был как затравленный, ослабевший зверь.

Обратной дорогой Л. Н. сказал мне: «Я теперь думаю, что предположение, будто старость ослабляет духовные силы, неверно. Она углубляет, очищает их». Потом сказал: «Когда свидетелей к присяге приводили на Евангелии, я хотел сказать, чтобы открыли (на том месте), где клятва запрещается. Я с трудом удержался».

Вечером Л. Н. рассказал про суд:

«Скучно это повторение бесконечное председателем. Лопатин — тот очень мягко нападал».

Потом рассказал о разговоре с другим прокурором, с немецкой фамилией², по делу об убийстве крестьянина в лесу Фигнера. «До суда никто не допускается к обвиняемому, исключая родных». До такой степени глупо это на суде.— «Я не могу никак (вас допустить). Объясните мне цель свою»,— сказал Л. Н-чу прокурор.— «Цель моя — узнать, как мог человек совершить такое убийство». — «Этого никак не могу. Если бы вы были родной...» — «Я самый близкий родной»,— сказал Л. Н.— «Но, впрочем, я узнаю, где он содержится».

Через час прокурор передал через Гольденבלата, что подсудимый находится под строгим наблюдением и в другом ведомстве.

Л. Н.: Особенно трогательны эти сторожа, солдаты. Я хотел бы уяснить их психологию. Они не могут этим интересоваться.

17 января. Приехал Булгаков от Черткова, сообщив, что остается жить в Телятинках и будет помогать Л. Н. Привез корректуру Января «На каждый день». Л. Н. хочет ее исправить по измененному им введению (последовательность дней другая). Булгаков будет делать работу Белинского, будто бы заболевшего сыпным тифом,— переписывать письма и др., и Гусева — корректуры исправлять. Думаю, что Л. Н. ему рад, а барышни — нет: они ревнуют.

Приехали М. А. Шмидт и П. А. Буланже.

Мария Александровна рассказала мне, что произошло в ее последнее посещение Ясной Поляны. Она осудила способ воздействия Владимира Григорьевича на Л. Н. (неделикатный тон его писем в декабре, раздраживший и Александру Львовну; он требовал от Л. Н. без его посредничества не давать никому никаких статей¹) и сказала, что Чертков живет будущим, т. е. чтобы в будущем мог издать полное собрание сочинений Л. Н., и из-за этого не живет настоящим, нарушает добрые отношения к людям. Это и высказала А. Сергеевко, а он передал Черткову. Чертков в доказательство того, что он духовно живет, послал Марии Александровне свой дневник последнего времени, где его размышления о боге, но Мария Александровна и после прочтения осталась при своем. Л. Н. не соглашался с ней и накануне ее отъезда из Ясной сказал ей по поводу ее осуждения действий Черткова, что она злая. Мария Александровна ту ночь не спала и утром не уехала, дождалась Л. Н-ча. Л. Н., вероятно, тоже не спал и утром со слезами признал, что тут Чертков не прав.

Александра Львовна тяжело переносит просьбу Черткова, чтобы его писем к Л. Н. никто не читал. А она как секретарь отца хочет быть в курсе дела.

Вечером винт.

Огромная почта. Л. Н. сам многим отвечает.

Сегодня была суета. За обедом 15 человек. Есть известная граница, при скольких домашних и гостях несуетливо.

18 января. Был Булгаков, и Л. Н. с ним с часу до половины третьего работал над корректурой «На каждый день. Январь». Множество просителей и советующихся по судебным делам. Л. Н. очень устал, не пошел гулять. Писем получено 20. На некоторые Л. Н. не ответил, потому что не доставало времени и сил. Между прочим, итальянцем, спрашивающим о Ватикане: если его исключить из Италии, как с ним дальше бороться? — Л. Н. сказал, что внешними средствами бороться не годится. Если Ватикан будет в середине Китая.....*.

По поводу 50-летия со дня рождения Чехова газеты пишут о нем. В «Утре России» его не вошедший в полное собрание сочинений рассказ «Доктор»¹.

Л. Н. (о нем): Нехорош. Как это характерно для Чехова — как он относится к этим предметам. Серьезный вопрос шуточно трактует.

19 января. Не было гостей. Л. Н. верхом, за ним на двух санях Сухотины, дети Ольги Константиновны и Андрея Львовича. Круг через Горелую Поляну, Рвы.

Сегодня отосланы Черткову «Подати» и «Живущие и умирающие» (из «Трех дней в деревне»)¹.

Л. Н. третьего дня высказал охоту написать о Масарике в «Ram'atnik», издаваемый по поводу его 60-летия. Сегодня же вечером мне сказал:

— Я хотел писать о нем, но так напряженно занят новой работой, что отложил, и был очень рад, что, (если) буду жив, увижусь с ним**.

Новая работа Л. Н. — это усиленная с вчерашнего дня переработка «На каждый день. Январь»: по новой последовательности дней и начало нового «На каждый день. Январь» — для народа. Л. Н. старается упрощать, сокращать и выражать мысли понятнее для народа. Большой, одному ему под силу труд.

М. М. Сухотин уезжает в Верный на должность чиновника особых поручений при губернаторе. Л. Н. ему завидовал, что едет туда:

— Прелесть этой глухой местности по письмам знаю. Постарайся повидать Петерсона, это предобрый человек, прекраснейший малый, и который ко мне враждебно относится потому, что я не разделяю его веры.

20 января. С половины второго почти до трех у Л. Н.-ча Булгаков; работали над корректурами. Утром уехал М. М. Сухотин.

Л. Н. понукал меня, чтобы я поехал в Скуратово к мужику, приехавшему за мной, чтобы отвезти к больному сыну.

За обедом Л. Н. молчал.

Вчера за обедом Л. Н. прислушивался к загадкам, которые, отчасти сами выдумывая, задавали Танечка и Илюшок. Танечка придумала: «Садится, ложится, а не вертится. Что это?» — «Папа». И сам Л. Н. задавал и решал загадки.

Сегодня Л. Н. рассказал про нищего мальчика и человека, прибывшего из Одессы, хотевшего прочесть свою драму. «Мне некогда и не интересуюсь литературой», — отклонил Л. Н.

Софья Андреевна говорила об истории своей жизни, которую пишет, и о своем намерении пригласить себе помощницу-переписчицу, т. к. Варвара Михайловна помогает уже не ей, а Л. Н.-чу.

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

** Я сказал Л. Н.-чу, что сегодня получил открытку от Велеминского, что Масарик в марте собирается посетить ненадолго Россию. Кончает книгу о Достоевском и современной России. Собирается приехать к Л. Н. и Черткову.

Сегодня Л. Н. особенно много сделал. Переделал 12 дней из Января и еще какие-то два-три числа (вторые и третьи числа) для Черткова. Кроме того, прочел 20 писем, отвечал¹ и разговаривал с мужиками об их судебных делах. Эти совещания по судебным делам бывают Л. Н. тяжелы. Вечером сел играть в винт, но вскоре встал, передал карты Софье Андреевне и сам пошел заниматься книгой «На каждый день». После этого, когда вышел в залу, не помнил, когда умерла Мария Львовна, спрашивал, были ли у нее дети.

Лег в полночь.

21 января. Л. Н. с 18-го напряженно работал, а раньше, с самого Рождества, не было для него обыкновенного спокойного дня, переутомился. В эти дни кончил свои новые статьи «Сон», «Три дня в деревне» и стал переделывать «На каждый день».

Сегодня проснулся в 10 часов. Вышел в халате в залу, не узнал Илюшка и Танечки. Потом медленно умывался, одевался и в 11 пошел гулять: ходил по аллеям и спустился до самого нижнего пруда, очень быстро (лихорадочно) шагая. Назад, в гору же — очень медленно, останавливаясь на подъемах. Вошел в кабинет и, так как знобило его, надел халат; накрыли ему ноги. Сел письма читать, но читал их (шесть) чуть ли не больше двух часов. Помечал, как всегда, содержание и ответы. Пульс 86—90, правильный, головная боль. В 2 часа пульс 78, температура 37,2. Софья Андреевна уговаривала его выпить боржому, поесть, лекарство принять. Л. Н. это раздражало, отклонял:

— Ничего не хочется, ничего мне не нужно. Дай самому знать, что делать.

В половине третьего лег одетый в постель. Спал до шести, в шесть разделся. Л. Н. так весь день ничего не ел, не пил. В 7 часов позвал на 10—15 минут М. В. Булыгина, позже — П. А. Буланже, случайно прибывших. Еще диктовал несколько мыслей мне (четыре) и Александре Львовне. Диктовал бы больше, но Софья Андреевна, как только звал Александру Львовну, тоже входила и так много говорила, что Л. Н. забывал, что хотел диктовать.

Софья Андреевна сидела в гостиной и раз, когда Л. Н. звал, сама послала меня в нему, сказав: «Я его раздражаю».

22 января. Ночь с 21 на 22-е. Л. Н. спал спокойно, встал и стал одеваться в начале 9-го, но, почувствовав слабость, опять лег часа на полтора. Не выходил из дому. Писем около 30-ти, все прочел и на некоторые ответил. Особенно длинно и ясно — о «священном писании», о боге и душе — Мельникову¹. Переделывал переписанный на ремингтоне «На каждый день. Январь».

Татьяна Львовна ездила в Овсянниково. Рассказала, что Буланже кончил свою работу о Будде; уверен, что то, что он написал о Конфуции и Будде, никогда не высказывалось. Хочет перевести на английский, французский. Он пользовался огромной литературой².

Пополудни была у Л. Н. девица за поддержкой. Каялась, рассказала, плача, свою жизнь.

За обедом Танечка просила загадку.

Л. Н.: «Что бедные на землю бросают, а богатые в карман кладут?» — И сам помог ей разгадать: «Что из носу течет».

Л. Н. говорил про письмо доктора Александра Голицына о кооперативах. Очень хорошее письмо³.

На днях же Л. Н. очень возмутился письмом (ответом) А. М. Кузминского, в котором Кузминский очень неясно излагает, что по своему сенаторскому положению или убеждениям не исполняет просьбу Л. Н.⁴ Л. Н. писал ему по поводу приговора над Фельтеном.

Винт.

В «Тульской молве» 21 января⁵ очень хорошая статья о впечатлении, произведенном на судей и прокурора присутствием Л. Н. Судьи стали на это время братьями людям. Писал, вероятно, прокурор Лопатин, подписано *Кин*. Под этим псевдонимом пишет Иванов, сын ветеринарного врача. Л. Н. прослезился, читая про себя.

23 января. Л. Н. утром делал себе массаж и просил и меня. Спросил, не получал ли я каких писем, его касающихся. Я сказал про письмо Поссе, который мне пишет, между прочим: «Бернштейн (личность очень темная) возобновил «Журнал для всех» против воли Миролюбова и ввел в заблуждение писателей и читателей. Пишу об этом в журнале, т. к. в рекламах значится в числе сотрудников Л. Н. Толстой. Если это фокус Бернштейна, то следовало бы Александре Львовне послать письмо в газеты, что в новый «Журнал для всех» Л. Н. Толстой никаких статей не давал». Л. Н. не ответил ничего. Александра Львовна же не имеет охоты отвечать. Бернштейн воспользуется тем, что никто не отвечает на его злоупотребление именем Л. Н.

Л. Н. получил письмо доктора Александра Голицына о кооперации, вызванное ответом Л. Н. (через меня) в Бюро кооперативных обществ в Киеве. Л. Н. дал прочесть письмо вслух и ответил на него.

Софья Андреевна совсем нервна, измучена, разные невралгии, внутреннее недовольство, неудовлетворенность яснополянской жизнью. Волнуется — и Л. Н-ча волнует. С Александрой Львовной ссорится. Александра Львовна тоже на нервы жалуется, а Ольга Константиновна тоже ими страдает, плачет... Варвара Михайловна то же самое, только в меньшей мере.

Л. Н. сегодня утром занимался за столом книгой «На каждый день».

Л. Н.: В «The Standard» прекрасная статья о начинающемся увеличении податей в Англии, а другая — об увеличении числа бедных в Англии же.

Л. Н. задумался и сказал:

— Как теперь с ужасом пишут о том, что секли когда-то, так будут с ужасом писать, что земля была собственностью.

Сегодня приезжал барон Шиллинг, сорока лет, чтобы видеть Л. Н.

24 января. Л. Н. утром, после двухдневного недомогания, первый раз вышел гулять.

За обедом был молчалив, задумчив. Теперь с Михаилом Сергеевичем так не беседует, как раньше. Михаил Сергеевич сам менее ищет общения, кроме шахмат после обеда, меньше рассказывает. Михаил Сергеевич видимо одряхлел в последние месяцы. Л. Н. же стал более задумчив. Может быть, его утомляет переработка «На каждый день» и заставляет его задумываться и в обществе. После обеда читал полученные письма. Между прочим, одного революционера С. И. Мунтянова, получившего от Л. Н. «Неизбежный переворот». Письмо Мунтянова страшное: «Кровь, кровь, рабочим истребить своих врагов и не щадить ни их, ни их детей». Л. Н. был глубоко потрясен этим письмом и ответил на него¹.

Л. Н. говорил о другом письме. В нем такая фраза: «Жалчею галку убить, чем человека, потому что у галки взять нечего, а у человека хоть рубль»².

Л. Н.: Я думал, что это означает, что галка не виновата.

Сегодня в полученном номере журнала «The Monist» (Chicago, January, 1910) Л. Н. прочел статью «The personality of Jesus in the Talmud».

Л. Н.: Взгляд на Христа с точки зрения Талмуда, почему его судили, повесили. Я только посмотрел.

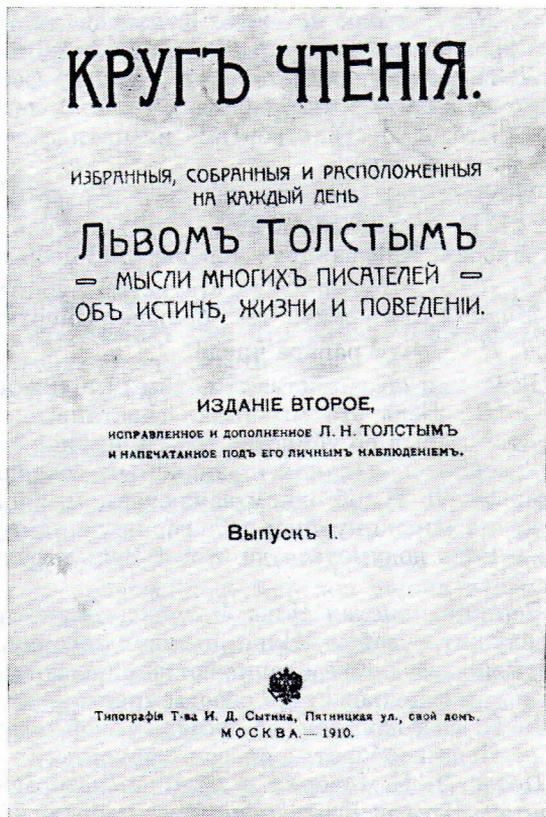
После шахматной партии в девятом часу Л. Н. ушел в кабинет и вернулся к чаю с книжкой «The Monist» и сказал, что прочел эту статью.

«КРУГ ЧТЕНИЯ. ИЗБРАННЫЕ, СОБРАННЫЕ И РАСПОЛОЖЕННЫЕ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ МЫСЛИ МНОГИХ ПИСАТЕЛЕЙ ОБ ИСТИНЕ, ЖИЗНИ И ПОВЕДЕНИИ»
(МОСКВА, 1910)

Издание второе (И. Д. Сытина).

Выпуск I
Обложка

«Круг чтения», первая часть
Январь — Март. «Это после посредниковского — второе издание, и в нем есть поправки Л. Н.».—
Запись от 5 апреля 1910 г.

— Это страшная история, ну, вот, я вам скажу по пунктам,— и Л. Н. заглядывал, перелистывая, в книжку, где отметил карандашом места и говорил: — Обвинение в том, что он (Христос) ложно утверждал, будто он сын девы; что Мария была замужем, убежала, совершила грех. Все эти места в Талмуде, писанные в третьем веке,— ответил Л. Н. на вопрос Михаила Сергеевича,— в которых говорится осудительно о Христе, старательно были выкинуты из Талмуда евреями и теперь старательно вставляются. Что он в Египте выучился магии; что он шептал над больными... исцелял — что это колдовство; что Христос родился от распутной женщины, жил 33 года... что судили его за его колдовство и за то, что он называл себя сыном Божиим (богом); что он был побит камнями и потом повешен на кресте — это в самих памятниках говорится; потом что его украли ученики — это тоже в исторических памятниках.

Ольга Константиновна спросила, что значит «monist».

Л. Н.: Единый.

Татьяна Львовна заговорила о переводе французской повести, присланном Л. Н-чу М. С. Дудченко из Полтавы. Повесть оказалась очень интересна, но многословна. Отношение автора к Лурду отрицательное, но он верит, что гипнотизация имеет действие, что девушка не могла ходить, а пошла.

Л. Н.: Тут ужасна эта вера, что то, что сказано в Евангелии, так же реально, как то, что эта свеча горит.

Софья Андреевна возразила Л. Н., что он противоречит себе, когда не верит во все, что сказано в Евангелии. Почему же верить в одни слова Евангелия, а в другие не верить?

Л. Н.: Я в них не верю. Нужно связное мировоззрение. В Евангелии есть прекрасные мысли, как и у Конфуция.

Л. Н. после шахмат прочел Михаилу Сергеевичу вслух одно стихотворение мужика о трех братьях.

— Это одно стихотворение из пятидесяти, которое хорошо: характерный русский язык.

Михаил Сергеевич сказал, что первая половина хороша, а дальше — нет. *Л. Н.* согласился с ним и письмо похвальное, которое написал автору, просил Александру Львовну не посылать. Она разорвала его³.

Л. Н.: В «Новой Руси» статистика убийств и смертных казней⁴.

Михаил Сергеевич: Чего больше? Смертных казней?

Л. Н.: Почти равное число.

Говорили об убийствах знакомых, близких.

Л. Н.: Ведь это мы такие счастливые, что у нас убийств не было. (*Л. Н.* позабыл об убийстве своего шурина⁵ в 1907 г.).

Говорилось о каких-то знакомых, совершивших на днях самоубийства в тюрьме. *Л. Н.* об одном заключенном, вложившем шею в петлю и в то же время опрокинувшем себе горящую лампу на голову:

— Ведь додуматься до этого! Ведь страдания в тюрьме довели его до этого!

Сегодня приехал Илья Львович. Давно не был. *Л. Н.* спрашивал его, где служит, — забыл. Илья Львович говорил, между прочим, о том, что в Крестьянском банке оценивают землю, когда покупает общество, дороже, чем когда отдельные — в собственность — на хутора.

Л. Н. был изумлен, не ожидал такой нелепости.

— Надо наоборот, — сказал с грустью.

После *Л. Н.* говорил о мужике, который был сегодня из мест около Кочетов. Их три брата, живут по городам. Он возвращается из Москвы, где искал работы, но не нашел. Пальто хорошее, а штаны все в дырах. И отец все продал по закону 9 ноября.

25 января. За завтраком *Л. Н.* читал вслух письмо из елецкой тюрьмы, как там тесно, грязно: в баню водят раз в два месяца, ложек нет, хлебают суп стаканами, у кого есть. Кашу получают в руки. Пишущий был у *Л. Н.* и по уходе из Ясной Поляны убил двоих (должностных лиц). Просит послать его письмо в Государственную думу.

Л. Н. говорил про письмо Калачева (крестьянина), сидящего за отказ, что оно хорошее¹. Вчера получено письмо из бийской тюрьмы от отказавшегося солдата².

Л. Н. получил английскую драму «The Servant on the House» by Ch. Kennedy со льстивым немецким письмом Фрейнда, драматического критика³.

Л. Н.: Английская пьеса, кажется, нехороша.

Л. Н. с П. А. Буланже.

Александра Львовна сегодня возмутилась письмом Черткова, в котором он пишет, что желает, чтобы Булгаков помогал *Л. Н.*⁴

Пополудни уехал Илья Львович. Вечером были Буланже, Булгаков и приехавший Скипетров.

Михаил Сергеевич пригласил Илью Львовича с собой в Италию.

26 января. Были Андрей Львович с Екатериной Васильевной прощаться, уезжают из Таштыкова жить в Петербург, где Андрей Львович получил место чиновника особых поручений у Столыпина. Сердечно прощались с ним.

Л. Н. давал советы Андрею Львовичу. Софья Адреевна — практические советы обоим.

Михаил Сергеевич: Это ни к чему, вернутся.

Андрей Львович — член Национального русского союза — с одушевлением указывал в программе некоторые подчеркнутые места. («Новое время», 22-го) ¹. Михаил Сергеевич ему показал противоречие между самодержавием и «незыблемостью конституционального строя», которую признает Национальный союз.

За завтраком Л. Н. сказал:

— Шкарван пишет о Шмите, что он не понимает христианства, и о славянском патриотизме ², которым и я тоже грешен, потому что я тоже нахожу, что западные люди многого из того не понимают, что понимает (может понять) славянин.

Я: Но славянский патриотизм — духовный, не исключительный.

Л. Н.: Славянский патриотизм тем лучше, что он вне государственности; он в области духовной, религиозно-нравственной.

Л. Н. спросил, что пишет мне Шкарван. Речь о Шкарване. Все его помнят.

Л. Н.: Шкарван умен, работоспособен и близок нам.

Вечером приехал П. А. Сергеенко; привез граммофон от общества, который раньше Л. Н. отклонил, и пластинку со словами Л. Н. из «Круга чтения». Сергеенко приехал и по делу печатания писем Л. Н.-ча. Чертков требует, чтобы были по rights reserved *. А у Сергеенко контракт с американским книгоиздателем — с неустойкой. Чертков решил этот вопрос так: Л. Н. должен от себя написать письмом, вызывающее к лицам, к которым он обращался, чтобы его письма свободно печатались.

Сергеенко, как всегда, много говорил Л. Н., сидевшему в кресле у дверей. Избавила Л. Н.-ча Софья Андреевна, позвав чай пить. Сергеенко говорил о том, как случилось, что не состоялось свидание Л. Н. с Николаем Александровичем (царем). Ухтомский устраивал его, но был отозван из Крыма в Берлин по каким-то японским делам, и отъезд царя из Крыма в Петербург случился в его отсутствие. Сергеенко рассказывал про великого князя Николая Михайловича, которому Л. Н. написал 26 писем и который по скромности своей не хотел позволить печатать их, но согласился ввиду того, что они интересны как произведение Л. Н. ³

Разговор между Михаилом Сергеевичем, Софьей Андреевной и Сергеенко о царях, великих князьях; хвалили их.

Л. Н.: Эти высокопоставленные, когда становятся людьми, делаются особенно обворожительны.

Сергеенко говорил, что продолжают смертные казни, хотя никто их не требует — одно «Русское знамя».

Татьяна Львовна: Общество требует.

Л. Н.: Ты совершенно права. Я получаю по 30 писем в день и знаю, что есть поддерживающие смертную казнь: «Новое время», Столыпин, Меньшиков.

Л. Н. нынче получил письмо от наивного мужика, просит книжек, а главное — Свод законов. Для него закон один — религиозный. Если господа пишут законы, так они соответствуют закону божию.

Разговор о рабочих. Андрей Львович утверждал, что русские фабричные или углекопы работают одинаково с иностранными. Татьяна Львовна рассказала, как в Англии или в Америке требовательны к рабочим. Около бьющих камень стоят безработные, и, если кто-нибудь из рабочих медленно бьет или отдыхает, надзиратель ставит другого на его место. В Америке, набирая рабочих, ощупывают мышцы: «Good for nothing» **.

Л. Н. сегодня верхом, я с ним.

* без сохранения авторских прав (англ.).

** «Ни на что не годен» (англ.).

Уехала Ольга Константиновна с детьми в Тулу, между прочим, и по делам продажи Таптыкова. Александра Львовна с Варварой Михайловной на концерте Кубелика.

Л. Н. сегодня говорил с прохожими о водке. Он всегда всякого спрашивает и каждому говорит, как «Carthago delenda est»*. Двое отпирались, говорили, что не пьют; один сознался, что, разумеется, водка его свихнула на бродяжничество. Л. Н. вывел заключение, что отпирающиеся — худшие пьяницы.

28 января. Тепло, тихо; верхом с Л. Н. У Л. Н. был мужик, кишкинской церкви сторож. Священник пьющий отбил у него жену и теперь выгоняет из сторожки, а крестьяне отстаивают, т. к. сторожка — их, а не священника. Л. Н., к моему удивлению, послал его к адвокату.

Вечером был Буланже. Говорил о книге Анны Безант¹.

Л. Н.: Она налегает на то, что слабо, что ошибочно, а Вивекананда — на то, что истина.

Буланже: Безант говорит, что у всякого своя дхарма (нравственность) и у каждого разряда людей должна быть своя нравственность.

Л. Н.: Человек в соответствии с той степенью, на которой находится разряд, должен подняться выше. Основание верное. А что каждый человек должен свое стремление исполнять — это софизм. Кроме того, это «духовное движение человека?» навсегда останется тайной. Разбойник на кресте сразу двинулся, а другой целую жизнь проживет, а не двинется дальше.

Л. Н.: Нынче получил письмо очень интересное от солдата, который описывает, что он в детстве любил читать: купил себе — отец раньше не позволял — сочинения Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого. Привез в казарму и должен был снести ротному командиру. Тот отдал ему обратно все книги, кроме Толстого.

Михаил Сергеевич: Это значит только то, что ротный командир очень любит Толстого.

Л. Н.: Очень хорошее письмо, прекрасное².

Буланже спрашивал о плане книжек-самоучителей: первая — книга о духовной жизни; вторая — как добывать себе хлеб; наука о земледелии была высоко поставлена у вавилонян.

Л. Н.: Теперь у китайцев.

Буланже: Третья — история.

Л. Н.: История, которая приурочена к нравственному пониманию жизни. Тут должна быть отрицательная сторона: что совершается и что не должно совершаться.

И еще разговор о книге Павла Александровича о Конфуции, в которой говорится, что Конфуций был против всякого правительства, против обрядностей, и про его определение религии. Горбунов хочет это опустить. Буланже не соглашается; думает, что грех распространять книги цензурованные. Например, «Неизбежный переворот» Л. Н. и другие в таком виде, как напечатаны теперь в России.

Л. Н. сказал, что будет отстаивать «Конфуция» у Ивана Ивановича, чтобы он в нем не делал пропусков.

«Будду» Л. Н. хочет послать В. А. Поссе в его «Жизнь для всех»³.

— Поссе — близкий человек, а «Вестник Европы» — «приличный» журнал, мне совершенно чуждый, — говорил Л. Н. и спросил, когда я переписывался с Поссе и получен ли второй номер его журнала.

Софья Андреевна сегодня ночью уехала на пять дней в Москву.

29 января. Уехала Софья Андреевна. Все в доме почувствовали себя свободнее и спокойнее. Приехала Ольга Константиновна с детьми. Рас-

* «Карфаген должен быть разрушен» (лат.).

сказала, чем кончились хлопоты Олсуфьева о Черткове. Столыпин предложил Черткову написать прошение. Тот отказался.

Я до 4-го часа в лечебнице. Л. Н. поехал с Филькой. Чувствовал себя нехорошо, немного знобило его, есть не хотелось, уговорили поест. Ездил в Телятинки к гостям: Токареву, Граубергеру, которых пригласил на следующий день к завтраку. Там теперь живут Федор Иванов, Федор Перевозников, Егор Кузевич с сестрой Машей, которая учит телятинских детей, Булгаков, Скипетров.

Л. Н. за обедом рассказал, что получил письмо от Ивана Ивановича. Дела его нехороши (финансы «Посредника»); его будут судить еще за три книжки — одна о крестьянских союзах и две Генри Джорджа («Елиный налог»).

Л. Н.: Нынче я читал в рукописи Буланже «Будду». Прекрасно составлено.

Л. Н. получил письмо духобора Рыбина с газетной вырезкой; просил найти всю статью, и Михаил Сергеевич и Татьяна Львовна прочли ее вслух: «Община и отрубной участок в Канаде» кн. Г. Львова («Русские ведомости», № 21, 27 января). Г. Львов был у Л. Н. в 1905 г. После был депутатом Первой думы от Тульской губернии. Львов говорит о том, что преуспевание канадцев на отрубных участках в 59,2 десятины размером зависит от общей свободы и что правительство канадское позволило духоборам остаться при их общинном землепользовании, и они экономически опередили индивидуалистически хозяйничающих англосаксов. Львов говорит, что это не шесть — девять, в лучшем — от двенадцати до пятнадцати десятин отруба, как в России (на этих нельзя так устроиться).

Л. Н. сказал, что можно и на двух-трех десятинах, только при хозяйстве другого характера (фруктовый сад).

Л. Н. очень понравилось описание деревень (чисто русского типа), но до того хорошо устроенных, что в России подобных нет, и письмо Рыбина; рассуждения же Г. Львова не понравились.

Л. Н.: Общинное начало тогда сильно, когда в основе его — религиозное начало, а Львов о религиозном начале не говорит, — в русском человеке еще есть, слава богу, религиозное начало.

Михаил Сергеевич: Есть у духоборов, но у ясенских крестьян его нет.

Л. Н. (продолжая): Как же его (религиозное начало) осуществлять, когда учитель школьный не может быть библиотекарем? * Когда <запрещается> все то, что может хоть на волос нарушить эту дикую веру, будто нужно убивать, быть рабом царя.

Л. Н.: Это странно — есть и у духоборов, и у малеванцев, и у католиков <убеждение>, что есть люди, которым надо повиноваться. Веригин, имея такое влияние, держит себя чисто.

Ольга Константиновна: Он позволяет себя именовать Христом.

Л. Н.: Это и Малеванный...

Л. Н. спросил Михаила Сергеевича о князе Георгии Львове. Михаил Сергеевич рассказал, что он служил в тульском земстве, в Первой думе был умеренным левым. Раз, когда кадеты интерpellировали, почему правительство арестовало некоего Чайкова, Львов встал и сказал, что Чайков не арестован, что он вчера провел с ним вечер. Это ему кадеты поставили в упрек, что прогрешился против тактики партии. Он же оправдывался, что лучше ему констатировать это, чем Столыпину.

* Ясенскому учителю священник не позволил быть библиотекарем библиотеки Московского общества грамотности имени Толстого, которая на днях должна открыться в Ясной.

Л. Н.: Ах, публичность, партийность! Знаете, почему Булыгин отказался от защиты юрьевских крестьян?

Михаил Сергеевич: Так как он не хотел отрицать, что они отняли револьвер у почтальона, а Гольденблат внушил им отрицать и на этом построил защиту.

Л. Н. сказал еще к статье Львова, что у него получается и то хорошо, и то хорошо (т. е. общинное и индивидуалистическое землепользование):

— Из всего выйдет какой-то результат, а основного начала никакого. В том вся сущность кадетизма; не могу терпеть этого слова — «кадеты».

По поводу письма Рыбина *Л. Н.* сказал:

— Всех профессоров и академиков заставь написать такое хорошее письмо — не напишут.

После всего, собираясь играть в шахматы с Михаилом Сергеевичем, *Л. Н.* сказал:

— Я предлагаю за правило: первое — за обедом не говорить о еде и покупках; второе — не пукать; третье — не бранить правительство: одинаково неприлично.

Михаил Сергеевич добродушно на это сказал *Л. Н.*, что он сам грешит последним. *Л. Н.* отрицал.

Л. Н. еще прочел вслух сегодня присланное Молочниковым письмо Смирнова. Оно произвело очень глубокое, радостное впечатление на *Л. Н.* Как в письме Рыбина, так и в письме Смирнова, слышны слова *Л. Н.*, а он, по-видимому, этого не замечает, предполагая, что они дошли до этого сами.

Л. Н. (*ко мне*): Нынче было одно письмо — вот который присылает вырезку (письмо Рыбина), вы читали? Очень приятное. Он и не подписывается. Есть такие неизвестные друзья. Очень приятно.

Л. Н. просил вклеить фельетон Г. Львова в тетрадь и поставить ему на полку.

Л. Н. о «На каждый день»:

— Крупная ошибка в одном изречении. Очень небрежно печатают.

Винт. Вечером никого из гостей.

30 января. Суббота. Приехала мисс Шанкс, живущая с мисс Дженкинс своими трудами, издавна дружная с Толстыми. После завтрака были Граубергер, молоканин Токарев 50 лет (из тех, которые отделились от молокан) и Булгаков.

Л. Н. (*о нем*): Очень умный, скромный.

Л. Н. познакомил их с мисс Шанкс, рассказал про ее жизнь и спросил ее:

— Это уже *fait accompli* *, это усовершенствование?

Шанкс: Я бы уже не могла вернуться к прежней жизни.

Граубергер спросил, почему живет в Англии, а не в России. Разговор шел на русском языке, на котором мисс Шанкс хорошо говорит.

Л. Н.: Потому что англичанка.

Шанкс: Чтобы не огорчать отца, живущего в Москве, который не одобряет резкую перемену моей жизни.

— В Англии приятнее? Цивилизованнее, чем в России? — спросил кто-то.

Л. Н.: Цивилизация сначала нравится, а потом докучает. Как вот этот инструмент, — показал на граммофон, привезенный на днях Сергеевко.

* свершившийся факт (*франц.*).

МАКОВИЦКИЙ

Портретный набросок (карандаш)
 П. П. Трубецкого
 Ясная Поляна, 12 июня 1910 г.
 «Matica Slovenska»
 (г. Маргит).

Граубергер спросил, работает ли на земле, не трудно ли купить землю в Англии.

Разговор об Англии. Л. Н. говорил про тамошнее воспитание:

— Чтобы спокойно смотреть на нищету рядом с огромной земельной собственностью...

Шанкс: Они там особенно тупые, читают пустую «Daily Mail». Что там вычитают, то и повторяют.

Граубергер: Они в детском состоянии.

Шанкс: Мозг ослабел.

Граубергер: Когда знаешь, что они — дети, вызываешь в себе другое отношение к ним.— И Граубергер стал расспрашивать о рабочих в Англии.

Шанкс: Они готовы нам слишком много давать. Они думают, что делают нам за деньги, а они делают почти даром, охотно.

Л. Н.: Это в Англии самый высший идеал, чтобы работать за плату. А чтобы быть независимым, об этом не думают. А у нас, в России, слава богу,— чтобы была земля, чтобы он на ней сидел, чтобы был независимым.

Говорилось об условности, формализме жизни английской. По поводу того, что отец Шанкс считает неприличным, что дочь сама на себя работает.

Л. Н.: Я читал книгу, присланную мне на днях: «The Servant» — человек, чистящий отхожие места, оказывается братом бисхопа (епископа). Эти люди, бисхопы, признают законным свое положение.

Татьяна Львовна вспомнила, как у них в отеле за границей дама сажала за табльдот свою сестру милосердия. Это другим показалось не

fashionable *. Дама сказала: «Если вы не хотите с этим примириться, — уйду», — и ушла.

Булгаков вспомнил «Люцерн» †.

Из речей мисс Шанкс было заметно: ей мучительно, что она в жизни далеко не полностью проводит свои убеждения.

Л. Н.: Сам не можешь отвечать своей жизнью на эти разнородные требования, предъявляемые тебе с разных сторон от нуждающихся...

Граубергер (к Шанкс): Недовольство у людей — «детей» — коренится вне их, а недовольства своей духовной несостоятельностью очень мало. Раз вы узнали, что они «дети», вы не будете терзаться, волноваться, а будете смотреть на них, как на детей, не гневаться на них, спокойно объяснять им пошутки ложные.

Разговор между Л. Н. и Граубергером об общине. Граубергер рассказывал про распавшуюся общину, где он жил, и говорил, что жизнь в общине очень трудна.

Л. Н.: Если люди не подготовлены. Если есть религиозное чувство, тогда жизнь в общине и возможна, и легче, а когда нет — тогда ад.

Л. Н. ушел с Токаревым в кабинет. Когда с ним вернулся, рассказал, что среди молокан раскол, и Токарев принадлежит к унитарам, не признающим троичности, божества Христа. Они в священном писании признают одно, а другое откидывают. Не надо признавать священности писания. Граубергеру же Л. Н. сказал, что смотреть на людей, как на детей, есть некоторое неуважение к человеку:

— Есть движение, он завтра будет выше меня во сто раз. Можно сказать: детские воззрения поколения целого, но не о человеке, что он ребенок. Люди не могут быть духовно выше или ниже, а духовное сознание в некоторых более или менее скрыто.

Граубергер с Токаревым и Булгаков уехали. Л. Н. верхом на Колодце, Равскую просеку, влево на Горюшино, 17 верст. Из них 10—12 рысью. За обедом с Шанкс.

Шанкс: В Англии решено отменить workinghouses** и дать средства социалистическим организациям, которые будут направлять рабочих на места, где есть работа.

Л. Н.: Большинство этих людей не уживается на местах, любят бродяжество.

Говорили о какой-то книге.

Шанкс: Скучно.

Л. Н.: Это «скучно» — дамское, это субъективное чувство.

Л. Н. спросил:

— Замуж не выходите?

Шанкс: Что же старухой замуж выходить, да и к чему?

Л. Н. согласился:

— Совершенно бесполезно.

Шанкс разговорилась про своего друга Г. Арчера, который живет среди духоборов — собственников земли, учит детей английскому языку и грамоте и состоит посредником между духоборами и соседями, английскими фермерами. От него власти требуют экзамен на учительство.

Л. Н.: Как это странно, что они требуют экзамен, чтобы детей грамоте учить.

Михаил Сергеевич: Это почти как у нас.

Л. Н.: Я думал, у них этих глупостей нет.

В 7 часов вечера приехал князь Павел Долгоруков открыть библиотеку в Ясной Поляне. Деловито берется за дело. Привез списки книг биб-

* прилично (англ.).

** работные дома (англ.).

лиотеки, дал их прочесть Л. Н. и очень серьезно и настойчиво просил его, чтобы он составил списки книг беллетристических, детских, агрономических, исторических, географических, этнографических, религиозных.

Л. Н. сличал списки с бирюковским каталогом народных библиотек, издательства «Костромича» в Костроме.

— Лермонтова что-то не вижу, Достоевского... — А потом сказал: — Если кое-как делать — не стоит, а если серьезно делать — на это нужно много времени, а его нет... Но постараюсь...²

Ольга Константиновна похвалила детскую литературу «Посредника» и спросила, будет ли библиотека получать журналы. Хорош журнал «Посредника» («Маяк»).

Л. Н.: Журнал — неизвестно что. Это будущее.

Л. Н.-ч Долгорукову о потребности образования:

— Я получаю письма... чтобы было настоящее образование, а не набранные слова ради тщеславия.

31 января. Открытие народной библиотеки-читальни в Ясной Поляне. В маленькой комнатке два шкапа с книгами, на стенах картины. П. Д. Долгоруков говорил речь. Л. Н. благодарил:

— Я очень благодарен и надеюсь, что и мои близкие, — показал на крестьян, — будут благодарны.

В комнате, кроме их двоих, корреспондента, Бирюкова, четырех учеников первой школы Л. Н.-ча — Тараса Фоканова, Степана Резунова, Жидкова, Адриана Болхина — и Татьяны Львовны с Танечкой, больше никто не поместился. В дверях, сенях и перед домом стояло 30—50 детей и несколько взрослых крестьян и наши: М. Я. Шанкс, Ольга Константиновна с детьми, Александра Львовна, Варвара Михайловна. Л. Н., рассматривая книги, удивился, что Достоевский не весь. Корреспондент «Русского слова» Куприянов был скромн; нет у него корреспондентской пронырливости, он и туда не пошел, куда его приглашали к завтраку¹.

В три часа Л. Н. сел на лошадь; я поехал с ним. Рвы. За обедом П. И. Бирюков рассказал про книгу Яроцкого «Идеализм в физиологии»². Все медицинские открытия добыты опытами над животными, а не над человеком — собственно, ветеринария, а не медицина.

Л. Н.: Как если бы животных рассматривали как растения.

Бирюков: А у человека есть еще такая же огромная сила, как животная, — духовная. Яроцкий был сначала противником ваших теорий, но потом они заставили его обратить внимание на нравственную сторону человека.

Речь о Резунове, рассказывавшем сегодня, при открытии библиотеки, о школах Л. Н.-ча уморительно смешно. О блинах, катаниях с Л. Н. Между прочим, рассказал, что раз был наказан сторожем. Долгоруков спросил, могло ли это быть?

Л. Н. не помнил и не верилось ему, чтобы это было. Сказал, что наказывание — это один из пережитков, это суеверие самое нелепое.

Долгоруков о 50-летию со дня рождения Чехова, о Чехове.

Л. Н.: Самый пустяшный писатель.

Кто-то: Но его вещи художественные?

Л. Н.: Очень художественные, <но> содержания нет никакого, нет *raison d'être**, и даже какая-то неясность, нытье постоянное. Даже то, что мне нравится, «Душечка»... он хотел посмеяться, а вышло...

Долгоруков хвалил его пьесы: производят большее впечатление на сцене Художественного театра, чем «Анфиса» и прочее.

Л. Н.: Если в противовес андреевским драмам, — тогда это очень хорошо.

* разумного основания (франц.).

Долгоруков: Чехов дал хорошие пьесы Художественному театру.

Кто-то: В Художественном театре «Ревизор» провалился.

Л. Н.: Ну вот, именно Гоголя сравнить с Чеховым — тоже ирония. Гоголь ненавидит от всей души и свою ненависть выражает, осмеивая. Ах...

Долгоруков: Вы «Анфису», «Анатэму» читали?

— Нет, — коротко ответил Л. Н.

Татьяна Львовна: А «Горе от ума» у Корша как умно сыграли! А в Художественном театре обращают главное внимание на внешнюю обстановку: дай собаки, сверчок, луна, ветер...

Л. Н. спросил меня про больных, какие есть. Я сказал, что на днях обнаружился сыпной тиф в Казначеевке, Колпне, Телятинках. Л. Н. спросил о его заразительности и какие приемы предосторожности употребляют врачи, чтобы его не переносить от больных на здоровых.

Л. Н. прочел вслух из книги А. Соколинского рассказ «Две смерти»³.

Л. Н.: Вторая смерть хороша. Пишет лучше Горького. Какой он скромный!

Л. Н.: Олсуфьев просил Столыпина, чтобы Чертков мог временами посещать меня. Столыпин сказал, чтобы написал прошение. Смешно. А ссылки, тюрьмы, казни — это не смешно. Прямо умирают...

Бирюков: При пересмотрах смертных приговоров освобождают или заменяют семью днями ареста.

Бирюков привел в пример такой случай. В Одессе связали буянивших пьяных городских. Приговор смертный. При пересмотре освободили и наказали городских; но не всегда бывают пересмотры.

Бирюков говорил о пьянстве в монастырях по словам какого-то архимандрита, который борется с пьянством и жалуется, что безуспешно. По поводу этого разговор о посах.

Л. Н.: Среди крестьян есть привычка ругать священников. Я их всегда останавливаю.

Михаил Сергеевич: Они (ругающие крестьяне) подлаживаются к вам. Разговор о 117 письмах Л. Н. к А. А. Толстой⁴.

Л. Н. (Долгорукову): Она была двоюродная сестра моего отца, я дружил с ней, она была немного старше меня. Под конец она написала предисловие, в котором очень жестоко говорит и требует, чтобы письма непременно были напечатаны с этим предисловием.

Бирюков рассказывает, что он хотел через А. Ф. Кони и душеприказчицу воспользоваться этими письмами, лежащими в Академии. Совет Академии решил, ввиду того, что в завещании есть пункт, что могут быть напечатаны только после смерти Л. Н., их нельзя издать.

Л. Н. (шутя): Если так, я с большим удовольствием. В этом одном я не согласен с вами насчет смерти.

Бирюков говорил о содержании писем. Например, предсказания о сыновьях: так и вышло (кроме предсказания о Леве), о profession de foi*, когда писал «Три смерти»:

— Тогда (в «Казаках»), еще у вас не было религиозной философии, а «самоотвержение дает удовлетворение» — было религией. Profession de foi вы изложили ей тогда, когда она хотела вас к православию привлечь⁵.

Разговор перешел на то, как неустанно стараются обратить Л. Н. в православие. Долгоруков и Бирюков рассказали про московского митрополита Владимира.

* исповедании веры (франц.).

Бирюков: Когда духовная цензура в 1905 году была отменена, он Гершельману доносил на книги, и тогда Гершельман административным порядком изымал их из обращения.

Бирюков: Я хочу к молоканам причислиться, чтобы регистрировать брак, рождение детей и освободиться от православия.

Л. Н. о «Новой Руси» Долгорукову:

— Самобытна, оригинальна, рубрики: в мире духовном, кооперативы, в мире мусульманском...

Долгоруков: Сын Суворина — порядочный. Фанатик газетного дела.

Л. Н.: Что больше всего меня поразило в Москве — это что на извозчике едет и читает газету: стало быть, она ему нужна. Ведь это не штука — следить за всем, что делается в мире. Нельзя в голове места оставить...

Шанкс: Н. Н. говорит, что в Англии с тех пор, как всеобщее обучение и читают газеты («Daily Mail»), «Пинкертонов», люди стали глупее.

Л. Н.: Это несомненно; видно и в художественной литературе: были Диккенс, Гюго, Дюма-сын, Достоевский, а теперь кто?

Л. Н. очень заинтересовало, о чем говорила Татьяна Львовна с мисс Шанкс, — о Елене Келлер, глухонемой и слепой. Когда ее спросили, что такое любовь, ответила: «It is so simply. It is what everyone feels for everyone» *.

А когда ей объяснили, что такое бог, она сказала: «Да, я это давно знала, только не знала, как называется».

Разговор по поводу народных библиотек. Л. Н. говорил Долгорукову, что его требования — включить новые книги — будут очень ограничены — на сто рублей. А исключить (из присланных), вероятно, придется многие. А если будет отказываться от книг, которые ему прислали..... **.

Был корреспондент Куприянов. Л. Н. с ним говорил о газетах; между прочим, сказал:

— Основа нашей жизни только скрывается газетами.

Уехали Бирюков и Долгоруков.

1 февраля. За завтраком разговор о новой пьесе Эдмона Ростана «Шантеклер», о чем писал Лев Львович из Парижа¹ и трубят газеты. Татьяна Львовна прочла вслух корреспонденцию в «Русском слове» от 31 января о генеральной репетиции «Шантеклера», о рекламе, о гипнозе парижан, о пустом, глупом (непонятном) содержании пьесы². Главное дело — внешняя обстановка. Лев Львович пишет, что пьеса принесла Ростану 500 тысяч. Когда Татьяна Львовна дочитала, Л. Н. сказал:

— Прав Граубергер, что эти люди — дети.

Л. Н.: Я не завидую Ростану... Я хотел бы написать пьесу не из-за денежного успеха, а чтобы говорить большой публике.

Татьяна Львовна поддерживала его, говоря, что самая большая аудитория — в театрах.

Л. Н. после длинных поездок устал и сегодня гулял. После обеда говорил:

— Я смотрел списки библиотеки³ — нехорошо составлена. Что ни посмотрел — все пустяки. Очень характерно. В библиотеке есть книги «Начало и конец самодержавия», об истреблении сусликов, которых здесь нет, и чуть ли не полное собрание сочинений Мачтета.

О Долгорукове Л. Н. говорил:

— Делает дела, которые ему не нужны, а так, только для славы людской.

* «Это так просто: это то, что каждый чувствует к другому» (англ.).

** Пропуск в подлиннике. — Ред.

Татьяна Львовна отстаивала Долгорукова, говоря, что «он тем и живет».

Л. Н.: Нет, это известная партийность такая.

Л. Н. после обеда прочел из студенческого сборника «Отклики» первое стихотворение и говорил с возмущением:

— Это нельзя понять, глупо, слова без связи; вот сейчас и проза совсем такая же.— И Л. Н. прочел следующую за стихотворением прозу⁴. Сказал затем:

— Это только в доме сумасшедших можно так писать. Это мне прислали, я им хочу написать.

Винт.

Л. Н. спросил, о чем мы с Михаилом Сергеевичем говорили. Михаил Сергеевич рассказал, что Бурцев уличил нового провокатора среди революционеров. Минский (Тиртей русской революции) в «Утре России» приходит от этого в ужас; говорит, что вопрос о провокации превращается в угрозу и в укор всему освободительному движению⁵.

2 февраля. Приехала С. Э. Мамонова. Вечером — П. А. Буланже.

Л. Н. говорил Буланже по поводу его работы о Конфуции, что он ее читает; она по существу продолжает быть хорошей, а по изложению нехороша — язык литературный:

— Вы имейте в виду, чтобы это понял плотник (о котором Буланже рассказывал, что с ним теперь, имея дело, подружился; хотел раньше подружиться, но знал, что так, без дела, ничего не выйдет).

Л. Н. сказал мне, что его радует новая работа: соединять дни из 12 месяцев «На каждый день»⁴. До сих пор соединил «О вере» и «Я духовное». Здесь материала много. В днях «О соблазнах», «О богатстве» и другом будет поскуднее, выйдет 30—31 книжка.

С Л. Н. проехали шагом на Горюшино, Рвы (верст 15). Мороз — 12°.

3 февраля. Вернулась Софья Андреевна из Москвы. Я весь день в амбулатории и у больных по деревням.

Вечером винт, Софья Андреевна сказала Л. Н., что благодарит его за приписку к письму Тани¹. Только одно огорчило ее, что написал: «Без тебя, как всегда, странно». Почему «странно»? Почему не написал «грустно», так было бы правдиво.

Л. Н. ездил верхом на Катьке в Новую Колпну по делу устройства двух сирот в приют². Хвалил катькину рысь, равномерную, непрерывную.

4 февраля. Л. Н. продолжает новый «Круг чтения», как называется соединение по 12 дням «На каждый день»*. Каждый день среди дня приезжает Булгаков помогать Л. Н. в этом и отвечать на некоторые письма. Работу берет с собой в Телятинки. Л. Н. мысли свои по поводу писем, приключений (встреч с прохожими-посетителями), прочтенных книг сообщает ему и вечером не повторяет. Булгаков записывает слова Л. Н. ежедневно для Владимира Григорьевича по его поручению¹.

Ездили на Рвы, довольно много, до двух верст, рысью. За обедом Л. Н. ничего не ел. После обеда занимался с большим интересом решением Пифагоровой теоремы геометрическим путем — браминским, очень простым, удобопонятным, и алгебраическими выводами из него.

Шахматы, винт. Уехала С. Э. Мамонова.

5 февраля. Л. Н. сегодня переправил и новых написал 105 изречений в новый «Круг чтения». Александра Львовна, писавшая под диктовку Ольги Константиновны, не успела переписать все, только 70, некоторые — в страницу.

* Впоследствии переименовано в «Путь жизни».

Л. Н. гулял с 3.20, до тех пор работал.

Из кабинета Л. Н. вынес сегодня полученные периодические издания: канадский «The Square Dealer» (генриджорджевский), «The Conservator», брайановский «The Commoner», венский анархический «Wohlstand für Alle» и еще другие невскрытые. А книги А. А. Измайлова: «Помрачение божков и новые кумиры» и «Кривое зеркало», шаржи и пародии, остались непросмотренными¹. Обыкновенно вскрывает, просматривает.

Михаил Сергеевич посмотрел и показал Л. Н. «Кривое зеркало». Л. Н. прочел некоторые пародии на современных писателей (которых Л. Н. не признает за серьезных людей, — например, Бальмонта, Андрея Белого, псевдо-Сологуба Федора и прочих) и смеялся. Некоторые пародии прочел вслух. Заметил, что на него нет пародии.

Л. Н. снова прочел рукописную статью В. Лебрена «Основатель научной метафизики» по поводу 10-летия со дня смерти А. Шпира. Продиктовал мне критику на нее (письмо Лебрену)².

За обедом Софья Андреевна вспомнила, что сегодня день рождения Сергея Николаевича.

Татьяна Львовна (отцу): А ты вспомнил?

— Вспомнил, 5-го; а 18-го мои именины: Лев — папа римский.

Шахматы, винт. Не было гостей.

6 февраля. Суббота. Утром был корреспондент «Русского слова» А. С. Панкратов. Он был раньше в Туле — разузнавать о суде над юрьевскими крестьянами, на котором присутствовал Л. Н.

Л. Н.: Очень рад, что я хорошо и долго поговорил с ним.

Л. Н. за обедом говорил:

— Потому что он был у Гольденבלата, я послал ему дело священника кишкинского, который обвиняется в прелюбодеянии с женой сторожа. Я не люблю этого раздражения народа против духовенства: это разжигает.

Панкратову Гольденבלат рассказал, что это клевета: жена сторожа была поймана, когда высыпала деньги из кружки, и за это священник прогнал сторожа.

Панкратов зашел ко мне в лечебницу. 30-ти лет, в изношенном пальто, скромный и симпатичный. Еще виделись в Туле. Он привез Л. Н. подарок от редактора «Искры» М. Боювича, сербина, «Искру» за 1900 г. Боювич уже несколько лет посылает ее.

Л. Н. после обеда остался, как всегда, сидеть за столом и, дожидаясь партии шахмат с Михаилом Сергеевичем, говорил, что получил приглашение от Детурнелъ де Констане, приехавшего в Москву на совещание о мире¹. Л. Н. попросил Михаила Сергеевича, если ему попадет статья о Детурнеле де Констане или о совещании, дать ему. В тоне речи, в медленности, с какой это говорил, мне слышалось, что Л. Н. обдумывает, не поехать ли, — тем более, что собирался зимой к Чертковым в Крекшино.

Когда Л. Н. вышел в 9.40 в залу, Александра Львовна завила граммофон (Трояновский на балалайке) и спросила:

— Это тебе не неприятно?

— Ничего, это самое терпимое.

Татьяна Львовна перелистывала книгу А. А. Измайлова и прочла вслух первые строки одной пародии и спросила Л. Н., угадает ли на кого.

Л. Н.: Это на Горького?

И действительно было так².

Л. Н. рассказал, что он сейчас читал Моода о Ходынке — «The Tsar's Coronation». Очень интересно³. А что потом Илья Васильевич, кото-

рый сам был там, рассказал ему про Ходынку, и это было гораздо лучше рассказано. Заинтересовался Л. Н. Ходынкой после того, как прочел фельетон в «Голосе Москвы» от 3 декабря 1909 г.⁴, и тогда попросил другой материал. Я ему напомнил, что он уже раз собирал об этом материал и сам написал⁵ и что это использовано Моодом в английской брошюре.

Л. Н. попросил достать ее и теперь прочел*.

Винт. Л. Н. сегодня написал 63 мысли.

7 февраля. Утром был у Л. Н. машинист железнодорожный из Донской области¹, желающий заняться земледелием: «Считаю железнодорожную службу бесполезной», — говорил он. Жена его согласна, у них трое детей. Л. Н. ему говорил, что железнодорожная служба не бесполезна, дал ему много книг.

Сегодня Л. Н. написал 67 мыслей. Были Булгаков, М. В. Булыгин. Пополудни, с 2.40 до 4.30, верхом с Л. Н. — «новые дороги искать». По Засеке между Грумантом и Горюшиным. Много рысью.

Л. Н. (мне в лесу): Констан (Детурнель) пустой.

И вчера говорил, что всю дорогу думал об арбитраже:

— Он не возможен... Тогда не будет государства, не будет 750-миллионного монопольного бюджета, до этого Вильгельм, Николай не допустят.

Л. Н. прочел и речь князя П. Д. Долгорукова на открытии С.-Петербургского Общества мира, где говорилось, что при помощи общества не должна вестись антимилитаристическая пропаганда: «Не христианско-гуманитарные идеи, скажут, вероятно, последнее слово в вопросе о войне и мире, а окончательно разрешат его точные науки: математика, физика, химия. Новые изобретения массового уничтожения людей вынудят человечество образумиться». Л. Н. удивлялся этому и сказал, что против всякого вновь придумываемого орудия нападения изобретается и орудие защиты, так это и было при изобретении пороха, пулеметов, дредноутов и т. п.

8 февраля. Л. Н. ездил верхом, много рысью. Софья Андреевна пустила почти каждый день граммофон.

Я сегодня посетил в Телятинках в шести дворах 23 больных сыпным тифом.

У Л. Н. был московский слесарь 20-ти лет, поступивший за плату 50 рублей на курсы студенческой группы; остался недоволен. Теперь хочет к духоворам. Приехал нарочно из Москвы, просил на дорогу обратно. Недоволен своим ремеслом: чинит ватерклозеты — вонь. Ушел неудовлетворенный. Полученные от меня по его просьбе книги побросал около веранды.

9 февраля. У Л. Н. со дня тульского суда все больше людей за советом по судебным делам. Пока здесь Михаил Сергеевич, он по просьбе Л. Н. вникает в их дела и объясняет их Л. Н. и дает практические советы или пишет прошения. Сегодня и утром и пополудни были такие. Л. Н. послал их к адвокату Гольденблату и сам поговорил с ним по телефону. Между прочим, была баба 45 лет, принесшая обвинительный акт по делу ее мужа, убившего старика 75 лет, который в пьяном виде лез к ней («басурманившего с ней»). «Оба были пьяны», — объяснила она Л. Н.

Утром Л. Н. дошел на прогулке почти до самой Козловки. Вернулся на санях. За обедом рассказал, что встретил трех мужиков пьяных. Один из них рассказывал и пересыпал каждый глагол, каждое прилагательное

* После этого он написал рассказ «Ходынка», появившийся в Посмертных произведениях⁶.

и каждое существительное отворотительными словами; так были взволнованы, что даже не поклонились.

Были П. А. Буланже и Булгаков.

Винт.

Вечером Л. Н. просил журнал «Русскую старину» за февраль, чтобы прочесть воспоминания поляка о Достоевском на каторге¹ и «Новую Русь» от 7 февраля — фельетон Трегубова².

Завтра уезжает Ольга Константиновна с детьми в Таптыково, где будет жить. Пробыла в Ясной с четверть года. Было с ней и с ее хорошо воспитанными, ничуть не назойливыми, самобытными детьми всем очень приятно. Л. Н-чу помогала в переписке, отвечая на письма; Александре Львовне диктовала на ремингтоне, отправляла посылки; Владимиру Григорьевича извещала письмами о текущей яснополянской жизни. Утренняя работница.

10 февраля. Неделю тому назад приехал из гимназического общежития в Туле Дорик, заболевший корью. Сегодня заболели Александра Львовна и Танечка. Суетливо. Софья Андреевна и Варвара Михайловна боятся, что это тиф, т. к. в окрестностях сильная эпидемия сыпного тифа. Л. Н. ездил с кучером на Рвы, Судаково, назад сел в сани против ветра. Ужасно много ездит, тратит себя. Сегодня мороз — 10°. Дома напрягает все силы на работу и на совещания сходящими за советами — в большинстве по судебным делам.

— Ужасно я в последнее время чувствую пределы своих сил, что дальше — я не могу, а требования все увеличиваются, — сказал мне Л. Н., когда я ему предлагал прочесть ремингтонованную статью А. von Bolt «Eine Offenbarung» (Zürich) и, не прочтя ее, продиктовал ответ на нее¹.

Л. Н. сказал, что хочет написать В. А. Поссе, в его «Жизнь для всех», предисловие к работам Буланже «Будда» и «Конфуций» о важности этой серии книжек:

— Но хорошо написать требует времени. Это беда. Тут я немножко эгоистически говорю; столько требую писать, а это (о Будде, Конфуции) мне близко, нужно мне посвятить время. Кое-как нельзя².

Об этом же Л. Н. говорил и Буланже.

Сегодня Л. Н. читал Достоевского и просил передать все сочинения Достоевского Булгакову. Наверно хочет поручить ему какую-нибудь работу о Достоевском.

Сегодня приветственная телеграмма на русском языке от Детурнеля де Констана из Москвы. Л. Н. ответил ему — благодарил и выражал добрые чувства французскому народу по-русски же³.

Уехала Ольга Константиновна с детьми.

11 февраля. Позвали доктора Сухинина к Александре Львовне, которая боится заразы тифозной от Дорика через меня, хотя у Дорика повторение кори. За обедом Л. Н. спросил Сухинина:

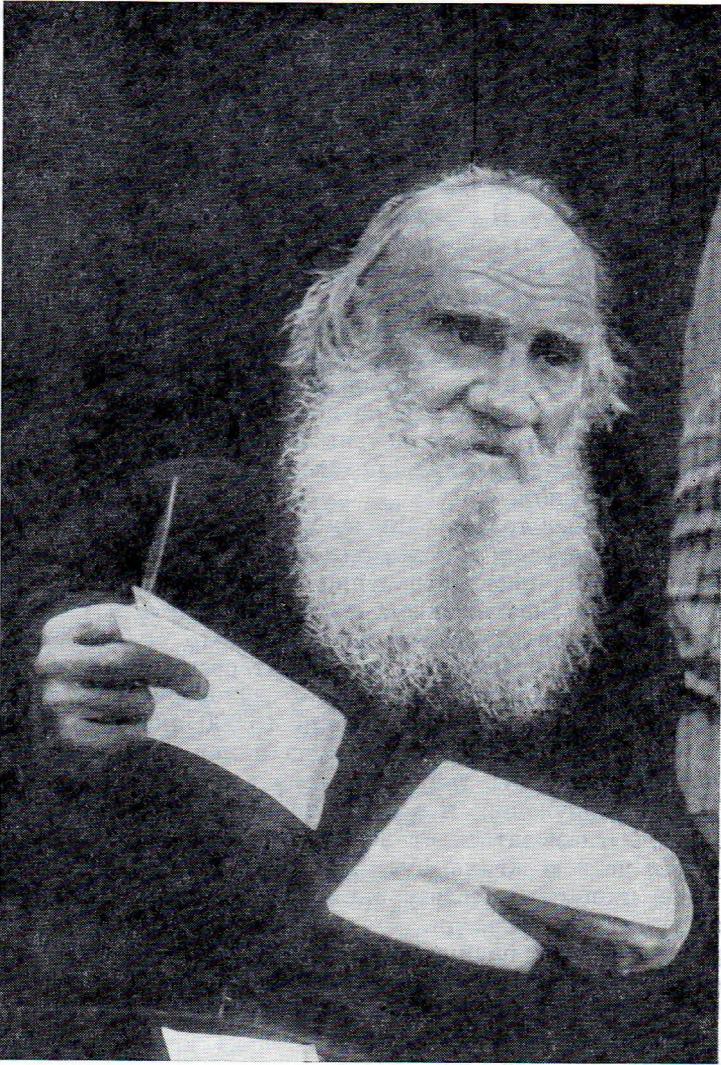
— Что вы слышали про смертный приговор в Туле?

Сухинин про это не знал, но знал про подсудимых, бежавших из одоевской тюрьмы и напавших на лесопромышленника, что и рассказывал.

Л. Н.: У всех дам есть склонность к спиритизму.

Л. Н. рассказал, что читал еврейские легенды (на немецком языке). Нехороши, пусты. Только две-три содержательны.

Л. Н. по этому поводу разговорился о том, как нелепа вера в то, что старое верование хорошее. Как же с нынешним сознанием придерживаться старой веры? Это что взрослому — детская одежда.

ТОЛСТОЙ ВО ВРЕМЯ РАЗБОРА ПОЧТЫ

Кочеты, 19 мая 1910 г.

Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. попросил Михаила Сергеевича покритиковать первую книжку из 30-ти «Нового круга чтения» (готовы уже 12), чем Михаил Сергеевич и занялся усердно.

Л. Н. сказал о Михаиле Сергеевиче (Татьяне Львовне):

— Он умный и очень приятный.

Вечером разговор об убийствах. Софья Андреевна и Михаил Сергеевич рассказывали известные им самые страшные нападения. В их рассказах чувствовался страх перед подобными нападениями.

Л. Н.: Меня интересуют убийцы, ихняя психология. Тот, который из Сибири, пишет, что галку жалче убить, чем человека, потому что с человека хоть на рубль (одежды) взять можно, и тот, который говорил Дашкевичу, что за рубль не стоило убивать человека, вот если бы 100 рублей... У каждого человека есть, выражаясь дурно, гуманитарное чув-

ство, не позволяющее убивать!... Приходит затемнение, мне это видно у моих корреспондентов: те, которые спрашивают о рае и аде (и т. п.) — у них сомнения. А есть такие, у которых сомнений нет, и они убивают. Их заставляет убивать, например, чувство несправедливости, — что господу лучше собак кормят, чем людей.

Софья Андреевна уезжала и пригласила Булгакова остаться в доме жить и спать в комнате Гусева. Говорила ему, как надо чутко спать, чтобы слышать и войти к Л. Н., когда ему что нужно.

Л. Н.: Приятно поохать, постонать.

Софья Андреевна: Чтобы кто-нибудь пришел.

Л. Н.: Чтобы никто не пришел.

12 февраля. Метель. Ночью у Л. Н. болела печень. Стонал, не спал. Булгаков заходил к нему и разбудил меня, хотя Л. Н. этого не хотел. Когда я пришел в гостиную, стонов не было слышно, кроме одного. Л. Н., наверно, сдерживался, и я не вошел. Утром оказалась желтизна белков глаз, припухшая сверху печень и болезненность. Сухой, частый кашель. Л. Н. согласился гулять недолго. Погулял только около дома, пополудни вовсе не гулял.

В такую метель был только один прохожий. Л. Н. рассказал про него: такой, что постоит за всех; в лохмотьях, 19-летний наборщик, хорошенькое лицо. Попался за распространение нелегальной литературы. Л. Н. советовался с Ильей Васильевичем, во что его одеть и какую фуфайку отдать. Хотел дать одну фуфайку, но узнал, что она от Сони (невестки), — эту не дал. Еще рассказал, какие интересные письма сегодня получил: от Веригина длинный отчет о духоборческом хозяйстве¹ — урожай хорош, долги выплатили, купили 13 000 акров (10 тысяч десятин) земли в Британской Колумбии, куда намерены постепенно переселиться. Пока будут сажать там фруктовые деревья. От японца длинное письмо². У них вооружения и вооружения, народ беднеет. Спрашивает, что им делать? Отказываться от военной службы? — Карается смертью или заточением на всю жизнь. Те, которые отказались, — под конец подчинились. Еще пишет о преследовании социалистов; и что у них (правительство) хуже, чем в России.

Из Парижа турецкий радикальный журнал.

— Это вам будет интересно, Душан Петрович, — сказал Л. Н. — Посмотрите, пишут, что конституция (турецкая) — один обман; что производятся пытки.

Л. Н. спросил Михаила Сергеевича:

— В России пыток все-таки нет? Слышно было бы о них во время судов.

Михаил Сергеевич: Есть своего рода истязания, расправы.

Татьяна Львовна припомнила, что Л. Н. были присланы лет десять назад картинки пыток во французской армии.

Я добавил:

— И года три-четыре тому назад — пыток во французской армии в Алжире. Здесь, в России, часто жалуются на избияния в полицейских участках и в тюрьмах, когда туда привозят.

Л. Н.: Персиянин 20-летний из Петербурга пишет, он внук премьер-министра; религиозные вопросы; спрашивает о магометанстве³.

— Вы слышали, — обратился Л. Н. ко мне, — как обидели Ивана Ивановича? Забрали книжку его стихотворений, которая три года продавалась, и судят его за нее.

За чаем Л. Н. о том, сколько сегодня работал. В записной книжке записано, что нужно написать: 1) статью к книге Буланже (о Будде), 2) письмо о бессмертии, письма Хирьякову, Е. И. Попову, Гусеву. Все написал⁴.

Булгаков хвалил критические статьи Н. Н. Страхова.

Л. Н. (о нем): Он был необыкновенно скромный и огромной начитанности. Он ценил других и себя забывал. Был предан литературе. Достоевского любил.

Татьяна Львовна: И Соловьева.

Л. Н.: Всех. Правда, Некрасова не любил.

Л. Н. вспомнил, как Страхов говорил тихим голосом: «Как у вас хорошо гулять по нижней аллее» (поперечной липовой).

— Когда там хожу, всегда вспоминаю.

Татьяна Львовна с улыбкой рассказала про Страхова. Там, за канавой, жили башкирцы. Николай Николаевич любил кумыс пить и говорил, что, когда холодно, кумыс греет; когда тепло — холодит, когда голоден — насыщает; когда полон — кумыс облегчает, и так без конца.

Разговор про Бьёрнсона, Ибсена.

Л. Н. спросил:

— Бьёрнсон, он что же?

Татьяна Львовна и особенно Булгаков рассказали про его драмы.

Л. Н. (Булгакову): Как вы это знаете? Я понимаю, молодому человеку нельзя ничего пропустить: а вдруг там есть что-нибудь?

Булгаков: А вот Ибсена, Лев Николаевич, вы знаете? Вот у него хорошие вещи.

Л. Н.: Не знаю, не помню.

Татьяна Львовна рассказала что-то про французские пьесы Мирбо и других.

Л. Н. сказал ей, что он с ней в том сходится, что французы — самая симпатичная нация. Все последнее время от них...

Л. Н. добавил:

— В политическом — республика... Канта уже как цену, но он тяжел, туманный. А Руссо и особенно Паскаль — это такой блеск, ясность, красота изложения!

Булгаков восхвалял Художественный театр.

— Вам нравился бы, — говорил он *Л. Н.*-чу. — Вам съездить бы в Художественный театр. — И хвалил игру его актеров.

Л. Н.: Да, я не имею права говорить... А Островского не дают?

Татьяна Львовна: Как сильно действует сцена!

Л. Н.: Ах, я редко удовлетворялся — вижу актеров.

Булгаков и Михаил Сергеевич, восхищаясь, хвалили драму «Царь Федор Иоаннович».

Л. Н.: Не в моем духе это.

Михаил Сергеевич: Это старина.

Л. Н.: Не думаю, чтобы это восстановить бы можно было.

Михаил Сергеевич рассказал содержание «Федора Иоанновича». После рассказал, как лет 20 тому назад были *Л. Н.*, Татьяна Львовна, он и Танеев в опере — «Зигфрид» Вагнера. Как *Л. Н.* было смешно и не нравилось. Потом написал об этом в «Что такое искусство?», переименовал «Зигфрида» на другое⁵.

13 февраля. У Александры Львовны корь в разгаре. Вечером температура 39,8. У Дорика жар проходит, у Танечки снова начинается, и есть филатов-копликовские пятна.

Л. Н. утром гулял, пополудни — нет (третий день). Вчера написал предисловие к Буланже и им очень доволен.

Заходил по несколько раз к Александре Львовне, падающей духом, в сильном жару; хочется ей плакать. В половине 8-го вечера опять зашел.

Л. Н.: Что, Сашенька, плохо? Что, ты держишь градусник? 39,8 — ах, батюшки! И что же ты чувствуешь еще? Голова болит? Ноги?

Александра Львовна (гугнивым, глухим голосом): Рашель.

Л. Н.: Надо терпеть. И скучно? Не ела нынче ничего или мало?

Александра Львовна спросила Л. Н., почему он так долго спал перед обедом — до сих пор (до 7 вечера).

Потом Л. Н. рассказал про свои дела:

— У меня теперь период сонливости. Я много сплю, тупость такая. И напротив, когда я мало сплю, 5—6 часов, у меня тогда бывает возбуждение.

Валентин Федорович заметил, на какие письма Л. Н. ставит «Б. о.» (без ответа): на неискренние и патетические.

Вечером шахматы с Михаилом Сергеевичем.

14 февраля. У Александры Львовны вечером 40 градусов. У Тачеки — 39,2, у Дорика — 37,5. Взволнованы, особенно Варвара Михайловна, Михаил Сергеевич и Татьяна Львовна. Хотели вызвать московских докторов. Л. Н. и утром и полудни гулял. Вечером просил принести «Punch» (february 9, 1910), номер, который сегодня по почте получил от кого-то. И рассказал все шутки из него и показывал картинки.

Еще говорил о книге «In Harmonie mit dem Unendlichen» von Ralf Waldo Trine. Uebersetzt aus englisch (Stuttgart, 1910).

— О всемирной религии. Есть теософическая жилка — что человек, соединяющийся с высшим духовным началом, может делать чудеса.

15 февраля. У Александры Львовны вечером 40,4 и очень сильный кашель.

Л. Н. часто к ней заходил, подолгу сидел и поплакивал. Был доктор Грушецкий. Утром приехал М. М. Сухотин по дороге в Верный.

Л. Н. немного работал; со вчерашнего дня помогает переписывать Белинский, т. к. Варвара Михайловна ходит за Александрой Львовной.

Сегодня самый тяжелый день кори.

16 февраля. Вернулась из Москвы Софья Андреевна. Александра Львовна тяжело переносит корь. Температура 40,4, к вечеру упала до 39,7. Л. Н. часто заходил к ней, подолгу оставался и выходил с заплаканными глазами.

Позвали П. Н. Ге в помощь Варваре Михайловне.

Получен второй номер «Жизни для всех» со статьей Черткова «Две цезуры для Толстого»¹. Л. Н-чу очень нравится. Был Буланже.

Софья Андреевна за обедом рассказала про разговор о новом «Круге чтения» («На каждый день») с И. И. Горбуновым. Как ни рад был бы он издавать его, но если ему иметь дело с Владимиром Григорьевичем, — а с ним дело иметь тяжело, — то лучше не будет издавать.

Л. Н-чу это показалось невероятным. Буланже подтвердил, что с Чертковым иметь дело трудно. Потом кто-то рассказал, что Владимир Григорьевич предъявляет «Посреднику» требования на 10 000 рублей, которые он вначале затратил на «Посредник», но они были затрачены неделовито, печатались на них книги «для интеллигентных читателей», которые не разошлись. Говорилось много по этому предмету.

Л. Н.: Надо обе стороны выслушать.

17 февраля. Вчера утром было письмо от Д. В. Никитина; спрашивает, когда можно приехать, не на масленицу ли? Так как у Александры Львовны жар все еще сильный и сильнейший бронхит, Варвара Михайловна упала духом, боится за Александру Львовну и ужасно суетится. Мы с Татьяной Львовной позвали Д. В. Никитина, и он сегодня утром прибыл.

Днем был кинематографщик, тот же Мейер, которому отказывали два раза. В третий раз снимал Л. Н-ча¹.

Вечером интересные разговоры.

20 февраля. С утра до вечера был корреспондент «Morgenbladet» из Христиании, Левин, 50-ти лет, русский еврей, молчаливый, наблюдательный. За завтраком — разговор про Норвегию. Л. Н. спрашивал. Левин говорил, что норвежское правительство боится России; что Россия желает отнять у нее незамерзающий порт, и старается удружить ей: из-за этого при отторжении от Швеции ввело не республиканскую, а монархическую форму, из-за этого же в России можно свободнее писать про вас (Толстого), чем в Норвегии.

Левин не упустил случая придать особую важность тому обстоятельству, что у них русским послом брат Крупенского, правого члена Думы. Он будто производит давление на печать в Норвегии (через министров).

Л. Н. спросил про Бьёрнсона, который ныне болен. Левин рассказал, что Бьёрнсон купил себе имение и сам своей работой прибавил к нему 50 десятин земли, очистив ее от камней.

Л. Н. спросил, какие выдающиеся писатели норвежские.

Левин: Кнут Гамсун.

Л. Н. спросил, какие у него драмы. Левин назвал.

Л. Н.: Не знаю.

Потом Л. Н. спросил о войске, бюджете. Левин сказал, что был один отказ от военной службы; отказавшегося судили, потому что он опасен: — Теперь у нас большое движение — отказываться от военной службы.

Л. Н. спросил, строят ли военные корабли.

Левин: Да.

Л. Н.: Это одно из суеверий. Вот еще два вопроса: пьянство и религиозное настроение.

Левин говорил, что до 1845 г., пока всякий мог свободно купить спирт, было страшное пьянство: свадьбы — по 14 дней пили, похороны — восемь, именины — пять, и дрались ножами. Это была игра. Когда в 70-х годах заведена была готеборгская система¹, кривая пьянства стала понижаться с 90 процентов до 15, а с ней и преступность. Один год было много иностранцев, много строилось, было много заработков — пошли обе кривые кверху, после опять книзу. Тюрьмы пусты, за убийство сидит только один, и тот финляндец.

Л. Н.: Что же, об этом было бы интересно написать.

Левин: Прохоров, ямбургский врач, прочел об этом на последнем противоалкоголическом конгрессе в Петербурге. У них, в Ямбурге, наоборот: и пьянство и преступность увеличиваются.

У Л. Н. вызывали недоверие цифры, статистические данные, приводимые Левиным.

— Что касается религии, — говорил Левин, — то в горах люди суеверные и очень темные. А в городах религия только по привычке. В школах ученикам можно с пасторами разговаривать о Ингерсоле, Бюхнере.

Л. Н.: Это так, но религиозного движения нет никакого?

— Никакого.

Л. Н.: Если Бюхнер — то это материализм, это отрицание религии полное.

Левин рассказал как характерное: вода его и Прохорова по тюрьме, начальник тюрьмы спросил отца и сына, находившихся в предварительном заключении по обвинению в убийстве, может ли к ним привести их (Левина и Прохорова). Начальник не считал себя имеющим человеческое право привести без их согласия. Законное-то право имел.

Этот арестант (отец) занимался библиотекой, и там нашли две-три книги Л. Н. на русском языке. У них все арестанты работают. В Норвегии только три процента земли плодородной.

Л. Н. спросил еще:

— А мужья жен бьют?

— Нет.— И Левин рассказал про советы, состоящие из судьи, священника и врача, которые следят за воспитанием родительским. Если у кого из-за небрежного воспитания отнимут детей, тогда этот брак считается расторгнутым, жена может оставить мужа, и наоборот.

Я спросил у Левина:

— Почему не состоялся Конгресс мира в Стокгольме?

— Потому что хотел приехать Лев Николаевич. Его бы приняли, как царя. Правительство испугалось, что он будет держать анархическую речь. «Он не мирный человек, он натравливает народ на царя»,— говорили правительственные люди.

Л. Н. верхом со мной. Под вечер приехал Гольденблат с дочерью и сыном. Тогда же — и Куприянов, сотрудник «Русского слова», ездивший в Кишкино узнать про дело священника со сторожихой. Гольденблат видит со стороны сторожа шантаж; Куприянов же нашел, что священник действительно ухаживал за женой сторожа, и тот жаловался преосвященному еще за три недели до того, как запер священника со своей женой на колокольне.

Софья Андреевна занята собиранием тех сочинений Л. Н., которых она еще не издала²; жалуется, что ей никто ничего не советует, не помогает, хотя помогают П. И. Бирюков, В. Г. Чертков, Бутурлин, Сергей Львович, который дополнил «Севастопольские рассказы» и «Детство» по старым рукописям.

Левин по этому поводу (т. е. сколько Л. Н. написал) стал говорить о Брандесе, какой он плодовитый писатель: он никогда не ложится спать, пока не напишет на 30 крон. Хвалил его заслуги за указание иностранцам на Ибсена, Бьёрнсона и вообще хвалил норвежских и хулил истинно-русских, вроде Крупенского.

Татьяна Львовна: Брандес мне очень не понравился, слышала его лекцию³. Писать критики можно о некоторых писателях, в которых можно вникнуть; он же пишет о всех, и о русских, не зная по-русски, и о польских, английских и т. д.

Вечером Л. Н. наедине поговорил с Куприяновым, сыграл в шахматы с Гольденблатом. Л. Н. вышел в 10 часов.

Л. Н.: Я написал (поправляя) письмо к Поссе⁴.

Валентин Федорович: Кончили, можно отправить?

Л. Н.: Нет, я старый хрен; когда не хочется писать — не могу. Надо, чтобы мысль сама выросла, тогда надо писать.

Потом с добродушной улыбкой обратился к Левину, оборвавшему рассказ (как у них все знают и исполняют законы — например, охраны зверей, бобров; о том, как Бьёрнсон восстал против висевших на стенах картин, изображающих лисицу в капкане, утверждая, что это варварство, и достиг того, что сами люди снимали их; об обществах покровительства животным: его члены — дети, за пять копеек в год; как Бьёрнсон прочитав в газете, что мужик, увидав лося, плывущего через фьорд, поплыл ему навстречу и убил его топором,— написал об этом в газету, мужика отыскивали и оштрафовали на 300 крон):

— Так вот вы из рая приехали, у вас рай какой-то... Босяки, tramps*, есть у вас?

Левин: Нет.

Л. Н.: Это в малых странах всегда так. Это благодаря тому, что там климат суровый. Если бы туда наехали богатые люди, англичане, все изменилось бы. Это ужасный яд (богатые англичане). А русских дармоедов там мало?

* бродяги (англ.).

Левин: После 1905 года бежали туда русские, обращаясь ко мне; я им находил работу и в конце концов оказались все плохие.

И привел примеры: делали долги на чужое имя, бросали работу без законного предупреждения, — а у них предупреждают и рабочие и фабриканты, когда хотят расчесть, за 14 дней.

Л. Н.: А вы принадлежите к какой партии?

Левин: Я — ни к какой. Но по воззрениям склоняюсь к кадетам.

Л. Н.: Я имел с революционерами очень мало сношений, но я видел, что есть среди них многие самоотверженные. Есть три рода людей: грабители, трудящиеся и нищие. Грабители и нищие — те, которые не рассчитывают на себя; и потому, что им много достается, трудящимся мало остается.

Л. Н. спросил, есть ли в Норвегии помещики и почему отторглись от Швеции.

Левин: Помещиков нет, самое большое имение — 700 десятин. Есть закон, по которому коммуны имеют преимущество при покупке земли, лесов. Отторглись вот почему: Норвегия — страна демократическая и шла все вперед; Швеция — и помещичья, и бюрократическая — отставала. Король, чтобы не было слишком большого прогресса Норвегии, удерживал ее прогрессивное законодательство.

Помолчали и *Л. Н.* и *Левин*. Потом *Л. Н.* вернулся к тому, что *Левин* так убежденно восхвалял: к упорядоченной жизни в Норвегии, установлению хороших законов и добровольному и принудительному — власти заботятся — соблюдению их.

Л. Н.: Это все по законам. Закон же приводится к исполнению насильем. Если бы люди были святые...

Левин: Когда отторглись от Швеции и в течение восьми месяцев не было короля, преступность уменьшилась. Законы знают и исполняют.

Л. Н.: Я не согласен с этим — насильем заставляя исполнять законы. Я думаю, Швейцария — тоже этого типа, а?

Михаил Сергеевич: Вся Европа такая. Везде знание, уважение и исполнение законов. Кроме Италии. Италия похожа на Россию. У вас (в Норвегии) относятся к законам, как к своим помощникам, а не как к врагам, которых надо обходить.

Л. Н.: Если бы делались эти законы без полиции, без исполнителей, а так они меня не радуют. Я думаю, через городского ничего доброго не делается, кроме дурного. Это внешнее воспитание ничего не значит, если есть насилье... Я в ваш рай не верю. Есть одно средство, есть воспитание одно — религиозное. В Шанхае, в китайской половине, нет ни одного городского, преступлений нет, в европейской половине полно городских — преступлений много... Когда же нужно резать, режут; китайские солдаты вырезали в Джунгари миллион жителей. — Это говорил *Л. Н.*, намекая на вчерашний разговор, не понимая этого явления у китайцев.

Л. Н.: Скажите, какая же партия стояла против республики?

Левин: Все партии из-за практических соображений.

Левин еще говорил:

— Пьянство наказывается. Против пьянства все женщины, они имеют право голосовать, а все неголосующие мужчины и женщины считаются за противников кабака. У нас арестанты все работают, теперь осушают болота.

Л. Н.: Капиталисты в Норвегии есть?

Левин: Нет, у нас самый большой землевладелец имеет 700 десятин. Есть закон, что нельзя скоплять много земли в одних руках... Есть праздники древонасаждения и для детей.

Левин уехал в 11 часов.

О нем Михаил Сергеевич сказал Л. Н.:

— Он скромный и под вас не подделывается, а если подделывался — не попадал.

— Он говорил, что Стокгольмский Конгресс мира был отложен потому, что правительству было бы неприятно ваше присутствие и ваше анархическое направление, которое вы дали бы съезду. Подобно Долгорукову и Детурнелю де Констану.

Л. Н., намекая на недавние речи Долгорукова и Детурнеля о мире:

— Как только пустяки, так нужно обставить это великолепно: как <появление> царя, чтобы было величественно, а слова если пусты, обставить красноречием. Детурнель обставил так*.

Л. Н. говорил о речи Долгорукова, произнесенной месяц тому назад, в которой тот надеется, что мир наступит от усовершенствования орудий истребления.

Л. Н.: Это как если бы люди до изобретения пороха говорили, что после его изобретения прекратятся войны.

Михаил Сергеевич рассказал Л. Н., что его (Л. Н.) обидел Марков 2-й в Думе. По «Голосу Москвы», № 40 от 19 февраля, Марков, говоря о смете Синода и останавливаясь на закрытии Литературного фонда и мерах против Толстого, проклятого и отлученного от церкви, заявил, что он находит, что русский народ это (эти меры) приветствует. «Толстой в глазах русского народа — преступник».

Л. Н. только спросил, какой Марков, сын Евгения? (инспектора тульской гимназии, знакомого Л. Н.).

21 февраля. Воскресенье. Л. Н. утром заходил к Александре Львовне. Александра Львовна спросила его: не нездоров ли?

Л. Н. сказал, что вышел с желанием помолиться. Пристал к нему сосланный. Л. Н. сперва отнесся к нему холодно, потом погуляли, поговорили, и полюбил, пожалел его и послал к Чертковым в Телятинки¹. Очень устал с ним.

Под вечер приехали Молоствовы из Тетюшей Казанской губернии.

Молостова рассказывала за обедом, что в Петербурге у Пругавина виделась с И. М. Трегубовым, который читал Пругавину свою статью о братце Иване Чурикове, проповедующем трезвость. Он им увлечен. Пругавин говорил ему, что пишет дифирамб, а ведь есть же теневые стороны. Братец Иван берет большие деньги. Трегубов: «Он их сейчас отдает на благотворительные цели». Пругавин: «Дает себе руки целовать». И. М. Трегубов очень советовал ей (Молостковой) посетить братца Ивана, надо только стать перед домом не позже 10 часов утра и дожидаться открытия дверей; в хвосте 300 человек, до 4 часов дня. Он православной, обрядной стороны не касается, проповедует внутреннее совершенствование: главное — трезвость, и имеет огромное влияние. Проповедует в большом зале. Сам он из рабочих. И в Москве есть братец Иванушка, этому запретили проповедь. Они оба из рабочего сословия.

Л. Н.: Жалко, что вам не удалось видеть его. Такое большое движение, а я никакого не имею представления о нем.

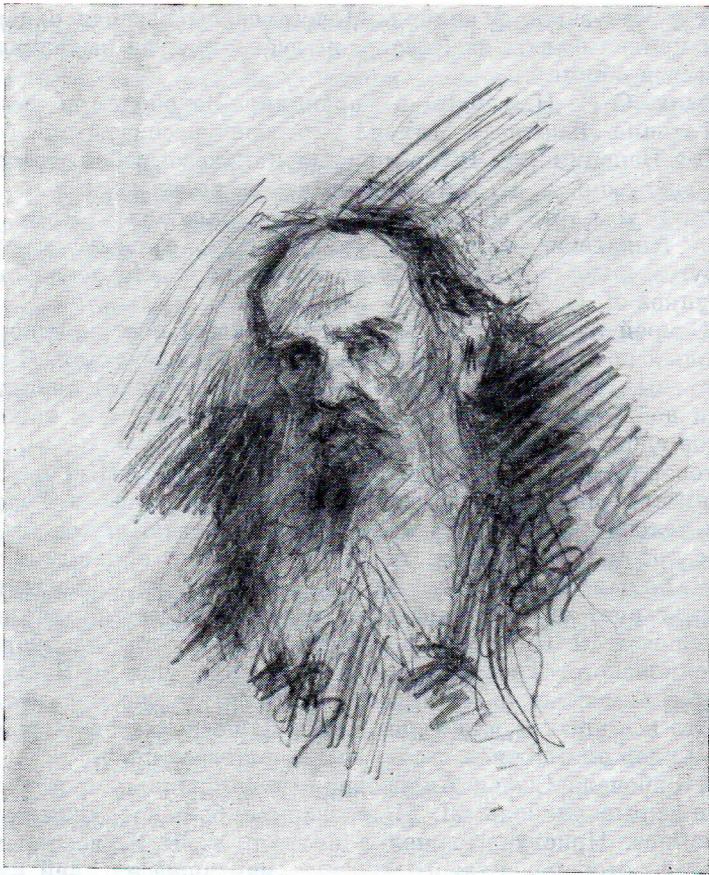
Кто-то заметил, что в «Новой Руси» есть статья о петербургском Иванушке. Л. Н. просил найти.

Молостова о хлыстах. Потом о том, в чем их упрекают.

Л. Н.: Это очень странная секта. У всех (хлыстов) есть особенное отношение к этому (т. е. к половому) вопросу.

Татьяна Львовна: Чертков прислал ужасную брошюру об обществе «Diana» в Северной Америке, чтобы Л. Н., если он одобрял когда-то их

* Вот суждения Л. Н. об Детурнеле или раньше о Мечникове, а в прессу проникли комплименты им (ответ на телеграмму Детурнеля).

ТОЛСТОЙ

Портретный набросок (карандаш) П. П. Трубецкого

1910

стремления, высказал бы, что это было по недоразумению. Они стремятся к целомудрию, а вместе с тем предаются неестественному удовлетворению инстинкта².

Молостцова о Поссе, с которым по телефону говорила: предложила ему свою статью о иеговистах.

Л. Н.: Сегодня получил от него письмо. Его журнал мало-помалу подвигается³.

Молостцова: Ведь первый номер его конфисковали. Наверно за ваше «Письмо польке», а сказали, что за статью Муринова (о коммунарах). Потом конфискацию сняли, но это очень повредило журналу, подписчики отхлынули.

Молостцова о переходе язычников, черемисов, чувашей, которые были крещены, в магометанство и о какой-то секте среди магометан, черемисов и чувашей Казанской и Вятской губерний: «Кучу сарта» — большая свеча.

Л. Н.: В магометанстве происходит движение освобождения от внешних форм — например, бехаизм. Их основной принцип, что религии не должны отличаться одна от другой. Черемисы более симпатичны и более живой народ, чем чувашаи, и более умны. Такое впечатление осталось.

Шахматы с В. Г. Молостцовым. За чаем Л. Н. спросил Молостцова,

как принят у них закон 9 ноября. Молоствов высказался о нем неодобрительно и привел факты из Казанской губернии, где выделившиеся хотят вернуться в общину.

22 февраля. С Л. Н. верхом в Горюшино. За обедом и вечером Молостова, Татьяна Львовна и Михаил Сергеевич рассказывали о процессе Тарновской в Венеции¹. Л. Н. не проявил никакого любопытства. О смерти Комиссаржевской. Л. Н. тут спросил, кто ее видел.

Говорили о том, что Победоносцев хотел заключить Л. Н. в Соловки, — Софья Андреевна читала об этом гостям в своих мемуарах², — и еще о другом подобном. По этому поводу вспоминали последствия мыслей и поступков Л. Н.

Л. Н.: С моей известностью вижу, что каждый поступок не проходит даром; каждый поступок твой несет неизбежно последствия. Я это вижу. Я это (что вы говорите о моих прежних поступках) забыл (а они продолжали действовать). Когда это видишь, видишь, как важно каждое дело, каждое слово.

Л. Н. говорил про то, что слышал сегодня от П. Н. Ге, ухаживающей за Александрой Львовной: о давке в кинематографе в Туле, причем погибло 12 человек (загорелась целлюлоидная лента, выход был единственный и с восьмью ступенями вверх). Эти описания ему нужны для его очерка «Ходынка», который пишет. Подробности о Ходынке, кроме Ильи Васильевича, ему сообщили Молоствовы, бывшие тогда там.

Л. Н. вышел в 10.10. После короткого разговора просил пустить граммофон, Трояновского. Татьяна Львовна пустила еще и Варю Панину. Говорили о граммофоне, о «Миньоне», что это то же, что фотография.

Л. Н.: Это все хорошо для художников. В поэзии этого еще нет, к сожалению... Художник должен стоять выше фотографии*.

1 марта. Заболела Софья Андреевна — промочила и простудила ноги. Охала и не скрывала боль. Л. Н. оказал ей большое внимание и беспокоился за нее. Приступ произошел в полдня. У Л. Н. воспаление вены на внутренней стороне правого колена, начавшееся дней пять тому назад. К вечеру сегодняшнего дня почти совсем прошло. Место еле-еле чувствительно на нажим. Л. Н. выходил каждый день утром и немного гулял, а вчера и сегодня пополудни ездил в санях. Я ему советовал лежать. Л. Н. же из нежелания лечиться или следуя рабочим людям, которые, пока могут, не ложатся, а продолжают работать, или же потому, что не признал воспаления вены, эту местную болезнь, единой, главной, исключительной, от которой именно надо лечиться, — вел себя примерно. И прошло и воспаление вены, и расстройство желудка с подавленностью, раздражительностью, вялостью и неработоспособностью, болями в печени. Инстинкт, которому Л. Н. почти всегда дает предпочтение перед правилами терапии, его не обманул.

С Л. Н. ездил к больной в Подываньково. Л. Н., чтобы не утруждать мужика везти меня обратно на своей лошади, предложил проехаться со мной, вместо того чтобы съездить в лес. В поле был ужасный ветер. Правил Л. Н. почти всю дорогу великолепно. Ехали возле колеи по узкому, гладкому месту. Лошадь не сбивалась, а Л. Н. ее не понукал и не дергал, только чуть-чуть направлял. И тут знаток и художник!

Л. Н. в избе у больной пробыл недолго, поговорил с ней и с хозяином, вышел. Еще поговорил со встречными мужиками о руде, которую им запрещают копать свободно, как было до сих пор, а требуют выставления ответственных лиц. Направился пешком обратно. Я догнал его у Старой Колпны.

* 23—28 февраля записи Маковицким, по-видимому, не велись: их нет ни в рукописи, ни в машинописных экземплярах.— *Ред.*

Я заговорил с Л. Н. о еврейском вопросе. Месяца полтора тому назад был по этому поводу неоконченный разговор.

Л. Н. говорил, что особенных людей — евреев — нет, как нет и армян и других. Все они люди, и как среди русских есть кулаки, так и среди них.

Л. Н. в этой беседе многое говорил про Булгакова.

Потом Л. Н. позвал Михаила Сергеевича и меня в кабинет и прочел нам вслух три сегодня им написанные ответа: к Комладзе, Е. Б. и Пестову¹ (великолепные письма!). Какая ясность, сила ума у Л. Н. в его года! Одно из них о том, что надо стараться исправлять не других, а себя. (Это мне еще ответ к беседе о евреях.)

Татьяна Львовна вчера съела 18 блинов. Сегодня стала говорить вообще о своем недомогании. Л. Н. остановил ее шутя:

— После 18 блинов не имеешь права 18 дней говорить о своем здоровье.

Л. Н. о письме крестьянина из Сетухи (близ Кочетов):

— Как бы сравняться с господами, стать интеллигентом.

2 марта. Л. Н. написал телеграмму М. А. Стаховичу, чтобы от Хрулева (начальника Тюремного управления) выхлопотал разрешение на посещение тульской тюрьмы, т. к. местная администрация препятствовала (тульский прокурор-немец²). Написал телеграмму, потом решил оставить¹.

Утром получена книга «Justice» (drama) by John Galsworthy³.

Л. Н.: Драма — это не по моей части.

«Ессе Sacerdos» — современный немецкий роман⁴.

Л. Н.: Эта немецкая (книга) на религиозную тему. — Посмотрел ее и сказал: «Будет интересна». Взял ее к себе в кабинет.

Приехал Л. И. Шестов — просто видеть Л. Н. Он писал книгу о Толстом и Ницше⁵, но в Ясной Поляне про нее не знают. Л. Н. спросил его, за что конфискована «Новая Русь», № 56. Шестов не знал. Еще раньше конфискован № 49 — за «На каждый день».

— Я уже тем доволен, — сказал Л. Н. — что ставят точки на места, где пропущено. Читатель видит. В старину это невозможно было.

Л. Н. спросил Шестова, имеет ли сношения с «Русской мыслью»:

— Почему не напечатала автобиографию крестьянина?

Булгаков: Ответили (Мирович), что по цензурным условиям.

Л. Н. прочел вслух из «Новой Руси» от 28 февраля статью Трегубова «Мир с животными». Это беседа братцев с братцем Иванушкой (Чуриковым) петербургским, о том, можно ли мясо есть. Иван советует не есть. И они (их несколько десятков тысяч братцев-трезвенников) бросают мясо есть. Рыбу едят.

Л. Н. про московского брата Ивана:

— У него пять тысяч последователей-трезвенников: хотели его отлучить от церкви, а он самый церковный человек, на днях митрополит.

Я сказал, что признание вегетарианства — большой шаг вперед.

Л. Н.: У русского народа есть что-то стадное — идти за одним, который обдумывает, а другие примыкают, хотят делать дело, а сами не думают. Но есть и такие, которые хотят играть роль Веригина. Как третьего дня бывший казак кубанский⁶.

О себе Л. Н. прибавил, что он не мог бы быть стадным. А сам своим умом ищет.

Третьего дня получен второй выпуск «Материалов жизни Л. Н. Толстого» Молоствовова, Сергеенко, Волинского. Софья Андреевна негодует, что притворяются, будто этому изданию сочувствует Л. Н. Софья Андреевна хочет опровергнуть это в газетах. Л. Н. сказал об этом издании, что вульгарное.

Л. Н. (вечером, ложась): С той стороны (Шестов) был интересен, что рассказал про литераторов... Пимен Карпов, автор книги против интеллигенции, совсем молодой человек, 20—22 лет, из крестьян — интеллигент. Шестов видел его в кружке Мережковского. Мережковский, Бердяев — ничтожные люди, я их не осуждаю, но понял, что они имеют меньше значения, чем я им приписывал.

Я спросил Л. Н., интересен ли был ему Шестов. Л. Н. говорил с ним в кабинете.

Л. Н.: Я как раз записал в дневник о нем: неинтересен⁷. Он литератор, не философ. Но вел себя скромно,

3 марта. Утром Булгаков спросил у Л. Н. его мнение о Шестове. Он ответил:

— Есть два рода людей: одни думают для себя, другие — для других. Он — ко вторым.

Пополудни Л. Н. поехал верхом с Булгаковым. Около Рвов заблудились, проехали верст 20. Устал, но на больном колене не отозвалось.

Приехал Сергей Львович. За обедом рассказывал про прием французов — Детурнель де Констана и других в Москве. Л. Н. промолчал. Про суд над Чайковским: оправдан, но нарочно не допустили свидетелей-англичан, могущих доказать алиби его. И про суд над Брешко-Брешковской, 75-летней. Присуждена к ссылке. Суд поступал недобросовестно, непристойно¹.

Л. Н.: Тут дела справедливости никакого подобия нет, дело борьбы партий.

Сергей Львович говорил, со слов В. А. Маклакова, что Столыпин собирается уходить: разочаровался в Думе, а царь — в нем.

Сергей Львович говорил, что познакомился с Куприным: атлет, пьянствует; как человек — менее интересен, чем его писания. «Если спросит, может ли приехать?»

Л. Н.: Лучше нет.

Сергей Львович: Почему?

Л. Н.: Так, он лишний...

Л. Н. сказал, что Шестов дал ему понятие о морали тех людей: Бердяева, Мережковского... Про Андреева (Шестов) сказал, что должен был с ним иметь разговор, а целую неделю нельзя было, т. к. он все время пьянствовал. А пьет один дома. «Каждый руководится своим сознанием. Но мне представляется, что мы теперь накануне какого-то большого кризиса».

Между тем, еще было говорено про писательскую и подобную братию, про Шаляпина, как он пьет, про Скрябина, какой он самоуверенный, невзрастник, разошелся с женой; про Горького. Сергей Львович говорил о Пушкине, Тютчеве. О Пушкине — что он, вероятно, в стихах думал и что у Пушкина есть и декадентские стихи, и цитировал их.

Л. Н.: Это его пережитые чувства.

Л. Н. (о поэзии): Я думал и писал поэтам, что в стихотворениях надо, чтобы мысль была нова — нова и наивысшим и наикрасивейшим образом выражена.

Софья Андреевна советовалась с Сергеем Львовичем об издании сочинений Л. Н., которые пока не вошли в полное собрание сочинений. Сергей Львович говорил про «Детство», что есть экземпляр с редакторскими поправками Некрасова, текст очень измененный и цензурованный: мысли изменены, своеобразный стиль изменен (печатный экземпляр)².

Софья Андреевна: Переписать на ремингтоне, нужно поправить, папа прочтет?

Л. Н.: Нет.

Разговор про «Воскресение». Сергей Львович говорил, что у Бутурлина есть экземпляр, в котором он отметил разночтения, сличив издания Черткова и А. Ф. Маркса. В последнем есть некоторые позднейшие поправки Л. Н., не вошедшие в издание Черткова. Например, о судопроизводстве. Л. Н. поговорил с Давыдовым об этом, изменил некоторые неточности. Но в издании А. Ф. Маркса есть марксовские изменения, — не только пропуски, а изменения, сделанные А. Ф. Марксом³.

Л. Н. вспомнил, как Чертков хорошо делает, когда требует, чтобы издатели не допускали никаких изменений. Лучше пропуски, пропуски же обозначать точками.

Л. Н.: В Швейцарии в международном вестнике появилась моя статья о праве, просят присылать и другие⁴. Чертков мог бы этим предложением воспользоваться.

Сергей Львович уехал.

5 марта. Был Гольденвейзер. Я весь день по больным. В полночь перевязывал колено Л. Н-чу. Л. Н. сказал мне:

— Вы теперь долго не будете спать, не одобряю.

Варвара Михайловна говорила мне, что Гольденвейзер очень хорошо играл. Л. Н. восхищался, прослезился и сказал, что если бы пропала цивилизация, ну ее к чертовой матери, а вот музыку жалко!

Утром приехал 35-летний мужик из Тамбовской губернии, высокий, стройный, с открытым, серьезным лицом, с еле заметной улыбкой, могучим огурцеватым носом. Он бывший артиллерийский унтер-офицер, потом кондуктор, в 1905 г. — революционер, оставил выгодную кондукторскую службу и вернулся в деревню. Через баптиста (пашковца) узнал про серьезную жизнь, читал, между прочим, и некоторые сочинения Л. Н. Приехал к Л. Н. Семья хочет лучше жить, а ему хочется из заработка уделять нуждающимся. «Я пока не знаю усовершенствования. Поеду, пока жив Лев Николаевич, узнаю, и мне будет яснее жизнь своя».

Л. Н. во время утренней прогулки поговорил с ним:

— Крест свой надо нести каждый день. О завтрашнем не думать.

Жить.

Направил его в Телятинки*. Л. Н-чу очень понравился.

6 марта. Приехал М. А. Стахович. Пополудни Л. Н. ехал с Булгаковым. Вчера был Сережа Попов.

Л. Н. (о нем): Он милый и приятный, серьезное лицо у него; его мечта — работать без животных, лопатой землю копать.

Л. Н. советовал Татьяне Львовне дать ему земли в Овсянникове: — Он второй год живет без паспорта.

М. А. Стахович: Почему?

Л. Н.: Из принципа.

М. А. Стахович говорил, что видел «Женитьбу Фигаро»:

— Превосходно играли. Имеет смысл в нашем нынешнем положении.

Л. Н.: Говорят, что та сатира, которая там сто лет, нам пришлась впору.

Л. Н. понравилось полученное сегодня письмо молодого человека из Черниговской губернии о том, как перевернулась его жизнь «Крейцеровой сонатой» и другими книгами Л. Н.¹

Л. Н. говорил о суде в Сенате над И. И. Горбуновым. Прокурор опротестовал было освобождающий приговор Московской судебной палаты.

Л. Н.: Я возмущаюсь собой, что негодую против этих людей. Я хочу в любви жить со всеми людьми.

Сегодня уехали М. С. Сухотин и В. Ф. Булгаков в Москву.

* где он остался до 8-го.

8 марта. Со вчерашнего дня здесь М. А. Стахович. Он привез Л. Н. переписанный на ремингтоне экземпляр его писем к А. А. Толстой. Общество имени Толстого, в котором председателем М. А. Стахович, купило право напечатания этих писем. Л. Н. читал их с большим интересом и вниманием. Вчера сказал об А. А. Толстой, что он с ней умственно кокетничал (пиша ей письма).

М. А. Стахович помог в корреспонденции, прочел чьи-то стихи. Речь о стихах. Л. Н. говорил, что стихи хороши (какие есть у Пушкина, Тютчева), когда нельзя переложить их в прозу; если же чувствуешь, что автор думает в прозе, а переставляет в стихи, тогда нехороши.

М. А. Стахович рассказал про какой-то роман Бурже в католическом духе.

Л. Н. про роман «L'imolé» par Baumann:

— Для меня странно, что католицизм с одной стороны падает, с другой держится (т. е. поддерживают его такие люди, как Бурже, Боман).

Л. Н. еще о романе «Esse sacerdos». Католический священник перестал верить, но продолжает быть священником потому, что его деятельность полезна, внушает народу трезвость, кооперацию.

Л. Н.: Вот что в библиотеках народных крайне нужно — энциклопедический словарь.

М. А. Стахович полагает, что для народных библиотек годится энциклопедический словарь Павленкова. Сказал, что, как выиграет в карты, первым делом подарит его в яснополянскую библиотеку.

Л. Н.: В энциклопедических словарях много лишнего, для народных библиотек надо оставить..... * Это работа для молодых людей... Химия, постройка... Выбрать самых значительных людей: Декарта, Будду, а какую-нибудь Дмитриеву — а их миллион — пропустить.

Вечером винт. Л. Н., М. А. Стахович, Александра Львовна, Варвара Михайловна.

9 марта. Утром приехал И. И. Горбунов поговорить о том, взяться ли ему печатать 30 народных книжек нового «Круга чтения» **. Решил печатать.

С ним приехал Николаев, пополудни Буланже.

Горбунов за обедом рассказал про рукопись воспоминаний о Л. Н.-че Фоканова, брата Герасима, живущего в Москве на фабрике Эйнем. Бывший ученик приходской школы. Описание живы и художественны.

Л. Н.: Леонид Семенов говорил, что, когда читал крестьянам ***, первое, что спрашивали: правда ли это? А если им сказать: «Неправда», то разочаровывались бы. А я, как только фотография: «Было прекрасное утро...», — не хочу читать.

Л. Н.: У каждого есть свои грехи. Я вчера думал, это глубоко метафизическое учение браминов, а неравенство людей, касты..... ****

С П. А. Буланже о его статьях о восточной мудрости, о письме Поссе, который печатает одну статью с предисловием Л. Н. в ближайшем номере «Жизни для всех» ¹.

Александра Львовна: В нас патриотизма нет, а в папеньке сидит. Папенька нас воспитывал в патриотизме.

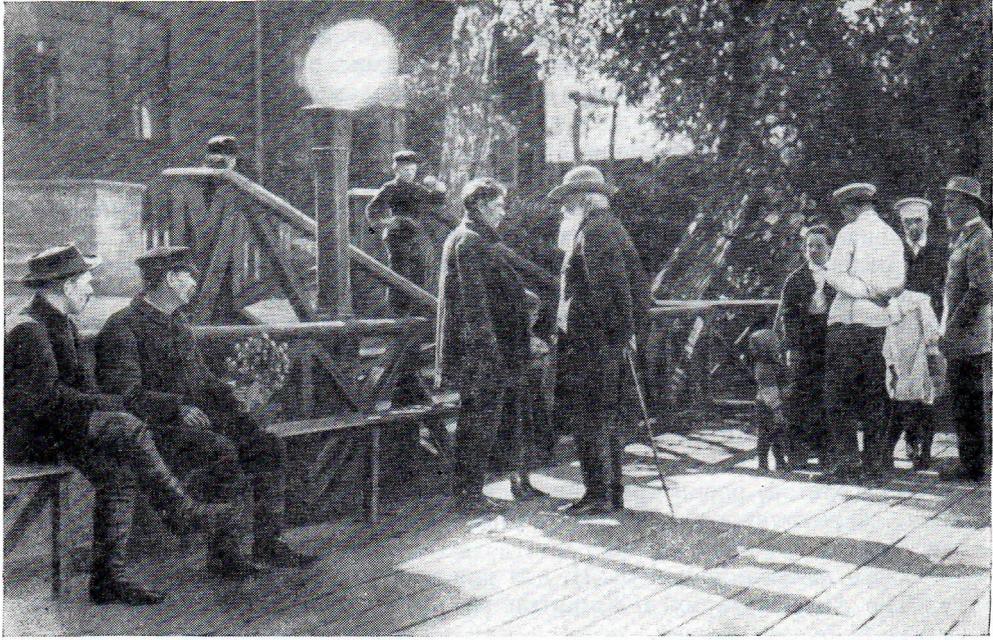
Л. Н. — об идее энциклопедического словаря для народа и вызвал Буланже, Николаева, Горбунова обдумывать его.

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

** Все появились после смерти Л. Н. под названием «Путь жизни».

*** Л. Д. Семенов читал в тюрьме арестованным «Воскресение».

**** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

ОТЪЕЗД ТОЛСТОГО В КОЧЕТЫ

Станция Засека, 2 мая 1910 г.

Толстой разговаривает с П. Н. Лепехиным. Справа Е. Е. Горбунова-Посадова с детьми, В. Ф. Буланже, Маковицкий и П. А. Буланже

Фотография Т. Тапселя

«...В 7.30 выехали из дому в Кочеты <...> Л. Н. любовался утром, весной... В Козловке ожидали Буланже и Тапселя — фотографа, который снимал Л. Н. и нас». — Запись от 2 мая 1910 г.

— У вас столько молодых людей, желающих работать, распределите им отделы. Давайте вместе займемся, — сказал Л. Н. проявившему охоту Буланже.

Л. Н.: Религиозных мыслителей, философов, ученых (рассказы) о разных народах — побольше, поменьше о государственных людях, генералах.

Буланже: Когда читали у Брокгауза «Упанишады», не поняли, что они такое. А Шопенгауэр утешался ими. Надо же сказать толково о них.

И. И. Горбунов, увидев граммофон в зале, рассказал, что пластинку, где Л. Н. говорит о том, что убивать нельзя, запретили, подозревая намек на смертные казни.

Л. Н.: Ах, ах!.. Это просто мне ужасно. Хочется написать об этом, не знаю, удастся ли. Поэтому хочу в тюрьму, посетить заключенных.

Л. Н. рассказал, что Гольденблат ему советовал подать прошение Хрулеву, чтобы мог посетить заключенных. Л. Н. этого не хочет. М. А. Стахович предлагал ему другие способы добыть право, но взялся и сам выхлопотать у Хрулева.

И. И. Горбунов предложил печатать новый «Круг чтения» копеечными книжками, так, чтобы сначала печатать безобидное (о боге, о душе) — и таких двадцать, а на конец оставить о вере и подобном и обратиться к другому, где половина нецензурного. Л. Н. согласился.

Винт. Л. Н., ложась, сказал мне, что у него расстроились нервы, переутомлен, слезы, нервность:

— Вы меня защищайте от всяких волнений.

Сегодня пополудни были тамбовский крестьянин с С. М. Поповым. Прощались с Л. Н. С ними Л. Н. много беседовал. Также много говорил с Николаевым и Буланже, они оба были шумливы, с И. И. Горбуновым, который взволнован предстоящим судом и ожидаемым арестом.

10 марта. Утром вернулись из Москвы Сухотины. Л. Н. встал рано утром и встретил их на поддороге.

Ехав с Л. Н., я дозволял Катьке срываться в галоп и на повороте шоссе на шлаковую дорожку ударил Л. Н. коленом по левому бедру. А у него вена на внутренней поверхности воспалилась.

Приехала С. А. Стахович. Недавно в первый раз ездила в Париж со своей сестрой, Огаревой. Рассказывала больше о наводнении в Париже. Михаил Александрович, ее брат, острит, что это наводнение вызвано ими, «праведницами», прибывшими в Париж (считал праведницей свою сестру — Огареву). Рассказала, что в Париже заметила, что постарела, потому что не радовалась, не восхищалась тем, что раньше радовало бы ее, например, Théâtre Français.

Л. Н. (к Михаилу Сергеевичу): Читаю свои письма к Александре Андреевне Толстой, очень трогательно ее предисловие. Она стоит за искупление, божественность Христа. Ругает меня. Но она религиозный человек. Притом она любит меня.

Софье Александровне Л. Н. дал для чтения недавно полученную книгу «The Autobiography of Supertramps» by Davies, с предисловием Шоу. Сам ее не будет читать¹.

— Тут я вижу замысел, — сказал Л. Н., — вижу, что это не настоящее автобиографическое.

Вечером приехал Михаил Львович, с лета не бывший в Ясной.

Л. Н. прочел вслух ответ Шимановскому, который спрашивает, на что ему завещать 15 тысяч рублей. Л. Н. советует на энциклопедический словарь для народа². Разговор про долгоруковский каталог народной читальни. Л. Н. вчера читал вслух все лучшие книги, какие попадались, их И. И. Горбунов отмечал: «Это наши».

Разговор Л. Н. с Александрой Львовной про пять заповедей буддистов. Одна: не убивать живых существ умышленно*.

Л. Н.: Думать о своем поступке, а не думать о последствиях. Другое: не присваивать того, что другой признает своим.

С. А. Стахович рассказала про французские пьесы, много говорила, пришла в азарт и повторяла, что Л. Н. не понимает остроумия, тонкости диалогов, ответов из французских драм, ею цитированных; она ими восхищалась.

Л. Н. ответил вроде того, что это ломание, и перевел разговор на другой предмет (заговорил о немецком романе) и тем предотвратил спор.

Пожелали музыки. Михаил Львович был готов сыграть на балалайке, а кто лучше его играет! Но тут граммофон, и его пустили: Трояновского, Варю Панину, Михайлову.

Л. Н.: У Трояновского есть особенная черта какой-то вычурности, какого-то молодчества.

Винт. После Михаил Львович пел удивительно хорошо цыганские песни. В 11.40 пришел Л. Н. в халате, постоял в дверях, послушал и ушел по-стариковски. На меня произвел впечатление глубокого старика.

Булгаков, вернувшись из Москвы, стал жить опять в Телятинках.

Софья Андреевна показала фотографию, присланную недавно Чертковым, с нового портрета Л. Н. работы Репина, сделанного по ее фотогра-

* Вчера топили четырех из шести щенят Белки. Они только родились, уже плывут, придавливали камнями.

фии: Л. Н. сидит в кресле, возле сидит Репин. Софья Александровна видела оригинал и говорила, что одно портит все: в правом глазу Л. Н. слеза. Л. Н. сидит в розовом кресле и сокрушается о человечестве. Это mauvais goût*. Это даже не его, а его хозяйки идея. Сам же портрет хорош, превосходит³.

Речь о втором выпуске биографии Молодцова. Л. Н., Софья Андреевна, С. А. Стахович, И. И. Горбунов выражали негодование: множество лишних рисунков или ничего не значащих — все как бы продать больше.

Л. Н.: Эта внешняя техника давит внутреннее содержание.

Потом Л. Н. читал списки (каталоги) книг народных библиотек, присланные Долгоруковым. Л. Н. говорил, что в списке книг народных библиотек Московского общества грамотности лишние: критика — Чернышевский, Писарев и т. д. и всякие книги о дарвинизме, об эволюции. А недостает, во-первых, кратких историй (всеобщей и русской) и Григоровича; во-вторых, нет грамматики (учебника русской орфографии); в-третьих, нет арифметики, краткой алгебры и геометрии.

Ночью уехал И. И. Горбунов.

11 марта. Л. Н. утром говорил Александре Львовне, что ему стыдно за то, как провел вчерашний вечер: винт, граммофон, а есть столько хорошего читать. И что больше в карты играть не будет.

Л. Н. ездил верхом на Козловку. Я с ним. Необыкновенно ранняя весна. Ясенка четвертый день, как вскрылась. По льду течет вода.

Сегодня «соединенными усилиями», как выразился Михаил Сергеевич, удалось убедить Л. Н. не ехать в Крекшино 15-го сего месяца, как он было на днях решил. Убеждали Л. Н., должно быть **, с той точки зрения, что трудно ему путешествовать; что может случиться в Москве Ходынка; что у Чертковых не будет ему отдыха от посетителей; что его заморят и что в Крекшине в эту распутицу нельзя будет гулять ни пешком, ни верхом, т. к. там очень мокрая местность, и что если Л. Н. уедет, то из Ясной все разбредутся: Софья Андреевна — за ним, Александра Львовна, Михаил Сергеевич с Татьяной Львовной и другие.

Вечером читали вслух письма Л. Н. к А. А. Толстой и ее к нему. Говорили, что очень интересны были всем, а Л. Н-чу больше всего — один день в Швейцарии⁴.

— Письма Александры Андреевны очень хороши, — повторял, одобряя, Л. Н.

12 марта. Л. Н. спал до 10.15. Чувствовал себя слабым: «Спать хочется». Потом гулял, но пополудни — нет. У него губы синие, аппетита нет. Александра Львовна очень испугалась, что Л. Н. так долго не просыпается.

Л. Н. (ей): Хорошо умереть, но неприятно в том отношении, что заставляешь других страдать.

Потом днем Л. Н. по этому же поводу Софье Александровне:

— Я думаю, все равно, что вы умерли, что жили; Душан Петрович со мной согласен.

Утром приехал писать портрет с Л. Н-ча В. Н. Мешков⁴, 44 лет, с огромной головой. У него выдолблена часть левой верхней челюсти и под глазом яма.

Разговор об операциях и о наркозе. Татьяна Львовна рассказывала, как засыпала, — она вспоминает, что чувствовала, будто остается без тела, двигаться не может, болей нет, и т. д.

Л. Н.: Но я есть, это важно.

Танечка (к Л. Н.): Дедушка...

* дурной вкус (франц.).

** Меня там не было, ездил к родильнице, приехал в 10.45.

Л. Н.: Что, матушка?

Танечка очень любит дедушку и дедушка — ее, нежен с ней.

Л. Н.: Я не помню такой ранней весны, как нынешняя. И чтобы была так устойчивая, медленная, безостановочная.

Вчера Л. Н. получил письмо от Н. Смирнова, в котором он говорил о своем религиозном настроении².

Л. Н. сказал:

— Под этим письмом я сейчас подписался бы.

Татьяна Львовна в разговоре сказала:

— Столыпин влюблен в закон 9 ноября.

Л. Н.: Столыпин влюблен в виселицу, этот сукин сын*. — И Л. Н. возмущался им. — Филипп, а уж Илья Васильевич на его месте, насколько бы они были нравственнее!

Сегодня С. А. Стахович об этом заговорила укоризненно.

Л. Н.: Я сказал хуже вашему брату (М. А. Стаховичу). Его (Столыпина) отец, хотя он был генерал-адъютантом, был порядочный человек, а это... «И это порядочный», — сказал ваш брат.

Сегодня Л. Н. работал над новым «Кругом чтения», но рассеянно, слабо. Вечером шахматы с Михаилом Сергеевичем. В это время Мешков и Татьяна Львовна писали Л. Н. цветными карандашами³. Л. Н. предложил Мешкову утром в кабинет приходиться писать. Мешков в половине 9-го вечера пошел спать.

Л. Н. сегодня получил книги от Rama Deva, издателя журнала «The Vedic Magazine» в Лахоре**, и был им очень рад. По несколько раз спрашивал, кто ему прислал их, говорил, что надо поблагодарить его. От последней книги Л. Н. в восторге. В 9 ч. зашла к нему проведать его Александра Львовна и застала его за чтением этой книги, и Л. Н. начал так:

— Я хочу тебе сказать, что поганое тело слабо, а духовно мне очень, очень хорошо. — А потом показал на книгу и сказал: — Эта книга доставила мне большое удовольствие; я первый раз понял, что мы привыкли считать богом бога-творца, бога Христа, бога Магомета, который летал на небо, а тот бог, который есть начало всего, он нам даром достался, так как только такие великие умы, как древние индусские мудрецы, могли додуматься до этого великого понятия. А сидя в Лондоне или Париже с автомобилями, аэропланами, люди никогда бы не додумались до этого. Мы получили даром то, о чем в тишине, простоте могли додуматься все великие мудрецы мира... — Потом Л. Н. прибавил:

— Я в первый раз в жизни это понял.

Л. Н. вышел в залу и заговорил об этом же. Софья Александровна возразила ему что-то про Кришну и что ей все эти «вишни-Кришны» неинтересны. Л. Н. ответил:

— Если бы не было Кришны, не было бы нашего понятия о боге. Наши христианские понятия духовной жизни происходят от древних, от еврейских, а еврейские — от ассирийских, а ассирийские — от индийских, и все идет ходом обратно: чем новее, тем ниже, чем древнее, тем выше***.

Л. Н. сегодня и вчера раздражен — вследствие слабости ли, болезни ли.

Вечером читали вслух письма Л. Н. к А. А. Толстой, с большим вниманием все прислушивались. В них речь о Записках, деланных на Кавказе. Л. Н. отзывался о них, как о ценных для него, и о Станкевиче,

* Я не присутствовал при этом, слышал от Варвары Михайловны.

** «The Fountain Head of Religion», «Light of Truth».

*** В «The Fountain Head of Religion» говорится, что магометанство основывается, главным образом, на еврействе; христианство — также, главным образом, на еврействе, частично на буддизме. Буддизм — главным образом — на зороастризме.

о котором пишет с глубоким уважением и любовью⁴. Об этом разговоре.

— Записки — наверно, дневник, — сказала Софья Андреевна.

Л. Н., когда ложился, сказал мне:

— Так, Душан Петрович, эти письма мне биографически очень интересны, потому что высказывают задушевные вещи. Ужасно это интересно.

Меня поразило рассуждение Л. Н. по поводу смерти Николая Николаевича и о его жизни, приблизительно такое: счастья в жизни нет, а есть борьба с собой, усилия. Это Николай Николаевич и делал, а Л. Н. о себе говорит, что он далеко не будет так хорошо жить.

На днях Хомяков покинул председательство в Думе, и на его место выбран Гучков. Хомяков привлекал сердца, Гучков — холодный. Об этом Л. Н., если и читал или слышал, ни словом не обмолвился, разве что в том смысле, как все это не важно.

13 марта. У Л. Н. прошло воспаление вен на колене и с ним и двухдневная слабость. Сегодня ездил верхом и без повязки. У М. А. Шмидт преинтересно рассказывал, во-первых, о браминских книгах. Когда сказал, что буддизм ниже браманизма, что буддизм не признает бога, П. А. Буланже изъяснил с радостью свое одобрение этой мысли. Он сам так чувствовал. Л. Н. говорил, что эволюция понятия бога идет *обратно*. У старых индусов оно выше, у христиан опустилось, а в наше время материалистическое — еще более опустилось. И быть иначе не может. Во время 30-этажных домов, автомобилей некогда и нет покоя, чтобы додуматься до глубокого понятия духовной жизни. Л. Н. понравилась *conclusion* * книги.

На хуторе Татьяны Львовны строят дом и амбар для П. А. Буланже. Л. Н. проявил негодование, что «девчонка» (т. е. Татьяна Львовна) может вздумать и заставить людей строить дворцы и что Павлу Александровичу они нужны. П. А. Буланже в оправдание сказал, что строящийся дом будет не больше, чем тот, в котором живет Мария Александровна. Мне очень понятна досада Л. Н. Ему, так упорно и последовательно мыслящему и ясно видящему, как люди должны и могут жить, всякие побрякки у близких людей непонятны и неприятны.

Л. Н. (М. А. Шмидт): Нам с вами скоро умирать, мне по годам, вам — по болезни. Чем дольше живешь, тем лучше понимаешь, как жить, и тем легче становится умирать.

Татьяна Львовна нашла в «The Public» объявление о предстоящих публичных прениях Льюиса и Генри Джорджа-сына о том, осуществлен ли где единый налог; Льюиса и Даггю о непротивлении и Н. Н. о том, какой вопрос выше: генриджорджевский или марксизм.

Татьяна Львовна выписывает для себя отчет об этих прениях.

Л. Н. рассказал, что получил письмо от раскольников, в конце спрашивают его: «Какого вы корабля?»⁴

Татьяна Львовна: Это лучше сказано, чем «Какой вы платформы?»

Л. Н. (о Леониде Семенове): Он из людей простых, крепких, у которых слово и дело сходятся.

Л. Н. о приехавшем сегодня молодом человеке, вологодском приказчике, служившем в шапочном магазине в Оренбурге и бросившем место, т. к. приходилось продавать товар обманом:

— Читал «В чем моя вера?» и брошюры. Его мучит вопрос, как осуществить христианство, что делать. Предстоит ему явиться к призыву, и он хочет отказаться.

Л. Н. с Михаилом Сергеевичем говорили о том, какое учение более древнее: ассирийское или Моисея? Михаил Сергеевич говорил, по словам

* заключение (англ.).

Бутурлина, знатока этого дела, что несомненно ассирийское («Зендавеста»?). Оно пяти-шеститысячелетнее. Давид жил за тысячу лет до Христа.

Михаил Сергеевич спросил об отношении буддизма к браманизму: такое ли как христианства к иудейству?

Л. Н.: Нет. Браманизм выше буддизма...

Потом Л. Н. говорил, что в последнее время ему стало ясно: в Послании Иоанна нет понятия личного бога. Его изречение: «Бог есть любовь». Если человек верит, что любит бога, а ближнего ненавидит..... *

Л. Н.: Аугсмап — это новая секта (браминская). Смотрел в Брокгаузе, там о ней нет.

Сегодня похоронили Морозову, мать Василия Степановича, ученика Л. Н. Самая древняя в Ясной Поляне и очень добрая старуха. Ей было около 80 лет. Младший сын, с которым жила, у нее очень гневливый, приходилось ей переносить, не изменила его своей кротостью.

14 марта. Днем приехал А. А. Стахович. Говорил со мной о славянском вопросе. Ему интересны все славянские дела — например, сближение русско-польское, в Австрии — польско-славянское. Для него они несравненно более и искреннее жизненны, чем для меня. Он страдает от тех обид, которые русские — особенно после Пражского славянского съезда — наносят полякам. Об обедах же с польской стороны галичанам, русским, зная их, почти не скорбят.

Л. Н. пополудни верхом в Телятинки, где живут В. Ф. Булгаков, Е. П. Кузевич, С. М. Белинский, Ф. С. Перевозников, Ф. Иванов и в гостях С. Попов и приказчик из Оренбурга. Последний совсем просто держит себя с Л. Н., без малейшего подобострастия. На вопрос Л. Н. ответил, что, побыв со вчерашнего дня среди друзей, ознакомился с делом.

Л. Н. поправил его: «Со взглядом на жизнь», и сказал, что расти надо медленно, как дерево. Приказчик сказал, что вчера говорили о женщинах, и спросил, нужно ли, действительно, воздержание, — ведь тогда род человеческий прекратится. Л. Н. ему ответил, что на это есть Хозяин, который об этом заботится. То и дело жалобы, что много таких детей помирает, о которых не заботятся.

Л. Н. беседовал, сидя на лошади, у маленького домика, обитатели которого вышли во двор. Я радовался на этот табунок серьезных, с чистыми стремлениями юношей, особенно на С. Попова, и рад был за приказчика, что оказался среди них. Попрощавшись со всеми, Л. Н. уехал.

Вечером шахматы с Михаилом Сергеевичем; Мешков и Татьяна Львовна продолжали писать.

За чаем — продолжение чтения писем Л. Н. к А. А. Толстой и ее к нему. Читала хорошо С. А. Стахович. За обедом разговор отдельных групп между собой. Л. Н. был как бы оставлен один. Даже сидел как-то подальше от стола и, опираясь на спинку кресла, еще больше оставался в стороне. Совсем не участвовал в разговорах.

Письма опять всем очень понравились и на Л. Н. производили глубокое впечатление. Дошли до 1875 г. Л. Н. иногда делал замечания при чтении — например, о Стракове: «Один из лучших людей»; об Урусове: «Православный, истинно религиозный человек был»; о Ергольской: «Во время ее похорон перед каждым яснополянским двором литии, каждая остановка — это были ее добрые дела».

Разошлись в 11.15. Утром был Куприянов, корреспондент «Русского слова». Л. Н. вечером сказал, что хотел ему дать полученное сочувственное письмо монаха, по поводу его старой статейки о самоубийствах, которую на днях Софья Андреевна послала «Русскому слову», и все газе-

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

ты перепечатали¹. Куприянов поговорил только со мной, я ему сообщил новое интересное.

15 марта. За завтраком Л. Н. читал вслух из изречений Лескова, выбранных и доставленных П. А. Сергеенко. Отметил лучшие. Александра Львовна их переписала¹. Л. Н. был ими восхищен и рад такому единомыслию. Вероятно, поместит в «На каждый день» («Путь жизни»). «На каждый день» печатают у Сытина, Январь и Февраль.

Третьего дня была в «Речи» цитата из письма Л. Н-ча Гусеву²; поместил ее Молочников. Появление этой цитаты было Л. Н. неприятно с той точки зрения, что не может писать интимно одному лицу.

Молочникова поместили в предварительное заключение за склонение к отказу от воинской повинности³. Л. Н. хлопочет через Олсуфьева (или М. А. Стаховича), чтобы освободили его. Зашла речь о бестактности Молочникова. Он писал Л. Н. о том, что князь Васильчиков, министр земледелия (издавший распоряжение о переходе общинной земли в частную собственность), притесняет своих крестьян, и Л. Н. ответил ему письмом, в котором возмущался такими действиями. Молочников, не спросившись его, написал Васильчикову, приводя выдержки из письма Л. Н., которые Васильчиков счел обидными для себя. И он об этом сообщил Стаховичу, а последний — Л. Н-чу. Молочников признал ошибку и извинился перед Л. Н.⁴

С. А. Стахович негодовала на шум и демонстративное поведение студенчества при похоронах Комиссаржевской⁵. Толпа в 10 тысяч с венками ждала ее гроба. Софья Андреевна говорила, что и проводы Л. Н. в Москве⁶ были делом толпы студентов и курсистов, для которых Толстой есть только имя известное; они в общих чертах знают дух его писаний, то, что он против правительства, церкви, но не знают последних его вещей. Теперь литература не в моде. Любовь к искусству пропала.

Софья Александровна сказала, что ей большое удовольствие — созорничать. Перед отъездом же сказала, что она при Л. Н. конфузится. Она сказала это в ответ на упреки, которых ей не делали, но которые она сама чувствовала, зная, что с Л. Н. спорит бесцеремонно и даже задирает.

Вечером С. А. Стахович продолжала читать вслух переписку Л. Н. с А. А. Толстой. Когда читали место, где Л. Н. пишет (после убийства Мезенцова), что он избегал его из-за его должности, а теперь жалеет его, Л. Н. заметил:

— Я его очень любил, был милый человек, а занимал такое отвратительное, мерзкое место⁷.

Л. Н. об этих письмах:

— Эти биографические данные — самые замечательные. Это один из самых лучших материалов для биографии.

Читали 1876 и 1877 гг. Л. Н. пишет, что как мало его трогало сербское сумасшествие, так близко трогает его русско-турецкая война⁸.

16 марта. Л. Н. в эту ночь долго не засыпал. Пульс ночью 82. Пополудни верхом в Козловку. Софья Андреевна волновалась вчера и сегодня из-за этого. Хуже было от ее волнения, чем от недомогания. Хотела давать Л. Н. минеральные воды. Л. Н. сперва колебался, потом отказал.

Был Перевозников. Приехал от Черткова. Понравился Л. Н-чу.

Л. Н. прочел и поправил немного изложение своих религиозных взглядов в биографии Моода¹. Вообще Л. Н. изложением Моода остался доволен. Особенно тем, что он проследил и последние фазисы его духовного развития.

Михаил Сергеевич говорил по этому поводу Л. Н-чу, как у него взгляд на бога колеблется. Еще иногда встречаются изречения — и Михаил Сергеевич привел примеры — о личном боге; потом Михаил Сергеевич гово-

рил, что Л. Н. раньше основывал религиозные взгляды на Евангелии, а теперь — на сходстве всех религиозных учений. Потом о взгляде на вечную жизнь. Тут Л. Н. привел правящиеся ему изречения М. Арнольда, его ответ на возражения, что будет с миром: «I can go along without it»*. «Прежде, чем Авраам был, я есмь»². Я — Толстой, Я — Михаил Сергеевич, Я — Душан.

Александра Львовна говорила о концерте Гофмана в Туле.

Л. Н.: Пиано** чуть ли не больше всех музыкальных инструментов на меня действует.

Л. Н. все занят составлением книжек из «На каждый день». На это нужно ему теперь спокойное время, и он не втягивается в споры о разных вопросах дня.

17 марта. Вечером уехал В. Н. Мешков. Его карандашные картинки Ясной Поляны, по-моему, неудачны, особенно Л. Н. Малое сходство. У Василия Никитича зрение плохое.

Михаил Сергеевич читал книгу, привезенную М. А. Стаховичем, — компиляцию о Николае I Гершензона, интересуется ею¹. Рассказал Л. Н-чу, что в двух случаях Л. Н. подобное же решение вынес бы, как Николай Павлович. Когда ему представили просьбу об открытии новой газеты, он наложил резолюцию: «Их и так слишком много». А когда Грановский хотел издавать новый журнал, резолюция была: «Не нужно».

С. А. Стахович, обожающая Пушкина, вспомнила слова Л. Н., ей сказанные о Пушкине: «Это не pour faire vous compliments***, но какой удивительный мастер красоты ваш Пушкин!»

Вечером винт.

Л. Н. написал длинный ответ японцу, его пять раз переписывали².

Л. Н. сегодня возвратил Гецу в Вильно присланные им книги о Талмуде, не используя их³. Некогда и не было охоты, т. к. содержание Талмуда очень скудное в религиозно-правственных истинах. Л. Н. пробовал читать книжку еврейских легенд и там ничего не находил. Из всех полученных в последние один-два года от разных лиц и прочитанных им книг о еврейской мудрости извлек только одно изречение к тем, которые уже были в «Мыслях мудрых людей» и в «Круге чтения»⁴.

18 марта. Танечка, которой четыре с половиной года, сказала бабушке нечто вроде этого: она подумала и решила, что впредь будет есть то, что ей дадут, и сладкого выпрашивать не будет. На это характерное толстовское поставление себе принципов поведения обратила внимание С. А. Стахович.

Л. Н. сказал Танечке, когда подошла к нему за обедом:

— Я слышал, что ты сказала. Это очень хорошо. Только ты помни это и так и делай. — И поцеловал ее в головку.

Получено письмо с литографированным уставом от старообрядческого архимандрита Михаила (выкреста); призывает Л. Н. к какому-то объединению христианских церквей, общин и сект¹. Л. Н. передал прочесть Михаилу Сергеевичу. Когда Михаил Сергеевич рассказал содержание, Л. Н. сказал:

— Ах, Михаилу не буду отвечать! В деле религии посторонняя цель — ничего нет хуже.

За завтраком Л. Н. дал прочесть вслух письмо Гусева о том, что ему грозит наказание по 32-й статье, — вероятно, ссылка в инородческие дальние селения, а то и заключение до трех лет за то, что дал читать другому запрещенные сочинения Толстого. Л. Н. прослезился, тронуло его это письмо. Ответил Гусеву сегодня же².

* «Я могу обойтись без него» (англ.).

** фортепиано (от франц. piano).

*** не для комплиментов вам (франц.).

Г. ТАПСЕЛЬ ПОКАЗЫВАЕТ ТОЛСТОМУ ФОТОГРАФИЮ СВОЕЙ РАБОТЫ

Затишье, 20 мая 1910 г.

Фотография В. Г. Черткова

«Пополудни Тابسель, приехавший вчера... снимал Л. Н. и домашних фотографически и кинематографически». — Запись от 18 мая 1910 г.

Когда Л. Н. вышел в третьем часу дня, его ждал дальний крестьянин, присужденный к трем месяцам тюрьмы за конокрадство. Он просил Л. Н. написать суду, что он эту лошадь купил у Прокофия Власова. Раньше, недели две-три тому назад, оба уже были у Л. Н-ча. Прокофий подтвердил, и Л. Н. было поверил им. Л. Н. отнекивался, почему он знает, он не судья, но Михаил Сергеевич его убеждал написать. И Л. Н. решил поехать к Прокофию. Там уже написал до половины письмо, когда спросил, каких лет лошадь. Прокофий сказал: «Шести». А тот мужик говорил было: «Двух». И потом дальше, оправдывая ошибку, пугались. Л. Н. казалось, что дело неладно, что тут есть что-то ложное, и, не написав письма, ушел. Заходил Л. Н. к Прокофию сперва в его хату — ударился лбом о косяк двери, а потом в большую новую избу его брата и рассказывал о своих впечатлениях. Какая разница между отношением к нему

(вообще к дворянам) старшего и младшего поколения. Разговаривают, не вставая, — и об этой перемене разговорился. Л. Н-чу нездоровится, усталость, «не в духе».

Софья Андреевна к чему-то говорила, что если бы Л. Н. сидел на одном месте, не ездил ни в Овсянниково, ни в Крекшино, дожил бы до ста лет.

Л. Н. пошутил по этому поводу и добавил:

— Вопрос, хочу ли я дожить до ста лет.

Татьяна Львовна говорила о том, о чем читала сегодня в газетах, о писательнице Вербицкой, теперь самой читаемой, пишущей в романе «Ключи счастья», разошедшемся в 50 тысячах экземпляров, о полной непогрешимости половых инстинктов. Прозвали ее Саниным в юбке. Читают ее больше Ната Пинкертона. Разговор о ней. Л. Н. не отозвался.

Получена новая большая книга «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову. Воспоминания друзей»³. Смотрели хорошие фотографии, иллюстрации, и Л. Н., когда все ушли, кроме Софьи Андреевны и меня, с четверть часа смотрел в зале и некоторые места читал, смеясь, вслух, а именно его разговоры со Стасовым о боге, о смерти. О боге Стасов слышать не мог, а о смерти и думать не хотел. Сердился, когда Л. Н. о ней заговаривал. И страдал, когда самому вспоминалась (ночью). Л. Н. справился в словаре о годе рождения и смерти Стасова: умер 82 лет*.

Уехала С. А. Стахович. Этот раз пробыла дольше обыкновенного, около недели. Была очень жива, приятна. Увезла с собой привезенный ею экземпляр писем Л. Н. к А. А. Толстой.

19 марта. У Л. Н. насморк, утром гулял. Пополудни сказал мне, что видел сон, будто полицейский его арестовал (это, может быть, впечатление после письма Гусева).

Вечером М. А. Шмидт, П. А. Буланже. За обедом Буланже, между прочим, говорил, что читал биографию Гаршина:

— По-моему, — говорит Буланже, — его помешательство — острое желание проникнуть в смысл жизни. Он в это время приезжал к вам, не застал вас дома⁴.

Буланже принес новое издание «Посредника» (полторы копейки), свою книжку «Конфуций»². Л. Н. был ей рад и прочел на обложке (четвертой странице), что еще издано И. И. Горбуновым (по 1, 1½, 3, 7, 8 коп. учения мудрецов) и добавил:

— И за это его наказать, посадить в тюрьму! — и продолжал: — Иван Иванович Горбунов старается, чтобы были дешевы эти книжки (по копейке). Я его просил об этом. Он такой милый!

Л. Н.: В «Новой Руси» (17 марта) из «На каждый день» только одно изречение напечатано, семь пропущено!

Буланже: Может быть, это нарочно сделано редактором, чтобы больше кидалось в глаза.

Л. Н. рассказал:

— Редактор «Руси» (т. е. «Новой Руси»), писал мне (27 февраля): «Признаете ли наличность преступления в словах?.. Я написал ему резкий ответ³. А вчера получил его обратно от Дудченко, которому он был по ошибке послан, и короткое письмо Дудченко.

Л. Н. рассказал, что кто-то послал ему тетради; на обложках — словесцы народные (выбранные Л. Н.). На каждой обложке что-нибудь полезное для детей. Отправитель пишет, что это не имеет никакой денежной цели.

* По-моему, очень живо описано И. Гинцбургом последнее посещение Ясной Поляны Стасовым⁴.

Об аресте Молочникова. Спрашивали, почему арестован.

Л. Н.: У него нашли несколько экземпляров моих запрещенных брошюр, и двух солдат склонил к отказу от военной службы (А. Соловьева и С. Смирнова). Смирнов побывал уже в нескольких тюрьмах, и поскольку сам добрый, ему, по его словам, «езде так хорошо, что лучше желать нельзя».

Л. Н. прочел вслух из книги «Незабвенному В. В. Стасову» разговор о смерти. Софья Андреевна не одобряла, что надо думать о смерти.

Л. Н.: Для того, чтобы хорошо жить, надо помнить о смерти, думать о жизни, имея в виду смерть.

Софья Андреевна не соглашалась, возражала.

Л. Н.: Я и так просил позволения сказать, зная, что это бесполезно. Тут, когда помнишь, что завтра помрешь, ясно видно, что важно духовное, не деньги, не о здоровье очень заботиться...

Л. Н. говорил, что прочел в «Новой Руси» и «Русских ведомостях» о Финляндии, которую собираются теснее присоединить; П. А. Столыпин наметил пункты нового законопроекта об этом Эрнефельт, наверно, об этом будет говорить.

Буланже говорил про появляющиеся в газетах интервью Горького, Андреева, Куприна, Арцыбашева и т. д. и что он не видит в них ничего особенного писательского, как у Достоевского, Гаршина; то, что они говорят интервьюерам, — это такая бессмыслица.

Л. Н. согласился с еле заметной улыбкой:

— Я уж не позволю себе этого говорить.

Л. Н. сказал, что прочел целую газету «Новая Русь»:

— Я только не читаю — не думайте, что это *parti pris**, — Камаровского**.

Буланже прочел вслух письмо рабочего о жизни фабричных в № 3 «Жизни для всех»⁴. Очень заинтересовал всех. Между прочим, о ночной работе женщин, которые и днем в хозяйстве с детьми заняты.

Л. Н.: Если бы позвать человека разумного, но никогда не выдавшего нашу жизнь, где 90 процентов нуждающихся в работе, а 10 процентов проживают миллионы, и спросить его: «Как ты предположишь, марсовый житель, что религия, наука, искусство, какие быть могут?» — марсовый житель должен бы ответить, что ни религии истинной, ни науки истинной, ни искусства истинного не может быть.

Л. Н. говорил про посещение им сегодня библиотеки в деревне. Было больше 80 человек, берущих книги, а в воскресенье — 112. Жажда знаний у народа огромная, только извращена.

Л. Н. прочел конец «Конфуция», выбранные места из его бесед, удивительно читал, и удивительны эти изречения. На какое-то возражение Софьи Андреевны ответил:

— Одна есть религия — это та, что одно во всех.

Индус Таракнатх Дас, которому Л. Н. писал «Письмо к индусу», сообщает, что он только теперь получил его и, хотя не разделяет вполне взглядов Л. Н., там высказанных, распространяет его на разных индийских языках. Таракнатх Дас — студент американского университета, живет в Соединенных Штатах и там издает революционный журнал «The Free Hindusthan».

Л. Н. рассказывал, как компания английских торговцев покорила 250 миллионов людей. Как это могло случиться? Только так, что раджи и другие покоряли тоже.

* умышленно (*франц.*).

** Т. е. суд над Гарновской в Венеции, убившей через своего поклонника своего мужа. Громкое дело в газетах, заполнявшее целые столбцы.

О сборнике, посвященном Стасову, Л. Н. сказал:

— Тут и письма Стасова. Автобиографическое, имеет интерес.

Еще по поводу письма рабочего о фабричных.

Об энциклопедическом словаре для народа Л. Н. говорил, что он должен отвечать на вопросы, которые возникают в начинающем образовываться сословии, желающем идти дальше в просвещении; он должен годиться для большой массы крестьянского народа... Сделать его надо общедоступным.

Л. Н. взял Брокгауза и стал читать от «А» — что надо выпустить, что переменить. Самые важные сведения брать.

П. А. Буланже не мог согласиться с Л. Н. и говорил, что такой оборный философско-религиозный словарь не возможен.

Л. Н.: Объективный словарь скорей не возможен, так как можно сто раз столько же сведений поместить. Я не говорю, что это задача легкая. Вопросы естественнонаучные... Подробности дарвиновской теории, разумеется, помещены не будут...

На днях Л. Н., читая вслух письмо Гусева, сказал насчет рабочих: «Рабочий, как его ни кинь, все на ноги встанет».

Недавно в разговоре Л. Н. сказал про балет: «То, что писатель промалчивает, то тут подчеркнуто, мимикой выражено. Это есть балет».

20 марта. У Л. Н. насморк, ларингит, кашляет, сидел в комнате в халате. Температура от 36,7 до 36,9. Вечером приехала Ольга Константиновна с детьми. Вечером о письме и о книге Шоу, полученных сегодня. Шоу слышал, что Л. Н. высказался о нем перед мисс Шанкс в феврале (что он серьезные вещи легко трактует) и по этому поводу пишет Л. Н.

— Ты читала письмо Шоу? — спросил Л. Н. Татьяну Львовну. — Тут какая чепуха! А его драма? — И Л. Н. рассказал подробно ее содержание — как женщины хотели, чтобы линчевали конокрада, а выяснилось, что он не конокрад... Тут и его характерное, что бог не может быть богом, потому что делал глупости: создал бактерии, болезни. Все это грубо, фальшиво, сентиментально¹. Англичане могут переносить; нам, русским, это стыдно, скучно.

Ольга Константиновна заступалась за него, говоря, что он немного помешан; что он про себя говорит, что он и воровал...

Л. Н. читал вслух «Конфуция» Буланже, последнее издание «Посредника».

Разговор о предстоящем отъезде Сухотиных.

Л. Н.: Как я буду жить без Сухотиных?

И действительно, Татьяна Львовна ему так близка, и Танечку он любит, с Михаилом Сергеевичем часто советуется, дает критиковать и позволяет вносить стилистические и редакторские поправки в свои новые писания, играет с ним в шахматы. Татьяна Львовна же отвечает на французские и английские письма.

Александра Львовна узнала про новый отказ от военной службы.

Вечером массаж.

Л. Н.: Вы меня лечите, а я вчера думал о смерти. Я так равнодушен к смерти, этим не могу не быть доволен.

Потом говорил:

— Стахович пишет, что начальник тюрем не находит возможным допустить меня в тюрьму. Что они думают? Михаил Александрович хочет к министру обратиться.

Дальше говорил, что сегодня написал о самоубийстве слишком резко², и добавил, что, верно, Александра Львовна подправит.

Я рассказал, что сегодня привез Ваня Булыгин с двумя товарищами-рабочими дрова. Софья Андреевна позвала его обедать. После он мне

рассказал, что ему совестно, что его позвали, а тех нет. А я ему заметил, что, когда я к ним, складывающим дрова, пришел, с ним поздоровался, а с его товарищами — нет, как если бы их и не было.

Л. Н.: Хорошо, если это видишь, сознаешь. Главное — свое сознание развивать, увеличение своего сознания, через себя невольно действуешь на других.

21 марта. Температура вчера утром и вечером 36,9. Сегодня утром и вечером 37,0. Л. Н. хорошо спал, не так вял. К утру горло ему стянуло, кашлял. Не в духе. Утром Л. Н. рассказал про медицину, что по сравнению с тем, что делает организм, то, что делают всевозможные лекарства, — это одна тысячная доля. В болезни надежда одна на организм, а не на внешнюю помощь. Пример — он, его насморки, бронхит. Сделано все, а ему не лучше, болезнь идет своим ходом. Вред же медицины в том, что расслабляет.

Софья Андреевна: Если бы тебя не приводили в чувство при обмороке, по приезде из Москвы, ты бы помер.

Л. Н.: Это ты можешь говорить. Польза же медицины, <когда> есть слабость, <возникает>, потребность <избавиться от слабости>. Лучше если баба идет к врачу, а то бы шла к бабке, которая еще больше вредит. Разве возможно, чтобы такая несправедливость была, что те люди, которым не могут сделать операции, должны погибнуть?

Днем приехали Дима Чертков из Крекшина с Арвидом Эрнефельтом. С ним 20-летний сын Эро и 16-летняя дочь Лиза. Арвид Эрнефельт, финский писатель, много лет знакомый Л. Н. и одних взглядов. Живет на земле, скромно, почти бедно. Сын нигде в школе не был, учился дома, прямо поступил в университет, окончил курс философии, теперь намерен жить на земле. О нем сказал отец: «Он (Эро) у меня учен, много сил потерял (которые даны на использование в земледельческом труде)». Арвид Александрович — красивый, скромный, приятный человек, и его дети тоже даровитые и скромные. У них земля, огород, две коровы, лошади и пчелы.

Л. Н. позвал их к себе в кабинет. Софья Андреевна предупредила, что Л. Н.-чу не следует много говорить, и они пробыли не дольше четверти часа.

За обедом и за чаем очень плавный разговор. Л. Н. о бывшем сегодня посетителе, который говорил ему: «Я обречен на физический труд, помогите мне выйти в люди»:

— Такие письма получаю ежедневно, — сказал Л. Н.: — «Хочу получить образование, чтобы быть полезным народу».

Л. Н. про письмо Шоу, на днях полученное:

— Он гордится, что не верит в бога; он горд, что освободился от того понятия Творца, детского бога, дающего болезнь, сотворившего бактерии; во что ни один разумный человек не верит.

Л. Н.: Мудрость человека в том, чтобы знать, где остановиться: что можно знать и чего нельзя. Объяснение происхождения по Дарвину — такая же чепуха, как по Моисею, еще больше.

Как-то вечером Л. Н. говорил, что надо бы составить словарь справочный, а на второй день получил письмо, что какой-то господин хочет завещать 15 тысяч на какое-нибудь доброе дело. И он посоветовал — на словарь¹. И полагает, что надо составить редакционный комитет, он готов давать советы.

— Взять словарь, какой существует, и выбирать; из 20 (сведений) — 19 ненужных. Вот какие-нибудь интегралы выпустить, а Голландия, ско-

товодство, — интересно. Рассматриваешь, видишь, что нужно. Я так часто получаю письма, что желают образоваться; словарь — пособие.

Ернефельту эта мысль понравилась.

— Что, у вас грамотность распространена? — спросил Л. Н.

Ернефельт: Да, очень. Да беда, что хороших книг нет. Социалистические торжествуют.

Л. Н. сказал, что он на днях получил второе письмо от человека, которому он на первое письмо отвечал. Пишет: «Социализм — мой бог. Меня-то вы уже не переубедите»².

— Социализм — это вера, — добавил Л. Н.

Ернефельт рассказал:

— Социалист читал вслух вашу сказку о счастливом человеке. Он ее не знал. Когда он дошел до места, что у него и рубашки не было, — он сконфузился³. Они этого не могут понять.

Л. Н.: Материальное благо у них — догма. У вас социалистов много? — Много.

Л. Н.: А патриотов много?

— Много, все.

Л. Н.: Это одно другого стоит. Я понимаю, — продолжал Л. Н., — финский, польский патриотизм: «Оставьте нас в покое, мы сами устроимся». Дима Чертков рассказал, как в Петербурге судили отказывающегося, и на суд были приведены для назидания (т. е. как судить таковых и как карать) кадеты. Они смотрели на отказывающегося, как на сумасшедшего. Там были наши друзья, Трегубов и другие. И стали объяснять кадетам. Около каждого из них образовался кружок кадетов, со вниманием прислушивались, — они в первый раз слышали о значении отказов.

Л. Н.: Характерно, что правительство это сознает; солдаты — это не люди, им внушено.

Ернефельт (после перерыва): Императоры не могут сделать добро; пожалуй, никто. Все наши добрые дела только отрицательны. Если ты только не будешь делать зло, то добро само проявится. Мужику тоже нельзя делать добра, можно только слезть с его плеч. Только надо перестать делать неправду — и все будет сделано.

Л. Н.: Дана нам жизнь — лучше ничего не может быть.

Л. Н. говорил про полученное нынче письмо от Калачева⁴.

Л. Н. позвал Ернефельта в кабинет.

После Л. Н. заметил: «Я ему прямо сказал, что мне не понравилась его пьеса» (историческая драма «Тит»⁵).

22 марта. Приехали И. И. Горбунов, М. В. Булыгин. В Телятинках — Ернефельты. А так как они вчера простились, то сегодня постеснялись приехать. Л. Н. написал им письмо, зовя их. Разговор об отказавшемся знакомом Бирюкова Платонове и о суде над ним в Петербурге. И еще о двух отказавшихся в Ташкенте и еще где-то, о которых на днях узнали.

Л. Н. прочел вслух свой перевод и переделку разговора отца с сыном о военной службе из нового номера венского анархического журнальчика «Wohlstand für Alle» и спросил Арвида:

— Цензура у вас есть?

— Нет никакой.

Арвид говорил, как религия у них потеряла верующих, интересуются политикой и социализмом: хорошо то, что полезно. Полезно не иметь детей, если люди бедны...

Л. Н.: Это отсутствие религиозности и признается... Шоу пишет мне, главное, о боге и о вопросе религии: «Скажите, как бог мог сотворить зло, болезни?» Это понятие детское, которое он опровергает. У них во-

прос: что такое бог, который сотворил мир, а не что такое закон, который надо соблюдать. Шоу кончает письмо тем, что, может быть, и весь мир сотворен богом в шутку.

М. В. Булыгин говорил, что Миша (сын) возвращается домой из Петербурга, где учится; не хочет в училище говеть.

Л. Н.: Сколько ему лет?

— Пятнадцать.

— Это очень хороший возраст. Я про себя знаю — когда голова открывается.

Дима рассказал, что множество газет печатают «На каждый день» — таких газет, которых мы в Ясной Поляне не знаем, кроме «Новой Руси» и «Одесского листка».

Калачев пишет, что, когда отказался его брат, крестьяне (он сам же из них) говорили: «Он против царя», а теперь говорят: «Он за правду».

Ернефельт не хотел, чтобы его называли Арвидом Александровичем, а просто Арвидом.

Л. Н.: Он (А. Ернефельт) мне приятное известие сказал: перевел «На каждый день» на финский язык. Две книги изданы и покупаются. Это хорошо.

Л. Н. (про кого-то): Не позволяла себе подстилать мягко. Это тело столько нагрешило, оно и того не стоит. Как было бы хорошо быть, как эта баба, чтобы было все равно, где почевать.

М. В. Булыгин говорил об отказе от воинской повинности, предстоящем Сереже, что он с этим примирился.

Л. Н.: Есть жизнь духовная и животная. Кто живет духовной жизнью, ему иначе поступать — большое страдание. Знаешь сто тысяч людей, которых жизнь пуста.

И. И. Горбунов унес несколько из 31 книжки «Круга чтения» для печатания. В восторге от них. Особенно от книжек «Дух божий живет во всех» и «Любовь соединяет людей». Говорил, что эти можно печатать вместе с «Евангелием».

Разговор о земле.

Л. Н. читал вслух «Конфуция», издание «Посредника».

23 марта. Был А. П. Войтиченко из Нежина, 22-летний ученик скульптурной школы, художник Мешков его рекомендовал Л. Н-чу. Играл на цимбалах малорусские думки, песни, гопаки. Пожелал сам играть. Л. Н. ему сказал, что недостатки его музыки в том, что слишком однообразно, отсутствует ритм, контраст форте и пиано и нет педали:

— Не уничтожает звук, один звук слишком долго тянется. Не подавляется, когда другой играет. Войтиченко похож на Гоголя.

Л. Н-чу лучше. Но не выходил. Пил молоко с Obersalzbrunn.

Л. Н. вечером прочел английскую драму «Justice». Пришел в 11 ч. к чаю и рассказал содержание. Это драма хорошая, о тюрьмах. Как человек сделал подлог, как за это пострадал; суд хорошо описан и особенно хорошо описана тюрьма, одиночное заключение, как в нем ничего не видит, кроме своих жестов. Удивительные сцены, как он один в тюрьме. Потом он выходит, нужно записываться у детектива (тайного полицейского), места нигде не дают; наконец, поступает туда, где раньше служил. Приходит детектив и за то, что он не заявил о себе, арестовывает его. Он прыгает в окно и разбивается. Конец нехорош.

Л. Н. рассказал, что сегодня читал газеты и в первый раз прочел и о процессе Тарновской; спрашивал про нее. Татьяна Львовна рассказала самые интересные и трогательные эпизоды. Например, как Наумов, молодой человек, влюбленный в нее, по науськиванию ее и адвоката Прилукова, за которого Тарновская хочет выйти замуж, убивает своего

знакомого, жениха Тарновской Камаровского, и Камаровский в недоумении спрашивает: за что он в него стреляет, и отсылает скорей, чтобы его не схватили.

24 марта. Л. Н. после болезни первый раз выходил.

Читали вслух письмо к Л. Н. 48-летнего старшины, погубившего девушку. В. Молочников пишет из тюрьмы (частным образом посылает письма).

Л. Н. созвал нас и прочел вслух: описана новгородская тюрьма, где Молочников содержится; карцеры; в пятиаршинном карцере без окна с сырым полом, кроме кувшина и параша, ничего нет, и там заперты сразу до пяти человек по одной неделе, а один до 80 дней.

На хлебе (порцию в наказание могут убавить) и воде. Хлеб, если не спрятан под мышкой, съедают мыши. Вши — три на фунт, как арестанты говорят. Страшное письмо. Сидят там три года до суда. Сидит группа школьничков из одной деревни, подписавшихся под революционной программой. «Бунт» их такой: одного с воспалением легких заперли в карцер. Товарищи подняли шум и добились, что его перевели в больницу. Но их всех посадили в карцер.

Молочников не преувеличивает, пишет с высшей христианской точки зрения¹. Подобное описание карцеров в письме Платонова*.

Л. Н. хвалил речь А. Ф. Бобянского в Думе 22 марта против смертной казни: «Хороша»².

На дворе сегодня драка между черкесом Юсбегом и Алешкой Матвеевым, которому помогли трое.

Вечером Софья Андреевна об этой драке. Потом Татьяна Львовна рассказала, очень живо представляя, о приезжающем завтра Дунаеве и его семейном горе и как она хлопотала у Лопухина, бывшего шефа департамента полиции, за его сына. Трагично. Сыновья — революционеры, мать на их стороне, и каково отцу, не сочувствующему этому, добывать средства на браунинги, маузеры.

Л. Н. очень поощрял Татьяну Львовну, чтобы написала драму.

Л. Н.: Лопухин с этим его отношением — «ничего» — как к бумажному делу, а последствие — карцер с тремя на фунт... Если бы я писал драму, я писал бы отнюдь не о человеке с моими взглядами. Я остался бы сверху смотрящим.

Александра Львовна о Дунаеве: ей не нравится, что с тех пор, как он побывал в Германии, ругает всю Россию.

Михаил Сергеевич: Читаю в новом номере мартовском «Русской старины» статью Янжула³. Он вам неинтересен.

Л. Н.: Он мне был всегда неинтересен.

Михаил Сергеевич в связи с Янжулом о Муромцеве.

Л. Н.: Он, кажется, такой хороший человек.

Михаил Сергеевич: Такой корректный.

Татьяна Львовна о дочери Муромцева Венявской, певице. Имеет успех в Париже, у нее маленький голос.

Л. Н.: Я это люблю. Сильный голос — с ним нужно искусство справляться.

Л. Н. говорил, что желал написать две короткие пьесы. Одну — шуточную, а другую — драму для Димы, Булгакова и телятинских ребят, которые хотят играть и ищут пьесы.

* Такой карцер в четыре аршина длины и три с четвертью ширины, с холодным полом, с отверстием в двери я видел в Данкове Рязанской губернии, где сидел Л. Семенов за отказ от военной службы. Ноги мерзли, чернила замерзали. Нары днем привинчивались к стенке, приходилось все время стоять. Подстилки и одеяла не было. На прогулки не пускали. Просидел 60 дней.

ТОЛСТОЙ НА ПРОГУЛКЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ КОЧЕТОВ

2—20 мая 1910 г.

Фотография Е. П. Сухотиной

25 марта. Благовещение.

Утром приехал А. Н. Дунаев.

Л. Н. поручил убрать из кабинета «Былое» и «Минувшие годы» за прошлые годы и еще что-то историческое.

Когда я принес ему почту, посмотрел на письма с недовольством, что их опять так много.

За завтраком же сказал Дунаеву, что письма, вероятно, вскрывают, потому что обыкновенное число писем от 25 до 30 в день, а иной день — меньше 10-ти. Дал прочесть полученное сегодня ругательное письмо, гнусное, с угрозой, и отдал его мне, чтобы уничтожить или сохранить его, как хочу. Дунаев страшно возмутился этим письмом. Л. Н. дал прочесть вслух из «Русских ведомостей» отзыв о статье Короленко в «Русском богатстве» (март) о смертных казнях — «Бытовое явление»¹ и пожелал прочесть эту статью. Но оказалось, что «Русское богатство» с нового года перестали посылать.

С Дунаевым разговор об общине. В Государственном совете сошлись правые с левыми в том, что провалили законопроект о насильственном разрушении общин, в которых 24 года не было переделов.

Дунаев рассказал, что Столыпин признался в речи в Думе, почему разрушает общину, делает собственников земли: чтобы создать кадр надежных консервативных избирателей².

Мне пишет П. Л. Успенский, что у А. Кудрина, заключенного за отказ, — чахотка. И у Шнякаина тоже³. И у Платонова, отказавшегося в Петербурге, кажется, тоже.

За обедом Л. Н. о письме японца к нему и о своем ответе — «длинном, но плохом». Японец, кажется, христианский священник, но социалист, описывает бедность японского народа после войны и спрашивает, как им быть? Отказывающихся от военной службы или пожизненно заключают в тюрьмы или расстреливают. На какой компромисс идти? Л. Н. ему ответил, что для религиозного человека нет компромисса.

Л. Н. говорил про отказавшегося Платонова; потом вспомнил, что сказал на днях М. В. Булыгин по поводу предстоящего отказа Сережи: что он, Булыгин, знает, что это ужасно больно, но что ему против этого никак нельзя слова сказать, когда религиозное чувство в сердце засело.

Л. Н.: Для религиозного человека есть невозможные поступки, для нерелигиозного нет невозможного в поступках. Это грубая граница между религиозными и нерелигиозными людьми.

Л. Н. говорил о суде, что хотел бы описать его и потому, чтобы была картина суда полная, хотел видеть тюрьму. Прокурор не позволил, и глупо. Л. Н. ему сказал, что хочет видеть убийцу:

— Это для меня интересно, как убивший смотрит на убийство: убил кинжалом мужика в лесу, а он ему брат.

Софья Андреевна: Убийца — брат. Это кривлянье.

Л. Н. ответил, что умом сознает, что он ему брат.

Софья Андреевна: Но не сердцем.

Л. Н.: Умом знать, чтобы это превратить в чувство. В этом вся жизнь состоит.

Л. Н. продолжал:

— Прокурор прицепился к этому и ответил: «У нас только кровное братство признается». Губернатор и Хрулев тоже отклонили. М. А. Стахович хочет у Щегловитого хлопотать. Как это мы смотрим на церковь, на акафисты, как на обман. А на суд еще не смотрим так, а это то же самое.

Л. Н. вспомнил про революционера — мальчика болезненного на суде в Туле. С ним тоже желал бы поговорить.

Дунаев: В некоторых тюрьмах 60 процентов заключенных заболевают чахоткой.

Л. Н. еще сказал:

— Того, который убил брата (т. е. того плотника, что в имении Фигнера при облаве на порубщиков кинжалом убил другого), даже не судили, то есть не заключили до суда в тюрьму, а мальчик, который стоял за народ, сидел два года до суда.

Дунаев громил черносотенцев как главных виновников существующего зла в России. Л. Н. выслушал его без замечаний. Софья Андреевна возражала на прежние речи Л. Н., что его старания напрасны.

Л. Н.: Как ни мала моя лепта, надо ее внести. Орудие такое маленькое, но надо работать.

Остались одни за столом Л. Н. с Дунаевым.

Л. Н. (ему): Я, душа моя, утешаюсь тем, что совершенно не думаю о времени, о том, что будет и что я не увижу тех последствий, которые будут после революции, и не стараюсь интересоваться. Они будут огром-

ные. Мне жалко отсутствия религиозно-правственного начала, начиная с Николая, кончая..... * И главное то замечательно, что в Европе это религиозное состояние сложилось в такое довольно стройное здание, крепкое здание, что оно держится, а у нас, чуть его ткнешь, оно развалится. Никакие дирижабли не помогут, если не будет религии. А там (в Европе) борьба за существование, это хуже Иверской.

Получена книга Дашкевича⁴, — вероятно того, который сидел в московской пересыльной тюрьме с духоворами, и через него Л. Н. познакомился с ними в 90-х годах, — об аграрном перевороте. Все больше голосов против насильственного разрушения общины.

26 марта. Не было ни гостей, ни посетителей у Л. Н. Вчера Софья Андреевна «прогнала» (это ее выражение, когда кого разочтет) Юсбега. Сегодня Софья Андреевна распекла Илью Васильевича. За него заступились Михаил Сергеевич и Александра Львовна. Илья Васильевич очень огорчился и хотел уйти. Софья Андреевна очень неделикатна, непризнательна.

Верхом с Л. Н.-чем. Просовов¹ никаких. Л. Н. дал нам прочесть хорошее и сильное письмо добывающегося истины старца-протоиерея, спрашивает: воскрес ли Христос плотию?²

За обедом Софья Андреевна и Татьяна Львовна страстно говорили о чем-то.

Софья Андреевна: Желала бы, чтобы в будущем году...

Л. Н. вставил:

— Будущего года не будет совсем.

Софья Андреевна: Почему?

Л. Н.: Так себе.

Михаил Сергеевич дал Л. Н. читать в «Русской старине» про его современников. Л. Н. поблагодарил его, говорил, что было ему приятно прочесть о Панаеве, Григоровиче и о Дружинине, подписавших и подаривших ему карточку в 1856 г.: «Когда это было...»³

Л. Н. (*Татьяне Львовне*): Не можешь себе представить, как хорошо мне, что память исчезла. Постоянно идет самая серьезная работа мысли: так ли я живу, проверяю себя. Ну... сегодня обогнал человека безногого, почувствовал отвращение и сейчас же догнал его и поговорил с ним. Была ли бы возможна эта радостная жизнь, если бы я помнил, кто Иван Иванович, кто Семен Иванович?

За чаем прочли из мартовской книжки «Русского богатства» В. Г. Короленко «Бытовое явление. Из записок публициста о смертных казнях». Читали вслух Михаил Сергеевич и Татьяна Львовна. Л. Н. был сильно тронут и взволнован. Из цитируемых писем Л. Н. о первом сказал, что оно хорошее, верное. Про второе — что его следовало бы исключить. О рассказе, как отец узнает, четыре дня по разным городам шляясь и встречая бюрократическое безучастие, где сын его будет казнен и где он сидит, Л. Н. сказал: «Прекрасно».

И сейчас же после чтения написал Короленко восторженное, признательное письмо⁴.

— В статье Короленко, — заметил Михаил Сергеевич, когда Л. Н. уже не было, — односторонность, замалчивание того, за что были осуждены приговоренные. Сначала были идейные революционеры, потом экспроприаторы, убивавшие детей, женщин.

По-моему, Л. Н. об этом теперь не думал, его тронула искренность и стремление приговоренных к правде, справедливости, которая чувствуется из их писем и особенно из автобиографии, очень интересной, одного из них.

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

27 марта. Л. Н. утром гулял, пополудни — нет. Не обедал. Занимался, как почти всегда, когда хворает, больше, чем обыкновенно.

За завтраком рассказал, обращаясь ко мне:

— Получил письмо от еврея. Ему 18 лет; пишет, что он в университете не учился, но знает больше, чем все профессора. Он занимается преподаванием еврейской религии, которую считает лучше других, а еврейский народ — избранным народом, и хочет совершить самоубийство. Я ему написал¹.

Л. Н. сегодня кончил статью о самоубийствах.

Вечером Л. Н. прочел вслух из «Русских ведомостей» последний отрывок из нового романа Сенкевича (перевод из немецкого журнала)². «Как это нехорошо, как фальшиво», — сказал Л. Н.

Татьяна Львовна сказала, что, когда Танечка ударится, — и она на том самом месте чувствует боль. И сегодня так было.

Л. Н.: Говоришь, что я сегодня записывал. — И Л. Н. сказал приблизительно то, что наше тело мы считаем одним целым, потому, что сознанием соединяем его; мать соединяет себя с ребенком, а совсем так же сознание может соединять с членами общества, и так далее³...

Софья Андреевна возражала против такого обобщения.

28 марта. Приехал М. А. Стахович с сестрой М. А. Рыздзевской. Я уезжал верхом днем к Булыгиным, к больному Илюше. Ночью — к больному в Самохваловку. Тяжелая дорога, лошадь два раза упала. Несколько раз бродила или западала в просовы по живот. Самохваловский мужик, вернувшийся из Маньчжурии солдат, пивший тамошнюю водку*, заболел циррозом печени.

29 марта. Утром из Самохваловки в Колпну к тифозным (больным сыпным тифом). Оттуда — в лечебницу и по деревенским больным.

У Цветковых трое больных сыпным тифом. Больные, какие были, приходили или пешком или приезжали верхом, по бездорожью. Домой вернулся только после полудня. Застал Масарика. Приехал он с Ф. А. Страховым. Не видел его лет десять: состарился, устал. Ни прежнего выражения энергии на лице у него, ни решительности, чеканности в голосе, зато больше мягкости и внутреннего мира и знания. Потом я заметил, как он устает при ходьбе, задыхается. Наверно, он переутомился при стольких добровольно взятых на себя обязанностях. Масарик в последние годы все рос, дошел кое в чем до тех же взглядов, что у Л. Н. Со Страховым, как мне говорил Страхов, сошелся в философии, с Л. Н. — в его взглядах на науку. С Л. Н. не одного мнения, во-первых, о боге. Масарик говорит, что Л. Н. — пантеист, а он — нет. Еще не сошлись в том, что Л. Н. не признает бессмертия личности.

Л. Н. от религиозного разговора с Масариком вынес самое отрадное впечатление и был даже очень растроган. Масарик тоже был очень доволен.

Ему было достаточно, как он мне говорил, видеть Л. Н., побыть с ним, хоть и не говорить.

Я выразил Масарику сожаление, что из-за множества гостей он не мог до сих пор с Л. Н. спокойно поговорить.

— Мне довольно видеть Льва Николаевича, быть вблизи него; это человек, который столько писал, с ним говорить не нужно... Раз видел Толстого, то внутренне готов...

* Б. рассказал о китайской водке. Она недистиллированная. Когда ездили в Маньчжурию, кто-то из солдат внес в вагон, где было сорок человек, стакан водки «ханшин», или, как солдаты прозвали ее, «ханжи». Она так воняла, что только один нашелся, который ее выпил, и этим удивил всех солдат. Все прочие не могли даже пробовать; каждый, услышав запах, инстинктивно отстранялся, отталкивался. А когда побыли там несколько времени, то редкий не пил эту водку.

Но потом говорили друг с другом — и в обществе, и наедине в кабинете. Масарик не искал случая говорить ни с Л. Н., ни с другими. Но говорил с Софьей Андреевной, М. А. Рыздзевской, П. И. Бирюковым, Ф. А. Страховым. Л. Н. утром еще встретил Масарика по дороге из Тулы.

Л. Н. немного возбужден и усталый. Нижняя губа у него синяя. Старался быть оживленным и заинтересовать Масарика.

Л. Н. (ко мне): Получил славянское письмо, чешское или болгарское, прочтите.

Л. Н. к Масарику о получаемых письмах, что он через них общается с людьми и имеет сведения. Интересные письма бывают от крестьян: в них видна серьезная работа, своя, самостоятельная. Спросил Масарика, знает ли Николаева. Он специалист по Генри Джорджу. Знает все его сочинения, прекрасно переводит их.

— Он человек, очень близкий мне, — сказал Л. Н.

Л. Н.: Индийской философией занимаетесь?

Масарик: Нет.

Л. Н. сказал, что есть два выдающихся философа: Вивекананда, почти современный, и Абхедананда; сказал, что теорема Пифагора — равенство квадрата гипотенузы квадратам катетов — решалась задолго до Пифагора индусами, и превосходно. И Л. Н. вынул записную книжку, показал на рисунке индусское геометрическое доказательство.

Потом Л. Н. спросил, кто помнит доказательство Пифагора. Один Масарик вспомнил.

Разговор об убийствах, о казнях, о цензуре. Софья Андреевна — об издании последних сочинений Л. Н.-ча. Л. Н. сказал, что то, что печатают его в России, невозможно было бы за границей, в Германии, Австрии. Масарик упомянул о конфискации подряд трех номеров его журнала «*Naše Doba*» за статьи против милитаризма. Л. Н. спросил, что значит «доба».

Масарик: «Время»; корень — в слове «неудобно», «несвоевременно».

Л. Н.: Там (в Германии) они умеют последовательнее это делать... В славянском мире происходит пробуждение сознания.

Л. Н. спросил про Петра Карагеоргиевича, как раз в это время го- стившего у Николая П. Масарик сказал, что он весь день курит, ничего не делает. И добавил, что знаменательно: первым принял его русский царь Николай. Другие монархи, особенно английский, не хотели его признать, потому что есть основание предполагать, что он знал о готовящемся убийстве Александра и Драги¹.

Л. Н. спросил про сербов, болгар. Масарик ответил, что в Сербии есть сильное нравственное движение. Л. Н. же сказал, что он знает про болгар, что там есть.

Разговор о новом славянском обществе. М. А. Стахович говорил о посылке в этом году ста крестьянских парней в славянские земли для обучения прогрессивному земледелию и ведению молочного хозяйства.

30 марта. Утром приехал верхом Бирюков и пришел пешком Куприянов, тульский корреспондент «Русского слова». Л. Н. дал ему копию с письма мясника Мищенко о том, как ему опротивело убивание скота и он перешел с семьей на безубойное питание, а также письмо иеромонаха. (Печатались в «Русском слове» 30, 31 марта и 1 апреля.) Куприянов провел весь день в доме. Со вчерашнего дня остались М. А. Рыздзевская, Ф. А. Страхов и Масарик.

Л. Н. говорил о письмах к А. А. Толстой, что были ему очень интересны и что еще предстоит чтение его писем к Н. Н. Страхову. Это не будет так интересно.

Утром Масарик встал и пошел гулять. Потом был в лечебнице, потом зашли к Тарасу Фоканову. Фоканов спросил, как у них, в Чехии, живет народ. Масарик ответил: так же, как и здесь, только внешне лучше. Уже только 30 процентов живут земледелием, остальные работают на фабриках или кустари.

Масарик расспросил Фоканова про семью. Тарас живет с семью сыновьями и дочерьми, двумя невестками и внуками в одной избе.

— Пока хватит; поженю остальных сыновей, тогда будем делиться.

Пошли на Отвод и вернулись домой. Масарик — по тяжелой дороге: заледенелый снег, тающий, местами липкая грязь-суглинок, — с трудом шел в мелких калошах, запыхался.

Спросил, почему Л. Н. пьет вино. И есть ли в квасе алкоголь (я пил квас), и удивлялся Калалу, нашему общему другу, что он иногда пьет пиво. Масарик проводит трезвость последовательно. Теоретически желает быть вегетарианцем, мясо ест только потому, что пока, в наше время, вегетарианский стол представляет неудобство домашним, у которых гостит, и рестораторам.

Софья Андреевна говорила Масарику о своих мемуарах и спросила, будут ли интересны.

— Когда факты жизни интересны, тогда будут, а рассуждения — нет.

Масарик прочел введение к новому «Кругу чтения» («Путь жизни») и сказал:

— Это квинтэссенция квинтэссенции. Когда это читаешь, равняешь свои мысли.

Еще прочел новую, неокончательно обработанную короткую статью Л. Н. о самоубийствах. Л. Н. пишет в ней, что причина их — безрелигиозность. Масарик заметил: не упомянуто, что лишается жизни много несчастных.

Л. Н. в разговоре с Масариком о детях:

— Только не мешать им, оберегать от дурных влияний, а предвидеть, что будет, нельзя.

Л. Н. долго беседовал с Масариком. После разговора о боге Масарик ушел вниз.

Михаил Сергеевич переспросил Л. Н., какая у них разница в понимании бога. Я застал разговор уже перешедшим на Масарика. Л. Н. говорил, что Масарик — славянин и искренний человек, нет у него немецкого доктринерства, педантизма, а виден человек, который чувствует, что сам живет. Мне сказал Л. Н. с восторгом на лице: «Зачем вы меня познакомили с таким «дурным» человеком? А раньше сказал: «Что, Душан Петрович, запахло приятным духом, славянским духом?»

С 2-х до 2.45 пополудни Л. Н. имел длинный разговор с Масариком в зале вдвоем. Сначала присутствовал Михаил Сергеевич. К концу — я. Все время же Татьяна Львовна на кушетке с Танечкой. Александра Львовна их сняла.

Л. Н. сел на лошадь (на буланую иноходку, в первый раз на ней ездил). И тут Александра Львовна сфотографировала его с Масариком.

Возвратившись с прогулки, Л. Н. еще побеседовал с Масариком. Масарик уехал в пять часов в Щекино. Я еще говорил с ним о том, чтобы приехал пожить на более продолжительное время. Масарик сам хочет приехать с женой, которая желает видеть Л. Н. Это вопрос денег и времени.

Л. Н.-чу замечания Масарика относительно введения в новый «Круг чтения» и статьи о самоубийстве были очень ценны. Масарик обещал прислать Л. Н. таблицы и статистику самоубийств. С Масариком о политике я не говорил.

Шахматы, винт с М. А. Рыздзевской.

31 марта. Со скорым уехали Софья Андреевна с М. А. Рыдзевской в Москву. За завтраком Л. Н. о М. А. Рыдзевской с похвалой, как она внимательно слушает и молчалива.

Татьяна Львовна: Она очень православная, но не так, как Зося, — внешне.

Л. Н. говорил о втором письме революционера из ссылки, который раньше писал об участии женщин в революционном движении. Как многие из революционеров делали подвиги, чтобы перед ними выказаться. Эта среда женщин в революционном движении плохо действует. Он получил мой ответ и книги ¹.

Вечером Л. Н. прочел вслух письмо Хирьяковой о том, что решетки в помещении для свидания в тюрьме покрыты стеклом, так что не слышно и плохо видно ².

Л. Н. (Михаилу Сергеевичу): Не могу в себе побороть недоброе чувство к правительству.

Я сказал Л. Н., что Масарик спрашивал, почему он, Л. Н., пьет вино.

Л. Н. сказал, что он подумал, когда пил, что Масарик не одобрит, но выпил:

— Борюсь с тем, чтобы не делать чего потому, что другие не одобряют или хвалят. А только по своему суждению.

Л. Н. до сих пор пил красное вино, когда чувствовал себя нездоровым или слабым. Потом перестал. С этого дня Л. Н. совсем перестал пить.

Л. Н. начал говорить про Масарика:

— Он все-таки профессор... Именно такого критика мне нужно было. Потому что в середине, там (во введении к новому «Кругу чтения») у меня доктринерство. Он этого не находит. Не знаю, насколько он это говорил из любви ко мне.

Вошел Дима Чертков. Л. Н. его приветствовал и сказал, что написал его отцу, что ждет его:

— «Так и жду, когда откроется дверь и Дима большой явится» ³.

Л. Н. говорил за завтраком Александре Львовне, что Страхову, оставившему здесь корректуру своего нового философского сочинения и просившему написать предисловие, предисловия не напишет ⁴. Философию наскоро писать нельзя (Л. Н. намекал на то, что труд Страхова спешно написан).

Л. Н. говорил, что утром был корреспондент из Гельсингфорса, от газеты «Hufvudstadsbladet» ⁵. Жаловался, что в Финляндии плохо.

— В России хуже, так как, кроме того, еще становишься виновником того зла, которое делается с вами (финнами), поляками, евреями.

Л. Н. сказал, что долго, и много, и резко говорил с ним про злодейства русского правительства в Финляндии. У них цензуры нет, может напечатать. Но не знает, как он это передаст.

Л. Н. сегодня пересматривал день, собственно 12 дней («Круга чтения»), одну из 31-й книжки, о суеверии науки. Ему обыкновенно не нравятся эти книжечки, недоволен ими. А этой книжечке удивился, как там хорошо, сильно выражены мысли, особенно Шопенгауэра ⁶.

Писала жена Молочникова, как им плохо. Л. Н. заплакал, читая ⁷.

Дима рассказал Л. Н. длинную историю из рассказа С. Т. Семенова «Гавриил Скворцов». Л. Н. пожелал читать этот и еще другие рассказы: «Марфуша-сирота» ⁸ и проч. Я достал ему из библиотеки.

Татьяна Львовна хвалила «Бабью долю», издание «Посредника»: написана Т. А. Кузминской со слов телятинской бабы, поправлена Н. Н. Страховым и Л. Н. Эта баба, Маслова, очень хорошо рассказывала вообще. Если бы она умела писать, говорили про нее мужики, она бы писала, как Лев Толстой.

Бирюков со Страховым составили текст завещания для друга Шкмановского относительно 15 000 р., оставленных на словарь справочный⁹.

1 апреля. Л. Н. гулял, но очень слаб, печень. Пополудни гулял в парке. В 9.30 я внес ему почту. Л. Н. сидел за круглым столом и переписывал из записной книжки в дневник.

— Масарик говорил о том, что я пью. Если это соблазняет его, я брошу, это мне совсем не нужно. Спасибо ему, что обратил внимание, — сказал Л. Н.

Софьи Андреевны нет¹, и в доме какая-то тихая гармония. Александра Львовна с Варварой Михайловной вчера уехали в Тулу на концерт. Вернулись сегодня под вечер.

Вечером пришел В. И. Засосов, крестьянин Клинского уезда Московской губернии, отказавшийся и отсидевший три недели за письмо (в котором он еще до набора отказывался от службы), и не взятый в солдаты из-за слабой груди. Необыкновенно милый, обходительный, прямодушный, не стесняющийся, высокий, тонкий молодой человек. Ходил по Кавказу, был у Скороходовых, Картушина, И. К. Дитерихса и др. Сообщил нам, что Аполлон Мезенцов недели две тому назад ему писал, что Александр Добролюбов, как это передает ему один из его последователей, на пути в Сибирь внезапно скончался².

— Цельный был человек, имел и умел иметь огромное влияние, — сказала Татьяна Львовна про Добролюбова.

Л. Н. расспросил Засосова за чаем в зале про его скитания по Кавказу, где он ходил и работал.

Засосов рассказал, между прочим, как раздавал солдатам и казакам в вагоне издания «Обновления»³ и читал им свое письмо, в котором отказался от военной службы. Все солдаты понимали, говорили только: «Как же одному? Если бы все!» Два казака его выдали жандармам, которые его арестовали. Старшему жандарму его письмо не понравилось, ударил его в лицо, после же угостил чаем. А офицер жандармский отобрал книги, очень мило и вежливо отнесся к нему и отпустил его. Теперь возвращается домой работать (у них небольшое хозяйство, мать жива). Рассказал про казака Губина, свояка Жечкова, что он при повторном призыве отказался от военной службы. Когда он уехал с Кавказа, в эти недели Губина арестовали.

Л. Н.: На это всегда отвечаю, и финляндцу (вчерашнему корреспонденту) сказал: «Можно сделаться социалистом, можно сделаться союзником⁴ сразу, а христианином нельзя сразу сделаться, тут длинный процесс. А раз сделался — не может иначе поступить, и тогда не спрашивает, все ли, один ли».

Михаил Сергеевич заговорил о Н. Н. Страхове, спросил, какой он был в религиозном отношении человек.

Л. Н.: Неопределенный. Он был критик, ученый человек, необыкновенно добрый, но опять профессор.

Михаил Сергеевич читает его книгу:

— Он стал (в статье «Взгляд на текущую литературу») на вашу точку⁵.

Л. Н.: Он был близкий человек.

Михаил Сергеевич: Страхов сравнивает три романа: появившуюся в 1877 году «Новь» Тургенева, «Анну Каренину» (1878), «Братья Карамазовы» (1879). Очень умно.

Л. Н.: Он критик был очень тонкий.

Л. Н. (Засосову): Этот слух про смерть Добролюбова для меня очень важный. Добролюбов огромное влияние имел и не мог не иметь.

Засосов про общину на Кавказе, которая расплзается.

ТОЛСТОЙ НА ПРОГУЛКЕ В ИМЕНИИ СУХОТИНЫХ

Слева направо: Е. П. Сухотина (?), М. С. Сухотин, Толстой с внучкой Таней, С. М. Сухотин, Т. Л. Сухотина с Микой Сухотиным.

Кочеты, 2—20 мая 1910

Фотография Е. П. Сухотиной

Л. Н.: Община связывает... Община — это отделение себя от всех. Это собирательный эгоизм, когда надо одинаковое отношение ко всем.

В 11 ч. разошлись. Я входил к *Л. Н.* проведать. Когда уходил, *Л. Н.* сказал:

— Добролюбов, бедный, счастливый.

2 апреля. *Л. Н.* спал до 10 ч. Слаб. Печень. Пополудни, с 3 до 5.30 лежал. Вечером не выходил. Гостей не было. Целый день читал. (Какие глаза у *Л. Н.*! Письма разных почерков читает по 20—30 в день без очков, которых он никогда не носил.) Читал, между прочим, книгу, привезенную Стаховичем, — «Les joies de célibat»¹. Первые главы ему нравились, воспоминания молодых лет невинности.

Л. Н. одобрительно отозвался о школьной книжке «Начальный курс географии» Крубера и др. (Москва, изд. Кушнерева, 75 коп.). Очевидно, переделка с немецкого. *Л. Н.* привлекали наглядные иллюстрации².

Л. Н. смотрел фотографические снимки со статуэток Жукова из Петербурга. Некоторые понравились. Написал ему³.

3 апреля. *Л. Н.* слаб. К вечеру пободрел. Под вечер приехал П. А. Буланже. Павел Александрович рассказывал про обманные явления в газетах и как попадают на них. Например, среди плотников, строящих Татьяне Львовне дом, попался один на «Магнетизм — сила». *Л. Н.* заметил, что он на днях получил просительное письмо на покупку книг по магнетизму. Буланже хочет написать об этом и послать в газеты.

Александра Львовна написала «Русскому слову» о книгоиздательстве «Ясная Поляна» в Петербурге и послала письмо человека, обманутого этим издательством⁴. «Русское слово» не напечатало, оно само помещает объявления «Ясной Поляны».

П. А. Буланже говорил, что русские газеты еще идейные, нельзя сравнить с французскими, бельгийскими, и что он надеется, что его статья пройдет. Английские газеты несолидных объявлений не принимают.

Буланже говорил о том, как эти плотники хорошо и прилежно работают. Ни одного слова ругательного. Дальше говорил о том, как рудаковские и овсянниковские крестьяне желают устроить потребительское общество; что он ходатайствовал об этом в Туле. За одно прошение о разрешении в двух экземплярах выходит 12 р. гербовых марок. С листа — полтора рубля. Хотя весь печатный бланк, где на одном листе помещено дословно все, что рукой написано на четырех листах, но печатный бланк не полагается употреблять. П. А. Буланже говорил, как плотники удивляются, читая Конфуция, что до Христа такое же христианское учение было. Буланже думает, а Л. Н. согласился, что эти книжечки для народа о древних учениях Ми-ти, Лао-тзе и др. будут иметь большое значение.

Буланже удивлялся тому, что одновременно на Дальнем Востоке учили Лао-тзе, Конфуций, Будда, а в Греции — Сократ. В 50-х годах XIX в. в Индии Рамакришна, а на крайнем Западе — Торо, Эмерсон, Чаннинг, Гаррисон и Баллу.

Л. Н. двух первых выделил из всех американских мыслителей:

— Чаннинг, он меня не удовлетворяет. («Он православный», — вставил Буланже.) Он многословен, вроде Ламеннэ, он напоминает его, такой же стилист.

Говорили про джеилистов — буддийскую секту. Буланже хочет о ней писать. Брамины презируют их и буддистов как атеистов и как не признающих каст; брамины — в высших кастах.

Буланже говорил: в газетах пишут, что Л. Н. получил завещанных 15 000 р. на справочный словарь и приступил к распределению работ над ним*.

Л. Н.: Это Куприянов, корреспондент «Русского слова». А о Масарике ничего не писал, мог бы написать, был в то время здесь, были интересные разговоры.

Потом говорили об этом словаре. Буланже говорил, что тульские земские агрономы предлагают сотрудничать; Л. Н. — что туда войдет история земледелия, география, этнография, сельское хозяйство; что где добывают и как обрабатывают землю.

— Для меня, — сказал Л. Н. — этот вопрос практический, и скучно. Через 50 лет будет другое (т. е. обрабатывание земли).

4 апреля. Л. Н. чу лучше. Утром гулял пешком, пополудни на Делире. За завтраком говорил, что получил письмо от Молочникова¹, пишет живо, интересно, описывает тяжелое внешнее состояние в камере 5 на 10 аршинов с десятью политическими. Главное, тяжело безделье; уголовным в этом отношении лучше: у них есть работа. Среди них один невинно заключенный — подмастерье, столяр. Старший подмастерье, видя, что тот ловчее его и может его заместить, донес на него, будто тот сказал, что царь — крохобор.

В 4 ч. у Л. Н. были Засосов и Сережа Попов, побеседовали в кабине.

Л. Н. вечером за чаем рассказал про Засосова. Он был в Америке и пожил среди духоборов-свободников. Они хлысты.

Л. Н.: Засосов чист. О другом (С. Попове) и не говорю.

Михаил Сергеевич спросил:

— А Булгаков?

* Все это выдумка. Во время пребывания здесь корреспондента Бирюков и Стрехов только составляли проект завещания в пользу словаря.

Л. Н.: О Булгакове думаю, что тоже.

Вечером такого общения, как бывает, не было. Татьяна Львовна завела граммофон. Александра Львовна с Варварой Михайловной ушли заниматься. Михаил Сергеевич с Дориком — учиться. Я — на письма отвечать. Л. Н. один с Татьяной Львовной сидел в зале. Говорил ей, что читал Семенова, прочел книжку рассказов «В разлуке», изд. Сытина.

— Какое богатство языка народного чудное!

Татьяна Львовна хвалила содержание и..... *

Л. Н.: Иногда у него натяжка в заключении.

Татьяна Львовна похвалила рассказ «Настасья»². Михаил Сергеевич рассказал Л. Н. содержание римского романа II в. после рождения Христа «Золотой осел» Апулея, удивляясь, как в то время христианское учение еще было почти незамечено.

Получена накладная от Сытина. Александра Львовна думает, что «Круг чтения». Л. Н. был этому предположению очень рад. Он рад рассылать «Круг чтения», а его больше года как нет в Ясной Поляне, кроме пяти экземпляров Александры Львовны от «Одесского листка».

Я сегодня утром был сердит на больных, а потом угрюм. К Л. Н. равнодушен, невнимателен. Его два поручения (письма) исполнил только официально. А не с радостью, охотой.

5 апреля. Вернулась Софья Андреевна из Москвы. Получен от Сытина «Круг чтения», первая часть, Январь — Март. Это после посредниковского — второе издание, и в нем есть поправки Л. Н.¹ Пропущены цензурные места.

Теплый, ясный, весенний день. Снег остался только по оврагам. Л. Н. долго занимался. Л. Н. верхом на Кривом, я на Делире. Л. Н. все время за мной смотрел. Мне только с большим трудом удавалось овладеть Делиром, который уже давно не ездил. Весна. Ручейки, рывтины, через которые хотелось ему прыгать, волновали его. Да и то, что ехал иногда впереди (Л. Н. настоял, чтоб я ехал впереди), иногда сзади. Поехали на купальню, там вода мост попортила. Опушкой — к Лимоновской посадке, за школой на шоссе, к границе около сада и Чепыжом домой.

За обедом получена телеграмма: редактор гельсингфорского «Hufvudstadsbladet» Френкель благодарит Л. Н. за прием и внимание, оказанное их корреспонденту Адлеру (П. Ольбергу).

Л. Н.: Они напечатают все, что я говорил (корреспондент записывал). У них цензуры нет.

Михаил Сергеевич: Вероятно не всё; им неудобно, что вы говорили против их патриотизма.

Л. Н.: Идеал — «един пастырь, едино стадо»². Уничтожение перегородок национальных.

Получен «Юбилейный сборник Литературного фонда 1859—1909». В нем в первый раз напечатаны: «Единая заповедь», «Разговор с прохожим», «Песни на деревне» (рекрутский набор в Ясной Поляне в 1909 г.). «Единая заповедь» в искромсанном виде³.

Л. Н. смотрел и был рад, что уцелели хоть эпитафии. Они одни чего стоят! Остановился на одном, Канта⁴, и прочел вслух. (Сидели за круглым столом Л. Н., Булгаков и я. После присел Михаил Сергеевич.)

Л. Н.: Кант силен в отдельных изречениях.

Дальше Л. Н. говорил приблизительно то, что целые трактаты сочинений Канта слишком длинны, многословны, много ненужного в них, скучны.

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Л. Н. еще удивлялся, что оставили в корректуре много нецензурного, и поручил написать, чтобы, если могут, прислали несколько оттисков «Единой заповеди». В них можно будет вложить и пропущенное.

После обеда Л. Н. спросил Булгакова, что есть в сборнике. Булгаков, вычитавши где-то про Шестова, что это один из русских философов, и поверив на слово этой взаимной журналистической хвале друг друга, заговорил, что есть мысли Шестова. Л. Н. сказал, чтобы их читал вслух, и сам стал пить чай. Булгаков читал сначала подряд. Л. Н. замечал: «Очень плохо», «Без содержания», «Набор слов». Булгаков остановился.

Л. Н.: Продолжайте; может быть, еще что будет.

Булгаков продолжал читать.

Л. Н. (опять): Без содержания, набор слов.— И Л. Н. прекратил чтение, сказав:— Это декадентская философия.

Татьяна Львовна рассказала смешно, как на выставке декадентов в Париже имела успех картина «И солнце заснуло над Адриатическим морем». Оказалось, что картина нарисована ослом, которому к хвосту привязали кисть и макали в краски⁵.

Видевшие выставку «Золотого руна»⁶ Булгаков и Софья Андреевна не удивлялись тому, что это возможно.

Л. Н. усердно занят «Новым кругом чтения».

6 апреля. Совсем тепло. Я верхом с Л. Н. Я без пальто. Было два крестьянина. Один из Лукояновского уезда Нижегородской губ., Богомолов. Неразвитой. Ему не выдали в волости ни письма, ни пакета книг от Л. Н., из-за этого приехал на последние деньги и хотел наняться. Второй — из Екатеринослава, Ипатов. Семейное горе.

Л. Н. говорил, что получил второе письмо от протоиерея, который в первом спрашивал, во плоти ли воскрес Христос. Л. Н. ответил ему. Теперь — письмо доброе, спрашивает о бессмертии⁴.

Вечером приехал Сергей Львович. Были Дима со Львом Сергеевичем, который решил остаться работать на лето в Телятинках.

Л. Н. прочел вслух письмо Молочникова, дней восемь тому назад полученное, очень хорошее.

Александрю Львовну все родные уговаривают поехать в Крым.

7 апреля. Александра Львовна слегла — от 37,4 до 37,8, бронхит. Она угнетена, думает, что у нее чахотка. Л. Н. к ней часто заходил и у нее сидел с 7 до 9 и читал ей вслух книжку Семенова.

Приезжала девица-учительница, потом еще приезжал В. В. Философов, предводитель дворянства Псковской губ. Просто хотел побывать, а повод был, что он в ноябре 1908 г. писал Л. Н. и не получил ответа. У них дворянство устраивает приют для стариков-литераторов, пенсионеров, в Михайловском, имени Пушкина. Построены дома, и есть еще капитала 80 тысяч. Л. Н-ча просил о портрете с подписью для этого учреждения. Академия или Литературный фонд будут выбирать пенсионеров, которые будут жить на покое.

Л. Н. говорил про бывшую сегодня девицу; спросил ее: «Что вы намерены делать?» — «Открыть свою школу. Программа готова». В трех словах: только бы докончить образование, и еще нужны ей деньги, «чтобы быть полезной народу». Л. Н. ей говорил, но ей ничего этого не нужно. Просила на дорогу. Л. Н. отказал.

Варвара Михайловна: Она, по-моему, какая-то несуразная.

Л. Н.: Но, правда, я Философову начал говорить на этом месте, он еще меньше понял. Он еще ниже (этой девицы).

Философов — товарищ председателя русского отдела международной Лиги мира и поедет на съезд в Стокгольм. Л. Н. ему говорил об их странном отрицательном отношении к антимилитаристам.

Л. Н.: Ведь я старше вас на 30 лет, позвольте дать серьезный совет.

Если вы занимаетесь этим, допускаете возможность быть войскам, воевать, то этим развращаете народ: «Когда они, люди образованные, допускают военную службу, нам и бог велел».

Сегодня было письмо от Мельникова, пишет: «Я хотел за царя пострадать. Рвался на войну с японцами...» А теперь у него христианские взгляды¹.

Философов наивно рассказывал, не видя значения этого, как Детурнель де Констан с наслаждением смотрел на Марсовом поле в Петербурге на упражнении солдат, и т. п.

Л. Н. занят «Новым кругом чтения», которому не может подыскать названия. Сначала назвал его «Учение о жизни». Но потом нашел, что это нескромно. Белинский ему предложил название «Мысли о жизни», которое ему понравилось. Затем назвал просто «Днями». Но впоследствии И. И. Горбунов предложил «Путь жизни», что и осталось. Из 31 еще шесть книжек не готовы.

Вечером за чаем Л. Н. спросил:

— А никто не читал «Хорошее житье»?

Потом Л. Н. подробно рассказал содержание рассказа С. Т. Семенова «Хорошее житье». Сперва читал его сам для себя, а потом продолжал вслух Александре Львовне, полулежа на диване в ее комнате.

— Как это хорошо, трагично, сильно.

По этому поводу разговорились о городской жизни. Сидели Л. Н., Татьяна Львовна, Варвара Михайловна, Булгаков, Буланже и я. И про самоубийства в городах, «которых еще в деревнях нет», — сказал Булгаков.

Татьяна Львовна: Там, в городах, десятки тысяч голодных; рядом богатство: зависть, которой в деревнях нет.

Л. Н.: Главное в деревне — осмысленная работа. — И Л. Н. рассказал, как сегодня объезжал извозчиков из Тулы. — На передке сидит. На мой вопрос: «Куда?» — с веселым лицом отвечает: «Пахать еду».

Татьяна Львовна рассказала, как дочь модистки Гринберг, у которой Софья Андреевна покупает корсеты, и ее товарка убили или покушались убить старуху, чтобы на ее деньги получить образование.

Л. Н. просил принести дневник и прочел из него, где месяц тому назад записал, что получил письмо студента, тоже готового на это².

Л. Н. спросил, прислал ли Масарик статистику самоубийств. Не пишет. Л. Н. не продолжает писать статью (о самоубийствах), ждет этой присылки.

Библиотека Ясной Поляны составляет целый мир. Что кто напишет в духе Л. Н., присылает. Правда, еще больше присылают свои сочинения люди, далекие Л. Н., из авторского тщеславия. Сегодня получены тома «Народной энциклопедии» какого-то харьковского общества.

Татьяна Львовна спросила Л. Н., прочел ли рассказ «Бабья доля». Л. Н. ответил, что нет, что свое не хочется читать, скучно.

Татьяна Львовна: Ведь это не твое. Ты только поправил.

Татьяна Львовна сказала, что выговаривала Попову за то, что он замучил Засосова, таская его третьего дня вечером к М. А. Шмидт. Он мог помереть. Попов ответил: «Он был готов на это».

Л. Н. сказал, что Засосову в Ялте врач объявил, что у него чахотка. Л. Н. спросил его, как это на него подействовало. «Я был этому рад», — ответил Засосов.

8 апреля. Л. Н. поехал верхом в Дёминку. Я поехал вперед к больному и, возвращаясь, не мог найти Л. Н. Между Бабуриным и Дёминкой мы размигнулись. Л. Н. заметил, что поздно, да и неприятно было ему ехать деревней, отвечать на поклоны, — так сказал мне вечером, — повернул обратно на Казначеевку. Я искал его в Дёминке, потом в Мя-

соедове и очень волновался. Представлялось мне, что Л. Н. в обморочном состоянии.

Л. Н. провел много времени у Александры Львовны, которая второй день лежит. Температура 37,4. Потеет. Кашель слабеет. Но переполох. Особенно волнуется Варвара Михайловна, и сама Александра Львовна воображает, что у нее чахотка.

Вечером Л. Н. слушал чтение длинного английского письма, полученного Татьяной Львовной в ответ на свое от Поста, редактора «The Public»¹. В нем обзор того, как и где проникло сознание единого налога и осуществление, хоть частичное. Например, в новом государственном законе лойдджорджевском в Англии в отдельной расценке (taxation) ценности земли (land value) и ценности построек (improvement value) в городах. В Нью-Йорке и других городах цена земли — 53 процента, а построек — 47 процентов. Где стоят 30-этажные дома, там даже цена земли доходит до 70 процентов, а построек — до 30 процентов.

Л. Н. тут заметил, что именно вследствие дороговизны мест для построек и строятся эти 30-этажные дома.

Л. Н. получил и прочел книгу чувашского священника Т. Земляничко и написал письмо автору².

9 апреля. В дождь Л. Н. верхом 16 верст, ссадил себе кожу на колене. В лесу топь, дороги поразмыты.

Софья Андреевна сравнивала оригинал «Детства» с экземпляром, измененным Некрасовым и цензурой, и просила Л. Н., чтобы он отредактировал и разобрал, что изменено Некрасовым или цензурой или им самим в корректуре. Л. Н. отклонил и посоветовал оба текста напечатать¹.

За обедом играл с Танечкой. Она ему щекотала шею.

Л. Н. получил письмо 85-летнего Ахшарумова, приславшего ему книгу стихов, которые читал в молодости в кружке Дружинина, Некрасова, Тургенева и Толстого. Л. Н. спросил, получена ли книга, и сказал, что непременно прочтет ее. Позже Л. Н. ему ответил².

Сегодня я послал исследовать мокроту Александры Львовны, особенно кашляющей со времени кори и все время полтора-два месяца простуживающейся. И особенно сильно эти три дня. Ездил на конную ярмарку лошадь покупать, уставала, в сапогах промачивала ноги. Вечером привезли результат исследования. Туберкулезные бактерии найдены в небольшом количестве. Варвара Михайловна — плакать и побежала уведомить Татьяну Львовну. Я — к Л. Н. Он был занят «Новым кругом чтения»; выслушал, а после, когда я уходил, поблагодарил за сообщение. Я спросил, как быть с Александрой Львовной. Я ей не могу не сказать правды.

Л. Н.: Если бы меня спросила, я бы ей сказал правду.

Я дал Л. Н. прочесть из учебника внутренних болезней Меринга, что во всех вскрываемых трупах, от двух третей до трех четвертей, находят следы зарубцевавшегося туберкулеза, так что большинство исцеляется.

Л. Н. сказал, что он того же мнения.

Вечером все безмолвны. Татьяна Львовна писала письмо, Варвара Михайловна около Александры Львовны, которая, не проявляя страха, наоборот, с улыбкой говорила: «Так вот, у меня чахотка, с папенькой умирать будем. Эх, панчик, проглядели чахотку!» Только слышна была нотка, что и жалеет себя, как ребенок.

Софья Андреевна уверена, что Александра Львовна в Крыму в одну неделю перестанет кашлять, не огорчена. Занята сравнением текстов «Детства». Л. Н. вышел в залу и тут просидел больше полутора часов за пасьянсом (который обыкновенно раскладывал в кабинете) и еще читал газеты. Кrome него, в зале была Софья Андреевна.

Кашель Александры Львовны стал звучать звонче, с оттенком страдания, и чаще.

10 апреля. Тяжелая, кошмарная ночь. Верно, всех тревожила мысль об опасной болезни Александры Львовны. Все подавлены. Александра Львовна едет в Крым. Сегодня упаковка вещей. Сдача дел, писаний и переписки Л. Н-ча Булгакову. Пополудни был доктор Грушецкий, который нашел иногда при кашле хрипы и в верхушке левого легкого.

У Л. Н. сегодня лицо как бы похудевшее, неподвижное и озабоченное. За завтраком Л. Н. заговорил: известие (в «Новой Руси») о самоубийстве О. Д. Хилковой. Прочли вслух. Она старшая дочь Д. А. Хилкова и воспитывалась у бабушки.

Л. Н. сказал, что у нее, наверно, были нравственные требования.

— А она какую силу энергии употребила на самоуничтожение, которая нужна на борьбу со злом. Это единственная сторона, которая меня интересует: упадок воли.

Л. Н. сказал, что ждет книгу о самоубийствах Масарика¹; до тех пор не пишет своей статьи.

Л. Н. ездил с Филей. Александра Львовна озабочена тем, что Л. Н. продолжает ездить на Делире, который ему не по годам.

Л. Н.: Я делал наблюдение над письмами. Сегодня только шесть, все с марками на другой стороне. Увидим завтра.

Татьяна Львовна: Думаешь, перлюстрируют? Возможно, что и так.

Л. Н. вышел вечером, после 10, к чаю. Сказал:

— Я читал опять Семенова «Бабы», очень хорошо. — И рассказал содержание. Потом:

— «Почему Парашка писать не научилась»². Помните? — спросил нас. — Он (Семенов) неоцененный.

Я: Я рад, что это слышу. Семенов мне наиболее по душе из русских писателей.

Л. Н.: Я был одно время к нему строг. Приступили к нему требования известной жизни... литераторство...

Булгаков по поручению Л. Н. сделал выписки мыслей из некоторых сочинений Достоевского³. И сегодня принес готовую тетрадь. По этому поводу Л. Н. Разговорился о Достоевском и сказал:

— Как-то Достоевского нападки на революционеров нехороши.

— Почему? — спросил Булгаков.

Л. Н.: Не входит в пих, судит по внешним формам.

Булгаков мне сказал:

— Открылось, что приписываемые Лескову мысли принадлежат Льву Николаевичу: Лесков выбрал их из его писаний.

(Л. Н. недели две-три тому назад получил через Сергеенко копию избранных мыслей Лескова, восхищался ими и даже прослезился, читая, и только теперь узнал, что это — его.)

Булгакову Л. Н. поручил работу по «Новому кругу чтения» («Пути жизни») — выбирать из предназначенных для этой книги изречений Л. Н. хорошие и отмечать слабые. Булгаков очень затрудняется делать последнее: не поднимается рука.

11 апреля. Л. Н. ездил в Овсянниково, куда приехала семья Горбунова. Иван Иванович приедет завтра.

Вечером была Николаева. Приехала Ольга Константиновна с детьми. Булгаков поселился жить у нас.

12 апреля. Все в подавленном состоянии. Александра Львовна укладывается. Приезжают прощаться с ней. Она то крепится, то не выдержит, поплачет. Сегодня были Н. П. Иванова, Булыгин. Неожиданно приехали Михаил и Илья Львовичи.

Л. Н.: Как мне работать хочется, а сил нет.

Пополудни верхом в Овсянниково. Там на вопрос Марии Александровны: «Зачем Саша едет в Крым?» Л. Н. сказал: «Деньги». На ее же вопрос: «Что писал?» — Л. Н.: «Я все очищал свой дневник»¹.

13 апреля. Александра Львовна с Варварой Михайловной уехали в Крым. Л. Н. говорил мне, что у него эти дни неравномерное состояние неработоспособности и обратно пропорциональное желание работать. «Я все своими книжечками («Днями») занят. Недоволен ими, а отстать от них не могу».

15 апреля. Была дама из Новороссийска (Лейбович); просит хлопотать за ее мужа, присужденного по делу о Новороссийской республике на семь лет. Л. Н. написал письмо Олсуфьеву и направил ее к нему с этим письмом¹. Пополудни был Шахаев, железнодорожный служащий из Самарской губ. Близкий по духу, энергичный, деловой человек. «Что начнешь говорить — он доскажет», — вроде этого высказался о нем Л. Н.*

Л. Н.: Был Соломахин. Какой он горячий человек! Отец его хлыст, а он рационалист.

Соломахин распространяет сочинения Л. Н. в ремингтованных экземплярах, которые сам заказывает. Отец ему хочет дать 70 десятин земли, он отказывается на религиозном основании.

16 апреля. Татьяна Львовна говорила со слов Николаева, с которым сегодня имела разговор о Генри Джордже, о критиках Джорджа; что Маркс, Каутский, Кропоткин, критикуя его и не зная его, не исследовав его сочинений, полемизировали с тем, чего он не говорил¹. И Янжул также.

Л. Н.: Я знаю Янжула, он не понимал Генри Джорджа.

Татьяна Львовна: Ни одного критика нет такого добросовестного, который прочел бы Генри Джорджа с начала до конца. В Киао-Чао германским правительством введен земельный налог, потому что это китайский обычай.

Л. Н. на это сказал, что это генриджорджевское — новое — отношение, а древнее было такое же. У русской общины обложение налогом одной земли...

Татьяна Львовна о Генри Джордже, о статистике земель, налогов (Янжул); затем перешла на новые расходы на подводные лодки и воздушные шары.

Л. Н.: Непосредственное последствие этих изобретений — новое обременение налогами. Это иллюстрация того нравственного состояния, — никакое изобретение не идет на пользу, а (все) во вред.

Я заметил, что со введением личной собственности, разрушением общины надо будет ввести поземельные книги. Какой понадобится огромный штат чиновников, какое новое лишнее бремя!

Л. Н. молчал, после сказал:

— Я соблюдаю свое неосуждение.

Л. Н.: Когда все это ясно видишь, особенно хочется умереть. Когда состаришься, видишь ясно, что цель жизни — никак не последствие, результат... Во имя цели трудиться — это ряд разочарований. Но когда инерция этого движения еще существует, трудно ее остановить.

Последнее сказано Татьяне Львовне, хотящей видеть осуществление программы Генри Джорджа.

Татьяна Львовна спросила Л. Н., когда он приедет в Кочеты. Л. Н. на это сказал, что Чертков мог бы прямо туда приехать.

Ольга Константиновна: Он не хочет нарушить запрета, чтобы к этому не придрались и впоследствии не воспретили совсем возвратиться в Телятинки.

* Записано 2 мая.

Кочеты — в версте от границы Орловской губернии. А Владимир Григорьевич нанял в Серпухове господский дом, куда переедут он и Анна Константиновна на это лето².

Л. Н.: Вот попы, правительство — не судите (их). Я все не удерживаюсь. Нынче удержусь.

Л. Н.: Со вчерашним самарским крестьянином, чуть с ним заговоришь о боге, о любви, он все поймет, так как он весь горит желанием устроить жизнь на этих началах. А эти господа, как Шоу, ставят вопросы по-церковному: почему бог сотворил мир со злом (он не верит в церковь, но ставит вопрос по-церковному). Это ужасно, фальшь какая! Он церковник. Конфуций, Будда не думали о сотворении мира... Эволюция не отвечает на вопрос... Начало и цель — нелепость. Что он (бог) делал до того? Сидел, сидел и вдруг сотворил свет. Тогда было такое развитие, что удовлетворялись этим.

Л. Н. рассказал про бывшего сегодня херсонского человека, учителя труда, т. е. ремесел — столярного и других — в учительской семинарии, которому в 13 лет опротивело мясничество — резание телят у мясника³; перешел к хлебному торговцу. Тут обмеривание и обвешивание. Когда покупают, утяжеляют меру.

Л. Н. сказал, что он подробно расспросил, как это делается; рассказывавший говорил, что понял, что он не может и этого делать.

Вечером были Дима Чертков и Лева Сергеенко. Фонограф.

Я показал *Л. Н.*-чу в «Новом времени» от 13 апреля статью Меншикова «Страдает ли граф *Л. Н. Толстой?*» по поводу интервью Адлера⁴. Адлер так передает слова Толстого: «Едва ли найдется хоть один финн, который до такой степени страдал бы за Финляндию, как страдаю я».

Л. Н.: Это подтасовка. Я страдаю от казней и других действий правительства, между прочим, и от тех, что против Финляндии.

А о статье Меншикова *Л. Н.* сказал:

— Все очень умно, и так придумано ловко.

17 апреля. *Л. Н.* эти три дня ездил верхом с Булгаковым. Я все был занят больными. Вчера приехал Сергей Львович. За вегетарианским завтраком Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Ольга Константиновна с детьми, Булгаков.

Л. Н.: Как нынче на глазах вегетарианство стало распространяться! На днях письмо безграмотное от мальчишка. И вчера был мясник, который перестал убивать и есть мясо. В Петербурге братцы Иванушки... (Их после беседы Иванушки 1 500 отказалось.)

Л. Н.: Нынче письмо от священника. Мне всегда приятно. Просит Евангелие, пишет: «Есть в народе потребность в ваших взглядах»¹.

Л. Н.: Получил китайский журнал². Это издают молодые люди.

Л. Н. прочел статью «The civilisation of China» и сделал в ней отметки на стр. 219, 220. Читал и другие статьи. *Л. Н.* отметил, между прочим: «Adultery is the worst of all vices but filiality is the noblest of all acts» (Chinese proverb)*.

Л. Н.: Если бы я был молодым человеком, поехал бы в Китай. Самый консервативный народ. Через восемь лет введут у них конституцию.

Л. Н. вечером спросил меня:

* «Прелюбодеяние — самый худший из пороков, а любовь к предкам — самое благородное из всех дел». Китайская пословица (англ.).

— Вы читали китайский журнал?

— Да. Одну статью. В ней то же говорится, что в вашем письме к китаюцу³, т. е. придается первенствующая важность нравственному учению Конфуция, а не западной цивилизации.

Л. Н.: Не очень. Все они увлечены прогрессом Запада, этой цивилизацией. Мне хочется им написать письмо (Л. Н. получил письмо от китаюца, только не знает — от того ли, который прислал ему этот журнал). Сергей Львович говорил, что в Китае от введения конституции будет только лучше, хоть немного. Л. Н. не согласился с этим.

Вечером Л. Н. вторично поправлял сверстанные корректуры «Нового круга чтения» («Пути жизни»): «О душе» и еще три. По недосмотру попали ему на стол дубликаты экземпляра корректуры, и он позабыл, что третьего дня поправлял.

Л. Н. за круглым столом просматривал коллекцию открыток старых картин Дрезденской и других галерей, около семидесяти картин. При этом делал замечания: «Рафаэля «Сикстинская Мадонна». Почему ее так любят? — ничего хорошего...» — «Вот так портрет Рубенса «Франциска-нец»! — «Мадонна дела Седиа». Старики — прелесть... Нет, эта Мадонна хороша, а Мадонна Сикстинская, когда я с Боткиным, Тургеневым смотрел ее, они восхищались, и я хотел внушить себе, что она хороша, но напрасно⁴. — «Джиоконда» хороша. Тициана «Кающаяся Магдалина (стоящая)» — хороша. Эта правдивость — правдивость в противоположность искусственности Рафаэля».

Сергей Львович говорил про Александрийское собрание изречений Сибиллы⁵, что они за четыре столетия собраны; много глупостей, но много анархических и христианских изречений («похожих на взгляды вашего отца», — говорил Сергею Львовичу Салтыков, рекомендовавший ему эти изречения).

На днях я ехал в шарабане навстречу Л. Н., гулявшему пешком. Обратно правил Л. Н. Как всегда, великолепно. Лошадь шла не по самой середине испорченной дороги, а возле, ровно, не сбиваясь.

Как-то я проговорился, что получил фальшивый рубль.

Л. Н.: За вашу работу получили? Это хорошо. (Я понял так, что за свою работу не жди платы; если ее нет, не огорчайся.)

18 апреля. Праздник Светлого воскресенья. С Л. Н. верхом к М. А. Шмидт через ливенцовское имение, через лес. У ручья пришлось слезать, самим перепрыгнуть и провести лошадей. Делир уперся, пришлось его пугнуть, он чуть не наскочил на ноги Л. Н. Я удивлялся силе и ловкости Л. Н., как перепрыгнул ручей. Потом из лесу через поле помчались в Овсянниково (все время галопом).

И. И. Горбунов спросил Л. Н., отчего сапоги у него в грязи. Л. Н. ответил, что ехали прямо через лес, и дорога тут такая, по пословице: «В объезд — до обеда, а прямо — дай бог к вечеру». Л. Н. рассказал про бывшего вчера студента-поляка¹. Он был против революции и поступил на службу в полицию, в шпионы; думал, что найдет у Л. Н. сочувствие. Л. Н. сказал ему, что жалеет, что дурным делом занялся.

Сегодня же был старичок, подполковник, весь в орденах, православный, монархист, наивный². Ездит по частям войск, обучает солдат грамоте. Л. Н. долго с ним беседовал. Вышедши от Л. Н., он сказал Татьяне Львовне, что у него секрет, и долго мялся; наконец, рассказал, что написал стихи против Л. Н. за его отступничество от православной веры и против государственности. Показал один листок и сказал: «Что мне теперь с ними делать? Придется сжечь их^{*}, а я только что напечатал две тысячи».

* Л. Н. ему так понравился.

За обедом, по поводу разговора об умирании, Л. Н. вспомнил, что у Семенова старушка говорит: «Умереть летом легко, потому летом могилу легко копать»³.

В Овсянникове Л. Н. рассказал про второй номер еженедельной индийской газеты «The Carlylean», сегодня полученный. Там две статьи его и сочувственное сопровождение к одной из них.

Л. Н. рассказал, что сегодня был у него крестьянин, который присылал стихи, а Л. Н. отвечал, чтобы этим не занимался. «Вы меня не разубедили писать стихи, я чувствую призвание к писательству, я не могу жить в деревне», — говорил он.

Л. Н. о ревью «The Monist»:

— Это научный взгляд на религию.

Потом говорил о предсказаниях насчет предстоящего столкновения земли с хвостом кометы Галлея.

Между прочим, и Морозов что-то предсказывает.

— Морозов ума не набрал, что такое говорит.

Буланже говорил о плотниках, выстроивших для него дом: какие друзья у него, как трудно было добиться их доверия, какой университет был для него — работа с ними.

Л. Н.: Осуждать крестьян за воровство... Они всегда на волосок от смерти.

И Л. Н. добавил:

— У них (у народа) умирать — известное дело, которое надо хорошо сделать.

После обеда Сергей Львович застенчиво, боясь утруждать и отнимать много времени, спросил Л. Н., может ли он пять минут посвятить «Набегу», и прочел пропущенные цензурой места. Оказалось, — Л. Н. помнил, — что они пропущены не Некрасовым, не по его литературным соображениям, а по цензурным. Например, длинное хорошее рассуждение о том, на чьей стороне справедливость: на стороне ли оборванца-чеченца, защищающего свою семью, саклю, скарб, или русского офицера, метящего в адъютанты, или саксонца-офицера.

Л. Н. помнит, что ему было обидно, что это рассуждение было пропущено. Л. Н. сказал, что это удивительно, как эти самые мысли, что теперь, он уже тогда высказал.

— Надо вставить, что пропущено, — сказал Л. Н.

Л. Н. хотел вспомнить фамилию капитана из «Набега»:

— Ах, капитан батарей, он был старший, спокойный, тихий, прекрасный человек!⁴

На вопрос Софьи Андреевны и Сергея Львовича:

— А в печатном есть прибавки (против рукописи), очевидно, твои? — И Сергей Львович прочел некоторые.

Л. Н.: Разумеется, мое.

— Печатать по рукописи с этими прибавками?

Л. Н. согласился, но ответил:

— Сделайте, что хотите (верно, чтобы его оставили).

Л. Н.-чу, очевидно, были очень интересны эти воспоминания, рукопись, прибавки, но он не хотел им уделять времени в ущерб теперешним писаниям, и потому предоставляет Софье Андреевне и Сергею Львовичу делать, как они хотят.

Л. Н.: Да ведь это я в «Набеге» ходил, я не служил еще⁵.

Сергей Львович: Да?

Еще был длинный разговор между Сергеем Львовичем и Л. Н. об esprit de corps*.

* сословном духе (франц.).

Сергей Львович играл с Л. Н. в шахматы, потом Сергей Львович играл на фортепьяно. Ночью уехал в Тулу, оттуда в Крым, по своим хозяйственным делам и к Александре Львовне.

19 апреля. Приехали два японца. Старший — из самураев (около 50 лет) — Харада, христианин, получивший образование в Америке, директор самого первого (в 1864 г. основанного) училища в Японии. До 1864 г. было запрещено выезжать японцам из Японии, смертная казнь налагалась на таких, которые уезжали. Основатель же этой школы выехал. По плану этой школы устроены после и прочие. Он говорил подолгу с Л. Н. наедине. Знает учение Л. Н., не признает его взгляда на непротивление и государство. Но уезжал с тем, что учение Л. Н. стало для него проблемой. Другой японец, около 27 лет, Мидзутаки, дома окончивший университет, нынче слушатель народного университета в Москве. Послан правительством изучить русский язык и технику промышленности русской.

Л. Н. сегодня получил письмо от казака, готового отказаться от военной службы; пишет и о двух сверстниках, отказавшихся от повторной очередной военной службы и сидящих под арестом. Двое из этих трех посетили Л. Н. не так давно (три — шесть месяцев тому назад).

Л. Н. читал японцам это «чуждое» (как написал на конверте) письмо¹.

Потом им показывал свое письмо к японцу², потом книжку индуса Gandhi «Indian Home Rule»³ (он отвергает всю европейскую цивилизацию).

Христианин-японец жил продолжительное время в Китае и в Индии. Л. Н. расспрашивал его про Китай, Индию, Японию. Главное — про религиозно-нравственную сторону жизни.

У них домашний шинтоизм (почитание предков, обоготворение императора), из Китая перешедший к ним, конфуцианство, и буддизм. Буддой в новое время стали глубже интересоваться, получены о нем новые сведения через европейцев. Буддисты у них мясо едят. Христиан в Японии 160 000, и христианство распространяется. Оно влияет и на буддизм, в котором у них есть бог (а у буддистов нет понятия бога), и Спаситель, и спасение через веру.

У них много читают газет. They preach moral*.

Л. Н. сказал на это, что superficial**.

— Люди через газеты нахватываются знаний о том, что делается на свете, и не идут внутрь себя. «They preach patriotic morality which is opposite to the true morality»***.

И. И. Горбунов говорил молодому японцу с одушевлением и искренним убеждением о братстве народов; говорил, что о Японии издал книжку⁴, и думал до войны, что японцы лучше западных народов. Война же его убедила, что они испорчены патриотизмом. Это отжившее. Нам надо работать над тем, чтобы стали люди братьями.

— Вот где, — указал он на дверь кабинета Л. Н., — родятся новые люди.

Старший японец вставил в беседу И. И. Горбунова с младшим, что император Японии хочет добра и у всех народов учится.

Л. Н. прочел вслух отдельные места из книжки Gandhi «Indian Home Rule». Мысль та: Ганди говорит англичанам: «Вы с нами ничего не сможете сделать, если мы вам не будем помогать».

На следующий день Л. Н. сказал мне об этой книжке:

* Они проповедуют нравственность (англ.).

** поверхностно (англ.).

*** «Они проповедуют патриотическую нравственность, которая противоположна истинной нравственности» (англ.).

ТОЛСТОЙ И Л. Н. АНДРЕЕВ

Ясная Поляна, 22 апреля 1910 г.

Фотография В. Ф. Булгакова

«Л. Н. об Андрееве...: «Ничего, он очень приятный человек... Такой красивый, здоровый человек. Булгаков нас снял с ним».— Запись от 23 апреля 1910 г.

— Прочтите ее, Душан Петрович. Я всю исчеркал. Интересна. Но преувеличенна. Он отвергает всю цивилизацию и желает, чтобы вернуться к старым приемам, обычаям, образу жизни, чтобы не было ни земледельческих машин, ни железных дорог... Там у них распря с магометанами, которые коров убивают, а они, брамины, коров считают священными (когда умирают, держатся за хвост коровы).

Харада рассказал, что христианство введено в Китае в IV в. несторианцами. Но вымерло. В пустыне Гоби недавно раскопан разрушенный город и найдена библиотека, в ней Библия и манихейские манускрипты. В Японию перешло христианство как буддийская секта. Буддизм в Японии делается похожим на христианство. У них, у японских буддистов, тоже бог — спаситель и спасение через веру. Большинство христиан водки не пьют. Разводов в Японии все меньше и меньше.

После обеда пускали граммофон в деревне, на крыльце библиотеки: Л. Н., И. И. Горбунов, Булгаков, японцы. (Русские песни и пляски, Панину, Трояновского.)

20 апреля. Утром уехала Татьяна Львовна с Танечкой. Л. Н.— с Булгаковым верхом. Опять приходил подполковник Куприянов (тульский

корреспондент «Русского слова»); мальчик, исключенный за воровство из железнодорожного училища и принятый обратно по ходатайству Л. Н.; оборванец, просивший запрещенных книг. Булгаков дал ему. Л. Н. высказал опасение, чтобы его за это не арестовали (оборотанец — пьющий, и он же был в прошлом году, ругал Л. Н. за то, что дал ему только пятачок).

За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Александра Александровна, переписчица из Тулы с пятилетней девочкой, Ольга Константиновна с детьми. Булгаков на пробе ¹ «Первого винокура» в Телятинках.

Ниночка, девочка Александры Александровны, очень живая, общительная. Мать сделала замечание, что она тут, как дома.

Л. Н.: В этом дети все ужасно милы. Все люди ей равны.

Софья Андреевна о пропусках из «Детства». Пропущена вся глава, как мать играет сонату. Вместо: где те смелые молитвы к богу (в «Детстве») — вставлено: горячие ².

Л. Н. о японцах сказал, что они оригинальны тем беспримерным в истории переворотом из дикого самодержавия в конституцию-цивилизацию.

Л. Н.: Они (Японцы) избрали христианство, как одно из условий цивилизации. Как бы оно не сыграло у них неожиданную роль...

Ольга Константиновна спросила Л. Н. о вчерашнем японце-христианине, большого ли он ума.

Л. Н.: Не самобытен. Есть люди и такие народы, которые не самобытны, а перенимают от других мысли. Они живут животной жизнью, и в духовном — подражатели, самобытности у них нет.

Первый раз обедали на террасе. Была речь о водке.

Л. Н.: Бедные люди! Это (водка) для них потребность. Мы не можем себе представить той жажды, которая у них.

Вечером был опять тот мальчик, которого за воровство исключили из железнодорожного училища; о нем Л. Н. похлопотал, и приняли его обратно. Просил на дорогу в Тулу.

Л. Н.: Не могу я тебе дать. Это нехорошо. Иди.

Ходили к Николаевым. На дворе качели, гармошка, песни. Л. Н., идя около, остановился: «Кто-то так хорошо поет». А обратно идя: «Что же не поете?»

21 апреля. Утром приехал Михаил Львович; не знал, что Александра Львовна больна. Днем приехал Леонид Андреев. Л. Н. сегодня не поехал верхом. На вопрос Булгакова — почему, сказал, что вообще больше не будет верхом ездить, когда это вызывает недобрые чувства. (Вчера бывший подполковник упрекал его, почему ездит на хорошей лошади.)

Булгаков сказал Л. Н., что ведь тут можно смотреть на лошадь, как на принадлежащую друзьям. Л. Н. сказал, что он так и смотрит, а ездить все-таки не будет.

Л. Н. хвалил и рекомендовал Ольге Константиновне перевести книгу о Ганди и сказал, что напишет предисловие к переводу ¹.

22 апреля. После обеда Л. Н. пошел к Николаевым и взял с собой за руку четырехлетнюю Ниночку, дочку А. А. Межековой, переписчицы (Ниночка привязалась к нему), и опять ее сам передал матери. Проходя через овраг, сказал: «Детка, скорее, тут сыро, надо проходить скорее».

Л. Н. рассказал про жизнь муравьев (он прочел в Брокгаузе ¹), что у них есть рабы, самцы, короли, которых доят, солдаты; как они путешествуют, охраняемые по сторонам солдатами...

Л. Н. с Андреевым гулял пополудни. С половины пятого заняла гостя Софья Андреевна и рассказывала ему живо и умело про свою «Историю жизни», заботы о здоровье Л. Н., о новом издании его сочинений и т. д., во всем выставляя свои заслуги. Андреев слушал.

Если же начинал говорить, говорил очень складно, красиво, плавно. О Куприне рассказывал, что он пьет.

Сегодня получено первое письмо из Ялты от Варвары Михайловны. У Александры Львовны нашел Альтшуллер обе верхушки пораженными, пишет о грустном настроении их обеих.

За обедом Л. Н. рассказал про книгу Ганди:

— Как Ганди описывает, что когда он был мал, его заставляли мясо есть. А мать ему внушала не курить, не пить и от половой похоти воздерживаться. Это у них было ухарством — есть мясо, чтобы показаться цивилизованным. Ганди — религиозный, высокорелигиозного понимания жизни. Он не брамин, а из купцов. В Англии презрительно относились к нему как к желтому и требовали тюбан снимать. Эта книга о нем как о знаменитом руководителе революции, борьбы непротивления против Англии. Я нынче все утро это читал. То, что «лама» (подложный немец) в «*Greuel der christischen Civilization*»² с вымышленной точки зрения ламы пишет о европейской цивилизации, то Ганди непреднамеренно, непосредственно пишет. Он прожил в Англии четыре года. Он barrister-at-law *

Л. Н. говорил о Ганди с большим интересом.

Л. Н. спросил Андреева:

— Вам сколько лет?

— Тридцать восемь.

Л. Н.: Порядочный возраст.

Андреев спросил у Л. Н.:

— Вы были в Художественном театре?

Л. Н.: Не был.

Софья Андреевна вставила, что был.

Л. Н.: Не помню³.

Подъехали с бубенчиками к крыльцу. Михаил Львович посмотрел, кто — Бибиков. Михаил Львович сбежал к нему. Между тем Софья Андреевна рассказывала Андрееву, кто такой Бибиков, и что он, наверно, опять пьяный и что нельзя его впускать.

Л. Н.: Я люблю пьяных. Вот именно уже всегда бывают хорошие люди.

Л. Н. просил позвать его. Софья Андреевна вспоминала зло о Бибикове.

Л. Н.: Хорошо все это забыть.

Софья Андреевна: Я не могу, я к старости лучше помню и становлюсь впечатлительнее.

Вернулся Михаил Львович: «Я отправил его», — и сказал, что тот хотел поговорить с Л. Н., об «учении, как жить».

Л. Н.: Мне очень жалко.

Михаил Львович: Я ему сказал, зачем он приехал выпивши. Он на это: «Не выпивши не посмел бы».

Андреев был смущенный и с Л. Н. несмелый, конфузливый.

После обеда Михаил Львович уехал, остались в зале Л. Н. с Андреевым, Ольга Константиновна и я.

Л. Н. спросил Андреева про «Анатэму». Андреев подробно, конфузясь, с некоторыми заминками, рассказал содержание. Л. Н. местами вставлял вопросы. Андреев объяснил (речь у Андреева не совсем чистая, а такая, как у алкоголиков бывает: язык то путается, а иногда торопится). Я не понял его изложения. Л. Н. просил прислать ему «Анатэму», хочет прочесть ее.

Л. Н.: Почему «Анатэма», такое заглавие?

* адвокат (англ.).

Андреев: У меня там изображен дух отрицания. Тот самый чёрт, русский чёрт, самое несчастное существо в мире. Он сомневается, неуверен. У Анатэмы нет сердца, а только ум, и потому он туда, где истина (за те ворота) не проникает. Мною символизируется голый человеческий ум, которому идти некуда. Анатэма является в виде адвоката.

Л. Н.: Еврей тоже? *

Андреев: Адвокат интернационален, но есть в нем еврейские черты.

Л. Н. еще спросил, почему взял Давида-еврея?

Андреев: Потому что подобный случай был в Одессе. Только тот еврей, к тому времени как роздал почти все, помер.

Л. Н.: В Европе такого нет (писателя выдающегося)? Shaw?

Андреев: Шоу поверхностный.

Л. Н.: От него получил письмо. Он мне в этом письме писал, что о сотворении мира почему же не шутить; можно думать, что мир — плохая шутка, какую бог сделал⁴. Я ему ответил, что есть предметы, о которых не надо шутить.

Андреев похвалил книгу Вассермана «Каспар Гаузер»⁵. Вассерман разработал его психологию; недоумение Каспара Гаузера, когда он сталкивается с ложью; потом, как стал сам учиться лгать, когда приучали есть мясо.

Л. Н.: В этом есть хорошее (интересное) — поставить такого свежего человека в нашу цивилизацию.

Л. Н.: Я вспоминаю, в мое время были Гюго, Дюма-сын, Диккенс, Теккерей. Эти были сразу (в одно время). А теперь?

Л. Н. рассказал о письме, которое получил от китайца, потомка Конфуция, приславшего и его (Конфуция) портрет. Он слышал, что Л. Н. готовит серию книжек об учителях религий. О Конфуции уже напечатано в «Посреднике». Л. Н. дал Андрееву целую коллекцию отобранных лучших книжечек «Посредника» (около 30) и вызвал его, чтобы он и Горький в «Посредник» писали или дали из написанного.

Андреев сказал, что он не может, т. к. связан с издательством «Промышленность», которому он продал все прежние и будущие свои писания.

Л. Н. принес новую книжку «Современного мира», там статья Д. Жбанкова о самоубийствах⁶.

— Прекрасно это изложено. Прочитаю, что отчеркнул.— И Л. Н. читал цитаты из писем самоубийц.

— Каждая записочка — целая драма. Очень хорошо составлено.

Андреев: Жбанков, доктор в Смоленске, пожилой, очень отзывчивый и серьезный человек. Ездил на голод. Каждый год несколько времени сидит в тюрьме.

Л. Н. прочел вслух письмо крестьянина, на Рождество у Л. Н. гостившего два-три дня, Никифора Логунова (о пьянице-отце), сердечное⁷. Он не хочет в собственность землю.

Л. Н. опасается за Александру Львовну (ее болезнь).

Л. Н. (Илюшку — шести-семи лет): До сих пор ты был хорошим мальчиком, теперь надо быть хорошим молодым человеком.

Л. Н. (за обедом, главное, к Андрееву): Японцы были. Нынче от них письмо⁸. Журнал китайский^{**}. Это очень интересно. О Конфуции мало нового. Этот журнал, издаваемый молодыми людьми, которые учатся в Европе. Ужасное благоговение к европейской цивилизации, приготовление к конституции, которая будет (у них, в Китае) через восемь лет.

* Андреев говорил о другом лице драмы, о старом Давиде, унаследовавшем деньги, которому Анатэма когда-то является и говорит: «Почему ты так несчастен?».

** Кажется, речь о какой-то (книжке?) или статье в журнале с портретом Конфуция, присланной ему потомком Конфуция⁹.

Л. Н.: Ганди, автор книжки «The Indian Home Rule». Он начальник партии, борющейся против Англии. Он сидел в тюрьме. Прежде я получил книгу о нем. Эта книга в высшей степени интересна. Это история того.....* Глубокое осуждение, с точки зрения религиозного индуса, всей европейской цивилизации. Как он приехал в Лондон, как он начал есть мясо, как он тут учился танцевать и подчинился цивилизации. Началась война в Южной Африке. Его презрение к отношению белых к цветным людям. Кроме того, он проповедует, что самое действительное противодействие — это пассивное. Он из купцов. Он мне пишет, что он был со мной в сношении, когда учился в Лондоне. А я не могу не радоваться сношению с Дальним Востоком. Ныне маленькая Россия.....* В Индии происходит борьба с владычеством английским, указывают на свое моральное превосходство. Он говорит, что англичане — прекрасные люди, не надо бороться с ними, но отвратительна цивилизация, которой они исполнители... (*Л. Н.* был возбужден.)

Л. Н.: Японец (Харада) серьезно говорил... Он находит сходство русских храмов с буддийскими. Он сам был буддист, но жизнь Сакия-Муни неизвестна была ему; ее японцы узнали через посредство европейцев. Когда ему было 17 лет, он узнал про Христа, крестился, но догматов он не признает. Он принял христианство как одно из условий (проявлений) цивилизации. Он прислал их «Императорский манифест», в котором и главные основы их веры шинтоистской очень такие грубые: любви своих семейных и больше всех представителя неба — императора, который всегда был и всегда будет.

Л. Н.: «У нас, — говорил Харада, — полная веротерпимость». Но видно, что там отсутствие религии.

Андреев говорил *Л. Н.* о Сологубе, спрашивал его мнение о нем. *Л. Н.* ответил, что не читал, не помнит (не знает) ¹⁰.

Андреев подробно рассказывал тему «Анатэмы». О Чуковском, писавшем о тех изменениях художественных и нравственных, которые кинематограф вносит в народ, и о его мнении о кинематографе ¹¹; о Горьком, посещении его на Капри ¹². Андреев много говорит, гладко; он мил; выговор его не совсем чист.

Л. Н.: Почему же писатели не возмутся за сочинение пьес для кинематографа?

И *Л. Н.* тут сказал, что у него возникло намерение сочинять для кинематографа.

А на другой день сказал Андрееву:

— Вы вчера меня о кинематографе... Непременно сочинять буду, если только успею ¹³.

23 апреля. *Л. Н.* об Андрееве на вопрос кого-то:

— Ничего, он очень приятный человек. Рассказывал он мне свою пьесу («Анатэму»). Очень хорошо. Я ему свои замечания. Об «Анфисе» говорил, что он не хотел ее ни отдавать в печать, ни ставить на сцене, жена его уговорила. «Это не я писал («Анфису»), мне совестно», — сказал Андреев. Такой красивый, здоровый человек. Булгаков нас снял с ним ¹⁴.

Приехал Сибор. *Л. Н.* играл в шахматы с сыном лесничего Морозова, который с сестрами тоже был на концерте.

Л. Н.: Вы шуточно говорите... В делах материальных мы не знаем результатов, в делах духовных знаем, что делать.

Сибор с Гольденвейзером сыграли сонату Моцарта.

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Л. Н.: Это интересно, для меня совсем ново.

Играли вариации чудесные Моцарта, старинные XVII века композиции (соло на скрипке) — Маттезона, Люлли «Gavotte», Генделя, Госсека. Все это Л. Н. очень нравилось.

Л. Н.: Мне нравятся особенно танцы — определенное, ритмическое. Мне очень нравится, что это скрипичное. Ожидаете — сложно, эффектно, а это просто звук; главное, прелестно по своей простоте. (Два гавота Госсека.)

Гольденвейзер: У Кубелика техника доведена до крайности. Дальше идти нельзя. Но он не художник.

Сибор говорил, что он негодует на публику, когда слушает невнимательно.

Гольденвейзер: А у меня, когда волнуясь в концерте, такое чувство, что последний раз играю.

Л. Н.: Это вы себе говорите большие комплименты: настоящий художник всегда собой недоволен.

Сыграли «Крейцерову сонату».

Сибор: Финал разочаровывает.

Л. Н.: Я с вами согласен. Я остался холоден. Финал — это начало декадентства: эти остановки, переходы, эффекты.

Как ни хороши программа, исполнение и внимательные слушатели, все-таки сегодняшний концерт был скучный и без всякой торжественности. Л. Н. только и ждал, чтобы кончился, чтобы сейчас уйти позаниматься в кабинете.

24 апреля. Л. Н. нездоровится. Ночью до 2 ч. заснул, утром проспал до 10-ти. До вечера ничего не ел, ложился и спал по несколько раз. Слаб. Пульс 74, слабый. В 7.30 вошла к нему Софья Андреевна. Досадливо ей сказал: «Не мешай мне».

Был мужик 30 лет из-под Тулы, из Высоцких Выселок, Петр Фокин, восемь лет просидевший в тюрьмах. Принес привет от Прозрецкого, Иконникова и Куртыша, он с ними вместе сидел и работал в тюрьме, в ткацкой. Его заключили потому, что не хотел служить.

Л. Н. целый день ничего не ел, пробовал пить боржом, и его бросил. С 5 ч. до 12 ночи почти все дремал. В 12 ч. написал письмо Александре Львовне и продиктовал телеграмму Горбунову: «Радуюсь тому, что вам пришлось увидеть самому великие благие плоды вашего 25-летнего служения народу. От всей души желаю беспрепятственного продолжения деятельности «Посредника»»¹.

Раздеваясь, Л. Н. должен был отдохнуть, до того устал. Этого я никогда у него не наблюдал.

Сказал: «Тело надоело».

Первый соловей.

25 апреля. Л. Н. встал слабым, изжога. Пульс 62, слабый. Массаж. Гулял. Кофе пил. Завтракал и пополудни гулял недолго. За обедом Софья Андреевна, Ольга Константиновна с детьми, Булгаков. Л. Н. похвалил вторую часть (продолжение) статьи Короленко «Бытовое явление. Заметки публициста о смертной казни», которую прочел в апрельской книге «Русского богатства», и сказал, что ему напишет¹.

Л. Н.: Там же есть «Яма (Очерки религиозных исканий)»², не тот гадкий рассказ Арцыбашева или Куприна, а Ямой в Москве зовут подвалкофейню, где собираются разговаривать о вере. Статья А. Панкратова очень подробна, интересна, советую прочесть, там малеванцы и... И о Черткове, который там бывал...

Л. Н., кажется мне, сказал, что и он там был.

Булгаков: В «Вегетарианском обозрении» Трегубов пишет о братьях Иванушки Чурикова, которых 1500 отказалось от мяса; в Америке тоже

отказалось от мяса 3000 рабочих, но по другой причине — из-за дороговизны. Трегубов сравнивает душу русского и американского рабочего.

Л. Н.: Я без отвращения не могу смотреть на мясное блюдо, когда на столе.

Ольга Константиновна: Это вопрос молочного хозяйства: бычков ведь надо отдавать на убой и быков, а коров в старости докармливать? Правда, без молока, по крайней мере взрослым людям, легко обойтись.

Л. Н.: Когда ходишь, нельзя обойтись, не топчя муравьев. Надо стремиться умышленно не убивать.

Булгаков: В Москве выставка мясная и скота, освящали ее молебном. Городской голова вышел за процветание боен³.

Л. Н.: Где какая гадость, без молебна не обойтись.

Л. Н. говорил, что работы много. Сегодня немножко подвинулась.

Л. Н.: Предисловие к «Дням» мне бы хотелось, чтобы читалось не как предисловие, а как связанная статья⁴.

Софья Андреевна говорила про умирание (угасание от слабости) Милютина (94-х лет), про короля английского и землетрясение на Коста-Рике (500 жертв). Еще говорила о 25-летнем юбилее «Посредника». Софья Андреевна жалела, что не послала телеграфного поздравления. Ольга Константиновна вспомнила, что через «Посредник» Галя познакомилась с Владимиром Григорьевичем.

Я: По статистике числа заказов изданных книг «Посредник» занимает шестое место в России.

26 апреля. *Л. Н.* бодрее. Гулял и вернулся с Ольгой Константиновной и детьми. Ольга Константиновна спросила его, поедет ли в Кочеты, сказав, что Софья Андреевна не хочет, чтобы ехал. *Л. Н.* ответил, что поедет на днях. Софья Андреевна проговорила, что не хочет потому, что намерена позвать Танеева поиграть, а без *Л. Н.* неловко. Из-за этого готова всячески удерживать *Л. Н.*

Л. Н. зовут в Кочеты, до 15 мая у них место, не будет ни сыновей, ни других членов семьи, ни гостей. С Ольгой Константиновной решили мы позвать Татьяну Львовну, чтобы приехала за *Л. Н.* (во избежание неприятностей).

За обедом на террасе слышно было кукушку в аллее.

Л. Н. (о ней): Неприятная птица. Других птиц и лягушек не замечаешь, кукушку, как лай собаки, замечаешь (*Л. Н.*-чу лай собак, особенно визг щенков, очень противен, до боли).

Вчера приехал Дима, вернулся из Крекшина с А. П. Сергеевко. У Алеши Сергеевко замечательная память на писания, мысли *Л. Н.* За чаем говорили о списке книг, которые *Л. Н.* советовал читать. Один такой — 90-х годов — Маркуева. Он записал, что тогда *Л. Н.* посоветовал читать; другой есть более поздний; оба у Черткова. Теперь же Булгаков с *Л. Н.* составляют третий¹.

Л. Н. присоединился к разговору, что дело надо доделать, насколько можно.

Л. Н. рассказал:

— Читал статью о преступлениях в Америке², число их в семь раз больше увеличивается, чем прибавляется жителей. Автор вычисляет, сколько стоят преступники в Американских Соединенных Штатах (постройка и содержание тюрем, судов) — баснословно много. Народ работает на тюрьмы и на солдат.

Л. Н.: У анархистов цель — последствия, а у христиан цель — исполнение нравственного закона.

В Городне, самой бедной деревне Кочаковского прихода, сгорело 12 дворов, приходили просить погорелые бабы. *Л. Н.* им дал по рублю. Одна из баб просила у Софьи Андреевны хворосту, Софья Андреевна

выговорилась как-то и не дала. Дима рассказывал, что пожар случился оттого, что девушки собрались в сарае и стали пудриться и румяниться; опрокинули лампу, солома загорелась.

Разговор о заседающем съезде русских писателей*.

Л. Н.: Съезд русских писателей поступил со мной нехорошо. Я послал им письмо с тем, чтобы его целиком прочесть, а они (Градовский — председатель) просили позволения телеграммой выпустить два слова: «сброд» и «заблудшие» (в адрес правительства). Я ответил тоже телеграммой: «Согласен». А они выпустили самую сущность письма, то, что человек, уважающий себя, (делать) не будет³...

27 апреля. Л. Н. ходил гулять на Козловку (пешком туда и обратно), его из дому провожали Сережа Попов, бородатый сибиряк из Хабаровска**, Е. П. Кузевич.

Вечером был А. П. Сергеенко; как и вчера, беседовал с Л. Н. в кабинете. Ему 24 года. В школу (гимназию) не ходил; способный к писательской работе, помнит прекрасно, что где Л. Н. писал, его мысли, вполне образованный.

Е. П. Кузевич передал слова Л. Н., что лошадь, верховая езда, есть роскошь; что на днях перестал ездить верхом, — это большее лишение для него, чем было лишение мяса.

В «Русском слове» коротенькая статья о 25-летнем юбилее «Посредника»¹ кончается приблизительно так: ««Посредник» превратился в издательскую фирму, принадлежащую одному лицу и преследующую, главным образом, коммерческие дела». Ольга Константиновна возмутилась этой статьей и показала ее Л. Н. Он прочел и очень огорчился и повторял, недоумевая: «Нехорошо, нехорошо».

Л. Н. говорит, что цветут ландыши, и вспомнил из стихотворения Лермонтова «ландыш серебристый», чтобы была рифма к «душистый»². Ландыш совсем не серебристый. Нужен рисующий эпитет. И Пушкин этим грешит.

28 апреля. Был Вайнберг, фармацевт из Ташкента, побывавший три месяца в Репинской общине¹.

Л. Н. пешком на Козловку.

Я записывал на днях письма январские, между прочим, одного человека, возвращающего 100 рублей, которые получил когда-то от Л. Н. в виде пособия (никто у Толстых не помнит). Он же спрашивает, которое рабство тяжелее для людей: прежнее или нынешнее. Л. Н. сказал, что теперь; прежде были человеческие отношения между хозяином и работниками, а теперь — никакие.

Л. Н. пересказал, что слышал о Дальнем Востоке (от Ивана Никифоровича, бородатого друга В. В. Плюснина) — 16 суток езды по железной дороге из Хабаровска:

— Когда думаешь, что и там говорят по-русски, что везде те же самые глупости, губернаторы, игры, гимназии, оборвыши, проститутки...

Л. Н. продолжал говорить, что китайцы работают медленно, русские быстрее; но китайцы не обижаются, продолжают так же работать. Есть известное достоинство работы; что крестьянину, становящемуся в четыре часа на работу, дано больше радостей, чем господам; что фабричная работа, быстрая, однообразная, машинальная, унижает человека.

Л. Н. каждый вечер пишет Александре Львовне.

Л. Н. не выходил до 11 ч. ночи. Какой он энергичный! Как он ставляет себя делать, что нужно ему и в телесном и в умственном от-

* Многие отказались участвовать, считая съезд несвоевременным.

** Друг Плюснина, И. Н. Збайков. Его восточносибирский разговорный язык подобен детскому языку или тому, на каком говорят иностранцы. Ж он выговаривает почти как ш, ц почти как с, и певуче говорит.

ТОЛСТОЙ ПОЗИРУЕТ НА КРИВОМ СКУЛЬПТОРУ П. П. ТРУБЕЦКОМУ

Ясная Поляна, 3—5 июня 1910 г.

Фотография С. А. Толстой

«Пасло Трубецкой уговорил Л. Н. позволить лепить его верхом не на привычной ему верховой лошади Делире, а на Кривом — буланом степном сибирском иноходце, находя эту лошадь характерной». — Запись от 3 июня 1910 г.

ношении. Он удивительно тренировал себя. Он заставляет себя гулять, умственно работать (насилует себя): когда устал, он заставляет себя кончать работу; не падит себя.

Л. Н. за обедом к Ольге Константиновне:

— Если бы у меня были дети, я бы им не давал квасу пить.

— Почему?

— В нем есть доля алкоголя.

Илюшок сейчас же сказал, что он больше не будет квас пить. И в следующие дни сдержал слово.

Л. Н. получил статью немки, просящей написать предисловие о процессе Гарновской²; по ее словам, Гарновская действовала, загнипнотизированная своей горничной.

Л. Н.: Дело Тарновской меня не интересует.

Л. Н. о письмах получаемых:

— Как «ваше сиятельство» — просит денег, безошибочно. Во всех серьезных письмах обращение просто: «Лев Николаевич».

Л. Н.-чу прислал священник, с которым переписывался, просвиру и письмо, в котором отстаивает православие, пишет о вечной жизни.

Л. Н.: Вечная жизнь... это представление о времени и месте.

29 апреля. Утром изжога. Массаж живота. Слаб, вял, не завтракал. Пополудни гулял с П. А. Буланже, В. В. Плюсниным и И. Н. Збайковым. За обедом они же, после еще Николаев. Продолжительная беседа. Л. Н. просил рассказать про события в Благовещенске 1900 г. Плюснин рассказал о православной миссии в Пекине, как китайцы предупредили монахов, чтобы уехали раньше, чем нападут на миссию. Л. Н. вставлял вопросы и наводил Плюснина на дальнейшие новые рассказы.

Плюснин еще рассказал о случае убийства китайца в Хабаровске старшим братом его. У них, китайцев, это можно, если кто ведет дурную жизнь (пьянство, игра).

Л. Н.: Это странная черта китайцев. У них справедливость, спокойствие, а между тем сострадания мало. Они убивают. Брат может убить брата.

Плюснин: Отец рассказывал, что придешь, в ненастье заблудившись, в фанзу, китайцы не накормят, не обращают никакого внимания. Опишь курят. От этого тупые, сонные.

Л. Н.: В буддизме есть против вина, а против курения нет. Может быть, у них это потому и завелось.

Л. Н. говорил про Фильку-конюха:

— Встретил его, он, Филиппок, пел. Должно быть, добрый человек, он скромн, мил.

На Фильку у Толстых иначе не смотрят, как на дурачка, на его брата Алексея (дворника) — так же. Алексей лезет из кожи, чтобы все сработать, и старается угодить всем. Но к нему относятся (особенно Илья Васильевич) грубо за его глупость.

Плюснин говорил про их читальню (ohrevárnu *) в Хабаровске.

Л. Н. (Плюснину): Я все думаю сочинить в кинематограф. Ведь китаец, кореец поймем. Пьесу сочинить. Вот Андреев мне рассказывал, что он видел в Амстердаме, как представляли обманывание мужа женой. Вместо этих пьес можно бы пьесы поучительные, мало ли что можно. Можно жизнь Христа.

Л. Н. спрашивал Плюснина про его жизнь **, и, когда Плюснин пожаловался на неустойчивое положение, в каком живет, Л. Н. заметил:

— Нормальное положение именно то, что было бы неустойчивое равновесие, и его устанавливать — в этом жизнь наша.

Пришел С. Д. Николаев.

Л. Н.: Это есть Генри Джорджа слабая сторона, что он политэконом, что он уходит в область политической экономии. Как были люди, борющиеся с рабством, так он — с рабством земли. Не входить бы ему в область, которая шатка...

С. Д. Николаев говорил, что Генри Джорджа опровергают, оспаривая его политико-экономические взгляды, а его взгляды на земельный вопрос — делают вид, что не видят.

Л. Н.: Это самый обыкновенный прием врагов истины: если он сказал что-нибудь постороннее, они делают вид, что он только это и сказал, и это опровергают.

* теплушку (словицк.).

** Плюснин, сын богатого, в прошлом году умершего в Хабаровске купца, отказался от наследства.

Плюснин рассказал про ловлю тигров живыми. Мужики заманивают их на гололед и тут ловят разными щипцами, сетями — руки обвертывают сырыми (сырыми кожами). Тигр когтями скользит по ним, не царапает.

Л. Н. спросил С. Д. Николаева про его занятия.

Николаев: Мало работаю пером. У меня разочарование в литературе, я потерял в нее веру.

Л. Н.: Японцы рассказывали мне, что у них множество газет и они просвещают нравственно народ, — и спросил Плюснина, много ли газет в Китае.

Плюснин: Много. Цензуры там нет.

Л. Н.: Вот эта наша цензура усиливает направление в нецензурном смысле. Цензура временно удерживает, временно достигает цели, это нужно для тех, которые у власти. Это как река плотину перельет.

Плюснин: Вы говорили, что изъятие Герцена понизило нравственный уровень общества.

Л. Н.: Но придало ему (Герцену) большее значение, и он меньше писал. Кто знает, был бы здесь, он сделался бы писакой вроде Леонида Андреева.

В Японии не запрещены сочинения Л. Н. (только некоторые места). Об этом рассказали недавно японцы Харада и Коджи Мидзутаки, когда их Л. Н. спросил.

Николаев: А сколько у нас теперь отказов?

— За последние полтора месяца узнали о семи или восьми.

Л. Н. (о Ганди): У него все прекрасно, исключая патриотизм индийский, который все портит.

Плюснин: А там, в Индии, развитие как? Культурно не развиваются?

Л. Н.: Слава богу, не развиваются.

Л. Н.: А я недавно читал.....* Как профессора, которые 20 лет одно и то же говорят, им скучно, и передают эту скуку ученикам, и притом сами глупеют.

Л. Н. сегодня получил номер «Студента-христианина», где его ругают¹.

Булгаков: Весь номер написан одним лицом, редактором Сопоцько.

Николаев: Сопоцько был искренний последователь ваш, а теперь — православный миссионер**.

Николаев рассказал подробно о Сопоцько, как он ушел обратно в православие и как он где-то укоряет Л. Н., что он его погубил и за это отдал отчет в День суда.

Л. Н.: Это очень трогательно; очевидно, искренно.

Л. Н. (не помню по какому поводу): Стоит только Толстому сказать какую-нибудь глупость, и все уверуют.

Л. Н.: Популяризировать очень нужно, <но не?> какие угодно книги. Плюснин, И. Н. Збайков (бородатый — он близок Л. Н.) ушли. Л. Н. пригласил их еще на завтра, к чаю.

Л. Н. принес книгу рассказов Семенова и прочел из рассказа «В деревне» о том, какое впечатление производили русские авторы (чтение их рассказов) в деревне. Некрасов, Тургенев — никакого.

30 апреля. В «Утре России» фельетон Мистера Рэя о посещении Леонидом Андреевым Л. Н-ча¹.

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Записано 6 мая.

Л. Н. ходил в Телятинки. Утром был Дурново (38—45 лет, сын министра) с женой. У него гангрена ноги на атеросклеротической почве. Привез показать свое Евангелие, над которым работал 23 года. Предлагал его издать «Новому времени». Розанов ему ответил, что, по условиям духовной цензуры, не могут взять.

Л. Н. на террасе послушал чтение Дурново из его Евангелия. Очень не понравилось ему это изложение Евангелия и высказал Дурново. Дурново стал спорить и жена поддерживать его. Дурново принимает каждое слово и излагает каждое слово в Евангелии. Л. Н. горячился, взволнованно ушел в дом и через буфетную — наружу.

Дурново сейчас же уехали в Ясенки. Дурново преклоняется перед буквой (перед евангелистами). Каждое слово излагает. Сочинений Л. Н. по Евангелию не знает. Перед полуднем был Спиро. Пополудни Л. Н. ходил в Телятинки к молодежи у Черткова.

Сегодня не было Софьи Андреевны и были в зале босяки (Сережа Попов, прохожий волостной писарь Петр Никитин, которого Л. Н. направил в Телятинки, Плюсин со Збайковым, бородастым сибиряком). Вечером, в 8 ч., пришли и остались до 10.30 И. Н. Збайков, Плюсин, Сережа Попов босиком, еще один незнакомый мне, босой и оборванный, Вейнберг из Ташкента, Белинький.

Сначала сидели на террасе. Явился А. П. Иванов с одним пропагандистом революции, ткачом (около 55 лет), свихнувшимся с ума. Он полтора часа говорил иностранные слова, связанные русским языком. Л. Н. дал ему говорить в фонограф. Потом пошли в залу чай пить. Еще были Николаева и Ольга Константиновна.

Л. Н. спрашивал Плюсина о пьянстве на Дальнем Востоке.

Л. Н.: А пьяницы — самые мирные люди, извиняются, что пьют. За правило себе ставлю спрашивать и упрекать за пьянство каждого прохожего. Но тип того человека, который предается пьянству, во всяком случае, лучше того человека, который предается ростовщичеству. Это очень часто люди хорошие, которые хотят на время уйти из этого мира... Пьяниц осуждают грабители, мучители других людей.

Л. Н.: Это лечение Александры Львовны какое бедовое! Ведь лечение уменьшает доверие, а надо доверием лечить. Это лечение врача, священника.

Л. Н. про словарь:

— 99% того, что в Энциклопедическом словаре, бывает не нужно, так как это выросло из праздной жизни.

1 мая*. Автомобильная гонка Москва — Орел. Л. Н. подходил к шоссе, видел восемь автомобилей. Один за другим, приблизительно в трехминутном промежутке, пролетели. Из некоторых автомобилей ему кланялись. Один направился на него и возле него остановился. Л. Н. стоял на перекрестке шоссе и яснополянской дороги на Козловку. Сидевшие в этом автомобиле приветствовали Л. Н.¹ Я ехал в это самое время из Тулы. Видел, как автомобиль направили на Л. Н., и ужаснулся.

Недалеко от Л. Н. остановился обоз. Люди выскочили и держали лошадей под уздцы. Одна баба не успела слезть, лошадь выкинула ее из телеги и самую телегу опрокинула в канаву и остановилась. Одна лошадь пробежала через канаву в лес. Потом читали в газетах, что близ Орла одну девочку насмерть задавили.

Л. Н.: Автомобили нашей русской жизни *abstehen*...** У иных лаптей нет, а тут автомобили (3—12 тысяч рублей).

* Записано 8 мая.

** чужды (нем.).

Л. Н.: Я хочу перестать читать газеты.

Николаев: Я их давно не читаю.

Л. Н.: Это (газеты) большой соблазн: вызывает нехорошие чувства.

Л. Н.: Я нынче не читал газет, а почерпнул два сведения: губернатор тульский секретным циркуляром производит давление на земство, чтобы проводили закон 9 ноября — выделение из общины. Столыпин настаивает. Лучше не говорить об этом. Напрасно раздражаться.

Николаев: Генри Джордж вычислил, что поземельный налог превышает в четыре раза все нынешние налоги.

Л. Н.: Дважды два — четыре, с этим я согласен, но.....*

Л. Н. рассказал о слепом мужике из Свинок, приходящем иногда просить помощи; он пашет с мальчиком. У него шестеро детей, бедность,

Л. Н.: Я ему говорю: «Зачем рожать детей? Не рожать детей — нравственно». Он остался недоволен.

2 мая. Утром приехал Савелий Шнякин из добролюбовцев самарских, один из самых крепких среди них. Просидел четыре года за отказ от военной службы, его отпустили и совсем освободили от дальнейшей военной службы. Тихий, скромный со спокойным, светлым лицом. Л. Н. с ним поцеловался и поговорил, сколько мог. Сначала Л. Н. говорил ему *вы*, Шнякин говорил *ты*, потом и Л. Н. говорил *ты*. А Булгаков и я все время говорили ему *вы*. Должно быть, неприятно было ему. Шнякин рассказал, что выслан М. С. Дудченко, потому что отказался платить «лагерный сбор».

Провожаемые Софьей Андреевной, Николаевым, Марией Александровной и всеми домочадцами, в 7.30 выехали из дому в Кочеты. Я с Л. Н. в коляске, Булгаков с Филькой в тележке. Л. Н. любовался утром, весной.

Л. Н.: Вероятно, приедет Чертков... Я был бы очень рад. Он хлопочет, чтобы ему разрешили приехать в Кочеты жить у Сухотиных. Это такой предметный урок бессмыслицы — эти границы. Если бы не было Телятинок, он мог бы построиться там... Нельзя придумать лучшего друга, помощника: искренно одних взглядов, преданный, способный, и огромные средства. А другой — ведь тоже придумай такого человека, заботящегося о внешних удобствах, — Софья Андреевна.

В Козловке ожидали Буланже и Тапсея — фотографа, который снимал Л. Н. и нас. Пришла и Елена Евгеньевна с детьми встречать Ивана Ивановича.

Л. Н. спросил ее, читала ли в «Русском слове» по поводу 25-летнего юбилея «Посредника» возмутительную заметку, что «Посредник» сделан собственностью одного лица и преследует коммерческие цели.

Елена Евгеньевна рассказала, что Ивану Ивановичу это было тяжело. Буланже сказал Л. Н., что он написал в «Новую Русь» ответ «Русскому слову», но нехорошо, со злобой.

Л. Н. о том, что он просил бывшего у него вчера корреспондента «Русского слова» Спиро написать, что эта заметка несправедлива и возмутительна. Спиро обещал сказать, но не ручается, что напечатают.

— А я, — добавил Л. Н., — не догадался сказать ему, чтобы это поместил в свой интервью — что я возмущался этим.

Купили три билета третьего класса в Благодатную. Я попросил у начальника, а он у обер-кондуктора отдельное купе третьего класса. Такое оказалось только в переполненном вагоне, и вообще все вагоны третьего класса битком набиты. Ввели нас во второй класс. В нем доехали до Горбачева, кажется. Тут нам очистили отделение третьего класса

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

(в нем помещались кондуктора) и предложили пересесть. Обер-кондуктору я дал единственную бывшую у меня книжку — «Учение Конфуция». Он был ей очень рад. Л. Н. подозревал, что второй класс — намеренность и spikie so strany S. A. * Спрашивал меня об этом.

Л. Н. прочел письма, которые мы получили в Козловке. После читал газеты **. Возмущался статьей в «Русском слове» «Военная энциклопедия», где Сытин (издатель) прославляет себя, свое бескорыстие и патриотизм¹. Там же прочел и похвалил фельетон А. Измайлова «Две исповеди по седьмой заповеди» (новые дневники Добролюбова и Чернышевского).

Когда пересели в третий класс, Л. Н. уселся у окна спиной к локомотиву и смотрел в открытое окно. Но окно нельзя было опустить ниже глаз, и потому он поставил свой большой чемодан (сундучок с рукописями), накрыл его пледом, сел на него, ноги опер о скамейку, которая была шире чемодана, и смотрел уже свободно в открытое окно. Любовался рожью, которую здесь не съел червяк, как в Телятинках и в Ясной, цветом сирени, попадавшейся в живой изгороди вдоль линии, яблонь.

Л. Н. прочел письма и отметил ответы, прочел все газеты. Я ему подал три рассказа Болеслава Пруса, которые только что получил от А. Сиротинина в его переводе².

Л. Н. прочел «Новый год» (этот рассказ, по мнению Сиротинина ***, должен был понравиться Л. Н., и в то же время он характерен для Пруса). Л. Н., прочитав, спросил меня о Прусе и о впечатлении, которое я вынес от «Нового года». Сказал о Прусе:

— Нет, Душан Петрович, это газетный писатель — такое остроумие, болтовня, а как серьезное, то...

Л. Н. гулял по большим станциям, затем немного вздремнул. Через вагон проходили перед Орлом нарочно, чтобы его видеть. Булгаков был в восторге и сказал Л. Н., как хорошо <к нему> относится публика. Л. Н. на это ему сказал:

— Это повальное. Им дела нет до того, что во мне, а говорят (обо мне), сделали меня знаменитостью, потому интересуются мной.

Перед Орлом присели к нам в отделение старики-евреи, муж с женой, скромные.

В Орле на станции на Л. Н. глазели, но мало кто снял шляпу, особенно из многочисленных гимназистов. Это Булгакова возмущало. На станции Л. Н. согрели кашу, поел в вагоне, и еще спаржу (подали плохую, испорченную). В вагоне было тесно.

Л. Н. сел к полубрусевшей немецкой семье, и Л. Н. окружили. Супротив него сел усатый бойкий говорун, всезнающий еврей, справа — любознательный еврей, и говорили. Л. Н. повернул на земельный вопрос, но его перебивали. Л. Н. замолк и вышел на площадку подышать свежим воздухом, в вагоне было душно. Усатый еврей за ним. Вел себя развязно, свободно, ни нотки преклонения, стеснения.

Там стояли курящие офицеры. Один предложил Л. Н. закурить (протянул свою папиросницу).

Л. Н., простояв там 15—20 минут, вернулся и вздремнул.

В Благодатной ожидала Татьяна Львовна. Сели в коляску четверней, покатали по мягкой, широкой муравке, которой Л. Н. любовался, а потом по только что суженной, менее широкой дороге (вспахали край,

* Заговор со стороны С(офьи) А(ндреевны) (словацк.).

** Взял «Новую Русь», «Русские ведомости» и «Русское слово», предполагая, что в нем будет интервью Спиро.

*** Сиротинин пишет мне, что особенного внимания Л. Н. заслуживали бы романы «Emancypantki», «Fagaon», «Pascówka», некоторые мелкие рассказы и, главное, «Najogólniejsze ideały życiowe», замечательно благородная книга.

оставили только середину). Л. Н. спросил кучера Максима, что это, только что вспахали дорогу?

Л. Н. любовался старинными нарядами, очень пестрыми, главным образом красными, девушек и баб, с кокошниками на головах, с пушками, перьями селезней на висках. Для меня это было тоже радостное и приятное зрелище. Народный крој нетронут. Ни одного испорченного новизной кроја, все старинное.

Татьяна Львовна по дороге сказала Л. Н., что прочла в книгах писавшего ей американца³ о Генри Джордже: «Есть два предмета продажи — земля и труд. Если бы земля не была предметом продажи, то труд получил бы настоящую цену». Это изречение Л. Н-чу очень понравилось.

Дикие гуси вылетели недалеко от нас.

По дороге Л. Н. сказал о Сытине*, о «Русском слове», о Спиро: — Не надо иметь с ними сношений; теперь прекращу все сношения с ними.

Вечером перед Татьяной Львовной Л. Н. пожалел, что дал Спиро письмо девушки, в котором она описывает свою жизнь, как выучилась шить, купила швейную машину за 135 р., и недостает ей доплатить 80 р. Л. Н. просил, чтоб ей 80 р. послало «Русское слово» вроде гонорара⁴.

3 мая. Л. Н-чу утром не работалось, вял. Только на полученные вчера письма ответил. В 14 ч. пришел к нам (Татьяна Львовна, Танечка, Булгаков и я; Михаил Сергеевич и Петр Григорьевич отсутствовали), но не завтракал с нами. Пополудни взял книгу Масарика о самоубийствах и пошел в парк читать ее. За обедом говорил про нее:

— Молодая, незрелая и слишком ученая книга. Масарик писал ее, когда еще и сорока лет ему не было, — молод для этого. Но основная мысль, как моя, что причина самоубийства — отсутствие религиозности. Говорит об одной Европе, в ней (без России) тогда было 50 000 самоубийств в год, а теперь 80 000! О России и Востоке не пишет, не знает. Но ошибка та же, обыкновенная, что судит по quasi-христианской цивилизации. В известные эпохи греческо-римской цивилизации (во времена упадка их) были массовые самоубийства. Книга интересная. Наверно, малоизвестная.

— Да. Появилась только в одном издании лет двадцать с чем-то назад.

— Сколько Масарика лет?

— Шестьдесят.

— Значит, когда эту книгу писал, не было ему и сорока.

Татьяна Львовна: Молод был для этого.

Л. Н.: Молод. Заслужила бы быть распространенной. Книга интересная. Потом протестантизму огромное значение приписывает против католицизма. Узкое, по-моему, воззрение (т. е. это воззрение, взгляд Масарика узок).

После обеда Л. Н. повел нас в парк показать нам цветущий дикий каштан. Л. Н. очень любит цветы каждую весну, лето, а в эту раннюю и прекрасную весну особенно.

— Не успеваешь следить, так быстро один цвет за другим расцветает...

Татьяна Львовна подвигалась радости Л. Н. нынешней весне.

Л. Н.: У меня впечатление, как если бы было все новое или последнее.

Вечером — фельдшерица Анна Ивановна и Петр Григорьевич.

* прочитав в «Русском слове» от 1 мая статью «Военная энциклопедия» и вспомнив, что Сытин предлагает аванс на Энциклопедию Л. Н-ча, и имея в памяти оскорбление И. И. Горбунова по поводу 25-летия «Посредника»

Татьяна Львовна пустила граммофон. Л. Н. пришел, когда пела Панина, просил продолжать и внимательно слушал, хваля и критикуя. Потом спрашивал про нее.

Л. Н.: Поет она хорошо. Эти переходы в *pianissimo-fortissimo*... Таня! Ты не слыхала Марию Михайловну?

Татьяна Львовна ответила, что раз слышала, как перебирала на струнах гитары и тихо мычала.

Л. Н.: Хорошо пела! Я никогда не писал о цыганах?

Никто не ответил.

— Таня?

Татьяна Львовна: Не писал.

Л. Н.: У меня столько воспоминаний...¹

Татьяна Львовна спросила, может ли поставить Вяльцеву, подражательницу цыган. Л. Н. согласился. Запела и скоро стала кривляться.

Л. Н.: Ах, нехорошо!

Л. Н. днем написал письмо Шмиту, вечером Масарику о его немецкой книге о самоубийстве, Софье Андреевне * и Александре Львовне, которой пишет каждый вечер².

Вечером читал «Новое время», в нем статью «Новый закон»³, о том, что Государственный совет принял законопроект (собственно, закон 9 ноября 1907 г., вынесенный во время I и II Дум и Междумья) о выходе из общины. Попытки дать некоторое предпочтение общинному началу все были отбиты. И личное начало восторжествовало над семейным владением, которое хотели провести защитники общины.

Л. Н., откладывая «Новое время», сказал только: «Новый закон!»

В 11 ч. вечера вернулся Михаил Сергеевич из Новосили, куда утром поехал. Л. Н. спросил его, что там делал.—«Главным образом занимался судопроизводством»,— и рассказал об их судебных делах, которые решали. Например, про апелляцию старичка, который был прав, но по закону должен был проиграть, и дело в апелляции.

Л. Н.: А нельзя наплевать на все? Я знаю, что вы один разумное вносите, что вы полезны в этом деле. Но для вашей души это ничего не дает.

На днях Л. Н. сказал Ольге Константиновне: «Если бы у меня были дети, я бы им не давал квасу, в нем есть доля алкоголя». Сегодня за столом сказал: «Не хочется пить, а его выпьешь за едой».

4 мая. Л. Н. спал хорошо, работал. Завтракал с нами. Говорил, какие сны хорошие у него бывают, записывает их, и особенно видна психология людей, то, что они могли бы совершить.

Здесь так тихо, гостей, просителей нет. Вчера и сегодня почты для Л. Н. не было; вчера и сегодня и газет, кроме «Нового времени», не было. Пополудни Л. Н. пошел к большому дубу и там читал С. Т. Семенова⁴.

Л. Н.: Хорошую вещицу нашел: «У пропасти», как женщина в город пошла. Он (Семенов) для меня то же, что Орлов в живописи. Нецененный.

Л. Н. хвалил Семенова: короткий рассказ «Обида» и «Алексей-заводчик».

Я позволил себе спросить Л. Н., не напишет ли чего по поводу прочтения почты всех деревенских рассказов Семенова.

Л. Н.: Что же писать? А скажу.

Л. Н. рассказал, как он сегодня запутался в лесопарке и пришел к постройкам и спрашивал, чьи это постройки. «Михаила Сергеевича»,—

* Адресовал «Графине С. А. Толстой». Мне на днях, когда я написал адрес адвокату тульскому Д. И. Толстому, Л. Н. заметил, что надо прибавить «графу», а то обидится.

ТОЛСТОЙ РАЗГОВАРИВАЕТ С ПЛОТНИКАМИ В ДЕРЕВНЕ ЖЕЛЯБИНО

Окрестности Кочетов, 14 мая 1910 г.

Фотография В. Г. Черткова

«Л. Н. пополудни ходил в Желябино; там с плотниками, строящими однодворцу избу, разговаривал, больше о водке. Они шуточками отделялись. Л. Н. был разговором с ними доволен». — Запись от 14 мая 1910 г.

отвечали. Удивлялся, как он вернулся, когда ему казалось, что уходит от имения. Л. Н. продолжал:

— Если бы Наполеон пришел в Новосильский уезд, он непременно остановился бы в Кочетах, так как это самое высокое место. Как глупа драма Shaw о Наполеоне. Жалко, что не принес книгу. Есть две, одна русская (перевод) ². Этот Наполеон посылает лейтенанта в Италию, чтобы разведать, где стоит неприятель, и его подавливает женщина, отнимает у него важные документы. Она переодевается мужчиной, всякие.....* Ее ловят, приводят к Наполеону. И тут начинается остроумие в их речах. Все остроумно и глупо. Все искусственно, что они говорят: не то, что они могли бы говорить, а то, что Shaw через них говорит. Shaw — типичный англичанин.

Михаил Сергеевич рассказал про своего дядю Александра Михайловича, который был очень рассеянным и раз вечером, возвращаясь из Головенек в Кочеты возле освещенных домов, не узнал их, прошел дальше в Ломцы, там его к утру отыскали.

Л. Н. вспомнил об Александре Михайловиче хорошо, между прочим, и как Михаил Сергеевич вчера охарактеризовал Александра Михайловича, что он был собой недоволен, а другими доволен. Михаил Сергеевич охарактеризовал еще троих своих родных; один из них был собой доволен, а другими недоволен; другой ни собой, ни другими не был доволен, а третий был доволен и собой, и другими. Это разделение на разряды понравилось Л. Н.

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

После обеда Л. Н. гулял по парку, вернулся в 9 ч. Беседовал перед домом с Татьяной Львовной и Михаилом Сергеевичем, после, у себя читал рассказы Семенова. К чаю пришел в 10 ч. Застал Татьяну Львовну, обучающую Булгакова игре в рулетку и играющую с ним, Анной Ивановой (фельдшерницей) и Петром Григорьевичем.

Как Л. Н. вошел, перестали играть, разлили чай, и Л. Н. сейчас же предложил читать «У пропасти» Семенова и прочел сам первую главу.

Потом, потому что отозвали Михаила Сергеевича, остановился, пил чай и перешел на другой, ему неизвестный рассказ — «Алексей-заводчик». Л. Н. стал его читать вслух, потом передал Татьяне Львовне докончить.

Л. Н.: Подробность крестьянской жизни, она снизу видна, а нам она только сверху видна.

Л. Н., когда Михаил Сергеевич ушел к приказчику в переднюю, говорил с Татьяной Львовной о шкапе с книгами в его комнате: Руссо, Лабрюйер, Мольер... Л. Н. желает их читать.

— Не знаю, — сказал Л. Н. — что мои правнуки будут читать. У нас были очень определенные классики. Недавно пришел господин и спросил мое мнение о Кнуде Гамсуне. Он потребовал сказать, кто такой Кнут Гамсун. Я его не читал, не знаю. Таких писателей теперь миллион, а политических ученых — целое море.

Л. Н.: Семенов что-то давно не пишет.

Я: Из крестьянского быта? Из господского писал пьесы, но не удалось ему.

Л. Н.: Дима хочет поставить его одноактовку из крестьянской жизни. Там одно действующее лицо женское³, а у них нет женщины, которая бы его играла.

5 мая. Л. Н. долго спал и вчера вечером был сонный. Встал в 8.30, ведро с нечистотами (как и в Ясной) сам выносит, и сегодня, в дождик, далеко за другой дом (кухню). Какой Л. Н. старый, а все на одном месте не стоит, все движется. Например, недавно отказался от вина, езды верхом.

Л. Н. за завтраком говорил, что читал Лабозти. Предисловие хорошее¹, он несколько изречений выписал — например, что история возвышает историю царей, а скрывает истинные подвиги народа.

— Потом, что при Генри III буржуазия подавила революцию, что она всегда делала, делает и будет делать. И что, — прибавил Л. Н., — и у нас сделала.

Татьяна Львовна говорила, что Л. Н-чу здесь отдых; что нет ежедневной аудитории (понимаю: и Буланже, Николаева тоже, ведь это Л. Н-ча утомляет).

Пополудни Л. Н.:

— Не пойду гулять, плохо чувствую себя, мозг слаб. Лягу спать.

Л. Н.: «Новая Русь» кончилась. Ах, как жалко! Почему она кончилась? За неимением средств?

Эту газету Л. Н. предпочитал другим.

Л. Н. вышел к чаю в 9.30. Вспомнил директрису гимназии, бывшую в прошлом году (о ней писал в статье как о Тарасовне)².

Л. Н.: Как ее зовут?

Татьяна Львовна: Онуфриевой.

Л. Н.: Если бы я еще женился, я бы назвал своих сыновей самыми мужицкими именами: Онуфрий, Ермил; хорошее имя Тарас.

Татьяна Львовна вспомнила, как Н. П. Иванова, прочитав «О науке», спросила Л. Н.: «Одно мне неясно: почему нехорошо выйти в люди?»

— Надежда Павловна, которая двадцать лет бывает у нас, — продолжала Татьяна Львовна, — читает и знает тебя, не понимает этого.

Л. Н.: La Rochefoucauld * говорил, что основа всего — l'amour-propre **.

И еще Л. Н. припомнил, что Ларошфуко говорил, что редкая женщина — без любовников и еще реже, которая имела бы только одного.

Л. Н.: Упиваюсь одиночеством.

И говорил Л. Н., что в Ясной Поляне, как выйдет — четыре-пять пятакowych; потом посетители, которым от него ничего не нужно; потом бабы за материальной помощью; потом еще такие, которым он помочь не может (судебные дела). Потом уходишь. А когда вернешься, то же самое:

— Теперь жалуюсь, а после мне будет досадно на себя, что жаловался.

Татьяна Львовна рассказала, что собирает деньги на родильный приют, чтобы перенесшие тяжелые роды и заболевшие после родов имели уход и отдых, имели убежище, а то как бабе не встать печку затопить вместо старухи или хлеба замесить вместо мужика. Ей и стыдно дома лежать, а в приюте — нет:

— Когда есть такие люди, как Петр Григорьевич и Анна Ивановна, нужно воспользоваться ими.

Л. Н.: Родильный приют — это хорошее дело. Если бы мог я чем-нибудь помочь...

Л. Н.: Это самое мое бодрое дело, когда я пять часов сплю и больше не встану.

Утренней почтой получено письмо и большая книга Иванова-Разумника «О смысле жизни у Ф. Сологуба, Л. Андреева и Л. Шестова». Когда Булгаков подал ее Л. Н.-чу, Л. Н. воскликнул: «Ах, батюшки! возьмите». Но потом, заходя к нам, к Булгакову и ко мне, в комнату несколько раз, взял ее, а вечером сказал о ней, что автор с большим трудом отыскивает смысл жизни у Андреева, что у старых ясно сказано. И еще сказал, что в последнее время все старание писателей, критиков — не пропустить, чтобы какой-нибудь Джемс думал. В книге — 1) покоряться воле бога, чтобы получить награду; 2) смысл жизни для человечества — прогресс, ведущий к благу; 3) человек в своей жизни должен исполнять свое назначение. К этому разряду он относит одного разумного человека: Герцена⁴.

Л. Н. говорил, что Леонид Семенов ему пишет, что, когда он читает крестьянам повести, сказки, они спрашивают, правда ли это. А если ответить, что нет, то их не интересуют, разве что это притчи⁵. Но чтобы быть притчей, надо чтобы сказка имела глубокое содержание.

— А это правда, — добавил Л. Н. (т. е. что крестьян интересует одна правда или притчи).

Михаил Сергеевич: Повести разделяют (крестьяне) на сказки и были.

Л. Н.: Это верно.

6 мая. День холодный. Л. Н. утром выходил. Пополудни Л. Н. в халате по веранде гулял. Писал дневник. К завтраку не выходил. В 3.30 пришел в рабочую комнату к Татьяне Львовне. У нее мы с Булгаковым пили чай. Татьяна Львовна рассказала про свое разногласие с Е. Е. Горбуновой по поводу книжки, изданной «Посредником», в которую входят: С. Штиль «Обязанность матери (О половой педагогике), перевод с немецкого» и А. Чуйко «Нашим пяти-шестилетним детям (беседа о происхождении человека)»⁴. И Татьяна Львовна дала Л. Н. посмотреть эту статью.

* Л. Н. сегодня читал книжечку его мыслей³.

** самолюбие (франц.).

Л. Н. посмотрел, издал звук неодобрения и возмущения и бросил книжку.

Татьяна Львовна: Я писала Елене Евгеньевне, что не надо нарушать стýд.

Л. Н.: Пока вопрос не возникнет, не трогать. Пока он (ребенок) сам не спросит: «Откуда взялся?» Этого не знает Танечка, и я не знаю. А чего не знаю, о том и не буду говорить.

За обедом Л. Н. ел один суп-пюре и крем-брюле. Татьяна Львовна сказала Л. Н., чем ему полегчить.

Л. Н.: Рошфуко говорит: заботы о здоровье стоят нездоровья.

Л. Н.: Каково это, Саша мясо лопаает!

Татьяна Львовна объяснила это тем, что Варвара Михайловна очень строга в исполнении докторских предписаний, а там при «усиленном питании» в пансионе, кроме мясных блюд, других нет.

Л. Н. о Черткове, который завтра приезжает, получив на это разрешение (выхлопотал М. А. Стахович).

На полученном сегодня письме Черткова, в котором, между прочим, убеждает Л. Н-ча ездить верхом, Л. Н. написал: «Милый человек и драгоценный друг»².

В 10 ч. Татьяна Львовна пошла к Л. Н. позвать его к чаю.

Л. Н. принес «Рассказы» Семенова и, хотя у него изжога, стал продолжать читать вслух «У пропасти». Когда прочитал, как согрешила мать (Даша) с дворником, бывшим солдатом, сказал:

— Надо бы пропустить. — Потом читал дальше, как жила и распутничала мать в городе. Кончив это, сказал: — Все это лишнее. — Дочитал рассказ. Трогательные места: после посещения дочкой матери (как мать рада, что воспитала ее) посещение матерью дочки (как мать спасала ее от гибели). Когда Л. Н. кончил:

— Не правда ли, хорошо? Подробности хорошо описаны.

Булгаков: Чувствуешь, что это (у Семенова) серьезно.

Л. Н.: Да, прочтите это бабам — понравится. Вот Семенова надо купить для подарков у нас.

Всем нравилось. Только Михаил Сергеевич замечание сделал, что этот рассказ разделить бы на два: о дочери и о матери. Л. Н. согласился.

Л. Н. после этого читал «Мысли» Ларошфуко, которые отметил крестиком (в издании *Bibliothèque Nationale*) и пожелал купить себе французских классиков, около 100 томиков этой *Bibliothèque Nationale*³. Рассказал, что читал Эразма Роттердамского XV—XVI вв. (Ерасмус: «*Stultitiae Laus*»). Сначала глупости, глупости, а потом насмешки над богословами, над преосуществлением, над зачатием девицы — девы Марии...

Потом Л. Н. прочел из полученного им сегодня «*Manifeste des peintres futuristes dans l'art*», подписанного тремя миланскими художниками, одним парижским⁴. Л. Н. читал с остановками, подчеркиванием и говорил:

— Это бред сумасшедшего.

Л. Н.: Futurisme дальше декадентства идет. Есть futurisme в поэзии, музыке. Futurisme — одним словом — все старое уничтожить.

Л. Н.: Я боюсь, что повторяюсь, как все старики, но так мне это образно: если бы пришел свежий человек, который бы ничего о нашей цивилизации не знал и увидел, что одна сотая живет в таких комнатах, как мы, а девяносто девять сотых — в лачугах, и его бы спросили: «Какая нравственность, наука, искусство у нас?» — он не мог бы ничего сказать, как то, что и наука, и нравственность, и искусство должны быть безнравственные.

Л. Н. пил вечером чернику (отвар).

Петр Григорьевич говорил про сыпной тиф, который здесь свирепствует, про курные избы, которые преобладают. В одной больны все шесть

жителей; лежали двое у дверей *. Эти померли, вероятно, от того, что на них дуло, когда дверь во время топки настезь была раскрыта.

Л. Н. вспомнил, что на днях читал про Чернышевского, что он в ссылке должен был жить в курной избе. Этим возмущались. А тут живут семейства поколениями. Еще цитировал какое-то изречение Ларошфуко и по поводу его сказал:

— Когда станешь заниматься бесконечно великим или бесконечно малым, тогда не придешь ни к каким результатам. Как это, например, в медицине с вашими микробами.

7 мая. После двух дней холодных, дождливых, ясный день. Л. Н. ничего себя чувствует. В «Русском слове» 5 мая: «Сенат постановил уничтожить книгу Л. Н. Толстого «Значение русской революции» и стереотипы. Изд. «Посредник», 1906».

В час дня приехал В. Г. Чертков. Л. Н. вышел в переднюю, встретил его, слезы выступили у него на глазах.

Владимир Григорьевич говорил об Александре Львовне, что нехорошо ей в пансионе с чахоточными; о кумысе для нее и Л. Н.; о том, что Л. Н-чу в Ясной Поляне нужна верховая езда: от посетителей удаляться и беречь ноги и себя от усталости.

Л. Н. сегодня переработал Предисловие к «На каждый день», совсем переработал. В Кочетах — уже второй раз, а всего, пожалуй, в пятидесятый раз.

Вечером Л. Н. и Татьяна Львовна читали вслух рассказ о повальных самоубийствах — «Микроб». Рассказ В. Г. Авсеенко (в «Огоньке» 1 мая). В. Г. Чертков привез. Он спросил: «Как вам нравится?»

Л. Н.: Ничего, натурально, наивное мировоззрение. В беллетристической форме...

Чертков: Она вам надоела?

Л. Н.: Семенов мне прекрасно пишет: «Это, точно, было?». А когда выдуманно — неинтересно. Он (Авсеенко) должен был написать, что у тех девушек в душах делается, а этого нет.

Чертков: Он сам этого не знает.

Л. Н. на это сказал, что так нельзя. Это должен себе представить хороший художник, что происходит внутри.

Чертков разослал по редакциям письмо, уличающее председателя съезда писателей (Градовского) в неверной передаче смысла письма Л. Н. Оказывается, газеты этого письма Черткова не напечатали¹. Сегодня Чертков просил его обратно у Сытина.

8 мая. Л. Н. чувствует себя еще не совсем хорошо. С Чертковым разговаривались о газетах: куда Л. Н. помещать свои статьи, письма. «Русское слово» окончательно опротивело Л. Н. из-за уважения к военному делу. «Русские ведомости» оскламенились цензурными пропусками в статье «О науке». «Новая Русь» прекратилась. Чертков рекомендовал Л. Н-чу «Речь» как газету распространенную, смелую; она напечатала письмо Л. Н. к Короленко без пропусков¹.

Л. Н. говорил, что получил письмо от мужика, благодарит за присланное ему «Царство божие внутри вас»; он сличил его с изданием «Ясной Поляны», там много пропущено².

Л. Н. прочел вслух это письмо и еще одно длинное, обратительное, хорошее, и одно от Остахова, отказавшегося казака; он писал раньше, месяц или три месяца тому назад, об отказавшемся друге, казаке Елисееве, а теперь сам отказался. Это письмо с рассуждениями мне (Д. П.) понравилось. Л. Н. просит его напечатать³.

* Кроме того, десять ягнят, два теленка. Негде повернуться.

Л. Н. не ходил гулять, занимался. Сегодня много писал (статью «О самоубийствах»).

За обедом Л. Н. рассказал про недавнее (недели три тому назад) самоубийство 20-летнего молодого человека, жившего у Булыгина, — из-за того, что он хромой. Чертков спросил, к какому типу самоубийц его причислить?

Л. Н.: Ему хочется — подавай того, что мне хочется...

Чертков вспомнил сегодня мне незнакомое изречение Л. Н.: «Если бы Христос явился теперь (сказал Л. Н. еще при Н. Н. Страхове), просили бы у него автограф — и больше ничего»⁴.

Сегодня Л. Н. диктовал мне про книгу Масарика о самоубийствах.

За чаем Татьяна Львовна вспомнила, как Маклаков, после того как Л. Н. долго разговаривал с ним в кабинете, выйдя, сказал: «Вот, Лев Николаевич хочет, чтобы я о Генри Джордже говорил. Ведь тогда мне выходить из партии. И тогда меня в Думу не проведут. К тому же, земельный вопрос меня не интересует, и я его не знаю». Сказать крестьянину, для которого есть один вопрос — земельный, что депутаты им не интересуются! Все ждут чего-то через Думу добиться.

Чертков: Теперь общая забастовка невозможна. Все надеются на Думу.

Л. Н.: Это вся цель ее учреждения — чтобы предотвратить революцию.

Чертков говорил о Ф. А. Страхове, о его работе над «Сводом», который к осени должен быть закончен, и можно будет первый том (из 35) печатать.

Л. Н. (о Страхове): Кроткий, глубокий.

*Л. Н.:*хлопотать не для того, чтобы было dokonчено. Настоящее дело только то, когда я не имею в виду последствий; тогда это общее, а если иметь в виду последствия, здесь есть эгоистическое. Надеюсь, что не доживу до окончания печатания его («Свода»)...

Чертков говорил, что «Три дня в деревне» и «Сон» появятся в «Вестнике Европы»; что Арсеньев, ради того, чтобы появиться им одновременно в России и за границей, выпустит книжку на 15 дней раньше (небывалый случай в истории «Вестника Европы») и что он (Чертков) торговался с Арсеньевым насчет «Сна», который нецензурен с точки зрения «Вестника Европы» (у них свой взгляд на землю) и содержание которого Арсеньев передает своими словами. Чертков настоял, чтобы повернее передать⁵.

Чертков рассказывал про рассказ в «Русском богатстве»: «Исправник в тюрьме»⁶. Попался за растрату денег, убивают его каторжане.

Чертков говорил, что ему Л. Н. говорил, что хочет написать «Русскому слову», чтобы не присылало корреспондента Спиро, который, когда ему угодно, является⁷.

9 мая. Л. Н. опять поправлял Предисловие к «На каждый день» (50-й раз) и продолжал писать вчера начатую статью о самоубийствах.

Пополудни ходил гулять в соседнюю деревню. От тамошнего учителя узнал, что в деревне Извекове живут староверы, они и мяса не едят. Л. Н. хочет навестить их.

Приехали Софья Андреевна с Андреем Львовичем.

За обедом Л. Н. говорил про статью Сергеенко в «Русских ведомостях» о споре Толстого с Тургеневым¹:

— Верно. Помню подробности. Откуда он взял это?

Михаил Сергеевич: Об этом выбрано из биографии Тургенева. Сергеенко об этом уже раза три писал, третий раз печатает.

Андрей Львович приехал на днях в Ясную с Екатериной Васильевной и Машенькой, он сам уезжает в Тамбов на службу по переселенческому делу. Он в жизнерадостном настроении.

10 мая. Л. Н. сегодня с Егором Ивановичем, черкесом-лакеем, ездил на сером Киргизе верхом * в Извеково, к староверам, однако их там не нашел. Был праздник, все мужики были пьяные.

Я до вечера, до 9.45, с Л. Н. не виделся: в лечебнице замещал Петра Григорьевича и Анну Ивановну.

Андрей Львович говорил про правых Булгакову:

— Я думаю даже, что правые больше уважают Льва Николаевича. Они не вовлекают его в свои дела, они говорят: «Мы хорошо понимаем Льва Николаевича, но не можем по нему жить». А левые размахивают им против правительства.

11 мая. Чертков на днях говорил про Сытина, что он был искренно предан «Посреднику», пока у него издавался, и называет этот период своей издательской деятельности светлым. По поводу того, что в «Русском слове» не появляется никакого извинения за то, что было написано про «Посредник», будто он сделался коммерческим предприятием одного лица, Л. Н. говорил Спиро, что это его больно тронуло. Спиро об этом — ни слова.

Теперь Сытин боится: был у Столыпина, и тот кричал, что разнесет его лавку, потому-то «Русское слово» стало таким обозленным ** и не печатает писем, статей Л. Н., и в «Русском слове» его не слушают...

Л. Н. получил от армянина Аракеяна французскую брошюру: «Les Guebres» (парсы, маздзианы, исповедующие учение Зороастра в Персии) и русскую о бабизме в Персии ¹ (бабистов в Персии одна треть населения, т. е. два с половиной миллиона). Обе с интересом прочел, из последней узнал новые для него вещи. Еще читает книгу О. Пфлейдерера «О религии и религиях» ². Была речь о книге Сэндерленда о Библии, хвалят ее. (Н. А. Абрикосов, отец Хрисанфа — они сегодня приезжали — говорили о ней.) Она конфискована.

Л. Н.: В книге Пфлейдерера излагается то же самое, но научным языком, и потому она не конфискована.

От японца, который считается у них пророком, получена книга о любви. Но в ней он о Л. Н. не пишет с любовью. Дает поучение Л. Н., чтобы не пахать землю, а быть таким пророком, как он.

Н. А. Абрикосов очень моложав, мил и жив. Оживленно разговаривал на религиозные и философские темы. Разговаривали о католицизме; Абрикосова дочь с мужем перешли в католичество.

О пьесе Островского, которую дают в Художественном театре ³; внешний быт 50-х годов до подробностей воспроизведен, и многие ходят смотреть из-за верной обстановки.

Л. Н. (который осуждает внешность): Это вода на мою мельницу.

Л. Н.: Как вскрикнет человек, весь театр дрожит.

Л. Н. (об Островском): Он знает, любит и осуждает то (жизнь в купеческой среде) и так, как это нужно для художника.

Разговаривали о Чичерине.

Л. Н.: Чичерин был такой юрист, ученый; он был то, что нынче называем «кадет».

Софья Андреевна: Он к тебе очень привязался.

Л. Н.: Его привязанность ко мне не вязалась с его взглядами. Я чувствовал себя обязанным перед ним и вместе с тем чуждым.

* Не ездил больше трех недель после укоров полковника (Троцкого-Сенютювича). Уговорил его начать ездить, главным образом, Чертков.

** Не такая остропротивоправительственная газета, как до недавнего времени была; теперь громит и клеветает на одних правых и на социалистов-революционеров, а правительство оставляет в стороне.

Л. Н. очень долго беседовал с Абрикосовыми. Л. Н. сегодня отдал для окончательной переписки «Предисловие» к «На каждый день».

12 мая. Л. Н. ездил верхом с Булгаковым в Ломцы, в лесопарк князя Голицына. За обедом рассказал, что перед дождем укрылись в лавку. Л. Н. спросил бывшего там молодого человека, откуда он и потом кем он здесь живет. Лавочник за него ответил, что он побочный сын князя. Еще там был сын лавочника.

Л. Н. там свел разговор на целомудрие. Лавочник с ним согласился, а бывший там 17-летний молодой человек убежал.

Михаил Сергеевич: Он красный.

Л. Н.: Вообще можно сказать, здесь народ неблагоклонен к нашему брату.

Михаил Сергеевич: Почему же?

Л. Н.: Я должен первым кланяться.

Еще раньше Л. Н. сказал, что служащие не хотели впустить их в лесопарк. Булгаков должен был сказать, что Л. Н.— тесть Михаила Сергеевича.

Михаил Сергеевич: Есть же такая точка на земном шаре, где имя графа Толстого имеет меньше чести, чем тесть Михаила Сергеевича! Это в той лавке сказал в прошлом году мужик, что вас с фонарями ищут на том свете.

Софья Андреевна: Что долго живет?

Л. Н.: Люблю я эту иронию мужицкую. Добрая. У Семенова она есть.

Л. Н.: Я прочел лист «La Feuille Littéraire» *, рассказ Alfred de Musset. Так мило!

Вечером Л. Н. читал вслух из «Contes» Alfred de Musset забавные части и смеялся, как это мило. Л. Н. прочел вслух кусочек рассказа из «Pinson» Musset, а вечером прочел вслух начало рассказа «Le merle blanc» ¹.

Л. Н. о сегодняшнем разговоре в лавке с урядником. Урядник соглашался, что крестьянская жизнь лучше, но у его отца (одногодворца) шесть сыновей, у него же опять шесть, на чем им жить?

Л. Н. вычислял, сколько земли крестьянской; если ее одна треть, а помещицей — две трети, то этих двух третей свободной земли, если бы их раздавать, и на два-три поколения не хватило бы. Нужно улучшение обработки земли и равномерное расселение.

Л. Н. высказал желание съездить в Вяжи, большую деревню «казенных» (как здесь говорят) крестьян. Михаил Сергеевич рассказал историю заселения этого края. Первым получившим права на рыбную ловлю в реке Зуше был Духов монастырь, вторыми получили землю Сухотины.

Михаил Сергеевич рассказал про работника, старика-вдовца, у которого в семье разлад, невестка обижает его дочь, и он ходил в Духов монастырь к старцам: Серафиму (он разбит параличом) и к другому, молодому старцу. Передавал со слов старика беседу со старцем. «Если бы он (бог) на тебя рукой махнул, то не смотрел бы на тебя (не посещал бы тебя)», — говорил ему старец.

Л. Н.: Совершенно правильно...

И Л. Н. расспросил про старцев, про монастырь, далеко ли, и сказал Михаилу Сергеевичу:

— Поедьте в Духов монастырь.

Софья Андреевна воспротивилась.

* Газета начала появляться 14 мая н. с. 1910 г. в Брюсселе в формате «Петербургских ведомостей». «Forme rationnelle d'édition. La seule promettante la diffusion des œuvres littéraires à plusieurs millions d'exemplaires» («Рациональная форма издания. Единственная, обещающая тираж литературных произведений в несколько миллионов экземпляров». — Франц.).

ТОЛСТОЙ И В. Ф. БУЛГАКОВ ЗА РАЗБОРОМ ПОЧТЫ

Кочеты, 19 мая 1910 г.

Фотография В. Г. Черткова

Чертков Булгакову и мне рассказал содержание короткого драматического произведения Л. Н., которое он вчера и сегодня переписывал². Чертков говорил, что очень хорошо написано, глубокое впечатление производит, а Л. Н.-чу кажется необработанным, и он жалуется на слабость и что уже не может писать. Но Чертков помнит, что Л. Н. всегда, создавая свои большие, лучшие свои вещи, жаловался, что не в состоянии писать, — перед тем не писалось ему. Теперь чтение французских рассказов, драм, говорит Л. Н., помогает ему в писании, отделявании этого драматического произведения.

13 мая. Л. Н. дурно спал, это признак слабости, и все правый бок у него болел; к утру — ничего. Поздно вышел гулять и еще два раза гулял.

В 1.30 Л. Н. принес Булгакову огромную почту; на одно письмо сам ответит (о Ницше)⁴.

Говорил, что читал пролог Андреева к «Анатэме»:

— Это что-то сумасшедшее, набор слов. Когда сам Андреев рассказывал смысл легенды («Анатэмы»), то понятно рассказал, а тут никакого смысла. Как это публика слушает!

Л. Н. спросил меня, что я делал. Я ответил, что в лечебнице помогал.

Л. Н.: Мужик к старику звал, вы не поехали?

Я: Нет. Петр Григорьевич поедет.

Л. Н.: Нельзя. «Зачем не приехал?» — скажет старик.

(Мотив такой: не верит, что доктор поможет.)

За чаем пополудни был разговор между Софьей Андреевной, Татьяной Львовной, Михаилом Сергеевичем и Булгаковым о русском целовании

взасос. Михаил Сергеевич говорил, что он лет тридцать тому назад был удивлен, когда увидел в первый раз у мужиков обычай подавать друг другу руку (shake hands). Русский обычай — или кланяться или целоваться при встрече.

Михаил Сергеевич: Лев Николаевич целуется со всеми родными, близкими ему, «темными» и очень старается не целоваться с другими.

Приехали: Л. М. Сухотин с женой Лелей и ребенком, С. М. Сухотин, окончивший факультет западной философии в Лозанне.

Л. Н. слаб, третий день жалуется на боль в правом боку. Пополудни гулял с кочетовскими и горбовским, совсем молодым, учителями.

Чертков спросил, какие они.

Л. Н. ответил, но я не расслышал, а потом рассказал, что посоветовал молодому, собиравшемуся идти: «А по-старинному, разуться и по грязи, или (али) стыдно?» — «Нет, я так делаю». А старший сказал: «Я так же делаю в дороге, а здесь мне стыдно». — «Для характеристики рассказал я», — заключил Л. Н.

Л. Н.: Нехороша ваша пьеса *, Душан Петрович, и наивна. Два слова скажет, на две страницы знаешь вперед, что будет. А доктор, который все знает, он один умен, а другие лица все дураки, чего в жизни не бывает. По-старинному: кто злодей, всегда (до конца) злодей. Какие пьесы нравятся: или чепуха ** или на определенную тему («Les avariés» — на тему сифилиса).

Вечером за чаем молодые Сухотины рассказывали про дирижабли, Л. Н. спросил, имеют ли будущность.

Софья Андреевна просила пустить в граммофон вальс Иоганна Штрауса «Frühlingsstimmen». Понравился Л. Н.-чу: «Гораздо лучше всяких бетховенских», — сказал.

В 9-м ч. Л. Н. зашел к нам с Булгаковым в комнату и спросил, о чем говорим. Мы как раз разговаривали о том, почему стремимся к христианской жизни; собственно, потому стремимся, что это дает удовлетворение.

Л. Н. сказал, что христианская жизнь дает благо, и разговорился дальше о той мысли, какая его в это время занимает, что зла нет, что смерть — не зло.

14 мая. Л. Н. начал жить по режиму Комбеса: утром есть геркулес (овсянку). Как вчера, так и сегодня утром Л. Н. заходил в лечебницу и беседовал с ожидающимися очереди больными мужиками и бабами.

За завтраком звал Михаила Сергеевича поехать с ним сегодня в деревню, где живут староверы (по мнению Л. Н. — хлысты, вегетарианцы) и к Матвеевой, «дурочке», по выражению Михаила Сергеевича. Михаил Сергеевич сказал, что сегодня не может. Отложили на воскресенье.

Михаил Сергеевич об умершем сегодня мужике. Он говорил вчера с его сыном, который вчера же звал к отцу доктора... Мужик скончался, не дождавшись. Л. Н. жалел, что не видел его (мужика), спрашивал, есть ли тут этот обычай прощания перед смертью. Михаил Сергеевич сказал, что есть, но только (одни) родственники прощаются.

Л. Н.: Это на колени становятся, просят прощения Христа-ради? У Семенова это описано. В Московской губернии есть.

Л. Н. говорил, что желал бы здесь с мужиками поговорить, но что робеет. Михаил Сергеевич советовал ему сходить к бабке, занимающейся лечением.

Л. Н.: Учитель мне о ней говорил, что она порчи не может сделать и от порчи освободить не может.

* «Les avariés» par Brieux.

** Имел в виду, наверно, «Анатэму» Андреева, пролог к которой сегодня читал.

Л. Н., наверно, хочет беседовать с мужиками, чтобы раздобыть нужное ему для его драматического произведения, которое обрабатывает. Очень может быть, что для этой же цели прочел и всего С. Т. Семенова.

О письмах, полученных сегодня, Л. Н. говорил, что Л. Д. Семенов пишет о смерти Доброслюбова, слух о которой сообщен мною, и спрашивал, правда ли? Пишет, что его не интересует конец земной жизни¹.

Л. Н. пополудни ходил в Желябино; там с плотниками, строящими однодворцу избу, разговаривал, больше о водке. Они шуточками отделивались. Л. Н. был разговором с ними доволен.

Чертков следовал за Л. Н., незамеченный, и фотографировал. Вечером Чертков говорил Л. Н., что не хотел ему мешать. Л. Н. сказал, что, когда разговаривает с крестьянами или вообще с кем-нибудь, а есть при том другие, они ему мешают.

— Я физически не могу не чувствовать других, я говорю не с крестьянами, а и с вами.

Но как Л. Н. владеет собой, почти никогда не показывает, что посторонние ему мешают!

Под вечер приехал Н. М. Горбов с сыном. Разговаривали о его школе².

15 мая. Л. Н. утром беседовал с крестьянами, приходившими в лечебницу; один, Гостев из Мариина, звал его в гости. Л. Н. хочет непременно сходить.

Л. Н. за завтраком говорил с удивлением, сколько среди здешних крестьян непьющих. Приятно. Еще говорил, какие прекрасные лошади в Кочетах у крестьян, породистые.

Л. Н. о книге Paul Adam «Le trust»¹ (о жизни американских миллиардеров), которая нынче производит сенсацию и, очевидно, читается: это французская, декадентская, ни одного слова просто не сказано. Надо делать усилие, чтобы это понять. Уехала Софья Андреевна. Л. Н. с Тачечкой провожал ее и вернулся с учителями, подвезшими его.

Приехал Матвеев, окончивший Лазаревский институт, знающий персидский, турецкий и арабский языки и Индию, Персию и интересующийся мистическими чудесами йогов, факиров, дервишей. Рассказал про чудеса, которые видел своими глазами: один йог поднялся на аршин от земли, как маг. Факиры проходили босиком по раскаленным углям, вонзали ножи себе в тело (не чувствуют боли, и кровь не течет).

Л. Н.: Это малоинтересно.

Л. Н. спросил, знает ли он про гебров (изидов?), последователей Зороастры.

— Знаю,— ответил Матвеев.— И лично знаю одного врача из них, живет в Лондоне. Их преследуют в Персии, считают нечистыми, не касаются их.

Разговаривали про бабидов.

Матвеев: Это движение очень интересное.

Л. Н.: Очень глубокое, я ни одного не знаю такого глубокого.

Матвеев коснулся Гафиза, хваля его стихи.

Л. Н.: Я читал в переводе, меня не прельщали².

Матвеев о комете Галлея³, потом о Фламарионе как о философе-астрономе.

Л. Н.: Это, по-моему, совершенно превратно. Астрономия для меня самое пустое занятие, вроде как играть в бирюльки. Schopenhauer указал, что внешний мир — форма нашего представления... Нынче каждый образованный человек знает, что пространства, времени нет. Есть мир, но как он начался, нам не дано знать. Моисеева сказка сотворения мира предпочтительнее эволюции Дарвиновой. По этому пути я не могу прийти к заключению, и потому путь этот ложный.

Вечером за чаем Матвеев давал тон разговора, он больше говорил и, главным образом, об оккультизме. Он сам член общества оккультистов в Лондоне и его отделения в Петербурге. Л. Н-чу его речи были скучны, и были «материалом безумия»*. После, когда уехал Матвеев, Л. Н. спросил Черткова, где ему найти (еще другие) материалы о безумии. (Наверно, нужны Л. Н. для его статьи о самоубийствах.)

Чертков рассказал про Суворова, литографщика 18-ти лет, который года два тому назад бывал у Черткова, что от него телеграмма из Сибири; 18 мая призыв, и он отказывается и просит телеграммой 50 р. Галя послала ему 15. И раньше два раза просил, и ему посылала. Но теперь, если отказывается, на что ему деньги? Может быть, другой воспользовался его именем.

Л. Н.: Да, да. Как только деньги — расхолаживает.

От Гальперина вырезка его статьи — он, как всегда, врет: «Conte inédit par L. Tolstoï»** (из «Petit Journal»)†. Он здесь перевел из «Закона насилия» об отказах от военной службы и прибавил старый список отказавшихся, к которому Гусев составил список новых отказов.

Л. Н. под вечер говорил, что он через день скверно чувствует себя, ужасно слаб, голова болит, не перемежающаяся ли лихорадка?

Чертков рассказывал о разговоре за чаем Л. Н. с Матвеевым (я отсутствовал, проспал):

— Лев Николаевич не верит, — сказал Чертков, — не только в оккультизм, но и в гипноз, в одну кучу их сваливает. А гипноз ведь есть, не так ли?

Булгаков назвал как материал безумия: оккультизм, декадентская литература, газеты, мясная выставка в Москве (апрель — голова города Москвы Гучков пил за процветание боен), гонорары артистам, увлечение воздухоплаванием, «Шантеклер».

16 мая. Л. Н. долго спал. В 10.20 вошли к нему Татьяна Львовна и я, он спал и проснулся, скоро встал: слаб, голова болит, очень плох, пульс 84. Ваню Шураева, который теперь лакеем у Сухотинных, попросил вынести ведро. Пошел гулять, но шатаюсь: «Только сесть, слаб гулять», и ноги его не носили. С самого края парка вернулся на собачью площадку, сел к столу. Душевно был бодр, телом слаб, изжога.

Потом пошел к себе в комнату. После полудня лег. Проснулся в 3 ч., вышел какао, потом чаю. К обеду не вышел. Булгакову, пришедшему за почтой и спросившему о нездоровье, прочел почту, небрежно поделал заметки на конвертах†. — «Да, это я так, надо, пора уж». Вечером к нему заходили Татьяна Львовна, Чертков, Михаил Сергеевич.

Начальник почты из Одессы пишет, что его и помощника перевели в низший разряд в наказание за то, что подписал с двумя учителями гимназии и акцизными чиновниками (всех этих уволили) приветственную поздравительную телеграмму Л. Н-чу. Прилагает документы. Сделано по приказанию Столыпина. Текст телеграммы неосторожный. Л. Н. хочет за него заступиться‡.

Л. Н. сегодня кончил Предисловие к книжечкам с «Мыслями» к «Дням». В Кочетах это перedelывал, обрабатывал, а не Предисловие к «На каждый день», как я прежде писал. То осталось в Ясной.

17 мая. Л. Н. встал поздно, в 9.45: слабость, спать хочется. Все-таки встал и вышел на свежий воздух. Есть не хочется. Головная боль, боль в боку, изжога прошли.

Сегодня был у Л. Н-ча А. Я. Григорьев, 65-летний скопец из Алек-

* Л. Н. по вечерам заходит к нам с Булгаковым в комнату, и Чертков. Тут был разговор о «безумии».

** «Неизданный рассказ Л. Толстого» (франц.).

сандровского хутора Победимской волости Мценского уезда, восемь верст от Кочетов, к которому Л. Н. собирался идти. Л. Н.-чу понравился духовностью: у них (скопцов) искание бога и стремление по-божьи жить, братолюбие, помощь пострадавшим (погорелым), не сквернословят, не курят, не едят мяса, не пьют. Л. Н. сказал ему, что он с ним сходится, кроме оскотления: надо бороться.

Вечером Л. Н. играл в винт с доктором Малиновским, Мамонтовым и m-me Мамонтовой. С ними приезжал художник Виноградов.

Л. Н. читает «Les religions des peuples non-civilisés» par A. Réville. P., T. I—II. Высказался об этой книге, что однообразная.

Понравилось ему у готтентотов сравнение жизни людской с месяцем: живи, как будто умираешь, и умирай, как будто живешь, и что у них осужденному на смерть первый удар должен нанести тот, кто его осудил.

18 мая. Л. Н. мало спал, рано проснулся, ему гораздо лучше. Л. Н. не пил кофе и не завтракал. Чертков говорил, что Л. Н. поправлял пьесу. Л. Н. ему говорил, что обработал ее, что считает ее не литературным произведением, а только для телятинского театра.

Вечером в 8 ч. Л. Н. пошел гулять с двумя огромными, очень ласковыми и трусливыми собаками сенбернарскими, Аскольдом и Кудеяром. Зашел в лечебницу навестить фельдшерницу А. И. Путилину, самоотверженную 30-летнюю девицу, «молодую Марию Александровну», как ее Татьяна Львовна прозвала, повредившую себе ногу. Поговорил с ней, с ее племянником 14-летним Тишкой Дашкевичем, и, заметив, что Тишка ходит босой, сказал:

— Наша обувь от хождения изнашивается, а эта обувь только от того крепнет.

Л. Н. с С. М. Сухотиным (23 лет) о книге Ревилля:

— Он наивный. Понравился мне табу — закон запрещения. Настоящее табу — освящение, не то что запрещение.

Сергей Михайлович: Тотемизм — поклонение животным, в которых человек после смерти может перейти. Табу — запрещение принимать в пищу тела этих мертвых животных. Затем переходят от этого запрещения — к принятию. Их тела — как очищающее тело.

Пополудни Тапсель, приехавший вчера с Белиньким, снимал Л. Н. и домашних фотографически и кинематографически. Эдисон для этой цели послал Черткову аппарат, Чертков же снимки посылает ему.

Вчера за чаем Татьяна Львовна показала (свои?) фотографии знакомых, между прочим виолончелиста Брандукова.

19 мая. Л. Н. обрабатывал пьесу. Телесно все слаб. Хотя здоров, гуляет. Старческая слабость, сильная и продолжительная. В прошлом году такой слабости не было.

Приходили к Л. Н. окрестные: крестьянин, контуженный машинист и учитель.

Л. Н., сравнивая то, что читал о неграх Африки в «Les religions des peuples non-civilisés» Ревилля, с книгой о людоедстве, которую ему послал Мечников¹, сказал, что она никуда не годится.

По поводу книги Ревилля Л. Н. сказал:

— Читаешь, эти дикие — то же, что у нас — суды, казни, табу... У нас священная земельная собственность, у нас только людоедства нет.

Михаил Сергеевич: Это вопрос гастрономический.

Л. Н.: Наивный Réville жалеет их, что они до собственности не дошли, до суда, до Пуришкевича.

Л. Н. как раз держал в руке «Русские ведомости», где сообщается, что Пуришкевич на дразнительный возглас (Аджемова), что он сумасшедший, бросил по направлению Милюкова стаканом².

В 3 ч. подали к подъезду две тройки и одну одиночку. Л. Н., Сухотины и пр. уселись. В это время Тапсель снимал кинематографом. Л. Н. поехал за деревню и, будучи слаб и не в подходящем настроении, вернулся пешком. Остальные — в лес грибы собирать.

За обедом Л. Н. говорил, что из Лондона пишет редактор еврейского журнала, спрашивает позволения перевести «Круг чтения» или «На каждый день» на еврейский язык. Я пожалел, что не на английский язык*.

Чертков: Maude отказался от перевода.

Л. Н.: Вот, Душан Петрович, простимся, здесь (т. е. в Кочетах) хорошо, кажется, много не нагрели, а пока еще здоровы.

Л. Н. в Кочетах много читал.

Л. Н.: Как я нынче играл на фортепьяно во сне!.

Михаил Сергеевич вспомнил, что Л. Н. рассказывал этой зимой, как он писал во сне; хотел на колени стать, но уже не подымался.

20 мая. Отъезд из Кочетов. Л. Н. заснул в час, а встал в 4 ч. утра и в 7 ел овсянку, до 12-ти занимался, поправки в драму внес. Завтракал с нами.

За завтраком Л. Н. рассказал, что был у бабки кочетовской, пользующейся славой, что помогает от болезней; приезжают к ней многие и издалека: Новосила, Мценска...

Л. Н.: Ее зовут Любаша. Она меня поразила самоуверенностью и глупостью. Эта черта, необходимая для того, чтобы иметь успех. Верно, ее предупредили, что приеду, и она отнеслась ко мне с афронтом. Она не любит, когда ее называют бабкой. Для меня это подтверждение той истины, что успех достается глупостью и наглостью.

— А как же вы свой успех объясняете? — спросил добродушно с улыбкой Чертков.

Л. Н.: У меня никакого нет. Это недоразумение.

— Любаша просила книжку, но не какую другую, как литургию с акафистами, — продолжал Л. Н. — Сама она, как должна быть знахарка, здоровенная, *bien conservée***. Жена благочинного меня так распекает: она думала, что я то и то, а я не то и то. Она рекомендовала стихотворца (и я ей ответил). Она, верно, сама стихи пишет, и в ее письме есть.

После помогал немного паковать, простился с милыми хозяевами и домашними и пошел вперед пешком один. Татьяна Львовна на ихней тройке, Чертков, Тапсель, Булгаков и я на трех ямщицких (я уезжал с легким сердцем, не сделал ничего такого, чтобы вызвало во мне досаду).

Приехали к Абрикосовым, где осталась Татьяна Львовна. Здесь фотографировали много Л. Н-ча и Абрикосовых, особенно детей. К Л. Н. присел Х. Н. Абрикосов, ехали через бывшее борисовское, а не фетовское имение Козюльки-Новоселки. Здесь князь Енгальчев фотографировал Л. Н. со своей женой и опять Тапсель — с Енгальчевыми. Енгальчев был растроган, приводил маленьких детей поцеловать Л. Н.

«Как много хороших чувств подымается в душе», — сказал Енгальчев. С Л. Н. говорили о деятельности землеустроительной комиссии, которой он (Енгальчев) председателем и Абрикосов был, в продолжении одного года, членом. Сознался, что ни к чему их деятельность (перевод крестьянского хозяйства на отруба). Абрикосов по этой причине и бросил эту службу. Енгальчев хотел бы сделать то же, но жена настаивает, чтобы служил (получает 2 500 рублей в год).

* Это желание сколько раз Л. Н. изъявлял Мооду, но оно до сих пор не осуществлено.

** хорошо сохранившаяся (*франц.*).

П. П. ТРУБЕЦКОЙ ЛЕПИТ СТАТУЭТКУ ТОЛСТОГО ВЕРХОМ

Толстой разговаривает с дурочкой Парашей

Ясная Поляна, 3—5 июня 1910 г.

Фотография С. А. Толстой

— А с вами фотографировалась, — заметил Булгаков. — Какие нецельные натуры — женщины!

Л. Н. сказал на это, что есть цельные натуры: Мария Александровна, Маша была, Саша — она тверже. У Маши было некоторое кокетство; Саша свободна от этого.

Когда возвращались из Кочетов, Л. Н. на пароме через Зушу у Мценска помогал тянуть за веревку.

В 7 ч. приехали в Мценск. В Мценске Чертков взял для себя и Тапсе-ля второй класс. Л. Н. пожелал третий, но, т. к. третий был полон, поехал во втором с Чертковым и, проехавши, в Ясенках желал доплатить и доплатил за второй.

Дальше разговор в вагоне о сыновьях Сухотиных. Л. Н. сообщил Черткову, что Лева Сухотин женился 27 лет, не зная женщины, и Сережа такой же.

Говорили о Мише Сухотине. Я сказал, что он самый сердечный, милый среди братьев.

Л. Н.: Да, они холодные.

Дорогой Л. Н. читал речь, произнесенную Кони в Академии наук по поводу дня рождения Тургенева и в последней (май, 1910) книге напечатанную¹.

Чертков спросил, какого характера эта статья.

Л. Н. замялся.

Чертков: Литературная?

Л. Н. согласился. Переплетена цитатами, остротами. Л. Н. не выходил из купе, кроме как в Скуратове. К нему заходили с вопросами девица и чиновник-полицейский; этот ничего не читал, не знал. Из Ясенков на лошадях.

В 12 ч. благополучно доехали домой. Дома ждали Софья Андреевна, Илья Васильевич, Филипп. Л. Н. очень мало устал. В Ясной Екатерина

Васильевна с Машенькой и Сережа (Сергеевич) с французом-швейцарцем, гувернером².

21 мая. Л. Н. пополудни верхом на Кривом в лес полюбоваться прекрасным днем. Провожал его Филька. Л. Н. отметил, что это теплый сухой день — начало засухи. (У Абрикосовых отроился рой. На месяц раньше, чем в прошлом году.)

Приехали Марья Александровна, Сергей Львович, Андрей Львович. Вечером Л. Н. все читал книгу о самоубийствах Крозе-иезуита¹, и «Сборник» киевских студентов, где много о самоубийствах². У Крозе все строго, научно. По его статистике, в Европе, без России и Турции, в год 40 000 самоубийств (больше всего во Франции и Австрии). По Масарику — 80 000. За тридцатилетний период в Европе 1 миллион 500 тыс. самоубийств. Число самоубийств прогрессирует страшно. В России за 30 лет увеличилось на 400%.

Л. Н. спросил швейцарца-гувернера, часты ли у них самоубийства. — Периодически, часты среди учащейся молодежи, а вообще они учащаются во времена революционных движений.

Л. Н. на это сказал, что Масарик говорил, что причина увеличения самоубийств — упадок старой религиозной формы и незамещение ее новой.

Вечером Сергей Львович играл, и пустили граммофон. Андрей Львович вернулся из Москвы и привез матери две пластинки для граммофона. Одна — пение Плевичкой, противное, вульгарное. Всем не только не понравилось, но прямо было противно, хотя мелодия была хороша. Пение Михайловой нравилось, особенно Л. Н.

22 мая. Прекрасный летний день.

Л. Н.: Ах, как хорошо! Не могу наглядеться, налюбоваться!

Л. Н. верхом с Булгаковым. Много — 20 — прохожих. Под вечер были Горбуновы. За обедом получили телеграмму Павла Трубецкого, порусски, дома ли Л. Н. Разговор о нем, что он самобытный.

Л. Н.: Помилуйте, то, что он ничего не читал, это я так уважаю, без шутки.

Горбунов: Все того же мнения, которого последний номер «Русских ведомостей»...

Л. Н.: Да, сколько есть людей, которые ничего прямо из жизни не берут, а из книг. Софья Андреевна спросила его (Трубецкого), читал ли он «Войну и мир». «Mais jamais rien lu»*, — ответил. И Л. Н. расхохотался.

Горбунов рассказал, что появился у них «Вальден» Торо¹. Торо переводить очень трудно.

Л. Н. говорил о большом своем желании дополнять книжечки «На каждый день». И рассказал, как он скуп на бумагу, так и к корректурам, к печатному труду относится с благоговением. И, извиняясь почти, просил позволения марать и дополнять корректуры.

Под вечер пришел Фокин из Новоселок, отказавшийся от присяги и военной службы по простой причине: зачем ему убивать людей**, и сидел за это четыре года вместе с Иконниковым. Он находится под надзором, и требуют чтобы ежедневно являлся в полицию в Каширу, а ему туда 8,5 верст! Он просил, чтобы перевести надзор в волость, не позво-

* «Но никогда ничего не читал» (франц.).

** Не по религиозным причинам, а по разумным. Не присягал, потому что не хотел служить. Ответил спрашивающему начальству: «Как же колоть человека, который, может быть, лучше меня?» Булгаков записал дословно его рассказ, как его взяли в солдаты, как бегал и как прожил срок восемь лет и четыре месяца службы и тюрьмы.

лили. И этапным порядком его стали водить. Тогда перевелся в Крапивну: надеется, что там не будут такой частой явки требовать. Пришел к Л. Н., чтобы ему написал прошение. Л. Н. попросил об этом Гольденבלата².

Был студент Московского университета Жилинский, идет пешком на Кавказ. Зашел за книжками. Л. Н. с ним поговорил. Вечером Л. Н. одобрял его: «Оригинал». И рассказал, что есть такой купец в Ельце, который на лошадях ездит в Москву: «Я не кобель, чтобы по свистку бегать».

Горбунов в «Русской мысли» (май) нашел среди писем Вл. С. Соловьева письмо, которое он писал, когда ему было 19 лет, к своей двоюродной сестре, в которую был влюблен³. Прочел его вслух Л. Н.-чу. (Раньше Горбунов говорил о Соловьеве, что он договорился до чепухи из-за ревности к Л. Н.)

Л. Н. говорил о Кочетах и, между прочим, о том, сколько его фотографировали; записал в дневник, что ему было неприятно, а потом вычеркнул, чтобы Черткову не было тяжело, и опять это туда вписал⁴.

— Мне было неприятно не физически, я готов был стоять, а так, нравственно — популяризация.

Л. Н. узнал о том, что на представлении «Первого винокура» после первого акта, когда урядник уехал, остались два переодетых стражника⁵.

23 мая, воскресенье. Л. Н. правил корректуры «О вере», «О душе», обрабатывал пьесу и стал ею сам доволен, а то до сих пор «ни на что похоже не было».

Пополудни он ездил верхом к Горбунову с корректурами. Л. Н. опять хотел извиняться, что перемарал корректуры.

Горбунов: Я не пугаюсь.

И Иван Иванович нашел нужным сказать Л. Н., чтобы он не стеснялся поправлять корректуры, пересыпать через решето, чем больше, — можно без конца, чтобы чем чище и одно зерно прошло; типография получит плату за эту работу, как и за другую, а они получат корректуру, переписанную идеальным почерком корректорши, так что не затрудняются неразборчивым почерком Л. Н.-ча. Горбунов передал Л. Н. экземпляр Ми-ти, китайского философа, «Учение о всеобщей любви»¹. Л. Н. в разговоре по поводу Ми-ти сказал:

— Как странно звучит в наши времена, когда заговоришь о братстве, что должны быть братские отношения. Это нам при нашей жизни совсем чуждо.

Разговор о Ганди. Буланже сказал, что в Индии, Китае было мнение, что цивилизация хороша, а дурны распространяющие ее люди (европейцы). Ганди же первый указывает, что сама цивилизация плоха.

Л. Н. сказал, что почти наверно и индусы, и китайцы и поддадутся цивилизации (примут ее), и придут туда, куда европейцы, — что дальше некуда... Как устоять против нее Китаю? С одной стороны японцы, с другой — русские...

Л. Н. прочел вслух новое в «На каждый день»: Чернышевского и Достоевского о школьном образовании². Л. Н. пробыл за беседой в Овсянникове около часу и чай пил. Мария Александровна удерживала его. Ездил ловко. Под вечер приехал Лукич Максимчук, 20-ти лет, из Подольской губернии, которому предстоит призыв, и он намерен отказаться, т. к. не может иначе.

Л. Н. о вчерашнем Фокине:

— Нам легко говорить об отказах, но каково им! Фокин рассказывал, что редко кто жив остается, кто неделю в карцере высидит. Там со стен льется, в полу вмазана одна доска... Это всё...

Бульгин: Нынче призывных на маневры требуют с 1 июня до 1 августа. Может ли быть большее издевательство над трудящимися крестьянами, у которых именно в эту пору самая работа!

Л. Н.: У Сухотиных отношение к прислуге, к рабочим и прочим в хозяйстве мягкое. Конституционное хозяйство. Таня притом о Генри Джордже пишет.

— Был Тургенев в связи с Виардо?— спросил кто-то по поводу статьи о том в какой-то газете (или журнале).

Л. Н.: Кажется, нет. Кому какое дело до этого, <надо ли> это перетрясать?— И Л. Н. добавил: — Кормиться нужно.

Кто-то сказал:

— Интересно, как Тургенев... в своей любви к Виардо? Ведь она ничего выдающегося в умственном (отношении) не представляла.

Д. Д. Оболенский спросил:

— Позвольте ли привести вашего друга Суворина?

Л. Н.: Ах, очень!— После минутного молчания: — Скорее нет даже. Говорено про Абу, Боголюбова, Ренана.

Л. Н.: Теперь рабство земельное подлежит уничтожению, но временно оно осуществится в государственном рабстве и, может быть, перейдет в рабство капиталу. Покровительство капитала.

Л. Н.: Я люблю у крестьян ироническое, или деловое, или уж серьезное настроение. Я люблю Семенова. У него есть этот иронический язык.

Сергей Львович говорил, что «Биржевые ведомости» стали издавать «Вечерний лист» в Москве, печатают пикантные вещи, большой успех в Москве имеют.

Л. Н. о газетах, что они вредны, отвлекают от серьезного чтения; они печатают то, что не нужно знать: всякие злодейства, и человек, читая это, думает про себя: «Вот какой я хороший человек!» Печатают о Тарновской...

Разговор о езде на автомобилях.

Д. Д. Оболенский: Все время чувство, что вы кого-нибудь задавите. Мальчика какого...

Сегодня были: *Д. Д. Оболенский, Николаев, Скипетров, Максимчук, Дима Чертков.*

25 мая. *Л. Н.* вышел в 7 ч. утра с Булгаковым. Ездил на тарантасе к Горбунову с корректурами «Дней»¹.

За обедом Сергей Львович рассказал про знакомого ему солдата, нынче служащего в банке в Москве, а в 1905 г. в Варшаве видевшего, как трое напали на полицейского; солдат с разбегу ударил штыком одного из них в живот, убил. После у солдата кошмары до сумасшествия, и нынче совесть его тревожит.

Л. Н.: Это бы записать, живой пример, что переживает убийца.

И Л. Н. рассказал про Фокина, который не хотел быть солдатом, «чтобы не убивать людей, которые, может быть, лучше его».

Потом еще говорили о каком-то (не помню) описании казни или убийства и о статьях Короленко о казнях в 3-й и 4-й книжках «Русского богатства»².

Л. Н. по этому поводу:

— Как ни живо было бы описание ужаса убийства человека человеком, нельзя себе представить.

Л. Н. вечером читал Торо («Вальден»), вчера получил только что появившийся в «Посреднике» экземпляр. Перевод П. А. Булацке.

Л. Н.: Неинтересно, я никогда его (Торо) не любил. Умышленно задорно, оригинально.

Булгаков хвалил его мысли в «Круге чтения»³.

Л. Н.: Можно выбрать мысли.

26 мая. Л. Н. верхом, я с ним, по Засеке на Делире первый раз после двухмесячного перерыва. Делир горячился, пугался и вследствие этого был раскван. Сегодня шел спокойно.

Удивительно красиво! Ездили за Воронкой по опушке Засеки, между мостами у купальни и Черты, по не известным мне дотоле тропинкам, дорожкам. Л. Н. поспешил домой, чтобы прокатать верхом Сережу (Сергеевича) на купальню. Л. Н. вернулся рысью.

Л. Н. ради цветов, которые сегодня в первый раз увидал, останавливался и, нагибаясь с лошади, собирал их.

Сегодня в 11 часов дня уехали Андрей Львович с Екатериной Васильевной и двухлетней Машенькой в Тамбов, где Андрей Львович будет служить по переселению. Вечером был Гольденвейзер. Л. Н. читал и рассказал содержание статьи «Сумерки людей» из римской жизни во время республики и во время цезарей: «Напоминает наши времена»¹.

Сегодня получены оттиски «Единой заповеди» из «Литературного сборника»².

Сегодня очень интересная статья в «Новом времени» о выборах в Венгрии³, где Куэн-Хедервари добился brutальными* средствами большинства. Из 25 национальных кандидатов прошло семь (три словака вместо семи).

27 мая. Утром вернулись из Ялты Александра Львовна с Варварой Михайловной. Александра Львовна производит впечатление вполне здоровой. Лицо спокойное, моложавое, розовое. Движения, голос свободны, резки. Веселая, жизнерадостная, и никакой усталости на ней не заметно, хотя ехала две ночи и три ночи не спала; сама, кажется, уверена, что она здорова. Ужасно радуется, что вернулась в Ясную. К вечеру стала покашливать, а то совсем было не кашляла.

Л. Н., видимо, не так озабочен. Софья Андреевна смотрит розово на ее здоровье. Л. Н. — не без опасения; предупреждал ее быть осторожней. После обеда холодный вечер, когда пора было Александре Львовне уйти, он сам встал и ушел от общества, от интересного, уютного разговора, чтобы ей было легче уходить.

Утром же приехал Н. Н. Ге. Л. Н. пополудни — верхом в Засеку. За обедом разговор о Севастополе. Л. Н. сказал, что он на днях думал о Севастополе.

— Как меня бог миловал! Четвертый бастион был самый опасный и вместе с тем — никакого действия с нашей стороны. Мы должны были стрелять картечью, если бы французы наступали на нас. Но они атаковали соседний Малахов курган.

Сергей Львович: Хорошая карта севастопольская приложена к переводу «Севастопольских рассказов» Моода.

Ге спросил про Андреева.

Л. Н.: Очень хороший человек... Чертков пишет, что Орленев тем же, чем я, по поводу разговора с Андреевым, интересуется, — сочинением для кинематографа. Напишу, если сумею. Надо чтобы ясно, понятно. Какая огромная публика тут: и татарин, и китаец...

Потом Л. Н. прочел вслух письмо Чертова об Орленеве¹, который одушевлен идеей народного театра и жалеет, что нет достаточно пьес. Приедет в Телятинки и хочет разъезжать, давать представления по деревням, а в промежуток — по городам, для заработка, для поддержки. Он теперь в Сибири заработал 30 000, часть этих денег хочет отдать делу народного театра.

* грубыми (от франц. brutal).

28 мая. Здесь продолжают быть Сергей Львович, Н. Н. Ге, М. В. Булыгин. Л. Н. верхом по Засеке с Булгаковым. Булгаков вчера переехал жить в Телятинки. Александра Львовна сегодня вступила в обязанности секретаря. Теперь Л. Н. мало писем получает. Сегодня надо было на три ответить. С Булгаковым не было во все время его пребывания в доме никому никакой распри. Правдивый, простой, мягкий, добрый, прилежный, способный человек. Софья Андреевна ему шьет рубашки в дар.

Л. Н. за завтраком говорил об Орленеве, его желании играть для народа.

Ге, между прочим, рассказал, что у бернских (города Берна) медведей есть на их имя и нужды пожертвованный частными лицами капитал, 200 000 фр.

Л. Н.: Найдется такой, который захочет поступить в медведи!

Л. Н. прочел вслух из «Речи» (26 мая) о старце Распутине, пользовавшемся доверием царя¹. Ханжество Распутина на днях разоблачили, его арестовали и сослали в монастырь.

Сергей Львович рассказал Ге о памятнике Гоголю в Москве и возмущался им, между прочим, потому, что Гоголь изображен не сильным, творящим, а в упадке духа, когда сжег второй том «Мертвых душ». Ге сказал, что, когда Гоголь писал «Переписку с друзьями», он для русского народа имел больше значения, чем когда писал «Мертвые души».

Л. Н.: Представить для народа важно его нравственно-религиозное учение, а его выдумок ему (народу) совсем не нужно. Народ прочтет и скажет: «Ах! это художник!» (и ему он не нужен), а это человек божий. Памятник ставят для народа, а не для развращенной интеллигенции.

После обеда приходил к Л. Н. молодой крестьянин за 110 верст со стихами: безграмотно, без размера. Л. Н. сказал ему обыкновенное о стихах. «Я могу и в прозе изобрести, — ответил он. — А Кольцов мог? У меня есть гений, вдохновение».

Л. Н. сказал нам, что хотя он получает ежедневно стихи (почтой и лично приносят) и хотя не любит их, все-таки всегда смотрит, чтобы не пропустить незамеченным Кольцова. Л. Н. дал крестьянину книжечку и 20 коп., а то он все истратил.

Л. Н. говорил шепотом Ге о прислуге, подающей еду за столом, как это ему неприятно и как об этом будут говорить через 30 лет с удивлением, что за столом одни люди другим прислуживали.

Вечером Л. Н. сказал мне, что он читал в «Речи» * о выборах в Венгрии и ужасно удивлялся: суровости какие-то возмутительные были.

Я сказал:

— Как всегда, только этот раз было хоть с небольшим кровопролитием, мало убитых, человек десять.

— Убитых?! — спросил Л. Н.

Я: Убито всего человек десять во время выборов и столько же во время предвыборной агитации. А это считается свободным исполнением государственной повинности, гражданского права. При прежних же выборах бывало убитых гораздо больше, иногда в одном месте до тридцати.

Л. Н. рассказал Ге о своем письме литераторскому съезду, вторую часть письма не прочли.

Софья Андреевна: Градовский пишет теперь, что он не виноват, он не хотел в таком изуродованном виде читать. Прочел Стахович².

Л. Н. выразил отвращение к газетам; осуждает, читая их; человек составит себе мнение, что все люди — разбойники, а я — прекрасный человек.

* Л. Н., как вернулся из Кочетов, с 20 мая стал читать «Речь» вместо «Новой Руси», которая в конце апреля прекратилась.

Л. Н. о Хирьякове.

Сергей Львович: Хирьяков мог выпутаться, но тогда посадили бы других, а он до того не хотел допустить³.

Ге рассказал подобный случай в Полтаве, где присужден за покушение на исправника некто Добровольский на восемь лет; а покушался не он, все это знают.

Л. Н. (о вегетарианстве): Всегда забывают, что организм приспосаблиется; вот крестьяне, которые питаются иногда одним черным хлебом. Для меня уже никакого рассуждения нет, мне мясо просто противно.

Сергей Львович говорил, что люди, евские когда-нибудь мясо, став вегетарианцами, легко могут опять есть мясо, а такие, которые сроду никогда не ели (как Дима Чертков), — нет.

29 мая. Были два осетина из деревни Христианской Владикавказского округа, восторженные, энтузиасты, доверчивые, мало читавшие Л. Н., но доверяющие ему, как богу. День провели в Телятинках. Вечером гуляли с Л. Н., который с ними был очень мил и дал много книг.

Были И. И. Горбунов, М. А. Шмидт, Сергей Дмитриевич, приехал Павел Трубецкой (Paolo Trubetsky) с женой.

Сегодня Софья Андреевна с Л. Н., у которого была *aritmia cordis** и который поэтому был раздражителен, спорила в его кабинете. Вышла оттуда бледная и ушла из дому, отдав ключи своей дочери**.

Была В. С. Толстая. У Н. Л. Оболенского волчонок. Paolo Trubetsky замечательный; «*le grand enfant*»***, — охарактеризовал его Сергей Львович, маркантный**** человек. Л. Н. с ним сердечно беседовал. «*Je suis très content de vous voir*»*****,— сказал ему поздно вечером. Говорили, главным образом, о вегетарианстве. Трубецкой и его жена — вегетарианцы. Трубецкой — о животных: у него волк, лайки и ягненок вместе живут и играют.

Трубецкой говорил, что один итальянский скульптор вылепил «*Les mangeurs des cadavres*»***** — гиену и человека.

Трубецкой: Я очень люблю животных и люблю лепить их. Идеал жизни я вижу в том, чтобы стать как можно ближе к животным, которые обходятся без разных человеческих подлостей и без вредоносных людских учреждений.

Л. Н.: Идеал — любить животных. Среди людей много дурных обычаев, отсутствующих у животных, но зато у людей есть и то, что ставит их выше животных: бесконечные духовные идеалы.

Л. Н. к Горбунову, с которым вместе поправляли «Дни» и говорили об их издании:

— Книжечки «Возмездие», «Насилие», я думаю, можно будет все (напечатать).

Говорили по поводу на днях полученных оттисков «Единой заповеди» из «Литературного сборника» (изд. Пантелеева).

Л. Н.: Прекрасно издано. Я ее с охотой посылаю. Она с точками. Но так сделано: точки не нарушают смысла. Ее надо издать «Посреднику» тоже¹.

Л. Н. (Горбунову): Иногда вы, во имя того, что мысль недоступна простому читателю, предлагаете мне ее вычеркнуть. Но иногда мысль мне так дорога, и одному из ста читателей будет дорога, и потому оставляйте ее. Но если мысль повторяется — можно вычеркнуть.

* сердечная аритмия (лат.).

** Текст «Сегодня Софья Андреевна с своей дочери» дается в переводе с венгерского. — *Ред.*

*** «большое дитя» (франц.).

**** примечательный (от франц. *marquant*).

***** «Я очень рад вас видеть» (франц.).

***** «Пожирателей трупов» (франц.).

Л. Н. сегодня днем и вечером очень устал. Днем перебои, пульс 60. После сна перед обедом пульс ритмический, не слабый.

30 мая. Л. Н. ездил верхом с Трубецким. Утром был у Л. Н. кореец, вечером мужик с *idée fixe*, что он изобрел водяной и воздушный двигатель и нужно ему только посоветовать, какие книги почитать, и капитал дать. Еще были по судебным делам.

Вечером были Гольденвейзер, Николаева, к обеду приехала С. А. Стахович.

Л. Н. за чаем с Ларисой Дмитриевной о целомудрии в браке, что надо не бежать от соблазна (как же жить детям без отца и матери?), а развивать внутреннее сопротивление; оно полезно и самому и тем, с которыми живешь.

Николаева заметила, что ведь следует и внешние обстоятельства устраивать, чтобы не давали повод к соблазну, — например, общество развратных мужчин. Л. Н. говорил, что нет, не бежать от соблазна, а внутренне сопротивляться ему. Выше человек, который в развращенном браке достигнет полгода воздержаний, чем неженатый отшельник, который 20 лет воздерживался.

Трубецкой за обедом и вечером за чаем в свою книжку (с картон-бумагой) написал два портрета: одного Л. Н. и разговаривающего с Софьей Александровной и Надеждой Павловной¹.

Л. Н. сам ему вчера предложил позировать, видя его желание. Трубецкой шесть лет не видел Л. Н. и утверждал, что не находит перемены в его виде. Он хочет съездить в Москву за глиной для лепки. Желал бы лепить Л. Н. верхом. Когда Софья Андреевна передала это Л. Н. (за столом, сидя между Л. Н. и Трубецким), Л. Н. сказал:

— Зачем? Non, sans cheval*, — и то, что он (Трубецкой) не за тем приехал, чтобы лепить, а просто чтобы повидаться.

Софья Александровна сказала Л. Н., что она новости о нем черпала из «Русского слова»; между прочим, что опять стал ездить верхом, потому что Чертков позволил... Л. Н. сказал, что желал бы, чтобы «Русское слово» не писало о нем.

Софья Андреевна: Куприянов в Ясной Поляне живет. Дорошевич кулаками грозил ему, если не будет подробно извещать.

Л. Н.: Буду ему все врать.

Сергей Львович: Он и так сам совет.

Софья Александровна рассказала про убийство у них прохожим старика-крестьянина.

Л. Н.: Мне ужасно душевное состояние того человека, который убивает; душевный соблазн убить.

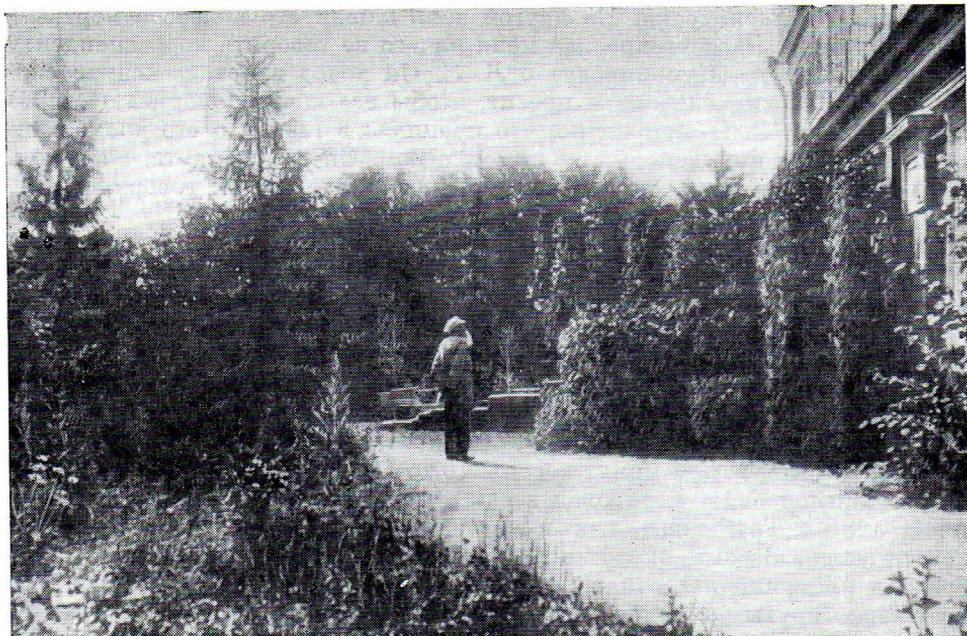
Л. Н. рассказал об изданиях копеечных.

Кто-то выразил мысль, что в яснополянской народной библиотеке следовало бы и продавать книжки копеечные.

31 мая. Л. Н. за завтраком рассказал, что у него были трое крестьян из Тульского уезда, выбранные миром.

Живущий в городе крестьянин пожелал идти на отруб. Ему давали в трех (по качеству) местах. Он же хочет одного поля и в хорошем месте. Приехал М. Л. Оболенский, член землеустроительной комиссии, и сказал, что он по закону своей властью может ему выделить на лучшей земле. Тогда мужики сказали: если на такую землю выходить, тогда они все желают на отруба. Это сказали старики; но молодые, обдумав, не желают и хотят остаться, как были. И тот один не желает выделяться, хочет остаться в общине. Л. Н. просил помочь им остаться при старом. Л. Н. написал им письма к Оболенскому и Гольденблату¹.

* Нет, без лошади (*франц.*).

ТОЛСТОЙ В ОТРАДНОМ

12—23 июня 1910 г.

Фотография В. Г. Черткова

«В 11.30... Л. Н., Александра Львовна, Илья Васильевич, Булгаков и я уехали... в Отрадное». — Запись от 12 июня 1910 г.

Софья Александровна: Всем очень лестно выходить на отруба, когда отрезают около самой усадьбы. В Лебедяни из-за этого шесть убитых и одиннадцать раненых.

Сергей Львович: В законе 9 ноября нет указания, какую землю дать. Зависит от произвола.

Л. Н.: А другой произвол того, кто писал закон.

Сергей Львович: Но при данных обстоятельствах нужен ведь закон. Крестьянин имеет естественное право выделиться.

Л. Н.: Имеет личное право, но не с землею — земля общая.

Сергей Львович: Нужен ведь закон, как выходить из общины.

Л. Н.: Только оставить их в покое. Не нужен закон. Одно средство — чтобы оставить их в покое. Нужно помнить, что он живет своей жизнью, и он не нуждается, чтобы какой-нибудь Иван Иванович для него составлял законы. Законы эти есть то самое нарушение величайших законов, нарушение того величайшего закона, что земля принадлежит всем. Ты хочешь этот закон...

Сергей Львович: Я хочу соглашения, чтобы выходить (на отруба).

Л. Н.: Это такое соглашение, на конце которого стоит человек со штыком.

Л. Н. пожелал читать Вольтера.

Л. Н.: Душан Петрович, что его есть в библиотеке? ² Как он хорош! Его прямо убили. Он жил в Ferney: спальня во Франции, столовая в Швейцарии. Когда ему было 84 года, его звали во Францию. Он, несмотря на запрещение, зная, что его репутация такая, что не могут его тронуть, поехал. В Париже оvation, в театре все бинокли на него. Он этого волнения не пережил.

Собья Александровна: На другой день нашли его в кресле мертвым. Александра Львовна просила меня ничего не говорить корреспонденту «Русского слова» (Куприянову) о Л. Н. Он хочет прервать всякие сношения с «Русским словом» и просит, чтобы его корреспондента (Спиро) не присылали. Л. Н. неприятно, что проникло в газеты о его драматическом произведении. Теперь ему пишут о нем. Он его, увидите, не докончит. Чертков согрешил, что у него попросил его. Л. Н. говорил Диме, что в Отрадное предполагает поехать около 7-го.

1 июня. Л. Н. ездил с Трубецким.

3 июня. Паоло Трубецкой уговорил Л. Н. позволить лепить его верхом не на привычной ему верховой лошади Делире, а на Кривом — буланом степном сибирском иноходце, находя эту лошадь характерной. Трубецкой хотел лепить его в казачьем седле, но это не вышло, даже не предложил самому Л. Н. Прежде чем Л. Н. начал позировать, Трубецкой вылепил лошадь, сделал это в несколько минут и так удачно, что можно было узнать Кривого. В 2 часа привели Л. Н.-чу Кривого. Л. Н. позировал перед домом минут восемь. Потом, когда в 4.30 Л. Н. вернулся с прогулки, он опять позировал восемь минут. Л. Н. предпочел ехать со мной, а не с Трубецким, как в последние три-четыре дня. Проехали крест-накрест Засеку, около железнодорожной станции, ко Рвам и забрели в дремучий лес с папоротником — лошади по брюхо. Спускались по ужасно крутым и глубоким оврагам; отсюда должны были вернуться обратно, т. к. не сумели заставить лошадей перепрыгнуть через ручей. Л. Н. восхищался природой, то и дело хвалил день, красоту леса, собирал цветы, нагибаясь с лошади и отъезжая за ними в сторону, очень часто заговаривал со мной. Я ехал на Делире; сумел заставить его идти шагом и удерживать на обычном расстоянии, шагах в 50 от Л. Н. Делир все шел трусой вслед за Кривым. Л. Н. заставил Кривого идти проездом, так что Делир, хотя у него шаг очень длинный, не поспевал. Л. Н. поневоле обращал внимание на эту близость и трусцу Делира и советовал заставлять его идти шагом, чтобы мне не устать. Мне же было сожестно, что не мог сделать этого и что беспокою Л. Н. Проехали верст 18—20.

Л. Н. принес цветы домой и поставил к себе в кабинет. Он очень любит цветы, почти каждый день собирает и приносит домой. У него по два-три букета на разных столах.

После обеда Л. Н. сидел на стуле «на крохоти», где когда-то играли в крокет, а теперь летом обедают и завтракают. Трубецкой поправлял в своей работе голову и плечи Л. Н. почти час и делал чудеса. С известного расстояния, шагах в четырех-пяти лицо, держание головы, посадка и фигура Л. Н. поразительно верно схвачены. А лошадь, хоть совсем грубо намечена, уже как живая. Л. Н. сказал, что можно было бы уже и так оставить, считать работу оконченной. Баснословна способность Трубецкого так похоже, удачно и быстро делать сложную статуэтку.

Вечером приехал Сергей Львович. Татьяна Львовна, приехавшая ночью, встретила его словами: «Вот мой коллега идет», и разговорились о Генри Джордже.

Л. Н. сказал, что главная цель закона 9 ноября — внести раздор между крестьянами. Когда они дружны, тогда им, правителям, трудно...

Трубецкой рассказал, что он сегодня прочел во французской книге Фоа «От Замбези до Конго» о каннибализме, и заметил, что он за всю свою жизнь только две книжки прочел: будучи маленьким, когда лежал больным, одно путешествие, а позднее — Л. Н.-ча «Для чего люди одуманиваются?». Несмотря на то, что согласился с Л. Н., курить он не перестал. Разговор об отравлении родственника Бутурлина¹ — деле, ставшем громким благодаря газетам.

Л. Н.: Я не читаю ни о Гарновской, ни о Бугурлине — мне это отвратительно.

После обеда Трубецкой лепил фигуру Л. Н.-ча. Л. Н. позировал верхом на Кривом — в 2 часа и в 4 часа — по десять минут, а в 7 — полчаса, сидя в кресле. В это время Татьяна Львовна читала вслух.

Татьяна Львовна прочла полученное Л. Н. и переписанное ею ужасно неграмотное письмо крестьянской девушки 21 года. Ее мать была прижита от поляка-помещика и выдана замуж за крестьянина. Она же была няней и экономкой у помещицы; описывает свою жизнь с 6 до 21 года — безрадостное детство, службу у господ, которых презирала за их праздность и высокомерие, сознавая свое и другой прислуги рабское положение, и оно ей было противно. Л. Н. сказал:

— Какая перемена во взгляде крестьян. Они замечают, как живут господа, а нам кажется, что.....*

5 июня. Л. Н., как обыкновенно, позировал Трубецкому перед отъездом на прогулку и, когда возвратился, верхом по 10 минут; после обеда — сидя в кресле. Л. Н. ездил со мной по Засеке и между шоссе по Мурыгиным кустам, по части Засеки между шоссе, большаком, ведущим на Козловку, козловским прудом и железной дорогой, где, как Л. Н. говорит, лоси водятся. Сюда Л. Н. изредка заезжает. Невдалеке от железной дороги спускались в глубокий овраг и выезжали из него вскачь. Отвес был до того крут, что я цеплялся за деревья, помогая уже наверху лошади взбираться. На этом самом месте было то же с Филиппом — лакеем, сопровождавшим Л. Н. Потом ехали полотном железной дороги больше чем версту. К счастью, поезд не проходил, а то с высокой насыпи некуда было бы своротить.

Л. Н.: Нынче в индусском журнале «The Vedio Magazine» изречение: «Блаженны не читающие газет». Там же прекрасное параллельно сопоставленное учение Евангелия с их учением (Вед) (и непротивление есть в Ведах).

Л. Н. получил из Кракова письмо от ариан, не признающих божества Христа. Пишут: «Мы — ваши предшественники»¹.

Трубецкой говорил, что ночью разбудили его телеграммой — запрос «Русского слова», может ли приехать Спиро интервьюировать. Ответил: «Невозможно, уезжаю».

Л. Н. рассказывал про дурочку Парашу, которая после несчастья, с ней случившегося, когда к ней приставали, кричала и грозила: «В морду!»² Л. Н. сказал, что оттелеграфировать бы эти слова.

Сергей Львович спросил Л. Н.:

— А ты знал Панаева?

Л. Н.: Добродушный человек. Любил очень литературу.

** Л. Н. говорил про драму Арвида (Ернефельта) — какую, не помню. Л. Н. получил в этом году две драмы Ернефельта: одну в немецком переводе — от датчанина. Эта ему не понравилась и поэтою не говорил о ее содержании. Другую — историческую, из римской жизни, над которой Ернефельт работал много и которая с успехом дается на сцене в Гельсингфорсе³. Об этой Л. Н. подробно рассуждал, потом о присланной ему книге «Das Christentum und die monistische Religion»:

— Эта книга недурная, но две трети заняты опровержением догматов католицизма, что не стоит уже делать. Мно было интересно читать.

Л. Н. читал еще «Goethe Kalender, 1910»⁴, и сказал, что интересен (Гете).

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

** Переписано 19 марта 1911 г.

Л. Н. (Татьяне Львовне, звавшей его опять к ним): С гостями хорошо, а без гостей лучше.

6 июня. Многолюдно провели Троицын день. Лучший момент был, когда Козлиха стала плясать под граммофон. Были ясенские, грумантские и в первый раз телятинские. Неприятно было то, что один из внуков старика (в доме которого народная библиотека) стал петь городские, препротивные и по мотиву, и по речи, и по содержанию куплеты. А потому что цел очень бойко и самоуверенно и что это было ново, его слушали. Это в первый раз пелась песня не народная и тоже в первый раз появились девушки (с дюжину) в длинных юбках и с городским покроем лифов, которые носят уже несколько лет.

Песни, пляски проходили, как всегда, перед домом под вязами и «на крохоти». Тут Л. Н. сидел на скамейке, а около него — приехавшие экскурсанты Пречистенских курсов из Москвы. Л. Н. о них высказывался так: «Очень милые ребята, все рабочие; приехали нарочно. Вопрос за вопросом — кто о Дарвине, кто о Геккеле. Мне приятно было с ними».

Еще им Л. Н. сказал:

— Блаженны не читающие газет, безграмотные, непричастные, ибо у них есть здравый смысл. Для того, чтобы испытать полное благополучие, надо жить попроще. Чтение газет прибавило глупых людей. Надо читать литературу шестидесятых годов. Теперешние писатели сравнительно с теми — мальчишки. Вам я тоже советую читать, оно и просеяно.

Л. Н. с пречистенскими (15—20 человек) ходили по аллеям парка. Потом послал им книг¹. Они у Тараса Фоканова в саду провели остальное время.

Л. Н-чу Лозинский прислал книжку: отрицательно пишет о литераторах². Л. Н. похвалил ее письмом. «А теперь он пишет мне упреки»³.

7 июня. Л. Н. пожелал читать Вольтера. В библиотеке Вольтер оказался, но с очень мелким шрифтом, поэтому Л. Н. не стал читать его.

Л. Н.: Вольтер, умирая, молился: «Не ненавижь своих врагов».

Л. Н-чу кто-то принес подарок — альбом Н. В. Орлова «Русские мужики».

Л. Н.: Я премного благодарен за эти превосходно изданные, мною высоко ценимые произведения Орлова.

8 июня. Л. Н. встал в 10 дня; очевидно, ночью был в обморочном состоянии. Утром пульс 82, температура 37,2. Вышел гулять — его пошатывало, вернулся. Больше половины дня просидел в кресле, читая или дремля. Остальное время лежал на кровати. Вечером температура 37, пульс 82.

9 июня. Утром вошли к Л. Н. я с Д. В. Никитиным. Л. Н. в халате, ел яблоко. Прощупывали печень, пульс. Л. Н-чу была неприятна формалистика освидетельствования и вопросы.

— Старость — хорошее дело, — сказал он. На слова Никитина: «Это кишки и нервы (болезнь ваша)», — Л. Н. ответил:

— Какое там подразделение — нездоров.

У Л. Н. появился насморк, не выходил. Трубецкой начал лепить Л. Н. за сохой с головы. Л. Н. не позировал.

Ночью уехал Никитин; сказал мне, что он советовался с Л. Н., остаться ли ему земским врачом в Звенигороде или же переехать в Москву учить на медицинских курсах девиц. Л. Н. посоветовал остаться.

Л. Н. в халате вышел к обеду. Поздоровавшись с Трубецким и Кюэсом, которые его не видели ни вчера, ни сегодня, Л. Н. поздравил Филиппа, подающего за столом, с сыном: сегодня родила его жена.

Вечером Л. Н. не выходил. Читал. В 11.10 я зашел спросить, не нужно ли чего.

— А там (в зале) кто? — спросил Л. Н. — Я слаб очень, не физические. Хочется одному сидеть.

Л. Н. лег после 12-ти. Хотя слаб, не позволял себе прислуживать. Смотрел, читал рукопись девушки, приехавшей из Чернигова¹.

10 июня.

Велеминский: У нас, в Чехии, такое представление, что вы читаете по-польски, по-чешски.

Л. Н.: Раньше сам добивался смысла, теперь Душан Петрович меня балует.

Велеминский стал говорить о некоем В., который был католиком: — Теперь он под вашим влиянием; Масарик — поклонник Достоевского.

Л. Н. спросил, как в Чехии вопрос религиозный: католичество удовлетворяет интеллигенцию?

Велеминский: Чехи не чувствуют себя католиками. У нас борьба между католиками и обществом всегда была. Ортодоксов-католиков нет.

Л. Н.: Но все-таки внешние формы католичества соблюдаются?

Велеминский: Соблюдаются, но не так, как у поляков. Движение против католицизма, но к религиозности очень сильно.

Л. Н.: Ну, а социализм?

Велеминский: Есть безверный. Но и в социализме есть движение к религиозности.

11 июня. Л. Н. прочел статью в «Петербургских ведомостях» от 9 июня¹. Потом разговор о национализме.

Л. Н.: Я занят мыслью — писать славянам на конгресс в Софию. Не подробно, а одну главную мысль, что религия — первое.

Л. Н. получил и прочел (пробежал) какую-то немецкую книгу «Religion». Большая часть направлена только на борьбу против лютеранства. Разговор перешел на рассказ «Сорок лет» Костомарова. Кто-то спросил, насколько переделал его Л. Н.-ч. Л. Н. не мог вспомнить. Н. Н. Ге припомнил Л. Н.-чу:

— Вы ничего не изменили в рассказе, только дописали к нему конец о том, в чем заключается наказание².

Я с Велеминским разговаривал о Масарике. Велеминский мне сказал, что Масарик делает упреки Т., будто он губит «экзистенцию». Пока Т. жив, не будет о нем писать. Религиозное влияние Т. слабее, чем было. Молодежь к религии равнодушна. Если появилось третье издание «Крейцеровой сонаты», то это надо приписать сенсации.

Уехала Мария Николаевна, жена Сергея Львовича. Кониси в Ясной*.

Л. Н. спрашивал Кониси об авторе одной ему известной книги, который был на Чикагском конгрессе религии; там проповедовал с успехом буддизм, а во время Японской войны проповедовал войну. Л. Н. спрашивал Кониси про религии Японии.

Кониси: Шинтоистов один миллион. Таосистов в Японии нет.

Л. Н. спрашивал, нет ли оригинальных японских религиозных учителей. Об этом спрашивал и других японцев, которые у него бывали. Они не могли указать ни на одного. Л. Н. хотел читать оригинального японского мыслителя.

Л. Н.: У китайцев — проникнуть в их учение трудно, а у японцев все ясно, как у детей.

Л. Н. спрашивал у Кониси про Токутоми. Оказался другом Кониси. Он живет в деревне, просто, работает в огороде и в саду. Женат,

* Записано 19 марта 1911 г.

детей своих нет, есть дочка-приемыш. Не имея возможности так усиленно работать, чтобы прокормить семью, он написал роман, который имеет огромный успех³. Он пишет очень хорошо.

Л. Н. спросил:

— Вы читали его роман, можете рассказать содержание его? Переведен ли на некоторые европейские языки?

Кониси: Отставной офицер описывает свою жизнь.

Л. Н.: И, вероятно, отрицательно относится к войне?

Кониси рассказал, какой невероятно большой гонорар получил Токутоми за этот роман.

Л. Н.: Мне жалко, что Токутоми разбогател.

Разговор перешел на литературную продукцию.

Л. Н.: Сколько печатается! Все шансы, что не нападешь ни на одну хорошую книгу. Да, как для литераторов деньги стали целью!

Разговор о мясоедении в Японии. Оно, говорил Кониси, в последнее время развилось в Японии. Крестьяне и более старинного склада люди не только не едят мяса, но и молока не пьют. Одни телята пользуются молоком.

Кониси привез ноты. Л. Н., стоя, сыграл некоторые из них на фортепиано.

Л. Н. давно, когда был у него Плюскин с хабаровчанами⁴, получил письмо от японца, что у них есть какой-то пророк (современный)⁵. Позже получил его книгу — ужасная чепуха⁶. А она имела успех. Кониси вспоминал о ней.

Л. Н.: Очень удивил меня Кониси, рассказав, что на острове Формозе живут аборигены, а китайцы их едят как лекарство.

Л. Н.: Основа всего лежит в религиозном воспитании. Кониси говорил, что в Китае чистого буддизма очень мало. Все это смешано с таоизмом. Зато в Японии буддизма много.

12 июня. Утром Л. Н. зашел к барышням — черниговской, приехавшей с просьбой устроить ее на место, и к другой, привезшей свои рукописи, где описывает случившееся, — например, рассказ о калек. Она сама — несчастная, слабовольная и слабосильная физически. Желает жить полезной, в христианском смысле, работой. Л. Н. хочет рекомендовать ее в переписчицы Черткову. Другая — хромяя из Оренбургской губернии, с вопросами о жизни. Обе сочиняют.

В 11.30, простившись с Трубецкими, Софьей Андреевной и Варварой Михайловной, Л. Н., Александра Львовна, Илья Васильевич, Булгаков и я уехали на лошадях в Тулу, оттуда в 2 часа — поездом в Столбовую, где поджидали Черткова с сыном, и с ними — в Отрадное. Я ехал с Александрой Львовной, с кучером, на паре горячих лошадей. Лошади подхватили. Александра Львовна страшно заволновалась и помогала кучеру удерживать лошадей. Все вещи повывлетели. Мы мчались через лужи зигзагом к мосту. Как только мы в речку не свалились!

В вагоне Л. Н. читал полученные сегодня немецкие брошюры, выдержки из Упанишад. И около часу лежал, но не уснул. Л. Н. ехал в вагоне второго класса с Александрой Львовной. Желал третьим классом, но по моим настояниям согласился ехать вторым. С нами ехал Кониси. Вся публика в вагоне состояла из приличных людей, не пристававших к Л. Н.

Анна Константиновна внешне не изменилась, только стала спокойнее, менее озабочена своим слабым здоровьем и деятельностью по сохранению и изданию сочинений Л. Н.

У Чертковых живут: Анна Григорьевна, Ольга Николаевна — фельдшерница, В. С. Ляпунова, Маша Галкина из Грецовки, Федор Ростовцев

из Тросны, Алексей и Лева Сергеенко, М. П. Балакин и А. Д. Радынский. Очевидно, все одних взглядов, все прекрасно сжились.

Л. Н. днем и вечером беседовал с Анной Константиновной и со всеми очень спокойно: его не перебывали.

13 июня. Дима уехал в Голицыно на представление труппы Орленева. Л. Н. утром в дождь пошел гулять в деревню. Местность здесь густо заселена и заметно влияние Москвы. Потом поправлял Ноябрь («На каждый день»). Под вечер Булгаков с Сергеенко переписали, и Л. Н. вечером до 11.15 опять поправлял, много перемарал и поправил.

Пополудни ходил в Мещерское в больницу для сумасшедших. Туда и обратно шесть-семь верст. Когда шел туда, пристала к нему одна деревенская баба; на обратном пути — толпа молодых людей и служащих в больнице, а также их жены. Но Л. Н. сумел отделиться от них.

Разговор между Чертковым и Александрой Львовной о том, как Софья Андреевна готовит полное издание сочинений Л. Н., в которое войдут «Царство божие» и т. п.

Александра Львовна: Софья Андреевна цензурирует по-своему, заменяет «доски» словом «иконы» и т. д.

— Как хорошо, что сохранили оригиналы! ¹ — заметил Чертков.

Л. Н. говорил о балашовском копеечном издании «О разуме, вере и молитве» и о том, сколько теперь печатается; что читателю трудно напасть на хорошую книгу; что рабочие с Пречистенских курсов ничего не знали о Генри Джордже.

Александра Львовна говорила про больных в Ялте, что они настоящего Толстого совсем не знают (его «Круг чтения», «На каждый день» и т. п.).

Чертков заметил, что Л. Н. не вовремя попал. Как бы все было наводнено его книгами, если бы можно было их свободно издавать.

Л. Н. усомнился в этом.

По словам Черткова, Калачев пишет из Самарской губернии, что там народ очень простой, лучше чем около Крекшина, Телятинок. Когда он им читал «Ивана-дурака» ², им показалась эта сказка совсем своей знакомой.

Л. Н.: Там место Добролюбова (А. М.).

Разговор об отказавшихся. О Сереже Булыгине — что он удивляется, как можно о предстоящем его отказе рассуждать, бояться за него, жалеть его за могущие последовать лишения. Он об этом и не думает. И кажется ему, что он так же спокойно и твердо это сделает, как всякое другое дело. Сколько их теперь собирается отказаться! В самое последнее время (январь — апрель) отказалось около десяти.

Чертков: Мы про всех не знаем. Вот про Фокина...

Л. Н.: Меня удивило: я ни одного не встретил, который раскаялся бы *.

Л. Н. рассказал, что ему сообщил Кониси. На Формозе, которую японцы после войны с китайцами присвоили себе, живут в горах дикие (150 тысяч) — малайского племени. И китайцы — на равнинах (2 500 000), и они во вражде между собою. А китайцы диких едят **. Как очень умно сказал Трубецкой, людоедство — это уже некоторая цивилизация.

Булгаков говорил, что Кониси доволен японцами, ставит их выше русских.

Л. Н.: Мне это интересно: у них нет духовного, религиозного. Это странно.

* Но был один такой, Г(ончарен)ко, отказавшийся в тюрьме по примеру другого и потом раскаявшийся в этом. Л. Н. забыл про него.

** Дикие спускаются к морю за солью, и гут их китайцы ловят.

14 июня. Днем я встречал Велеминского и провел с ним время в разговоре о Чехии до вечера. О душевных своих делах и не заикнулся.

Л. Н. ходил поговорить с сумасшедшими в Любучаны — деревню, где 50 их живет у крестьян. Увидав Л. Н. и узнав его, фельдшер, наблюдающий за ними, стал его водить от одного к другому, потом к одному свихнувшемуся во время революции от революционных идей¹. Л. Н. сказал, что он умнее тех, которые его держат. Он сначала продолжал ходить вокруг, но потом, прислушиваясь к речам Л. Н., остановился. Когда Л. Н. с ним говорил, кто-то стоявший около него сказал, что он что-то украл. «Не украл, а взял», — возразил тот. Л. Н., прощаясь сказал ему: «Увидимся там». Он ответил: «Есть только один свет, другого нет». Руки Л. Н.-чу не подал.

Л. Н. рассказал еще про одного, который живет у бабы: «Прекрасно работает, лошадей очень любит».

Чертков вспомнил, что Куприн в одном рассказе описывает, как здорового человека, о котором сказали, что он буйный, а он им не был, заперли в сумасшедший дом; врачи испытывали его и продержали там, пока он действительно не стал сумасшедшим².

Л. Н.: Ведь, вообще, предел, где начинается сумасшествие, трудно определить.

Вечером Л. Н. играл в шахматы, писал письмо Софье Андреевне³. Днем работал над книгой «На каждый день», с 10 до 11 вечера разговор о педагогике. Велеминский спрашивал по пунктам. Л. Н. давал точные и определенные ответы.

Из разговора Л. Н. с Велеминским о свободной школе:

Велеминский: Dann eine intime Frage. Als ich Lehrer wurde manchmal ist mir vorgekommen, daß man Kinder liebt aber nicht 14—15-jährige Gymnasisten, Schüler. Die Pädagogen die haben mehr an Kinder gedacht als an wachsende Jugend. Ich liebe die 14-jährige Knaben nicht mehr so wie die Jungen. Desto mehr muß man trachten mit allen Kräften sie zu lieben*.

Л. Н.: Я понимаю это чувство самоуверенности. Я думаю, что дети все хороши, а среди подростков два из 50 встречаются очень хорошие.

Велеминский: Die socialistischen Pädagogen die die freie Schule verlangen, denken nur mit Kopf und nicht mit Herz**.

Л. Н.: Тут основа всего — религиозная основа.

Велеминский. ...daß die freie Schule ohne Religion existiere***.

Л. Н.: Это невозможно. Тут нужен принцип: «Le roi est mort, vive le roi»****. Одна религия другую вытесняет.

Велеминский: Wären die pädagogische Artikel im IV Band verändert oder so abgedruckt wie in «Ясная Поляна»?*****⁴.

Л. Н.: Не знаю.

Велеминский: Im Jahre 1884 haben sie noch über Pädagogie geschrieben?*****⁵.

Л. Н.: Das konnte Ihnen Birukow sagen*****.

* Теперь интимный вопрос. Когда я был учителем, мне казалось, что любят детей, а не 14—15-летних учеников-гимназистов. Педагоги больше думали о детях, чем о подрастающей юности. Я не так люблю 14-летних мальчиков, как юношей. Поэтому нужно прилагать как можно больше усилий, чтобы их полюбить (нем.).

Этот и следующие пять абзацев вписаны Маковицким позднее.— *Ред.*

** Социалистические педагоги, требующие свободной школы, руководствуются лишь разумом, а не сердцем (нем.).

*** свободная школа, существует без религии (нем.).

**** «Король умер, да здравствует король» (франц.).

***** Были педагогические статьи в IV томе напечатаны в измененном виде или они напечатаны, как в (нем.).

***** Писали ли вы еще в 1884 году о педагогике? (нем.).

***** На это вам сумеет ответить Бирюков (нем.).

ТОЛСТОЙ НА ЛОШАДИ ЧЕРТКОВЫХ ОРЛИЦЕ

Отрадное, 17—23 июня 1910 г.

Фотография В. Г. Черткова

«Л. Н. сегодня первый раз ездил в Отрадное верхом на серой лошади». — Запись от 17 июня 1910 г.

Велеминский: Man stellt mir die Frage: wir kennen die Ansichten Leo Tolstoy's aus 1864, aber ob er auch jetzt so noch denkt *.

Чертков, Александра Львовна, Сергеенко записывали. Духовные силы у Л. Н. свежи.

Л. Н.: При записывании не надо думать о смысле. Это во всех делах. «Sammle nur die größte Kraft auf den kleinsten Punkt»⁶.

— Хорошо говорили, только стеснительно записывание, — говорил Л. Н. мне.

Л. Н. увидел ноты сочинений Анны Константиновны⁷, сыграл одну песню на фортепиано.

Л. Н. утром выходил, и Велеминский с ним поговорил о браке. Потом целый день пробыл в своей комнате. Чувствовал слабость.

Л. Н.: Я остановился на Пушкине и больше не могу читать (к разговору о стихах Хирьякова).

15 июня. Уехал Велеминский, Ал. Сергеенко, как мог подробно, описал вчерашний день Л. Н.-ча. Потребовался ему на это почти весь сегодняшний день **.

Л. Н. до 8.30 вечера не ел; поел только тогда, когда пришел в залу. Шахматы. Потом дал читать вслух А. П. Новикова «Записки лакея»¹ (читал Булгаков, и, как только произносил слово с неправильным ударением, Л. Н. поправлял его, так раз шесть).

* Мне задают вопрос: нам известны взгляды Толстого с 1864 г., но думает ли он так же и сейчас? (нем.).

** Этот абзац — позднейшая приписка Маковицкого. — Ред.

Л. Н.: Для меня ново. Никогда не слышал такого обличения безумия, безнравственности, бесполезности, нелепости, глупости жизни аристократов. Она разоблачена, а возле выставлена трудовая, осмысленная жизнь крестьян. Надо надеяться, что так же разоблачена будет вскоре и жизнь буржуазная.

16 июня. *Л. Н.* слаб, не евши ходил в Мещерское к сумасшедшим. Чертков — за ним в коляске. Директор больницы — общительный человек. Его же принцип обходиться с больными без насилия. Водил по палатам. Вернулся *Л. Н.* с Чертковым в коляске. Мы с Александрой Львовной встретили их на лугу. Александра Львовна спросила отца, какое он вынес впечатление.

Л. Н.: Ужасное.

Александра Львовна попросила его рассказать.

Л. Н.: Трудно разобраться.

Потом сказал, что больные такие несчастные. Александра Львовна просила не рассказывать, пока мы не вернемся.

За обедом и за чаем *Л. Н.* рассказывал:

— Они пили чай в саду. «Ах дедушка, дедушка! Я вас видела, вы приехали на дачу в Канатчиково», — закричала одна... С Ольгой Семеновной (одной из больных) мы (с Чертковым) говорили о боге. Очень хорошо. «Я — атом божества», — сказала она. А учительница, которую спросил, какое ее религиозное состояние: «Я в бога не верую». — «Как же?» — спросил *Л. Н.* — «Я верю в науку».

Чертков: Один старик очень хорошо беседовал со Львом Николаевичем: «Оставайтесь тут жить недельку». — «Остался бы, — ответил *Л. Н.*, — да некогда». — «А — некогда!» — и все рассмеялись. Одна идиотка с особенно маленькой головой смотрит, как зверек, ходит и говорит одно: «Домой, домой».

Анна Константиновна спросила, не недовольны ли, что их там держат. *Л. Н.* ответил, что некоторые хотят уйти, а некоторые смотрят, как на богадельню.

Л. Н. спросил старика: «Когда было лучше: в старину или теперь?» — «Как лучше — просторно или тесно? В старину было просторнее», — ответил он.

Чертков: Многие из больных узнали Льва Николаевича.

Л. Н.: Я думаю, что тупоумным содержание в больнице вредит. Вот цапа Параша там больше отупела бы.

И *Л. Н.* рассказал про Парашу, как на исповеди священник стал спрашивать ее про грехи. — «Ну тебя!» — ответила и пихнула его.

Л. Н. вычислил, сколько душевнобольных в России, когда их 27 на 10 тысяч — 405 тысяч!

Л. Н.: Как хорошо это кроткое обращение с ними да и со всеми.

Л. Н. рассказал, что утром на прогулке догоняет его молодой, хорошо, по-крестьянски, одетый молодой человек. — «Постойте, постойте! Вы, сказывают, счастье угадываете».

— Тут и баба из Дубинина (деревушка рядом с именем Отрядным) просила помочь мужу, муж ее пьет, — говорил *Л. Н.* — Обращались, вроде как если бы я был бабка или какой знахарь.

Молодежь днем купалась три раза, вечером пели песни.

17 июня. *Л. Н.* сегодня первый раз ездил в Отрядное верхом на серой лошади. Сопровождал его верхом же Чертков. Поехали к Троицкому. За завтраком Чертков рассказывал, что *Л. Н.* ехал напрямик и не пропустил ни одного бугра, ни одной ямы между Отрядным и Троицким. Очень смешно рассказывал. Общий хохот. Тут отворилась дверь и вошел *Л. Н.-ч.* Чертков сейчас же рассказал ему, над чем смеемся.

Л. Н.: Я все прямо люблю.

Л. Н. и Чертков рассказали, как поехали по полям мимо большого кирпичного здания, со вкусом построенного, огороженного стеной. Вдоль нее шоссе. Сторожа вели десяток больных в поле работать. Больные, которых вели, жалкие очень. Приветливые, стали руки подавать, один попросил копейку. Чертков дал ему, тот спрятал в штаны; служащие стали отбирать. Чертков боится, не вышло бы из этого неприятности.

Анна Константиновна получила корректуру песен, между прочим духоборческих. Л. Н. сыграл одну, и Булгаков спел под его аккомпанемент.

Алеша Сергеевко вчера предупреждал Л. Н. не ездить в Троицкое. Ему говорили врачи Мещерской больницы о троицких, что они правые и настроены против Л. Н. Я сказал, что этому не надо верить, т. к. говорят это политические противники. Л. Н., очевидно, согласился со мной, но после решил туда не ходить, чтобы как-нибудь не повредить отказавшимся, которые содержались там под присмотром. В Мещерской — Московской окружной — больнице для умалишенных десять врачей. В Троицкой казенной — 13. Во второй больных до 1000, а служащих до 400.

Л. Н. под вечер прочел в словаре о больницах для умалишенных. За обедом Л. Н. о письме Моода, сегодня полученном, — ему непонятно, почему он хвалит его и извиняется. Чертков объяснил это тем, что Моод недавно отказался от дополнения перевода о половом вопросе для второго издания¹. (А еще раньше — от перевода «Круга чтения», потому что тут много работы с отыскиванием оригиналов текстов; а до этого «Евангелий»)².

Разговор о французских переводчиках. Л. Н. о Гальперине, как он ужасно переводит.

Чертков: Он еще и сам сочиняет и подписывает имя Льва Николаевича под чужими сочинениями. Например, под «Les plaisirs cruels» («Злая охота») Черткова. Предисловие к ней Л. Н-ча Гальперин переделал из третьего в первое лицо, так что Л. Н. свою (будто бы свою) работу восхваляет³. И Гальперин издает старые сочинения Л. Н. как его новейшие, чуть ли не посмертные («Le testament» <??>). Биншток тоже плохо переводит, но оба к сроку и все переводят. А Н. Н. Ге, который добросовестнее и лучше переводит, — ненадежный, к сроку не выполняет работы, уезжает, не оставляя адреса.

Чертков говорил еще, что теперь сочинения Л. Н. появляются в первый день только в Англии и Америке*. От немецких и французских переводов пришлось отказаться, т. к. Шкарван и Ге всегда нарушали сроки. Теперь им посылают русский текст в тот день, когда появляются английские переводы⁴.

Разговор за обедом, как мне казалось, Л. Н. нарочно вел на темы, интересующие Черткова, чтобы ему (Черткову) было о чем говорить. В Ясной Поляне в такие вечера, когда Л. Н. не расположен к разговору, он из кабинета не выходит. Только поздно, в 11 часов, минут на 10—15 — чай пить. Л. Н. говорил о Трубецком, что он глубокий и своей головой думает.

Вечером Булгаков спел песню Даргомыжского «Лихорадушка». На вопрос Черткова, как нравится, Л. Н. ответил: «Quasi-народная».

18 июня. У грудного ребенка жены кучера оказалась оспа. Она с ним жила рядом с кухней, в полутемном помещении. Анна Константиновна переполошилась, почти заболела от страха перед опасностью распространения заразы. Мать с ребенком поместили в больницу. Федору-кучеру посоветовали домой отправиться и телеграфировали его брату

* В России — на другой день в либеральных газетах.

приехать на его место. Помещение дезинфицировали. Алешу Сергеенко отправили в Мещерскую больницу, и для успокоения Анны Константиновны, и по совету больничного врача всем живущим у Черткова привили оспу, кроме Владимира Григорьевича, Тапселя, который не хотел, Л. Н-ча, Александры Львовны и Анны Константиновны, которых я удержал тем, что Александре Львовне вредно из-за предполагаемой чахотки, а Анне Константиновне — из-за ее слабости.

Я было сказал Л. Н-чу, что Александре Львовне следует сегодня поехать домой, она и так намеревалась завтра ехать. Она оспы очень боится. Л. Н. согласился и сказал ей об этом. Но Александра Львовна не захотела. Л. Н-чу сказал Чертков, и я ему говорил, чтобы и он уехал, но Л. Н. тоже не хотел, и я в душе радовался, что Л. Н. последователен. Он ведь утверждает, что от заразы не убежишь. От одной убежишь, на другую натолкнешься.

Пришли три доктора из Троицкого — Сафронов, Зайцев и Сотин — пригласить Л. Н. к ним осмотреть больницу и на представление кинематографа. Л. Н. обещал. Долго говорил с ними на террасе, расспрашивал, как распределяют больных по отделениям. Они отвечали: на беспокойных, менее беспокойных и спокойных. Л. Н. говорил, что нельзя определить границу между сумасшедшими и здоровыми. В Троицком больные более беспокойные, чем в Мещерском. Оттуда, чтобы у них можно было проводить более свободный режим, отдают самых беспокойных в Троицкое.

Л. Н. с Чертковым ходил сегодня в деревню Ивино за Мещерским, куда душевнобольные женщины из Мещерского отданы на домашнее попечение. Там виделся с двумя врачами. Они спрашивали Л. Н., не был ли он в Троицком, и предупреждали, чтобы туда не ходил. Там директор неприятный, а режим суровый, как в арестантском доме.

Л. Н., вернувшись, сказал:

— Я предпочту лучше в Троицкое.

Л. Н. рассказал о больных в Ивине. Женщины, с которыми он говорил, казались ему здоровыми: «Они здоровее нас».

Потом пришли туда два доктора. Они же пришли в 6 часов к нам в дом, принесли Л. Н-чу книгу Корсакова о душевных болезнях как подарок от врачей Мещерской больницы *¹.

На письмо Бобчева, председателя Славянского съезда в Софии (21—26 июля), зовущего Л. Н-ча на заседания, Л. Н. сперва поручил мне ответить, написав на конверте: «Душану. Единое благотворное — только религиозное». Я же попросил Л. Н., чтобы он сам ответил ².

Л. Н. сегодня утром продиктовал мне письмо Славянскому съезду в Софии, в ответ на приглашение его. И днем поправил.

19 июня. Л. Н. переправлял письмо к Славянскому съезду и сказал мне, что оно резкое, чтобы я его смягчил, но что он пишет откровенно, как думает.

Л. Н. до полудня несколько раз выходил на террасу поговорить с Александрой Львовной и Чертковым. Л. Н. говорил, что у него впереди работы, которые он откладывает, потому что не поспевает из-за все новых и новых работ.

— Так и хорошо, — заключил Л. Н.

Чертковы получили известие от М. А. Стаховича, что Столыпин разрешил им въезд в Тульскую губернию на время пребывания там его матери Елизаветы Ивановны. Сообщая это Л. Н-чу с огромной радостью, Чертков прибавил, что этому решению очень содействовали посе-

* Роковая книга по своим последствиям ². — Позднейшее примечание Маковицкого.

щения их Л. Н.-чем. Им стыдно подвергать Л. Н. неудобствам и опасностям путешествий.

Началом иного отношения к Черткову было разрешение приезда в Кочеты в мае. И он надеется, что скоро снимут все ограничения. Л. Н. не мог удержаться, чтобы не посмеяться над глупостью правительства: ограничивать людей, где им жить.

* Л. Н. о Троицкой больнице для душевнобольных, куда сегодня ходил с Чертковым и со мной. Принят был так почтительно, торжественно, как я никогда не видал. Персонал врачей, служащие и их семьи собрались у входа. Больница сияла чистотой. У всех радушно, радостное настроение, готовность услужить.

Л. Н.: Прекрасное учреждение. Во мне под конец женщины вызвали чувство жалости. Столько тяжелобольных в одном месте. Видно, что (врачи, сиделки) привыкли мягко обращаться, не удалось бы притворяться, тон нераздражительный взят.

Из разговора Л. Н. с С. Т. Кузиным в Троицком.

Один из докторов вставил:

— Но вы скажите, кто вы.

— Я — Петр Великий.

Л. Н. посмотрел на него и минуточку помолчал.

— Да, я Петр Великий... Вы считаете меня душевнобольным?

Л. Н.: Не считаю никого душевнобольным... Мне просто жалко, что вы говорите толково, умно, а теперь говорите неосновательно.

— Но вы не знаете консервативного правительства...

Л. Н.: Мы с вами не столкнемся. Злом делать добро нельзя.

Сергей Тимофеевич (Кузин) поблагодарил Л. Н. и попросил сделать что-то для него. Л. Н. ответил, что постарается.

Пошли толпой сниматься. Л. Н. и Сергей Тимофеевич стали за спинкой скамейки, около них сгруппировались почти все бывшие на прогулке больные. Снимал Чертков.

20 июня. Л. Н. в 8.30 вернулся с прогулки. В 10 я вошел к Л. Н., принес ему письма к индусу и польке¹ с отмеченными местами, которыми, по-моему, он мог бы воспользоваться в письме к Славянскому съезду в Софии. Л. Н. пил кофе и писал — был в самом разгаре работы. Писал новую художественную статью, которую вечером и прочел вслух**. Дети, в ней описанные, это Танечка, дочь Татьяны Львовны, прямо скопированная, и Ваня Михаила Львовича, у которого тоже есть сестра Таня, и описанное происшествие, действительно, было с ним.

Л. Н. потом вынес поправленное письмо к Славянскому съезду.

— Я его кончил совсем, можно отправить.

Через короткое время вынес Александре Львовне предисловие к «На каждый день» («Путь жизни»). Опять поправлял. Еще вынес в первом часу художественное.

Булгаков просил прочесть. Александра Львовна не дала, а то Л. Н., если узнает, может бросить.

В начале 2-го Л. Н. был занят соединением статьи о самоубийстве³. (Сегодня сколько литературно трудится!)

Потом прочел почту. В 3 часа поехал в Троицкую больницу на кинематографическое представление. С ним Александра Львовна, Чертков и молодежь. Отношение к нему публики, врачей, администрации больницы очень почтительное. Снимали его очень многие и очень много. Картинки в кинематографе: 1. Молодая вдова и врач, ребенок решает их судьбу. 2. Экспроприация. 3. Охота на летучих собак на Суматре и травля ра-

* Переписано 18 марта 1911 г.

** После озаглавил ее «Нечаянно»².

неной летучей собаки охотничьей. Ужасные картинки. И отвратительные нравственно. Л. Н-чу должно было быть жутко. Кроме того, показывали животных — интересные. Похороны Эдуарда VII — так себе.

Л. Н. в антрактах выходил в сад и, не дождавшись конца представления, уехал.

Л. Н.: Я к кинематографу получил отвращение. Скучно, быстрые движения. Они (троицкие) прислали нам программу, в ней — выезд из Ясной Поляны. Я просил Черткова написать им, чтобы это не пускали*.

С одной женщиной во время представления была истерика. Ее увели. Вернувшись в Отрадное, застал крестьян: 7—8 стариков, 30—40 баб и девок деревни Любучаны, подносящих Л. Н. хлеб-соль (т. е. яйца) и просивших: «Не будете ли так добры наше селение посетить?»

Когда старик подавал Л. Н. короб с яйцами, тот не брал, был нерешителен. Взял Чертков.

Л. Н. обещал:

— Приду к вам наверно.

Спрашивал их:

— Как у вас, на отруба выселяются?

— Нет.

— Ну, слава богу, это грех.

— Мы мало земельки имеем, в Москве живем, не больше пяти (мужиков) дома...

— А вы грамотны? И девочки? Книг вам дадим.

Л. Н. поговорил с ними минут шесть-восемь.

Приехал Соломахин с друзьями-рабочими, Бутурлин — с Г. М. Беркенгеймом, который посоветовал Александре Львовне и Анне Константиновне привить оспу и привил.

На втором этаже в коридоре Л. Н. встретил Беркенгейма и меня.

— Что же, Григорий Моисеевич, нужно привить?.. А не повредит?

— Немножко.

— Только немножко?

Тут вышла Александра Львовна из своей комнаты к нам. Л. Н. к ней:

— Ну... когда должно, делай.

По-моему, Л. Н. решил так быстро потому, что был усталый и, главное, не хотел расстраивать Александру Львовну, которая желала прививку и для которой прививка была доказательством, что Беркенгейм у нее не подозревает туберкулеза.

Л. Н. после обеда на веранде рассказал Бутурлину про «Учение о жизни»⁴. Бутурлину различие суеверия от соблазна не показалось точным, и он сказал, что раньше Л. Н. этого не делал.

Л. Н.: (Это) — как каждое различие — самовольное. Соблазн — то, что вовлекает в грех; суеверие — то, что удерживает в грехе.

Потом Л. Н. сказал, что будет читать вслух сперва доброе, а потом глупость. И прочел сперва.....**

Потом две сцены: разговор о растрате казенных денег (между супругами) и о съеденном мальчиком пироге няни (между детьми). Последнюю не мог читать из-за слез⁵. Почти с самого начала продолжал чтение — и очень хорошо — Булгаков.

Потом еще прочел сам Л. Н. письмо Славянскому съезду. Читая, не был доволен. Не гладко читалось, и были и ошибки переписчика. Когда прочел конец: «...побудила меня высказать то, что я высказал, моя вера в то, что та основа всеобщего религиозного единения, которая одна может, все более и более соединяя людей, вести их к свойственному им

* Этот абзац — позднейшая приписка Маковицкого. — *Ред.*

** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

благу, что эта основа будет принята прежде всех других народов христианского мира народами именно славянского племени», Бутурлин заметил:

— Последние строки сходятся с тем, что Герцен говорил. Он тоже так говорил, что его идеалы впервые будут осуществлены славянами⁶.

Л. Н. неохотно, как бы ему было стыдно и неловко, сказал:

— Это я не думаю. Это я из учтивости.

Разговор перешел на вегетарианство. Соломахин сказал о себе, что он природный вегетарианец. Бутурлин о детском приюте, где врачом Беркенгейм, — что иные дети не переносят молока, и их кормят клюквенным киселем и шпинатом, — и прекрасные результаты. В Японии, где не имеют коров, — детей, у которых умерли матери, кормят рисовым отваром. Солдаты, вернувшиеся из Маньчжурии, рассказывали, что там хотя коровы и имеются, но их употребляют как быков, для работы и перевозки, и иногда подковывают, но никогда не доят.

Л. Н. (Бутурлину, улыбаясь): Если мне расскажут доктора, что дети ходят вниз головой, я не поверю. Защитите свою науку. Ведь по науке говорят одни, что мясо есть полезно, другие — что вредно. Одни — что можно прививать оспу, другие — что нет. Как же это?

Бутурлин: Я не могу защищать науку. Эта наука, наверно, не настоящая. Я как кандидат, которого архиерей спросил на экзамене: «От кого исходит святой дух?» Он подумал и ответил: «А кто же его знает!»

Л. Н. расспрашивал Бутурлина про это дело (газеты шумят о нем), что его племянника отравили*.

Бутурлин говорил, что сомневается, чтобы оно так было. Но вместе с тем может быть, что и так: убийцу судят, держат его в тюрьме⁷.

Л. Н. разговорился про Трубецкого:

— Вот этот Трубецкой, скульптор, ужасный сторонник вегетарианства, сделал статуэтку гиены и человека и подписал: «Гиена ест трупы, а человек сам убивает...»

Л. Н. говорил еще:

— Трубецкой — совершенный ребенок... По-моему, он очень талантлив. Я равнодушен к памятникам... Я к скульптуре и картинам совершенно равнодушен, исключая Орлова... Какое искусство меня превораживает — музыка...

Чертков принес статуэтку — голову Л. Н. работы Аронсона⁸, — и спросил его мнения. Ему, Черткову, очень нравится. Л. Н. — нет.

Л. Н.: Мне кажется, что умственность преувеличена, выпуклый лоб.

Бутурлин посмотрел на нее и сказал:

— Никакого сходства с выражением лица Льва Николаевича в ней нет. А на ваших фотографиях, — обращаясь к Черткову, — есть.

Бутурлин спросил Л. Н. про художника Мешкова. Л. Н. не вспомнил его.

Бутурлин: Мешков очень дикий, необразованный, ни одной книги не читал.

Л. Н. сказал на это, что это хорошо:

— И Трубецкой не читает. А он умный, милый. Только одно у него нехорошо: с женой голый ходит (купаться).

Чертков: Он давал Тапселю проявлять негативы жены в воде; хотел посмотреть Белинский, он любопытный, но тот не дал ему.

Л. Н.: Чувство стыда — это такое ограждение себя. И не дорожить им!.. Человеку одежда закрывает то, что «плотское», и открывает то, что одухотворенное. У меня отвращение к оголенному телу.

* Этот абзац вписан Маковидским позднее. — *Ред.*

Л. Н. говорил, что у Трубецкого есть еще один дефект — что, по его мнению, животные лучше человека:

— Я ему говорил, что у человека есть высший идеал.

Соломахин читал сегодня «Записки лакея» Адриана Новикова, часть вторую, переписанную на ремингтоне.

Л. Н. хвалил их, говоря, что детство в первой части хорошо. Как в подпаски ходил. А там, где описывает пережитое лакеем, уже преувеличено.

Говорили про кинематограф, как вид похорон Эдуарда VII взволновал душевнобольных. Александра Львовна осуждала.

Л. Н.: Думаю, что кинематограф расстраивает больных.

Л. Н. ходил в больницу для душевнобольных, по-моему, для того, чтобы внушить врачам гуманное отношение к больным и чтобы возбудить к ним сочувствие и серьезный интерес не только врачей и других служащих, но и общества.

В Мещерском только лечат, а в Троицком нужно еще узнать, болен ли привезенный больной, не притворяется ли, т. к. туда привозят большей частью политических и других преданных суду.

Л. Н.: Они (врачи) вызывают больных на сумасшествие, беседуя с ними о том, на чем они помешались, когда больные говорят об ином.

Кто-то рассказывал, что в Нью-Йорке было состязание борцов, а так как этот спорт там очень развит, происходило нечто невероятное, сто тысяч публики. Негр победил белого. Стали избивать негров.

Л. Н.: Это Wasser auf meine Mühle*. Сумасшествие стотысячной толпы.

21 июня. Утром приехал А. Я. Григорьев, скопец. Л. Н. после обеда разговаривал с ним; на террасе присутствовали Бутурлин, Чертков, Анна Константиновна, Алеша Сергеенко, который записывал; потом сменила его Александра Львовна и стенографировала, и еще Лева Сергеенко, М. П. Балакин. Разговор был очень серьезный, хороший. Григорьев — искренно убежденный, очень умный, твердый человек. Я пришел во время разговора и после того, как Григорьев уже прочел ихние песни. И показал книгу, по которой пел или читал: «Поэзия и проза сибирских скопцов. Издал Меньшенин. Томск, 1904. Тов. скоропечатни Левенсона. 3 р.»

** Григорьев*** прочел вслух стихи о матушке Акулине Ивановне из книги «Поэзия и проза сибирских скопцов». Еще читал и другие стихи и рассказывал про возникновение скопческой веры. Яков Бёме был, по-ихнему, скопцом. Говорили про русских высокопоставленных лиц — скопцов XVIII века, про книги, которые он читал. Говорил просто, выразительно, с одушевлением и полной верой в них и в то, что скопческое учение учит.

Л. Н. был очень заинтересован тем, что рассказывал, утверждал Григорьев, говоривший вполне убежденно. Л. И. как раз эту эпоху и этих лиц хорошо знает. Он когда-то хотел написать рассказ про старца Федора Кузмича****.

Л. Н. заметил:

— Портрет Селиванова есть у Шильдера, но в тексте ни слова о нем².

Григорьев: У нас вполне в ходу, что Александр в виде старца Федора Кузмича продолжал жить в Сибири, а вы в это не верите.

* Вода на мою мельницу (нем.).

** Семь следующих абзацев — позднейшая запись Маковицкого. — Ред.

*** Из очень длительной, интересной беседы в Мещерском Л. Н. с Григорьевым, происходившей на веранде в жаркое время, полудни.

**** Его портрет до 1908 г. был у него на полке¹.

Л. Н.: А как же он подменился?

Григорьев: Я вам это расскажу. Это интересно.— И рассказал.

Л. Н.: Странно! Приписывание важности положению высокопоставленных лиц в религиозном.

Бутурлин спрашивал Григорьева, соблюдают ли власти против них закон о свободе совести. Григорьев сказал, что он по этому закону и возвращен.

— А если теперь станете собираться, вас не разгонят?

— Разгонят.

— Сколько вас?

— В Якутской области было до 3 000.

— Всех, и женщин?

— Одних мужчин 3 000. Женщин немного меньше.

Л. Н. спросил о его хозяйственном положении. *А. Я. Григорьев* живет у брата. Последний рубль тратит на книги и поездки, как эта, ничего не копит.

Л. Н.: А на старости лет?

Григорьев: Придется и руку протянуть. Так что же?

Л. Н.: Это хорошо, самое лучшее.

Григорьев говорил, что всякой нужды видал. В Сибири 11 лет в работниках жил.

Л. Н.: У кого?

Григорьев: У своего (скопца). Мы у мирских не живем.

Бутурлин спросил его, откуда произошло скопчество.

Григорьев рассказал историю Якова Бёме, который был скопцом, и его ученика Кульмана, переселившегося в Москву и там сожженного.

В этот день приехал Бутурлин и уехал Орленев (актер). *Л. Н.* был в Троицкой больнице душевнобольных на кинематографическом представлении.

Получено и прочтено вслух письмо отказавшегося Платонова³. С Орленевым *Л. Н.* говорил про состояние кинематографа.

Чертков: Такое громадное количество представлений кинематографических, и большей частью порнографические и сентиментальные.

Орленев: Если бы запретили!

В Отрадном *Л. Н.* хотел сойти по наружной лестнице с балкона вниз. Илья Васильевич остановил его словами: «Этот номер не пройдет». *Л. Н.* по поводу этого искусственного выражения сказал:

— У Куприна этот исковерканный язык жаргонный — он таким владеет — и образный.

22 июня*. Сегодня телеграмма, подписанная Варварой Михайловной⁴, что Софья Андреевна нервно расстроена, жар у нее, зовет *Л. Н.* домой. *Чертков* отослал ответ (не знаю, кем подписанный), что *Л. Н.* сегодня неудобно уехать (ждали на завтра Эрденко — кроме Молочникова, который сегодня приехал), еще кого-то, кому *Чертковым* назначено свидание с *Л. Н.* «в очереди». Ради них *Л. Н.* остался.

Были три доктора из Троицкого: Шафранов, Сотин и Зайцев, чтобы поблагодарить *Л. Н.* за посещение их заведения.

Вечером *Ф. А. Страхов* читал свое сочинение о *Л. Н.*² Мне казалось, что *Л. Н.* было скучно и раздражало его, и он не вслушивался. Но из приличия, чтобы показать свою заинтересованность, возражал Григорьеву.

Григорьев заговорил с *Л. Н.* об Евангелии.

Л. Н.: Как я страстно любил Евангелие, так я <теперь> прямо не люблю его, потому что в нем напиханы противоречия...— *Л. Н.* заговорил

* Следующие четыре абзаца переписаны 18 марта 1911 г.— *Ред.*

ПОСЕЩЕНИЕ ТОЛСТЫМ ПАТРОНАЖА ДЛЯ СПОКОЙНЫХ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХ
БОЛЬНЫХ ПОКРОВСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

Толстой разговаривает с крестьянским писателем С. Т. Кузиным. Рядом стоит врач Покровской больницы В. И. Кувчанский; на бревнах сидят: больная (слева) и дочь Кузина Анна
Деревня Ивино, 18 июня 1910 г.

Фотография В. Г. Черткова

«Л. Н. с Чертковым ходил сегодня в деревню Ивино за Мещерским, куда душевнобольные женщины из Мещерского отданы на домашнее попечение». — Запись от 18 июня 1910 г.

о Ведах, потом продолжал: — Потому что Евангелие есть и Будда и Лаотзе, и Конфуций и Шопенгауэр.

Чертков: Я думаю, что наше отношение к Евангелию происходит оттого, что мы с детства привыкли...

Л. Н.: Для меня суть Евангелия остается очень дорога, важна. Если я читаю Веды, нахожу тут чепуху рядом с высоким, то эту чепуху я совершенно спокойно откидываю, а в Евангелии каждому слову приписывается важность.

Григорьев спросил Страхова, кого он подразумевает под новыми христианами.

Страхов: Наш кружок, я отвечаю в этой статье против нападок на нас.

Л. Н.: Мирясь с частичным исполнением христианства, не мириться с частичным его принятием. Григорьев видит, что в нас мало веры, мало строгости и много рассуждений.

Чертков: Заменить христианство совершенством. Христианство нам показало этот идеал, так что христианство совпадает с совершенством.

Прочли из Евангелий, и из «Перевода и соединения четырех Евангелий», и из «Учения Христа для детей».

Григорьев: Это для простого человека очень многосложно.

Л. Н.: Ах, вчера свидание с молодым малым! Этому только семена забросить: он готовый.

Л. Н. сегодня пошел и потом поехал с мужиком в Любучаны и говорил с двумя душевнобольными. Увидел и позвал его тамошний фабрикант и показал ему фабрику.

ТОЛСТОЙ СРЕДИ БОЛЬНЫХ И ВРАЧЕЙ ТРОИЦКОЙ ОКРУЖНОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

Толстой разговаривает с больным, считающим себя Петром Великим. Справа от него — Маковицкий и врач Сотин; в первом ряду (2-й справа) врач Каменский Мещерское, 19 июня 1910 г.

Фотография В. Г. Черткова

«...Л. Н. о Троицкой больницы для душевнобольных, куда сегодня ходил с Чертковым и семейной...: «Прекрасное учреждение». — Запись от 19 июня 1910 г.

Л. Н.: Этот фабрикант — старообрядец, и я на старости лет считал должным говорить что-то неважное, и сказал, что удивляюсь на это старообрядчество. В наше время удивительно верить, что бог сотворил мир, что Христос улетел в небо, что (он) — Спаситель... «А вы как крест складываете?»

— А надо было спросить: «Знаете ли вы, как надо жить? — сказал он. — А пока этого не знаете, ничего нельзя изучать».

Л. Н.: Все большая и большая строгость к себе, и оттого все большее и большее удовлетворение.

Л. Н. вчера говорил с Любой и Алей Страховыми о стихах.

23 июня. Л. Н. утром ходил с телеграммой Софье Андреевне в Мещерское на почту. Софья Андреевна заболела истероневрастенией и от имени Варвары Михайловны посылала тревожные телеграммы Л. Н., вызывая его домой¹. Сама подписывала имя Варвары Михайловны под телеграммами. Сегодня Л. Н. побеседовал с Молочниковым, Григорьевым.

Приехал скрипач Эрденко с женой. Пополудни в час Л. Н. прочел вслух в своей комнате статью, которую незадолго до того начал писать². Присутствовали Александра Львовна, Чертков, Булгаков, Страхов, Молочников и я. Страхов и Молочников стали о статье рассуждать, критиковать, Молочников принялся записывать, что Л. Н. неприятно; может ее и бросить из-за этой публичности.

С 1.45 до 3 ч. концерт Эрденко. Л. Н. выражал удовольствие, хвалил музыку:

— Никогда так не наслаждался. (Но) мне не понравилась «Колыбельная» Чайковского.

Внимание Л. Н. было в то время занято другим. Телеграммы, требования Софьи Андреевны, ее болезни его угнетали. Около полудня от нее ответ, чтобы сегодня приехал³. А Л. Н. хотел пробыть до послезавтра.

Отчего уехал, к тому и придет. В 4.30 выехали от Чертковых, провозжали Владимир Григорьевич и Алеша. Ехали с Л. Н. Александра Львовна, Булгаков и я; Молочников, Страхов, Эрденко ехали к себе.

На станции к Л. Н. приставали двое пьяных. В вагоне его не беспокоили. Только в Туле приставали с автографами. Л. Н. подписал десятки. Наконец, отказал. И один, написавший книгу с научными доказательствами существования бога, просил разрешить послать ее для отзыва. Л. Н. отказался: «Некогда», — и прибавил, что если бы он все читал, что ему присылают, то весь день уходил бы на это.

Поезд шел довольно быстро — из Столбовой в Засеку с 5.30 до 9.50.

Дома Софья Андреевна, Варвара Михайловна, Н. Н. Ге. Софья Андреевна в комнате у себя в продолжение дня была спокойна, только, когда получила от Л. Н. телеграмму и писала ответ, у нее были припадки. Не могла перенести, что Л. Н-чу, как он пишет, хорошо (и тут хорошо, и дома хорошо), что он ее не зовет. Ревновала его к Черткову, завидовала, что его встречают, как царя (Александра Львовна писала так в письме к Варваре Михайловне). Говорила Варваре Михайловне, что больше не пустит Л. Н. ни на шаг от себя, что будет за ним ездить, если он поедет в Телятинки, и заходить к нему в кабинет, если там будет Чертков. Написала телеграмму — и только Варвара Михайловна удержала ее от отправления — Андрею Львовичу, в которой она просила его, чтоб убил Черткова, чтобы мстил им за ее смерть⁴, и, держа в руках стеклянку с опиумом, грозилась его выпить. Она написала в «Русское слово» статью о том, почему кончает самоубийством.

Л. Н. зашел к ней; она начала плакать, рыдать, всхлипывать, падать в обморок, и так полтора часа. Когда немного успокоилась, Л. Н. вышел. Вошла Александра Львовна. При ней то же самое. В час легли спать. Л. Н., выйдя от нее, сказал:

— Тут примешана грубейшая ревность к Черткову. Бог знает что: что я к нему чувствую половую страсть.

24 июня. Л. Н. ездил верхом, посетителей не было. Софья Андреевна успокоилась. Было хорошо, что я вчера не входил к ней, что не прибегли ни к каким приемам лечения, что она разговаривала с одним Л. Н., после коротко поговорила с Александрой Львовной. И Л. Н. и Александра Львовна обращали ее внимание на то, что причина ее болезни — в ней самой и лечить себя следует собственной волей, а не лекарствами.

Вечером был С. Д. Николаев. Ему и Н. Н. Ге Л. Н-ч рассказал про пребывание в Мещерском.

25 июня. Сегодня Софья Андреевна продолжала вчерашнюю попытку Л. Н. и себя. Сидела одна в зале, а когда к ней пришел Л. Н., встала и упала: жаловалась, что ушибла себе колено, а потом убежала; в чуланчике при ее комнате упала на колени, поднесла ко рту пузырек со 100 граммами настойки опия. Л. Н-чу сказала, что только немного отпила. Александра Львовна угрожала тем, что вызовет Татьяну Львовну. Этого Софья Андреевна не хотела и просила не телеграфировать. Александра Львовна обещала, но только если она успокоится. Софья Андреевна не отходила от Л. Н. и садилась позади него.

26 июня. После завтрака Л. Н. посидел на террасе, где были М. А. Шмидт, Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михай-

ловна, Булгаков, Белинький и я. Л. Н. говорил, что утром пошел к Сутковому, который с сестрой временно поселился у Анисьи Копыловой в сарае, и они работают в деревне. Не застал их — ушли к Булыгиным. О них крестьяне хорошо отзываются. Как они хорошо умеют работать!

Белинький рассказал, что Сутковой говорил о самарских добролюбовцах — что среди них есть безграмотные, но очень развитые духовно; что он, Сутковой, против них — ребенок. Среди них живет и Колесниченко. Сутковой читал его письма, в них есть мистическое. По поводу мистицизма в добролюбовском движении Л. Н. неодобрительно отзывался. Добролюбов ушел в Среднюю Азию, Семенов тоже удалился куда-то в уединение. О Добролюбове рассказывают такой факт. Где-то в Сибири копали колодезь. После узнали, что он нужен для военных целей. Добролюбов приказал сжечь деньги, полученные за эту работу.

Л. Н. о подробностях, рассказанных Сутковым. Об их мистицизме — что это ему неинтересно, что это запутывание; что надо, чтобы истины были тверды, просты и ясны, как $2 \times 2 = 4$. Мистицизм только мешает и выделяет одних людей из прочих.

Уехала М. А. Шмидт. Сегодня приехала А. К. Черткова. Л. Н. полудни ездил верхом со мной чаще между садом и Воронкой. Трудное для езды место. Тропинка заросла, и Л. Н. приходилось нагибаться то вправо, то влево под ветви деревьев.

Софья Андреевна то спокойная, то начинает пилить Л. Н. Сегодня — за дневники последних десяти лет, за то, что их взял Чертков. Второе — что в новой тетради дневника, которую Л. Н. начал писать в Отрадном, нашла слова «С С. борюсь любовью»¹, и начала придираться к слову «борюсь», называть Черткова разлучником и настаивать на том, чтобы Л. Н. с ней уехал. Еще придиралась к словам Л. Н., которые он ей сказал месяц тому назад, тогда, когда она ушла из дому и экипаж догнал ее на Козловке. Л. Н. тогда просил ее отпустить черкеса, землю отдать в аренду крестьянам, а Софья Андреевна хотела отнять и часть той земли, которую они третий год арендуют. Л. Н. сказал, что ему тяжело жить в обстановке Ясной Поляны (черкес, хозяйство, роскошь, просители...) и готов уехать на Кавказ, в Крым, Париж, Одоев. Софья Андреевна теперь настаивает, чтоб они оба ушли из дому и от хозяйства и вдвоем наняли угол в избе в Рудакове или Одоеве. Л. Н. принимает эти ее слова и настояния за признаки сумасшествия и серьезно опасается за нее².

Александра Львовна вызвала срочной телеграммой Татьяну Львовну. Вечером был Гольденвейзер. Л. Н., чтобы отдохнуть, пошел погулять. Софья Андреевна пошла с ним.

Так как Софья Андреевна не ложилась в своей комнате, а осталась в зале (до 5 часов утра), я, не раздеваясь, лег в гостиной.

Из сегодняшних разговоров Л. Н.:

— Читаю Чернышевского, очень интересно. У него была мания величия: «Дарвин, Шопенгауэр — дураки». Впрочем, это он пишет в интимных письмах сыновьям, которые... — Тут Л. Н. пожалел, что печатают их³. — «Но» он умный был человек. Я его не любил. Мне он был неприятен.

Я показал Л. Н. адрес Всеславянского общества «Славия» (Москва) — Славянскому съезду в Софии. Там Герцен назван панславистом-социалистом и приведены цитаты из него. Я спросил, можно ли назвать его социалистом.

Л. Н.: Да.

— А панславистом?

Л. Н.: Почему нет? так, как меня.

— Герцен боролся со славянофилами.

Л. Н.: Славянофилы связали свои идеи с государством. Россия должна стать первой во главе государств. Нынешние панслависты стремятся к единению родственных народов, а не к подчинению чужих (по крайней мере, хоть этого не имеют, поэтому они лучше). Впрочем, к единению не всех славянских народов, некоторые поляков исключают.

— Они сами исключают себя.

27 июня. Л. Н. почти совсем не спал, рано встал; Софья Андреевна встала в 9. Тиха и грустна, писала до часу. Потом стала негодовать из-за дневников на Черткова. Если Л. Н. помрет, то она потребует оригиналы дневников 1900—1910 гг., которые взял Чертков. Л. Н. и не знает, когда и как взяты. Так говорит Софья Андреевна, будто бы передавая слова Л. Н. Потом стала настаивать на том, чтобы Л. Н-чу вместе с ней завтра уехать к Сергею Львовичу в Никольское на его именины. Л. Н. обещал. Софья Андреевна хочет только на два дня, а раньше говорила — на шесть дней; хочет уехать, во-первых, чтобы самой не видеть и не сталкиваться с Чертковым (в нем мнит дьявольскую силу); во-вторых, чтобы Л. Н. не мог с ним быть, ревнует его. Ей хочется побыть в Никольском наедине с Л. Н.

Александра Львовна ужасно взволнована и озлоблена на мать за отца, не хочет его одного с ней пускать, чтобы она его не мучила, поэтому поедет и она. Она того мнения, что к Софье Андреевне надо строго относиться, не уступать ей. Вызвала Татьяну Львовну, но получила ответ: не приедет, нездоровится¹. И ее это еще больше взволновало; задыхается от кашля, от разговора, хождения, бегания, пульс 124.

С Л. Н. пополудни поблуждали по Засеке, более 20 верст проехали.

Вечером Гольденвейзер и Булгаков с известием, что Чертков приехал к матери.

Когда они ушли, Л. Н. написал открытку М. С. Сухотину, прося его посоветовать хорошего адвоката багтыевским крестьянам, покупающим землю².

Л. Н. сегодня писал о самоубийствах, дополняя драму³. Вечером написал письмоцо Черткову⁴.

* 28 июня. Утром Софья Андреевна колебалась, ехать ли к Сергею Львовичу на именины, и одной ли или с Л. Н-чем. Л. Н. обещал ей и сегодня утром решил ехать. Приехал Владимир Григорьевич. У него страдающее выражение лица. Послал Софье Андреевне доброе письмо¹, и, когда она ему не ответила, попросил о свидании с ней. Софья Андреевна не захотела; сказала, что может выйти неприятная сцена, которая огорчит Л. Н-ча. Л. Н. вышел к Владимиру Григорьевичу и гулял с ним, пошел вперед на железнодорожную станцию, но вместо Засеки — на Ясенки. В конце деревни спохватился и скорым шагом, к конюшне, в гору, спеша, вернулись, там сели с Владимиром Григорьевичем в его экипаж и у столбов догнали коляску, на которой ехала Софья Андреевна.

По-моему, Л. Н. едет в Никольское потому, что, во-первых, предполагает, что там Софья Андреевна успокоится; во-вторых, чтобы удовлетворить ее каприз; в-третьих, Л. Н. самому хочется покоя (особенно после таких отравленных ему Софьей Андреевной дней), а покоя в первые дни после приезда Черткова в Ясной не будет, особенно в присутствии Софьи Андреевны; в-четвертых, ему хочется еще видеть Никольское, где бывал у брата Николая, а также после его смерти (ездил и с семьей).

Мы выехали со ст. Засека: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Н. Н. Ге и я. В Сергиевском присоединился Ф. И. Гаярин. В Засеке сел на поезд Буланже, ехавший к заболевшему отцу. В Засеке захватили почту. Л. Н. в вагоне прочел и исполнил ее². Л. Н.

* Переписано позднее.— *Ред.*

был озабочен; на станциях выходил гулять, уходил подальше от перрона — туда, где поменьше народу. Его все узнавали и почтительно относились к нему. Софья Андреевна выходила вслед за Л. Н. и, повиснув у него на руке, вместе с ним гуляла. На одной станции пришлось Л. Н. вынести тяжелую сцену: в Мценске Александра Львовна, Ге и Гагарин слезли и наняли себе лошадей в Никольское. Мы ехали до ст. Бастыево, где нас должны были ожидать лошади Сергея Львовича. Софья Андреевна вчера поздно вечером телеграфировала. Но лошадей не оказалось. Начальник станции телеграмму Сергею Львовичу не доставил. Софья Андреевна наговорила ему неприятных вещей, погрозила, что это не пройдет ему даром, сказала, кто она, кто Л. Н.-ч. Л. Н.-чу были ужасно тяжелы злоба и крик Софьи Андреевны, и смущение, и оправдание начальника (ночью не мог найти посыльного; впрочем, он по закону и не обязан доставлять). Начальник попытался найти человека, который отправился в Никольское за лошадьми.

Софья Андреевна волновалась. Все повторяла, негодуя, что напрасно приходится столько времени ждать, что скучно. Л. Н. успокаивал ее, говорил, что ничего, можно подождать, и он был совсем спокоен. Заговорил с артельными рабочими железнодорожного пути; они — крестьяне соседних деревень; расспросил их обо всем; получают в месяц 15 р., проживают на харчи 4; работа, говорили, тяжелая. В их артии из 13 человек оказалось 7 грамотных; один из них, приятный, любознательный, лет 22-х, читал «О жизни», «На каждый день» и др. сочинения Л. Н. Стояли кучей у здания станции и около 45 минут беседовали. Л. Н. было интересно с ними, заметны у них, особенно у троих, живой интерес, жажда просвещения, желание не пить. Л. Н. беседовал с ними, главное, о земле. Софья Андреевна отозвала его чай пить. Попив чаю, Л. Н. расспросил дорогу и, позвав с собой подростка, сына сторожихи, поставившей самовар (С. А. заплатила ей рубль), сказал, что пойдет вперед. День был ясный, жаркий.

Через три с половиной часа подкатила бричка в дышлах парой и вернулся подросток. Л. Н. послал его обратно — сказать, где его догнать.

Софья Андреевна ужасно волновалась, что Л. Н. заблудится. Приехали на перекресток. Кучер хотел взять влево, ближайшей дорогой; мальчик показывал вправо, куда пошел Л. Н.; хотя обе дороги сходятся, все-таки Софья Андреевна волновалась. Наконец, догнали Л. Н., шедшего себе преспокойно и совсем не утомленного.

В 13 верстах от Бастыева — Никольское. Софья Андреевна вспоминала, когда и как ездил с Л. Н. сюда. Л. Н. рассказал в Никольском, что с самым большим удовольствием разговаривал с ремонтщиками (на бастыевской станции). «Они мои книги читали. Крестьяне эти, рабочие, мне рассказывали про великого князя Михаила Александровича, брата царя Николая Александровича, орловского помещика, что он всех (просителей) принимает, за народ стоит».

Сергей Львович рассказывал, как ходили к Михаилу Александровичу окрестные крестьяне просить, чтобы он приказал их помещице продать им землю. «Я не могу этого ей приказывать. Впрочем, через шесть лет барам конец будет», — как говорят крестьяне, был его ответ.

— Там крестьяне бедные, воры, пьяницы. Овраги, малоземелье. Но хоть бы ту землю, какая у них есть, лучше обрабатывали, овраги закрепили бы, плотину построили бы. Нужна помощь земства на обсеменение, — говорил Сергей Львович.

Л. Н. ответил на это:

— Какая у крестьян жизнь напряженная! С утра до ночи и с рождения до смерти работают. Когда есть время — пьют. Я бы тоже так делал.

(Л. Н. еще сказал, что за столом человек-лакей — мужик в рубашке — прислуживает, а другие сено возят. Стыдно.)

Сергей Львович (когда Л. Н. ушел и остались Н. Н. Ге, Орлов, Гаярин) вел разговор о том, как крестьяне неумело ведут хозяйство. Как культура земли понизилась бы, если бы не было помещичьих экономий (садов и т. д.). Это он говорил в оправдание себе — почему держит землю, почему не отдает или не продает ее крестьянам.

— Русские помещики уже чувствуют несправедливость владения землей, австрийские, германские — нет, — говорил он.

Красиво в Никольском: церковь, река, большая деревня улицей в гору, лес, сад, огороды, парк. Маленький дом, в котором жил Н. Н. Толстой, сломали или сгорел (?). Одни печи стоят. К жилому дому пристраивают крыло в два этажа.

Л. Н., услышав, что здесь живет древний, ста лет, старик-дьячок, пошел к нему. Сел с ним на скамейку перед его домом и беседовал. Ему нужно учиться у всех простых, не читающих книг и газет людей, они сами, своим разумом, рассуждают.

От дьячка пошел на ту сторону реки в деревню. Широкая улица. Травники перед избами. Куча ребятишек, детей.

— Вот дедушка идет! — крикнул один из кучи, и ребятишки побежали за Л. Н. Он медленно шел в гору и с ними разговаривал. Зашел и к Орловым (дочь Н. В. Орлова здесь учительницей).

Вернувшись, рассказал, что дьячку не 100, а 91 год, вычислили по тому, когда отец (Л. Н.-ча) церковь строил.

Л. Н.: Как мы на лавочке сидели, два старика, рядом. Лавочку (скамейку) нам вынесли. Фотографу не было. «Плохо слышу, и стоять и петь в церкви не могу, а дома в то время пою сам, когда идет обедня», — говорил дьячок.

Сергей Львович был именинник.

Вечером пришла мананки³ петь и плясать перед верандой. Очень мило, красиво. Л. Н. сходил посмотреть. Племянница Софьи Андреевны, Берс, с ними в хороводах ходила. Один старик, Н. В. Орлов и я тоже плясали под песни:

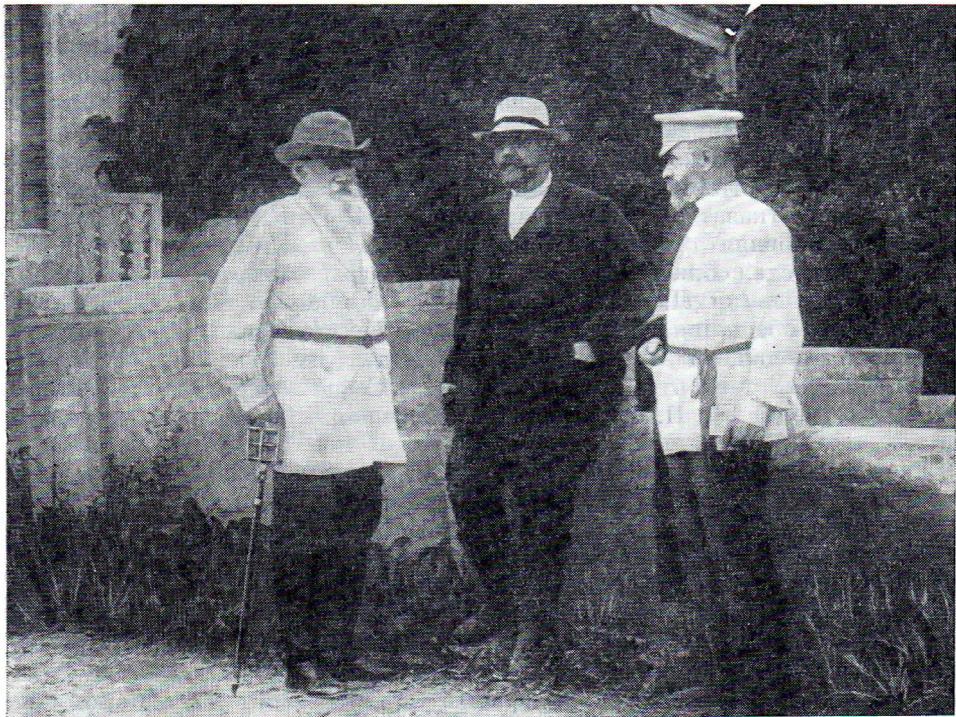
Я березу о березу ломала,
А кудрявую заламливала.
А дули да и дули, дули, дули да.

Вечер был теплый, тихий. Было как-то особенно на душе радостно.

Л. Н. сегодня успел и поработать, и поспать, и с нами подольше побыть.

29 июня. Л. Н. утром ходил в деревню Никольское, прошел ее всю, останавливаясь и разговаривая. Пополудни все пошли в лес. В 4.30 выехали на станцию: Л. Н., Софья Андреевна и я на бричке в дышлах парой. Проезжая мимо домиков деревни Никольское, Л. Н. сказал что-то сочувственное про никольских крестьян и спросил меня: «Помните: «Край родной, край долготерпенья?»⁴». И слезы выступили у него на глазах, дальше не мог говорить.

30 июня. Л. Н. спал до 10 часов. Пошел гулять, покачивался на ходу от слабости, вернулся. В час пришел к нему душевно расстроенный Репин из Ташкента, общинник. Жена его привезла, потому что он надеется — как увидит Л. Н., успокоится, и потом сможет жить где угодно. Л. Н. побеседовал с ним на террасе, не нашел у него душевной болезни, только ограниченность. Вечером Л. Н., прихворнув, прилег на кровать. Были Гольденвейзер, Сутковой, Чертков в возбужденном состоянии. Софья Андреевна не выходила из комнаты Л. Н. во время этих посещений.

ТОЛСТОЙ, В. Г. ЧЕРТКОВ И МАКОВИЦКИЙ

Отрадное, 12—23 июня 1910 г.

Фотография Т. Тапселя

В вагоне Софья Андреевна сделала сцену, что кондуктор не дал сразу же свободного отделения второго класса. (Не было.) В Засеке было то же — за то, что вагон, из которого ей пришлось вылезать, остановился на мосту. Л. Н. приехал в Ясную усталый.

1 июля. Л. Н. встал в 8.30, слаб. Утром семь нищих. Л. Н. иногда тяготится ими; когда выходит гулять, они обступают его, некоторые требуют особенного внимания к себе, просят пристроить их к месту, дать на проезд и т. п. Обыкновенно подаем им перед выходом Л. Н. Сегодня не подали, оставили это Л. Н.-чу. Л. Н. не только за деньгами возвращался, но и за книжками для них заходил в мою комнату. Из-за этого было мне потом совестно. Пополудни Л. Н. не выходил, ждал, что Чертков придет. Мне, зная это, следовало пойти за Чертковым, привести его, но я не догадался.

Л. Н. видел пражскую газету «Union», издаваемую в чешском духе на немецком языке, и в ней перевод своего письма к Славянскому конгрессу в Софии с заметкой от редакции¹.

— Желал бы возразить, — сказал Л. Н. — Возражать легко, но надо издалека.

Еще говорил о полученной им книжке «La politique de l'avenir prochain» par le d-r J. Pollak, président de la Société polonaise des Amis de la Paix² (по поводу юбилея Грюнвальдского сражения).

Софья Андреевна опять нападала на Л. Н. и добила того, что он ей обещал дневники. Но потом сказал Александре Львовне, что возьмет обратно свое обещание.

Барвара Михайловна ужасно погорячилась за то, что Л. Н. уступил; она не может терпеть слабость (мужчин-тряпок); ей начинает импонировать своей энергией Софья Андреевна. Огорчена тем, что придется перестать писать свои Записки³: на что они, когда и Л. Н. и Чертков уступают Софье Андреевне.

После обеда Александра Львовна с Варварой Михайловной ушли, позвали и меня, чтобы оставить Л. Н. наедине с Софьей Андреевной и чтобы он мог отказаться отдать ей дневники. Но Л. Н., наверно по слабости, не возобновлял разговора об этом.

Вчера приехал Владимир Григорьевич. Софья Андреевна у него потребовала дневники Л. Н. (1900—1910). Он обещал. Она потребовала письменного обещания. Владимир Григорьевич отказался сразу отдать дневники, но дал ей записку⁴, что возвратит их Л. Н.-чу, когда вычеркнет из них, что нужно (т. е. места о Софье Андреевне, писанные в сердцах, когда Л. Н. не сдерживал досады, и которые ее огорчили бы)⁵.

Разумеется, что раньше, чем вычеркнуть, Чертков сфотографирует их. Чертков с Софьей Андреевной уединились в кабинете Л. Н. В это время Л. Н. сидел в зале с нами. Было слышно: спорили. Когда Софья Андреевна заговорила, что дневники ей нужны для успокоения, что она больна, Чертков ответил, что она симулировала и симулирует болезнь и что многие симулируют, теряя до такой степени меру, что от симуляции и умирают. Чертков сказал Софье Андреевне, как она мучает Л. Н. и что если бы у него была такая жена, он застрелился бы или уехал в Америку. Потом Софья Андреевна перешла на ласковый тон, они помирились и разошлись, казалось бы, в дружбе. Чертков поцеловал руку Софье Андреевне и простился, уехал раньше, чем ожидали. Всем нам было тяжело от фальши, лжи. Софья Андреевна, взволнованная, села к круглому столу, взялась за какую-то работу и, обращаясь к Михаилу Львовичу (он приехал в этот вечер), громила Черткова, рассказывала, какой он человек: сказал ей, что мог бы напакостить ей (Софья Андреевна сказала: семье), если бы ее обличил⁶: это (на свою мельницу) Софья Андреевна вынесла из всего разговора; в этом освещении передавала его Михаилу Львовичу, добавив, что надо искать в ней то, что есть доброго, а не злое.

Софья Андреевна уверяет, что дневники ей нужны для ее мемуаров («История моей жизни») ⁷. Но это не вполне правда. Она дошла в «Истории моей жизни» до начала 90-х годов, а дневники, которые требует, — 1900—1910 гг.

Софья Андреевна теперь просматривает (ревизует) бумаги и Л. Н., и барышен, и в чертковских ящиках в моей комнате (ночью, когда я спал в гостиной, дней пять тому назад). Жаловалась, что Л. Н. все спрятал, замкнул на ключ, когда уезжал в Никольское, или что он все с собой взял. Это правда, что Л. Н. все прячет от нее. Когда ехали в Никольское, дневник мне отдал. В Кочеты брал с собой деньги, 300 р., которые у него есть*. Когда уходит гулять или кататься верхом, рукописи, письма свои и некоторые письма к нему прячет или берет с собой.

Л. Н. читал «Психиатрию»⁸, и это чтение подействовало на него так, что он решил взять дневники от Черткова и отдать их в банк. Он из учебника психиатрии вычитал, что такое поведение Софьи Андреевны присуще психически больным.

2 июля**. Александра Львовна говорила с матерью. Все высказала ей в глаза.

* Л. Н. держал эти деньги наличными у себя, вероятно, потому, что помышлял об уходе.

** Переписано 15 марта 1911 г.

Александра Львовна передала слова Л. Н.: «Есть вещи, которыми я не поступлюсь». А через час он обещал Софье Андреевне взять дневники от Черткова и положить в банк. То же будет и с завещанием. Она напишет его и от него выманит подпись.

3 июля. Суббота *. Л. Н. получил письмо от Хирьякова. Л. Н. сказал:

— Мне не нравится. Для него самопознание есть копание в себе, а не то самопознание, о котором говорит Сократ.

Рано утром приехала Е. Е. Горбунова известить Марию Александровну и Ивана Ивановича, ночевавших у нас, что ночью, в час, у них был пожар. Загорелось у Марии Александровны между сениями и закутом. От треска проснулась Репина, спавшая в сарае; вышла и разбудила старушку Анну Григорьевну, спавшую у Марии Александровны. Та вывела корову, и больше ничего вынести нельзя было ¹. Рукописи, книги, маслобойка, машина для стирки, постель, платье, 53 р. денег Репина — все сгорело. Загорелся и дом, в котором жили Горбуновы, и тоже сгорел. Мария Александровна погрузила, поплакала и успокоилась.

Вечер. Л. Н. играет в шахматы с Гольденвейзером.

Л. Н.: Какая неосновательная психиатрия! Нынче я много говорил с Репиным, то есть он говорил, я слушал. Главная черта сумасшедших — самоуверенность. Но это натурально — между людьми много самоуверенных. Сначала говорят разумно, а когда видят, что все слушают, начинают говорить, что попало.

Л. Н. сказал, что в «Новом времени» Буренин похвалил роман «Наше преступление» ² и что Семенов хвалит (Л. Н. также хвалит язык и что фальши нет).

— Наше преступление — это преступление нашей интеллигенции перед народом, которого не просвещают.

5 июля. Пополудни с Л. Н. верхом по Засеке. От Угрюмов — к Лихвинской железной дороге. Л. Н. на Делире пришлось перепрыгнуть через низкий забор; неохотно, с опасением, как прыгнет, пустился. Такую осторожность, несмелость я в первый раз заметил у Л. Н. Просекой близ полотна железной дороги, спускаясь в крутой овраг, Делир прошел благополучно, моя лошадь не хотела последовать за ним. Я, по совету Л. Н., слез. Удивляюсь, как тут Л. Н. спустился: «Круто, как с печки», — рассказывал потом дома Л. Н.

Приехал Лев Львович ¹. Разговор о Чертковых, у них сейчас 32 человека. Дима с товарищами поехали на сенокос за 20 верст, где сняли пять десятин луга. Косят косами, а не косилкой. Так приятнее, хотя медленнее. Косилка за день скосит пять десятин и за один день сено просохнет, т. к. она его разбрасывает, а не укладывает. Л. Н. говорил о косилке, что она экономически и нравственно невыгодна; что она не оправдывает себя, если вычесть все, что она стоит; но этого не учесть, потому что экономические условия неправильны. (Идут работать на фабрики, потому что не на что жить.)

Л. Н. перевел разговор на домашнее тканье и на фабрику близ Мещерского, которую ходил осматривать ²:

— Я думаю, — говорил Л. Н., — что это здоровее, приятнее, когда дома старушка ткет, чем там 1500 девушек и баб стоят густо, губят свою жизнь из-за бухарских кушаков, бархатов... Какой там разврат!

Разговор о воровстве. Л. Н. о сумасшедшем, который говорил, что он не украл, а взял. М. В. Булыгин отстаивал собственность либо из-за присутствия Н. Н. Ге, проникнутого западными взглядами, либо из-за

* Переписано 14 марта 1911 г.

присутствия Софьи Андреевны, либо из-за себя (перед сыновьями, которые требуют раздачи земли крестьянам).

Л. Н.: Надо уничтожить ту причину, из-за которой он (малоземельный или безземельный крестьянин) голоден.

Л. Н. теперь Софье Андреевне и другим напоминает, что прежде отняли у народа землю, а потом наказывают его. Когда он отнимает награбленное — это считают воровством, а то — священной земельной собственностью.

— Я хочу, — сказал Л. Н., — не их обличать, а тех давних воров, как вы и мы.

Бульгин: Теперь такие есть, которые ничего иного и не делают и вашим оправданием воспользуются.

И рассказал, как ходят и воруют; рассказал, как хлев священника подожгли, чтобы воспользоваться суматохой и увести коров, и предполагает, что поджог у М. А. Шмидт был с такой же целью.

Л. Н. прочел вслух полученное сегодня письмо Чеховского и места из брошюры, им присланной, о науке³. Он верит в ее торжество и предсказывает города, висящие в воздухе, как Венеция на сваях в море; перчатки с электрической силой, которыми человек рукой будет поднимать сотни пудов; питание пищей, составленной химическим путем; оплодотворение по науке.

* *Л. Н.:* Мечты научные. Детей будут рожать научно. Отталкивающее научное суеверие. Фагоциты... Когда вникаешь в это — это совершенная бессмыслица. Это коммерческое дело, получают дипломы. Уж одно то, что профессор десять лет одно и то же читает... и почему-то каждый профессор рекомендует свою книгу, выбранную из чужих книг.

Л. Н. просматривал газету и прочел, как немцы и англичане (не желающие допустить, чтобы немцы имели флот сильнее, чем у них) строят дредноуты. «Смешно», — сказал он.

За обедом Лев Львович говорил, что у М. Н. Толстой-Зубовой есть две ценные картины в 25 000 р., а у И. Раевского нашлись две старинные картины (одна Гросса), которые оценивают в 30 000 фр.

Л. Н.: (Тоже) признак тупоумия (нашего времени).

Софья Андреевна: Зубова (мать) поручила Орлову снять копию с одной из картин — пожалела, что осталась без нее.

Л. Н.: Я думал, что пожалела Орлова.

Лев Львович рассказал о том, какое множество картин в Лувре. Л. Н. заметил, что они писаны, как советует Роден (скульптор): sans aucune pensée **; такой совет нравится: не надо быть нравственным⁴.

Софья Андреевна по поводу моодовской биографии Л. Н.-чу сказала, что она нехороша нападками на Черткова и выставлением себя на первый план. (Выписки из писем Л. Н. к нему составлены так, что придуют Мооду исключительно важное значение как английскому переводчику и др.⁵) Лев Львович говорил, что вчера вечером у Л. Н. был, наверно, от усталости «столбняк». Он имел в виду обморочное состояние Л. Н. Опасается, что отец поездками верхом погубит себя — устает. Лев Львович заметил, что теперь в Петербурге о Л. Н. мнение, что он не большой ум, а голько большой художественный талант. В таком роде пишет о нем Меньшиков в «Новом времени» (2 июля в статье о его письме Славянскому съезду⁶).

6 июля. Л. Н. ездил верхом к Черткову. Там познакомили с ним, между прочим, Лемпи Карловну — финку, славянского филолога.

* Абзац переписан 14 марта 1911 г.

** без всякой мысли (франц.).

Софья Андреевна ездила к Е. И. Чертковой отдать визит.

Вечером у нас очень многолюдно. Софья Андреевна, Александра Львовна, Лев Львович, Варвара Михайловна, Чертков, Гольденвейзер, Н. Н. Ге (приехал на два дня), М. В. Булыгин, М. А. Шмидт.

У М. А. Шмидт был пожар, сгорела ее деревянная изба и двор, корову вывели, а собачка сгорела. Сгорели все ее рукописи. Между ними все письма Л. Н. к ней, с которых копий нет. А также коллекция копий с писем Л. Н. к другим с 80-х и начала 90-х годов и ею переписанные копии с сочинений Л. Н. с вариантами — например, «Критика догматического богословия», «Соединение и перевод четырех Евангелий», этих любимых ее сочинений Л. Н.

Была речь о В. А. Репине; он спросил М. А. Шмидт, как она относится к пожару. По этому вопросу все думали, и Л. Н., что он (В. А. Репин) поджег, но потом Л. Н. перестал подозревать его.

Л. Н. говорил о сумасшествии. Прочел треть книги Корсакова, места бывает ему смешно. Точной границы между душевной болезнью и здоровьем нет — это подтвердили ему и врачи. По мнению Л. Н., душевная болезнь — это эгоизм, это невосприимчивость к мыслям других людей. У Корсакова определение душевной болезни как необоснованного ощущения, представления, умозаключения... У них (психиатров) классификация 18 болезней (разрядов), и в каждой отдельные роды и виды; все это по-латыни определено, и все они (психиатры) несогласны между собой. Неопределенность, неясность в науке у них, но обращаются они (врачи в триюцкой, меицерской лечебницах) с больными очень хорошо.

Л. Н. (о В. А. Репине): Его жена думает, что это Добролюбов на него подействовал.

Софья Андреевна послала Н. Н. Ге и М. В. Булыгина в Овсянниково с тем, чтобы внушить Репиной увезти мужа. Софья Андреевна делает вид, будто уверена или на самом деле уверена, что это он, Репин, поджег. Софья Андреевна сделала М. А. Шмидт грубый выговор из-за Репина, говоря, что она, Мария Александровна, — гостья Тани и не имела права принимать чужих жить на ее хуторе.

Мария Александровна пожаром очень огорчена. Прежде всего тем, что сгорели у нее рукописи и книги; потом — что потерпела убыток Татьяна Львовна, а теперь тем, что видит, как Толстые заботятся о ней (Александра Львовна накупила ей всего, что у нее сгорело) и как она от них зависит.

7 июля. Л. Н. ездил в дождь в Телятинки. Софья Андреевна сделала ему сцену за то, что был у Черткова. Л. Н. терпеливо переносит, но сегодня сказал Александре Львовне: «Она доконает меня». Софья Андреевна настаивает на том, чтобы Л. Н. потребовал от Черткова извиниться перед ней за будто бы сказанные ей слова, что он «мог бы ей напакостить».

Сегодня вечером, когда Чертков с Гольденвейзером уходили, Софья Андреевна, весь вечер не говорившая с Чертковым, вернула его из передней и затворилась с ним в ремингтонной (Л. Н. на это время ушел в кабинет), объяснялась с ним долго, но не так уверена в своей правоте, как говорит об этом с Л. Н. и нами; разговаривала с ним скорее заискивающим тоном¹. Чертков, когда спускался с лестницы, ей объяснил, что жалеет о сказанных им обидных словах. Видно было, что он высказывался откровенно; тон Софьи Андреевны был сконфуженный, несмелый.

Сегодня Софья Андреевна нашла в диване, в кабинете Л. Н., корректуру «Воскресения», взяла ее к себе.

Чертков спросил Л. Н., читал ли сегодня Куприна.

Л. Н.: Прочел два рассказа, оба они скучны.

Чертков: А «Мелюзгу» не читали?

Л. Н.: Нет. У Куприна есть память, выбор характерных признаков и внутреннее содержание. Чехов — он великий талант, но внутреннего содержания не было у него. У французов или совершенная дребедень, или глубокое, как Паскаль, Гюго, Вольтер*.

Л. Н. рассказал содержание наброска «La biche écrasée» Пьера Милля². Автомобиль, у которого потухли фонари, ночью задавил козу. Сидевшие в автомобиле вышли посмотреть, кого задавили, и увидели глаза умирающей козы. Вернулись в гостиницу провинциального городка, в которой только что останавливались и где один из приехавших заметил прислугу «для гостей», бретонку. Он ее ночью растлил. Утром, когда уезжали, она вышла и смотрела, кто из них был тот. Ее глаза напомнили одному из тех, кто был в автомобиле, глаза умирающей, раздавленной козы. Этот рассказ (высоко) оценен Л. Н.

Шахматы. Софья Андреевна пустила граммофон. Все подавлены.

Сегодня Варвара Михайловна прочла Александре Львовне и мне свои Записки** с 22 июня, когда Софья Андреевна начала раздражаться на Л. Н. и Черткова за то, что ее не звали в Мещерское, и стала отчасти от самоистязания действительно болеть (одышкой и сумасшествием). С тех пор не перестает мучить Л. Н. Она довела себя до болезненного состояния и Л. Н-ча тоже. Он и все домашние страдают от этого. Александра Львовна серьезно хочет уйти из дому, поселиться в Телятинках.

Александра Львовна высказала прямо Софье Андреевне, что говорила за спиной: «Ты крест жизни papà, ты крест жизни моей».

8 июля. Л. Н. долго не просыпался. Я вышел отправить прохожих и просителей. Среди прохожих был граф, подавший мне свои документы. Лицо у него чрезвычайно благородное. Я подал всем по гривеннику (из своих), теперь Софья Андреевна ведет подавать по три копейки. (Обыкновенно подают по пятачку, чтобы всем досталось поровну.) Он не принял. Я ему объяснил, что Л. Н. различия не делает. Когда все ушли, дал ему еще книжек. Мне трудно бывает с такими. Раньше давал таким побольше, теперь же хоть трудно, но даю всем поровну. Отчасти и потому, чтобы оберегать покой Л. Н. А то, если делать исключения, будет таких «исключительных» много.

Сегодня Софья Андреевна рассказала Варваре Михайловне, что Л. Н. приходил ночью два раза к ней и просил у нее прощения, и целовал ее руку.

9 июля.

Л. Н.: Я не могу, весь ослаб.— И шел, шатаюсь.

Звегинцева рассказывала крестьянам, что Софья Андреевна со слезами просила ее убрать Черткова отсюда.

Гольденвейзер сыграл Моцарта, opus 80¹ и «Балладу» Шопена***.

Л. Н. сказал, кажется, Варваре Михайловне: «Мои обиды не записывайте».

Но обид-то от Л. Н. никаких не было, кроме — как у прохожих, если помалу получали и иногда долго ждали, а также у окрестных бедных баб. В этом был виноват не столько Л. Н., сколько прочие домашние. Дел с прохожими и бабами-просительницами много, а никто не помогает ему (особенно Софья Андреевна). А Л. Н., кроме того, имел антипатию к этим бабам, как мне раз сознался. «Они bestолково рассказывают». К прохожим не был скуп, подавал по пять — десять копеек. Денег у него было, действительно, мало — что-то 600—800 р. в год (от императорских театров за представление его драматических произведений; не

* Со слов «У Куприна» переписано 16 марта 1911 г.

** и отдала их по нашему совету, Александры Львовны и моему, Черткову.

*** Три предыдущих абзаца — позднейшая вставка Маковицкого.— *Ред.*

мог не брать этих гонораров — они шли бы на усиление балета). Л. Н. давал из них погорелым и, главное, отказавшимся от военной службы и их семьям. Кроме того, у Л. Н. был капитал — около 2 500—4 000 р., и из этого расходовал. Но он берег его ввиду того, что может понадобится, когда уйдет из дому, т. к. все думал, что скоро это сделает. К Л. Н. очень бесцеремонно приставали (и находили сочувствующих) и его близкие — например, Софья Андреевна, Александра Львовна, Анна Константиновна, Гусев, Булгаков, я с просьбами денег и для тех, которые сами прямо не обращались к Л. Н., — например, пострадавшим от революции и революционерам.

Гусев, Булгаков, я могли сослаться на неосведомленность о денежных средствах Л. Н. Он никогда о них не говорил, неохотно отказывал и неохотно давал. Много раз отказывал Юшко (в ссылке), один раз дал и сейчас же сказал, что больше не будет давать Изюмченко, сидящему в тюрьме².

10 июля. Вечером разговор о Самариных, Раевских, молодых поколениях.

Л. Н.: Самый приятный был из них Юрий Самарин и Петр Раевский.

Какой-то гость рассказал: кто-то застрелил обезьянку, и она, когда умирала, держала его руку.

Л. Н.: Охотятся на обезьян?

— Нет.

Но потом рассказал случаи, как европейцы охотились или охотятся и даже (в Бразилии) жарят и едят их, подают на блюде целую маленькую жареную обезьяну, напоминающую видом ребенка.

Приехал кто-то из молодых друзей и спросил Л. Н.:

— Вас много осаждают?

— Вы давно не обращались, мне даже обидно.

Вечер. Л. Н. читал о воспитании на основе религиозной нравственности¹.

Ночь с 10 на 11 июля*. В час ночи вошел ко мне Лев Львович со свечой; я проснулся, спросил, что нужно?

— Вы не слышали? Папà с балкона звал вас.

Это Софья Андреевна входила к нему и, наверное, требовала, чтобы ей сказали про завещание, или чтобы ей отдали дневники, или предъявляла какие-нибудь другие требования, или ревновала, или жалобы на то, сколько она страдает, или просто пилила его, чтобы не мог спать... и после, вероятно, погрозила тем, что над собой что-нибудь сделает, и убежала.

Я пошел искать ее в парк. А так как Маркиз побежал за мной, я ему сказал: «Ищи, где мамà!» И он сразу повел меня к ней.

Она сидела на дорожке у аллеи. Говорила, что делает это нарочно, что земля сырая — простудится; что того и желает; что она только зашла спросить что-то, а Л. Н. ей крикнул, чтобы уходила, что спать мешает, и что она теперь не вернется, пока сам Л. Н. не придет за ней.

В это время пришли Лев Львович и Н. Н. Ге. Сначала уговаривали ее, а потом попробовали поднять ее и повести в дом. Софья Андреевна не хотела. Настаивала, чтобы пришел Л. Н. Лев Львович дошел за Л. Н. и поднял его с постели. Л. Н. пришел в халате и рубашке, ноги голые в туфлях. Безмолвный. Лев Львович поднял мать, и она, взяв sous bras ** Л. Н.-ча, пошла с ними.

* Переписано 1 марта 1911 г.

** под руку (*франц.*).

Я после узнал от Александры Львовны, что Лев Львович с отцом грубо обошелся, наверное подзадоренный и гипнотизированный тоном матери, посылавшей его.

13 июля. Сегодня был у Л. Н. датчанин, торговец из Владивостока. Ночью приехали Сухотины, выписанные Александрой Львовной, чтобы унять Софью Андреевну. Татьяна Львовна имеет влияние на мать. Александра Львовна и Варвара Михайловна до трех ночи рассказывали Татьяне Львовне про поступки Софьи Андреевны с таким азартом, что трудно было слушать. Разговор шел в комнате под сводами. Хотя двери двойные, но со щелями, и я в соседней комнате не мог заснуть. Татьяна Львовна объясняет поведение Софьи Андреевны психической болезнью и хочет пригласить психиатра.

Сегодня в письме к Эсфири Каплан о терпеливом перенесении неприятностей Л. Н. писал, между прочим: «Практически мое правило в том, что лечение вообще скорее вредит, чем делает истинную пользу жизни человеческой»¹.

Я думаю, что приглашение врача по нервным болезням только осложнит дело. Софье Андреевне надо взять себя в руки, а не надеяться на лекарства — бром, мышьяк, водолечение.

Сухотины съездили на погорелое место в Овсянниково. С. А. Стахович послала Марии Александровне 50 р. Александра Львовна ей купила всякого платья, белья. Все знакомые откликнулись и помогли.

Л. Н. говорил про книгу рассказов Пьера Милля и прочел вслух в третий раз «Le repos hebdomadaire»:

— Очень мило, шедевр,— сказал Л. Н. И еще прочел вслух «La biche écrasée».— Очень сильно.— И еще хвалил, но менее этих, рассказ «№ treize».

— Я чувствую, что я совершаю грех большой, поощряя писательство, которое — самое пустое занятие,— сказал, извиняясь, Л. Н.

Вчера Софья Андреевна ездила к Е. И. Чертковой, матери Владимира Григорьевича, евангелистке (пашковке), которая ради ее «спасения», «обращения» выписала двух проповедников — Фетлера, латыша, красноречивого фанатика-баптиста, и другого, ирландца. Они должны были Софью Андреевну увещевать, убеждать в спасительности их веры, но она не дала им высказаться². Елизавета Ивановна потеряла терпение и попросила Софью Андреевну прежде дать им говорить и не оспаривать заранее их учение. Фетлер становаился на колени и очень усердно молился за Софью Андреевну. Разумеется, Софья Андреевна и не думала «обратиться». Бог ведь зачем согласилась, чтобы этих пасторов выписали. Елизавета Ивановна была ею огорчена, сделала ей выговор — по какому праву она позволяет себе оскорблять ее сына. Софья Андреевна ответила, что он отнимает у нее мужа. Елизавета Ивановна на это возразила, что Л. Н. отнял у нее сына, но она надеется, что сын к ней еще вернется.

Сегодня был мужик неграмотный из Белевского уезда, пришедший второй раз за 60 верст пешком нарочно за книжками Л. Н. Он раньше пил, теперь три месяца как не пьет и радуется, когда другие читают сочинения Толстого и он слушает.

Л. Н.-чу я рассказал про него. Он сказал:

— Один (такой) окупит сто (которые получают книги и не пользуются ими).

Софья Андреевна рассказала историю, как Л. Н. начал писать «Анну Каренину» и «Крейцерову сонату». Последнюю для актера Бурлака, который хорошо умел рассказывать. Она записала это в «Истории моей жизни».

Александра Львовна говорила мне: «Папа ворчал про себя. Я его спросила: «Что ты?» — «Девки мои хороши»»³.

Сегодня* Л. Н. получил книгу английского врача «Uric Acid. In the Clinic»⁴ by Alexander Haig, с такой надписью автора: «With all good wishes to Leo Tolstoy from one who owes to his teaching that knowlege, which alone makes life worth living»**.

Л. Н. был с Хэйгом раньше в переписке по поводу его книги⁵.

Л. Н. вчера было обещал Гольденвейзеру, что с ним поедет кататься верхом, и послал за ним. Но конюх Филька спутал и позвал Черткова. Л. Н. пошел на конюшню седлать лошадей. Софья Андреевна, в эти дни особенно недоверчивая, пошла за ним. Я тоже пошел, на случай, если Гольденвейзер не приедет, поехать с Л. Н. Лошадей, сперва Делира, седлали в конюшне, тут Л. Н. и ожидал и, как только оседлали Делира, сейчас же сел и поехал вперед, не дожидаясь пока оседлают другую лошадь — вероятно, чтобы не разговаривать с Софьей Андреевной, которая проходила серединой двора. Она пошла за ним, и, как только Л. Н. стал огибать угол людской, тут перед глазами Софьи Андреевны, за калиткой ограды, выросла на серой лошади фигура Черткова, вспотевшего от жары и быстрой езды.

Софья Андреевна вскрикнула, закрыла себе глаза руками и стала громко рыдать (голосить). Чертков постоял минуту в недоумении, понял, обернулся, повернул лошадь и скрылся, спустился в овраг, уехал обратно. На скотном дворе собрались (было два часа, когда рабочие уходят работать) девушки и почти вся дворня. Софья Андреевна, в белом платье, пла и голосила. Л. Н. повернул и поехал за ней и говорил ей, что это случайно, что должен был приехать Гольденвейзер. Софья Андреевна как будто не понимала, потом близ Кузминского дома остановилась, утихла и ответила: «Как же мне быть благоразумной? Это как яма сзади тебя, в которую оступишься».

Софья Андреевна пошла в дом. Л. Н. и я с ним (верхом) по направлению в старый Заказ. Л. Н. (крайне чуткий, стыдливый, избегавший «сцен» — каково было ему?) ко мне:

— Быть же такому случаю!

Сегодня с утра был особенно тревожный день. Александра Львовна волновалась ходом работы у Чертковых, зачеркиванием мест в дневнике и тем, что сегодня будет там Татьяна Львовна, боясь, чтобы Чертков не обмолвился ей о завещании. Она еще не знает, что оно есть.

Софья Андреевна сегодняшним поведением ужасно осрамила себя перед народом. Сперва недоумение: «Или у нее дети голодны, и потому она плачет», — говорили. «Это графа бог держит так долго для крестьян, а она (семья Л. Н.) готова сжечь крестьян на спичке».

С этого дня пошли разговоры в деревне о том, что происходит между графиней и старым графом.

Л. Н. недоумевал, в какой мере Софья Андреевна больна и в какой притворяется; жалея ее, ради успокоения ее исполнял некоторые ее требования. Л. Н.-чу тяжело было не сознаваться ей про завещание.

Это потакание раздражало Александру Львовну, Варвару Михайловну, Черткова, Гольденвейзера и др. Александра Львовна и Чертков высказывали ему, что они не одобряют его уступчивости Софье Андреевне. Л. Н. пришлось лавировать между разносторонними влияниями. Гольденвейзер, принимавший близкое участие в происходившей драме, разговаривал об этом с Л. Н. (он чуть не каждый вечер играл с ним в шахматы и после входил побеседовать в кабинет). Я, грешный, очень негодовал, что посторонние вмешиваются в семейное дело и позволяют себе совето-

* Переписано 16 марта 1911 г.

** «С наилучшими пожеланиями Льву Толстому от одного из тех, кто обязан ему тем, что в его учении приобрел единственное звание, ради которого стоит жить» (англ.).

вать, внушать так и так поступать и не оставляют Л. Н. довоевывать бой и поступать по-своему. Он хотел победить мягкостью, смирением или переждать *garpus* * Софьи Андреевны или, т. к. его присутствие только раздражало ее и ему становилось невыносимо терпеть, удалиться на время от нее.

Л. Н.: Я боюсь, что это у нее сумасшествие. Всё — я. Хочется бросить жизнь. Я ослабеваю. Она просила поехать на неделю в Никольское.

Л. Н.: Среди образованных людей школа — это попытка свалить на других людей то, что они должны делать сами. Школа — как больница, вместо того, чтобы ходить за своим больным дома, сплавляют его в больницу, а там не могут уделить ему столько труда.

14 июля. Сегодня были в сопровождении В. Г. Куприянова сербы — доктор философии Милица Богдановичева, учительница из Загреба, с ее другом, Милованом Грбой, гимназическим учителем. Богдановичева очень интеллигентная, хорошо умеющая выражать свои мысли, приветливая девица, с глубоким почитанием и любовью, благодарностью к Л. Н., русскому народу. Хвалила Л. Н. книгу Вейнингера¹. Л. Н. говорил с ними внимательно и довольно долго.

Софья Андреевна (мне): Унесите из дома запрещенные сочинения. Я видела «Николая Палкина»². Тут в доме я одна хозяйка. Тем кончится, что я позову полицию и дам всех обыскать и все запрещенные книги велю сжечь.

Софья Андреевна сегодня:

— Ловочка, неужели ты мне не напишешь, чтобы на случай твоей смерти Чертков все рукописи отдал мне? Я всем говорила: теперь Чертков в моих руках. Но он хитер — скажет, что дневники в Англии; если же в Англии — что поделаешь?

Софья Андреевна сегодня ушла в лес неодетая. Сказала, что (только) до вечера будет жива. Потребовала, чтобы сейчас же были взяты дневники. Л. Н. обещал, что если они у Черткова, взять их к себе, но читать их ей не даст. Если они в банке, взять ключ (от сейфа).

Александра Львовна поехала за дневниками. Будет опять конфликт, потому что Софья Андреевна хочет их читать, нет ли там завещания.

Софья Андреевна говорит, что сегодня не ела.

15 июля **. Чертковы, Сухотины, Гольденвейзер, Rocky — инспектор of school district ***. Он привез, по ихнему обычаю, когда из города в деревню приходят, cakes ****¹.

Л. Н. спрашивал Рокки про Брайана.

— He is always busy in politic, what I am not.

Л. Н.: Is Bryan in the League Georg for Henry George system or not?

— The most important subject in the world. I got daily a book of America about the Negro question². Man makes conditions, mental development *****.

Л. Н.: Я получил интересное письмо из Японии о деспотизме и о цензуре: «Несмотря на деспотизм, противящийся вашим книгам, ваше учение, как дерево, растет»³.

* припадок (лат.).

** Переписано 15 марта 1911 г.

*** Из семьи Рокфеллеров. Он учитель-инспектор английских школ на одном Антильском острове. Хороший знакомый Брайана.

**** пирожные (англ.).

***** — Он всегда занят политикой, а я — нет.

— Состоит ли Байан в генриджорджевской лиге? Это самое важное дело в мире. На днях я получил из Америки книгу по негритянскому вопросу. Человек создает условия, умственное развитие.

ТОЛСТОЙ И А. С. БУТУРЛИН

Мещерское, 20 июня 1910 г.

Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. (о Рокки): Он идейный человек, он мог быть богатым. Хочет к духоворам.

У Л. Н. был монах: «Я пошел в монастырь. От того, что я там увидел, разочаровался».

Л. Н.: Я постоянно, когда говорю с крестьянами, слышу осуждение монастырей. Я их всегда останавливаю. Так легко опуститься...

Л. Н. говорил про письмо религиозного человека: «Надо мной всегда смеялись».

Л. Н. с Николаевым (передал мне Николаев). Л. Н. говорил, что сознание своего я, сознание бога для каждого человека есть самое несомненное из всего, что он знает. Это не есть вера, это есть несомненное знание. Так что Л. Н. не отвергает того, что он раньше говорил о вере, но он только точнее определяет ее. Молитва просительная — проявление слабости. «Боже, помоги мне!» — и знаешь, что можешь только сам помочь себе.

Но иное дело — бескорыстное обращение к богу.

Николаев ответил, что, по его понятию, он работник у Хозяина и что его вопросы о бессмертии не интересуют.

Л. Н.: Если человек схватил смысл жизни, то все эти вопросы сами собой отпадают.

Сегодня все сначала. Софья Андреевна пала на колени к ногам Л. Н., хватала его за блузу.

— У меня к тебе последняя просьба: дай мне дневники или ключ от них⁴.

Л. Н. ей сказал, что ключ у Михаила Сергеевича, и ушел. Когда шел мимо дома к липовым аллеям, она высунулась из окна и крикнула вслед ему: «Я опий выпила». Л. Н. бегом вернулся, вбежал наверх, а Софья Андреевна ему: «Я тебя обманула, я и не думала пить». Эта сцена взволновала Л. Н., и он сказал Софье Андреевне: «Ты все делаешь для того, чтобы я ушел».

У Л. Н. сильное сердцебиение. Он вышел, а она опять его позвала. После Варвара Михайловна сказала ей, что она все делает для того, чтобы Л. Н. ушел. Тогда Софья Андреевна успокоилась. Вошла Александра Львовна и тоже сказала ей, что у Л. Н. перебои сердца. Она перепугалась: «Правда ли, что перебои?» и успокоилась. Может быть, это был последний заряд.

Л. Н. получил письмо от нескольких руководителей московских соколов, в большинстве они — чехи; хотят издавать журнал и просят статью⁵. Л. Н. в молодости своей сам был большим любителем гимнастики, но теперь не может сочувствовать такой и в таких размерах организованной деятельности, т. к. думает, что гимнастика для богатых классов есть только одно из средств, поддерживающих образ жизни, противный основному закону — личного труда.

16 июля. Пятница. Утром был у Л. Н. вятский учитель Комаровских, находившийся в переписке с Л. Н.⁴

Вечером, когда Чертков и Гольденвейзер уезжали, была буря.

Л. Н.: Ничего, с ними есть Михайло, мужик, который позаботится.

Л. Н. говорил о письме Киносуку (японца).

17 июля. Л. Н. пополудни ездил к Чертковым, а когда вернулся (там беспокоился и опасался, что Софья Андреевна приедет, — не оставался так долго, как обыкновенно), сказал, что пригласил Черткова на вечер. Софья Андреевна потребовала отказать ему, и Варвара Михайловна съездила в Телятинки сообщить об этом. Вечером Л. Н. долго беседовал с г. Рокки и заходил к Александре Львовне, которая расстроена тем, что у нее 37,2 и что при осмотре сегодня доктор Грушецкий у нее нашел «выдох», а доктор Юргенсон — перемену в носоглотке. Л. Н. посидел у нее.

Сегодня приехали Елизавета Валерьяновна и Вера Сергеевна. Вечером был Гольденвейзер. Утром уехала домой Татьяна Львовна.

18 июля*. Л. Н. ездил с Филиппом-лакеем. Позади козловских дач подъем из оврага, «как на печку». Филипп ухватился за ветку дерева, а то лошадь упала бы назад, до того было круто.

Л. Н. слаб. Все печень. Был становой у Чертковых, переписал всех⁴. Вчера был вице-губернатор у Звегинцевой.

Л. Н.: Это эпидемия писательская. Сегодняшний посетитель — сочинитель, живет в деревне. Никогда ничего серьезного не читал: журналы читает и думает, что в них вся мудрость. И он годами трудится, вырабатывает и открывает Америку о боге, о женском вопросе — такие трюизмы. Это трагизм.

* Записано 3 марта 1911 г.

Л. Н.: Стихи Хирьякова совсем бесполезны. Он умный, в шахматы играет, а в религиозном отношении nihil*. Познание себя есть сознание божественного начала в себе, а потом жить им, а не копать в себе.

Разговор был о Стокгольмском конгрессе мира, о Софийском славянском съезде. «Вышло, что вы польстили славянам», — сказал кто-то Л. Н-чу по поводу его письма Славянскому съезду в Софии².

Л. Н.: Я все-таки решил, что японцам напишу (Кониси)³.

Л. Н.: Я давно не имел с полицией никаких сношений.

Л. Н. (о ком-то): Он один из тех, которые недовольны своей жизнью, общественным мнением, не удовлетворяющим его религиозное чувство, и изменяет свою жизнь. Думает, решает, как изменить свою жизнь. Был журналистом.

— Вы забыли, — сказал кто-то из присутствующих Л. Н-чу, — раз мы с вами стояли, и там была женщина, которая голову откидывала назад. Вы посмотрели на нее пристально и сказали: «Все это притворство».

Л. Н.: Паскалем составленные «Мысли» — это r^êle-m^êle**, некоторые слабые, а рядом очень сильные...⁴ Паскаль, например, говорил, когда на него нападали за то, что он писал против иезуитов: «Если я знаю, что в городе есть 100 колодцев, а один между ними ядовитый, мой долг сказать, указать на этот ядовитый»⁵. У яansenистов были публичные проповеди, а у иезуитов — нет. Он восстал против них (иезуитов) и сделал то, что слово «иезуит» получило такое значение в его «Provinciales».

19 июля***. Ездили верхом к Ивану Ивановичу. Л. Н. телеграфировал Конгрессу мира по-русски, но чешской транскрипцией****.

С Иваном Ивановичем говорили про то, какое заглавие дать какой-то книжечке (сочинения Л. Н. или Ивана Ивановича?) и остановились на «Сильна водка, да сильнее своя воля».

Иван Иванович радовался, что выйдет столько хороших книг (т. е. «Новый круг чтения» для народа, «Вера», «О боге», «О душе» и т. д.).

Говорили насчет детей. Л. Н. советовал «неделание», т. е. не придумывать, как устраивать их жизнь.

Черта Л. Н.: не любит утруждать других. Просил меня найти в библиотеке какую-то книгу Шоу. Ее не оказалось: «Ах, как мне жаль, что вас напрасно утруждал!»

Четвертого дня Л. Н. играл с нами (я, Александра Львовна, Варвара Михайловна) в городки на тропинке между домами*****.

Сегодня под вечер приехали Д. В. Никитин с доцентом нервных и психических болезней Г. И. Россолимо*****. Позвали их дней пять тому назад Татьяна Львовна с Л. Н. (он приписал к ее письму) — и опять телеграммой. Когда Софья Андреевна узнала, послала другую телеграмму, что все обошлось и не нужно приезжать.

21 июля*****. Л. Н. клал за картину ключ от ящика письменного стола, куда запирали дневник. Софья Андреевна вынимала со дна ящика дощечку, доставала дневник и читала.

* ничто (лат.).

** мешанина (франц.).

*** Записано 3 марта 1911 г.

**** Согрешил я, не оттелеграфировав обращение Л. Н. к Славянскому съезду в Софию, а отправив его почтой. Оно было получено только в последний день¹.

***** Здесь кончается вставка, сделанная Маковицким в 1911 г.— *Ред.*

***** Лев Львович потребовал от Россолимо также лечения Л. Н., который, по его мнению, так же нервен и душевно ненормален, как мать. Лев Львович верит матери.

***** Записано в 1911 г.

22 июля. Софья Андреевна за обедом вчера и сегодня несколько раз поднимала вопрос о том, что у нее нет всего написанного Л. Н. Например, второго дня из «Трех дней»¹ и драматического произведения («От ней все качества») ². Александра Львовна привезла ей вчера «Второй день» от Черткова, т. к. у нас затерялись экземпляры, а было их довольно много. Софья Андреевна негодовала, что экземпляр, переписанный на ремингтоне, очень бледный, будто бы нарочно ей такой выбрали, и что она об этой вещи не знала, что от нее скрывали ее. Александра Львовна заявила, что она дает ей все и что копию «Второго дня» также ей дала. Л. Н. напомнил ей, что в газетах писалось об этой работе³, дома говорилось о ней. Потом Софья Андреевна завела разговор относительно драматического произведения, выражая обиду, почему у Черткова есть список, а у нее нет.

Л. Н. за обедом не мог сдержаться и отвечал, не уступая ей; объяснял ей, не отмалчиваясь, как обыкновенно. Софья Андреевна демонстративно ушла.

Л. Н. вечером беспокоился, что она плоха; без всякой причины ищет поводов к недовольству.

Сегодня был у Л. Н. дьякон из Ярославля (наверно, делающий карьеру, кончивший Духовную академию), чтобы обратиться к Л. Н. Говорил много, наконец стал упрекать Л. Н. в том, что он считает себя непогрешимым умом. Л. Н. ответил, что он не утверждает ничего, только опровергает то, что противно разуму, и на этом окончилась их беседа.

Днем были Лемпи Карловна, Ольга Константиновна с детьми; вечером Чертков.

Л. Н.: От Соломахиных письма⁴.

Чертков: Трогательны отец и сын живой верой, единомыслием.

Л. Н.: Смелость религиозная у них.

* Говорили о казнях в Персии; по газетам, казнят 100 человек (см. «Новое время»).

Л. Н.: Вчера получил телеграмму русского, чтобы остановить казни в Персии. Что я могу?..

Л. Н. получил книжку «Essais optimistes. Science et morale». Par Elie Metschnikoff. Посмотрев ее, сказал:

— Он утилитарист.

23 июля. Пятница. Л. Н. вчера вечером в 10.45 жаловался, что ему холодно; все окна и двери были у него открыты, и Л. Н., спокойно сидя, читал на таком сквозняке. Погода же изменилась. Дневная жара прошла, и резко похолодало. Утром долго спал. Когда проснулся — температура у него 37,4. Встал в 11 часов, Софья Андреевна то и дело заходила к Л. Н., уговаривала приложить компресс. Л. Н. же хотел побыть один и все сделал бы, может быть (т. е. приложил бы компресс), если б она не так навязчиво этого требовала. Александра Львовна послала за мной в лечебницу. Была встревожена, как всегда при заболевании отца. Л. Н. ей говорит: «Меня нечего лечить, не понимаете, что мне болезнь, кроме приятного, ничего не доставляет». И еще сказал Александре Львовне насчет того, как ему мешает Софья Андреевна, беспрестанно приходит к нему и повторяет без конца упреки, почему он не принял вчера вечером, когда она ему подавала, слабительное, и не наложил компресса, что был бы теперь здоров.

Л. Н.: Когда приходят последние дни, тут серьезные мысли, тут не до любезничанья и притворства. — И сказал еще, что в последние дни приходит ему чаще мысль уехать куда-нибудь с Александрой Львовной. Л. Н.

* Переписано (четыре абзаца) в 1911 г.— *Ред.*

лежал до 11 часов, и казалось, что хотел еще спать. Я просил Софью Андреевну не входить к Л. Н.

Л. Н. в 12-м часу, несмотря на повышенную температуру, сошел вниз и ушел в парк, где посидел минут пять — восемь.

Сегодня приехал Михаил Львович с женой и двумя детьми и вернулся Лев Львович из Чифировки. На днях придет Андрей Львович с Екатериной Васильевной и дочкой на две-три недели. Александра Львовна говорила Черткову, что Л. Н. в отчаянии, что придет Андрей Львович. Разговор между Александрой Львовной и Чертковым, наверно, шел на тему об отношении Софьи Андреевны к нему (Черткову) и кто ее настраивает против него. Лев Львович, теперь Михаил Львович и еще будет Андрей Львович. Причиной же нынешнего возбуждения Софьи Андреевны против Черткова она считает Н. Н. Ге, бывшего в Ясной Поляне в то время, когда Л. Н. был в Мещерском. Верно ли это — вопрос.

Был И. И. Горбунов с рукописью — переводом мест, указанных Л. Н., из Кришны и с жизнеописанием Кришны, смесью подвигов мудрых, смиренных наряду с богатырскими, разбойничьими и чудесными¹. Вечером был Чертков. Софья Андреевна не отходила от них. Потом жаловалась, что слышала, как Л. Н. спросил Черткова, получил ли письмо². — «Получил». — «Согласны?» — «Согласен». «Что в нем было?» — спросила она Л. Н. — «Мое дело».

— Какими глазами он на Черткова смотрел! Я не могу дольше видеть Черткова! Пусть остаются одни, мне и так советовали доктора уехать. Вот я и уеду, хоть на несколько дней. — Пошла в комнату, заперлась и начала укладываться.

24 июля. Л. Н. в 8 часов занимался лежа. Пульс слабый, 72, t° 36,3, голос очень слабый. Пил виши.

— Против вчерашнего чувствуете себя лучше?

— Не скажу.

Встал в 11. У Л. Н. желтуха, которая вчера стала заметна, проходит, жару нет.

— Как чувствуете себя, Лев Николаевич?

— Все так же. Мы с вами различно желаем: вы, чтобы стало лучше — выздороветь, а я — чтобы умереть. И на термометр смотрю с тем желанием, чтобы температура была выше!

Вечером Л. Н. прочел вслух письмо крестьянина Абрама Овечкина, спрашивающего, будут ли вечные муки на том свете¹.

Л. Н., прежде чем читать, сказал:

— Вот у кого поучиться Душану Петровичу настоящему народному языку.

Письмо, действительно, писано хорошим, старинным, богатым русским языком. Нас всех умилило и рассмешило это письмо. Л. Н. удивлялся, что религиозная основа у этих старых людей — страх наказания: самый нерелигиозный подход. Л. Н. сравнивал понятия о боге у крестьян и ученых и сказал:

— Этот — крестьянин — признает нечто необъяснимое, а тот — ученый — скрывает то, что необъяснимо, и это самое грубое суеверие. Он (крестьянин) несравненно выше. Сегодня я читал в «Вестнике Европы» о Дарвине и Ламарке² — это такая игра слов, как шахматы.

Софья Андреевна вечером опять ревновала к Черткову. В час ночи получила телеграмму от Андрея Львовича, что на следующий день приезжает. Не раздевалась всю ночь, уложила свои вещи и утром собиралась уехать.

Ольга Константиновна входила к ней и пожалела ее как истинно страдающую. Я нынче понял, что она от ревности к Черткову действительно страдает, что она не переносит его. Ольга Константиновна ее спро-

сила, почему же тогда она не попросит прекратить свидания с Чертковым. «Тогда будет переписываться, но я буду перехватывать».

Вчера вечером Александре Львовне с Гольденвейзером встретила Софья Андреевна и сказала им что-то о Черткове, на что Александра Львовна плюнула. Софья Андреевна по поводу этого написала ей письмо с упреками³; сегодня утром она послала это письмо; пишет в нем, что Александра Львовна ей больше не дочь. Александра Львовна ей утром ответила письмом⁴, в котором писала, что ее не любит, что она грубо обращается с отцом, что отец болеет от ее притворства, но что она, Александра Львовна, остается жить дома, пока отец жив, и что будет соблюдать внешнее приличие. Софья Андреевна вернула ее письмо со своими примечаниями. С 11 до 2 часов дня она часто входила в кабинет к Л. Н. и подолгу горячо говорила, наверно жалуясь на Александру Львовну. Александра Львовна вошла последней, в половине третьего, должно быть дала читать письмо к матери с ответными ее примечаниями*⁵.

25 июля. Софья Андреевна уехала в 2 часа пополудни. Простила, как если бы навсегда уезжала и больше не намеревалась вернуться. В одном кармане пистолет, с собою опий, перекрестила дочь, Ольгу Константиновну. Меня просила простить ей, если в чем провинилась; я был тронут. Лев Николаевич хотел подсесть к ней в экипаж, она отклонила. Уехала одна. Л. Н. ей сказал, что, если будет здоров, то, уедет она или нет, он все равно завтра утром поедет в Кочеты. Это ему посоветовала Александра Львовна.

Сегодня у Л. Н. стеснения в груди. К 4 часам пополудни прошли. Л. Н. не выходит (третий день). Был у него телеграфист из Киева, 30-ти лет, З. М. Дробцук, который хочет жить по-христиански, бросил службу и полтора года не работал, только читал сочинения Л. Н., издания «Ясной Поляны». Л. Н. ему посоветовал идти в Телятинки к Черткову познакомиться с Сережей Поповым, живущим в шалаше и в поте лица работающим¹. В 7 часов приехала Софья Андреевна с Андреем Львовичем, Екатериной Васильевной и Машенькой. Софья Андреевна имела вид измученный. Л. Н. сошел ей навстречу. Александру Львовну это рассердило. Л. Н. привел Софью Андреевну из ее комнаты в залу под руку. Потом посидел пока обедали, очевидно спокойно, мирно, даже весело. Я ушел.

Софья Андреевна вернулась пристыженная, а т. к. Л. Н. ее встретил мило, успокоилась. Л. Н. говорил:

— Нужна решительность, уедем в Кочеты.

Л. Н. писал Черткову, что с ним видаться не будет.

Шахматы с Гольденвейзером. Вечером было спокойно. У Александры Львовны тон бодрый. Был разговор о политике.

Л. Н.: Все-таки назад все не взяли. Требования публики другие. Есть свобода печати, ее невозможно назад взять.

27 июля. Л. Н. отослал Черткову письмо¹, Владимир Григорьевич ему послал свое письмо, написанное 24, 25 и 26 числа², где предостерегает Л. Н. от уступок, противоречащих воле божьей. Л. Н. ответил, что любовь не имеет границ³. Вечером Л. Н. сидел за чаем, почти ничего не говорил.

Вечером приехал Сергей Львович. С ним поговорила Александра Львовна, а после нее мать имела с ним разговор. Высказала ему взволнованно свои опасения, что, во-первых, если кто станет печатать сочинения Л. Н. с 1881 года, то она не сможет его привлечь к суду, не имея документа на право издания. Во-вторых, что рукописи все остаются у Черткова; третье — что надо вынудить завещание у Л. Н. Сергей Львович ей ни в чем не поддакивал, а только вразумлял ее.

* Этот день (24 июля) переписан позже с карточек.

ТОЛСТОЙ В КРУГУ ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ ЧИТАЕТ СВОЮ СТАТЬЮ «О БЕЗУМИИ»
 Слева направо сидят: Ф. А. Страхов, А. Я. Григорьев, Толстой, А. К. Черткова, П. Н. Орленев; стоят: В. Ф. Булгаков, А. С. Бутурлин, В. Г. Чертков, Маковицкий, Л. П. Сергеевко
 Отрадное, 21 июня 1910 г.
 Фотография В. Г. Черткова

Лев Львович спросил отца, читал ли статью Родена, которая появилась в это время в газетах. Л. Н. ответил: «Да» и на дальнейшие вопросы Льва Львовича сказал: «Роден очень умен».

Лев Львович говорил о парижском театре *Folies bergères*⁴.

Л. Н.: «Капустник»* — вероятно, подражание *Folies bergères*.

М. А. Шмидт знакома с Л. Н. с 1883 г. Она, Чертков и Бирюков почти одновременно явились к Л. Н.-чу. Л. Н. сказал, что они — трое сумасшедших, а раньше был один он. В 1892 г. Мария Александровна переселилась в Овсянниково. У нее в июле этого года сгорела большая пачка писем Толстого к ней 80-х годов и копии с писем того же времени разным лицам, о которых Л. Н. просил ее, чтобы она их не распространяла. Копии этих писем Л. Н. к ней и к другим лицам вряд ли сохранились. Чертков тогда еще не завел копирования. Сгорели черновики 12 глав «Царства божия», огромные пачки «Изложения Евангелия», «Критики догматического богословия», «Ивана дурака», «Емельяна»⁵. Никаких своих Записок у нее не было, она не любит записывать. «Записки,— говорила она,— если написаны в раздраженном состоянии, будут раздражать; хороши будут только те, которые записаны в добром состоянии». Еще потому она не вела Записок, что боялась неточно передать слышанное. Она считает, что Записки не должны содержать ничего личного, а лишь одни мысли. Она враг записывания того, что происходит между людьми, как, например, то, что теперь между Софьей Андреевной, Александрой Львовной, Чертковым и т. д. Записки только послужат к воз-

* Был около нового 1910 г. в Художественном театре в Москве.

никновению легенд, которыми будет в следующие века окутана личность Л. Н., и ими будет скрыта сущность его учения. Совершенно так же, как это случилось с Христом. И на писаниях Л. Н. нарастут наросты, как на словах Иисуса, и учение его будет изуродовано и передаваемо людям так же искаженно, как учение Иисуса.

28 июля. Среда. Утром приехала С. А. Стахович, здесь М. А. Шмидт, Сергей Львович со вчерашнего дня, Лев Львович, Екатерина Васильевна с Машенькой; Андрей Львович уехал сегодня в Крапивну. Третьего дня был Чертков¹, который с семьей и матерью в Телятинках, но Л. Н. отказался с ним видаться, чтобы не раздражать Софью Андреевну. Ходит каждый день вечером в шахматы играть Гольденвейзер. Александра Львовна ему отдала свои дневники — две толстые тетради, чтобы их у себя в Москве спрятал². Боится, что их дома мать отыщет, прочтет, а у Черткова, боится, будет обыск, как только его мать уедет. Варвара Михайловна тоже ведет дневник³. Она и Александра Львовна, главным образом, записывают о борьбе Софьи Андреевны с Л. Н. за дневники и издательские права. Гольденвейзер тоже ведет дневник. Булгаков приходит пополудни ответить на часть корреспонденции и исполнить другие поручения Л. Н. Вечерами мало бывает. Последние два вечера, 26-го и 27-го, без Черткова Л. Н. провел довольно молчаливо. Настроение в доме натянутое. Вчера Лев Львович и Андрей Львович допрашивали Александру Львовну: есть ли завещание (в дневниках Л. Н.). Она ответила им, что считает неприличным говорить об ожидаемой смерти отца и о его распоряжениях на этот случай.

Сама же Александра Львовна несколько дней тому назад написала свое завещание, в котором права на издания и свое имущество завещает Татьяне Львовне⁴.

Софья Андреевна говорила, что на днях нашла письма И. А. Толстого, цитировала оттуда старинные выражения⁵.

С. А. Стахович интересно говорила о русском языке. Особенно о местном, тульском.

Л. Н.: Теряется этот старинный склад языка.— Вспомнил письмо крестьянина из Ардатова, Абрама Овечкина, которое читал вслух на днях. Софья Андреевна и Сергей Львович говорили Л. Н., что он раньше писал «ежели» вместо «если» и т. п.

Л. Н.: Может быть.

Разговор о выборах земских гласных.

Л. Н.: Да, это, действительно, как стали мало интересоваться партиями.

Разговор о Пальне, имени Стаховичей около Ельца. Софья Александровна звала Л. Н. к ним, она уже много лет зовет его. Л. Н. ответил, что охотно поедет к ним (в гости) хоть завтра-послезавтра (Софья Александровна звала его и в прошлые годы и весной взяла прямо обещание, что в будущем году приедет). Софья Александровна сказала, что у нее обдуманы все подробности — как привезут Л. Н., на каких лошадях, где поместят, где будет гулять и т. д. Сколько раз обдумывали!

Софья Андреевна: Ну, Левочка, если ты очень хочешь, я готова с тобой поехать.

Л. Н. промолчал. А раньше он даже спрашивал: и станцию железнодорожную, и сколько верст от нее в Пальну, и всякие подробности.

Сегодня Л. Н. читал из «Круга чтения» вслух. Играли в городки. За чаем Лев Львович спрашивал меня о моем отношении к женщинам.

Позже, когда мы были одни, Л. Н. мне сказал:

— Извините меня за грубость моего сына, который такое спрашивает.

29 июля. Утром уехал Сергей Львович. С М. А. Шмидт говорил о том, что происходит в доме; с ней только что поговорил Л. Н., и на днях

Александра Львовна изливала ей свои чувства. Она ужасается тому, что Софья Андреевна вытворяет с Л. Н. и как ей вторят Лев и Андрей Львовичи. Софья Андреевна сказала Екатерине Васильевне, что она уже не будет угрожать самоубийством и не будет по-злому вымогать завещания от Л. Н., но что будет ласковая, добрая к нему и таким способом склонит Л. Н. написать завещание (она его не любит, а выдала себя тем, что, получив письмо от Татьяны Львовны, не показала его Л. Н., сказала: «Такой радости ему не сделаю»). Софья Андреевна говорит, что Л. Н. она больше ни на шаг от себя не отпустит. В последние вечера вставляла стул между Л. Н. и соседом и садилась, чтобы не пропустить ни слова из его разговора с другими. Говорила Гольденвейзеру, что с помощью Андрея Львовича через Столыпина постарается, чтобы Черткова выслали из России. (О Черткове говорит уже откровенно с ненавистью.)

Андрей Львович (наверно подстрекаемый ею) вошел к отцу в кабинет и спросил, есть ли у него завещание. «Я на это тебе отвечать не буду», — сказал Л. Н. — «Ах, не будешь?!» — и ушел, хлопнув дверьми (а за спиной назвал его «старым дураком»).

Мария Александровна жалела, что Сергей Львович не остался еще в Ясной Поляне; при нем Лев и Андрей Львовичи не посмели бы к отцу приставать.

Л. Н. хочет отдохнуть от Софьи Андреевны и не имеет силы ей прямо сказать, что уедет без нее к Татьяне Львовне.

Александра Львовна рассказала мне, что Л. Н. ведет теперь особый дневничок, который никому не будет показывать (ни ей, ни Черткову) и который с собой носит и на ночь под подушку кладет¹; что снился ему сон и что наяву было у него такое желание, чтобы Софья Андреевна умерла; что просит ее (Александрю Львовну), пока мать жива, оставить ей пользование, как до сих пор, издательскими правами.

— Вот все рассказал, что писал в тайном дневнике².

Екатерина Васильевна упрекала мужа, что он с матерью против отца, что участвует в этом недостойном напоре. Софья Андреевна выдала свои планы; если бы узнала, что Л. Н. написал завещание, пошла бы к царю, представила бы себя нищей и выпросила бы уничтожение завещания Л. Н. и введение себя в права. Ломает себе голову с тремя младшими сыновьями, как объявить Л. Н. душевнобольным при помощи врачебной экспертизы³.

Л. Н., услышав об этом, сказал, что в таком случае он не считал бы себя ничем связанным, все обещания взял бы назад и объявил бы, что все могут его сочинения печатать.

М. А. Шмидт была тронута милым письмом Л. Н. к Софье Андреевне⁴ и удивляется, как Софья Андреевна могла не прийти в себя, не упасть к ногам Л. Н. и не просить у него прощения.

Еще Л. Н. обещал Софье Андреевне без ее ведома никуда не уходить (а Александра Львовна, Чертков и Гольденвейзер ему советовали уехать из дому, например, на тех лошадях, которые вчера привезли С. А. Стахович, — на поезд и к Тане). Л. Н. вчера, когда мы ехали верхом возле Крыльцовских казарм, спрашивал, близко ли мы к Булыгиным. Может быть, помышляет отправиться туда отдохнуть на день. Еще Л. Н. говорил Марии Александровне, что надо учиться у Душана Петровича молчанию; сегодня за обедом Л. Н. почти ни слова не сказал, только о щенке Пушке, о том, как на него напало девять собак Красноглазихи и как ему досталось.

После обеда Л. Н. не ушел, а остался беседовать с С. А. Стахович, которая себя вела сегодня опять очень развязно: громко говорила, перебивала, не давала Л. Н. высказаться.

Л. Н.: Я начал читать книгу Piette Mille о путешествии в Конго⁵. Ни на чем так не видна несостоятельность христианского церковного учения, как на поведении европейцев в колониях.

Софья Александровна разговорилась о злодеяниях, притеснениях и мошенничествах в Конго со стороны короля бельгийского Леопольда. Л. Н. пожелал, чтобы ему нашли еще какую-нибудь другую книгу о Конго, хотел бы узнать поподробнее, в Брокгаузе о Конго нашел очень мало.

Л. Н. с Софьей Александровной о переписке Пушкина, издание Академии наук; оба хвалили серьезность, обработанность⁶.

— Интересно, что бы из Пушкина вышло, если бы дожил до старости? — спросила Софья Александровна.

— Вышло бы хорошее, — сказал Л. Н. и цитировал его стихи.

Софья Александровна перешла на Козлова, а потом на Жуковского.

— У Козлова было религиозное настроение, — сказал Л. Н. — Ах, как я терпеть не могу Жуковского: для меня Жуковский по отношению к Пушкину — это Павел по отношению к Евангелию. Терпеть не могу Павла.

Сегодня приходил к Л. Н.-чу Фокин из Высокого, за Тулой. Рассказал, что у них пять новобранцев и они желают прийти к Л. Н. поговорить. Один хочет отказаться. Не пришлось ему видеть Л. Н.; мы с Булгаковым направили его к Чертковым и дали совет не склонять новобранцев отказываться. Но если это их желание прийти к Л. Н., пусть придут.

30 июля. У Л. Н. боль в правом боку все еще не прошла. Я весь день не был дома. Приходила О. К. Клодт с Картушиным. Ольга Константиновна в дом не вошла, чтобы не встретиться с Софьей Андреевной, с которой она не могла бы притворяться, скрывать свои взгляды, если бы Софья Андреевна стала непристойно отзываться о Л. Н. или Черткове. Была у меня в лечебнице. Она сильный, искренний, духовный человек, старающийся день ото дня жить *sub specie aeternitatis*^{*}, приводить духовную природу к сознанию и руководить своими мыслями и поступками. Она, как узнала взгляды Л. Н., стала жить в крестьянской семье работниц и жила так много лет — кажется, и до сих пор так живет.

Был Картушин проездом от Леонида Семенова, который произвел на него огромное впечатление и такое же производит и там, где живет, среди крестьян. Кличка у него «Святой». Живет там, где работает; в последние дни помогал убирать овес крестьянину, который доносит на него. Власти хотят его выслать, только не могут найти законного повода: хотят его причислить к вредной секте и допытывают крестьян о его учении. У них (добролюбовцев) вера сильна.

Л. Н.: Вера делает то, что человек спокойно дает себе отрубить голову (за веру), но из-за веры же отрубит голову другому. Разумное же сознание этого (последнего) не делает.

Картушин привез письмо от Леонида Семенова, в котором зовет Л. Н. к ним жить. Он сам живет в Бабинке, близ станции Урусово, Рязанской губернии. Живет в той крестьянской семье, где работает; постоянной квартиры у него нет. Л. Н. сказал Картушину приблизительно следующее: «Когда человек старше становится, его жизнь и отношения становятся сложнее; в них продолжать жизнь, стараясь меньше нарушать любовь, важнее, но и труднее, чем порвать отношения и начать свободный образ жизни, хоть и трудовой».

Картушин вечером ушел в Телятинки, а оттуда домой, в Сочи, на Кавказ.

Вечером уехала С. А. Стахович. Софья Андреевна ее очень ласкала,

^{*} в сфере высоких интересов. Буквально: «С точки зрения вечности» (лат.).

провожала к коляске и просила ее помощи: «Мы старые друзья, если будет нужно к царю обращаться...». Софья Александровна ей ответила: «Да, да», — из учтивости, неохотно, но в передней, на слова Софьи Андреевны: «Вы видите, как меня обижают», — сказала: «Нет, я не видела, чтобы вас кто обижал; собственно, я видела, что вас никто не обижает». С. А. Стахович сочувствует Л. Н. Утром приехали Бирюковы с детьми, поселились в доме Кузминских.

31 июля. С Л. Н. ездили в Мясоедовскую засеку за линией железной дороги и заблудились. Я удивился: сколько новых, незнакомых мне мест, полян, огромных отводов в Засеке. Поехали туда через Мурыгины кусты, пришлось спускаться по очень крутым склонам оврагов, из одного выбрались наверх только галопом.

С неделю Л. Н. пишет только художественное¹. Сегодня была расстроенная, страдающая манией преследования, брошенная любовником женщина (Кулешова). С Л. Н. поговорила совершенно спокойно, со всеми другими — с рыданиями.

Вечером были: М. А. Ладыженский с женой из Старого Басова и их гость — Чиркин, секретарь консульства в Бомбее. Разговор об Индии. Ночью уехал Андрей Львович в Тамбов, где служит в крестьянском банке. Шахматы с Гольденвейзером.

1 августа. Вчера Л. Н. зашел к Тарасу Фоканову поговорить вот о чем: Моод послал в прошлом году 417 р. из денег, полученных за английское издание «Воскресения», которое он перевел, и послал их Софье Андреевне (вместо Л. Н.). Софья Андреевна решила употребить их на покупку семенной ржи — в этом году неурожай ржи (ее поел червь). Кому дать из яснополянцев?

Сегодня пришли Тарас Фоканов, Даниил Козлов и Алексей Жидков и посоветовали Л. Н. дать всем по наделам, как давало правительство четыре года тому назад. Л. Н. сказал, что есть такие, которые не нуждаются, и надо таких выделить. «Кто самые достаточные?» — спросил он. Они назвали четверых. Л. Н. сказал им, чтобы они, трое, и себя причислили к ним, т. е. к тем, которые не будут получать зерна; тогда они назвали еще трех ненуждающихся. Потом сами от себя еще стали называть тех, у кого был урожай; таких оказалось более трети дворов. Л. Н. ушел, сказав, что он сам решит, как распределить. Они остались (дело происходило в моей комнате) и продиктовали мне еще имена оставшихся «немогущих», но сказали, что всех их определить нельзя, т. к. многие из тех, у которых был урожай, не прокормятся и что тут будет зависти, ругани на Л. Н., жалоб, и опять советовали давать всем или, если не всем, то исключить только девятых ненуждающихся (среди них себя не назвали), ушли недовольные, раздосадованные.

Л. Н. еще спрашивал их, не идут ли на отруба. Нет, этому не сочувствуют. А земли прикупить желали бы, да негде. Л. Н. поговорил о грехе собственности, о закреплении в собственность; насчет имени Ясная Поляна выразился словами и больше жестом, выражавшим неловкость, совесть, стыд, что не делается то, что бы он желал. Поблагодарил их: «Очень вам благодарен, что вы себя обидели, а людям добро сделали». Поговорил еще о древних временах, когда они к нему в школу ходили (лет 50 тому назад) и предложил им свои новые книги издания «Посредника». Козлов взял, другие — нет, потому что торопились домой, им казалось, что 9 часов — это поздно. Л. Н. не говорил им ни ты, ни вы.

Наделов в Ясной Поляне 123 по три десятины; всех дворов нынче около 75.

Большая почта. Л. Н. ездил верхом в Овсянниково. И. И. Горбунов уехал в Москву к судебному следователю по судебным делам из-за издания сочинений Л. Н. в «Посреднике»; возвращаясь, мы встретили Фокина

и Сережу Попова. Л. Н. побеседовал с ними. О Сереже Попове Л. Н. заметил мне: каким спокойствием, чистотой и здоровьем дышит его лицо от вегетарианского и рабочего образа жизни. Сережа Попов собирается к Леониду Семенову.

Л. Н. вечером с Бирюковым беседовал о Софье Андреевне. Была Л. Д. Николаева, ей Софья Андреевна излила свое «горе».

2 августа. Вечером рассказали мне Варвара Михайловна и Александра Львовна (опять обе возбуждены), что Бирюков в беседе с Л. Н. после того как поговорил с Софьей Андреевной, сказал ему, что завещание — это компромисс, на который он не должен был идти. Л. Н. согласился с этим¹. Об этом узнал Чертков² и возмутился, а еще больше Варвара Михайловна и Александра Львовна. Они узнали от Екатерины Васильевны, которой совестно это в тайне держать, что у Софьи Андреевны есть от каждого ящика шкафа, комода, сколько их ни есть в доме, двойные ключи, так что для нее ни один дневник — не тайна. Сегодня вечером она слезла. Отчего? Оттого, что отыскала новый дневник Л. Н.* и в нем прочла: «У меня недоброе чувство к С.»³ и что он переписывается с Чертковым. Когда Л. Н. сегодня один поехал верхом к Колпне, она поехала за ним в шарабане. Ехавший с ней кучером лакей Филька увидел, что навстречу едет возвращающийся домой Л. Н. Софья Андреевна спросила, один ли едет. «Нет, за ним едет еще кто-то». Это ее бросило в жар. Подумала, что другой — это Чертков (оказался Даниил Козлов). От этого вечером у Софьи Андреевны было сердцебиение и мигрень. Л. Н. часто заходил к ней. То, что Л. Н. к ней такой внимательный, возмущало Варвару Михайловну и Александру Львовну. Варвара Михайловна называет кроткое, нежное, внимательное отношение Л. Н. к Софье Андреевне «подлизыванием» и спрашивает: почему он уступает ей и почему причиняет страдание Черткову и больной Александре Львовне? Я себе это объясняю так: Софья Андреевна, во-первых, действительно ревнует, а не только притворяется ревнивой; во-вторых, она, в сущности, расчетливая мать — хочет потомство обеспечить материально и потому выслеживает, есть ли завещание. Л. Н. чувствует (жалая ее), что здесь только лаской и, в известной степени, уступчивостью может удерживать ее от ужасных припадков иступления. Поэтому и не считается с тем, как его отношение (к Софье Андреевне) будет воздействовать на дочь и на Чертова (собственно, как они воспримут это отношение).

Л. Н. послал меня к Софье Андреевне.

Л. Н.: Я думаю, что ничего серьезного нет.

А о том, что ему приходится терпеть, Л. Н. сказал:

— Каждому по заслугам.

Вечером: Николаев, Гольденвейзер, Булгаков спорили со Львом Львовичем, защищающим патриотизм и утверждающим, что Россия победит Европу оружием и что славяне воинственны.

Бирюков говорил о невмешательстве в жизнь других. Л. Н. прочел по этому поводу из корректуры «Пути жизни» — «Посредника», о непротивлении злу и самосовершенствовании⁴. Николаев сказал, что следовало бы оставить экземпляр без пропусков цензурных.

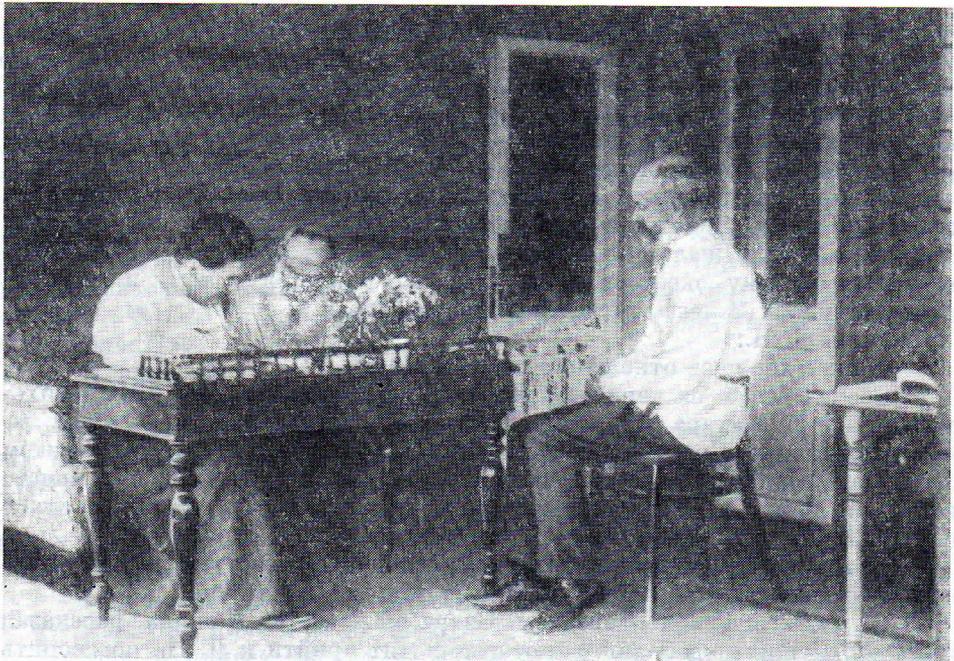
Л. Н. согласился и поручил проявившему охоту заняться этим С. Д. Николаеву составить такой из корректур⁵.

Л. Н.: Нужен такой экземпляр со всеми нецензурными местами.

— Нужно исключить специально поправки цензурные, а внести поправки редакционные, — добавил Бирюков.

3 августа. Софья Андреевна получила письмо от Моода. Сожалеет, что Л. Н. пишет ему, чтобы он в своей биографии Толстого пропустил

* который он всячески прячет.

ТОЛСТОЙ, А. Л. ТОЛСТАЯ И МАКОВИЦКИЙ

Отрадное, 12—23 июня 1910 г.

Фотография В. Г. Черткова

его недобрый отзыв о Черткове¹. Софью Андреевну это письмо Моода подогрело в ее злобе к Черткову². Читала его вслух, говорила о нем за завтраком и... разошлась. В присутствии внука своего Андриюши Ильича и Бори Бирюкова говорила про Л. Н. и Черткова ужасно непристойно и решила включить это письмо в «Историю моей жизни». Всем нам за завтраком было неловко, сама же Софья Андреевна ужасно взволнована. После, когда заговорили о ее поведении, Мария Александровна прервала разговор.

— Разве вы не видите, что Софья Андреевна душевно больна?

Под вечер Софья Андреевна получила письмо от Е. И. Чертковой: хорошее, доброе, убедительное; Елизавета Ивановна просит ее опомниться и не говорить того, что она говорит про Л. Н. и Черткова. Софья Андреевна ответила ей сразу и прочла вслух и письмо Елизаветы Ивановны и этот ответ ей, довольна им³. После обеда хотела прочесть и Л. Н., но он отклонил:

— Я устал, ни того, ни другого не хочу.

Разговор по поводу письма и ответа еще больше взбудоражил всех: Александру Львовну, Варвару Михайловну, Екатерину Васильевну, Бирюкова, Марию Александровну, Гольденвейзера, Булгакова. Александра Львовна сегодня не встала из-за насморка, и все к ней заходили, и Софье Андреевне, как та ни была взволнована, тоже сказала всю правду в глаза и упрекала ее за то, что она так мучает отца. У Л. Н. усталое, измученное лицо. Софья Андреевна ходила к нему, читала ему письмо Моода и свой ответ и дала читать выписку из его дневника, из которой она делает заключение, что он влюблен в Черткова⁴. Л. Н. молчал. Она уходила и опять приходила. Тут Л. Н. сказал ей, что уйдет от нее, и замкнулся. Потом сошел ко мне и сказал мне.

— Скажите ей, если она хочет меня уморить, то уморит.

Он весь изменился.

Я пошел в комнату к Софье Андреевне. Она была тоже в высшей степени взволнована. Я сказал, что нельзя губить и Л. Н. и себя. Она дала мне прочесть выписку из дневника: «Чтобы вы убедились, что я имею повод ревновать». Потом жаловалась на Л. Н., как он рассердился, когда она ему показала выписку, и пригрозил, что уйдет. Боялась, не уйдет ли, не доверяет ему. Я должен был несколько раз повторять ей, что нет. Я от всего сердца жалел ее и желал ей, чтобы не страдала, чтобы ночью не ходила по дому, около спальни Л. Н., как в прошлую ночь, и не нарушала его покой. Я лег в смежной комнате Гусева.

За чаем Л. Н.:

— Какое хорошее отношение детей к Поше!

Я прочел вслух из чешского журнала «*Naše Doba*», май 1910, стихотворение Е. С. Махара «Хельчицкий»⁵. Л. Н. внимательно прослушал, но не сказал ничего. Содержание: Хельчицкий в беседе с гуситом-таборитом Бискупцом горячо доказывает, что надо держаться учения одного Христа и жить по нему. А Бискупец — что надо держаться учения святых отцов церкви. Л. Н. взял «*Naše Doba*» и сам стал читать. И сказал:

— Когда читаю чешский, польский, эсперанто, чувствую неудовлетворенность: кажется, что понимаешь, а понимаешь не вполне.

Л. Н. ездил с Гольденвейзером. Вчера он встретил Фокина, рассказал и ему о будущих новобранцах, которые хотят прийти к Л. Н., поговорить с ним. Л. Н. назначил им место свидания — Телятинки или Овсянниково. Сегодня же сказал Марии Александровне и Булгакову, что передумал и чтобы прислали их в Ясную.

— Не провокация ли это? — задал вопрос Л. Н. — В рабочее время пять парней уходят из дому. Если да, то Мария Александровна или Чертковы могут поплатиться, как Молочников, «за соращение», а я неприступен.

Я никогда не видел Л. Н. таким потерянным, как сегодня. Он еще хуже разбирается в Софье Андреевне, чем я, еще больше подпадает под ее влияние. Софья Андреевна умеет его разжалобить своим горем.

4 августа. Утром приходил гимназист⁴. Л. Н. о нем:

— Это революция осталась: «Что мне делать, чтобы служить другим?» — спрашивал он. (Это) основано на большом знаменателе, на большом самомнении. «Я уж так хорош (думает он), что (только) других учить (над собой нечего работать)».

Л. Н. получил какую-то киевскую газету, в которой его бранит крестьянин, бывший здесь при Гусеве.

— Упрекают меня часто, — говорил Л. Н., — в двух вещах: что горжусь графством и что занят собиранием денег за писания.

Был семинарист, симпатичный; еще была молодая чета: оба очень красивы.

— Она с той самодовольной улыбкой красивой женщины, которая говорит, что ею должны быть все довольны, — сказал Л. Н.

Л. Н. дней 10—14 пишет что-то художественное.

Полудни ездили верхами встречать Александру Львовну из Тулы. С ней встретились на Косой Горе и только перекликнулись, т. к. она ехала в глубокой выемке по шоссе, а мы — над откосом.

Поехали дальше прямо, полем, без дороги, в имение Ворониных — Старое Басово. Л. Н. — чтобы отдать визит М. А. Ладыженскому. Проехали по длиннейшей аллее, во дворе были встречены лаем пяти или шести собак (две цепные), которые напали на Делира и страшно лаяли. Л. Н. очень не любит лая собак, и из-за них мы долго не могли расспросить, здесь ли Митрофан Алексеевич?

М. А. Ладыженский принял Л. Н. экспансивно, радостно, хозяйки не было дома, а так как Л. Н. сказал, что приехал только на минутку, Ладыженский, торопясь, показывал ему альбомы с художественно раскрашенными открытками — фотографиями Японии, Индии и, кажется, Китая, так же торопливо их объясняя. Он собирал их по лавкам в глуши Японии, тщательно сортировал и горд своей коллекцией. Л. Н. они заинтересовали; он жалел, что не было времени внимательно их просматривать. Виды: домашняя жизнь, города, ландшафты, театры, храмы, изображения Будд. Над входом в один храм — горельеф: три обезьяны — одна руками закрывает себе глаза, другая затыкает уши, третья — рот, и подписано: «Чтобы быть счастливым, надо ничего не видеть, не слышать и надо молчать».

Л. Н. заметил:

— Газетчики и читатели газет — наоборот.

Ладыженский: У японцев театр замечательно поставлен, хорошо играют и особенно хорошо изображают гнев. Это народ утонченный, но злой.

Л. Н. за обедом рассказывал об этом посещении и о японских открытках с пейзажами:

— Пейзажей я вообще, и самых больших мастеров, не люблю.

— Почему не любишь? — спросила Софья Андреевна.

— Так. Они ничего не внушают.

Нарочный привез письмо из Тулы Софье Андреевне от американца. Пишет, что специально приехал в Европу, чтобы видеть Л. Н. Письмо его неясно, и из него можно было думать, что он Роберт Hunter, знакомый и симпатичный Л. Н. писатель.

Л. Н.: Все-таки я хочу ему отказать.

Лев Львович склонял его принять, и Л. Н. согласился на а very short visit *. Он, Freeman, приехал на следующий день, никаких вопросов не имел, оказался глоб-троттером **, сыном директора самого большого нефтяного синдиката.

Л. Н. хотел отказать просто от усталости и, чтобы не рассеиваться, говорил:

— Нынче я читал про Кнута Гамсуна, которому на днях исполнилось 50 лет; главное — что он никого не принимает (т. е. ни интервьюеров, ни знакомых ему посетителей).

Впрочем, Л. Н. сочинений Кнута Гамсуна не знает и не считает нужным читать. Об этом он говорил на днях, когда была речь, что в обществе считается долгом читать современных писателей. Л. Н. что-то из его произведений прочел, на этом основании решил больше не читать.

Сегодня был у Л. Н.-ча Перпер, редактор киевского «Вегетарианского обозрения», которое он не намерен более издавать, т. к. приходится дополнять. Просил посредничества Л. Н., чтобы его взяли в редакторы вегетарианского журнала, который хотя и издавать в Москве при соучастии сотрудников «Посредника» ². И Л. Н. попросил уезжающего Бирюкова устроить это дело. Бирюков сказал, что ничего не выйдет, т. к. условия Перпера неприемлемы. Он говорил уже об этом с Николаевой.

Л. Н. (о Перпере): Мне он очень нравится.

Л. Н. спрашивал Бирюковых про их детей. Между прочим, рассказали, что у них есть «их стороны»; что Лева, шести лет, когда видит тропинку, говорит: «Эта ведет в мою сторону».

Л. Н.: Там, верно, никто никого не обижает?

* очень краткое посещение (англ.).

** путешественником (от англ. globe-trotter).

Павла Николаевна: Да, там все добрые, не гnevаются, кошки мышей не едят.

Л. Н. сделал жест рукой; показал выражением глаз, лицом, как это ему понятно, близко, радостно.

Л. Н-чу на днях Каргушин привез письмо Леонида Семенова, в котором он пишет о православной секте.

Л. Н. это понравилось, говорил: «Ведь чем же она не секта (православная церковь), большим числом последователей?» — А 5 августа в письме к священнику, который его вторично обращает, Л. Н. употребляет это выражение³.

5 августа. Л. Н. хвалил индийский журнал «New Reformer», последний номер хороший. Л. Н. стал получать заграничный журнал «Mous-soulmanine» («Мусульманин») ⁴.

— Там напечатано мое письмо (к Крымбаеву) ², — сказал Л. Н.

Софья Андреевна попросила это письмо и дала переписать на ремингтоне. Она теперь в горячке издательской, собирает, что печатать из последних сочинений Л. Н. в томах от 14 по 21 ее нового издания³. Напечатано 11 томов.

Л. Н. говорил, что кто-то спрашивал его, что означает изречение из Талмуда: «Падает кувшин на камень или падает камень на кувшин, всегда горе кувшину». Л. Н. сказал, что он думает ответить ему: это означает, что в вещественном мире побеждает всегда самое грубое⁴.

С Л. Н. ездили в Засеку. Вечером меня не было дома.

Л. Н. рассказал, где видел на Черте много белянок (грибов). Черта — это лес, который отделяет казенную Засеку от частных владений. (Но у Толстых зовут «Чертой» только часть ее, вдоль речки Ясенки.)

Лев Львович лепит бюст Л. Н., пока без позирования.

Сегодня Л. Н. дал переписать свою записную книжку Булгакову. Александра Львовна очень ревновала, потому выпросила у него эту книжку запиской, не дождавшись завтрашнего свидания⁵. Софья Андреевна нашла дневник Александры Львовны и весь прочла. Софья Андреевна вообще везде ищет, третьего дня нашла и дневничок интимный Л. Н. и весь его прочла. Сегодня пополуночи жаловалась на сердце. Как только приходит время отъезда Л. Н. на прогулку, Софья Андреевна начинает беспокоиться. Третьего дня ездила его встречать, сегодня тоже послала кого-то. Уже с утра начала, рано встала и ходила за Л. Н. на прогулку в Елочки. Подозревает и выслеживает, не выдается ли с Чертковым.

6 августа. Л. Н. ездил с Булгаковым на провалы, и плутали, Л. Н. взял по дороге направление к Туле, а думал, что к Ясной Поляне. Это с Л. Н. случалось в последние недели и при мне, я должен был направлять его. Я был у Чертковых; Владимир Григорьевич убит. Спрашивал о Л. Н. и о Софье Андреевне, про отношения их. Я сказал, что уступчивость Л. Н. мне кажется правильным путем; ведь Л. Н. не уверен в том, душевно больна ли Софья Андреевна или только притворяется. Он скорее признает ее душевнобольной. (Черткову, мне казалось, было тяжело слышать, что мягкость, податливость Л. Н., вместо решимости, находит оправдание у меня.)

Вернувшись, узнал, что приехал Короленко, и застал его за обедом в разговоре с Л. Н. Софья Андреевна, Булгаков, Лев Львович, Екатерина Васильевна, позже Александра Львовна, Варвара Михайловна, Гольденвейзер.

Л. Н. спрашивал Владимира Галактионовича, часто ли выдается с Милюковым, о котором Л. Н. предполагал, что он издатель «Вестника Европы», спутав его с Максимом Ковалевским¹.

Л. Н. третьего дня, получив телеграмму Короленко с вопросом, может ли приехать², взял «Русское богатство» и читал. Тут увидел его левое

направление и, вероятно потому, задал гостю вопрос о совершенно безразличном ему Милюкове. Потом Л. Н. сказал, что на днях в «Русской мысли» смотрел стихотворения бессмысленные и спросил, какой имеют смысл модернистические и декадентские стихотворения³.

Короленко: Я о том же спрашиваю других и получаю ответ: «Смысла нет, а есть что-то». — И Короленко сказал, что особенно странны такие стихотворения, которые написаны безграмотно — и модернизм в них. Впрочем, начинается реакция (обратное движение).

Л. Н. спросил Владимира Галактионовича о количестве подписчиков «Русского богатства».

Короленко: Пятнадцать тысяч. Газеты имеют по 150 тысяч и будут иметь американские цифры, когда в такой огромной стране, как Россия, пробудится потребность в них.

Л. Н.: Я получаю письма с настоящими запросами.

Л. Н. вернулся к модернизму. Спросил, как Короленко его объясняет. Короленко рассказал про выставку картин, которую видел в Чикаго. Возле обычных картин висели в большом количестве картины тех же авторов, на которых преобладал лилово-зеленый цвет или серая «синька».

С одним из этих художников, Мозесом лондонским, Короленко разговорился о том, почему они так пишут. И тот объяснил ему, что он написал много картин, где освещение солнцем передано, как есть, а теперь в картинах из жизни бедных Уайтчейпеля⁴ хочет писать для тех же богачей, но чтобы было некрасиво, даже солнечный свет чтобы был серый. Теперь эта мода в живописи, в беллетристике, в музыке происходит.

Л. Н.: Я ее, слава богу, и не видал, и незаметно для меня она прошла.

Короленко: Вот и думаешь иногда: такое явление — модернизм, декадентство — не может быть основано на выдумке: причину надо искать, она должна быть.

— Причина — охватывающая толпу лживость, — сказал Л. Н.

Л. Н. сказал, что вчера Гольденвейзер играл Шопена «Marche funèbre».

— Я думаю, что человек, мало знающий музыку, сказал бы, что это чепуха. Однако есть места хорошие, но настоящее искусство должно быть понятно всем, и народу. Художники стараются потрафлять господам, а оно (искусство) нужно всем, и народу. И как я ни люблю Шопена, не скажу, что Шопен есть искусство будущего, что он останется навсегда; это удовлетворяет исключительную публику, маленькую.

Вернулась Александра Львовна с Варварой Михайловной, ездившие к провалам. Разговор об этих провалах — озерах, появившихся лет шесть тому назад в Засеке, в семи верстах от Ясной. Короленко стал рассказывать о таком же провале — вулканическом озере, святом озере, на границе Макарьевского и Семеновского уездов, две версты от села Владимирского. На дне его, по сказанию, град Китеж. В ночь с 21 на 22 июня ежегодно сходятся всех толков раскольники — издалека, даже из-за Урала, из Архангельской губернии — начетчики, толковать о вере; туда же приезжают и миссионеры православные. Там установилась традиция полной веротерпимости.

Л. Н.: А (как относятся) к рационалистам, к молоканам?

Короленко: Когда недавно явились туда молокане, сперва вытолкали их. Теперь и к ним терпимы. — И рассказал легенду о невидимом Китеже-граде: некоторые, чтобы увидеть его, ползают на коленях с горящими свечами вокруг озера. Вдруг — счастливое лицо и глаза — обо всем забыла, слезы; а другие вокруг стоят, смотрят на нее, знают, что она видит крестный ход, монастыри, слышит звон колоколов, видит невидимое⁵.

Л. Н.: Основная мысль мне очень нравится — что это видимость, а невидимость — это что-то другое (духовное)*.

Короленко рассказал про полтавские торжества (открытие памятника Петру)⁷ и про саровские торжества⁸, на которые съехались суеверные, темные люди. «Какая тут конституция, когда такая темнота?!» — И рассказал свой разговор с мужиками, караулившими проезд царя, о студентах, намеревающихся, по их словам, известить царя; они понесут икону, в которой будет скрыт татарин с двумя ножами; когда царь к ней приложится, он его убьет.

Л. Н.: Нынче я получил письмо: «Как священник может присутствовать при смертной казни?» А рядом с таким серьезным вопросом спрашивает: «А как объяснить этот стих из откровения?»⁹

Завтра придут пять отказывающихся из Высокого с Фокиным¹⁰. Фокин, отказываясь, объявил: «Зачем я его стану убивать — он, может быть, лучше меня».

Л. Н.: А как у вас закон 9 ноября, идут на отруб?

Короленко: У нас, в Полтавской, частное землевладение. Я думаю, что, в сущности, неправильно тут генеральская решимость, это грубое, жестокое вмешательство. Надо предоставить общинам развиваться. В некоторых местах было и есть стремление переходить от общинного к подворному землевладению, в других местах, наоборот, — к общинному; я считаю, что лучше общинное землевладение и что община останется и даже что высшая форма общинного землевладения вырабатывается.

Разговор о монастырях. Короленко говорил, что в монастырской жизни — неравенство: кто вносит деньги, живет легко, а на других наваливается непосильный труд. Привел примеры. Потом вспомнил, на днях был в «Русских ведомостях» фельетон Вернера, что в испанских монастырях до сих пор производятся пытки¹¹. Есть руководство, как пытать. В сущности, напрасно считается, что пытки уничтожены в России. И рассказал историю (Мултанское дело), когда обвиняли вотяков в приношении человеческих жертв; полиция пытала их и добилась признания; судили и обвинили их в убийстве человека и в жертвоприношении, а через некоторое время нашли того человека, русского нищего, замерзшим. Короленко рассказал эту историю подробно, очень живо, художественно. Глаза у него светились тихим огоньком. Он в этом деле защищал вотяков¹².

И о другом подобном случае рассказал, когда пытками вымогали у двоих людей признание, что они убили человека. Это результат истязаний.

— Если полицейский убил, если смерть наступила от последствия истязаний — это проступок, а не преступление, и наказывается заключением до четырех месяцев. Пытки еще есть в Австрии, Румынии, т. е. на востоке Европы.

Короленко, рассказывая, что у вотяков нет приношения человеческих жертв, говорил о язычниках — вотяках, якутах, черемисах, о их верованиях, и заключил, что язычники ничем, по существу, не отличаются от православных; это полное слияние их мировоззрения с православием. Короленко знает несколько чудских и монгольских языков. У якутов шаман говорит: «Разве ты не понимаешь, что бог один у всех: бог-отец, бог-сын; а когда есть сын, есть и мать».

— Я был удивлен, — говорил Короленко, — возвышенности песен, которые язычники пели... Был сектант-мордвин в начале 19-го столетия, впоследствии сосланный в Сибирь, который стал проповедовать, чтобы вернулись к древним богам. Явились ему богородица, Николай-чудотво-

* Сравни, как это у Булгакова⁶. — *Позднейшее примечание Маковицкого.*

рец и объявили, что неурожай оттого, что они, мордва, отступили от древней веры и что надо молиться Иисусу не в храмах, а на полянах. Языческий их бог,— сказал Короленко,— это наш бог, творец земли. Обвинение в Мултанском деле доказывало, что у вотяков 42 божества, требующих человеческих жертв, но это низшие разряды — это наши лучшие, водяные, бабы-яги. Я к присяжным обратился с речью: «Вам говорят, что у них есть такие божества, и вы смотрите на этих вотяков, какие они отвратительные люди; но возьмите вы наши деревенские рассказы — это те же самые лучшие... И опять-таки у вотяков те же самые молитвы: «Отче наш», только они прибавляют к «избави нас от лукавого» — «избави нас от злого начальства». (Также и китайцы считают зло власти наравне с пожарами, наводнениями.)

Л. Н.: Что наши приносят жертвы, не человеческие, а вещественные, лучшим, домовым,— это несомненно.

Короленко: Я не доказывал, что нет кровавых жертв, а что только человеческих нет. Все у них (вотяков) есть, что есть у их соседей — русских... Когда присяжные (крестьяне) оправдали вотяков, один из них, мельник, который все время зверем смотрел, пожимал нам руки за то, что мы их избавили от греха.

Короленко еще рассказал про двух черемисов Казанской губернии, приехавших к нему в Петербург искать защиты от притеснений за их веру. «Мы язычники, потому что бога можем почитать только языком и духом». Признают бога, сына, богородицу, Николая-чудотворца и только земледельческие праздники. Являются могут только в лаптях из лыка, потому что сагоги получены убийством, и икон не признают. Рационалистическая христианская секта. Их сослали. Язычество мало того что совпало с христианством, оно перешагнуло обрядовое христианство.

Л. Н.: Я помню черемисов (казанских). Интеллигентный и симпатичный народ и красивый, а чувашаи — довольно тупой.

Короленко заговорил о якутах:

— Якуты, когда убивают животное, прежде извиняются перед ним.

Короленко так красиво, живо говорил, что все мы обращались к нему: он был центром, а не Л. Н., я это за собой заметил и пересел на другое место.

Л. Н.: К какому учению примыкает их учение?

Короленко: Вера якутов уже выработала понятие о едином боге. Есть у них две религии: более отвлеченная, возвышенная — о боге-духе, а другая — более практическая — шаманская.

Л. Н.: Это во всех религиях — духовная основа и извращение внешнее, обрядное. И в браманизме, в буддизме.

— Какой отдел ваш в журнале? («Русском богатстве»).

— Литературный, то есть все вообще.

— Есть ли что хорошего в переводной или русской беллетристике?

— Нет. Немецкая художественная литература удивительно плоска. Французская — с известным оттенком... Я до сих пор перечитываю Диккенса, хотя там сентиментальность, добродетель всегда торжествует.

Л. Н.: Диккенс освещает тех людей, с которыми встречаешься.

Короленко: Мне кажется, что это зависит от жизни; меняется что-то, все основы жизни подвергаются критике, а душа человека сама мечется постоянно. Сколько нужно было времени, чтобы такой тип, как гоголевский Петух, налилса (точно дыня на огороде *).

Л. Н.: Нет... не знаю. В жизни какое-то бесчисленное количество сочетаний, свойств. Некоторые типические черты выражают корни, к ко-

* Уточнение, сделанное по записи В. Ф. Булгакова.— *Ред.*

торым мы присоединяем другие характерные черты. Это нам облегчает понимание людей.

Короленко: Вы дали типы меняющихся людей (Безухов), у вас мы входим в область, когда меняется что-то в душе, и величайший труд художника — схватить это.

Л. Н. (возражая): Дело художника — многие мелкие черты, которые разлагаются в бесконечном множестве людей, сочетать в одном человеке. Когда я серьезно занимался писательством, то старался непосредственным чувством угадать тип; как трудно это сделать! а нынче я не думаю об исполнении; вижу, что все это только мечты. Но тип остается типом: не «меняющийся», а движущийся. «Когда я вырасту большой», буду так писать. Я таких вижу, но уже не могу, я откупался (т. е. отписался).

Короленко: Вот, может быть, мы и еще тип увидим¹³.

Короленко: Рассказ <о Христе>: «Да зачем мне крышу крыть, когда я послезавтра умру?» — «И сто двадцать лет люди живут, а крышу все надо крыть»¹⁴.

Л. Н.: Вчера я читал изречение Карпентера, что о последствиях (своих деяний) человек не должен думать.

Короленко: Но.....*

Короленко: Нестеров — это настоящий художник, и всегда есть у него искренность.

Софья Андреевна завладела Короленко и больше чем полтора часа рассказывала ему про свои отношения с Чертковым: сваливая вину и жалуясь на Черткова, что он вторгся в ее отношения с мужем. Короленко был ошеломлен и после ловкого адвокатского изложения Софьи Андреевны признал ее правой.

Потом Короленко ночевал вместе со Львом Львовичем.

Л. Н. предложил Короленко посетить Чертковых. Вечером были: Гольденвейзер, Перпер. Перпер хотел говорить с *Л. Н.*, но по скромности отказался от этого.

7 августа. Суббота. Короленко встал по своему деревенскому обычаю в 6 часов и гулял. Я встретил его в 8 часов и говорил ему об одностороннем изложении чешско-польских отношений в Тешинском княжестве («Русское богатство», статья Васильевского (Плохоцкого) — поляка¹). Автор приписывает чехам корыстные цели в славянских делах (банковские дела, экспорт фабричных произведений) — это поверхностный взгляд и оговаривание. О вчерашнем его разговоре с Софьей Андреевной.

Короленко заговорил о Файнермане — что следовало бы публично опровергнуть его измышления (расскази). Вышел *Л. Н.* и позвал Короленко. Гуляли целый час. Александра Львовна свезла Короленко к Чертковым. Там его снабдили изданиями запрещенных сочинений *Л. Н.* Утром за чаем на террасе Короленко интересно рассказал про Генри Джорджа, которого видел в собраниях, где тот (в США) выступал. При этом разговоре был и Николаев.

О революции Короленко говорил, что теперь большое затишье. Ясно, что Азеф устроил покушение на великого князя Сергея Александровича. Правительство делает вид, что не верит его двойственной роли.

8 августа. У *Л. Н.* был слабый обморок.

— Саша, ты на меня не обижайся.

— За что?

— За то, что я скоро помру.

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Несколько дней тому назад получено письмо из Бельгии от имени «His holiness Shri Paramahansa» *, индуса-учителя (религиозного); пишет его секретарь, или ученик, или почитатель, что его «святейшество» желал бы приехать побеседовать с Л. Н.¹ Получена и книга его. Л. Н. желал его приезда, но оставил решить Черткову. Дело осложнено тем, что просит достать ему паспорт от русских властей, т. е. он у английских не хочет просить.

** Л. Н. читал внимательно книгу «The Sayings of Shri Ramakrishna Paramahansa» (Madras, printed at the Brahmavidin. Paris, 1905), индуса, который хотел приехать повидаться с ним. В этой книжке Л. Н. отметил многое².

Л. Н.: Софья Андреевна не спала. Сегодня мне предложила, чтобы Чертков опять ездил. Опять будет..... *** Я ей предложил разъехаться — (поеду) к Тане.

— Соната «Аппассионата», часть первая перед адажио — лучшая, — сказал Л. Н.

9 августа.

Фере: Я ревизовал хутора. Где хутора — там уныние, недовольны. Любят общение. Где артель (мирская) — там не так скучно.

Л. Н.: Один крестьянин вез на двух подводах вино. В деревне Озерки у него лошадь упала, сам он был выпивши, не сумел ее освободить; подоспел мужик, обрезал гужи, и лошадь встала. Возчик поднес ему вина и сам выпил, потом нахлынула вся деревня и стали растаскивать, и растаскали обе подводы. Как же будут судить? Тут вся деревня участвовала. Будут судимы зачинщики. Я думаю, кончится пустяками, их 40 человек. Грабеж могли свести на воровство.

Софья Андреевна рассказала Фере все, в чем обвиняет Черткова, все, что имеет против Л. Н., не щадя Л. Н., до которого это доносилось через открытые двери в кабинет.

Л. Н. сегодня был в Овсянникове: мрачный, больной, хочет уехать к Татьяне Львовне.

Л. Н. (о ком-то): Занимается земельным вопросом, а Генри Джорджа не знает.

Л. Н. (о Льве Львовиче): Как он психологически похож на Софью Андреевну.

10 августа.

Л. Н.: Как не ждать за добро отплаты.

Он приписывает больше всего свое хорошее здоровье воздержанию. Сегодня были у Л. Н. Сережа Попов, Языкова. Л. Н. очень слаб.

Л. Н.: Гораздо разумнее.... чем в колясках на каучуковых шинах; в Конго половину народа перебьют (из-за каучука)¹.

13 августа. Получена телеграмма Шри Парамагамзы из Бельгии, чтобы Л. Н. устроил ему паспорт от русской границы. Л. Н. ответил: «Sorry, I can't» ****¹.

Вечером были: М. А. Шмидт, Буланже, Гольденвейзер, Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна; с третьего дня здесь Татьяна Львовна, с месяц — Лев Львович, две-три недели Екатерина Васильевна.

Л. Н. с Буланже о Парамагамзе, о браминах.

Л. Н.: У них то же уважение к тексту², что у магометан — к Корану, у церковных христиан — к Библии. Вивекананда был свободнее, а тоже подгонял (учение к тексту).

* «Его святейшества Шри Парамагамзы» (англ.).

** Абзац переписан в 1911 г. — Ред.

*** Пропуск в подлиннике. — Ред.

**** «К сожалению, не могу» (англ.).

Лев Львович спросил Л. Н., читает ли теософский журнал (русский) «Вестник теософии», который ему присылают.

Л. Н.: Нет.

Лев Львович: Интересный, там изречения Магомета очень хорошие.

Л. Н. объяснил, что избранные им изречения он взял из издания «Посредника»³.

Буланже: История магометанства очень интересна. Менее интересен Магомет, который хотел, чтобы его признали пророком.

Л. Н.: В магометанском журнале («Review of Religions») или в «Му-сульманине», появляющемся в Париже первый год (издатель его — черкес), говорится о том, что искупления у евангелистов нет, только у Павла⁴. Искупление явилось в церковном учении в XII столетии.

Полудни у Л. Н. была Е. Д. Языкова, дама, тратившая десять тысяч в год на туалеты, в прошлом богатая женщина, 28-ти лет; сама, прочитав сочинения Л. Н., перевернула свою жизнь, сдала фельдшерские экзамены и сдает на повивальную бабку. Живет две недели в Ясной Поляне, чтобы поговорить с Л. Н. Я спросил Л. Н., понравилась ли она ему.

— Нет. Самые обыкновенные вопросы, ничего нового: чем могу быть другим полезна, вопросы о любви, была влюблена. — Потом, через пять минут, встретив меня в своей комнате: — Напрасно сказал, что не правится, это забудьте.

За чаем М. А. Шмидт с отвращением и ужасом вспоминала, что приезжавший на днях от Булыгина молодой француз Люсьен Саломон⁵ (22-х лет молодой человек, родственник Шарля Саломона) ест улиток, которые капусту едят. Л. Н. к этому рассказал, что читал на днях об антропофагах (в Африке, в Конго и в соседних странах), как они людей едят, особенно женщин (у них мягкое мясо), и детей едят, и прежде подкармливают, чтобы были жирнее. А вместе с тем очень много у них черт высоких: верны, не лгут.

— Не преувеличены ли эти рассказы о людоедстве?

Сегодня после обеда Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна и Екатерина Васильевна засели в винт играть. После Гольденвейзер играл Аренского и Скрябина.

14 августа*. Л. Н. первый раз вышел и поехал верхом. Вечер. Черткову разрешено остаться. Софья Андреевна отложила свой отъезд.

15 августа. Утром, в 7.15 выбрались из дому Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Александра Львовна и я — в Кочеты. Софья Андреевна решила вчера вечером ехать с Л. Н., окончательно же решила сегодня утром.

Л. Н. (утром Татьяне Львовне): Зачем же я тогда уезжаю?

А Софья Андреевна по дороге твердила: «Зачем он, большой, едет?» и приводила и опровергала выдуманные и предполагаемые ею причины, но не вспомнила настоящей причины, что Л. Н. решил ехать из Ясной Поляны, чтобы она меньше раздражалась и чтобы самому отдохнуть от ее жалоб, укоров, сцен.

Ехали вторым классом. Л. Н. нездоров, ни с кем посторонним не разговаривал. Половину дороги пролежал — проспал, прочел в Козловке захваченную утреннюю почту (газеты) и читал с большим интересом новейшую книжку Ф. А. Страхова «Искание истины»¹.

Очень коротко что-то записывал. Говорил про несвежий хлеб, которого много везде в поле: дожди, гниет. До самого Орла не выходил из вагона. В Орле, выйдя из вагона, был очень бледен, шатался. Я хотел поддержать его за предплечье, но Л. Н. отодвинулся. До самого отъезда

* Переписано 15 марта 1911 г.

гулял один в конце длинного перрона, где никого не было. Из ехавших с нами в поезде почти никто не знал, что едет Л. Н.; то же и в Орле на станции и в поезде из Орла; только машинист нашего поезда из Орла в Благодатную узнал Л. Н. и рассказал, что он был у него в Москве просить места, помощи; он было опустил — страстно играл в бильярд, пьянствовал, в одних лохмотьях остался. Л. Н. тогда внушил ему веру в себя, советовал взяться за работу, какая найдется, хоть менее оплачиваемую, преодолевать в себе страсти, дурные наклонности, бога искать, божественные книжки читать. И он перевернул с того дня свою жизнь. Теперь, в разговоре со мной, интересовался книгами Л. Н., записывал себе заглавия «Круга чтения» и других, хочет купить их для себя и для детей, а то покупает Пинкертона и ему подобных, платя за книгу (выпусками) до пяти рублей. По пути встретились и говорили с Л. Н. Михаил Львович и его тесть, В. П. Глебов, Алексей Давилов, едущий из Баку в Кочеты. Л. Н. спрашивал его про жизнь в Баку.

— Безнравственная — от множества денег, которые зарабатывают рабочие на заводах; их до 60 тысяч; сам же город имеет 300 тысяч жителей, преобладает татарский язык, много армян, евреев.

Приехали в Кочеты в седьмом часу. За обедом: Елена Петровна, жена старшего сына М. С. Сухотина, смутилась перед Л. Н., что ест мясо. Л. Н. рассказал про антропофагство, как его описывает Фoa (у негров Центральной Африки). Как предпочитают мясо женщины и особенно детей, как их предварительно выкармливают.

— Вот, на ваше мясоедение через 30 лет так будут смотреть, как на антропофагство.

Возражения.

Л. Н.: Если не через 30, то через 100 лет.

Шахматы. Винт.

16 августа. Л. Н. рано встал, читал, сидя в халате, до 9.15, потом пошел гулять. Хотя лучше себя чувствует, чем вчера, все-таки плохо, слаб, не завтракал. Пополудни отдыхал, лежал до 3.15, потом недолго погулял. В 4 часа пришел на террасу к чаю, где были, между прочим, сегодняшние гости: студент С. П. Извольский, сын прокурора Святейшего синода, отлучившего Л. Н. и кающегося из-за этого; говорит, что сделал это не отец, а другие члены Синода. Приехал с двумя товарищами: кн. Мещерским и сыном английского помещика в Ирландии Гвиннессом.

Читали вслух Л. Н.-чу письма — ответы на анкеты — здешних и окрестных крестьян и крестьянок: что им нравилось в вечерних чтениях учителя Дорика — правоведа И. М. Диомидова. Большинство высказывалось за Евангелие, жизнь Серафима Саровского и иных подвижников и за чтения по земледелию; некоторым нравилось «Чем люди живы», иным — туманные картины. Большинство желало и благодарило за «божественное чтение», заявив что «сказки» (Гоголя и Семенова) им нежелательны. Некоторые желали «историческое чтение». Л. Н. интересовали эти ответы. Они совпадают с тем, что он давно чуял и чувствует — что народу нужна правда божественная.

То, что крестьяне не желают «сказок», Л. Н. считал натуральным: «Это так. Они выдумок не любят, скорее историческое и биографическое».

Иван Михайлович провел анкету среди детей, пьют ли водку и кто их угощает? Выходит, что пьют все, начиная с четырех — шести лет, угощают их родители, и что вреда в питье взрослые не видят.

Это Л. Н. поразило, и он жалел, что мы не привезли плакатов «Посредника» против пьянства.

— Иван Михайлович, вы говорите против пьянства, а у нас случилось, — Л. Н. рассказал о приходивших к нему неделю тому назад, сначала бабах, а потом 41 хозяйне всей деревни (Большие Озерки —

41 двор), растаскавших воз водки. Проезжал мужик-старичок; с двумя возами водки, которую вез в монополию. Одна лошадь у него повалилась, позвал мужика помочь и вместе выпили полбутылки. Старик охьянел и стал угощать подошедших. После свалился с ног. Прибежала вся деревня и растащила воз водки. «Я, как овца благая, себя не помню, бегу», — рассказывала Л. Н. баба, таскавшая водку. Они советовались с Л. Н., потому что становой предлагает им внести 410 рублей, сколько стоила водка, и дело прекратится. Л. Н. советовал подождать обвинительного акта, думая, что они могут выйти безнаказанными. Л. Н. спрашивал Михаила Сергеевича, кто их будет судить*.

Вчера вечером была игра, каждый записывал на один листок 12 самых великих людей, а на втором — самых любимых, исключая Христа и Толстого. Л. Н. и Софья Андреевна написали только по одному листку, у них одни и те же любимые и великие люди. Л. Н. написал: «Эпиктет, Марк Аврелий, Сократ, Платон, Будда, Конфуций, Лао-тзе, Кришна, Франциск Ассизский, Кант, Шопенгауэр, Паскаль».

Оказалось, что Гус получил три балла. Моего между ними не было. Будда получил пять баллов. Большинство же — шесть баллов — получили Наполеон и Александр Македонский.

Л. Н. играл в шахматы с Мещерским; после — винт. Молодежь с Татьяной Львовной — в рулетку.

Гвиннесс ничего Толстого не читал. Рассказывал, что в Ирландии, где у них поместье, за последние 15 лет поступает только 50% прежнего дохода. Отношение арендаторов к лендлордам враждебное, потому лендлорды продают земли; Гвиннессы еще не продали, они намереваются купить землю в Сибири и разводить там овощи.

17 августа. Л. Н. все слаб, печень. Утром сидел в халате, слабый и понурый. В 11 часов прехал А. Я. Григорьев, знакомый скопец, приятель. Л. Н. с ним у себя беседовал до часу. Я вошел в 1.30, Григорьев повествовал с задушевной радостью и полной верой об их искупителе Петре Федоровиче и обращал Л. Н. в свою веру.

Л. Н.: На что же нового искупителя, ведь христиане считают им Христа?

Григорьев стал приводить предсказания Якова Бёме про грядущего искупителя и советовал читать их книги про Александра Павловича.

Л. Н.: Про Александра Павловича хорошо знаю... Это все пустое, не нужно все это. Это все бесполезно. Как жить, как надо мне прожить — нужно знать.

Григорьев: Он нам дал наставления... Вы прочитали бы. Я принес книгу, да вы не обратили внимания (на нее). Вам бы почитать следовало, а нас не переубедите.

Л. Н.: Пусть каждый живет по-своему.

Григорьев: Мы по глаголу.

Л. Н.: Какой глагол? Сами сочинили и верите.

Григорьев: ..... **

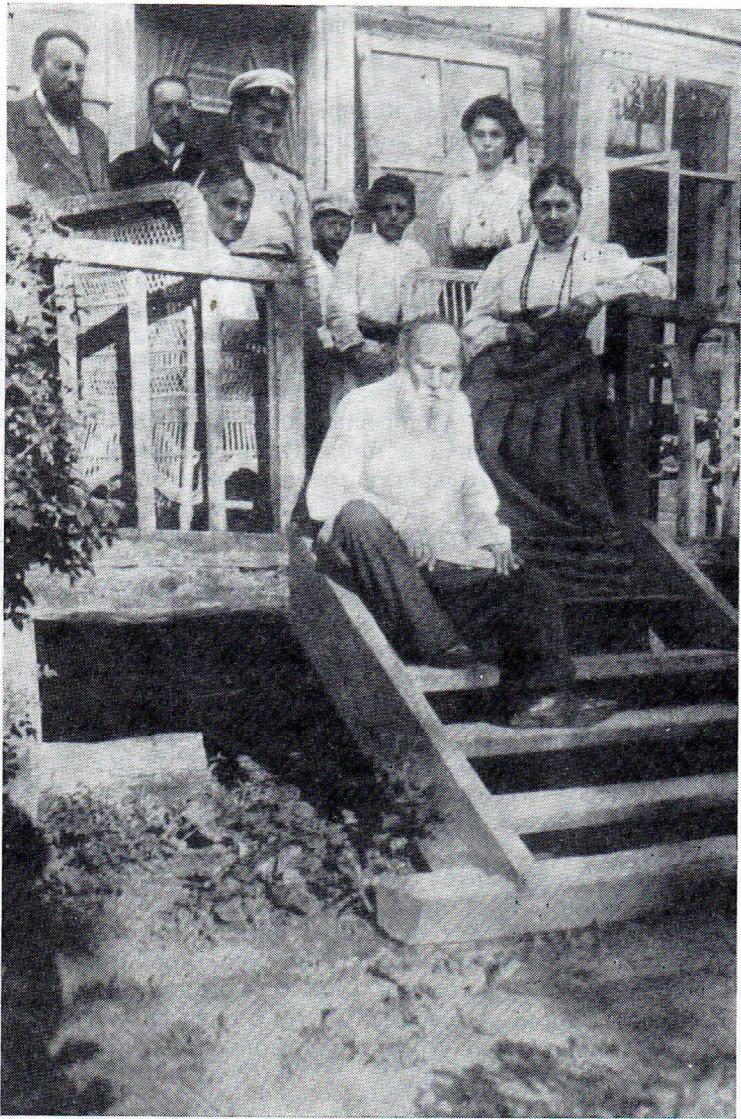
Л. Н.: Ну что же, вы верите? Это ваша вера?

Григорьев: Если бы я не уважал вас, я с вами не говорил бы, но спасибо, что со мной беседуете; а это все задушевное дело.

За обедом Л. Н. спрашивал Михаила Сергеевича, кто был основателем скопчества в России. Не Петр III ли? Михаил Сергеевич ответил, что это вряд ли могло быть, потому что Петр был легкомысленный человек, и рассказал по этому поводу из истории про Петра III, мужа Екатерины.

* Кончилось дело тем, что те бабы, которые добросовестно признались, что таскали, приговорены были к трем месяцам тюрьмы и отсыдели, некоторые с детьми; а тех, которые не хотели признаться, освободили.

** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

ТОЛСТОЙ И С. А. ТОЛСТАЯ В ГОСТЯХ У СЫНА СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА В ДЕНЬ ЕГО РОЖДЕНИЯ

На первом плане: Л. Н. и С. А. Толстые; на втором (слева направо). Н. Н. Ге-сын, Ф. И. Горянинов, В. В. Нагорнова, С. Н. Нагорнов, Сережа Толстой, Д. Н. Орлов и Т. С. Берс.

Никольское-Вяземское, 28 июня 1910 г.

Фотография М. Н. Толстой (Зубовой)

Л. Н.: Успех ее обусловливался этой глупостью и жестокостью мужа.
Л. Н. после обеда попросил у Татьяны Львовны что-нибудь беллетристически-легкое, французское. Татьяна Львовна предложила (новую?) французскую книгу про жизнь и значение Мопассана. *Л. Н.* обрадовался и сказал:

— Он (Мопассан) не оценен.

Но книга не нашлась.

Татьяна Львовна: Хочешь английские?

Л. Н. согласился и заметил:

— Английские, если посредственные, хоть и хорошо написанные, бывают очень скучны.

Л. Н. спросил меня:

— Кто это мне прислал «Мужиков» Владислава Реймонта? Неужели Реймонт имеет успех? Скверно это, прескверно написано. А тема очень важная¹.

Я предложил Л. Н-чу Мольера, потому что он давно его не читал. Л. Н. отклонил:

— Я его хорошо помню.

За обедом был страшный шум. Молодые Сухотины громко разговаривали, Л. Н. с трудом мог слушать Михаила Сергеевича. Их разговор остальные не замечали. После обеда Л. Н. смотрел, как дети пляшут под фортепиано Камаринскую, и сам бил иногда в такт, потом играл с детьми: Танечкой, четырех лет, Микой, четырех лет, Еленой Петровной, Татьяной Львовной, Софьей Андреевной, Александрой Львовной, а затем пригласил Ивана Михайловича и меня. Один уходил в другую комнату, оставшиеся перечисляли его свойства, потом звали его; Татьяна Львовна называла его свойства, и он должен был угадать, кто и что назвал. Если угадал, то тогда тот уходил отгадывать. Потом играли так: сидели кругом, один в середине, ему завязывали глаза и подавали свернутую в трубку газету; он ею шарил кругом и если кого-нибудь трогал, тот должен был откликнуться, причем меняя голос: мычал или пищал, а если был узнан, то становился в середину круга.

Л. Н. вошел в игру, любовался интересом детей к ней, играл больше получаса.

18 августа. Кочеты. Л. Н. слаб. В 12 часов приехал Григорьев, привез скопческую книгу, торопился уехать до дождя. Я позволил себе войти к Л. Н. (он читал) — сказал ему о приезде Григорьева, т. к. он выделялся работой над собой. Будь это человек, выдающийся положением или умственной работой, я не тревожил бы Л. Н. Например, когда издатель «New York Times» хотел во время работы Л. Н. взять книгу, забытую в его кабинете, то я не пошел за ней. Л. Н. позвал Григорьева и беседовал с ним около трех четвертей часа. Л. Н. стал читать принесенную им книгу¹. Пополудни Л. Н. верхом с Дориком. Под вечер приехали на лошадах из Никольского (родового имени Толстых в 32 верстах от Кочетов) Сергей Львович с Д. А. Олсуфьевым. За обедом большое общество. Я сидел возле Л. Н. Шел оживленный разговор на разные темы среди нескольких групп. Л. Н. не участвовал, сказал мне:

— Такое большое наше общество: интересно наблюдать, какой разговор и как переходит с предмета на предмет (и с места на место), мне это и для своей работы нужно.

Принесли мясо.

Л. Н.: Как мясо противно мне! Раньше — по рассудку, а теперь инстинктивно; так же и солдаты, — и сказал, что на вокзале в Орле они были ему неприятны.

Л. Н. получил письмо из Египта; просят автограф его и Тургенева, чтобы вышить золотом и прислать Софье Андреевне². Софья Андреевна вспомнила Тургенева. Как Л. Н. просил его подарить нуждающемуся в деньгах ее брату Степану «Перепелку» и Васнецов ее иллюстрировал. Л. Н. дал ему (Степану) два своих рассказа³.

Л. Н. вчера и сегодня читал роман Л. Галеви из 70-х годов «Madame et monsieur Cardinal», 1895⁴. Хвалил, как хорошо иллюстрирован, показывал некоторые иллюстрации, восхищался ими.

Л. Н. с усмешкой:

— Вот, Олсуфьеву надо прочесть «Le repos hebdomadaire» Pierre Mille. О законодательной работе (члена палаты).

Сегодня Софья Андреевна узнала из газет, что Черткову разрешено жить в Тульской губернии навсегда. Волновалась, сказала, что предпримет все, чтобы его выслали: будет собирать подписку дворян, дойдет до Столыпина, до царя. Должно быть, приставала к Л. Н., т. к. Л. Н. (как она мне рассказала) заявил, что с Чертковым видаться не будет. Но сегодня уже отрекалась от своих обвинений и подозрений, а только подчеркивала сильную привязанность к Черткову со стороны Л. Н.-ча.

М. С. Сухотин и Бирюков также сказали, что они такой сильной привязанности никогда не видали.

Вечером в школе деревенские мальчики под руководством И. М. Диомидова играли «Злоумышленника» Чехова. Л. Н. сердечно, громко смеялся, особенно с самого начала на «чаво» и другое. Потом И. М. Диомидов показывал картины с волшебным фонарем, объяснял их: из жизни преподобного Сергия, виды церквей и другое. Это было Л. Н. неинтересно — ушел. В школе много народу, духота. Беседовал с учителем, его женой.

Л. Н. дома вспомнил, что его просили, чтобы он прочел свою новую комедию крестьянам. Татьяна Львовна, Олсуфьев стали его просить, но он отказал.

Михаил Сергеевич спросил о злоумышленнике:

— Он, по-моему, притворяется (непонимающим). Как по-вашему, Лев Николаевич?

— И то, и другое, сам не знаю.

Л. Н. рассказал Олсуфьеву про бывших у него вечером четырех солдат из полка, который ночевал в Ясной Поляне. Говорили, что полковник запретил им видаться с Толстым, т. к. он — враг солдат.

Наши вещи, сданные в Засеке в багаж, дошли в Благодатную, но только через двое суток, и одно место пропало⁵. Татьяна Львовна хотела взыскать, но поколебалась. Должна была бы получить повестку на 160 рублей, а вещи стоят гораздо меньше, лучше передать эти деньги фонду на родильный приют, который она мечтает устроить в Кочетах. Л. Н. отговаривал ее и Михаил Сергеевич, оба были против получения денег, особенно няня ее останавливала: «Как же это чужие деньги брать?!»

Уехал Алексей Данилов обратно в Баку.

19 августа. Кочеты. За обедом Л. Н. прочел Д. А. Олсуфьеву письмо секретаря «его святейшества» Шри Парамагамзы о том, чтобы ему устроить въезд в Россию, паспорт от русской границы. Он — английский подданный, от английских властей паспорта не хочет, потому что они враждебны прекрасной Индии («to the better India»).

Л. Н. спросил Олсуфьева, нельзя ли ему выхлопотать паспорт?

— Можно, — сказал он, — через посла в Брюсселе Гирса, моего двоюродного брата*.

Л. Н.: Индусы в смысле развития науки метафизической дальше нас. Это не философия одного сословия.

Олсуфьев сказал, что она труднопонимаема.

Л. Н.: Трудно ее упростить. Она слишком цветиста для нас.

Л. Н. рассказал, что у этого индусского мудреца нет денег, и один бельгиец (барон) дает на это средства и хочет его привезти.

Разговор о знакомой девушке высшего света, спешившей с матерью на концерт Рубинштейна; у нее болело горло, в спешке пополоскала по ошибке карболкой, обожгла себе горло и вскоре задохнулась¹. Ее мать, потеряв ее, окружила себя животными, полюбила их и говаривала:

* Но паспорт не был выхлопотан, и Шри Парамагамза не приехал.

«Plus je connais les hommes, plus j'aime les chiens» *. На это Л. Н. заметил:

— «Все люди дурны, только я хорош».

Олсуфьев заговорил о самоубийствах, как они участились в последнее время.

Л. Н.: Я слышал, в Японии тоже частые самоубийства.

Олсуфьев: Это там всегда было.

Л. Н.: Нет, после усвоения цивилизации (участились)... Какая аффилиация ** мысли у вас. Мы говорим: все люди дурны, а вы заговорили о самоубийствах.

Олсуфьев спросил:

— Отчего самоубийства?

Л. Н.: Ясно отчего — от отсутствия религиозного сознания — не (такого): ходить в церковь, а руководящего жизнью. Прежде верили, а теперь отсутствие религии приводит к сумасшествию, а сумасшествие — к самоубийству.

Софья Андреевна возражала.

Л. Н.: Человек ищет счастья. Счастье может быть только в жизни, а он отходит от жизни. Это сумасшествие.

Перед завтраком Александра Львовна, Татьяна Львовна за руки боролись со мной. Александра Львовна поставила меня на колени, потом она боролась с Л. Н., и он победил ее. Л. Н.-чу 82 года.

Полудни ездили с Л. Н. верхом на Суворово, Извековку, оврагом, полем и опять оврагами прямо домой. Ездили 135 минут. Л. Н. на сером жеребце Монголе.

За обедом было нас с детьми и нянями 20. Л. Н. заговорил о деревне Суворово, какой хороший дом у священника. Михаил Сергеевич по этому поводу заметил, что там около церкви похоронено семь поколений Сухотиных. И рассказал про одного предка, убитого разбойниками около Серпухова.

Л. Н.: Тогда была редкость — быть убитым разбойниками. Теперь не то.

Михаил Сергеевич, Лев Михайлович разговорились о родословии. Потом кто-то спросил Михаила Сергеевича, кем он служил, о его чине. Софья Андреевна сказала, что Андрюша выбран гласным и почетным судьей. Л. Н. тут улыбнулся, недоумевая. Сергей Львович заметил, что и Л. Н. был почетным судьей и что Л. Н. можно было бы получить чин статского советника, т. е. он был мировым посредником.

Л. Н. (иронически): Чтобы реабилитировать себя (во мнении правительства).

Л. Н. рассказал про Араго, как остановил оратора, называвшего его в своей речи monsieur Agago, что он заслужил себе 30-летней работой, чтобы его называли просто Арага. Л. Н. цитировал возражения Араго по-французски².

После обеда Л. Н. играл с Сергеем Львовичем в шахматы. Дети — Танечка и Мика — плясали и пели. М. М. Сухотин уезжает сегодня в Верный, хорошо пел народные песни, смешные «Рюмочки».

20 августа. Днем уехали Сергей Львович с Олсуфьевым. Л. Н. и И. М. Диомидов ездили в Ломенцкий лес, где водятся волки, поблуждали. И. М. Диомидов — студент, учитель Дорика, православный, верующий, записывает народные песни, обычаи, выступает против пьянства... устраивает народные чтения.

Под вечер приехал Хрисанф Абрикосов.

* «Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак» (франц.).

** сближение (от франц. affiliation).

За обедом говорили о пожаре у М. А. Шмидт. Татьяна Львовна высказала Абрикосову три предположения о том, кто мог поджечь. Александра Львовна оспаривала ее и высказала свое и Марии Александровны предположение, что это поджег вор, хотевший увести корову и пробравшийся в закут через крышу.

Л. Н. (мне): Вот когда записывать!

После обеда Л. Н. поговорил с Хрисанфом, потом предложил прочесть, и Хрисанф прочел вслух из «Общего дела» № 4 от 15 августа, революционного листка, издаваемого В. Бурцевым в Париже, передовую статью «Азеф, Герасимов, Столыпин» — о том, что русское правительство продолжает содержать на службе провокатора Азефа, организовавшего убийство Плеве и Сергея Александровича, Азефа, затеявшего покушение на царя, и что покровители Азефа — Герасимов и Столыпин — подлежат суду.

— Кто такой Герасимов? — спросил Л. Н.

— Бывший шеф полиции¹.

— А, по слухам, Азеф где находится? — спросил Л. Н.

— Говорят, в Америке, — ответил Михаил Сергеевич.

— А я не верю, что Азеф на службе у русского правительства, — заметила Татьяна Львовна.

Л. Н. сказал, что Бурцев писал ему, просил содействия уличить правительство в провокации². Чертков посоветовал с Бурцевым дела не иметь: он ответ сейчас же напечатает.

Статья была короткая.

Л. Н.: Но уж собрались, прочтем еще из статей.

И Хрисанф прочел вслух «Деятели охранки» И. В. Доброскока.

В десяти верстах в селе Троицком холера. Л. Н. не боится заразных болезней: в прошлую зиму в Ясной Поляне и окрестных деревнях восемьдесят человек переболело сыпным тифом. Л. Н. нескольких из них посетил.

21 августа. Кочеты. За завтраком Софья Андреевна говорила, что получила письмо от Левы, его совет помириться со всеми, чтобы доживать спокойно.

Л. Н.: Мы (Танечка, Мика и Л. Н.) сегодня бегали вперегонки. Танечка обогнала всех.

Пополудни Л. Н. ходил гулять в деревню Веселое, Зашел в крайнюю избу к куме Михаила Сергеевича. За обедом рассказывал о ее большой семье.

Приехал Григорьев, привез Александре Львовне меду за то, что переписала ему на ремингтоне псалом; потом хотел с Л. Н. коротко поговорить. Л. Н. позвал его и меня в свою комнату и предложил Григорьеву рассказать историю преследования скопцов и свою историю, а мне — записывать. Потом пришла Александра Львовна, и ее просил стенографировать. Записали, очень интересно. Оба рассказа тронули Л. Н., он прослезился.

После Л. Н. еще спросил Григорьева о его домашних — между прочим, о племяннике. Григорьев в разговоре коснулся того, что на днях племянник побил его. «Вот он меня побил и после того помягчел. Я его и поблагодарил. Лунил бы и почаще. Это не мешало бы».

Л. Н. так рассмеялся, как я никогда не видал.

— Я от радости смеюсь, — сказал Л. Н. — Люди говорят: «Кого побьют, тот помягчает», а тут: «Он тебя побил, а сам помягчел».

Л. Н. спросил: как его бил и за что, не выпимши ли был?

— Нет, озлился, а может быть и выпимши был.

— А за что озлился?

— А за сестру. Она к нам перешла.

Л. Н. поблагодарил его за рассказ. Обещал посетить. Я Григорьева проводил к телеге. Когда он отвязывал лошадь, я сказал, о чем продолжал думать: «А так и хорошо. Нам надо, чтобы нас били, чтобы нам терпеть».

Еще раньше, чем вошел к Л. Н., Григорьев мне сказал:

— О вере не будем говорить. А останемся друзьями.

За обедом Михаил Сергеевич говорил Л. Н., как Столыпин осматривал отруба в Коломенском уезде, Московской губернии: его надувают, как царя. Какие речи ему говорят (в «Голосе Москвы» 20 августа напечатаны) ¹. Расхваливают закон 9 ноября о переходе на отруба. Уж и говорят ему все эти подобранные.

Л. Н. поручил мне выписать ему Ми-ти (издание «Посредника») ². Это для С. М. Сухотина, предложившего ему книги об Индии, Цейлоне и т. п. И 20 экземпляров синодального Евангелия от Матфея.

Вечером винт.

22 августа. Кочеты. День рождения Софьи Андреевны. Второй день без дождя. Пополудни поехали верхом к «столоверу» скопцу Григорьеву, в хутор Александровский. В лесу около усадьбы Л. Н. вспомнил, что в бюваре забыл письма Черткова и письмо Россолимо к Татьяне Львовне, и послал меня за ними — боялся, чтобы Софья Андреевна не нашла их. И дневник прячет от нее.

Ехали на Желябуху, Побединскую волость, сокращая дорогу, прямоком полем в 80 минут. Обратном через большую деревню Победино старинного вида, овраги, овраги — 85 минут. У Григорьева побыли не больше пяти минут. Туда пришлось спрашивать дорогу, и, по русскому обычаю, показывали нам только самую ближайшую, а о дальнейшей, когда будут развилины — ни слова или на прямой вопрос мальчик отвечал, что и не будет развилин, а они были. У брода под самой деревней встретили Андрея Яковлевича, водившего захромавшую от заковки лошадь поить. Он с нами в гору скороходкой, бегом и не запыхивался. Был рад и вместе с тем сконфужен приездом Л. Н. Повел к большому каменному дому; у крыльца слезли с лошадей, привязали их к плетню, к Григорьевым прошли через небольшую горницу в другую такую же. Обе завешаны множеством одежд — и зимней и летней. В той живут сестра и племянники, в этой — брат Мардарий с Андреем Яковлевичем. Л. Н. сел на высокую и широкую скамейку, но Андрей Яковлевич ему приставил стул, на котором, сказал, лучше ноги отдохнут. Л. Н. пересел. Андрей Яковлевич жалел, что так накоротко приехали — на минутку, как ему сказал Л. Н., что не может угостить: раньше не знал.

Л. Н. жалел, что брата дома нет, и с ним не может познакомиться. Потом, посидев минуты три, Л. Н. встал, простился и вышел. Попросил у меня письма, сел на лошадь и уехал, я за ним вдогонку. Вернулись в 5 часов.

За обедом Л. Н. рассказывал:

— Ну, поехали мы...

Михаил Сергеевич: А не блуждали?

Л. Н.: Да по степям * везде все видно.

О верховой лошади, сером Монголе, Л. Н. говорил, что неприятная, длинного шагу у нее не всегда добьешься. Когда слышит за собой лошадь, тогда лучше идет, а то скучна или тряска (трусдой). Кашляет сильно; жалко, что Монгол запален.

* Степями яснополянские крестьяне зовут места в 20 верстах на юг от Ясной Поляны, где редкие леса, но там настоящих степей-пастбищ нет. Тут Л. Н. назвал степью такое же место.

Л. Н. обратился к И. М. Диомидову:

— Не потребуешь вам?

— Да, позвал четырех мужиков, желающих поговорить о вере.

Л. Н. беседовал с ними в комнате И. М. Диомидова во флигеле. Один из них, Филипп Фосев, 35 лет, верующий православный, страстно отстаивал православие: праздники, обряды, богослужение. Другой, Семен Маринин, 29 лет, ищущий. Спокойно и свободно высказывался против православия, за евангельские правды. Другие двое мало говорили и были ближе к Семену.

Л. Н. отвечал Филиппу, но тот горячился и перебивал, не давал говорить. Тогда Л. Н., раздраженный, сказал ему, чтобы дал ему высказаться. Филипп обиделся, хотел уйти.

Л. Н. о вознесении Христа на небо отвечал резко, что не понравилось, может быть, оскорбило их неожиданностью.

Говорили с Л. Н. просто, как равные, никакого подобострастия, никакого «вашего сиятельства». Уходили недовольные. И. М. Диомидов остался тоже недоволен, ждал от Л. Н. большей снисходительности к примитивным взглядам, большей мягкости и чтобы Л. Н. не показывал со своей стороны, что несомненная правда может быть только его, а не православия.

Александра Львовна в комнате соседней с моей записывала стенографически. Может быть, потому, что чувствовал слушателей и записывающих, Л. Н. отвечал так сухо и резко, а не так, как наедине с ищущими веры или даже обращающими его в православие, — задумчиво, сердечно.

Притом нездоровится ему.

Вечером винт.

23 августа. Кочеты. После дождливых и прохладных дней первый теплый и ясный день. Л. Н. чу лучше: как только тепло — лучше. Занимается усердно корректурами копейных книжечек «Путь жизни», издание «Посредника». Софья Андреевна, занятая корректурами своего издания сочинений Толстого в 20 томах, рассказала, что Л. Н. ей говорил, что книжечки «Путь жизни» ему важнее, чем двадцатирублевое издание, потому что пойдут в народ.

Л. Н. пополудни гулял. Из Головенок приезжали miss Kate Gain в здешнем русском народном одеянии (она летом так ходит, найдя, что удобнее) и Петровский, старший брат.

За обедом Михаил Сергеевич заговорил о сегодняшнем своем чтении «Пути жизни» в корректурах и пожалел, что в этом «Круге чтения» не подписаны имена авторов.

Александра Львовна: Когда очень переделано, перемарано, тогда пропущено имя, а иначе написано: «по Эмерсону» и т. д.

Л. Н.: «По Эмерсону» — это Шкарван изобрел. — Л. Н. заговорил о корректурах «Пути жизни» и хвалил «Слово»¹. Просил Дорика принести корректуры и прочел вслух изречение о том, что спор никого не убеждает, а разъединяет и озлобляет, что мнения, еще шаткие, после споров становятся так же твердо забыты в головы, как гвоздик до шляпок².

Л. Н.: Хорошее изречение: «Я не знаю»^{*}.

Софья Андреевна похвалила изречение Флобера о женщинах в сегодняшнем номере «Нового времени» и прочла⁴.

Л. Н.: Все это bien tourné**.

Заговорили о гостях, о Фере. Софья Андреевна рассказала, что губернаторов не Столыпин назначает, а его жена.

* Есть очень хорошие три короткие слова: «Я не знаю». Приучай свой язык почаще говорить их. — *Восточная мудрость*³.

** хорошо выражено (*франц.*).

Л. Н.: Хорошее государство, когда можно говорить о том, если это и неправда.

Татьяна Львовна сидела на хозяйском месте, возле нее Танечка, справа — Л. Н.-ч. Л. Н. тронул Танечку ногой.

Л. Н.: Я веномнил и как я сидел такого же возраста, четырех лет, как Танечка, за столом, и молодой человек влез под стол и схватил меня за ногу; потому <что> такое задумчивое лицо у меня было. Все хохотали.

Винт, до 11.30, у Сергея Михайловича, который вчера остушился и заболел растяжением плюсны.

Софья Андреевна опасается за свое сердце, чувствует постоянную боль под грудной костью и приливы крови к голове; боится удара в дороге, которая ей предстоит в Ясную, а потом в Москву. Насчет Черткова говорит, что она спокойна, т. к. имеет обещание Л. Н. с ним не видаться, дневников ему не отдавать и не давать сниматься.

24 августа. Кочеты. Перпер просил Л. Н. похлопотать о помещении в четырех газетах дарового объявления о «Вегетарианском обозрении». Л. Н. колебался: как ему быть? — просить газеты неловко, отказать в просьбе Перперу тоже неловко. Решил написать и сейчас же продиктовал¹.

Л. Н. второй день не ездил верхом: не хочет: у Монгола длинного шагу нет.

Нельзя ли Делира привести? — спросил я.

Ни за что: И так много хлопот делаю.

Л. Н. прогулялся в Образцовые выселки, туда и обратно девять верст, не особенно устал. С июля 1908 г., с тех пор как у него было воспаление вен на ноге, не делал такой прогулки.

Сегодня фельдшерица А. И. Путилина привезла мать, дряхлую старушку, к себе жить. За обедом говорили о трогательном отношении дочери и зятя к этой старушке.

Л. Н.: Это одна из тех старушек, о которых говорит пословица: «Есть старик — убил бы, нет старика — купил бы».

Л. Н. спросил значение одного греческого слова. При этом И. М. Диомидов сказал, что он уже не учился по-гречески; греческому языку в гимназии больше не учат.

— Как жалко, — сказал Л. Н.

Дал прочесть вслух полученное сегодня ругательное письмо².

Танечка порадовалась приезду няни, ездившей к дочери.

Л. Н. пошутил:

— Я хочу теперь к тебе в нянюшки поступить, чтобы ты меня так полюбила.

У Танечки личико просияло: «Будет две нянюшки у меня».

Вечером Татьяна Львовна пустила граммофон. Песни Вари Паниной очень нравились Л. Н. Когда запел Карузо из «Риголетто», Л. Н. досадовал:

— В сравнении с цыганками как это грубо, просто грубо.

Л. Н. высказался очень хвалебно о пении Вари Паниной и еще поговорил о музыкальных способностях цыган, и спросил, откуда они пришли.

Л. Н.: Ни одно искусство не соединяет так людей, как музыка³.

Л. Н.: Я сейчас читал книгу «Le babisme». Очень хорошая книга. Лучше всех, известных мне об этом предмете... Необыкновенной красоты девушка была в переписке с Бабом. Она сама решала философские вопросы. Вздумала проповедовать. Проповедь говорила за занавесом, и, когда вдруг занавес был поднят, она оказалась в золоте; вызвала этим негодование.

Л. Н. ушел в 10.15 писать письма и дневник.

25 августа. Кочеты. Л. Н. встал позже обыкновенного, в 9.45. Как всегда, сам вынес ведро в дальнюю помойную яму.

Л. Н. (Михаилу Сергеевичу): Вы видели большой лист? Второй раз получил его. Там мнения писателей о евреях: Гете, Вольтера... Посмотрите¹.

Л. Н. вспомнил, что Михаил Сергеевич дал ему необыкновенное яблоко; спросил о нем, и Михаил Сергеевич рассказал, какого сорта и где выросло (в его саду).

Л. Н.: Как же буду есть его? Надо нарядиться.

Варвара Михайловна пишет Александре Львовне, что Звегинцева рассказывала гостям все то, что слышала от Софьи Андреевны о Черткове, и что сама этому вполне верит.

Л. Н. ездил сегодня на гнедой кобыле Вязопурше в Ржавец. Красивый парк в старом лесу, хозяйские постройки в аккуратном порядке, имение В. П. Голицыной.

Вечером Л. Н. просил Михаила Сергеевича объяснить портреты, которые висят в зале. Про одного из изображенных Михаил Сергеевич выразился, что он уже теперь на том свете.

— Свет только один, — сказал Л. Н.

— На этом свете, но по ту сторону. — И потом стал рассказывать про своего дядю, который был на год старше Л. Н. и умер в тот день, когда убили Сергея Александровича². И Михаил Сергеевич припомнил, что он говорил, будто Л. Н. после него померт.

Л. Н.: А я зацепился.

Л. Н. еще спросил Михаила Сергеевича:

— Как произошел роман вашего отца с Марией Алексеевной?³

Л. Н.: Чепыж, чепыжник — мелкий, дрянной лес.

После обеда Л. Н. с Дашкевичем играл в шахматы.

26 августа. Кочеты. За обедом Софья Андреевна прочла вырезку из газеты, где Нордман-Северова перерассказывает то, что слышала от Трубецкого, почему он перестал есть мясо. В Италии в деревню привезли на телегах телят для убоя; сбежались жители от мала до велика и на них зверски накинулись, истязая их, прежде чем доканать. Для Л. Н. это было неожиданно, ново, ужасно. Не хотелось верить, стонал. На меня этот рассказ подействовал тоже страшно сильно.

Татьяна Львовна рассказала, что слышала от Трубецкого, что у него недавно было намерение перестать есть убоину, но перестал только тогда, когда услышал от Л. Н., что это возможно.

Потом Л. Н. рассказал про новейший номер «The Vedic Magazine» (индийский журнал). Очень понравились ему статьи «An exposition of Schwarzenkalpen» (изложение учения Вед) и «The Arega Samaj» (об обществе патристическом и религиозном, борющемся с англичанами)⁴.

Стали говорить о Нкаташе Сухотиной, что она довольна собой и глупа.

— Глупей тебя? — обратился Л. Н. к сказавшей это. И рассказал, что Шопенгауэр говорил, что, когда осуждаем других, делаем то же, что собака, лающая в зеркало на свое изображение².

Речь о том, как Софья Андреевна сохранилась. Л. Н. сказал ей, что ее воздержание в еде этому содействует*.

* Софья Андреевна ест только раз в день горячую пищу (в 6 часов вечера обед). А, кроме того, в 12 часов дня пьет кофе с белым хлебом и сыром и в 10 часов вечера чай с белым хлебом и вареньем.

За обедом речь о трех полученных телеграммах: приедут Мэвор³ с Гуляевым, хочет приехать и Дранков (снимать) с кинематографом. Говорили о том, когда ему можно приехать: 8-го или 14-го.

Л. Н.: Как это загадывать на 14 дней! Тогда мир, (может), кончится. О Робинзоне.

Л. Н.: Ни из чего нельзя детям познать тот труд, каким добываются вещи, которыми пользуются, как рассказом о Робинзоне. Очень хорош.— И Л. Н. сказал, что будет и Танечке и Мике рассказывать его.

Кажется, третьего дня Л. Н. начал детям рассказывать каждый день по сказке. Сегодня — нет, не приготовился.

Михаил Сергеевич напомнил Л. Н., что он задавался мыслью написать «Робинзона» (о том, как переселенцы пришли в пустынные края, сами себе должны были делать все, не имея приспособлений)⁴; что Л. Н. тогда ходил на шоссе разговаривать с бьющими камень⁵.

Вечером пришел И. Ф. Чепурин, крестьянин-рабочий Саратовской губернии лет тридцати, бывший революционер, бежавший года четыре тому назад, побывавший в Германии, Англии, Соединенных Штатах, Канаде, Японии, Китае, Сибири. Писал в мае Л. Н.-чу, спрашивал: как быть полезным⁶. Умный, наблюдающий и размышляющий человек, притом добрый. В Китае, в Японии работал.

27 августа. *Кочеты.* Утром Л. Н. зашел ко мне за Чепуриным и гулял с ним. Потом читал его рукопись «Странники вертепа», где описывается жизнь рабочих в Китае и Соединенных Штатах и отношение к ним фабрикантов и властей, а также социалистические программы рабочих. Рукопись большая, не вполне грамотная, очень содержательная; все живо, рельефно. Л. Н. читал много, до четырех часов пополудни — даже почту не просмотрел — и внимательно. Сказал, что он нигде не читал о таком отрицательном отношении к внешней стороне жизни. Путешественники удивляются производству, земледелию, а он, который работал около машин, — нет¹.

— Он далеко вперед ушел: ему не imponируют внешние учреждения, а хочет взаимных человеческих отношений между людьми. Их надо помогать каждому в себе, а не конституции, — сказал я.

Л. Н. второй день только гуляет, не ездит. Слаб.

За обедом на веранде смотрели на показавшийся серп месяца, и Татьяна Львовна, Софья Андреевна старались его увидеть — прямо или справа.

Л. Н.: Я люблю, когда вижу месяц слева и когда с пустыми ведрами встречаю бабу.

Софья Андреевна: Наоборот, с полными.

Л. Н.: С пустыми оттого, что освободился от суеверия; оно во мне сидело.

Л. Н. похвалил Елене Петровне французскую книгу, которую читает. Там описано, какое в Персии суеверие — кирпич превращается в курицу. Тут описана вся суеверная среда, в которой возникло тогда учение Баба; это гораздо интереснее, чем другие книги, где Баба идеализирован.

Татьяна Львовна вспомнила, что раз ехали в Пирогово и Л. Н. круто повернул к бочке и проехал между ней и домом: это кошка перебежала через дорогу и остановилась у бочки, и Л. Н. не хотел ехать по дороге, где пробежала кошка.

Л. Н. на днях вспоминал, что Архимед верил, что заяц полгода — самец, полгода — самка.

Вечером Л. Н. читал Чепурина, и винт. В 11.30 я зашел к Л. Н. Л. Н. заговорил:

— Софья Андреевна взволнована, с утра замечаю. Все хуже и хуже.

— Была, должно быть, какая-нибудь причина?

— Нет, никакой. Вспомнила фотографии (мой), какие-то улыбочки...

28 августа. Кочеты*. Приехали М. Н. Толстая, жена Сергея Львовича, с В. В. Нагорновой, Леонтьев.

Ясный, теплый день. Л. Н-чу, как обыкновенно в теплые дни, лучше. Утром долго гулял. Работал по-обычному. В час вышел. Мы уже завтракали.

В день рождения Л. Н. за завтраком сидели: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Татьяна Львовна, М. С. Сухотин, Лев и Дорик Сухотины, Е. П. Сухотина, В. В. Нагорнова, М. Н. Толстая, Леонтьев, П. Г. Дашкевич, И. М. Диомидов, я, Танечка — четырех лет, Мика — четырех лет и их няни. Небольшой букет, который собрала сама Танечка. Еда самая обыкновенная, шампанского не было; тостов, чокания не было.

За весь день и ночью не получено ни одной приветственной телеграммы, а письмо только одно, от Гусева. Л. Н. был за обедом радостен, весел. Он ходил гулять в Веселые высылки (три версты от сада). После обеда Л. Н. у себя в комнате рассказал Танечке и Мике новую сказку. Поздно вечером получена одна телеграмма от П. А. Сергеенко. Вечером крупный разговор между Софьей Андреевной и Л. Н-чем. Л. Н. ей, наконец, сказал, чтобы помнила уговор.

Л. Н. (мне): Софья Андреевна все хуже и хуже. (В смысле расстройств ее.)

Когда Л. Н. входил на террасу, Михаил Сергеевич с места сказал: «Как радостно, что ты дожид до 82-х лет». Из нас прочих никто не встал и не проговорил ничего. Л. Н., садясь, ответил на это:

— Очень хорошо (т. е. в этом возрасте); желаю всем прожить, прекрасно... Нынче получил письмо от старика 62-летнего; ему скучно жить, но такие серьезные вопросы...

Елена Петровна сказала, что старикам, особенно если они слепы, глухи, — неприятно жить.

Л. Н.: Очень приятно. Иоанн только..... ** и шамкал: «Братья, любите друг друга». Всем вам советую брать в карманы яблоки и раздавать крестьянским детям. Все так довольны, сияют.— Л. Н. рассказал, как дал три яблока четверым. «Ему не нужно. Он не наш», — показали на одного.— Но я взял ножик и разделил.

Л. Н. с 2 до 2.30 разговаривал с Чепуриным о его рукописи, давал ему советы, как ее перерабатывать. Чепурин, 29-летний саратовский рабочий из крестьян, рассказал мне, что ему сказал Л. Н. о его рукописи — описании жизни трудящегося народа в России, Америке, Китае: «Лев Николаевич прочитал все. Он находит кое-что хорошим (из рабочей жизни), но повесть насчет женского вопроса и воспитания детей (там романчик), это, говорит, не нужно. Одно может быть хорошо и полезно, а другое — не нужно. Переделать. Как каждое дело требует большой практики, так и писательское, тут надо переделать. Нужно только то, что истинная правда, что полезно. Жизнь должна быть описана проще. Кто будет это читать, примет за выдумку, сказку. (Там не сказано, что сам там я был, что деньги считал пустым делом, потому их и не упоминал.) Кроме того, там и многое пропущено. Откуда брались деньги, обязательно нужно сказать, кто давал буржуям? Деньги — необходимое дело. Потому кидаются на должность, что денег нет. Потом, ездил далеко; почему мог такие путешествия совершать. (Там, за Иркутском, в 1905 году, хотя война кончилась за год до того, оклады остались, как во время войны, — объяснял Чепурин, месячный оклад был 900 р., сбережения у меня были.) Для достоверности фактов — о деньгах необходимо сказать.

* Записано 31 августа.

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Еще нужно описать революционное время, переживания, тогда ясно станет, что натолкнуло на это. Захватить обязательно нужно еще жизнь деревни: как из деревни попал в город, потом революционный переворот, потом поездка, потом душевный переворот».

Чепурин рассказал, что Л. Н. всего обстоятельнее расспрашивал его про описываемые им казни и речь старика-рабочего Котлова, когда вешали на его глазах. Он раньше верил в бога и, видя казни невинных, отрекся от бога.

Л. Н. говорил о Чепурине, признавшемся, что ему импонирует западное устройство (цивилизация, конституция):

— Какой опыт у этих людей (т. е. рабочих), что они знают...

Опыт разговор о «Робинзоне». Л. Н. хотел написать русского «Робинзона».

Я вспомнил статью Меньшикова в «Новом времени» («Русский Робинзон») — о петербургском сапожнике, осевшем в тундрах на Печоре, обрабатывающем землю. Вырастил девять человек детей¹.

Утром Л. Н. встретился с монахом из Духова монастыря, недовольным жизнью там. Потом с местным учителем. С ним говорил о том, чтобы с детьми читать «Мысли мудрых людей» и «На каждый день» и чтобы они отвечали, а учителя записывали ответы. Из этого составила бы хорошая книга.

Л. Н.: В Конго пришли бельгийцы. Бельгийский король Леопольд II объявил: «Земля принадлежит мне, никто не может пользоваться ею, не спросившись короля».

За обедом Елена Петровна просила налить ей вина.

Л. Н. (к ней): Леля!.. папиросы с вином — это хорошо!

Она смутилась, улыбнулась и покраснела.

Уехал Дорик с учителем И. М. Диомидовым.

29 августа. Кочеты*. Софья Андреевна говорила, что после вчерашнего спора с Л. Н. всю ночь не спала. Утром оделась как бы в дорогу и ушла в парк, вернулась только в час. Взволнована после вчерашних разговоров между Татьяной Львовной и Михаилом Сергеевичем. Получила телеграмму от Льва Львовича, что суд над ним за издание в 1906 г. «Восстановления ада» назначен на 4 сентября, и потому он 30 августа уедет из Ясной в Петербург¹. Софья Андреевна, и так собиравшаяся в Москву 3 сентября с корректурами, решила уехать сегодня же в Ясную, а оттуда в Москву. Сама говорила, что ей с Л. Н. лучше разойтись на время, а то она волнуется и волнует Л. Н. С ней, ввиду ее душевного удрученного состояния, усталости и телесной слабости, поехала Александра Львовна.

Лев Львович начал было лепить бюст Л. Н. в естественную величину. Перед отъездом Л. Н. бюст был почти готов и, по-моему, очень удачен. Советовали Льву Львовичу поехать с Л. Н. в Кочеты и там кончить ваяние. Но он, надеясь на память свою, решил окончить в Ясной без позирования Л. Н. **

Уехали домой Мария Николаевна, В. В. Нагорнова, Леонтьев.

Л. Н. с 6 часов вечера до отъезда Софьи Андреевны не уходил далеко; гулял по верхнему саду. Настроение у него серьезное, подавленное, как бы виноватое. Александра Львовна поехала свидеться с Варварой Михайловной, по которой очень тоскует, и из-за хозяйских дел.

Сегодня получены московские газеты от 28 августа. В «Русских ведомостях» передовая статья о 82-лети Л. Н.², но она звучит партийно. Будто реакционная, человеконенавистническая пресса и правительство

* Записано 30 августа.

** Потом, как сообщил, был недоволен бюстом и разбил его. Очень жаль!

нападают на Л. Н., а либеральная пресса и либеральное общество его защищают. (В тех же «Русских ведомостях» обрезали статью Л. Н. «О науке» не только из-за соображений правительственной цензуры, а также из-за своих либеральных цензурных соображений.³⁾ «Голос Москвы», «Русское слово» о 82-летию Л. Н. и не обмолвились. Зато в «Русском слове» статейка о «Трех днях в деревне», а в «Русских ведомостях» 28 августа и «Новом времени» 27 августа выдержки из писем Л. Н. к брату Сергею из Севастополя⁴.

За чаем Л. Н.-чу было странно и смешно читать эти свои патристические письма; в этом смысле говорил о них Михаилу Сергеевичу, а Дашкевича и меня спрашивал, читали ли мы их.

Вечером Л. Н. с Татьяной Львовной и Михаилом Сергеевичем играл в шахматы — долго после обеда, до самого вечернего чая, посидели и спокойно побеседовали без Софьи Андреевны (не перебивала) и без посторонних. Во время обеда приехала и вскоре уехала Е. Д. Мамонтова, урочденная Свербеева, с девочками.

За чаем Л. Н. спрашивал про статистику ссыльных и заключенных, где-то об этом на днях читал, желал бы выписку сделать. Прочел в «Голосе Москвы» сообщение из Сосновиц о перевозе через прусскую границу в Мысловице живого товара⁵ и записал себе в записную книжку, для статьи о самоубийствах, о безумии современного общества. Я подсказал Л. Н.-чу, что читал раньше в газетах об этом же, что в притоны увозят ежегодно из России одних евреек десять тысяч, а полек еще больше.

По поводу статьи в русских газетах о русском еврейском анархисте, сделавшем в Бельгии покушение на полицейского агента и приговоренном к пожизненному одиночному заключению, Л. Н. заговорил о жестокости бельгийских тюрем, о жестоком отношении тюремного начальства к заключенным в Бельгии.

Вечером Л. Н. написал Софье Андреевне⁶, уехавшей с чувством поражения, не нашедшей в своих претензиях поддержки ни Татьяны Львовны, ни Александры Львовны, ни Михаила Сергеевича, ни Марии Николаевны, ни В. В. Нагорновой. Л. Н. ей в разговоре сказал: «Помни» (т. е., что в случае, если Софья Андреевна будет делать сцены, он не будет считать себя обязанным сдерживать обещание не видаться с Чертковым, не давать ему дневников, не позволять ему себя фотографировать). Софья Андреевна уже перешла границу, чувствует, что дальнейших уступок ей не будет: просить о том, чтобы Л. Н. перестал переписываться с Чертковым, уже не отваживается.

Когда Александра Львовна, решившая сопровождать взволнованную и жалующуюся на слабость Софью Андреевну, передавала мне корреспонденцию, в это время перед окном проходил Л. Н. и окликнул ее.

Л. Н.: А где твоя записная книжка?

— В комнате.

Л. Н.: Да нет, она на дороге.

Л. Н. вошел и подал ей записную книжку, уроненную по дороге, и спросил, о чем говорим.

Александра Львовна: О Софье Андреевне. О том, что Душан Петрович не признает маму сумасшедшей.

Я говорил Л. Н., что Софья Андреевна сразу после выходов нормально рассуждает:

— Видит, что вы боитесь, и пользуется своим притворством, будто она сумасшедшая, как средством, чтобы вас пугать и действовать на вас в получении прав издательских. Если признать у Софьи Андреевны сумасшествие (помимо ее паранойи, которая у нее десятки лет), то и все ее цинические речи и поступки, которые она совершает десятки лет, — тоже

сумасшествие (паранойя), но теперь она нарочно притворяется, чтобы вас удерживать в мнении, что она душевно больна.

Л. Н.: Где граница сумасшествия? А потом, то, что (она) это делает, уже ненормально.

30 августа. Кочеты. Утром Танечка в коридоре визгливым голоском: «Дедушка, как твое здоровье? Бабушка велела каждый день тебя спрашивать».

Приехал James Mavor, профессор политической экономии университета в Онтарио в Канаде. Разговорчивый, приятный. 11 лет тому назад видел Л. Н. и не находит перемены в нем. Проезжал через Китай, где пробыл несколько месяцев, через Сибирь, Москву, а так как в Москве ему было «больно холодно», съездил в Крым, чтобы смягчить резкую перемену климатов южного Китая и Москвы.

Мэвор проехал на лошадях 35 верст, в тонком пальто, прозяб; был взволнован ездой и, торопясь уехать к следующему поезду, желал видеть Л. Н. сейчас же, что и было исполнено ввиду его спешки. Л. Н. вышел к нему в 11 часов. Несколько нежных слов Л. Н. сразу успокоили Мэвора. Потом Л. Н. раньше обыкновенного прервал свою работу и беседовал с Мэвором. С Л. Н.-чем Мэвор говорил о положении Китая, о религии, культуре, о перемене политического положения, за обедом — о системе Генри Джорджа; Мэвор — противник ее; он говорил полемически, пылко. Его аргумент против Джорджа тот, что земледельцы не захотят быть арендаторами государства и что единый налог — только один из многочисленных видов податей.

Татьяна Львовна (ему): Если вам нужны подати, что справедливее обложить: землю или работу?

Л. Н. говорил, что доводы в пользу системы Генри Джорджа нравственны; как устроить отношение к земле: «The ownership of land like the ownership of slaves is unjust» *.

Михаил Сергеевич сказал, что мужик не согласится на платеж вышших податей с земли. Косвенные подати он не считает столь несправедливыми, как увеличение налога на землю...

О Брайане как о человеке Л. Н. отозвался уважительно; Мэвор сказал, что его акции¹ is a humbug **; потом опять о Китае. Мэвор говорил, что за последние пять лет там возникло много китайских газет. Китайцы не агрессивны (в политике). Густота населения, нищета (distress) ужасная. Культура земли (урожайность) превышает ожидания. Представления их правителей о Европе, о европейских правительствах — наивные. Из Китая велик экспорт бобов в форме жмыхов для удобрения; вывозят главным образом, во Францию для виноградников.

Мэвор рассказывал, что в Китае, не в центре, а в городах и близ городов, школы все свободны. Правительство государственных не учреждает, они частные; есть старики, у кого из них три, а у кого шесть учеников, и все грамотные.

Мэвор, пробыв несколько часов, вернулся в Мценск. Когда Мэвор уже уехал, Л. Н., пересказав его речи, особенно о Китае, о его пренебрежениях к Генри Джорджу, сказал Татьяне Львовне:

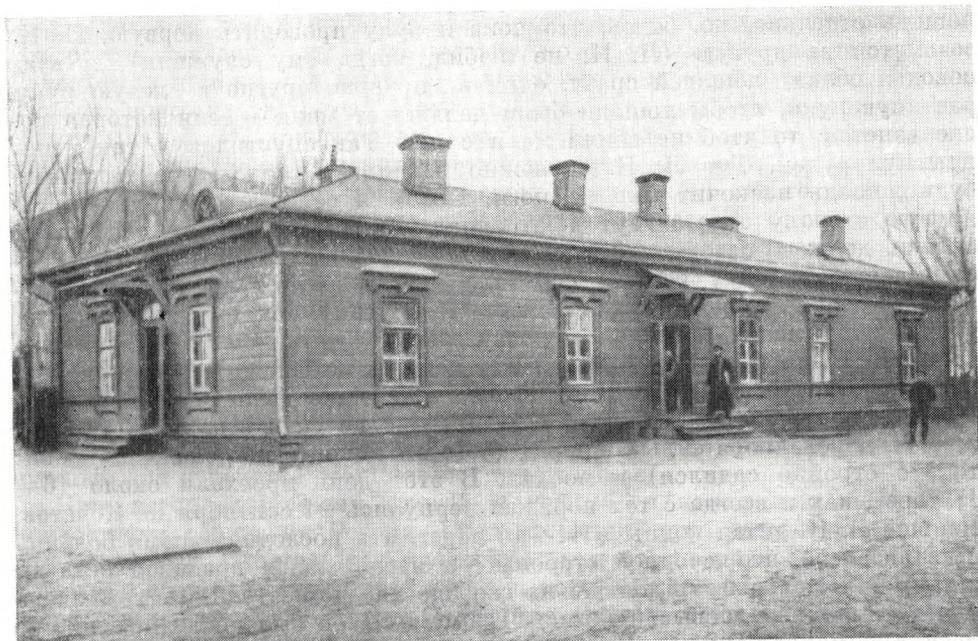
— Он тебе втер очки.

— Нет, я ему втерла.

Татьяна Львовна в споре сказала Мэвору, что он приписывает Генри Джорджу то, чего тот не говорил; на это Мэвор ответил, извиняясь за неточное свое знание, что он читал Генри Джорджа давно, 30 лет тому назад.

* «Владение землей, как и владение рабами, — несправедливо» (англ.).

** вздор (англ.).

ДОМ НАЧАЛЬНИКА СТАНЦИИ АСТАПОВО И. И. ОЗОЛИНА (СТОИТ НА КРЫЛЬЦЕ)

Ноябрь 1910 г.

Фотография

свое пальто, т. к. их оказалось много у Л. Н.* Когда подали сигнал, что поезд подходит, Л. Н. был в 400 шагах от вокзала, гулял с мальчиком-учеником. Я побежал ему сказать и предупредить, чтобы он не спешил, что поезд будет стоять четыре минуты. Л. Н. сказал:

— Мы вместе с мальчиком поедем.

Л. Н. сел в отдельном купе в середине вагона второго класса. Вынув подушку, я устроил так, чтобы Л. Н. прилег.

Когда Л. Н. уселся в вагоне и поезд тронулся, он почувствовал себя, вероятно, уверенным, что Софья Андреевна не настигнет его; радостно сказал, как ему хорошо. Я ушел. Л. Н. остался сидеть. Когда я через полтора часа заглянул в купе, Л. Н. еще сидел; он немного поспал; спросил «Круг чтения» почитать. Его не оказалось, и «На каждый день» не было.

Л. Н. был молчалив, говорил мало, о чем — не помню, и был очень утомлен. Тревожна и утомительна была вчерашняя поездка наша верхом с Л. Н. Вчера перед нашей верховой поездкой я стоял с двумя ожидавшимися Л. Н. бабами, которые пришли просить на погорелое место или на бедность; когда он вышел, подали ему удостоверение из волостной, но Л. Н., будучи чем-то расстроен, не поговорил с ними и не подал им ничего, чего почти никогда не делал, по крайней мере, я не помню. Попали на просеку в молодом лесу, почти параллельно с Лихвинской дорогой, по эту сторону ее. Приехали к глубокому оврагу с очень крутыми краями. На замерзшей земле лежал тонкий слой снега, было скользко. Я посоветовал Л. Н. слезть с лошади; он послушался, что так редко бывало. Овраг был очень крутой, и я хотел провести каждую

* Я еще не знал, что уезжаем из Ясной навсегда, я думал — только на несколько недель.

— Там пишут об отказах в Голландии, но что они происходят и в России, о том не знают. Надо написать телятинским молодым людям, Булгакову, чтобы составили книгу об отказах — их ведь, я думаю, 30—40 — и, кроме того, в «L'Ère Nouvelle» выдержки из писем отказавшихся¹.

Л. Н. говорил мне, что вспомнил и боится позабыть: чтобы я написал Черткову по поводу премии Нобеля, о которой есть слухи, что хотят ее присудить ему².

Л. Н.: У Черткова мысль на эти деньги выкупить яснополянскую землю и отдать крестьянам. Я же желаю заранее отказаться от премии, а то получение ее поставит меня в затруднительное положение, вызовет неудовольствие детей.

В 1.30 выехали верхом к Матвеевым в Очкасово. Матвеева, будучи в гостях у Татьяны Львовны, очень звала Л. Н. День теплый, дорога полем, мы ее еще сокращали; все-таки проехали два часа. Кого ни спрашивали — неумение и неохота показывать путь. В. Д. Матвеева — сочувствующая Л. Н. больная, добрая старушка. В. А. Матвеев, здоровенный, молодежавый, вел себя просто, естественно, не заискивая и не споря с Л. Н. Говорили об отрубках; он их сторонник. Те четверо в здешних местах, которые перешли на отрубку, имеют общий выгон. Этим летом они свезли копы вовремя, т. к. близко, а у других сгнил хлеб в поле от дождей. Но Матвеев говорил, что желательно, чтобы и выгона не было, а скот находился в стойле. (В Германии же от стойл переходят к пастбищу; у скота, стоящего круглый год в стойле, потом развиваются болезни.)

Л. Н. говорил, что переход от общинной земли к собственности — понижение нравственности, хотя материально выгодно.

Матвеевы рассказывали про свое горе, про болезни родных.

Л. Н.: Болезни надо на душевную пользу обратить. Смирение, терпение, стараться возможно меньше быть в тягость другим. Если обижаешься болезнью, тогда невыносимо страдание. Вспомнил про старушку, ее слова: «Летом умереть хорошо — легко могилу копать».

У Матвеевых очень простоно и чисто в доме, поместье больше чем в 1000 десятин, и у них винокуренный завод. Совестьливые помещики не заводят винокуренных заводов. Л. Н. чувствовал себя у них все-таки как-то чуждо; дорога оказалась гораздо дальше, чем предполагали; лошадь, к которой Л. Н. не привык; Л. Н. устал, и пришлось там провести лишнее время — около двух часов, дожидаясь сначала Матвеева, потом кучера, а Л. Н. очень дорожит временем; провести это время пришлось ему за несколькими искусственными разговорами. Обрато Л. Н. ехал с Матвеевой в коляске до Желябухи, оттуда со мной в шарабане. Когда ехали назад и встретили Мамонтова на тройке, Л. Н. заметил, что здесь (в этом крае) «царство господское»³ и особенное нищенство крестьян. В этих краях помещики еще уцелели, и тут много крупных поместий. На вопросы Татьяны Львовны о поездке Л. Н. ответил, что была поучительная и что не устал.

Л. Н. ходил сегодня к садовнику покупать яблоки; лучшие из них, «овечьи мордочки», предложил лакею Ване — яснополянцу, служившему раньше у Толстых в Ясной Поляне.

Л. Н. несмотря на совершенный им длинный путь — 16 верст верхом, полтора часа разговора у Матвеевых, три четверти часа разговора с Матвеевой в коляске, 13 верст в коляске и в шарабане — и несмотря на то, что перед обедом не отдыхал, выдержал за чаем и винтом до 11.15.

1 сентября. Л. Н. утром торопливой походкой выносил ведро. Переделывал письмо к Аншиной о чтении со школьными детьми «На каждый день»⁴. За обедом, увидев Елену Петровну, евскую курицу, заметил:

— Странно, что рассуждение переходит в инстинкт (т. е. что чувствуешь отвращение к мясу).

Говорили о том, что есть обязанность к земле (чтобы ее удобрять, не истощать) и что Михаил Сергеевич так поступает. Л. Н. сказал, что с обязанностью к земле связаны обязанности к народу.

Днем был старовер (скопец) А. Я. Григорьев. Звал Л. Н. к ним на чай. Мне говорил, что он хочет созвать темных, но интересующихся духовными вопросами людей, чтобы увидели свет; хочет чаепитие устроить в саду. Я ему посоветовал лучше поменьше людей и посерьезнее и предупредить их, чтобы они больше слушали Л. Н., чем самих себя, свои речи. Л. Н. обещал прийти в воскресенье.

За обедом разговор о Мике. Он боится волков; он твердит, что они живут в норах около Камней, что Дорик ему это рассказал и что он ночью о них говорил и от страха, что придут в дом, не мог заснуть. Татьяна Львовна, Елена Петровна сознавали, что мы, взрослые, сами виноваты, пугая детей своими рассказами. Л. Н. подозвал к себе Танечку и Мику и рассказал им: «Когда я был маленький, я был злой и ходил на охоту... Медведь... и я выстрелил... Он поднялся на задние лапы, свалил меня и зубами, вот здесь (Л. Н. указал на шрамы под глазом и на лбу), но (подоспел) охотник с хворостиной: «Барина заел!» И тогда он (медведь) убежал».

Елена Петровна показала открытку: портрет Изабеллы Португальской Тициана.

— Неестественная поза, и руки нехороши, — сказал Л. Н.

Под вечер Л. Н. пробовал верховую лошадь, которую ему предложил Мамонтов; был ею доволен. Вечером винт с Мамонтовой, с ее деверем и юношей Свербеевым.

2 сентября. Кочеты. Л. Н. утром долго гулял на Кочетки, Бездонную, вернулся по Мариинской дороге. Почта малая — 12 писем. Пополудни на мамонтовской лошади — верхом к двум мужикам из Велей, вышедшим на отруб.

Ехали полями через Образцовские выселки, молодым лесом. Два отруба по семь и восемь десятин; в одну десятину ширины от ложбины на гору, начинаются лужком, переходят в лес, кончаются полем. Избы построены на крутом скате, крошечные. Л. Н. вошел в одну и долго там беседовал. Мужик очень умный, бойкий. У сына, бывшего солдата, жена — полька. Подарил им Евангелие. Обратил ехал вверх долиной почти до самого парка Сухотинных. За обедом Л. Н. рассказывал про прогулки. Утром у пруда от бабы, стирающей белье, пристала к Л. Н. собака Кудеяр.

— Когда пес поднялся на гору, — рассказывал Л. Н., — то стал выть: очевидно, он хотел бежать и за той бабой и за мной. Потом еще раз завыл. Из-под меня (из-под межи) выбежал русак. Вижу верхового: что за странный ездок, мотает ногами; а это два мальчика на одной лошади, оба ногами подгоняют лошадь.

Михаил Сергеевич стал говорить про воровство среди дворовых.

Л. Н.: Это значит, что из пятисот человек один вор.

Михаил Сергеевич прочел вслух из «Голоса Москвы» про убийство старца из Троице-Сергиевской лавры и отыскание убийцы (сторожа) сыскной собакой Трефом по кровавым следам на подошвах сапог¹.

Об этой же Троице-Сергиевской лавре Л. Н. на днях получил письмо от монаха о богоотступной жизни, какую ведут тамошние настоятели и как грубо обращаются с монахами².

Л. Н. по утрам делает самые дорогие для него прогулки, во время которых записывает радующие его, на свежую голову приходящие мысли. Стал продолжать давно начатую статью о причинах той безнравст-

венности жизни, которой живут все люди нашего времени («О безумии»).

Л. Н.: Мне было интересно и даже поучительно наблюдать эту грубо-низменную богатую среду среди нищего народа. (О посещении Матвеевых.)

Крестьянин пишет Л. Н-чу: «... за беседой влили в мое сердце много душевного тепла».

3 сентября. Кочеты.

Л. Н. (Михаилу Сергеевичу): Экая гадость, газеты! В «Новом времени» Меньшикова статья о Горьком, ловко, размашисто написана, но ругательная¹. Я Горького не люблю. Всякая ложная критика, восхваляющая искусство (декадентское), есть дверь, в которую врываются все бездарные люди; <это> декадентская критика позволяет, а верной, пользующейся авторитетом критики, как во времена Белинского, пока нет; что же они мне присылают, какого они направления?

Верхом в Головеньку; въехали дорогой в парк аллеями; Л. Н. увидел садовника и направился к нему.

Александра Львовна пишет из Ясной, что М. А. Шмидт плоха. О молебне, который Софья Андреевна отслужила в доме, в кабинете Л. Н.²

Л. Н.: Как же, с водосвятием! Стоит только одному начать...

4 сентября. Кочеты. Утром Л. Н. верхом в Треханетово к мужику, у которого пала лошадь. Дал ему 25 рублей.

Дашкевич заговорил о съезде германских юристов, на котором большинство высказалось за смертную казнь.

Л. Н.: Ах, ужас! Вырезать! (эту статью из «Русских ведомостей»)¹.

Л. Н.: Если у человека есть чувство долга, чувство, что он обязан к чему-нибудь, этот человек уже религиозный человек. А вот эти профессора могут все знать на свете, но они ниже тех людей, самых простых, у которых есть чувство долга.

Фельетон в «Русских ведомостях» о салютистах².

Дашкевич: В Швейцарии смеются над ними.

Л. Н.: Они повторяют одно и то же на все лады.

В разговоре о Л. Н. я сказал Дашкевичу, что удивляюсь, что Николай II не желает познакомиться с Л. Н. — пожалеет, когда его не будет.

Дашкевич: Желание в нем должно быть, в каждом человеке есть. Миллионы желают и не могут приехать, но он может. Но до этого его придворные не допустят, потому что один разговор мог бы перевернуть весь строй, и потом он пожелал бы чаще советоваться со Львом Николаевичем.

5 сентября. Кочеты. В 1.15 поехали верхами к А. Я. Григорьеву в Александровку. Было холодно, сильный ветер и дождь. Л. Н. надел на пальто свиту; ветер сбоку. Температура на точке замерзания; дождь одно время замерзал в крупу и сильно стегал руки. Лошади иногда отворачивались от него. При таком холоде, ветре и дожде ехали в открытом поле девять верст. После первой версты Л. Н. обождал меня и спросил, не холодно ли мне. Я не признался и спросил Л. Н., не холодно ли ему. Было такое ненастье с ветром, в какое в Ясной Поляне в поле никогда не поехали бы, только в лес. К тому же лошади скользили по дорогам; впрочем, половину пути мы ехали полем. Григорьев нас в такую погоду и не ожидал. Никого не созвал. Л. Н. согласился было на «поумнее людей». Дома был Андрей Яковлевич, старший брат Мардарий, две сестры. Племянника дома не было, а были два его сына — 16-ти и 8 лет.

Григорьев был приезду Л. Н. очень рад. Засуетился, и особенно тогда, когда через 20—30 минут Л. Н. назначил время отъезда — через 15 минут. Сестры что-то толкли за стеной, стряпали и показались только при нашем приезде и прощании. Либо растерялись, либо думали, что

Л. Н. пробудет дольше и будет пить с ними чай. Григорьев несколько раз повторял, как он рад и счастлив, что имеет гостем Л. Н., рассказывал, как сидели и читали его сочинения, ежедневно его вспоминали; как он, уезжая из Сибири, говорил, что непременно отыщет Л. Н. Стал доставать книжки со шкапа и показал Л. Н.-чу: там были два Евангелия, скопическая книга песен, молитв, книжки Л. Н.; потом подал «Корень зла» (историческая книга); стал рассказывать, что творилось при Борисе Годунове: люди поедом ели друг друга; потом про книжку Ми-ти (Л. Н.-ча, «Посредника»):

— Вот, что значит Китай, что они знают, а мы, православные...

Л. Н. спросил, где он спит. Он указал на широкую скамейку; сказал, что спит на ней, на голых досках и прикрывается кожаном; под голову кладет себе что-то, но не подушку. Л. Н. спросил:

— А не твердо и не холодно на голых досках? А давно так и одетый ли?

Григорьев: С 30-ти лет; привык; раздетый. Не холодно и не проспишь. Когда молотили в Сибири в 6-часовую смену, я никогда не просыпал.

Л. Н.: А от похоти это полезно. Очень важно для молодых людей. Посоветовать ребятам у Чертковых.

Григорьев рассказывал, как он ездил в Столбовую, в Мещерское. В вагоне разговорился с ним студент, читавший книгу Толстого, и сказал, что он в бога не верит; не может верить; что у них прения на лекциях и что существование бога никто доказать не может. Григорьев ему сказал: «Я в двух словах: «Ведь совесть есть?» — «Есть». — «Совесть — голос души? — а в душе бог»».

Мардарий — глухой после «ударца» (оглох девять лет тому назад). Беседовал с Л. Н. На вопрос, много ли водки пил, ответил:

— Ведь я человек женатый; как меня женили на свадьбе и потом полгода пил, а на службе никогда не пил.

Л. Н. спросил его, сколько служил («Восемь годов») и участвовал ли в войнах, и сказал, что военное дело — ведь грех, убийство.

Мардарий: Я захватил еще убийство, два года при Николае. Тогда били сердечных, теперь не бьют.

Л. Н. объяснил, что подразумевал убийство не палками, а на войне. *Мардарий* вышел, мы остались с Л. Н. одни. Я спросил:

— В «После бала» вы описали, что при вас было?

Л. Н. ответил, что студентом бывал на балах. Экзекуции в его время бывали, но он на них не присутствовал.

— Своими глазами не видали?

Л. Н.: Нет, бог миловал.

Я (в то же время): Слава богу!

Вошел Григорьев, принес самовар.

Л. Н. намекнул ему насчет самовара, что это роскошь. Спросил про хозяйство: земли до 40 десятин, 30 покупной — хутор. Шесть коней, мельница. Л. Н. в связи с роскошью рассказал, какую бедность вчера видел в Образцове: шестеро детей у вдовы, девочка обернута тряпкой, рубашки нет, голые, голодные. Л. Н. спросил *Мардария*, какой он веры.

— Такой же, как и они, — показал на младшего брата Андрея Яковлевича, — только я не скопец. Мы от батюшки, матушки такие.

— Хлысты? А племянник? — спросил затем Л. Н.

— Он мирской, православный.

Мардарий ушел. В углу образ. Л. Н. спросил Григорьева, как здесь мужики, молятся ли и какие молитвы.

— Утром молятся: «Отче наш», «Верую», «Богородицу».

— А все знают?

— Не все. Иной станет перед иконой и крест за крестом спешно кладет, словно шарманка; какая это молитва.

Л. Н. присел на скамью, облокотился и отдохнул; потом пил чай, немного поел, похвалил стряпню (кажется, олады были) и поторопился домой. Григорьев провожал нас на жеребце и повел напрямик полем к глубокому оврагу на нижнем конце деревни. На противоположную сторону оврага пришлось взбираться вскок — высока и очень крута. Большую часть дороги тоже скакали. Л. Н. очень торопился. Дождь перестал, ветер дул нам в спину.

Александра Львовна рассказала, что Софья Андреевна позвала священника служить молебен в доме Ясной Поляны. Потом сама Софья Андреевна рассказала об этом — что она пригласила священника; что верхние комнаты окропил святой водой; что молитвы читал самые хорошие.

Присутствовала она и прислуга. Варвара Михайловна и Мария Александровна ушли под своды, и Софья Андреевна продолжала, обращаясь к Л. Н.:

— Сергей Николаевич причастился перед смертью и успокоился. Ведь ты ему посоветовал, он тебя спросил. «Если тебе хочется (если тебе это приятно), причастись», — ответил ты ему¹. Как Машенька обрадуется водосвятию, — добавила Софья Андреевна.

6 сентября. Кочеты. У Л. Н. разболелся палец на правой ноге; ночью возился с ним, не спал; утром послал за мной. Вторая фаланга воспалилась, припухла, покраснела; главное, сверху болит и конец второй фаланги. Простое воспаление, подагра (которой страдают все Толстые); кроме того, есть и воспаление вен на внутренней стороне бедра, ниже колена: два узла. Л. Н. настойчиво спрашивал, что это может быть. Я ответил, что первая вероятность — простое воспаление от вчерашней верховой поездки, от холода, ветра — ехали много вскачь. Л. Н. это отвергал, говорил, что не озяб, и спросил, что еще может быть. Вторая возможность — подагра, хотя она бывает обыкновенно не в последней фаланге и не в межфалангиальном суставе, а в метакарпальном суставе большого пальца. «А еще что может быть?» — спросил Л. Н. — «Наконец, возможность начала старческой гангрены», — сказал я. Л. Н. расспросил о последней болезни и просил книг о ней: учебник хирургии и Энциклопедический словарь. И, прочитавши, остановился на том, что у него начинается старческая гангрена. Эта болезнь ему известна и по частым рассказам Черткова, отец которого умер от нее.

Софья Андреевна пилила его, повторяла, что не следовало ему в такой холод и в такую даль вчера ехать.

Л. Н. весь день ничего не ел и ничего не пил: изжога; принял соду с молоком. Он от этого еще больше ослабел, и пришлось ему переносить неумолкаемую трескотню жены. Весь день в серьезном настроении, ушел в себя, почти ни с кем не разговаривал. Меня поразила его плохая память; вчера вечером не помнил смерти Марии Львовны, но это следует приписать небольшому жару; думал о скорой кончине; уверен, что это начало гангрены. Утром с 9 до 12 лежал у себя, в своей комнате, на кушетке, читал хирургию Dieulafoy и почту. Пополудни с часу до 2.30 лежал на кушетке в столовой, читал в трансваальском английском еженедельнике, издаваемом индусами-эмигрантами, об их колонии в Трансваале и индусских passive resistance*. Потом лег в постель и дремал до пяти, с пяти до шести диктовал мне по-русски письмо к Ганди, руководителю пассивно сопротивляющихся индусов в Йоганнесбурге (в Трансваале)¹.

* пассивных сопротивлениях (англ.).

Софья Андреевна, приехавшая вчера, привезла письмо Марии Николаевны, в котором пишет и о том, что есть слухи, будто Софья Андреевна и Лев Николаевич разводятся. А сегодня Софья Андреевна просила Дранкова, кинематографщика, снять их вместе с Л. Н., чтобы опровергнуть, что пишут в газетах, будто разводятся; присутствовавший при этом Дашкевич не выдержал, ушел от этих речей.

Михаил Сергеевич: Софья Андреевна — образец бестактности; сама распускает слухи.

Дранков вечером показал снимки в столовой; пришло около 50 крестьян.

7 сентября. Кочеты. Л. Н. долго не просыпался. Припухлость на пальце порядочно опала, красноты, болезненности меньше, но Л. Н. просидел весь день с протянутой ногой. Днем Дранков снимал, как мананки¹ сучили притуги (которыми притягивают, когда кроют соломою крыши), и другие их работы по экономии Сухотинных.

Вечером Абrikосовы. Представление кинематографическое в каретном сарае; зрители — из деревни, очень благодарная публика. Представляли Ясную Поляну зимой, Кочеты, свадьбу в Кочетах; охоту на волка в соседних Головеньках («Хлеб»), в Италии и прочее. Л. Н. не был на представлении. За чаем Л. Н. сказал Софье Андреевне и Абrikосову:

— Я очень хотел поехать в Горбову. Мне одна учительница писала — умное письмо, она хочет передавать нравственное учение чтением «Мыслей мудрых людей». — Л. Н. одобрил и посоветовал ей спрашивать у детей: «Они хорошо передают, они прямо поправляют вас»².

Л. Н. (ко мне): Сегодня получил книжку о черте оседлости евреев, прекрасная брошюрка; как черта образовалась, как изменялась³. Оказывается, что там народ, по крайней мере он (автор — еврей) это доказывает, что там народ богаче.

Л. Н. (к Дранкову): Как все евреи умственно развиты, хотя и образуются. Сегодня два таких письма получил⁴. — И Л. Н. сказал, что он не сочувствует ни поступлению в высшие учебные заведения, ни тому, чтобы из-за этого менять веру.

Говорилось о росте преступности вследствие пьянства. Приехала С. А. Стахович⁵; находит, что Л. Н. изменился, забывчив стал, неспокоен, оживляется с Григорьевым и за винтом. Л. Н. умственно созрел к смерти, но физически у него еще страх перед ней; то, что он вечером думал о гангрене, это от страха. А духовные интересы его тянут еще к жизни: вот едет к скопцу, на отруба — интересны ему, нет равнодушия.

Л. Н.: Вчера совпало — как опухоль опала, долго спал, хорошо ноге.

Говорилось о том, что магометане — трезвее и воздержаннее христиан. Индусы — кротче, японцы — послушнее (дисциплинированнее).

Разговор о книге Н. Bordeaux «La peur de vivre»⁶. Л. Н.-чу понравился поступок прачки: кончила четырехклассную гимназию...

Третьего дня обрадовался «Вестнику Европы»⁷.

8 сентября. Кочеты. Утром Татьяна Львовна, Александра Львовна, Л. М. Сухотин с женой, А. И. Путилина и я поехали в Новосиль. Я по пути зашел в Духов монастырь к старцу Серафиму. Остались дома: Л. Н., Софья Андреевна и занятый по хозяйству Михаил Сергеевич. Что-то произошло, т. к. Софья Андреевна вечером не приходила ни к обеду, ни к чаю; наверное, опять приступала к требованиям прав на издание¹. Л. Н. просил меня проводить ее в Ясную Поляну, куда она собирается завтра уехать. Л. Н.-чу Гольденвейзер прислал копию удивительной записи Варвары Михайловны, занесшей на бумагу речи Софьи Андреевны²: она выболтала все свои планы, как хочет добиться прав, и тем самым доказала, что только притворяется душевнобольной.

Л. Н. (на это): Мотивы, по которым она это делает (притворяется душевнобольной), уже являются болезнью.

Вечером в 11 часов Л. Н. дал Александре Львовне прочесть вслух его ответ, написанный на конверте письма еврея, приславшего книжку «Черта оседлости»³.

Л. Н. написал ответ о «черте» под впечатлением брошюры Бирюкова о его ссылке в Бауск, где, между прочим, описывает две еврейские семьи портных, живущих в одной квартире; одна семья спит днем, другая — ночью⁴. Эта брошюра тронула Л. Н. и всех других, читавших ее.

Л. Н. сегодня помогал пилить дрова. Одному из пильщиков нужно было сходить за чем-то, и он не осмеливался, не решался оставить работу; Л. Н. предложил ему поработать за него. Перепиливали бревна, срубленные около дома старые ясени; стволы лежали на земле, Л. Н. пришлося работать, стоя на одном колене.

Вечером шахматы, винт.

9 сентября. Кочеты. Днем у Софьи Андреевны болела голова; получила письмо от Черткова, засела отвечать, и голова разболелась еще хуже¹. Когда Л. Н. к ней входил, жаловалась на крутую боль, хваталась за голову, металась, рыдала.

Уехали С. А. Стахович и Дранков со своим помощником.

Александре Львовне, по поводу вчерашнего письма к ней Варвары Михайловны, в котором та описывает поведение и речи Софьи Андреевны, читали нотации сестра, Михаил Сергеевич и, вероятно, С. А. Стахович. После она говорила мне, что уедет в Крым, потому что чувствует, что нервничает; боится, что нервно расстроится; что туда вызовет Варю. Варвара Михайловна принимает к сердцу участь Л. Н., старается ему помочь, забывает про себя, против себя настраивает.

Л. Н. написал письмо Марии Александровне, в нем пишет, между прочим: «По-старому стараюсь быть менее дурным»².

Софья Андреевна ходила к 75-летней старушке Путилиной, матери фельдшерицы Анны Ивановны. Разговорились о прислуге, которой Путилина никогда не имела; овдовев, осталась с 15 копейками денег; имея четырех детей, всех воспитала. Старушка перекрестилась: «Такой грех! брать прислугу!»

Л. Н. сегодня говорил, что он разозлился:

— Я все высказал (Софье Андреевне).

Вечером Софья Андреевна убежала к пруду. Сначала я пошел за ней, потом пришел Михаил Сергеевич урезонивать; долго урезонивал ее и привел.

11 сентября. Кочеты. Первый морозный день. Л. Н. поздно встал, утром долго гулял. Софья Андреевна неистовствует уже третий день. Л. Н. посылал меня несколько раз к ней; утром была у себя в комнате, продолжала жаловаться на головную боль и говорит, что третий день, как не ест; днем убежала в сад.

Почту стали получать через день. Приятное известие: Маклаков и Муравьев телеграфируют, что защищали Молочникова, оправдан¹. Л. Н. к Михаилу Сергеевичу:

— Ныне письмо «Толстову», интересное, от рабочего-ткача². Этакий религиозный человек. Религиозный вопрос для него <важен> — очень он серьезно к нему относится, но без стихов не обошлось. Когда они в глуши, они считают, что стихотворство есть обязанность, вроде образования.

Софья Андреевна весь день пропадала одна в парке. Л. Н. посылал меня за ней, сказал:

— Ох, Душан Петрович, все хуже и хуже; все это, все идет к худшему. Софья Андреевна настаивает, чтобы уехать с ней. А я решитель-

В. Г. КОРОЛЕНКО

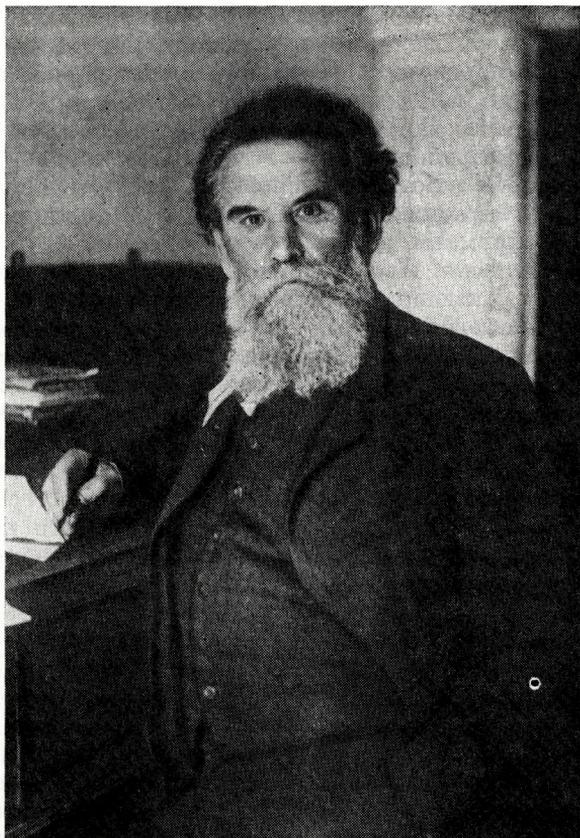
Полтава, 1910 г.

Фотография Г. Е. Старицкого

Дом-музей В. Г. Короленко,

Полтава

«...приехал Короленко... я застал его за обедом в разговоре с Л. Н.» — Запись от 6 августа 1910 г.

но не могу это сделать, потому что ее требования идут все *crescendo* и *crescendo*. Ох, не знаю, что делать!

Л. Н. вечером говорил, что мужик искал и не нашел фельдшерицу Анну Ивановну, чтобы достать у нее ниток шелковых. Холостили хряка, вышли кишки, зашили обыкновенными нитками и боятся, что они не будут держать. Л. Н. всегда напоминает докторам их долг.

12 сентября. Кочеты. Софья Андреевна рыдала, не знает — уезжать ли одной, тут ли остаться еще день-два; авось, уговорит Л. Н-ча с ней ехать. В три часа уехала одна на Мценск. Л. Н. скорбел, когда рыдала Софья Андреевна.

За обедом Л. Н. (о Николае Гроте):

— Я перечитывал переписку с ним (в какой книге — Л. Н. не сказал) и отзывы Лопатина о нем; очень хороши¹. Вы его не знали? — спросил Михаила Сергеевича.

— Знал очень близко.

Л. Н.: Очень интересный человек, очень замечательный человек. Интересен он как эволюционист внутренний. Был ярый позитивист, поклонник Спенсера, отрицал отвлеченную философию. Потом сделался отвлеченным метафизиком. На нем отразилось влияние позитивизма 70-х годов.

Разговор о Гроте поднялся по поводу письма его брата Константина, просящего разрешения издать письма Л. Н. к его покойному брату. Л. Н., кажется, написал, кроме разрешения, и оценку его; по крайней мере, за завтраком говорил, что чтение писем способствовало этому².

За обедом Татьяна Львовна говорила о своих «кустарных» делах: она дает бабам шить рубашки, подрубать платки и т. п., и они могут конкурировать с городскими швеями, работающими на машине. Треханетовская баба довольна 10—15 копейками в день, а городская швея должна, чтобы заработать один рубль или хотя бы 70 копеек, шить от пяти до семи рубашек.

Л. Н.: Вот интересное явление! Это при условиях деревенской жизни могут рукошвейные конкурировать с машинами.

Шахматы, винт.

Татьяна Львовна: Это увлечение — покупать машины; садовница купила, Аксюша, горничная, купила.

Разговор о том, как агенты для сбыта всучивают машины в расрочку — и таким, которые совсем не в состоянии будут платить. Контракт такой, что у нарушивших срок платежей фирма (Зингер) отнимает машины обратно, а уплаченное не возвращает.

13 сентября. Кочеты. Л. Н. после вчерашних сцен Софьи Андреевны (перед отъездом ее стал мягче с ней, почти до слез) — сегодня не в духе. Михаил Сергеевич положил ему утром «Новое время» от 10 сентября со статьей «Смертная казнь». Это корреспонденция из Германии о том, как огромное большинство немецких юристов высказалось за сохранение смертной казни¹. Л. Н.-ча статья очень взволновала; за завтраком выразил весьма сильно свое негодование и «Новым временем» и всеми газетами — все скверны:

— Я получил письмо — ответ от Джулио из Италии, из Рима. Пишет относительно своей книги о Толстом².

Л. Н. говорил с восторгом о его письме:

— Описывает содержание моих взглядов религиозных прекрасно. Итальянец умный, схватил и ясно изложил суть.

Ходили с Александрой Львовной, Анной Ивановной и Дашкевичем к Мелыни. Спросил Александру Львовну, может ли приехать врач Перовский на январь заместить меня. Ответила, что нет, между прочим и потому, что не хотят чужого в дом. И как можно о январе загадывать, какие перемены наступят; может быть, разойдутся нынешние жители Ясной: Л. Н., Софья Андреевна и она. В Крым не поедет, потому что Софья Андреевна радовалась, что она уедет, а Александра Львовна не оставит отца одного. Теперь и Татьяна Львовна все знает (т. е. что есть завещание). Когда Александра Львовна ей рассказала, Татьяна Львовна заметила, что ей и не нужно об этом знать. Она на стороне отца; Михаилу Сергеевичу не скажет об этом.

Софья Андреевна в 1909 г. перед Стокгольмским конгрессом мира хотела подать жалобу на И. И. Горбунова за то, что он издает «Кавказский пленник»; послала Горбу (судебного чиновника, помощника по ее изданиям) к адвокату. Этот спросил, на основании какого документа возбуждает Софья Андреевна жалобу. «На основании доверенности на ведение дел Льва Николаевича». — «На основании этого нельзя, нужен документ о передаче прав на издание». Софья Андреевна попросила его у Л. Н., он решительно отказал. Тогда Софья Андреевна пустила в ход истерию и не позволила Л. Н. ехать в Стокгольм. В этом же году летом начала очень хитро играть ту же самую роль (против Черткова), представлять себя больной, чтобы вынудить у Л. Н. право на издание. О другом Софья Андреевна не говорила, только Миша и Андруша выболтали о завещании.

Софья Андреевна теперь печатает новое издание, в которое вложила все наличные деньги, и боится, что если Л. Н. откажется от прав в пользу всех, тогда ее издание не распродается, и это — причина ее взволнованности.

Если она и впредь будет донимать Л. Н., то, тогда он уедет. Это, вероятно, может случиться в ближайшее время. Александра Львовна не хочет оставить отца одного, потому что ему нужна помощь (опора). Она сказала, что если у Софьи Андреевны будут документы, то тогда Горбунова и других издателей посадят в тюрьму, с чем Л. Н. не сможет согласиться. Это был ответ Александры Львовны на мои замечания, что, в конце концов, Софья Андреевна своими нападка ми все-таки добьется, что Л. Н. уступит ей права. Еще Александра Львовна сказала, что, если бы это случилось, она бы в тот же день ушла из дому. Не будет ей там житья от матери; если она узнает, что отец на ее имя завещал издательские права.

С Л. Н. верхом в Бараново и по барановскому лесу. Л. Н. ошибся в направлении, не мог ориентироваться. Спал до 6.40. За обедом Александра Львовна вспомнила, как недавно осадили на вокзале в Туле Л. Н-ча: скупчили все открытки и просили подписывать, и открытки с дамами декольте, — эти Л. Н. отказывался подписать.

Говорили о Сафонове как о лучшем в мире учителе музыки, но только грубом. В 1-й главе «Об искусстве» Л. Н. его изобразил, как он «разучивает» с труппой оперу³.

В «Русском слове» 12 сентября прочли Дранкова: «Лев Толстой в Кочетах»; между прочим, там говорится о том, как 7 сентября Л. Н. заговорил с мужиками, пилящими дрова. Один попросил книги. Л. Н. послал его за ними к Душану Петровичу. Но мужик не хотел работу оставить, а то «управляющий его изругает». «Я тебя заменю, иди», — сказал ему Л. Н., и он минут 20 пилил за него⁴. Дранков его тогда снял кинематографом.

Л. Н. (Михаилу Сергеевичу): А меня очень занимает Грот. Мне ужасно интересно. Хочу писать о нем. Трудно писать о науке и профессуре. Его (Грота) борьба была в освобождении от суеверия науки и искусства, и так и не освободился.

Михаил Сергеевич: Интересно в газете, что какой-то смотритель тюрьмы приговорен к смертной казни за убийство трех арестантов⁵.

Дашкевич: Этого никогда не бывало.

Л. Н.: Это очень интересно.

Л. Н. просил принести и прочесть (Александра Львовна прочла) письмо Гусева⁶. Он сидит под арестом за самовольную отлучку. Ссылные корепинские решили ни за каким разрешением не обращаться к властям, так и поступают. Описан суд — как земский начальник неохотно их приговаривает, хотя приговаривает к наименьшему наказанию.

Л. Н.: Счастливый человек (Гусев), что страдает. Вы не находите? — обратился к Михаилу Сергеевичу.

Михаил Сергеевич: Не нахожу.

Л. Н.: А я нахожу.

Л. Н.: Нынче письмо от умного крестьянина, религиозное. Спрашивает, как ему поступить: осенью ему на ставку идти⁷. Я хотел ему написать, но страшно влиять: не сказать ему то, что ему добро, — это худо, а сказать ему — еще хуже. И потом решил — оставить письмо «без ответа».

Потом перешли в салон, за черным кофеем, при шуме детей Михаил Сергеевич читал вслух из «Русского слова» «Суд над толстовцем Молочниковым» за свращение Смирнова и Соловьева к отказу от военной службы и за распространение запрещенных сочинений Толстого⁸. Рассказывается, как привели свидетелями Смирнова и Соловьева, присужденных к четырем годам тюрьмы. Защищали Молочникова Муравьев (очень хорошо) и Маклаков; он говорил, между прочим, что «Толстой

заявлял неоднократно, в печати, что он виновник своих книг и чтобы наказывали его («Я виновник своих книг, меня наказывайте»). Пока власти не трогают Толстого, нельзя наказывать его учеников».

Л. Н.: Совершенно верно. Совпадает с моим заявлением по поводу ареста Гусева⁹.

Михаил Сергеевич (дочитав): Вот что значат защитники — освободили.

Л. Н.: Они приготовили таких свидетелей. Я вижу, как обставлено. Так что защиты никакой не нужно.

Михаил Сергеевич: Богатый является с защитником Маклаковым, а бедный с *Н.* Как же они перед судом равны?

Шахматы *Л. Н.* с Михаилом Сергеевичем. Винт.

Л. Н. читал на днях ремингтонную копию — описание путешествия через Монголию из Калгана в Далайнор Абрикосова, родственника Хрисанфа.

Л. Н.: Очень хорошо, только он напрасно не любит китайцев. Живо, интересно.

Затем *Л. Н.* искал у Брокгауза о численности монголов, этих сведений не оказалось.

14 сентября. *Л. Н.* поздно встал. За завтраком говорил Михаилу Сергеевичу, что написал письмо о Гроте и что прочтет ему. В два часа *Л. Н.* поехал вместе с Михаилом Сергеевичем к княжне В. П. Голицыной. Вечером шахматы, винт до 10. 40. Потом *Л. Н.* до 12-ти писал. В 12. 30 продиктовал мне письмо К. Я. Гроту о том, что он, хотя не совсем здоров (нам незаметно, чтобы *Л. Н.* был нездоров: верно, нарочно скрывает), хочет написать в его «Сборник» письмо о его умершем брате¹.

В. П. Голицына, ярая православная, не читает последних писаний *Л. Н.*, чтобы он ее не поколебал; знает только некоторые письма *Л. Н.*, появившиеся в газетах. Михаил Сергеевич рассказал об их учтивой встрече, удивляясь. *Л. Н.* отлучен от церкви; Голицына, ярая православная, чай из одного чайника с ним пила. Старобрядцы с отлучившимися от церкви (с православными) из одной чашки не едят. Они говорили о нравственности, религии; слова общие, но понятия у них различные. Говорили о пьянстве. *Л. Н.* сказал, что правительственными (внешними) мерами нельзя заставить людей перестать пить, а только внутренним перерождением. С этим Голицына согласилась. Но перерождение *Л. Н.* понимает как результат работы разума, а Голицына — благодати. Опять на словах они согласны. Михаил Сергеевич думает, что Голицына и *Л. Н.* хорошо отнеслись друг к другу из-за любви к Татьяне Львовне, которая любит Веру Павловну, а она ее. *Л. Н.* еще выразил желание видеть ее двоюродного брата, Н. Б. Голицына, в Ломцах. Этот старый князь — отшельник, вроде Тентетникова.

15 сентября. *Л. Н.* за завтраком прочел вслух часть письма Герцена к Мишле о русском народе — часть, касающуюся Екатерины II, велевшей убить своего мужа и потом каздившей офицера-убийцу¹. Потом *Л. Н.* дал прочесть вслух письмо Молочникова о суде над ним и об оправдании и, главное, о появлении на суде и о показаниях Соловьева, Смирнова и Некрасова². *Л. Н.*-ча ответы на суде Соловьева и все письмо Молочникова тронули до слез.

Татьяна Львовна прочла из «Орловского вестника» статью, перепечатанную из «Утра России»: «Толстой в Кочетах». В ней ряд неверных сведений о присутствии *Л. Н.* на кинематографическом представлении в Кочетах и его отъезде, о кинематографе и о другом.

По поводу того, как газеты теперь вторгаются в семейные дела, развизно пишут, *Л. Н.* сказал, что Ваня (лакей) воспитывается газетами

(каждый день усердно читает их). Это дурно, т. к. следствие чтения газет — то, что позволяет себе судить о вещах, которых не знает. А нынче 99% людей, читающих газеты, повторяют то, что вычитали в газетах, своего же суждения о вещах не имеют.

Л. Н. говорил, что в «Русских ведомостях» Чертков в статье об учреждении ночлежного дома³ отвечает, наверно, Софье Андреевне, потому что опровергает ее доводы, что ночлежный дом в Ясной Поляне ухудшит положение Л. Н. Но письма Софьи Андреевны или чьего-нибудь пересказа ее речей по поводу этого никто из нас нигде не читал.

Пополудни ездили в Лесню к В. П. Голицыной, длинный — четырех верст — овраг, заросший молодым лесом. Там было безветрие, солнце, этим воспользовался и Л. Н., надел легкую шелковую шапочку.

Я получил от Губернской земской управы сведения о движении холеры в Тульской губернии. Л. Н. спросил, не упрекают ли меня за отъезд из Ясной, не зовут ли. Ему, видно, неловко из-за меня, он помнит, что я бросил больных вокруг Ясной Поляны. Вечером игра в прятанье грибенника. В ней участвовали, с одной стороны: Татьяна Львовна, Александра Львовна, Танечка четырех лет, Михаил Сергеевич и Петр Григорьевич, с другой — Лев Михайлович, Елена Петровна, Мика четырех лет, Л. Н. и я. Татьяна и Александра Львовны играли от всей души. И Л. Н. с детьми веселился. Очень весело и смешно было.

Шахматы, винт. Л. Н. сказал: раз «па», все прочие разы — «пас». Л. Н. любит выговаривать слова по-французски — например, «отограф», вместо «автограф», хотя пишет по-русски «автограф»⁴.

16 сентября. Утром входил к Л. Н., стриг его.

Л. Н.: Вы читали письмо Варвары Михайловны? Вчера получила его Александра Львовна — о том, как приехала Софья Андреевна домой из Кочетов, что говорила... Мне оно было интересно, я Варваре Михайловне благодарен. Как меня хочет (Софья Андреевна) выставить сумасшедшим.

Л. Н. говорил, что нынче хочет написать о Гроде яснее и вместе с тем покороче. Грот был глубокого ума, настоящий философ, и Л. Н. показал книжку о нем (или его?), которую читает:

— Ведь религия и философия имеют одни и те же два предмета: душу и бога. Только религия верит в них — вот тут видно, как нужно слово «вера». Религиозный человек сознает их и не определяет (они неопределимы), а философия признает (только) обряды религией... считает религию отжившей и утверждает, что вера или религия не может иметь никакого значения для философии. Это хочу высказать в письме о Гроде.

За завтраком почта. Я развернул «Новое время». Л. Н. спросил, взглянув на портреты в нем:

— Кто это?

— Авиаторы⁴.

— Бедные! Как они бьются. Это спорт. Я понимаю, что молодому человеку лестно показать свою смелость (мужество).

Я получил письмо от В. Засосова. Оно, как все письма от него, милое, спокойное. Между прочим, пишет: «Был недавно в Москве, заходил там к доктору, который сказал, что состояние моего здоровья серьезно, а товарищу моему передал, что у меня чахотка. Сам я чувствую себя ничего, только немного ослаб. К вечеру почти всегда увеличивается жар, а утром бывает кашель с мокротой, но вообще я чувствую себя хорошо. Сережа (Попов) и я шлем свою любовь Л. Н., вам и всем. Вл. Засосов»*.

* Через несколько недель Засосов умер в Сочи. Его друга, Каргушина, похоронившего его без обрядов, привлекли к суду по доносу епископа. Суд состоялся в Сочи весной 1912 г. Обоих (т. е. Каргушина и еще одного человека) оправдали.

Сегодня огромная почта. Вечером Л. Н. принес письма, между ними одно от Ададунова, от которого на днях получил письмо, где он полемизирует с религиозным учением Л. Н. Нынче же из этого другого письма Л. Н. заметил, что он еврей. Опровергает учение, которое вовсе не учение Л. Н., а которое он ему приписывает. «Чтобы я мистического божества не признавал», — сказал Л. Н.

Л. Н. написал на конверте: «Ададунову не посылать прежнего письма»².

Л. Н.: Есть люди, которые любят много говорить и много писать. Они не слушают, что ты говоришь, а сами говорят и говорят. С ними одно средство — молчать. — Помолчав немного, Л. Н. добавил: — Ах, еврей! Четвертую часть писем от них получаю.

Сегодня я получил письма от Засосова, Гусева; Л. Н. — от немца-швейцарца, единомышленника³. Как распространяется мировоззрение, сознание духовной жизни, ясно изложенное Л. Н.-чем. Засосов — чахоточный, удивительно спокойно живет, чахотка ему не помеха. Засосов пишет, что Сережа Попов заходит в монастырь беседовать с монахами; раньше же он много раз излагал властям, что они делают, и так как он сам беспаспортный, так приходилось ему отсиживать за это. Гусев пишет, как корепинские ссыльные перестали обращаться к властям за разрешением отлучаться; делают это так естественно-просто, как Засосов умирает или как Булгаков готовится отказаться от военной службы. Швейцарец 25-ти лет, поклонник сочинений «Царство божие», «Круг чтения», «Жизнь Дрожжина», вполне разделяет взгляды Л. Н.

17 сентября. За завтраком я рассказывал Л. Н. об упоминаемых здесь вчерашних известиях. Его больше всех заинтересовал своими поступками Сережа Попов.

И Л. Н. рассказал о нем присутствующим (Сухотиным), как Сережа Попов, разорвав вид на жительство, четыре года никакого отношения к правительству не имеет. Впрочем, Л. Н. лет десять тому назад, уезжая в Крым, почти наверное, тоже не взял с собой документов, и в прошлом и этом году, наверно, нет.

Сережа Сухотин рассказывал и Л. Н. расспрашивал его о Швейцарии; о правительстве — кантональном и федеративном (Conseil fédéral, он номинален) и их законах; об обостренных отношениях к русским, о школах. Л. Н. спрашивал, есть ли начальные государственные школы, об *église nationale* и *église libérale* * (Vinet не признает божественности Христа), о католиках.

Л. Н.: Несчастные, главное, дети, которым этот обман (божественность Христа и тому подобные кальвинистские учения) внушают.

Сережа говорил о русских студентах и курсистках в Швейцарии, что они не подготовлены и не обеспечены, голодают; не понимает, за чем они учатся.

Л. Н.: Это некоторая profession, положение, особенно в либеральных кругах.

Л. Н.: Панкратов прислал книгу «Ищущие истины»⁴. Это ряд сект, не столько народных, сколько интеллигентных.

Л. Н.: В газете пишут, что «Три дня» конфискованы (в каком издании?)².

Л. Н. получил письмо Л. Ф. Анненковой³, побывавшей в Ясной, ужасающейся поведением Софьи Андреевны и просящей Л. Н. не уступать ей и вернуться из Кочетов только с условием видаться с Чертковым.

* о государственной церкви и свободной церкви (франц.).

Варвара Михайловна пишет 16 сентября Александре Львовне, что Софья Андреевна всем, кто бывает в Ясной, рассказывает свои выдумки и что говорит о Л. Н. с ненавистью: «Как мне опротивел», и прочее⁴. Был Клечковский, и ему рассказала Софья Андреевна все ею выдуманные гадости, в которые она сама не верит. Он стал на колени и просил Софью Андреевну, чтобы перестала так говорить о Л. Н. А когда она продолжала, Клечковский схватился за голову и убежал. Варвара Михайловна нашла его плачущим.

Сухотины сегодня у В. П. Голицыной, день ее рождения.

Л. Н. вечером сидел за чаем с Александрой Львовной и Анной Ивановной. Очень приятно, уютно в разговорах провели вечер. (Я проспал.) Потом в 11 ч. к нему в кабинет зашел Михаил Сергеевич, Л. Н. говорил ему, что написал по поводу Н. Я. Грота о философии и религии. Александра Львовна говорила мне сегодня, что вчера Л. Н., говоря о Черткове, сказал, что думает к нему поехать (т. е. посетить) из Ясной.

18 сентября. Л. Н. в 9 ч. вышел гулять в пальто. Дни ясные, теплые, утра холодные. Л. Н. каждый день ходит к большому дубу, который — и еще редкие старые дубы около елок в большом лесу — ему особенно нравится.

Александра Львовна отправляла сегодня почту за вчера и сегодня — 21 письмо¹. Л. Н. к ним написал еще четыре и продиктовал одно. Александра Львовна похвалила письмо Гуляевым².

Л. Н.: Большинство наших друзей это те, про которых мы не знаем. Они знают, что нужно, и молчат.

Александра Львовна спросила, послать ли ответ на прежнее письмо Адаурову и не прибавить ли что. Л. Н. просмотрел и сказал, что послать как есть.

За обедом Татьяна Львовна заговорила о том, что сегодня читала письма Дашкевича, которые ей писал из Charente (именные в горах над Лозанной). Л. Н. заинтересовался и расспрашивал Дашкевича подробно (есть ли печка в доме и т. п.). Александра Львовна шутила, что папа туда уедет пахать. Там никто не отыщет.

Л. Н.: Несчастный Шавез, тот, который перелетел через Альпы, умер³.

Михаил Сергеевич: Я думаю, что перестанут летать на дирижаблях: слишком многие убиваются, а перейдут к баллонам, цеппелинам.

После обеда Л. Н. рассказывал детям сказку об огурце. Когда показывал последний, самый большой огурец, Л. Н. распростер руки, встал и заговорил громким голосом; дети убежали, но Танечка, сидя на коленях Татьяны Львовны, спросила: «А съел его?» Л. Н.: «Он все еще его ест».

Вечером — доктор из Новосиля и Горбовы (муж с женой).

19 сентября. Был Григорьев. Он мне говорил, что Л. Н. ему рассказал, какой сегодня день, что получил почтой; приближается день, по его словам, когда люди поймут, что «царство божие в руках ваших». Л. Н. получил письмо от Булгакова, который с С. М. Булыгиным с радостью думают о том, как они откажутся от военной службы⁴. Булгаков же пишет, что у Чертковых остановился Кудрин, по пути из тюрьмы на родину. Он рассказал историю своего отказа, и Булгаков записал ее и прислал копию Л. Н.-чу⁵. «Хорошо записано», — похвалил Л. Н.

Потом Л. Н. получил письмо от П. П. Николаева, живущего в Ницце. Он из казаков, его сын хочет отказаться. Чтобы его удержать, он предпочитает остаться за границей⁶. Книжка «Проклятье войны». Ее конфисковали. Ее автор, Купчинский, просит Л. Н. содействовать, чтобы она была переведена на французский, на английский языки. В этой книжке выставлены все ужасы войны⁷.

Л. Н. в своем кабинете прочел нам — Григорьеву и мне — вторую половину XXIII главы «Казни на войне». И после сказал:

— Трудно ему (Купчинскому) ответить. Книга (его) мне не нравится, а sujet, напротив, превосходный. Многосторонне освещено, но преувеличено, и этим самым преувеличением подрывает доверие читателей. В этой книге хорошо показано, как война действует на воспитание детей, на литературу, сколько было убитых (таблицы), сколько издерживается на войско (кажется, 13 миллиардов).

В столовой за чаем Л. Н., Татьяна Львовна, Александра Львовна, Михаил Сергеевич, Григорьев, С. М. Сухотин и я. Прочли рассказ Кудрина о его отказе от военной службы. Читали вслух, чередуясь по листам рукописи, Л. Н. и Татьяна Львовна. Кудрин родился в молоканской семье. Добролюбов просветил его. Он решил отказаться от военной службы, его жена с этим согласилась. Как он в тюрьме одно время под влиянием революционеров стал чувствовать злобу к начальству и как ему тогда тяжело было. Это прошло, опять возымел добрые чувства.

Л. Н.: *Офицеры какие славные! Как хорошо к Кудрину относились. Все мы были глубоко тронуты рассказом Кудрина.*

Л. Н. еще раньше у себя в кабинете говорил с Григорьевым об Евангелии. Григорьев по-своему объяснял насыщение пятью хлебами — духовной пищей. Л. Н. же сказал, что никак не нужно объяснять; чуда ему не нужны.

Михаил Сергеевич с Татьяной Львовной уехали в Орел. Вечером Л. Н. играл в шахматы с Дашкевичем и в винт с Александрой Львовной, С. М. Сухотиным и Дашкевичем.

Вечером продиктовал мне ответ Купчинскому.

20 сентября. Л. Н. утром гулял, пополудни не выходил. Холодно ему. Днем продиктовал Р. С. к письму Купчинскому¹. Татьяна Львовна, к обеду вернувшись из Орла, привезла Танечке «Робинзона». Какое совпадение! Как раз за завтраком Л. Н. говорил: «Мне хочется прочесть «Робинзона». Самая лучшая книга для детей! Какая это мысль прелестная, как это все, чем мы пользуемся, добывается трудом. Есть «Robinson suisse»², мы в детстве читали его, тоже семьей. В нем есть наивные рассуждения о религии, и там есть много пошлого религиозного. Надо бы прочесть оригинал (т. е. «Робинзона» Дефо).

Татьяна Львовна: *Есть «Робинзон», твоими учениками составленный³. Нехорошо.*

У Танечки главные интересы: еда и книги*.

Л. Н. спросил молодых Сухотиных:

— Вы не читали Чайковского (композитора)?** — Забавно. Остроумные его (Чайковского) стихи! Он (Чайковский) наивный, правдивый. «Что моя жизнь?! — говорил он. — Построена на успехе моих музыкальных произведений»⁴.

Полудни я провел в кабинете Татьяны Львовны, переводя письма Л. Н. А Александра Львовна переписывала на ремингтоне дневник Л. Н. Она грустна, т. к. от Варвары Михайловны дня два не получала писем.

— Что вы такой веселенький? — спросила меня.

— Читаю письма Л. Н. и вижу, какой свет идет и, главное, пойдет от учения Л. Н.

— Вчера о том же думала.

Вошел Л. Н.:

— А вы что пишете? — Положил руки мне на плечи и, будучи близоруким, нагнулся над самым столом.

* Ей только четыре года. Подписаться умеет: Тая. Читать, писать ее нарочно не учат.

** Какие-то две книжки о нем, которые на днях прислали Л. Н.-чу.

Я: Перевожу ваш ответ Гуляевым⁵.

Л. Н.: Как они смешны, эти Гуляевы! Желал бы их видеть.

Л. Н. зашел к старушке Кузьминишне Путилиной, 75-летней матери фельдшерицы Анны Ивановны. Она набожная, очень добрая старушка, прекрасно умеет говорить; пословицы так и украшают ее речь.

Старушка мне рассказала про посещение ее Л. Н.:

— Какой он милый, добрый в обхождении. Ведь знаете, как нынче маленький высоко держится, а он великий. Спросил, не скучно ли здесь.

Я: «Только, что церкви нет». — «А вы любите в церковь ходить?» — спросил. И я забыла еще, что говорил».

21 сентября. Утром Л. Н. написал письмо Гольденвейзеру¹. Александру Львовну огорчила в нем фраза, что ему неприятно, что многие чужие знают о поведении Софьи Андреевны и советуют ему, как поступать. Александра Львовна из этого видит, что Л. Н. пойдет на уступки. Она против этого.

Александра Львовна вспомнила слова Л. Н., когда Софья Андреевна внезапно присоединилась и поехала с ними сюда: «Я буду сестрой милосердия до ее кончины». И Александру Львовну они волновали. «Мать уморит папá».

Л. Н. намерен, как приедет в Ясную, поехать к Чертковым. Михаил Сергеевич считает это неправильным поступком, надо подождать, пока сама Софья Андреевна предложит Л. Н. видаться с Чертковым (как уже предлагала).

Татьяна Львовна: Надо крест свой нести. Чертков сказал: «Христос умер на кресте, а Лев Николаевич может умереть от Софьи Андреевны». Мамá надо сочувствовать, она истеричка.

За завтраком разговор о П. И. Чайковском по поводу книжечки Клименко «Краткий очерк биографии Чайковского».

Пополудни Л. Н. с Михаилом Сергеевичем и Татьяной Львовной поехали к В. П. Голицыной. Л. Н. пригласил ее на вечер в винт играть. С Александрой Львовной я пошел им навстречу. Подсели в долгушку. Л. Н. мертвенно-бледный от холода. Чудный, чрезвычайно ясный день, 5 часов пополудни.

Л. Н.: Как далеко видать! Как я люблю эти горизонты!

За обедом Л. Н.:

— Читаю книжку (издание «как манускрипт») Николаева «Понятие о боге как совершенной основе жизни»². Огромная книга. Это только вторая часть труда, очень основательно и обстоятельно. Он не материалист, не дуалист, а монист. У него духовно-монистическое понятие о жизни — один дух. Дух творит материю. И эту мысль, все это проводит через Декарта, Лейбница.

Л. Н.: Статья Меньшикова в «Новом времени» о революции, о борьбе с забастовкой в Париже и Берлине умно написана³. Но надо глубже взять. Ему не нравится равенство. Для меня интересны все эти вопросы. В них одно: отсутствие религии. А у него вывод незначительный: в России полиция дерется и там полиция дерется. Надо увеличить ее.

Михаил Сергеевич: Его вывод еще — и там полицию бьют.

Л. Н.: А умно чрезвычайно; указание того, что происходит. Это мне поучительно. Корни того, что происходит у нас, находятся везде. Нынче милый мужичок-вегетарианец пишет, что его упрекают, что тогда и кожи нельзя употреблять и т. д. Я ему ответил: не убивать людей хорошо, не есть животных — лучше, птиц — еще лучше, рыб — еще лучше, насекомых... Чем дальше можешь пойти, тем лучше⁴.

Татьяна Львовна и Михаил Сергеевич сожалеют, что завтра уедем.

Михаил Сергеевич удерживал и шутил:

— Жаль, что Лев Николаевич не заболел, а то бы остался.

Татьяна Львовна: Завтра решится, поедете ли.

Л. Н.: Дальние проводы — лишние слезы.

Татьяна Львовна прочла вслух письмо Т. А. Кузминской к ней, описывающее падение «птицы» Блерио, на которой летал ее сын Сапа, сломал себе руку, и пр.⁵

Л. Н.: Как хорошо пишет (Татьяна Андреевна), всегда хорошо пишет. Александра Львовна вчера и сегодня ужасно много сработала. Чудная корреспондентка и ремингтонщица.

22 сентября *. День ясный. Л. Н. утром много писал, в 9.30 стал одеваться и решил поехать в Ясную Поляну сегодня. Сухотины жалели. Михаил Сергеевич несколько раз говорил с сожалением, что «как никто не заболел», чтобы еще остаться. Сборы без суеты.

За завтраком было чрезвычайно весело, хотя с самого начала Татьяна Львовна сообщила Л. Н., что Татищев, ярославский губернатор, ей отвечает, что не сделает ничего для Платонова. Татьяна Львовна и Л. Н. в отдельном письме просили его освободить Платонова, заключенного за отказ от военной службы, от штукатурной работы (из-за его болезни легких), и перевести его из ярославской в уездную даниловскую тюрьму, где бы его могли посещать родные.

Л. Н. за обедом сам прочел часть письма Татищева, где он пишет, что: 1) преступнику облегчать наказание не следует и 2) перевод обходится казне дорого, и казна и так уже много расходует на арестантов.

Л. Н. стал по этому поводу горько шутить о «милостивости казны», что она заботится о 180 000 арестантов. Говоря про Татищева, Л. Н. пожалел его, так как он еще ему (Л. Н.) должен отвечать — поставил его в такое положение.

Татьяна Львовна передала содержание письма в смягченном виде, не желая выставить Татищева смешным, жалким, и не дала даже прочесть все его письмо¹. Говорили про взгляды Татищева, удивлялись, что такие непросвещенные люди еще существуют.

Л. Н.: Темнота — колыбель солнца. Для звезд нужен мрак.

Потом весь завтрак Л. Н. острил, шутил, Михаил Сергеевич тоже. Не помню ни разу, чтобы Л. Н. столько остроумно наговорил, одну за другой. (Насчет будущего приезда в Кочеты Л. Н. сказал: «Если будет «высшая воля»» — и прибавил: «Но не «высшая воля» Софьи Андреевны»).

В первом часу Л. Н., не простившись, пошел один вперед пешком. Александра Львовна, Татьяна Львовна, Михаил Сергеевич, Дашкевич, Анна Ивановна на долгушке в Суворове догнали Л. Н. Было холодно. Л. Н.-чу накинули платок на голову. Перед деревней встретили Л. Н.-ча Горбовы, учителя и школьники (их всех 270).

Л. Н. повидался с Абрикосовыми у них в доме и, поговорив с ними и с Е. В. Оболенской, лег поспать². Без него разговор о Софье Андреевне и ее ненадежности.

Александра Львовна сделала предложение — созвать старших семьи: Сережу, Таню, Елизавету Валерьяновну, Татьяну Андреевну, Михаила Сергеевича и решительно сказать Софье Андреевне, чтоб она шадила Л. Н., а то он уйдет из дому.

Пробыв у Абрикосовых часа полтора, уехали. Присоединилась Елизавета Валерьяновна, поехала вместе с Александрой Львовной. Л. Н. поехал один на тройке абрикосовской. На пароме через реку Зушу. Тщедушному горбатенькому перевозчику Л. Н. и Александра Львовна помогали тащить паром за канат, отчасти еще и потому, чтобы согреться.

* Написано на отдельных листках. Переписано в 1911 г.

ТОЛСТОЙ И С. А. ТОЛСТАЯ
Кочеты, 6—7 сентября 1910 г.
Кинокадр А. О. Дранкова

«Сегодня Софья Андреевна просила Дранкова, кинематографщика, снять их вместе с Л. Н.» —
Запись от 6 сентября 1910 г.

В Мценске начальник станции проводил Л. Н. в вагон третьего класса. По дороге никто к Л. Н. не подсел, не заговаривал. Л. Н. в вагоне прочел почту, хотя и замерз и чувствовал себя нехорошо. Доехали домой спокойно, без суеты.

Л. Н. поехал в этот день, чтобы угодить Софье Андреевне, дожидаящей его: завтра 48-летие их свадьбы.

Л. Н. ехал в Ясную Поляну с намерением не идти на дальнейшие уступки, даже с намерением отвоевать свободу, например, видаться с Чертковым, а если Софья Андреевна будет устраивать сцены, то в этом случае он готов уйти из Ясной.

Приехали после полуночи. Встретили нас Софья Андреевна, Варвара Михайловна, Илья Васильевич, Булгаков.

Софья Андреевна встретила Л. Н., стараясь показывать достоинство и холодность, но недолго выдержала и тут же, стоя на лестнице, стала упрекать Л. Н. и продолжала за чаем. Л. Н. старался не отвечать.

Варвара Михайловна рассказала, что в эти 11 дней Софья Андреевна все говорила, говорила и бранила Л. Н., что так долго не едет, что не пишет, а если пишет — раз писал³ — то без обращения. Л. Н., может быть, потому так поступил, что на прежние любовные письма получил от Софьи Андреевны злой ответ. «Если Л. Н. приедет, таким холодом его обдам», — готовилась С. А.

За чаем Л. Н. говорил с Булгаковым о своей работе — письме, о Гро-те, о книге «Понятие о боге» П. П. Николаева. О нем Л. Н. выразил-ся: «Он вполне наших убеждений». Булгаков говорил про московского приват-доцента философии, который рассказал ему, что то, что он пре-

подает, идет вразрез с его лучшими убеждениями. На это Л. Н. сказал о Гроте, что он был такой человек, который работает не для одной кафедр, а для своей души.

Скоро разошлись спать.

Я остался в зале из-за полученных в наше отсутствие книг и периодических изданий. Софья Андреевна сидела с работой за круглым столом. Спросила, почему ей Л. Н. не писал? «Теперь будет скучать. В Кочетах привык к винту. У него привычки и страсти молодости вернулись, карты... Какой в колыбельке, такой в могилке».

* Л. Н. прочел в «Круге чтения» «Смерть Сократа» (из разговоров Платона) и говорил, что о бессмертии нигде так хорошо не сказано. Сократ говорит, нельзя быть вполне уверенным, но есть большое вероятие, что это так. А не как теософы — говорят уверенно.

23 сентября. Л. Н. утром долго диктовал Булгакову. Пополудни с Булгаковым верхом. Л. Н. очень бодр. Вечером Николаев с Ромкой и Вальком говорили о «Робинзоне».

Л. Н.: Напиши роман русского Робинзона, как поймал пяток коз, воспользовался их шерстью, как себе сделал одежду, жилище, как нашел семена, похожие на овес, или рожь, или просо, орехи посеял...

Л. Н. говорил об аргументе Кудрина офицеру, что войны прекратятся вследствие отказов от военной службы:

— Этого нельзя знать. Сильный аргумент внутренний. На вопрос: «Когда кончится война?», я скажу: «Я ничего не знаю. Но настанет время, когда люди перестанут мочь убивать».

Сегодня 48-летие со дня свадьбы Л. Н. и Софьи Андреевны.

Софья Андреевна рассказывала про день свадьбы, но как-то неуверенно, неторжественно; не была в приподнятом настроении, как обычно. Гостей не было (Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Булгаков и я).

Вчера Александра Львовна упрекала Л. Н. в том, что поддается Софье Андреевне, что терпит, переносит то, что сняла портрет Черткова, висевший над его столом в кабинете, и перевесила на другое место¹. Сама Александра Львовна была после взволнована, искала оправдания у Марии Александровны, у Варвары Михайловны, у Булгакова и у меня. Я сказал ей, что не одобряю ее поступка: следует предоставить Л. Н. самому возможность поступать по отношению к Софье Андреевне, как он считает хорошим. Советы давать ему неделикатно.

Вечером Л. Н. несколько раз звонил, входил к нему Булгаков; наконец спросил, где Саша, почему она не идет. Когда вошла, он сказал ей, что не из-за стенографирования звал ее. Склонил голову на стол и заплакал. Что говорили — не знаю. Александра Львовна вышла, рыдая, и долго рыдала. У нее была Мария Александровна, потом Варвара Михайловна, которая старалась утешить ее, но напрасно. Через три четверти часа я с Булгаковым вошел к ним. Александра Львовна с Варварой Михайловной сидели, обнявшись, на диване, Александра Львовна с заплаканным лицом, но уже не плакала.

Езда Л. Н. Какими кручами спускается и скачет наверх, какие проходит опасные места, полугнилые мосты, обочины круч. Через густой молодой лес пробирается, под низкие ветви нагибается. Лошадь как под ним шархается! Как он вскачь и рысью ездит! Я легок, люблю ездить, я много занимался гимнастикой, но мне, 43-летнему, доказать то, что Л. Н. 82-х лет доказывает, удается с трудом. Не поспеваю (отстаю). Лошадь чуть шею не сломала себе и мне. Какой ездки должен был быть Л. Н.!

* Записано в 1911 г.

Софья Андреевна с выражением будто бы ужасно страдающей:

— Сердце болит у меня, ох, как болит, разорвется! Если бы он меня не мучил! Какой он злой! Что же ему стоит стерпеть, что я сняла портрет с того места, где его утром при свидании целую. Я успокоилась бы, если бы он нарочно не мучил меня.

Потом собралась, побежала в одном платье в сад, легла во второй липовой аллее на скамейку, которую видно из окон дома. Я взял плед и хотел ее прикрыть.

— Нет. Я вчера купалась. Теперь простужусь. Этого и хочу. Пусть умру.

Через некоторое время:

— Я хочу тут успокоиться на холоде, к обеду приду.

24 сентября *. О судьбе доклада Конгрессу мира, написанного Л. Н. в 1909 г.¹ Но так как конгресс того года в Стокгольме не состоялся, Л. Н. послал этот доклад на Конгресс 1910 г.

П. Д. Долгоруков 22 сентября 1910 г. писал Л. Н.-чу: «Письмо ваше, к сожалению, не было оглашено², т. к. Комитет ждал его от вас, не зная, будет ли это новое письмо или прошлогоднее. Когда же пришло от вас письмо с прошлогодним текстом, то уже было поздно, т. к. это было на прощальном обеде части членов конференции в одном из провинциальных городов Швеции, т. е. обстановка неподходящая, да и перевода не было под рукой. Тогда мы обратились с просьбой к Комитету, чтобы перевод вашего письма был разослан всем членам конференции и во все общества мира, а письмо будет доложено на следующей конференции Общества мира в Риме в ноябре 1911 г.».

Л. Н. (о Мэворе): А мне он был очень интересен. Описывал Японию, Китай. Какие есть книги этнографические. Земледелие — самое интересное. Самые интересные — описания путешествий Reclus. Я его теперь в Кочетах начал читать.

Л. Н. после разговора об авиации (?) говорил, что значение и наука так соотносятся, как религия и церковь:

— Знание — и как сапоги шить, и как жить, и наука чтобы.....**

25 сентября ***. Софья Андреевна три раза снимала Л. Н. на дворе (кажется, с собою: заставляла Булгакова снимать). Александра Львовна упрекала отца, что он дал себя снимать и что он позволил ей портрет снять со стены, не помню какой: Черткова с Илюшком, или Л. Н. с Александрой Львовной, или даже оба. Софья Андреевна повесила на место снятого свой портрет или, не помню, себя с Л. Н. Это в кабинете над круглым столиком, за которым работал Л. Н.

Получена книга Малиновского о смертных приговорах, казнях, убийствах¹. Л. Н. говорил о ней, что в ней собрано пропасть и очень поразительного материала. Материал не только о казнях, но и об убийствах и всяких жестокостях. Верность его мысли, что смертная казнь развращает народ, Л. Н. подтвердил. Л. Н. читал из книги вслух, как приговоренные убивали сами себя, не будучи в силах выдержать это ожидание смертной казни.

Кто-то из присутствующих заметил:

— У меня чувство стыда и потребность мщениия. Каково состояние души у такого приговоренного человека?

Л. Н.: Надо почитать книгу Малиновского. Очень интересно. Надо будет написать о ней².

Л. Н. говорил про какую-то статью д-ра П. Каруса в его журнале «The Monist»³, говорил, что его (Каруса) статьи всегда трудные, празд-

* На отдельных листках. Переписано 27 марта 1911 г.

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

*** Записано 27 ноября 1911 г.

ноумственные, что есть некоторые вещи, которых лучше не трогать, — такой, например, вопрос, что будет после смерти.

Л. Н. читал в газетах про низвержение короля в Португалии (Мануэла II) и провозглашение республики.

Л. Н.: У нас будет не португальская революция, если будет.

26 сентября. Воскресенье. Л. Н. вчера вечером спрашивал, как ему обратиться к чешским народным социалистам. Они просят статью социалистического или экономического содержания¹.

Полудни ездил верхом через страшные овраги. Я очень плохо ездил, измучил лошадь; два раза, когда перепрыгивал ручей, я припадал к ее спине!

Вернувшись, Л. Н. спросил Марию Александровну, не взволнована ли Софья Андреевна.

— Да.

— Наверно из-за портрета?²

Л. Н. пошел к себе в спальню.

Через несколько минут я узнал, что Софья Андреевна стреляет у себя в комнате из револьверного пистолета бумажными капсулами.

Зовет меня Мария Александровна, чтобы я пошел к Софье Андреевне, — она жалуется на сердце и зовет меня. Я зашел осторожно, приотворив дверь к Л. Н. Он лежал на кровати, но еще не спал. Я взошел и сказал, чтобы не боялся выстрелов, что это Софья Андреевна стреляет из пугача.

За завтраком.

Софья Андреевна (Л. Н.-чу): Я снялась с тобой, надо будет послать фотографию в «Искры». Она распространена. Ведь Маша (сестра Мария Николаевна) говорила одной даме, что в газетах сообщение, что мы разводимся.

Вечером в 11.40 возвратились Александра Львовна с Варварой Михайловной из Таптыкова, извещенные Марией Александровной. Они ее просили известить, если что случится, и что Софья Андреевна делает. Софья Андреевна отворила им дверь (она полчаса тому назад имела невыгодную для себя размолвку с Л. Н.) и встретила их озлобленно: «Я один день блаженствовала без Саши в доме». — «Блаженствовали и стреляли», — заметила Варвара Михайловна. За это Софья Андреевна обрушилась на нее и Марию Александровну, накричала на нее за то, что она приходит в дом мутить и вмешивается в чужие дела. Варваре Михайловне сказала, чтобы уехала, а Александре Львовне: «Черткова оттерла и тебя ототру».

Варвара Михайловна была обижена ее грубым обращением, но вместе с тем рада, что развяжется со своим фальшивым положением: слушать как Софья Андреевна бранит Л. Н., чувствовать ее ненависть к себе и Александре Львовне и вместе с тем получать от нее жалованье и целоваться с ней — нечестно.

Александра Львовна сказала Л. Н., что не может больше жить с матерью и тоже (вместе с Варей) уедет.

Л. Н.: Что же, к одному концу.

Мария Александровна пошла в комнату к Софье Андреевне. Александра Львовна с Варварой Михайловной стали обсуждать последствия, Варвара Михайловна хотела бы уехать в Москву, Александра Львовна предлагала продолжать работу в Телятинках, куда утром переселятся. Она ожидает, что и Л. Н. к ней переедет, что это толчок для перелома, что нарыв созрел, прорвался.

27 сентября. Александра Львовна с Варварой Михайловной переехали жить в Телятинки. Мария Александровна и Чертков отговаривали их.

Мария Александровна говорила, какая сложная психика у Софьи

Андреевны: она безгранично самолюбива и думает, что лучше ее женщины нет, и она привыкла властвовать; Л. Н. в течение 48 лет был в ее руках, а теперь перестал быть. Она (Софья Андреевна) приписывает это Черткову, что он их разлучил, а того не видит, что разлучают их противоположные мировоззрения. Ревность к Черткову страшная, а приемышаны с ее стороны материальные интересы, домогательства прав на издания.

Мария Александровна себя очень винит, что вчера дала слово Александре Львовне известить ее, если дома что случится, и что она ей написала о стрельбе Софьи Андреевны и этим вызвала ее ночью домой.

Как приехали молодые, неопытные, стали браниться с Софьей Андреевной, а она только что успокоилась, помирилась с Л. Н. И Мария Александровна очень винила себя, что она виновата в разрыве*.

Я с Марией Александровной ездил к Чертковым, где ее снимали. Л. Н. пополудни решил один поехать по шоссе.

Софья Андреевна велела подать себе шарабан, а перед самым отъездом сказала Л. Н., не имеет ли чего против того, чтобы она за ним поехала.

Л. Н. неохотно согласился.

Вечером были опять вчерашние гости, Хирьякова и Николаев.

За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Булгаков и я. Л. Н. о С. Д. Николаеве по поводу разговора о том, что он знает апокрифы Евангелия: — Он один из необыкновенно образованных людей и умный.

Л. Н. о португальской революции.

Булгаков: Там президент республики (Т. Брага) запретил священникам ходить в священническом облачении. Это хорошо?

Л. Н.: Хорошо — чтобы не отделялись от других людей.

Я сказал:

— Это смешно. Либералы-атеисты боятся священников, потому и борются с ними внешне, а вместе с тем нуждаются в них (крестят, брак). Если бы у них было..... **

Около 28 сентября***. Л. Н. рассказал, что встретил муллу, живущего в ссылке в Соломасове. Очень беден (живет на кормовые деньги, 11 копеек в день получает). Есть также магометанское достоинство, и за это его сослали****. Все может быть.

Говорили об общинном землевладении, что (по взгляду правительства) его влияние усиливало революционное настроение.

Л. Н.: Помню мрачную фигуру Огарева... А уж одет он был совсем не как джентльмен — жалкий пиджачок, фуражка маленькая.

Говорили о бродячих людях. Один из них, большой (?), так говорил: «Мы проживем, на наш век дураков хватит». Он еще не..... ***** от вина, стал ругаться, что у него вытащили деньги. Крестьяне таких выпускают.

Л. Н.: В Кочетах — там уголок, где удержались барские благоустроенные имения и — нищета и сознание этой несправедливости. Там я слы-

* Из моего письма к Татьяне Львовне от 28 сентября:

«В двенадцатом часу ночи лампы были в зале погашены, вернулась Александра Львовна с Варварой Михайловной. Софья Андреевна встретила их, отворяя им черный ход. Александра Львовна и Варвара Михайловна упрекнули Софью Андреевну за то, что стреляет в доме. Вышла страшная ссора. Софья Андреевна тут же пощадила и Марии Александровны, нагрубилась ей за то, что она вызвала Сашу».

** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

*** Записано 16 марта 1911 г.

**** Мулла этот, бывший депутат в Первой думе от одного из городов Закаспийской области, попал в ссылку административным порядком за то, что, когда была ревизия Туркестана Паленом и Пален созвал жителей изъяснить свои жалобы и желания, мулла этот заявил: желание жителей — чтобы убрали от них стражников или полицию как ненужных. За это был сослан на три года¹.

***** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

шал изречение: «На небе царство господнее, а на земле царство господское». Вы, молодые, не помните как называли прислугу — «человек» — и как он закуривал трубку: под мышкой вытрет и подаст.

Л. Н.: Не помните ли вы священника Тихвинского? ²

Хирьяков: Помню, трудовой группы.

Л. Н.: А что такое трудовая группа?

Хирьяков: Они считали себя представителями крестьянства в Думе. Они были за национализацию земли. Между ними были Аладьин, хлестаковская личность, Аникин — более серьезный. Они оба за границей.

Л. Н. разговаривал с Николаевым о его детях, говорил, как многое они знают об этой среде (т. е. крестьянской), знают крестьянские работы и читают книги с отцом о вопросах, их интересующих, и получают религиозно-нравственное воспитание.

Николаев: Они тянут. Мне трудно за ними.

* *Л. Н.:* Грот напоминал о религиозном значении жизни.

Л. Н.: Хирьяков занялся составлением книги путешествий, Николаев — дополнением «Дней» (т. е. восстановлением нецензурного текста, который во время печатания и в корректурах изменился) ³.

Л. Н. про кого-то, писавшего ему:

— Я забыл сказать, что он старый человек, старше меня, что надо ему с уважением ответить.

Л. Н.: Ницше — это декадентство в философии.

Л. Н.: О происхождении Евангелия популярная книга очень нужна.

Николаев: Мнение в народе, что Евангелие с неба сошло.

Л. Н.: А тут, напротив, книга вам даст направление мысли, чтобы объяснить слова, которые вы не понимаете. Какие это были люди, которые взяли на себя труд выбрать Евангелие из апокрифов!

Николаев: Как я читал Евангелие Никодима! Совсем другое отношение стало к ним ⁴.

Л. Н.: Это огромной важности дело — составлять популярную книгу.

Л. Н.: Нынче из каторжной тюрьмы хорошее письмо, просит книг.

Л. Н. (о Руссо): «Confessions» — главная его книга. «Contrat social» — это не из лучших книг.

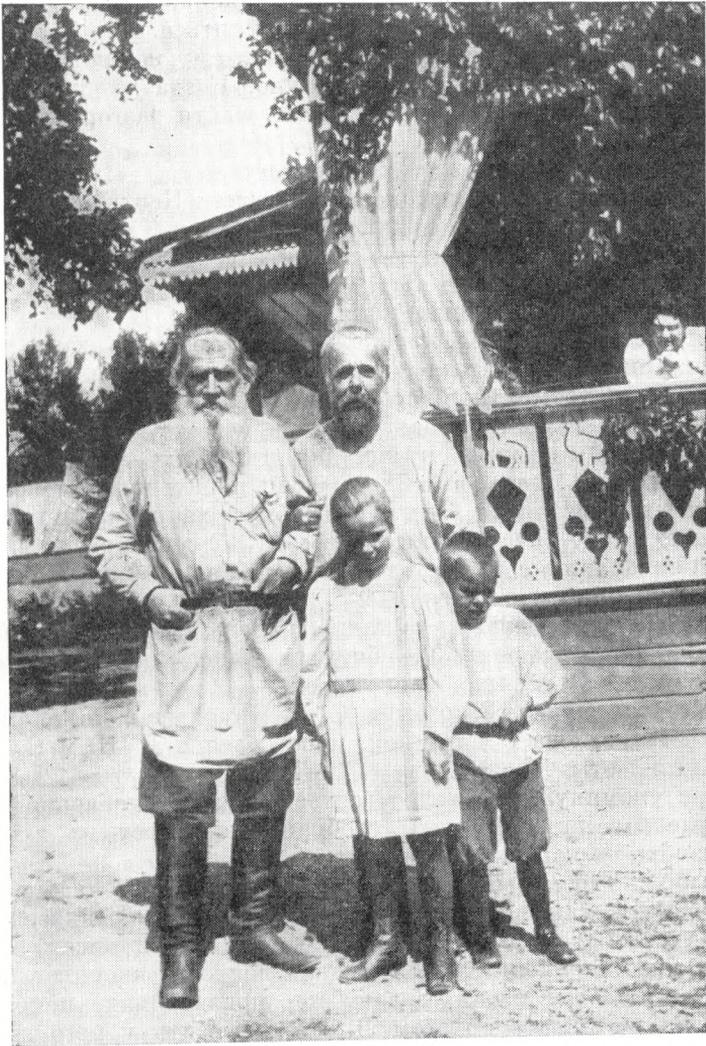
К *Л. Н.*, выпедшему садиться на лошадь, пристали с жалобами две бабы — одна, что ей выплатили не всю страховку, другая — что сосед ее застроил землю (она уже судилась и проиграла).

Л. Н. этой сказал: «Не судиться», а другую просил уйти.

Мария Александровна уехала вчера, недовольная собой, считая себя виноватой в том, что ушли Александра Львовна и Варвара Михайловна. *Л. Н.* поехал к ней. Там были Буланже и Николаев.

Л. Н. рассказал, что сегодня был у него офицер из Иркутска, окончивший Академию Генерального штаба, взволнованный. *Л. Н.* просил его коротко сказать, зачем пришел; тот говорил обстоятельно, но не о деле. *Л. Н.* думал, что он хочет отказаться и не хватает у него сил; сказал ему, что если дальше служить, тогда знать свою гадость, не оправдываться. Офицер, наконец, сказал, что он желал бы освободить забытый народ (т. е. науке посвятить себя, учиться, а через нее служить народу). *Л. Н.* ему на это заметил с досадой, что он, нося оружие, хочет учить народ, что надо учить себя, а не других. И *Л. Н.* ушел.

* Переписано 16 марта 1911 г.

ТОЛСТОЙ С П. И. ВИРЮКОВЫМ И ЕГО ДЕТЬМИ ОЛЕЙ И ЛЕВОЙ

На террасе А. Л. Толстая
Ясная Поляна, 1910
Любительская фотография

Л. Н., говоря об этом, каялся, что был нетерпелив.

Офицер с женой и ребенком были перед полуднем во время его занятий.

Л. Н. рассказал, что была Саша (посетила в первый раз). Она довольна отъездом. А Л. Н. внутренне тоже скорее доволен, приведет к разрешению. О Софье Андреевне Л. Н. говорит, что «надо жалеть не добрых, а злых, они больше страдают»:

— У нее сложное тщеславие, властолюбие, привычка любви ко мне и душевная болезнь, которую Саша и никто не видит. Люди, вполне самоотверженные, — это святые, и таких нет, а есть люди-эгоисты — это сумасшедшие.

Софья Андреевна вчера и сегодня довольно спокойна.

Л. Н. передал Марии Александровне извинения Софьи Андреевны перед ней и что она хотела сама приехать извиниться.

Л. Н. кашлял. Снял с себя куртку. Было ему жарко у Марии Александровны. За перегородкой открыли окно. Когда уходил, то одевался нарочно не в комнате, а в сенях, чтобы не выйти разгоряченному на хол.

Пробыли у Марии Александровны полчаса.

Выезжая из деревни Овсянниково, встретили Черткова, отца с сыном и Ростовцевым, ехали к Ольге Константиновне в Таптыково. Остановились, вылезли из коляски, минуты три-четыре поговорили. Чертков был так рад видеть Л. Н.!

Л. Н. сегодня слаб, не пускал коня и рысью.

Вечером после обеда Л. Н. искал, что бы почитать, взял, между прочим, новую книгу Панкратова «Ищущие бога». Просил достать книгу Масарика о социализме (нашлась в библиотеке на немецком языке)⁵.

Л. Н. пишет чешским народным социалистам (Нульпану, редактору «Mladé Proudy» для «Книги чтения для молодежи») и прочел в Брокгаузе о социализме⁶, а там в библиографии нашел книгу Масарика, этому обрадовался. Еще читал большую необыкновенно крупными буквами напечатанную книгу (кто-то прислал ее ему 12 сентября) «Culte antoiniste. Révélation d'Antoine le Guérisseur». У Марии Александровны Л. Н. сказал на что-то очень маловажное: «Это пустяк — даже португальская революция, какая с неделю происходит; король убежал, республика; потеря республиканских войск, 300 убитыми; теперь идет избиение и убийство монахов и обстреливание монастырей».

Вечером были сначала Хирьяков, С. Д. Николаев с Романом и Валея, потом Л. Д. Николаева с Танечкой, проститься с Л. Н. и Софьей Андреевной — уезжают в Москву.

Николаев упомянул, что хочет взяться за восстановление пропущенных Горбуновым по цензурным соображениям мест из «На каждый день», составить по корректурам полный экземпляр.

29 сентября. Утром была Александра Львовна и взяла почту исполнить. Завтракали, как и вчера, вместе Л. Н., Софья Андреевна, Булгаков и я. За завтраком Л. Н. о Трегубове (Чертков писал Л. Н.), что в среде его единомышленников обсуждали вопрос о непротивлении и решили исключить из своей среды не признающих непротивления, и Трегубов хочет писать об этом Л. Н. и просить у него согласия на этот поступок¹ (санкционирования).

Чертков предупредил Л. Н. и сообщил о происшедшем. Л. Н. сказал, что нельзя выделяться и не одобрил, что он (Трегубов) хочет легитимировать учение (о непротивлении).

Л. Н. (о «Révélation d'Antoine le Guérisseur (dédiacé L. T. 12 sept. *) Culte antoiniste»):

— Прекрасная книга. «Его» религиозно-нравственное учение совершенно согласно с моими взглядами. Все мои мысли, что мир — воображение, что в душе — бог. Учит любить врагов, (тогда) узнаешь бога.

А вечером, за чаем, Л. Н. прочел из этой книги, составленной двумя последователями Антуана (один из них — женщина, стенографировала его речи), биографию необразованного Антуана, родившегося в 1846 г. в Жемаше, близ Льежа, в Бельгии, в семье углекопа, сам он рабочий-металлург. Он вегетарианец, сам на себя работает, жена согласна с ним, они воспитывают двух сирот. Был католик, потом увлекался спиритизмом — не экспериментальной его стороной, а нравственной. Многие обращаются к нему, и многих он исцеляет от болезней. Он объясняет по-

* с посвящением Л. Т-му (франц.).

своему непонятные места в Библии. Л. Н. очень советовал Булгакову прочесть эту книгу.

За завтраком Л. Н. сказал:

— С завтрашнего дня не буду читать писем. Отвлекают меня (от других работ).

Я сегодня утром начал переписывать для Vitali перечень заглавий произведений Л. Н. с 1905 г. Л. Н. при этом присутствовал, смотрел и сказал, что некоторые письма * важнее этих произведений ².

Мне сказал, что он продолжает писать статью (письмо) чешским (народным) социалистам, и продиктовал мне часть из записной книжки. По этому поводу читает книгу Масарика о социализме.

— Я не знал о ней, когда он здесь был. Она в литературе о социализме в Брокгаузе приведена. Как в ней изложено социалистическое учение!

Пополудни Л. Н. верхом с Булгаковым к Дёминке. Наслаждался оттуда безграничностью горизонта к югу, воздух прозрачный, осенний.

За обедом Софья Андреевна спросила Л. Н., зачем он пилил в Кочетах? Это попало в кинематограф, будет выглядеть так, будто нарочно пилил.

Л. Н. рассказал, что заговорил с пильщиками, один попросил книг. Он (Л. Н.) послал его за книгами к Душану Петровичу. Пильщик ответил, что не может отлучиться от работы, потому что Сергей Михайлович изругает. Тогда Л. Н. сказал, что он за него попилит, и пилил!

— Приятное занятие! А знаете, как надо руками держать пилу, чтобы не заедало?— И Л. Н. показал: правой рукой обхватить рукоятку, а левую руку держать горизонтально сверху на ней **.

Вечером, за чаем, Л. Н. читал вслух отмеченные им карандашом пословицы из копеечной книжки издания Сытина «Русские пословицы», выбраны нравственного содержания. Чудные. Л. Н-чу еще особенно нравились в них сравнения (бедность — богатство).

30 сентября. Л. Н. верхом по Засеке, сделал большой круг. Опять через крутые овраги. Я в один овраг свою лошадь на поводу свел, а Л. Н. верхом спустился. Я думаю, склон здесь 65—70°.

Вчера Софья Андреевна припомнила Л. Н. (когда читал «Пословицы») его Календарь 1887 г. с пословицами на каждый день ¹. Л. Н. сегодня попросил у нее эту книжку и пересматривал ее за завтраком. Говорил, что надо бы ее переиздать, и говорил, что в школах дети должны были бы учить эти пословицы наизусть. Учить старому, что уже отобрано, а не новому.

Софья Андреевна принесла 12 томов, в которых переплетены все первые издания «Посредника» с 1880-х годов.

За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Булгаков, Белинский.

Л. Н. получил от Бурцева письмо, обращенное к Черткову. Просит разрешения издавать подлинный текст сочинений Л. Н. и предлагает взять в свой книжный магазин в Париже чертковские заграничные издания. Он (Бурцев) издает и журнал. Л. Н-чу планы Бурцева нравятся, и он хочет склонить Черткова в пользу Бурцева. Спрашивал о Бурцеве. Я сказал, что он на меня произвел впечатление сердечного человека, а Хирьяков, зайдя к нему утром, застал его в постели, накрытым газетами. Выполз голый, надел верхнее платье и отправился с Хирьяковым. Значит, ни нижнего платья, ни белья, ни одеяла не имел. В какой бедности жил.

* Письма в этот список не были включены.

** В рукописи рисунок.— *Ред.*

Белинский говорил, что у Бурцева есть еще много материалов, разоблачающих провокаторов и действия государственных людей. Он их получил от бывших (скомпрометированных) чиновников III Отделения.

Л. Н. сказал, что тут — деньги, что в провокаторы идут из-за денег.

Л. Н. получил письмо от украинца из Тарнополя, просящего написать статью о малороссах, их литературе (Шевченко, Франко), о будущем, победит ли их правительство². Л. Н-чу не хочется отвечать. Он не чувствует отделению малороссов. Прогресс — в сближении. Не нужно воскрешать старину. Я сказал, что у славян есть тенденция, чтобы каждый народ на своем родном языке просвещался; тут есть та выгода, что не надо ему учиться, как учатся, например, швейцарцы или ганноверцы немецкому языку в школе.

Л. Н. сказал, что славянские языки обогащают русский язык характерными словами, получающими в русском иной оттенок и значение.

Вечером в 7 часов я пошел к Александре Львовне и Варваре Михайловне в Телятинки (первое посещение). Вернулся с Александрой Львовной. Софья Андреевна спросила Л. Н., как чувствует себя. — «Дурно». — «Болен?» — «Нет, а чувствую себя то хорошо, то дурно». Софья Андреевна объяснила так, что дурно из-за ухода Саши. «Теперь она его расстроила, не я».

Когда я вернулся, спросила меня:

— Вы ничего не говорили Саше, что нехорошо, что ушла?

— Нет.

— А вы бы ей сказали. Мне она даром не нужна, но для отца это хорошо было бы (если бы она была здесь).

А Л. Н. говорил Александре Львовне:

— Ничего, кроме хорошего, не вышло из вашего отъезда.

Л. Н. хочет написать антуанистам, составителям книги.

Белинский рассказывал новости из газет, об авариях авиаторов, как их торжественно хоронят, с шумом, женам их назначают пенсии!

Я: Если бы я умел писать, я сопоставил бы смерти авиаторов со смертью заключенных за отказ от воинской повинности (Соловьева и др.). Их не замечают, около них не шумят.

Л. Н.: Так и должно быть.

Сентябрь, Кочеты.

Л. Н.: Странный мальчик Сережин сын, неувлекающийся.

1 октября. Утром приехал Гольденвейзер. За завтраком он, Л. Н., Софья Андреевна, Булгаков, Мария Александровна и я. Софья Андреевна говорила про фельетон Г. Петрова в «Русском слове», хвалила Петрова¹.

Л. Н. не разделял ее мнения:

— «Осаживай обруч на место». Петров этого не делает.

Софья Андреевна говорила про критику Панкратова на новую драму Л. Андреева «Океан», о том, как небрежно, неясно пишет.

Л. Н.: Ах, эта манера писания теперешних молодых писателей — все составлено из каких-то намеков, изречений (которых хорошо не понимают).

Говорили о письмах. Один пишет, что изобрел *perpetuum mobile*; об этом самом писали Л. Н. еще один или два человека в последнее время.

Л. Н.: Это совершенные материалисты, которые думают, что весь мир движется — только, знай, подмазывай.

Получено 365 книжек (260 разных) по одной — семи копеек, разных издательств*, для библиотеки в деревне². Л. Н. пересматривал их:

* «Посредника», Сытина, «Донской речи», Харьковского общества грамотности, «Библиотеки-копейки».

— На десять рублей. Это прелесть. Какие тут есть книжки! Они хотя еще образования! Какие картинки хорошие! Это прямо я нынче читаю. «Песенник» — как я не люблю!³

Мария Александровна: А народ, бабы, девки как любят.

Л. Н.: Они думают, как только умеешь сложить стихок, то это дарование. «Некрасов», — читал Л. Н. на обложке — Что его тут? Я не охотник до Некрасова — стихи.

Множество книжек Л. Н. знал, помнил. Вечером просил их принести в кабинет.

Читал до 10.30. Потом пришел и рассказал с юмором подробно «Семью» Мопассана.

Л. Н.: Мопассан — это прелесть. Удивительно хорошо описана пошлость этой жизни. Подробности...

Еще сказал, что прочел Пушкина «Метель». «Эта манера писания: ни одного лишнего слова». Еще прочел Мамина-Сибиряка рассказ. Язык у него хорош, но рассказ этот для народа не годится.

Перед просматриванием книжек Л. Н. прочел с Булгаковым то, что написал о социализме (трудным почерком), и разговорился об этом. Очень хорошо, ясно, просто (лучше, чем в статье) высказал ошибки социализма.

Л. Н. слышал об этом от Марии Александровны:

— Вот в Туле, интересно, почему они обыски делают.

Еще Л. Н. говорил о революции в Португалии. Он заметил, что королям нелегко живется. Говорил о книжке «Записки литературного Макара», озлобленного начинающего писателя⁴. — О «Жизни П. И. Чайковского» (5 коп. книжка).

Л. Н.: Забавные анекдоты. О Соловьеве, Смирнове; о том, как Молочников, посетив их, описал, что у них и нар нет. Смирнов ему: «Вы близко не подходите, а то виши перелезут (на вас)».

Л. Н. (об Antoine le Guérisseur, статье Daniel в «Open Road», Octobre 1910. «Two democratic delusions. I. The Ballot-Box delusion. II. Government by consent»): Парламентаризм — только оправдание насилия правительственного.

2 октября. Утром приехал Бирюков. Л. Н. дурно себя чувствует, слаб. После завтрака лег спать. Ничего не писал. С 3.50 до 5.30 беседа в зале: Л. Н., Бирюков, Гольденвейзер, Софья Андреевна, Булгаков и я. Л. Н. дал прочесть полученное сегодня безграмотное письмо от 24-летнего крестьянина Жука из Гродненской губернии, освободившегося от обрядностей церковной веры и ищущего истинной веры — собственно, нашедшего ее¹. Бирюков прочел великолепное письмо даровитого Платонова к нему из ярославской тюрьмы².

Бирюков негодовал на власти, на губернатора.

Л. Н. (Бирюкову): Перестаньте бранить правительство! Когда перестанем? Это такой трюизм (что правительство бесчеловечно поступает).

Гольденвейзер рассказывал про «Историю России» Ключевского³, три тома, которую он только что прочел; там показано, как правительство, начиная с Рюриков, всегда угнетало народ; что нигде благополучие высших классов не стоило народу так дорого, как в России.

Л. Н. с этим не согласился; говорил, что в Западной Европе было то же, только там приличие соблюдалось.

Бирюков рассказал, как у раскольника при Петре, в его присутствии, палач внутренности клещами вырывал.

К обеду приехал Сергей Львович. Он рассказал про выводок волков в его лесу, на который дал разрешение охотиться брату Михаилу, а не соседу Сумарокову, много лет охотившемуся в том лесу. Сумароков обиделся и предъявил претензии на выводок. Сергей Львович, наконец, ему

ответил: «Я должен попросить Мишу, чтобы он уступил вам». Л. Н. встал: «А волки ничего не знают?».

Л. Н. привел цифры огромного увеличения самоубийств в России с 1905 по 1909 г. Он рассказал про письмо, которое сегодня получил от крестьянского парня, жаждавшего образования и слышавшего, что в тюрьме есть возможность читать. Взломал церковную дверь, его избили и присудили на год и не дали ему (книг) читать. Он отсидел срок.

Шахматы. Гольденвейзер играл на фортепьяно, говорил о предстоящих ему шести концертах по умеренным ценам.

Л. Н. с Сергеем Львовичем и П. И. Бирюковым о Софье Андреевне: — У нее слово не имеет никакой обязательности, она днем скажет одно, а вечером диаметрально противоположное с таким апломбом, что мне импонирует. Отношение к ней — это я испробовал своими боками: надо молчать и не уступать. Я хотел бы оградить себя, остались месяцы, может быть, дни; три месяца, как не работаю.

Сергей Львович: Ей бы уехать на время.

Ночью до часу Сергей Львович и Бирюков говорили со мной о Софье Андреевне.

Сергей Львович объективно говорил про родителей, какая у них разница характеров, умственного, нравственного склада. Софья Андреевна происхождением буржуа, с городскими буржуазными взглядами, которых Л. Н. терпеть не мог. Переехали в Москву потому, что мальчики должны были учиться, Таня — выезжать. У Софьи Андреевны нет идеала нравственного; вообще Берсам и Андриюше нравственные идеалы чужды. Лет 30 тому назад жили скромно, воспитывали детей. Потом сразу ломка. Им бы тогда разойтись. Л. Н. говорил тогда (в 1885 г.) С. А. Берсу, что он Софью Андреевну ненавидит. Л. Н. собрался уходить тогда в Америку, ушел, утром вернулся ⁴.

— Мне после окончания университета, когда я спросил, за какое практическое занятие взяться, Лев Николаевич ответил, что за любое, мести улицы, — рассказывал Сергей Львович. — Я тогда старался не бывать дома, Илья тоже; Лева сломался — что Лева был до того времени и что он теперь! Тогда Лев Николаевич терпеть не мог Черткова и Бирюкова за их сектанство, сомнение, презрение к другим.

Присутствовавший П. И. Бирюков пробовал отвергнуть это. Сергей Львович настоял, что так у них было.

Вечером П. М. Шурова у нас. Завтра уезжает.

Л. Н. говорил о Новом Израэле ⁵:

— Хлысты, адвентисты очень трезвы.

Он припомнил слова яснополянской бабы Аннушки, кумы Александры Львовны, сказавшей ей: «Что вы скучаете; вы бы Марка Аврелия почитали». «Я когда грущу, — добавил Л. Н., — Баха, Бетховена, Шопена <слушаю>, так как <она> Марка Аврелия ⁶. Простые люди, мужики, а как они заслушивались Бетховеном, Бахом, Шопеном!

Был Бирюков. Л. Н. после 11 час., шутя сказал, что учтивость требует не задерживать гостей, а прогонять их.

Л. Н. по какому-то поводу сказал: «Человек может быть внешне нравственным, а не внутри, если он презирает того, к кому соблюдает приличие».

Воскресенье. 3 октября. Пополудни — верхом 12 верст по оврагам. На одном трудном месте Л. Н. слезал с лошади. Перед обедом спал до 6.45. Зашли к нему. Лежал в забытьи, что-то бормотал, несвязно и бессмысленно говорил. Ноги холодные, лицо бледное. Приложили бутылки с горячей водой к подошвам и горчичники к икрам. Состояние полусознательное, сонливое. В 7 ч. ⁷ — 37,1, пульс 88. Л. Н. настаивал на том, чтобы свет был и

ТОЛСТОЙ И С. А. ТОЛСТАЯ

Ясная Поляна, 25 сентября 1910 г.

Фотография С. А. Толстой

Последний снимок, сделанный при жизни Толстого

чтобы ему позволили писать. В 8 ч. — судороги, казалось начались с ног, после них появилось сознание, хотя и неполное.

Через полчаса опять судороги и еще три раза, так что с 8 до 10.15 пять припадков судорог. Второй и третий — самые сильные и продолжительные — по три минуты. Судороги были тонические и клонические: мышцы лица, губ, шеи, спины, рук и больше всего ног. Между припадками Л. Н. настойчиво просил свечу и карандаш и перед тем, как начинались припадки, усиленно делал движения, водил рукой по подушке и по салфетке, как если бы писал и диктовал «добро» о боге, о душе, о земле. В 10.15 последние, самые короткие судороги, t° 37,7, пульс 75, потом Л. Н. спал до 11-ти.

В 11 ч. проснулся с ясным сознанием. Стал поправлять себе подушку, одеяло, искал спички, часы. Спросил нас, почему мы около него: «Зачем

вы здесь?», что с ним было. «Я ничего ненормального не чувствую». Спросил, который час, и сам посмотрел на часы. Собирался заснуть. Мы потушили свечу и вышли. Я сел в спальне. Через две-три минуты Л. Н. позвонил: попросил потушить свечу, очень настаивал, чтобы Софья Андреевна ушла, и уснул. Спал до 2.30. Опять расспрашивал, что с ним было. На вопрос, как себя чувствует, ответил, что голова болит, изжога, больше ничего. С 3 до 5 ч. просыпался, отсылал приходившую Софью Андреевну, потом спокойно спал до 9.45. Речь хорошая. Пил боржом, кофе. Когда у Л. Н. были сильные судороги, Бирюков, Булгаков и я держали его за руки, туловище и ноги. Софья Андреевна на этот раз меньше суежилась, чем обыкновенно, когда Л. Н. заболел, и нас меньше дергала. Она в этот раз была встревожена и опечалена до смирения. При одном припадке Л. Н., помогая держать ноги, упала на колени и, тихо рыдая, целовала ногу Л. Н., припала к ней губами — ниже колена. У Сергея Львовича был испуганный вид, как у ребенка; стоял у ножек кровати, взял «записник» Л. Н. к себе. Вызвали Александру Львовну и Черткова. Александра Львовна была страшно встревожена; боялась, как и все, что Л. Н. не выдержит судорог, что может в них скончаться; бегала, распрямлялась, приносила нужное.

Чертков приехал с Белиньким. Сидел в моей комнате, наверх из-за Софьи Андреевны не поднимался.

Софья Андреевна примирилась с Александрой Львовной. Должно быть, почувствовала (и я ей внушал по настоянию Черткова), что главная причина припадков — усталость, переутомление Л. Н. от ее беспокойства, истязаний его. Я просил Софью Андреевну, чтобы не раздражала Л. Н., не перебивала его, когда он говорит, не искала его рукописей и писем, чтобы он не должен был их прятать, чтобы уходила, когда он ее отсылает. Главная причина припадков — душевные волнения. Л. Н. не имеет надлежащего покоя, к тому же его утомительная верховая езда по оврагам, как сегодня.

Тут надо сказать, что Л. Н. не признает (может быть, и не чувствует) утомительности верховой езды. Он все говорит, что ему легко ездить. И правда, я бываю больше растрясен после езды по оврагам, чем Л. Н. Он умеет лучше ездить, да и Делир не трясок.

4 октября*. Утром Л. Н. спал до 9.45. Я вошел к нему сначала один, потом с доктором Щегловым, приглашенным вчера вечером и успевшим приехать только после полуночи. Л. Н. все забыл, переспросил, что с ним было. Вспомнил, что в 11 ч. пришел в себя. Не устал нисколько, только ноги ослабли.

Обыкновенно Л. Н., болея, говорит про грядущую смерть. На этот раз ночью ничего об этом не говорил, но утром сказал:

— Самое простое — умереть пора. Я равнодушен, столько же желаю умереть, как не желаю.

Щеглову Л. Н. говорил:

— Я в медицину не верю. Ваше положение фальшивое. Вы притворяетесь, что лечите, а лечение мне не нужно. Все, как по закону природы. Вы хотите от смерти помогать, я смерти не боюсь. То, что вы принимаете за болезнь, есть освобождение от вреда (от болезни). Природа своевременно, медленно действует, а ваши действия — преждевременное вмешательство.

В дальнейшем разговоре Л. Н. сказал, что докторская деятельность гораздо лучше, чем судейская, думская; она какой-нибудь старушке утешение.

Щеглов Л. Н.-чу показался приятен. Лишних освидетельствований не

* Переписано 4 апреля 1911 г.

делал — только пульс, сердце, печень. Он посоветовал Л. Н. не переутомляться, а Софье Андреевне щадить Л. Н., ей уехать из дому.

Сергей Львович, приехавшая Татьяна Львовна и Александра Львовна умоляли Софью Андреевну, чтобы не убивала, чтобы щадила отца. Софья Андреевна объяснялась с Александрой Львовной, обе плакали, целовались, примирились. Вечером приехала Варвара Михайловна, с ней тоже примирилась. Завтра они вернутся из Телятинок.

Л. Н. весь день ничего не писал, ничего не диктовал, не читал и почти не разговаривал. Весь день провел один. Утром и вечером вставал на короткое время мыться. У него слабый насморк. Т° утром 37,1, вечером — 37,2.

Вечером Сергей Львович играл шотландские, еврейские, испанские песни и Рубинштейна. Л. Н. просил открыть свою дверь и повторить Рубинштейна.

Был Куприянов. О припадке, о том, что были судороги, по общему желанию, решили не сообщать в газеты.

Л. Н., хотя слаб, не дал вставить сеть в окна, сам вставлял ее. Вечером на время проветривания спальни, снимает сеть и опять вставляет.

5 октября *. Л. Н. всю ночь не спал, но ни изжога, ни головная боль не мучили его, область печени была незначительно чувствительна. Прогтив вчерашнего ему гораздо лучше. Днем пил один кофе и вечером чай. Прежние два дня ничего не ел, т° 36,7, пульс нормальный. Слабость.

В 10.20 встал с постели, оделся, выходил в залу. Утром уехал Сергей Львович.

Сегодня вернулись из Телятинок Александра Львовна с Варварой Михайловной, чтобы жить дома.

Был П. А. Сергеенко.

За обедом Л. Н. говорил, как вегетарианство сначала распространяется по нравственным и религиозным причинам. Наука только тогда сдается, когда не может иначе.

Сергеенко рассказал, что вчера умер Муромцев, бывший председатель Первой думы, и что у него не было никаких религиозных не только переживаний, но и мыслей. Притом же был чистой жизни.

Л. Н.: Та же основа (религиозная), только он ее не сознавал. Религия кажется ему мистицизмом.

Сергеенко спросил Л. Н., помнит ли Муромцева.

Л. Н.: Помню. Сколько было ему лет?

Больше Л. Н. о Муромцеве не говорил.

Шахматы и разговор до 11 ч. о Мопассане, об Antoine le Guérisseur, о Тютчеве и др. Я проспал, устал с больными.

Л. Н. пожелал из библиотеки «Une vie» Мопассана и «Философию общего дела» Федорова¹. Первой книги не оказалось, кто-нибудь взял ее и не возвратил. Л. Н. попросил П. А. Сергеенко прислать ему «Une vie», а меня достать из библиотеки рассказы Мопассана. Я принес книжку рассказов, озаглавленную «Les sœurs Rondoli»² (эту Л. Н. скоро прочел и вернул; об иллюстрации на обложке заметил, как хорошо изображено лицо матери) и «Le colporteur»**.

6 октября. Л. Н. с понедельника (после припадков в обмороке 4 октября) молчалив, сосредоточен. Вид у него плохой, изнуренный.

Сегодня вечером были: Ф. А. Страхов с дочерью, М. В. Булыгин, П. А. Буланже. Разговор об авиаторе, летевшем через Атлантический океан¹.

* Переписано 4 апреля 1911 г.

** Эта книга осталась после его ухода у него в кабинете открытой на вертящейся этажерке с книгами.

Л. Н.: Ралкам, птицам, свойственно летать, а людям свойственно разумно жить, а они хотят плохо жить и летать. Летать, как галки, они не будут, а разум уж совсем потеряют.

Л. Н.: Мужики какие письма пишут! Такое хорошее, серьезное отношение к жизни.

Буланже заметил, что при работе приходят разумные мысли.

Л. Н.: Работа кормит, мучит и учит.

Буланже рассказал про вероучение измаилитян (магометан): все люди — братья, во всех есть добро. Надо уметь понять и полюбить то, как верит другой человек, потому что каждый имеет бога. Эта секта (с VII века) стала быстро распространяться, ее преследовали.

Л. Н. (о книге «Antoine le Guérisseur»): Очень хороша; как может рабочий писать таким немного напыщенным тоном? Но сущность очень глубока, одна, вечна. Разумеется, это такая книжка — никто на нее внимания не обратил.

Историю отказа Кудрина пересказал Булыгин:

— Есть известный прогресс со стороны властей. Они против прежнего стали более мягки к отказывающимся.

Л. Н. (о французской книге о бабизме, которую получил месяц тому назад): Она суха, но исторические данные верны.

Л. Н.: Удивительно, как накрывается истина чудесами, обрядностями!

О самоубийствах. М. В. Булыгин говорил, что в последнее время, по газетам, часты такие мотивы (в оставленных письмах): нет смысла жить в этой бессмыслице, в этом сумасшедшем доме. О семейных неурядицах там не говорится.

Л. Н.: Все происходит от того, что решено, что религии не должно быть, что Дарвин сказал... Как потом не летать?

Л. Н.: В брайановском «The Commoner» (еженедельнике) статья о том, что улучшение совершится только внутренним прогрессом. Что теперь совершается правительством, это мне, старому человеку, так видно, что оно — шайка грабителей; это ужасающее воровство, солдатство... Я читал сегодня заметку, как газеты обманывают людей.

Буланже: Овсянниковские мужики хотят выписать книгу, о которой большие объявления в газетах — о магнетизме, как влиять на людей, как быть богатым. Цена 50 рублей. (Мне надо было им разъяснить, чтобы не покупали ее.)

Еще Буланже говорил, сколько объявлений «Ясной Поляны» и какие ловушки употребляет издатель ее, чтобы уверить публику, что это издание Л. Н.-ча². Л. Н. встал: «Устал», — и ушел в кабинет.

Булыгин говорил, как народ произносит слова «оратор», «экспроприатор», «аграрные беспорядки»: «оратель», «экспроприатель», «ограбные беспорядки». Булыгин вспомнил, как на суде по «ограбным» беспорядкам на вопрос председателя, как могли поддаться провокаторам, крестьянин ответил: «Ваше превосходительство, как не поддаться: оратели сменные, а мы одни и те же».

Л. Н. говорил о полученной книге «L'Eglise romaine dans l'Amérique latine»³, что там читал о католицизме в Мексике. Л. Н. дал мне просмотреть эту книгу и при этом добавил:

— Ничего нового. C'est enfoncer la porte ouverte*. Пишет враг католицизма, указывает на грехи католицизма.

** Л. Н. говорил, что католицизм держится преданием. Далее говорил о том, как мы, христиане европейские, носимся со своей жизнью, забыва-

* Это значит ломиться в открытую дверь (*франц.*).

** Переписано в 1911 г.

ем про американскую, китайскую. А о вопросах человеческих судить можно, имея в виду все человечество.

7 октября. Утром спросил Л. Н-ча о здоровье.

Л. Н.: Все желудок, печень болит. Тут вы ничего не знаете. Софья Андреевна все знает, как вылечить сразу, вы ничего не знаете.

Л. Н. сегодня сел на лошадь, ездил с конюхом Филькой. Вернулся уставший. (Я вчера, сегодня очень занят больными.). Здесь М. А. Шмидт.

За обедом Л. Н. говорил о новой книге Страхова «Искание истины»:

— Прекрасная книга, и никто о ней не отозвался, только одна вятская газета, что бумага хороша.

Л. Н., обращаясь к Марии Александровне, начал:

— Читал Шопенгауэра...

Софья Андреевна перебила. Л. Н., не досказав, что хотел, только сказал:

— Он к вашей сестре (т. е. к женщинам) очень жесток.

Вечером был Чертков (первый раз после почти трех месяцев перерыва). Вчера Александра Львовна ездила приглашать его, и Л. Н. еще вчера ждал его¹. Чертков написал письмо, что еще не решил про какие-то условия². Л. Н. беседовал об этом со Страховым, и сказал ему, что Черткову надо бы проще отнестись к этому.

Чертков очень был хорош. Пробыл с полчаса, с 8 до 8.30. Софья Андреевна была взволнована этим приездом и вышла, потом, пройдя в залу, недоверчиво поглядывала на Л. Н., потом поспала до 10-ти. Встав, жаловалась на недорожье и была недовольна возможностью новых частых посещений Черткова (она вчера просила его через Александра Львовну бывать у них пореже). Я просил Сергея Львовича, когда он был здесь в последний раз, почаще приезжать, чтобы поддерживать умиротворенное состояние Софьи Андреевны. Он приедет через неделю, а недели через две — Сухотины (они ради этого поторопятся). Татьяна Львовна, уезжая, сказала, что она послезавтра пришлет Михаила Сергеевича.

Александра Львовна: Он убежит. Теперь у нас никто не гостит. Но Софья Андреевна обещала, что она не будет тревожить Льва Николаевича.

Разговорились про двух детей Николаевых. Л. Н. вспомнил слова Николаева: «Они впереди меня идут, меня за собой тащат». И Л. Н. рассказывал про них, как они, участвуя в рабочей деревенской жизни, приобрели много серьезных знаний. Знают, как сапоги валять. «Ты бы им (вальщикам), — сказал Валеку Роману, — снес книг». Роман: «Им некогда читать, они после валяния плотничают». Л. Н. объяснил им, что чтение «Робинзона» тем хорошо, что увидишь, с каким трудом вещи добываются, оценишь труд. Роман ответил ему, что он «Робинзона» читал, но судил не с этой точки зрения...

— Ах, гимназия, гимназия, — продолжал Л. Н. — И самое пагубное — это товарищество! Ох! Нынче Шопенгауэра читал, он в гимназии был и вышел оттуда.

Разошлись перед 11-ю.

8 октября. Утром в 7 ч. уехали Мария Александровна и Татьяна Львовна. Л. Н-чу лучше. Ел яблоко. Ездили верхом к Бабурину через Засеку, между шоссе и просекой, к станции и по железнодорожному пути. Поднимались на ужасную кручу. Л. Н. на Делире взобрался легко, я же хватался за сучья деревьев и помогал лошади.

За обедом Л. Н. говорил о книге П. П. Николаева:

— Он озаглавил ее «Понятие о боге», а оно — «Понятие о смысле жизни». Это изложение всей религиозной философии и критика всех философий. Изложение точное и добросовестное.

Вечером за чаем Л. Н. говорил опять о книге П. П. Николаева:

— Утром мне все нравилось, а теперь нахожу недостатки. Николаев все слишком широко берет.

Александра Львовна говорила о потребительской лавке, которую думает устроить в Ясной, потому что здешний лавочник обвешивает и мешает муку с чечевицей, подсолнечное масло продает мутное. Сегодня она беседовала по этому поводу с Тарасом Фокановым. Л. Н. слушал и переспрашивал ее — кажется, сочувствовал.

Вечером в доме тихо, «заспанно». Л. Н. читал «Понятие о боге». Он спрашивал про последнюю версию Предисловия к «Пути жизни», которая должна быть у Горбунова ¹.

— Он мне нужен, а его нет, — сказал Л. Н. — Должно быть, скоро придет.

Софья Андреевна: Я перечитывала «Конец века». Там три раза призывание к неповиновению властям, к анархии. Не знаю, печатать ли в Полном издании сочинений или нет? ²

Сегодня, судя по намеку Софьи Андреевны, опять произошло столкновение. Л. Н. очень волновался. Софья Андреевна в злобном состоянии, но сдерживает себя.

За чаем Л. Н., Софья Андреевна и я. Л. Н. читал «Новое время». Сначала говорил, а потом прочел вслух отрывок из статьи о хулиганах в Петербурге ³.

Л. Н.: Хулиганы — это ужасно. (В ночь с 3 на 4 октября шестнадцать нападений — три смерти, с 4 на 5-е тринадцать нападений. Нападающие скрываются.)

Софья Андреевна: Это значит — подкушенные городовые, что ли?

Л. Н.: Просто отчаянных людей много.

Софья Андреевна: Их стрелять, как волков, надо. Конечно, они больше нападают на женщин, потому что у тех нет револьверов.

Софья Андреевна записывала и укладывала книги в шкафы. Сербская академия выбрала Л. Н. членом и потому посылает свои издания ⁴. И других славянских книг присылают довольно много, всех их в четыре-пять раз больше, чем немецких.

Софья Андреевна: Куда их вписывать?

Я посоветовал отдельный каталог и отдельные полки.

Софья Андреевна: Кто их будет читать? Они никому не нужны, их просто жечь надо. — И Софья Андреевна решила класть их не в шкафы, а на открытую полку (№ 3).

9 октября. С Л. Н. ездил полем в Бабурино. Сухая, ясная погода. Л. Н. спрашивал старосту джонсовского имения, не сдадут ли Страховым квартиру на зиму. Потом лесом, Засекой через железнодорожное полотно и через шоссе — домой. Л. Н. хорошо сокращал дорогу. Но про самую дальнюю дорогу к Дёминке несколько раз спрашивал встречных.

— Хорошо проехали, — сказал Л. Н.

Перед прогулкой верхом Л. Н. сходил в народную библиотеку. За обедом Александра Львовна спросила его о библиотеке и сказала, что читают больше дребедень, и согласен ли он с этим.

Л. Н.: Да, дребедень; мои книги много читают.

Библиотекарша просила Софью Андреевну, чтобы дала другой экземпляр сочинений Л. Н.

Софья Андреевна: Дам. Есть экземпляр с дефектами.

Вчера Л. Н. писал статью чешским социалистам, сегодня два письма (Шпигановичу и еще кому-то) ¹.

Л. Н. читал новые книжки трех журналов: «Исторического вестника», «Вестника Европы», «Русского богатства». Вышел в 10.30, поел арбуза, выпил чаю, посмотрел книги, которые Софья Андреевна записывает в библиотечный каталог, и в 10.50 ушел к себе.

Сегодня очень тихо — никаких гостей. Софья Андреевна и (по ее словам) Л. Н. были этим очень довольны. Говорила, что чувствуют нервную усталость после припадка (Л. Н.-ча 3 октября) и желателен покой.

10 октября. Приехала сноха Софья Николаевна с пятилетней дочкой Верочкой. Вечером — Наживин¹, Буланже. Софья Андреевна, как и вчера, опять надоедала Л. Н. После полудня Л. Н. гулял.

За завтраком Л. Н. беседовал о статье Лозинского в «Вегетарианском обозрении»²:

— Прекрасная статья, сочувствует вегетарианству, но прежде всего надо перестать жить так, как живем, т. е. жизнью, основанной на поедании людей.

После завтрака, когда Верочка поцеловала бабушку, подошла поцеловать дедушку*, он, шутя, сказал: «Я ни в чем не виноват».

О новом номере анархистского журнал Арманда «L'Ère Nouvelle»³ Л. Н. сказал:

— Номер интересный, но мне статьи Арманда совсем не нравятся.

Наживин: Арманд многословен и любит выражаться по-ученому, чего я не переношу.

Л. Н.: Удивительно искание условий, при которых можно осуществить все, — сказал Л. Н. об общинах. — Дело не в использовании педантических правил, а в направлении (действием не вредить другим).

Л. Н. заговорил о Кудрине и вспомнил из его рассказа, что он говорил с офицером, доказывающим, что войны прекратятся вследствие усовершенствования орудий убийства, а Кудрин утверждал, что они прекратятся скорее вследствие отказов от военной службы.

— Единственное, чего не одобряю в его рассказе, — сказал Л. Н., — это то, что он делал, то, что сделал во имя последствий, а не потому что не мог этого не сделать.

** Софья Николаевна рассказала мне, что Л. Н., беседуя с ней 11 октября, интересовался детьми. «Входил в их положение, спрашивал о их жизни и семейном положении. Говорил, что те из Толстых, кто победнее прожили жизнь, лучше, чем его семья, стояли на своих ногах, должны были трудиться». Потом Л. Н. спросил меня, — продолжала Софья Николаевна: «Как Софья Андреевна?» — «Мне кажется, она спокойнее, будет перелом», — сказала я. — «Да, перелом близок», — ответил Л. Н. При этом усмехнулся, должно быть подразумевая под переломом свой близкий уход. Тут я стала говорить Л. Н.: «Ведь если вспомнить, как Софья Андреевна увлекалась периодически то платьями, то музыкой...» — «Нет, тут не в этом дело». — «Я думала, что Лев Николаевич не хотел, чтобы я осуждала Софью Андреевну». Л. Н. рассказал ей о своем положении. Гнет был на него с обеих сторон: со стороны Софьи Андреевны и друзей***.

Конец беседы Л. Н. с Наживиним:

— Всякое участие в политической деятельности совершенно не нужно. Единый налог — уступка нашей слабости. Когда вам предлагают виселицы, тогда гораздо лучше социализм, а когда предлагают вам социализм, тогда гораздо лучше единый налог (по Генри Джорджу). Это степени. Если мы знаем, что царство божие внутри нас, то, чем больше моя жизнь будет поставлена на это, тем больше будет воздействие мое. Не знаю как, но тем более оно будет благотворнее. Ведь тут самое простое рассуждение, что внешние условия жизни изменить не в моей власти,

* Верочка была в Ясной запуганной, сама не своя. Она очень даровитый и наблюдательный ребенок. Узкая, когда уселась с матерью в вагон, сказала ей: «Бедный дедушка, бедная бабушка», — и разрыдалась. Поняла по-своему.

** Переписано 7 декабря 1910 г.

*** Об этом имеются намеки в его записной книжке, которую он писал для себя⁴.

а себя изменить — в моей власти, а моим мерзостям конца нет; мне 80 лет, и я только теперь начинаю исправлять себя чуть-чуть.

Наживин: Нам кажется, что, если откажемся от податей, от военной службы, устроимся по Генри Джорджу, то сделается что-то важное, установится справедливая, хорошая жизнь (свобода, равенство). А мне кажется, это и будет царство божие.

Л. Н.: Если я только все мои силы направлю на то, что в моей власти, буду домогаться этого блага, как будет прекрасно!

11 октября. Верхом с Л. Н. по незнакомой просеке к Лихвинской железной дороге. Делир, день перестояв, играл; поэтому четыре версты ехали рысью.

Вечером Л. Н. приятно беседовал в кабинете и зале с Наживинным, который должен был ночью уехать. На станции Засака его дожидалась жена Лебрена, посетившая Марию Александровну и не пожелавшая беспокоить Л. Н.

Сегодня Софья Андреевна опять взволнована. Ходила в Елочки. Вернулся Булгаков от Булыгиных и Буткевичей.

* Наживин говорил о своем неутешном горе (умерла их четырехлетняя девочка *).

Софья Андреевна рассказала: когда в 1895 г. умер Ванечка, Л. Н. опустился на диван и сказал: «Безвыходное положение, потому что я думал, что это единственный ребенок, который будет продолжать мое дело на земле».

Л. Н.: Тяжелее смерти ребенка ничего нет. Какая там виселица!

Софья Андреевна: Дети — мечта, какая не сбывается.

Беседа Л. Н. с Наживинным о писателях:

— Пушкин удивителен. Молодой человек — какая серьезность. Рогов, Достоевский, Тютчев. Теперь что из русской литературы стало! Все эти... Сологубы... Это от французской литературы можно было бы ожидать, но от русской — никак.

Наживин: «Ничего не вырабатывается!» — 500 рублей за лист вырабатывается.

Л. Н.: Я думаю, что теперь есть в литературе? Как был натурализм в гоголевское время после карамзинской напыщенности. Что теперь вносится?

Наживин: Декадентство, хаос.

Л. Н.: Вы — молодой человек, скажите, что там находится нового? Я не могу разобраться. Что? Такое сомнение по отношению ко всему, разрушение авторитетов.

Наживин: Разрушение буржуазной морали.

Л. Н.: Разрушать буржуазную нравственность, которая говорит, что можно обижать людей и вместе с тем ходить в церковь.

Наживин: Они ее не разрушают. Они так же живут, получая 500 рублей за лист.

Булгаков: По содержанию ничего нового нельзя указать. Чтобы они учили жизни, этого нельзя сказать. Но у них есть таланты.

Л. Н.: У кого?

Булгаков: Я назвал бы Арцыбашева, Куприна, обладающих талантом, но небольшим. Андреев не обладает талантом.

Л. Н.: Он затрагивает какие-то вопросы, которые он сам не понимает. И всякое искусство не терпит посредственности, а поэзия совсем не терпит.

Наживин: Бальмонт — это не русская литература.

Потом Наживин спросил о Кнута Гамсуне, которого теперь реклами-

* Переписано 1 марта 1914 г.

рует «Нива» и другая периодическая печать, почему он распространяется в России². Он очень посредственный писатель. Единственная вещь у него, которая заслуживает внимания, — «Пан»: современный человек среди природы. А его романы — любовные поединки. Раньше этого не было, чтобы в три дня писатель стал знаменитым и в три дня терял знаменитость. И Наживин привел примеры.

Л. Н. (обращаясь к Булгакову): Это еще ничего, а нам в письмах пишут: «У меня есть гений, талант, и я боюсь, что они пропадут напрасно». Это неудивительно, такие гонорары... В литературном, художественном труде — проповедь, учить труду; я думаю, он не может быть вознагражден.

Булгаков: А как же будет учитель жить?

Л. Н.: Работать будет, вот наша Маша (Л. Н. намекал на Марию Александровну? Или на Марию Львовну?)... Как только вознаграждение денежное, так это гадость... Аферисты будут писать: «Я знаю, как тебе быть счастливой, как тебе освободиться от твоих бед, дай мне двугривенный, иначе не скажу».

* Наживин рассказал об общине Кринице, основанной Еропкиным. Там воспитывалось молодое поколение в труде. За все время от основания прошло через нее, говорят, 2 000 человек. Криница теперь — трудовая артель.

Л. Н. спросил Наживина, готовящегося переселиться с Кавказа:

— Так у вас планы уходить в Россию?

Наживин: Да, и в настоящее хозяйство, в уфимский чернозем, в башкирские земли. Там вымирает народ.

Разговор коснулся хлыстов. Им хочется как можно скорее распространить свое учение, вместо того, чтобы над собой работать.

Потом, насколько помню, говорил Наживин о своем больном месте, о смерти дочки, церковных похоронах и оправдывал их.

Л. Н.: Это пристрастие к внешним формам.

Наживин сказал, что хочется торжественной обстановки, дать удовлетворение своему чувству.

Л. Н.: Это маленькая подробность — вроде, с какими подметками носить сапоги.

Наживин: Хочется как-нибудь его выразить.

Л. Н.: Это такая подробность житейская, которая не имеет ничего общего с религией. Это некоторое приличие.

Наживин: Неужели с этой слабостью не считается?

Л. Н.: Кому она нужна, пусть считается. Я ее перерос.

Наживин: Я — нет.

Л. Н.: Религия есть установление своего отношения к миру и вытекающих из него обязанностей. Говорить о том, как поступить после смерти ребенка, — это из приличия, это не имеет никакого религиозного значения. Это примеры маленькие. Это неглубоко. Это как дробина какая-нибудь попала в плотину — и утечет вся вода... Пусть лучше моих детей собаки съедят — это не беда, а беда если попы будут кадить. Я учить других не могу. Каждый пусть для себя соображает. Если я верю в матушку царю небесную, она меня только отдалит (от религии).

** Были Молочников, Белинский, Гольденвейзер.

Л. Н.: Чем слабее вера, тем сильнее желание ее распространения.

Л. Н. о полученной книге о Poetry⁴ говорил, что если бы житель Марса попал на землю и видел закабаление земли не работающими на ней и спросили бы его, какое может быть тут искусство и наука, он, не

* Продолжение разговора Л. Н. с Наживиним в этот ли день или на другой — 11 октября³.

** Записано 28 октября 1911 г.

заглядывая, сказал бы, что искусство и наука здесь чепуха, какие они и есть.

Л. Н. сегодня поправлял статью о Гроте.

Л. Н.: Возмутительно для меня то, что какой-то господин, который попал в министры, перевертывает жизнь целого народа, вообще вмешательство это...

Кто-то: С разными наделами переселяют на хутора⁵.

Л. Н.: Если это невыгодно, они (крестьяне) сами избавятся.

Кто-то: Малороссия не знает общины, там подворные владения.

Л. Н.: Мой аргумент, который я говорю крестьянам: веник не переломишь, а по пруту все переломаешь.

Я вошел в кабинет доложить о найденной в библиотеке книге для Л. Н.

Л. Н. приветствовал меня французской пословицей: «Говорят о солнце, а видят его лучи...» * — и оставил меня.

Наживин рассказал Л. Н. о стариках-евреях (рабочих), какие они приятные, и о семьях еврейских, об огромной семье еврейской, в черте оседлости, как она представляет одно целое.

Л. Н. заметил, что у евреев большой ум и религиозное чувство.

Я на это сказал, что я религиозности как раз не нахожу у евреев. И спросил, у кого ее Л. Н. находит. Ни те раввины, которые ему пишут, не имеют ее, ни другие евреи, пишущие Л. Н.

Л. Н. спросил, работают ли (евреи) на земле.

Наживин: Нет. В черте оседлости не позволяют евреям жить в деревнях.

Л. Н. рассказал, что получил от казака письмо ругательное по поводу своего письма о черте оседлости⁶.

12 октября. Л. Н. ездил верхом с Булгаковым на Косую Гору встречать Александру Львовну, которая возвращалась из Тулы.

Вечером она с Варварой Михайловной ходила к Тарасу объяснять цель и устройство потребительской лавки¹.

Л. Н.: Что Тарас?

Александра Львовна: Ничего, очень доволен.

Л. Н. говорил о кооперации и как она после революции стала развиваться.

Л. Н.: Кооперация тем хороша, что вводит людей в общение.

Л. Н. принес в залу новые октябрьские книги журналов.

Л. Н.: В «Русском богатстве» статья Краснова о Ходынке, которую я рекомендовал редакции, очень плоха. Жалею, что рекомендовал ее².

Александра Львовна рассказала, что крестьяне Ясной Поляны отказываются от ночлежного дома. «Нет, мы накормим прохожих, дадим ночлег поодиночке и отпустим с богом. А то в ночлежном доме они соберутся в кучу, будут пьянствовать и сожгут деревню».

Л. Н.: Это очень понятно, что крестьяне отказываются.

Софья Андреевна сегодня волновалась и говорила мне, что она уверена, что слышала отрывочные фразы, сказанные Л. Н. чем Черткову, и по намеку Татьяны Львовны она узнала, что Л. Н. завещал издания своих сочинений Черткову. Она спросила об этом Л. Н. Он сказал, что нет, но она ему не верит; может быть, не завещание написал, а письмо. «Мне не жалко, что они мне не достанутся,— говорила Софья Андреевна,— а то, что сыновей (Илью, Андрея и Михаила) огорчит. Они и будут добиваться отмены у государя; его легко будет добиться, т. к. можно будет доказать, что Чертков на него действовал посредством внушения».

* «Quand on parle du soleil, on en voit les rayons» (франц.). Соответствует русскому «легко на помине». — *Ред.*

Софья Андреевна об этом говорила сегодня и Л. Н-чу, укоряла его, что дневники ей не отдал, что А. П. Сергеевко читал их, а она нет, так ли она зла, как он пишет в дневниках? «Я тебя удержала от двух дел: от войны турецкой в 1876 году, когда ты хотел идти и говорил, что все порядочные люди пошли³, и от учреждения винокуренного завода с Бибиковым. Вот что ты делал»⁴.

Л. Н.: Мало ли (что я делал)... я и в штаны делал, когда не понимал*.

Софья Андреевна и за обедом говорила про завещание Л. Н-чем издания Черткову. Александра Львовна останавливала ее, говоря, что ей тяжело слушать о распоряжениях на случай смерти родителей. Но Софья Андреевна, не останавливаясь, говорила и говорила о завещании и о том, что ее сыновья останутся нищими.

За столом сдели: Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна и я. Л. Н. еще не проснулся. Булгаков ушел собираться в Москву — выписываться из университета, прочесть студентам свой доклад о вреде образования (посещения университета и т. д.) и проститься с матерью, приехавшей из Томска. Ему после увольнения из университета предстоит военная служба, и он намерен отказаться.

Наживин вчера говорил мне, что узнал от Анны Константиновны, что высылку Черткова устроил Андрей Львович. Разошлись в 10 ч. Л. Н. не выходил до 11-ти. Я проспал.

13 октября. Сегодня Софья Андреевна проболталась Варваре Михайловне, а вчера Л. Н-чу, что она имеет достоверные сведения о завещании. Узнала это, во-первых, по намеку Татьяны Львовны, а во-вторых, из «записника» Л. Н., который она отыскала в его сапоге и, не признаваясь в этом Л. Н., прочла и держит до сих пор. Она не находит нужным говорить об этом Л. Н. и о том, что присвоила дневник. Л. Н. искал его везде. В-третьих, вероятно, узнала от Бирюкова. Так предполагает Александра Львовна. Ни Варвара Михайловна, ни Л. Н. вчера не проговорились ей о завещании. Софья Андреевна рассказала, что Л. Н. первоначально хотел, чтобы все дети знали о завещании; позднее же решил, что только Саша должна о нем знать. Подробности Саша никому, кроме Бирюкова, не сообщала.

Варвара Михайловна и Л. Н. вчера не дали себя обмануть, но держались так, как будто, действительно, так и есть. Сегодня Софья Андреевна рассказала Феокритовой, что, наверно, Л. Н-чу дали подписать завещание, когда он был в послеобморочном состоянии. Софья Андреевна при этом сказала: «Они (Душан Петрович и Григорий Михайлович) могут показать, что в таком состоянии Л. Н. не мог написать завещания». Софья Андреевна еще говорила Варваре Михайловне: «Как мне быть спокойной, сознавая, что, умри Л. Н., издание не останется в моих руках. Это (т. е. завещание) меня гложет». Александра Львовна не нашла спокойной минутки, чтобы сообщить об этом Л. Н., и просила меня все передать ему во время прогулки верхом. Л. Н. выслушал спокойно и даже, как мне показалось, с доброй улыбкой сожаления о Софье Андреевне.

Вечером я спросил Л. Н. про его статью о социализме, которую он пишет для чешских народных социалистов.

Л. Н.: Все пишу, разрастается; Саша ее второй раз переписала. Записал в дневник, вас осудил, что напрасно пишу ее.

Я принес к чаю «Начальную физику» Цингера¹. Л. Н. заметил ее и стал читать. Больше получаса читал. Потом закрыл и отдал мне со словами: «Ничего интересного нет». Спрашивал о Цингере, кто он такой. Софья Андреевна ему отвечала.

* Записано со слов В. М. Феокритовой.

Когда Л. Н. раздевался, я попросил его подписать «Круг чтения». Андрей Львович вторично просил об этом для кого-то.

Л. Н.: Сказал бы, кому... не надо... мне, по крайней мере, нежелательно это, простите.

И Л. Н. не подписал. Также не подписал М. А. Стаховичу, когда он сам лично просил для одной дамы.

Александра Львовна с Варварой Михайловной ушли спать в 9.30. Л. Н. за дыней и чаем с 10 до 10.45 один — читал со мной, потом пришла Софья Андреевна. В 11 ч. ушел спать.

14 октября. Софья Андреевна написала Л. Н. письмо, в котором упрекает его за то, что он не завещает издательских прав семье¹. Сегодня говорила о том, что она написала завещание относительно своих мемуаров «История моей жизни», приблизительно такое, чтобы издать их через 20 лет после ее смерти, чтобы всякий свободно ими пользовался, только чтоб они никогда не были уничтожены. Из детей не допускать к ним Сашу. Об этом она сказала Варваре Михайловне и ей дала переписать это завещание².

Л. Н. сегодня опять переделывал статью о социализме и сказал о ней Александре Львовне с оговоркой:

— Пустяковая статья. Я ее начал и... кончу, Душану надо сделать удовольствие.

Софья Андреевна, когда вошла в зал, а там был Л. Н., подняла голову, сделала страдальческое и величаво презирающее Л. Н. лицо.

Варвара Михайловна мне говорила, что Л. Н. рассказал Александре Львовне, что Софья Андреевна сегодня стояла перед ним на коленях, целовала руки и умоляла завещать авторские права семье³. А Л. Н. ей ответил: «Полно, полно!»

Я сегодня на прогулке верхом, думая о поведении Софьи Андреевны 24 июня, пришел к заключению, что и ревности к Черткову в действительности не было и нет. Софья Андреевна ее показывала, чтобы добиться удержания его вдали от Л. Н., т. е. чтобы Чертков не имел влияния на Л. Н.; она ведь влиянию Черткова приписывает, что Л. Н. хочет дать свои сочинения в общее пользование.

Сегодня поехали в 2 ч. Л. Н. был плох, очень бледен, губы не слушались его (шепелявил), я боялся обморока и ехал за ним вплотную. Но через полверсты Л. Н. стал бодрее, выехали на будку железнодорожную в лесу Засеки, а оттуда отводом и просекой на Медвежьки казармы. Через ручеек в поводу проводили лошадей.

Л. Н. вчера говорил о письме, которое получил⁴. Это был проект замены кириллицы латинским шрифтом. Л. Н. с этим согласен.

За обедом Горбунов говорил о подавлении стачки французских железнодорожников министром-президентом, бывшим социалистом Брианом. Прекратили стачку тем, что железнодорожные рабочие были призваны к отбыванию военной службы.

Л. Н.: Тут солдаты оказались солдатами и изнутри.....* Власть может поддерживаться только насилем, с чем революция борется. Власть, по существу, — насиле.....**

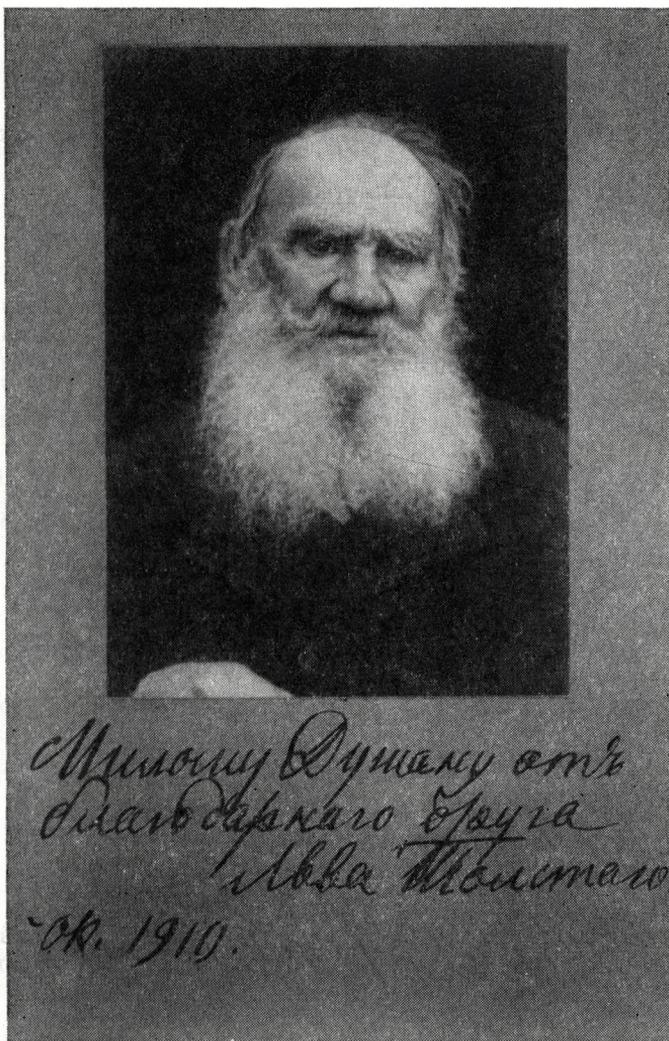
** Был Горбунов. Всего провел около четырех дней.

Л. Н. сейчас читал Достоевского («Братья Карамазовы») ⁵:

— Отвратителен. С художественной стороны хороши описания, но есть какая-то ирония не у места. В разговорах же героев — это сам Достоевский говорит. Ах, нехорошо, нехорошо! Тут семинарист и игумен, Иван Карамазов тоже, тем же языком говорят. Однако меня поразило, что он высоко

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

** Переписано в 1911 г.

ТОЛСТОЙ

Крекшино, 5—18 сентября 1909 г.

Фотография В. Г. Черткова с дарственной надписью Толстого Маковицкому: «Милому Душану от благодарного друга Льва Толстого. Ок. 1910».

«Matice Slovenska» (г. Мартин)

«Сегодня обрадовала меня Александра Львовна подарком... — новым портретом Л. Н. с его подписью». — Запись от 26 октября 1910 г.

ценится. Эти религиозные вопросы, самые глубокие в духовной жизни — они публикой ценятся. Я строг к нему именно в том, в чем я каюсь, — в чисто художественном отношении. Но его оценили за религиозную сторону — это духовная борьба, которая сильна в Достоевском. Я как раз читаю художника (французского писателя), в котором никакого (религиозного) содержания⁶. Но художественное не терпит посредственности; тут нужно, чтобы это было такое, чтобы читатель перенесся в это, переживал то, что автор.

Л. Н. вспомнил, что в газетах пишут про писательский юбилей Боборыкина, и спросил про него⁷.

Горбунов: Боборыкин — старый веселый малый.

Л. Н.: Мне хотелось бы приятное для него сделать.

Горбунов: Он ничего... и пакостей за ним никаких, но ужасно легкомысленный.

Л. Н.: Но придумайте телеграмму — или промолчать, как о Муромцеве⁸.

Горбунов: Он легкомысленным остался.

Л. Н. рассказал про письмо к нему Чуковского. Просит на одном листке написать против смертной казни.

— Хочу переработать все в одну, выбрать самое лучшее⁹.

В газетах П. А. Сергеенко перепечатывает некоторые письма из своей книги, которая должна через недели две появиться: «Письма Л. Н. Толстого. 1848—1910». Л. Н. прочел в газетах свои письма, писанные брату Сергею из Севастополя, и о них сказал:

— Читал я свои письма. Постыдно. Патриотизм. Крупные опечатки¹⁰.

* 15 октября. Были М. А. Стахович, С. О. Серополко, П. Д. Долгоруков. Долгоруков и Серополко приехали из-за яснополянской народной библиотеки, содержащейся Московским обществом грамотности.

По поводу разговора о ночлежном доме в Ясной Поляне, который хочет устроить Чертков из денег, собираемых «Вестником Европы», где появились «Три дня в деревне», Л. Н. сказал:

— Это (учреждение ночлежного дома) едва ли состоится, так как этим крестьяне недовольны.

Верхами поехали за Грумант. Л. Н. хотел к Чертковым, но вспомнил, что забыл сказать Софье Андреевне, и не поехал к ним. Я сказал Л. Н., что все более убеждаюсь, что у Софьи Андреевны нет душевной болезни, а все притворство.

Л. Н.: И то и другое. Я ей** сказал, что ничего не отвечу. Истеричности теперь нет.

Мы ехали около источников. Л. Н. приостановил лошадь, дождался меня и сказал, показав на это место снизу вверх:

— Детские воспоминания. Тут был сад, домики и скотный двор. Сюда делали parties de plaisir***. Вода ключевая, считалась хорошей. Отсюда возили воду в дом яснополянский еще когда вышла замуж Софья Андреевна; тогда было в Угрюмах всего три крестьянских двора, теперь 18.

Л. Н. просматривал около 300 книжечек разных издательств одно-, десятикопеечных, лубочных и народных, отобранных, присланных яснополянской Народной библиотеке. Л. Н. любовался ими и количеством хороших книг среди них.

Л. Н.: «Или» издания «Посредника», религиозно-нравственные, или озлобленность (революционность)... Надо барышне (библиотекарше) сказать, чтобы выдавать преимущественно «посредничьи». Они просят книг «для души»? Надо бы нам устроить такие библиотеки трех-, пяти-, пятнадцати-, пятидесятирублевые, дальше идти некуда.

Серополко: Есть такие павленковские библиотеки.

Л. Н. просил прислать их каталог. Он бы в нем отметил.

Серополко: Павленков все книги, которые после него остались, завещал библиотекам. Это был редкий тип издателя, идейного, преданного своему делу. 200 биографий замечательных людей издал.

Л. Н.: Часть школьного образования переходит в область книгочтения. И это хорошо. Когда ищут ответа на вопрос, который зародился, тогда это дельно.

* Переписано 2 марта 1911 г.

** Софье Андреевне, она вчера написала письмо Л. Н.

*** Увеселительные прогулки (франц.).

Л. Н. рассказал про чтение студентом Диомидовым в школе, в Кочетах, Евангелия и сельскохозяйственных книг. Приходили по вечерам. На слушателей производило большое впечатление. Когда им читал человек внятно, понятно, у них это имело успех. Надо вовлечь их в беседу в сельскохозяйственных чтениях.

Горбунов: У меня лежит письмо крестьянина о «посредничьем сельскохозяйственном календаре»¹. Пишет о нем: «Он мне после Евангелия самая нужная книжка».

Л. Н. (в какой связи?): Кто-то недавно говорил о том, что у Никодима в апокрифическом Евангелии есть хорошие вещи, а у Луки есть плохие.— Потом (в какой связи?) Л. Н. говорил, что Конфуций — это Христос, Мэн-цзи — это Павел, а Ми-ти — это Иоанн.

— А Лао-тзе? — спросил кто-то.

Л. Н. говорил еще, что это странное явление, что в то время были почти одновременно такие большие учителя (Будда, Конфуций, Лао-тзе).

Разговор происходил сперва в столовой, затем в гостиной, куда Л. Н. ушел и где показывал книгу Моода (английскую биографию Толстого) и разные письма. В столовой он сам себя не слышал — мало того, у него должны были разболеться уши и голова — так громко, визгливо трещала без умолку Софья Андреевна. Она была сегодня в исступлении азарта. Страшный вечер был этот! Она и Л. Н. сидели за чаем на тех местах, где сидят за обедом, справа от Л. Н. сидел Стахович; к нему больше обращалась Софья Андреевна, кричала через голову Л. Н., как если бы его и не было, как если бы место, занятое им, было пустое пространство. А о чем только не говорила! Тяжело было слушать. Например, говорила о том, что будет в случае его смерти.

Л. Н. был убит, смущен.

16 октября. Присылали за мной к Анне Константиновне, у нее невралгия глаза. Софья Андреевна сказала, что она притворяется, чтобы вызвать Л. Н. на посещение. Л. Н. на это заметил, что и так собирается и сегодня поедет к Чертковым. В ответ Софья Андреевна убежала из залы, затем из дому, громко хлопнув дверью. Через минуту вернулась и попросила Л. Н. на минутку в ремингтонную и просила его не ездить к Чертковым. Л. Н. ей не дал обещания не ехать, и она, сбежав по лестнице, пропала.

Л. Н. и я поехали верхом по направлению к купальне. С половины дороги Л. Н. послал меня сказать Софье Андреевне, что он решил не ездить к Чертковым. Но Софья Андреевна ушла. Мы сделали большой круг, на шоссе, на Лихвинскую дорогу — 16 верст. Л. Н. говорил по дороге:

— Это испытание, она жалка, другим осуждать ее легко. Когда связан с ней... я не могу.

Я сказал Л. Н., что Софья Андреевна доигрывает роль, взятую на себя, как лгавший продолжает лгать, и что это ей самой трудно. И что ей будет скорее облегчение, если Л. Н. перестанет считаться с ее притворством (сегодня особенно ясным). Л. Н. ответил, что он знает это, но... «Я не могу». Л. Н. говорит, что думает утром в 7 ч. (с Ильей Васильевичем) уехать в Кочеты; что он уже три или четыре месяца не работает.

Вернувшись, Софью Андреевну не нашли дома. В 6 ч. искали с фонарями и нашли в саду. Она притворилась не знающей, где была, что делала, но вскоре рассказала, что ходила в Телятинки, говорила с А. П. Сергеевко. Полулежала одетой на кровати и никуда не выходила. Л. Н. просил, чтобы пошли ее проведать Александра Львовна, Варвара Михайловна и я. Софья Андреевна жалела себя и говорила, что только она

начала успокаиваться, как Л. Н. захотел ехать к Чертковым (а сама ему последние недели и на днях опять и опять говорила, чтобы съездил). Что она этого не перенесет — или покончит с собой или уедет.

Л. Н. не выходил из кабинета до 10.20. С Александрой Львовной об утреннем отъезде, Софья Андреевна еще несколько раз входила и затем присмирела. После 10.30 пошел Л. Н. к ней. Потом опять сцена. Л. Н. не выдержал и кричал.

Л. Н. (вечером): Было бы жестоко уезжать, когда она в таком состоянии. Мало вероятия для отъезда; она успокоилась.

Л. Н. с Горбуновым говорил о своей статье о социализме и пацифистах. Он говорил, что пропаганда социализма закрывает самый существенный вопрос и что человек, который будет говорить о стачках, будет жить все же капиталистически, и что он должен поставить вопрос иначе или чем-нибудь его заслонить.

Л. Н. прочел французскую книжечку о движении мира в Японии. Они за мир, но Япония имеет таких соседей, что они не могут не увеличивать вооружения и т. д.

Горбунов о своих судебных делах:

— Меня судят за три группы преступлений (за издание книг): 1) по вопросу земельному (Спенсер — «Право собственности на землю». Генри Джордж — «Не укради», «Письмо Л. Н. Толстого о земле к крестьянину»); 2) по вопросу религиозному (Евангелие); 3) по вопросу насилия («Мой брат», «Мошка-солдат»¹).

Л. Н.: Это самые заслуги.

17 октября. Утром в 9 ч. Л. Н., умытый, в халате, сидел на кровати и прочесывал бороду.

Л. Н.: Нехорошо себя чувствую: желудок, печень. Вы мне вчера говорили про припадки, ведь в них могу кончиться. Ведь так бывает? Их надо опять ожидать? Не знаете? Надо хорошо умирать, готовиться к смерти, я так и думал, но так как смерть может наступить в беспмятном состоянии (когда нельзя будет хорошо умирать), то надо теперь всегда готовиться умирать.

Я ответил, что в таких припадках люди очень, очень редко кончаются.

Л. Н. сказал:

— Чего лучше смерти?

Л. Н. сказал еще о Софье Андреевне, что она вчера вечером была кроткой; ночью он кашлял, она пришла и загородила снаружи невставленное окно (тюфяком). Какая энергия!

За завтраком Софья Андреевна трещала. Л. Н. пытался говорить, не мог, только иногда с соседом своим, Горбуновым. Просматривал листки против пьянства¹. Их восемь, по одной и три копейки, напечатали в первом издании, разошлось 7000 экземпляров. Л. Н. очень одобрил их и картинки, кроме одной: пьяный лежит у фонарного столба.

— Нехорошо, даже с художественной точки зрения, не нравится.

Горбунов: В новом издании заменим ее.

Л. Н. (шутя, Горбунову): Я очень люблю пьяных, теперь напишу о пьяных нецензурное с вашей точки зрения.

* Были Якубовский, Перпер, Горбунов. Говорили о том, что, если бы все люди стали вегетарианцами, то не было бы и смертной казни. Горбунов рассказал, со слов Мережковского, о каком-то «пророке» в Петербурге. Он имеет огромное влияние на толпу. Он проповедует: надо жить хорошей жизнью — у вас страданий более не будет.

Л. Н.: Иван Михайлович Трегубов любит служить сближению людей между собой.

* Переписано 3 марта 1911 г.

Не помню, Перпер ли просил статью о вегетарианстве или шла речь о статье против смертной казни, которую просил Чуковский.

Л. Н.: Я едва ли сделаю чего. Меня растаскивают. Мысль прекрасна. Я не умею писать кое-как. Иван Иванович советует написать просто сочувствие, я скорее отнекиваюсь (Короленко написал небольшой художественный рассказ²). Да, это такой предмет, который — только бы не преувеличивать — должен действовать сильно.

18 октября. Утром проситель из Киева, молодой, семейный (три года тому назад писал). Просил денег на какое-нибудь торговое предприятие. Настойчивый. *Л. Н.* просил меня поговорить с ним. Я был нетерпелив с ним.

Л. Н. вчера читал записи Александры Львовны последних десяти дней. Похвалил Александру Львовну: написано правдиво, просто, беспристрастно, и был очень рад, что прочел. *Л. Н.* прочел в дневнике Александры Львовны и еще расспрашивал ее о своем обмороке 4 октября.

Л. Н. говорил (по словам Варвары Михайловны), что он, вероятно, умрет после предобеденного сна, что он никогда не просыпается свежим (видит обыкновенно кошмарные сны). *Л. Н.* говорил, что не будет знать о переходе.

— Душевно этим нехорош этот сон, хотя телесно хорош.

Все обмороки до сих пор были в это время, между 5—7 ч. вечера, продолжались и позднее.

За обедом *Л. Н.* (не обедал, но недолго посидел с нами: Софьей Андреевной, Александрой Львовной, Варварой Михайловной) спросил меня, что скажу нового. Я рассказал, что был у дочери Жаровой, вдовы-крестьянки в Казначеевке.

Л. Н. (о книге *П. П. Николаева*): Без скромности говорю, если он заимствовал (многое) у меня, то я нахожу у него, что я должен был бы сказать. Три главы, которые прочел второго тома, — превосходны.

Конспектом первого тома *Л. Н.* недоволен. Он говорил, что Николаев, наверно, переработает его.

Я спросил *Л. Н.*, читает ли он Достоевского, и как...

Л. Н. (о «*Братьях Карамазовых*»): Гадко. Нехудожественно, надуманно, невыдержанно... Прекрасные мысли, содержание религиозное... Странно, как он пользуется такой славой.

Душан Петрович: Слава богу!

Л. Н.: Да, слава богу! Видно, что религиозное содержание захватывает людей. *П. П. Николаев* говорит, что человека без религии нет. Эгоизм, семья, государство, человечество — исполнение воли бога — мотивы-двигатели.

Л. Н.: Николаев говорит во второй главе, что все великие религиозные учителя указывают, в чем состоит смысл жизни, а последователи извращают (их учения), вводят суеверия. Наука очищает религию от этих суеверий, которые затемняют истинное учение, и (что) ученые, Бокль, Штраус, Ренан, собственно, религиозные люди. Сами не зная того, они очищают религию. Тут Николаев поправляет меня*.

Л. Н. еще говорил, что читает эту книгу медленно, только тогда, когда свеж мыслью. И что желал бы знать, в каком положении эта книга: корректура ли — или отпечатана.

Книга Николаева была *Л. Н.* необыкновенно дорога. Я не видал, чтобы он с какой-либо книгой так нянчился, как с этой. Читал ее с бла-

* т. е. *Л. Н.* не признавал за учеными такой заслуги.

говоением. Трогала и радовала его. Л. Н. послал недавно Николаеву рассказ Кудрина¹.

Это рассказ сам по себе превосходный, и желательно самое широкое его распространение.

В 9.40 Л. Н. вышел к чаю, в 10 ч. ушел к себе. Л. Н. написал сегодня четыре письма². Гулял пешком. Первый снег. Вечером было — 6°.

В 11 ч., когда я вошел к нему, Л. Н. читал «Братьев Карамазовых».

Л. Н.: Ох, какая чепуха, ужас! Как мальчик укусил за палец... Помните? Как Катерина Ивановна послала 200 рублей капитану, которого Митя (Карамазов) потащил за бороду.

19 октября. Вторник. Утром Л. Н., идя гулять, говорил о Софье Андреевне, что она ночь не спала, ходила, возбужденно говорила; Л. Н. боится, что опять будет сцена... Я хотел Л. Н-чу сказать, чтобы не обращал внимания на ее речи и чтобы не принимал близко к сердцу ее возбуждение. Для нее лучше, если не будут поддерживать в ней веру в ее страдания. Но не сказал этого. Л. Н. видел, что за мной приехали, жалел, что я уезжаю.

Приехала Е. В. Молостцова. Софья Андреевна весь день была любезна с нею, не распускалась; видно, что владеет собой.

У Л. Н. болит печень, правый бок, инстинктивно приложил себе сухой компресс. Утром ел груши, на-днях один раз яблоки; один раз пил виши, к чему его тянет, поддается инстинкту.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Молостцова. Молостцова рассказывала о том, о чем спрашивал Л. Н.: о хуторах в Тетюшинском уезде Казанской губернии. Выделяются богатые (на почве выделения из общин у них одиннадцать поджогов); говорили, что «Союз русского народа» против разрушения общины.

Молостцова вспоминала умершего Н. Г. Молостцова. Пил из нелуженого самовара, отравился, умер от разрыва сердца. Очень милый, но непрактичный, не умел устроиться в жизни. Все до копейки всегда отдавал Волынскому (Флексеру) и все, что имел, дал ему. Давал ему деньги, когда Волынский издавал книгу «Леонардо да Винчи». Мать не посылала деньги Коле, потому что «он их отдает Волынскому», а посылала жене его. После того, как он умер, Волынский написал трогательное письмо о том, как он его любил. Н. Г. Молостцов обещал свой архив музею Толстого¹ (и об этом говорил М. А. Стаховичу). После его смерти вдова тоже высказалась, что желает отдать музею и ни за что денег не возьмет, что она не считает себя вправе их брать и что исполнит только то, что хотел сделать ее муж и не сделал (т. е. отдать музею). Е. В. Молостцова предлагала купить у нее архив, обещая, что она отдаст его музею, или, по крайней мере, возьмет расходы за упаковку и переправку архива (архив находился на пути в Болгарию; Молостцов умер в Болгарии на седьмой день после приезда туда, получив место военного агента-корреспондента). После Е. В. Молостцова получила письмо от вдовы: «Мы (т. е. она и Волынский) решили, по совету Волынского, архива в музей не отдавать, а пользоваться им». Стало быть, Волынский отговорил отдать архив музею².

Молостцова рассказала о иеговистах, о которых написала книжку³; она с ними знакома, они ее любят, потом — о вайсовцах (они почтенные люди, сам же Вайсов ей кажется плутоватым).

Говорила о вайсовце, отказавшемся от военной службы и пробывшем за это два с половиной года в психиатрической лечебнице. Вайсовцам предстоит на днях суд за то, что они создают государство в государстве: имеют свои паспорта, свой суд (за воровство — по Корану — отрубая пальцы, за прелюбодеяние приговаривают к смерти). Царя признают,

государственных властей не признают. Потом говорила о секте языческой среди черемисов: «Кучи сарта» — «Большая свеча». Они — чистой жизни.

Л. Н.: Они были язычники. Их силой привели к православию. Но оно к ним не привилось.

Молоствова: «Большая свеча» 25 лет существует, но власти только пять лет тому назад открыли ее; вождя и многих сослали.

Молоствова дальше рассказывала о белоризцах, которые считают всякую роскошь излишней и потому не красят одежду, а носят белую. Они прежде были совсем православными, только обличали архиереев и других в роскоши, и, когда их за это стали преследовать, они отошли от православия. Они огородники в Симбирске.

Молоствова: Еговисты-старики там застряли.

Л. Н.: Религиозная истина только та, которая движется.

Он спросил, кто занимается сектантами.

Молоствова: Пругавин с публицистической точки зрения занят ими⁴. Он человек нерелигиозный. Мне сказал: «Пишите (о сектантах), как о злобе дня». Еще Бонч-Бруевич — он социал-демократ; когда заинтересовался, смотрел на них, как на элемент, который может поднять революцию⁵.

Л. Н.: Я бы желал, чтобы перечислили секты, которые существуют.

Молоствова: Это непочатый угол, мне кажется.

Л. Н.: И огромной важности.

Молоствова: Материал есть у Черткова, но самое интересное — общение с ними.

Потом перечисляли рационалистические и мистические секты: духоборы, молокане, пашковцы, штундисты, малеванцы, баптисты.

Л. Н. говорил про молокан, адвентистов и.....* — это церковь признающие...

Молоствова: Хлысты, скопцы; есть скопцы духовные, не признающие операции (хлысты, ждущие прихода Христа), субботники, жидовствующие — георы на Кавказе, они и обрезание имеют. В печати их именуют иудействующими.

Л. Н.: Почему «иудействующие» вместо «жидовствующие»? В прежнее время «жид» указывало на национальность, а теперь стало ругательным. Эти секты большей частью интересны только тем, что они отрицают православие; они освободились от покорности церкви, и потому им легче прийти к свободному пониманию. Но у них нет самобытно выработанного отношения к богу, выработанного всем миром.

Л. Н. говорил о письмах, которые получает о вере:

— Это не сектантство, это у молодежи, в прошлом революционной, совсем полное, свободное отношение. Они не примыкают ни к какой секте. Они одного боятся, чтобы их не причислили к толстовцам.

Л. Н. прочел вслух полученное сегодня письмо крестьянина, просящего Евангелие. Удивительное письмо!

— Писем такого характера каждый день, по крайней мере, одно получается, — сказал он.

Александра Львовна: Послать большое Евангелие? Один писал, что год потребовался, пока он его (большое Евангелие) понял.

Л. Н.: Есть такие люди, которым нужно основательно все, каждое слово понять.

Молоствова рассказала про воспитание одной девочки: бабушка — иеговистка («вся любовь», она молится за тех, которые посадили ее сына), отец — революционер-атеист. Мать спрашивает Молоstoffу, как

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

девочку направлять. Она ответила: «Не направлять ни в какую, пусть ребенок идет, в чью сторону его «повлечет». И девочка сама сказала мне: «Кажется, что бог есть».

Л. Н. на это сказал, что ребенка бог увлечет, но что мы не должны на него влиять, и мы не замечаем тех влияний, какие внушаем ребенку в «Отче наш еси на небесах», в ношении креста, в исповеди.

Софья Андреевна: Как же иначе сказать ребенку о боге, как не о небесном? Это значит о бесконечном.

Л. Н.: Определить бога «на небесах» — это самый узкий эпитет.

Л. Н. рассказал про Элен Келлер, которой книжку недавно прочел⁶, услышав, что Элен Келлер, от учительницы узнавшая о боге, ответила: «Бога я давно знала, только не знала, как его зову». А про любовь выразилась: «Любовь — это то, что каждый чувствует к другому».

Л. Н. говорил, что мы в детях видим эту свежесть, но испорченную посторонним влиянием, а у ней, взрослой, она осталась.

Молодцова рассказала про художника, пришедшего к ним на два дня рисовать живописные места их имения и оставшегося у них четыре месяца. Добрый, отзывчивый, всегда старающийся другим услужить. Рассказывала о нем удивительно хорошо. Он и огородник, и мастеровой, и воспитатель. Я внимательно вслушивался. Л. Н. заметил шутя:

— Душан Петрович удивляется, что есть люди и самоотверженные, и такие услужливые.

Молодцова говорила, что у художника есть творческие способности, и она не знает, поддерживать ли их, помочь ли ему поучиться.

Л. Н.: Нет, это поддерживает в человеке тщеславие.

Л. Н. заговорил о Достоевском: о поучениях старца Зосимы и о Великом Инквизиторе.

— Здесь очень много хорошего. Но все это преувеличено, нет чувства меры.

Софья Андреевна: Жена Достоевского стенографировала, и он никогда ничего не переделывал.

Л. Н.: «Великий Инквизитор» — это так себе. Но поучения Зосимы, особенно его последние, записанные Алешей, мысли, хороши.

Молодцова: Как начнешь читать Достоевского, возникает протест, но потом захватывает.

Л. Н.: Я очень понимаю, что на него Белинский, кажется.....*.

Молодцова: Я думаю, молодым не следует читать Достоевского.

Л. Н.: Ах, у Достоевского его странная манера, странный язык! Все лица одинаковым языком выражаются. Лица его постоянно поступают оригинально, и, в конце, вы привыкаете, и оригинальность становится пошлостью. Швыряет, как попало, самые серьезные вопросы, перемешивая их с романическими. По-моему, времена романов прошли. Описывать, «как распустила волосы...», трактовать (любовные) отношения человеческие...

Софья Андреевна: Когда любовные отношения — это интересы первой важности.

Л. Н.: Как первой! Они 1018-й важности. В народе это стоит на настоящем месте. Трудовая жизнь на первом месте.

И Л. Н. вспомнил разговоры, бывшие на днях с Ольгой Ершовой, яснополянской крестьянкой. Она говорила: сноха хороша, сын, зять не пьют, живем мирно, решают, кому идти в солдаты:

— Вот интересы... Вот Мопассан — огромный талант. У него целые томы посвящены любви. У Мопассана ряд серьезных вопросов пробивается. Я как раз перечитывал Мопассана и Достоевского.

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Молоствовва заговорила о появившейся переписке Черткова с Эртелем, где Чертков говорит так: «Мы любили друг друга, но часто мы говорили на разных языках»⁷ (разные мирозерпцания).

Л. Н. (к Молоствовой): Ленотра вы не читали?

Молоствова: Нет.

Л. Н.: Я собираюсь его читать. Это писатель, который описывает времена революции по материалам: он художественно описывает действующие лица на основании биографических данных. Мне о нем (Ленотре) говорили и пришлют⁸.

* Л. Н. спросил Молоствову, замечает ли она что-нибудь выдающееся в литературе:

— Я боюсь, как бы мне не быть старовером, как эти Карамзины, которые не понимали Пушкина, — чтобы мне не быть таким. Но я думаю, что этого нет.

20 октября. Утром — 13°, снежок, скользко. С Л. Н. верхом просекой, где круча. Он (послушался совета) слез с лошади и, держась за кусты, в свитке, с трудом, медленно спустился в овраг, перебрался через замерзший ручеек. Я лошадей сводил и переводил поодиночке, очень трудно им было спускаться. Проездили 15—16 верст.

Вечером были М. П. Новиков, который читал отказ Кудрина, Перевозников и 20-летний ярославский крестьянин, живущий в Москве, Полин-Пелагеюшкин, социалист-революционер, телько что вышедший из тюрьмы и приехавший на ставку (23 октября). Думает отказаться и об этом хотел поговорить с Л. Н. Но он, насколько я слышал его речи, нерелигиозный; он говорил, что не следует служить этому государству, а социалистическому, которое уравниет людей, — можно.

Л. Н. говорил ему, как же он может быть против убийства, если он в социалистическом государстве готов идти в солдаты. Л. Н. говорил и о возражении Кудрина офицеру на его утверждение, что войны прекратятся вследствие усовершенствования орудий убийства, а не вследствие отказов. Л. Н. с этим взглядом Кудрина не согласился. Человек должен отказываться, не думая о последствиях, а потому, что совесть не соглашается готовиться к убийству (служить). Главное — не семья, не человечество, а внутреннее чувство... Новиков привез рукопись своих статей об обучении (о школах) — эту Л. Н. направил в «Русские ведомости», дав Новикову письмо к Анучину¹ и о «Санине» Арцыбашева.

Л. Н.: Таких, которые разделяют эти взгляды («Санина» Арцыбашева), немного (Л. Н. не поощрял об этом писать).

Л. Н. еще дал Новикову письмо к Коншину, чтобы дали работу на его фабрике детям Новикова².

Новиков говорил об интеллигенции, которая шумит, чтобы деревням дали кредитные общества. Господа не знают жизни крестьян.

— Интеллигенция каких-то кулаков видит: где эти кулаки? Русский мужик охотно занимает деньги на пьянство, на свадьбы, но не думает отдавать их (они «казенные», вроде помещичьей помощи, на которую привыкли надеяться в крепостное время). А долги (кредитное общество) будут взывать, продавать у крестьян корм, скотину и другое.

Л. Н. советовал Новикову написать об этом и советовал ему вступить в сношения с Короленко.

** Софья Андреевна хочет продать сочинения за один миллион «Просвещению».

Новикову Л. Н. говорил, чтобы писал тем русским языком, каким он говорит и прекрасно владеет, а не подражал литературному языку.

* Переписано 3 марта 1911 г.

** Переписано 3 марта 1911 г.

Сегодня Л. Н. не евши проехал 16 верст. Мне почему-то кажется, что Л. Н. потому столько ездил, чтобы дать Делиру, стоявшему два дня, выходяться.

Вчера Молостова говорила о Малеванном, что он не работает. И, когда она ему об этом сказала, то он ответил, что работает, когда молится. Л. Н. о нем выразился как о человеке невысокого религиозного достоинства.

Новиков: Если революционеры не хотят стать богатыми и выпихнуть Столыпина, так чего же они хотят?

Л. Н.: Они хотят царства божия на земле и думают, что его можно прямо, какими-то внешними средствами достигнуть. Это ошибка. Царство божие — идеал, к нему можно лишь приближаться.

Л. Н. сказал, что не хочет сделать больно Софье Андреевне.

— Есть такие люди, которые не могут взять на себя — заставить страдать другого человека.

— Если бы волшебница могла исполнить мое желание, — говорил Л. Н-ч Новикову, — вот на печку к мужику — не к вам, вы уже побогаче — к бедному — умереть... Кто услышит, подумает, что это кривляние, никто этому не поверит. Едва ли какой ваш брат, я уверен, смотрит с такой завистью на богатых, как я на мужика. Это очень редко, чтобы люди чувствовали за собой грехи.

Новиков говорил, что не крестить детей, обойтись и без попа, это еще можно, а жениться — как без обрядов? Вряд ли можно будет.

Л. Н.: Надо быть к тому готовым, что сын ваш пожелает жить другой жизнью. Я советую вам этого ожидать. Ошибка, когда мы желаем устраивать жизнь других людей, даже своих детей. В числе всех суеверий, от которых страдает человечество, есть устроительство других людей, на основании которого существует государство, всякое правительство, социально-революционное устроительство и даже до малейших подробностей — устроительство своих детей. <Надо> стараться быть свободным от желания устроить <других>. Если я сильно желаю устроить, я легко подпадаю соблазну устроить насилие. Желать быть свободным от желания устроительства.

Л. Н. продолжал (речь Новикова не приведена):

— Мужик с бабой невенчаны. Это внутренняя работа, которая происходит нынче в крестьянстве. Это очень важно. Письма, которые я получаю от крестьян, которые начинают быть сознательными, показывают, что происходит.

— Но ведь это цвет, которые вам пишут.

Л. Н.: Вы говорите, что цвет, но цвет этот со всех сторон виден. Пробудилось сознание несправедливости (и желание исправления), и самый первый путь — как на салазочках поехал, — это революция, силой отнять; вторая дорога — религиозная. Это важный момент, в который мы живем.

Новиков: В церкви теперь, когда за царя молятся, никто не становится на колени, а лет десять тому назад становились.

Л. Н.: А как, скажите, целомудрие среди крестьянской молодежи?

Новиков: Какое целомудрие, теперь это ни во что не считается... Раньше хороводы и по улице поют, а теперь кто сюда, кто туда.

21 октября. Гололедица. Л. Н. гулял. Были молодой черноглазый малоинтересный Л. Н-чу ярославский крестьянин-писатель в пенсне¹, просил статью в их сборник.

Были Перевозников с четырьмя призывными парнями из Ясной Поляны, которые идут на ставку; один из них, выросший в Москве и бывший два года в тюрьме, социалист-революционер, говорил Л. Н-чу, что он защищал бы справедливое социалистическое государство, но пе

несправедливое нынешнее государство, и что есть отказывающиеся от военной службы социалисты.

Был Белинский, который рассказал, что друг Дымшица, Брейда, еврей, отказывается от военной службы по религиозным мотивам, а его брат отказывается от военной службы по социалистическим мотивам.

Вечером был Дунаев, с лестницы прямо вошел к Л. Н. в кабинет. Рассказал про за границу (лечился в Баденвейлере) и, должно быть, бесконечными рассказами, восхвалениями упорядоченной практической жизни в Германии утомил Л. Н.

Л. Н. (за чаем): Нынче были новобранцы. Один из них говорил все за государство (социалистическое). Государству можно служить, а за царя, веру — нет. Новиков говорил про школы, у них все мужики грамотны, и баб половина... Ужасная темнота, и она вызвана церковностью и верой в чудеса. Он написал статью, я рекомендовал ее в «Русские ведомости». Пишет в ней, что надо обдумать, что учить. Раньше, чем мешки заготавливать, надо знать, что в них класть (на что они)... По полученным письмам видно, что есть такие среди крестьян, в которых свет проник, но их мало, малый процент.

Дунаев: Не процент, а десятая процента.

Л. Н. согласился. Народа 100 миллионов, а он получает одно-два таких письма в день.

Л. Н. еще рассказал, что говорили о потребительской лавке и не пригласить ли туда в члены священников. Тот яснополянский новобранец (социалист) сказал, что нет. «Это оттолкнет крестьян». Дунаев подтвердил, крестьяне в практических делах не любят вмешательства священников.

Л. Н. был, очевидно, утомлен разговорами. Я вынул перевод наброска Грегора (Тайовского): «Незаметные богатеи» *². Л. Н. спросил, что это я хочу прочесть? Я предложил и прочел вслух. Перевод очень дословный, негладкий, но легко понятен.

Л. Н.: Слишком много подробностей. Смерть его лучше, а рассказ хуже (переданы).

22 октября. Л. Н. не поехал верхом, потому что подлипают. Гулял. За обедом Л. Н. беседовал с Дунаевым о «Понятии бога» П. П. Николаева: — Это человек, который 14 лет работал над этой книгой. Это человек совершенно одинакового мировоззрения с нами, огромной эрудиции.

Дунаев принес книгу «Preussische Jahrbücher», August 1910, где статья: D-r phil. Karl Roetzel (Moskau): «Humanität und Rechtbewusstsein im heutigen Russland».

Л. Н. сказал о ней, что из статьи немца следует, что чувство гуманности у русских сильно, а к праву никакого уважения нет. Это очень верно. Это очень характерная черта, на ней отчасти держится деспотизм. От этого весь народ смотрит на Думу, как на игрушку, а западные народы Думы уважают.

Л. Н.: Нынче в газетах: в Бельгии прием Вильгельму — подобен приему нашего царя в Германии, только в меньшей мере **, так как Вильгельм недолго там оставался.

Л. Н.: Я вспоминаю о статье какой-то. В ней очень хорошо высказано, как религии, католическая и протестантская, отжили и как тщетны попытки их удержать.

Дунаев сказал, что во всей западной Германии среди протестантства брожение за унитаризм. На какой-то сходке 800 пасторов: 300 из них

* Как умирает старичок-дротарь (ремесленник изделий из проволоки).

** т. е. прием был не энтузиастический, а холодный.

высказались за унитарянство и против символа веры. К ним присоединились 27 членов Синода. Большинство Синода ортодоксально.

Л. Н. на это сказал, что на этом остановиться нельзя. Ведь тут еще отношение к Евангелию (взгляд на него как на священную книгу надо изменить).

Вернулся Булгаков (из Москвы, пробыл десять дней); с ним пришел Радынский. Булгаков рассказал про свою лекцию — о вреде университетского образования и о своем выходе из университета — перед 250 слушателями¹. Удалась, была выслушана внимательно и с сочувствием. После нее состоялась живая дискуссия.

Л. Н. спросил, есть ли интерес к религии? (Потом спросил Булгакова о его уходе из университета. Булгаков просто заявил, что он не может продолжать это дело.)

Л. Н.: Так у вас впечатление, что Москва живая?

Булгаков: Нет, пустая. Суета, театры, лекции о 606². Только у Соломахины — живая. Он ходит в трактир «Яму» и оттуда забирает к себе домой публику (анархистов, сектантов).

Л. Н. стал играть в шахматы с Радынским.

Софья Андреевна сегодня два часа говорила с Дунаевым, представлялась ему страдальницей и прикидывалась сумасшедшей; говорила так искусно bestолково, что Дунаев поверил ей, что она сумасшедшая. От этого напряженного разговора привела сама себя в возбужденное состояние, а потом и вечером без удержу перебивала беседу и, очень вероятно, ночью и завтра будет тревожить Л. Н., как прошлый раз после такого же разговора и самовозбуждения с Долгоруковым.

Она говорила Дунаеву, что если Л. Н. увидится с Чертковым, она себя убьет. Софья Андреевна еще и еще говорила, что от Л. Н. больше никогда ни на день не уедет, потому что он без нее может умереть. Дунаев ей на это: «Скорее может случиться, что при вас от вас умрет». — «Пусть умрет!» — ответила Софья Андреевна.

Л. Н. решил не кончать статью о социализме. Может быть, опротивело дальнейшее писание, может быть, из-за телеграммы, появившейся в «Русском слове», будто он кончил эту статью и отослал ее чешским народным социалистам. Если это так, то отчасти я виноват, потому что сказал Куприянову, что Л. Н. пишет такую статью. Надо очень воздерживаться от сообщений журналистам.

Софья Андреевна напала на меня, что я внушил Л. Н. писать эту статью и что надо ему дать свободу выбирать, что писать, а он склонен к писаниям художественным. Так волновалась и повторяла эту жалобу на мое (и особенно чертковское) указание Л. Н-чу, что писать, что Л. Н. объяснил, что он шутя сказал, будто пишет эту статью, чтобы удовлетворить Душана Петровича.

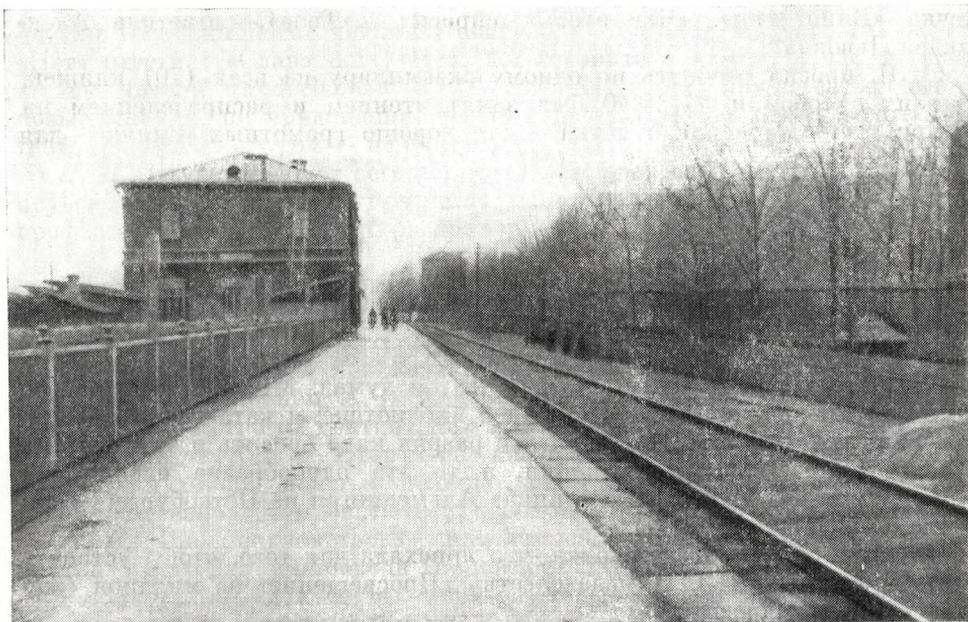
Л. Н. говорил о письме Трегубова к нему³ и об ответе его (важно!).

Л. Н. сказал, что если бы не было общины и не возник бы вопрос, как им поступить с несогласными, исключать ли их, и каждый старался бы достигнуть непротивления, а не осуждения и не исключения...

Л. Н. говорил, что сегодня читал часть Нагорной проповеди. Лишнего много, тяжело читать. Написано хуже Достоевского. В этих четырех Евангелиях нашли меньше чепухи, чем в остальных, и сделали их Священным писанием. Замечательно идолопоклонство к словесному выражению (к Евангелию). Очевидно (становится), как оно разрушается.

Л. Н. (о Новикове): Умный, сильный человек.

Л. Н. беседовал вынужденно, чтобы занимать Дунаева и чтобы оказать внимание Радынскому. Софья Андреевна была очень благодарна Дунаеву, что навестил. Звала опять. Она теперь хочет Л. Н. развлекать и для этого зовет гостей, чтобы заменить ими Черткова.

СТАНЦИЯ АСТАПОВО

7—8 ноября 1910 г.

Фотография А. И. Савельева

«В 6.35 приехали в Астапово. Я поспешил к начальнику станции... сказал ему, что в поезде едет Л. Н. Толстой, он заболел... попросил принять его к себе». — Запись от 31 октября 1910 г.

23 октября. Пополудни приезжали за мной в Судаково (к Туле). Я не поехал. В 2.30 пришел Л. Н., спросил, поеду ли верхом. Ездили на Лихвинскую железную дорогу. В Засеке услышали шум, крик, визг, свист. Направились туда. Нашли цепь около 50 солдат, которые делали облаву на лисиц. Л. Н. расспросил их и выразился: «Неумело, ничего не могут так...»

Когда вернулись назад, даже поклонился:

— Благодарю вас, что со мной ездили. (Я понимаю это так: Л. Н. догадался, почему я отказался съездить к больному, и хотя узнал, что я дал нарочному письмо к врачу в Тулу, все-таки сознавал, что мне тяжело было отказать.)

Авиатор Ефимов, наверно вызванный П. А. Сергеенко, спросил телеграммой, может ли приехать. Отвечено ему, что нет¹.

Софья Андреевна нашла корректуру — два листа — статьи Л. Н. «О современном человечестве». Никто не помнит, какая это может быть статья².

Л. Н.: Н. Н. Гусев пишет о Достоевском, возмущен им, выписывает места, где он оправдывает войну, наказание, суды...³ Какое несерьезное отношение к самым важным вопросам! У меня было смутное сознание нехорошего у Достоевского.

После обеда Александра Львовна позвала Л. Н. осмотреть «свое хозяйство». В ремингтонной показывала в шкапе книги Л. Н. для рассылки и пачки книжечек копеечных изданий «Посредника», выписанных ею на свои деньги, для раздачи — около 70 разных книжечек. Любовалась ими. Л. Н. пересматривал их с большим интересом. Попалась ему кни-

жечка «Вино — яд». «Чье это?» — спросил. — «Твое», — ответила Александра Львовна⁴.

Л. Н. просил отобрать по одному экземпляру из всех (70) книжек, взял их с собой и до 10.40 был занят чтением и распределением на четыре кучки. Красная отметка — для хорошо грамотных. Синяя — для малограмотных.

4 — низший сорт.

3 — недурные.

2 — хорошие.

1 — очень хорошие.

1—3 надо будет сызнова и сызнова выписывать. 4-й раздать тем, которые просят книжек для продажи⁵.

24 октября.

Л. Н. (утром): Я нынче ночью об этом думал. Мне нужны еще все другие книжечки, которые в Народной библиотеке, и каталог «Посредника». Я их все пересмотрю. Четвертый разряд надо бросить и заменить их книжечками веселого содержания, а то это однообразие наскучит.

Приехала издательница «Родника» Альмединген из Петербурга в роли комиссионерши.

Александра Львовна говорила, что приехала для того, чтобы устроить продажу сочинений Л. Н. издательству «Просвещение» за миллион (желание Софьи Андреевны⁴).

Приехал Гастев из Майкопа. За завтраком Альмединген с Л. Н. о ее отце и их семье, о двух детских журналах и показывала ихние другие издания для молодежи. Много в них картинок.

Л. Н. говорил об огромном количестве печатаемого:

— А уж картинки!.. Ужас какая картинка на обложке «Upe vie» Maupassant. Прошу, Душан Петрович, послать эту книгу назад (прислал ее «Посредник» или, может быть, П. А. Сергеев)...

Л. Н. (в разговоре с Альмединген): Это удивительно — эти картинки, какое количество бумаги идет под картинки! Тут-то ясно видишь, какова эта литература с двух концов, какой она может вред приносить. Надо бы ее пересмотреть. Десяток людей <нужны>, чтобы взяться отобрать... Это работа на года... Трудно себе представить, когда смотришь на всю литературу, как в ней разобраться... Например, «Посредник», в нем есть книжки хорошего направления, а есть отвратительные... Пусть будут анекдоты, сказки, бессодержательные рассказы, путешествия. Я вчера посмотрел 80 книжек... В том числе Семенова (избранные) рассказы². Очень хороши... Главное, так это огромно, объять как? Невозможно. Нет того отношения (издателей, читателей) к этому делу, как оно должно быть... Если бы это не было денежное дело... Руководятся денежным делом... Я думаю, это должно кончиться (т. е. издание ради наживы).

Альмединген: Но ведь «Посредник» — не денежное дело.

Л. Н.: Как! Раз продается, так оно денежное. Как и преподавание, когда оно денежное, никуда не годится³. Я получил письмо от студента, чему их обучают...

Софья Андреевна с Альмединген наедине много говорили.

Л. Н. знает, зачем здесь Альмединген, и он утрюм.

Варвара Михайловна говорила мне, что если Софья Андреевна продаст сочинения, то Л. Н. сейчас же пошлет письмо в газеты, что никто из его семейных не имеет прав на его сочинения⁴.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Булгаков, Гастев, Альмединген.

Л. Н. нынче почтой получил целую гору писем, книг... ведь это не только в деле детской литературы, а во всем. Булгаков говорил о том, как после лекции его спрашивали студенты: «А вы читали Менгера?»

читали Петражицкого? читали Писарева?» Булгаков жалует, что вместо «Нет» ответил: «Слава богу, нет». Вы говорите о химии, и вас спросят: «А вы читали Sanderlend?» Л. Н. говорил, что в науке все новые и новые мнения, не признающие мнений других. Что в одном месте считается наукой, в другом — не считается.

Л. Н.: Студент пишет сегодня, что один профессор заставил его усумниться в справедливости принципа непротivления злом злу, а другой профессор убеждает его, что разврат полезен ⁵.

Л. Н.: В «Речи» о братце Иоаннушке. Очень хорошо описана беседа его, не с Трегубовым, а с Кондурашкиным. Удивительна, но часто говорит глупости ⁶.

Гастев рассказывал про казака Остахова, бывшего два раза (второй раз вместе с товарищем, А. Я. Елисеевым) у Л. Н. ⁷ Первый раз он был у Чертковых, он строгий сектант, там видел — барышни смеются, и никакой строгости, и он убежал. Второй раз он пошел, думая как сектант, что руководить духовной жизнью должна какая-нибудь голова (думал: «Вы, Лев Николаевич»). Им, сектантам, необходим руководитель.

Л. Н.: Идолопоклонство... у малеванцев, духоборцев даже и Иоанна-братца, у него длинная борода (поповская одежда).

Гастев (Л. Н-чу): А вы Остахову сказали, что вы — грешный, что нет человека совершенного, даже Христос не был совершенен. «Это нас убило», — сказал он. Шли три дня убитые, потом стали читать книжку и сразу узнали, вышли на двор и заплакали.

Разговор о Сютяеве. Л. Н. уговаривал Гастева написать свои воспоминания о Сютяеве ⁸.

Л. Н.: Он (Сютяев) дожил до этой полной свободы, для которой в жизни нет стеснений.

Гастев подчеркивал любовь, миролюбие и веселость Сютяева. Первые слова Сютяева к Гастеву: «Дом строить не на песке; любовь, мир, радость, веселие должны быть в твоей жизни».

Л. Н. очень интересовался воспоминаниями о Сютяеве. Лицо его сияло тихим восторгом и радостью. Гастев вспомнил, что Сютяев рассказывал: «Был у меня Пругавин».

— Ну что?

— Он не понимает.

Л. Н. (Гастеву). Самые наивные атеисты, материалисты мне несравненно ближе, чем, эти Соловьевы (Владимир).

Гастев рассказал про Соломахина в Москве — учреждает вегетарианскую столовую для народа, обед в шесть копеек.

Л. Н. (по поводу Сютяева): Интеллигенты не замечают, что рядом с ними в народе духовная жизнь идет.

Он сегодня написал Новикову, что если бы действительно случилось, что он приехал бы к нему (Новиков зовет Л. Н. посетить его уже много лет), не нашлась ли бы для него хоть маленькая, но теплая изба, в которой мог бы дольше пожить? ⁹)

25 октября. Уехали Гастев и Альмединген (ночью), Л. Н. с ней вечером много говорил об их (Альмединген) детских изданиях. Вечером был Сергей Львович (я с 4.45 пополудни до следующего дня был у больных).

Л. Н. сегодня утром и после полудня ходил вместе с Альмединген в школу, утром послал в школу «Солнышко» (11 №№, издание Альмединген) и в 2 ч. ходил узнавать от учителя, понравилось ли чтение этих книг.

Верхом с Л. Н. к усадьбе за Грумантом. Л. Н. спрашивал, не отдадут ли ее под квартиру Страховым. Л. Н. там (по крайней мере с тех пор, как сад существует и усадьба) «никогда не был».

Мы догнали детей, идущих домой из яснополянской школы. Один семи лет из Угрюмской казармы; Л. Н. посадил его за собой на Делира, чтобы подвезти. Но Делир стал биться. Надо было снять мальчика.

26 октября. Л. Н. слаб. Верхом с Л. Н. к Марии Александровне. Л. Н. жаловался, что его беспокоят: Софья Андреевна постоянно вбегает к нему, смотрит, что он пишет, выслеживает его и подозревает, что он от нее что-то скрывает.

Л. Н. говорил Марии Александровне о том, что сегодня писал Горбуну о его изданиях.

Л. Н. говорил о массе книг, которая печатается, и сказал, что кто-то вычислил, что, если дети будут продолжать рождаться так, как до сих пор, и будут меньше умирать, то в продолжение некоторого времени люди будут плечо о плечо стоять на земле. Так и книг скоро будет куча до неба (если их будут печатать в той же мере). Необходимо отбирать хорошие.

Л. Н. хвалил Гастева и его хороший рассказ о Сютаеве (лучше, чем описание Пругавина) ¹.

Когда возвращались, Л. Н. обошел одно поле, которым раньше проехали, сказав:

— Я дурной поступок совершил, что проехал по зеленым. Это теперь уже не следует по этой грязи (делать).

Софья Андреевна сегодня читала статью Л. Н. «Пора понять». Решила исключить ее целиком, как и «Исследование и перевод 4-х Евангелий» и много другого из 20-томного Полного собрания сочинений ². Прочее же как цензурует! Пропускает слово: «Синод», своевольно изменяет. Разумеется, не обозначая мест, пропущенных ею.

Вечер. Л. Н. с Андреем Львовичем. Андрей Львович рассказал о своей службе «оценщика имений», покупаемых крестьянским банком. Л. Н. говорил о наших обязанностях к крестьянам, которые нас кормят.

В 11 ч. срочная телеграмма от Марии Николаевны, жены Сергея Львовича: где он? слухи, беспокоится.

Андрей Львович объяснил Л. Н., что Сергей Львовича вызвал Сумароков на дуэль, обидевшись из-за охоты на волчий выводок в его лесу. Причастный же Михаил Львович вызвал Сумарокова ³. Софья Андреевна предполагала, что, может быть, проигрыши в карты дошли до сведения Марии Николаевны и тревожат ее.

Л. Н. ча очень расстроил этот случай. Не высказал, но видно было по его озабоченному лицу. Поскорее ушел к себе. Когда я в 12-м ч. зашел к нему в кабинет, сказал мне: «Как же не желать уйти, умереть?»

Сегодня обрадовала меня Александра Львовна подарком: Анны Константиновны и Александры Львовны новым портретом Л. Н. с его подписью: «Милому Душану от благодарного друга Льва Толстого. Ок<тябрь> 1910».

Ночью телеграмма, что Сергей Львович вернулся в Москву.

27 октября. Ехали молодым лесом по такой просеке, куда никогда не ездили, по просеке параллельно Лихвинской железной дороге между дорогами Жаров — Горюшино и Угрюмские казармы — Горюшино. Приехали к оврагу. Я посоветовал слезть, провел лошадей, а Л. Н. с большим трудом, отдыхая, медленно перелез. Когда подошел к лошади, очень задыхался. Заметил, что мог бы и верхом на лошади проехать овраг.

Софья Андреевна сегодня говорила Варваре Михайловне, что она согласна «допустить» Черткова в дом и быть с ним такой, какая была, если ей выдадут дневники с 1900 г. до теперешних. Но Л. Н. ча к Черткову не пустит, а то Чертков пригласит нотариуса и внушит Л. Н. написать завещание.

Л. Н. говорил Александре Львовне, какая тяжелая обстановка в доме: не будь ее (Александры Львовны), уехал бы ¹. Итак, он наготове. Вчера меня спрашивал, когда утром идут поезда на юг.

Вчера говорил Марии Александровне, а перед этим нам, что уже четыре месяца ему не работается, т. к. Софья Андреевна то и дело вбегает, подозревает какие-то тайны, писанные и говоренные.

За обедом читали в «Новом времени» от 23 октября заметки А. Столыпина о лекции Булгакова ². В них ни слова о том, о чем Булгаков говорил.

— У Булгакова сомнение поднимется после этой статьи Столыпина, — говорил Л. Н.

Л. Н. рассказал, что в «Звезде» обратительные письма священника к нему и его ответы — письма.

Л. Н. заметил:

— В «Русское слово» переслать.

Должно быть, это письма тульского священника Троицкого и два ответа Л. Н. ³

28 октября. Утром, в 3 ч., Л. Н. в халате, в туфлях на босу ногу, со свечой, разбудил меня; лицо страдальческое, взволнованное и решительное. Сказал мне:

— Я решил уехать ⁴. Вы поедете со мной. Я пойду наверх, и вы приходите, только не разбудите Софью Андреевну. Вещей много не будем брать — самое нужное. Саша дня через три за нами придет и привезет, что нужно.

Сказав это, Л. Н. ушел к себе наверх.

Я, во-первых, уложил свои вещи, а потом пошел к Л. Н.; с ним встретился за дверьми моей комнаты. Опять он шел со свечой, уже одетый.

— Я вас ожидал, — сказал мне Л. Н.

Слышно было в голосе, что я ему был нужен и опоздал. Л. Н. пошел будить Александру Львовну, а я поспешил в кабинет укладывать его вещи. Белье и некоторые вещи он сам себе приготовил. Вскоре Л. Н. вернулся. Он и ночью покоя не имеет, не высыпается. Нервен. Поцупал ему пульс — 100. Может, что приключится. Пришла Александра Львовна. Л. Н. и ее попросил помочь ему укладывать вещи, особенно рукописи.

Л. Н. был уже одет, и было уже написано письмо Софье Андреевне ⁵.

Л. Н., поговорив с Александрой Львовной, рассказал ей, что его побудило сейчас уезжать и куда поедет; предполагал в Шамордино; если в другое место, то уведомит ее телеграммой на имя Черткова с подписью *Т. Николаев*. Л. Н. вскоре вернулся наверх. Вещей, которые Л. Н. брал с собой, оказалось столько, что нужен был его большой чемодан, а его Л. Н. не хотел брать, боясь разбудить Софью Андреевну. Между спальнями Л. Н. и Софьи Андреевны было три двери, которые Софья Андреевна на ночь отворяла, чтобы лучше слышать Л. Н. из своей комнаты. Все эти двери Л. Н. закрыл, чемодан без шума достал.

Вскоре за ним пришла Александра Львовна, и ей Л. Н. дал спрятать рукописи. Л. Н. был встревожен, неспокоен. Искал еще некоторые нужные ему вещи: записные книжки, перо, книгу П. П. Николаева, которую он тогда читал: «Понятие о боге», и др. Вскоре сошел вниз и, переговорив с Александрой Львовной, ушел, торопясь в кучерскую, которая была в некотором расстоянии от дома, будить кучера — закладывать лошадей. Еще не было 5 ч. утра. Ночь была темная, и Л. Н. заблудился, свернув с дорожки через яблочный сад, потерял шапку. Долго ее искал с электрическим фонарем и не нашел. И так, без шапки, дошел до кучерской, разбудил Адриана Павловича.

Когда мы кончили укладывать вещи, оказалось их очень много: большой дорожный чемодан и еще большая связка — плед, пальто, корзинка. Александра Львовна, Варвара Михайловна и я, мы понесли их на конюшню, чтобы там садиться и ехать, а не от дома, из боязни разбудить Софью Андреевну.

Было сыро, грязно, мы едва несли тяжелые вещи. На полдороге встретили Л. Н. с фонариком. Он рассказал, как потерял шапку; у меня в кармане была другая его шапка. Дошли по грязи до каретного сарая, где кучер кончал запрягать, Л. Н. вернулся и помог ему. Л. Н. торопил с отъездом. Уложили вещи. Л. Н. накинул на ватную поддевку армяк, простился с Александрой Львовной и Варварой Михайловной, и мы поехали на станцию Щекино. Кучер, из-за грязи, предложил конюху с фонарем ехать впереди прямо на шоссе, но Л. Н. предпочел через деревню.

В некоторых избах уже светился огонь, топились печи. На верхнем конце деревни у Фили развязались поводья. Остановились. Я сошел с пролетки, отыскал конец повода, подал ему и тут посмотрел, накрыты ли у Л. Н. ноги. Л. Н. почти закричал на меня; тут вышли мужики из изб. Выхав из деревни на большак, Л. Н., до сих пор молчавший, грустный, взволнованным, прерывающимся голосом сказал, как бы жалуюсь и извиняясь, что не выдержал, что уезжает тайком от Софьи Андреевны, и рассказал о толчке, побудившем его уехать: Софья Андреевна опять входила в его комнату; он не мог заснуть; решил уехать, боясь нанести ей оскорбление, что было бы ему невыносимо. Потом Л. Н. задал вопрос:

— Куда бы подальше уехать?

Я предложил в Бессарабию, в московскому рабочему Гусарову, который там живет с семьей на земле, там же Александри. «Только туда долго ехать, — прибавил я, — не из-за расстояния, а из-за медленного хода поезда и сообщения». Л. Н. ничего не ответил. Гусарова и его семью хорошо знает и любит.

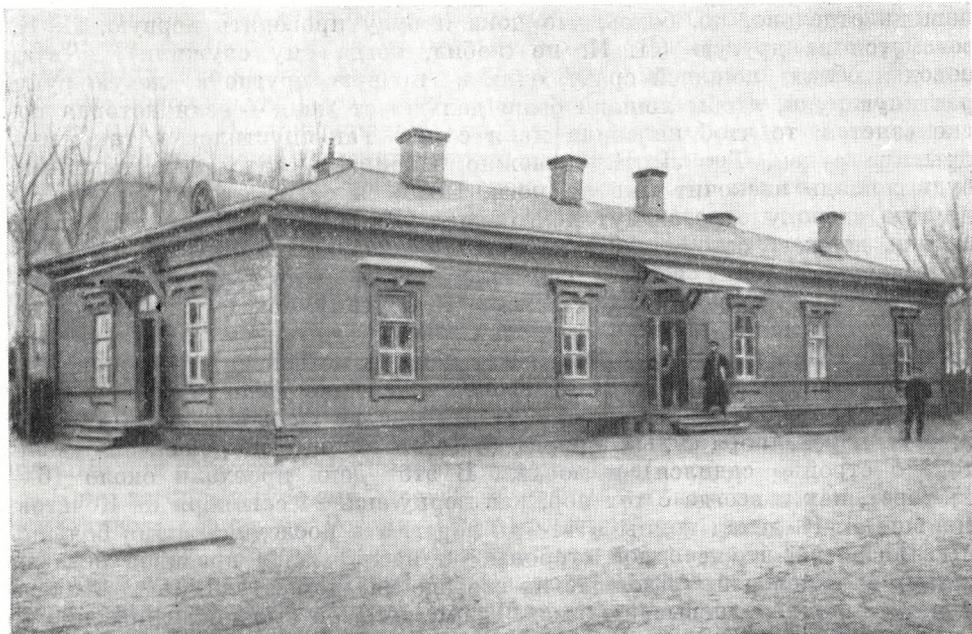
По пути в Щекино голова у Л. Н. озябла, а я надел ему вторую шапку поверх первой.

Л. Н. вспомнил, что в «Утренней звезде» есть его письмо к священнику с ответом священника. Удивлялся, как это напечатали — смело. Было бы хорошо оттуда перепечатать в газеты*.

Решили, что на станции Щекино я узнаю поезда и есть ли сообщение в Козельск. Л. Н. сказал, что поедет в Горбачево во втором, а дальше в третьем классе, и предложил ехать на Тулу и оттуда вернуться.

Приехав в Щекино (оказалось, до отъезда поезда в Тулу 20 минут, в Горбачево — полтора часа), Л. Н. вошел первым на станцию, я с вещами после, и он прямо спросил буфетчика, есть ли сообщение в Горбачево на Козельск. То же самое спросил и в канцелярии дежурного. Л. Н. позабыл не выдавать, куда едем; потом еще спрашивал, когда опять идет поезд на Тулу, и предлагал в него сесть. Л. Н., во-первых, хотел скрыть следы (но ведь в Туле его узнают и на обратном пути через Засеку, Щекино многие узнают, что в поезде едет Толстой), а, во-вторых, не хотел долго ждать в Щекине на станции — боясь, что может настигнуть его Софья Андреевна. Я отсоветовал ехать в Тулу, т. к. не успеем там пересесть. Я купил билеты в Горбачево. Думал ехать на другую станцию, но было неприятно лгать, да и казалось бессмысленным, потому что предполагал, что удержать в тайне местопребывание Л. Н. не удастся. Я перекладывал вещи, писал Булгакову, Александре Львовне⁴, вернул

* Исполнено³.

ДОМ НАЧАЛЬНИКА СТАНЦИИ АСТАПОВО И. И. ОЗОЛИНА (СТОИТ НА КРЫЛЬЦЕ)

Ноябрь 1910 г.

Фотография

свое пальто, т. к. их оказалось много у Л. Н.* Когда подали сигнал, что поезд подходит, Л. Н. был в 400 шагах от вокзала, гулял с мальчиком-учеником. Я побежал ему сказать и предупредить, чтобы он не спешил, что поезд будет стоять четыре минуты. Л. Н. сказал:

— Мы вместе с мальчиком поедем.

Л. Н. сел в отдельном купе в середине вагона второго класса. Вынув подушку, я устроил так, чтобы Л. Н. прилег.

Когда Л. Н. уселся в вагоне и поезд тронулся, он почувствовал себя, вероятно, уверенным, что Софья Андреевна не настигнет его; радостно сказал, как ему хорошо. Я ушел. Л. Н. остался сидеть. Когда я через полтора часа заглянул в купе, Л. Н. еще сидел; он немного поспал; спросил «Круг чтения» почитать. Его не оказалось, и «На каждый день» не было.

Л. Н. был молчалив, говорил мало, о чем — не помню, и был очень утомлен. Тревожна и утомительна была вчерашняя поездка наша верхом с Л. Н. Вчера перед нашей верховой поездкой я стоял с двумя дождавшимися Л. Н. бабами, которые пришли просить на погорелое место или на бедность; когда он вышел, подали ему удостоверение из волостной, но Л. Н., будучи чем-то расстроен, не поговорил с ними и не подал им ничего, чего почти никогда не делал, по крайней мере, я не помню. Попали на просеку в молодом лесу, почти параллельно с Лихвинской дорогой, по эту сторону ее. Приехали к глубокому оврагу с очень крутыми краями. На замёрзшей земле лежал тонкий слой снега, было скользко. Я посоветовал Л. Н. слезть с лошади; он послушался, что так редко бывало. Овраг был очень крутой, и я хотел провести каждую

* Я еще не знал, что уезжаем из Ясной навсегда, я думал — только на несколько недель.

лошадь отдельно, но, боясь, что пока я буду проводить первую, Л. Н. возьмется за другую (Л. Н. не любил, когда ему служили), я взял поводья обеих лошадей сразу, одни в правую, другие в левую руку, растянув руки, чтобы лошади были дальше от меня — если которая поскользнется, то чтоб не сбила меня с ног. Так спустился и так перепрыгнул ручей. Тут Л. Н. тревожно вскрикнул, боясь, что какая-нибудь лошадь наскочит мне на ноги. Потом я со взмахом поднялся на другую сторону оврага. Тут долго ждал. Л. Н., засучив за пояс полы свитки, держась осторожно за стволы деревьев и ветки кустов, спускался. Сошел к ручейку и, сидя, спустился, переполз по льду, на четвереньках выполз на берег, потом, подойдя к крутому подъему, хватаясь за ветки, поднимался, отдыхая подолгу, очень задыхался. Я отвернулся, чтобы Л. Н. не торопилась. Желал ему помочь, но боялся его беспокоить; наверно отказался бы. Когда он вышел и, тяжело дыша, подошел к лошади, я попросил Л. Н. отдышаться, сейчас не садиться, но Л. Н. тут же сел, перевалился сильно вперед (чего он никогда не делал, он удивительно стройно садился) и поехал. В этот день проехали около 16—18 верст, как и всегда с тех пор, как вернулись 24 сентября из Кочетов. Раньше Л. Н. делал концы в 11—14 верст, а в последнее время больше. Мне казалось, что, с одной стороны, он наслаждался красивой осенью, с другой — желал быть дольше на свободе вне дома. И Л. Н. уезжал из дома утомленным, невыспавшимся. Кроме того, он был последние четыре месяца в напряженном, нервном состоянии. Чапа терпеливого страдания переполнялась часто.

Я согрел кофе, и выпили вместе. После Л. Н. сказал:

— Что теперь Софья Андреевна? Жалко ее.

Прошлые разы, когда Л. Н. ездил в Кочеты, он в вагоне диктовал или записывал. На этот раз — нет; сидел, задумавшись. Потом заговорил о том, о чем говорил в пролетке.

Доехали до Горбачева. Л. Н. еще в пролетке сказал, что от Горбачева поедет в третьем классе. Перенесли вещи в поезд Сухиничи — Козельск. Оказался поезд товарный, смешанный, с одним вагоном третьего класса, который был переполнен, и больше чем половина пассажиров курила. Некоторые, не находя места, с билетами третьего класса переходили в вагоны-теплушки.

— Как хорошо, свободно! — сказал Л. Н., очутившись в вагоне*.

Вещи внесли в вагон, и Л. Н. уселся в середине вагона. Я, не сказав ему ничего, боясь, что он не согласится, пошел хлопотать, чтобы из-за переполненности прицепили еще один вагон третьего класса. Я понаблюдил к начальнику вокзала Московско-Курской ж. д., сказал ему, что вагон переполнен, надо прицепить другой, что среди пассажиров

* Жалею, что я тогда ушел, не поговорив с Л. Н. Я не знал, что он уезжает совсем, навсегда, я не знал о письме, которое он оставил Софье Андреевне. Л. Н. вечером сказал Александре Львовне, что утром уедет, но я об этом узнал после. Когда Л. Н. разбудил меня, я думал, что едем в Кочеты. Л. Н. мне так говорил дня три, шесть и 20 дней тому назад. Я и не взял с собой всех денег. Только когда Л. Н. при прощании с Александрой Львовной сказал ей, что поедет к Марии Николаевне, а если в другое место, то телеграфирует ей, и чтобы она приехала через два дня за ним, и когда в коляске Л. Н. стал советовать, куда нам ехать, тогда я понял, что Л. Н. едет не в Кочеты и не на четыре недели, а на неопределенное время, навсегда из дому и что не хочет, чтобы Софья Андреевна знала, куда поехал, и за ним поехала. О письме, которое он ей оставил, я узнал после из газет. Я думал, что Л. Н. уезжает на месяц от Софьи Андреевны в такое место, куда она за ним не поедет, где не скоро отыщут его, — пока в Шамордино, а оттуда дальше. Знай я, что он совсем уезжает, я бы настаивал на поездке в Бессарабию или за границу.

Скрыться надолго нельзя было. Но мы хотели два-три дня выгадать, чтобы Софья Андреевна не достигла нас, пока не выедем за границу и там не оседем в глухом месте, в таком, куда Софья Андреевна не поедет.

Л. Н. Толстой; тот меня направил к начальнику Смоленского вокзала. Найдя его, повторил ему свою просьбу, но он указал мне на дежурного. Я попросил помочь мне найти его, что начальник охотно сделал. Но дежурного долго не удавалось найти; оказалось, что он был внутри вагона, разглядывал Л. Н., которого публика узнала. Это опять был не тот, у которого есть права; он отыскал второго дежурного, тоже в вагоне разглядывавшего Л. Н. Я ему повторил свою просьбу. Он как-то неохотно и нерешительно (процедив сквозь губы) сказал железнодорожному рабочему, чтобы тот передал обер-кондуктору распоряжение прицепить другой вагон третьего класса. Через шесть минут паровоз провез вагон мимо нашего поезда. Обер-кондуктор, вошедший контролировать билеты, объявил публике, что будет прицеплен другой вагон и все разместятся, а то многие стояли в вагоне и на площадках. Но раздался второй звонок и через полминуты третий, а вагона не прицепили. Я побежал к дежурному. Тот ответил, что лишнего вагона нет. Поезд тронулся. От кондуктора я узнал, что тот вагон, который было повезли для прицепки, оказался нужным для перевозки станционных школьников.

Наш вагон был самый плохой и тесный, в каком мне когда-либо приходилось ездить по России. Вход несимметрично расположен к продольному ходу. Входящий во время трогания поезда рисковал расшибить себе лицо об угол приподнятой спинки, которая как раз против середины двери; его надо было обходить. Отделения в вагоне узки, между скамейками мало простора, багаж тоже не уместается. Духота. Я хотел подостлать Л. Н. плед под сиденье, Л. Н. не позволил. Он в эту поездку особенно неохотно принимал услуги, которыми раньше пользовался.

Л. Н. вскоре вышел на переднюю площадку (чтобы освежиться); я за ним и просил его перейти на заднюю. Л. Н. вернулся, потеплее оделся (в меховое пальто, в меховую шапку, зимние глубокие калоши) и пошел на заднюю площадку, но тут оказалось пять курильщиков, и Л. Н. опять вернулся на переднюю, где стояло только трое, баба с ребенком и мужик. Л. Н. приподнял воротник и сел на свою палку с раскладным сиденьем. Мороз мог быть в один-два градуса. Через минут десять и я пришел туда спросить, не войдет ли в вагон, а то встречный ветер от движения поезда. Л. Н. ответил, что ему — ничего, как в верховой езде. Л. Н. там просидел на палочке три четверти часа (роковых три четверти часа!). Потом прилег на скамейку. Едва он прилег, как нахлынула толпа новых пассажиров и осталась стоять в продольном проходе, а против Л. Н. как раз женщины с детьми. Л. Н. спустил ноги, хотел им дать место и больше не лег. Я попросил двух парней встать и дать женщинам места, что они охотно сделали. Но Л. Н. уже не хотел больше лечь и оставшиеся четыре часа просидел и простоял, и из них четверть часа опять на передней площадке. Я осмотрел теплушки, думая, не пересест ли туда, но в них было грязно, сквозной ветер, окна и двери с обеих сторон настежь открыты.

Л. Н. разговорился с сидящим против него 50-летним мужиком из Дудинщины о его семье, хозяйстве, извозе и битье кирпича — делах, которыми он занимается. Л. Н. расспрашивал подробности этой работы. «Ein typischer Bauer»*, — сказал он мне про него. Мужик бойкий, смело говорил про водку, чья она, как у них производили экзекуцию за то, что лес рубили «до своей межи», и потом вышло так, что была признанной эта «их межа». Это рассказывал с сердцем на барина Б. Тут вмешался в разговор землемер и изложил историю возникновения экзекуции иначе, и о Б. говорил, что он был добрый человек. Мужик стоял на своем и смело опровергал землемера. Но этот тоже не уступал.

* «Типичный крестьянин» (нем.).

— Мы больше вас, мужиков, работаем, — сказал землемер.

Л. Н.: Это нельзя сравнить.

Потом, когда землемер стал оправдывать экзекуцию и выделение из общины, Л. Н. вступил с ним в пререкание; говорил, что не надо крестьян принуждать и соблазнять выделяться из общины.

Мужик громко одобрял, поддакивал Л. Н-чу, землемер спорил с ним. Потом землемер сказал:

— Я знал вашего братца, Сергея Николаевича.

Л. Н. вступил с ним в личный разговор. Оказалось, что землемер придерживался либеральных научных взглядов, был начитанным, умным, умеющим и любящим спорить из-за красного слова.

Землемер, когда с крестьянином вступил в спор, излагал дела крестьян с помещиком со своей точки зрения, по которой правда была за помещиком. Когда же спорил с Л. Н., хотел защищать свои взгляды и, чтобы отстоять их, готов был спорить бесконечно, и не для того, чтобы дознаться правды в разговоре. Не было заметно, чтобы он хотел услышать более правильный взгляд Л. Н. и внять ему. (Такое было мое впечатление; может быть, я ошибался.)

Он перевел разговор с «Единого налога» по Генри Джорджу и насилия — на Дарвина, на образование. Л. Н. сначала отвечал ему, объясняя верную точку, с которой надо смотреть на эти вопросы, а потом, когда дудинiec, одобряя речи Л. Н., перестал громко прерывать его (в то же самое время говорить, обращаясь к соседям) и когда в вагоне все затихло и прислушивались, Л. Н. стал говорить, излагать для всех, отвечая землемеру. Л. Н. был возбужден, привстал и так продолжал разговор, завладел вниманием всех в вагоне. Публика с обоих концов вагона подошла к среднему отделению, обступила и очень внимательно и тихо прислушивалась. Были крестьяне, мещане, рабочие, интеллигенты, два еврея, одна гимназистка, которая сначала прислушивалась и записывала разговор⁵, потом сама в него вступила в защиту науки, возражая Л. Н-чу. Л. Н. горячился. Как ни тихи были слушатели, все-таки надо было напрягать голос. Я несколько раз хотел его попросить перестать, возражения ему так и сыпались, но некогда было вставить мне слова. Говорили больше часу. Л. Н. попросил открыть дверь вагона и потом, одевшись, сам вышел на площадку. Землемер и гимназистка — за ним с новыми возражениями. Гимназистка, как пример пользы науки, показала Л. Н. на электрический фонарик, которым он себе посветил, ища рукавицу на полу вагона. Подъехали к Белеву, где землемер и гимназистка слезли.

Л. Н. тоже слез, пошел в буфет второго класса, где пообедал. Тут буфетчик и сидевшая за столом компания, очевидно, местных интеллигентов узнали его. Ресторатор и еще один человек очень внимательно-добродушно к нему отнеслись. Дверь из буфета в кассу третьего класса с железным краем страшно хлопала; Л. Н. следил за каждым, кто проходил в дверь, которая должна была хлопнуть, страдальчески напрягал мышцы лица, как будто готовясь принять удар после него, и побряхтывал.

Вернувшись в вагон, Л. Н. уселся на свое место против дудинца. Этот, узнав, что Л. Н. едет в Оптину Пустынь (Л. Н. расспрашивал про дорогу в Оптину Пустынь и в Шамордино и про расстояние), сказал Л. Н.:

— А ты, отец, в монастырь определись. Тебе мирские дела бросить, а душу спасти. Ты в монастыре и оставайся.

Л. Н. ответил ему доброй улыбкой.

Рабочий в конце вагона стал бойко играть на гармошке и подпевать. Пропел хорошо несколько песен. Л. Н. с удовольствием слушал и похвалялся.

— Я нынче, — сказал крестьянин, — с моим приятелем говорил; я ред-

ко ездю, в дороге народ шатается без дела, сколько человек находится в пути по железной дороге, как проводят время и курят, и семячки, гармошка. Я думаю, что там, где нет железных дорог, там люди меньше теряют времени в пути, чем там, где есть железные дороги, потому что здесь народ ездит без крайней надобности. Это приучает к безделью. Когда человек идет пешком.....*

Обратная сторона железной дороги.

Потом Л. Н. пожаловался на усталость — устал сидеть. Поезд очень медленно шел — 105 верст за 6 ч. 25 мин. (Эта медленная езда по российским железным дорогам помогала убивать Л. Н.)

В 4.50 доехали до Козельска. Л. Н. вышел первым. Когда я с носильщиком снес вещи в зал ожидания вокзала, Л. Н. пришел и сказал, что уже подрядил извозчиков в Оптину Пустынь, и повел нас; сам взяв одну корзинку, снес ее на бричку, нанятую под вещи.

Поехали с ямщиком Ф. И. Новиковым на паре в пролетке, за нами другой ямщик с вещами. Проехав город, они стали совещаться, ехать дорогой или лугами. Дорога была ужасная, грязная, неровная, и ямщики взяли с нее влево, через луга города Козельска; несколько раз приходилось проезжать канавы. Было не очень темно, месяц светил из-за облаков. Лошади шагали. На одном месте ямщик стегнул их, они рванули, и страшно трянуло, Л. Н. застонал. Это проехали через глубочайшую канаву на дорогу и тут же на мост. Потом въехали в ограду, за которой монастырские земли, дорога тоже тяжелая, да еще все время приходилось нагибаться, сторониться от ветвей старых лоз, очень низких вследствие того, что выгонки обрубают.

Л. Н. спрашивал еще в вагоне и теперь ямщика, какие старцы есть, и сказал мне, что пойдет к ним. Л. Н. спрашивал ямщика, в какой гостинице остановиться; тот посоветовал остановиться у о. Михаила, говоря, что там чисто.

Долго ждали, пока дозволился парома. Л. Н. обменялся несколькими словами с паромщиком-монахом и заметил мне, что он из крестьян.

Гостинник о. Михаил ** с рыжими, почти красными волосами и бородой, приветливый, отвел просторную комнату с двумя кроватями и широким диваном. Внесли вещи.

Л. Н.: Как здесь хорошо!

И сейчас же сел за писание. Написал довольно длинное письмо и телеграмму Александре Львовне³. В телеграмме сообщал, что здоров, ночует в Оптиной и адрес: «Подборки, Шамордино» и подписался *Т. Николоаевым*. Адресовал Черткову для Сашки. Сам вынес ее ямщику Федору, прося отправить, и подрядил его одного на завтра в Шамордино (нас свезти). Потом пил чай с медом (ничего не ел), попросил яблоко на утро и стакан, куда поставить самопишущее перо на ночь. Потом стал писать дневник⁴; спросил, какое сегодня число. Сказал, что утром пойдет погулять и к старцу пойдет. Говорил, что здесь (в Шамордине) жила Пелагея Ильинишна и что ездил к ней несколько раз¹⁰.

Искал разувальник, не оказалось. Я попросил позволить снять ему сапоги.

— Я хочу сам себе служить, а вы вскакиваете.

И сам с трудом снял сапоги.

Еще сказал, что, чем менее обслуживали бы его, тем проще (лучше) было бы жить, и добавил:

— Хочу до крайностей ввести простоту.

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Разговоры с о. Михаилом и др., сообщенные уже о. Эрастом в «Колоколе»⁶ и Ксюжиным в «Новом времени»⁷, — пропускаю.

Не желая нарушать привычку Л. Н.— спать одному в комнате, я сказал, что пойду спать в другую комнату, напротив в коридоре.

В 10 ч. лег.

У Л. Н. вид был не особенно усталый. Теперь, вечером, когда писал, больше обыкновенного торопился. Но зато днем не дорожил временем, как обыкновенно. Это мне бросилось в глаза. Весь день ни одной мысли не записывал. И в следующие два дня не дорожил временем (т. е. не использовал его для работы в той мере, как дома привык). Еще поразило меня, что не давал себе помогать (и дома неохотно принимал услуги, но сегодня и в следующие дни — куда неохотнее и совсем нет). И бережливость в расходовании денег. Л. Н. всегда старался платить за все настоящую цену, что трудно определить; не любил переплачивать.

Ночь была беспокойная, сначала от кошек, которые бегали по коридору, прыгали на мебели, расположенные как раз у стены, за которой спал Л. Н., раскачивали их, стуча. Потом выходила в коридор выть женщина, у которой сегодня помер брат, монах-лавочник. Она же рано утром вошла к Л. Н. просить устроить ее малюток и припала к его ногам, что Л. Н. всегда было тяжело.

29 октября. Л. Н. из комнаты вышел в 7 ч. утра. В коридоре встретил его А. П. Сергеенко, приехавший рассказать о Софье Андреевне, как она отнеслась к уходу Л. Н.; о том, какие предположения высказывают о месте пребывания Л. Н. после того, как разузнали на железной дороге, куда брали билеты; что, по распоряжению губернатора, будет полиция (сыщики) следить за дальнейшим путем Л. Н.; что прибегнут к губернатору; что, по его распоряжению, Л. Н. разыскивают (полиция).

Потом Л. Н. стал диктовать Сергеенко часть статьи против смертной казни. Чуковский затеял ряд.....* и просил и Л. Н. Вот ответ: «Действительное средство». Заключительные слова этой последней статьи Л. Н. такие: «И потому, если мы точно хотим уничтожить заблуждение смертной казни и, главное, если имеем то знание, которое уничтожает это заблуждение, то давайте же будем, несмотря ни на какие угрозы, лишения и страдания, сообщать людям это знание, потому что это единственно действительное средство борьбы»¹.

К А. П. Сергеенко Л. Н. был очень внимателен (расспрашивал его и рассказывал ему)**. При нем сказал, что к старцам не пойдет.

А. П. Сергеенко спросил Л. Н.:

— Монастырская обстановка вам не противна?

— Напротив, приятна,— ответил Л. Н.

В Оптиной Л. Н. был спокоен и был не прочь там остаться. В дальнейшем разговоре же при нем (Сергеенко).....***

На вопрос, как спал, ответил, что плохо; оттого не спал, что нервы у него возбуждены.

Л. Н. оставил Сергеенко переписать статью и записать данные о вдове-просительнице и вручить ей письмо Л. Н. к его родне, которую просил помочь ей³. Л. Н. пошел гулять. Когда выходил из комнаты, сказал:

— Как хорошо, что не надо прятать, замыкать.

Л. Н. ходил гулять к скиту. Подошел к его юго-западному углу. Прошел вдоль южной стены (мне так сказал рабочий, слышавший от товарищей) и пошел в лес.

Вернувшись, продолжал разговаривать с А. П. Сергеенко и пошел пить кофе. Потом написал письмо Александре Львовне и, кажется, Чертко-

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

** Разговор с Л. Н. и вообще этот день подробно описан А. П. Сергеенко².

*** Пропуск в подлиннике.— Ред.

ву, и, может быть, еще что-нибудь писал⁴. (Я в это время ездил в город Козельск.)

В 12-м ч. Л. Н. опять ходил гулять к скиту. Вышел из гостиницы, взял влево, дошел до святых ворот, вернулся и пошел вправо, опять возвратился к святым воротам, потом пошел и завернул за бапню к скиту.

О. Пахомий стоял у ворот своей гостиницы. Он услышал, что Л. Н. в Оптиной Пустыни, и вышел, чтобы его увидеть. О. Пахомий с метелкой подметал; увидев Л. Н., догадался, что это он. Он ему поклонился, Л. Н. ответил поклоном и подошел к нему, спросил его:

— Это что за здание?

— Гостиница.

— Как будто я тут останавливался. Кто гостинник?

— Я, отец Пахомий грешный. А это вы, ваше сиятельство?*

— Я — Толстой Лев Николаевич. Вот я иду к отцу Иосифу, старцу, и боюсь его беспокоить; говорят, он болен.

— Не болен, а слаб. Идите, ваше сиятельство, он вас примет.

— Где вы раньше служили? (Л. Н. догадался, что он из солдат и простой, неграмотный монах.)

Тот назвал какой-то гвардейский полк в Петербурге.

— А, знаю, — сказал Л. Н. — До свидания, брат. Извините, что так называю. Я теперь всех так называю. Мы все братья у одного царя.

В руках у него была палка с раскладным сидением. Он отправился к о. Иосифу**.

Л. Н. пошел к скиту. Подойдя к святым воротам, повернул вправо, в лес.

Вернувшись, вошел ко мне и сказал, где гулял (около скита):

— К старцам сам не пойду. Если бы сами позвали, пошел бы.

У Л. Н. видно было сильное желание побеседовать со старцами***. Вторую прогулку (Л. Н. утром по два раза никогда не гулял) я объясняю намерением посетить их. Л. Н. в это же утро сказал знакомому монаху о. Василию, что приехал отдохнуть в Оптину, а не удастся — так где-нибудь в другом месте пожить.

По-моему, Л. Н. желал видеть отшельников-старцев не как священников, а как отшельников, поговорить с ними о боге, о душе, об отшельничестве, и посмотреть их жизнь, и узнать условия, на каких можно жить при монастыре. И если можно — подумать, где ему дальше жить. О каком-нибудь поиске выхода из своего положения отлученного от церкви, как предполагали церковники, не могло быть и речи.

В час пообедали; Л. Н. показались очень вкусны монастырские щи да хорошо проваренная гречневая каша с подсолнечным маслом; очень много ее съел.

Когда Л. Н. уходил, он зашел к о. Михаилу в комнатку.

— Что я вам должен?

— По усердию.

— Три рубля довольно?

* Встреча Л. Н. с о. Пахомием и с о. Василием описана Ксюниным в «Новом времени»⁵.

** Этот эпизод записан со слов о. Пахома, с которым Маковицкий беседовал в декабре 1910 г. Маковицкий писал: «Отец Пахом рассказывал это все так проникновенно; видно, что этот разговор с Л. Н. доставил ему большое удовольствие. Рассказал, что Л. Н. говорил с ним так ласково и сердечно; произвел на него сильное впечатление. Расспрашивая о. Пахома об этом, игуменья одного девичьего монастыря сделала ему замечание: почему он сам не провел его к о. Иосифу, и он ответил, что хотел, но боялся быть навязчивым». — *Ред.*

*** Летом в Кочетах, услышав о старце Херувиме в Духовом монастыре, который пользуется у народа доброй славой, Л. Н. намеревался съездить к нему.

— Да. Мне дорого, что такой человек, как вы, посетили нас. Дайте мне вашу карточку.

— Да какой же я человек — отверженный. Карточки у меня нет, я вам пошлю.

— Прощу вас, распишитесь.

И Л. Н. расписался в книге посетителей, пометив: «Благодарит за прием».

В 3-м ч. выехали в Шамордино. Л. Н. ушел вперед пешком (это у него обычай такой был, когда уезжал оттуда, где гостил, уходить вперед одному).

Отец Михаил мне говорил, что был весь нараспашку, «не застегивается; так он простудится»*.

Мы с А. П. Сергеенко в экипажах догнали его на пароме. Туда сошло около 15 монахов, чтобы видеть Л. Н., хотя он (должен сказать) в Оптиной особенно большого внимания не возбудил.

— Жалко Льва Николаевича, ах ты, господи! Да! Бедный Лев Николаевич! Свежий старик, такой бодрый.

Л. Н. стоял у правых перил парома и говорил, обращаясь к миловидному седому старику-монаху в очках. Спрашивал его о его зрении и рассказал анекдот, как ему, студенту (университета) в Казани, татарин предлагал: «Купи очки». — «Мне не нужны». — «Как не нужны! Теперь каждый порядочный барин очкам носит».

Переправа была короткой — одна минута.

Л. Н. уселся в экипаж Федора. Армяк на вате, сапоги, калоши. Свитку накинуть отказался. Сидел на ней.

Было несколько градусов тепла.

Через версты две, где дорога шла в гору, я подошел к Л. Н. спросить, как ему, не нужно ли что, не накинет ли свитки? Опять отказался. Л. Н. разговаривал с Федором, спрашивал его, чье это имение слева. Оказалось, Н. С. Кашкина, сверстника, старого друга Л. Н.; с ним он на ты. Кажется, единственный из живущих, с которым Л. Н. был на ты. Он живет в Калуге. Он был сослан по делу Петрашевского на Кавказ. Там подружился с Л. Н.⁶

Через несколько верст к Л. Н. подошел Сергеенко. Ему сказал Л. Н.:

— Хочу быть свободным от Софьи Андреевны. Не пойду на уступки: ни на то, чтобы с Чертковым раз в неделю видаться, ни на то, чтобы отдать ей дневники. Захочу — буду в монастыре жить. Мне это целование, притворство противно.

Л. Н. много разговаривал с Федором и уговаривал его не курить, не пить.

Уже стемнело, когда приехали в Шамордино. Остановились у гостиницы. В сенях Л. Н. встретила заведующая гостиницей мать Наталья, и Л. Н. спросил ее, где живет Мария Николаевна, его сестра; она поэтому сразу узнала Л. Н. и назвала его по имени и отчеству. Л. Н., не входя в комнату, прямо пошел к Марии Николаевне с сопровождавшей его послушницей. Мария Николаевна живет в своем доме с сестрой игуменьи и двумя келейницами.

** Когда Л. Н. пришел к Марии Николаевне***, поздоровался с ней и с гостившей у нее племянницей (?), (поплакав на ее плече), Е. В. Оболенской, сел в большое красное кресло, а старушка Мария Николаевна напротив его, и стал говорить:

— Ты представить себе не можешь, Машенька, в каком Софья Ан-

* Из разговора с о. Михаилом в декабре 1910 г. — *Ред.*

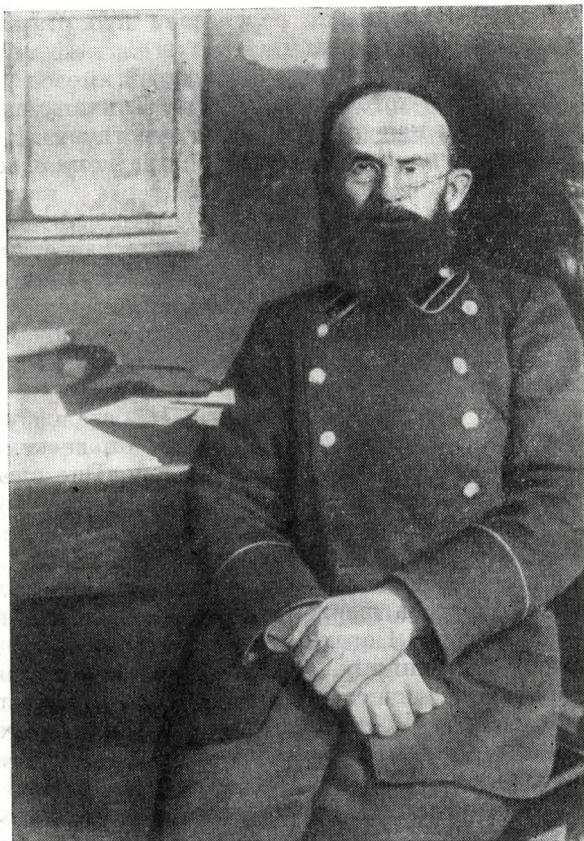
** Со слов Софьи Николаевны (жены И. Л. Толстого) ?.

*** Письмо Елизаветы Валерьяновны к Н. Л. Абрикосовой ?.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ
АСТАПОВО И. И. ОЗОЛИН

Фотография 1910 г.

«В гостиной у Озолиных <Л. Н.> сел в кресло... Просил позвать хозяина. Поблагодарил его за приют и извинялся за причиняемые ему и его семье неудобства. Добродушный, простосердечный И. И. Озолин растрогался». — Запись от 31 октября 1910 г.

древенна теперь состоянии. — И начал вспоминать, как она за ним следила, не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Рассказал, как он в голенище сапога оставил книжку записную, а наутро хватился и ее уже не нашел. Затем как (*crescendo*) возрастала подозрительность и злоба в ней. — И, наконец, теперь подумай, какой ужас: в воду...⁹ — и зарыдал. Спросил, можно ли жить ему в Шамордине или в Оптиной.

— Я с наслаждением нес бы самое трудное послушание, только не заставляли бы меня в церковь ходить.

Мы с А. П. Сергеенко пришли к Марии Николаевне через час (чтобы проститься с Л. Н.). Застали их в радужном, спокойном, веселом разговоре. Сергеенко, пробыв с полчаса, простился. Л. Н. остался еще час, так до начала 9-го часа. Беседа была самая милая, обаятельная, из лучших, при каких я в продолжение шести лет присутствовал. Л. Н. и Мария Николаевна были счастливы свиданием, радовались, уже успокоились; оживленность прошла, шел тихий, задушевный разговор, переплетенный воспоминаниями, с юмором, которого у Марии Николаевны не меньше, чем у Л. Н., и рассказчица она удивительная. Не виделись брат с сестрой с лета 1909 г., когда Мария Николаевна в последний раз была в Ясной Поляне. Она приезжала каждое лето, кроме этого, последнего. Нemoшь и слабость ее удержали дома, в монастыре.

Л. Н. попросил у нее «Круг чтения», «На каждый день». Мария Николаевна предложила ему еще «Религиозно-философскую библиотеку» Новоселова¹⁰, похвалив ее. Л. Н. заглянул в некоторые выпуски и, как это он умел, быстро сориентировался, чего стоят, и они сразу понравились ему, отобрал четыре книжечки из 21 и взял их с собой.

Мария Николаевна рассказала про старца Иосифа и советовала посетить его и показала портрет его. Л. Н-чу понравился, и сказал:

— Непременно пойду (к нему) *.

Сергеенко, готовясь уехать на Лихвин ночным поездом, спросил Л. Н. о здоровье и как он себя здесь чувствует. Л. Н. похвалил и то и другое.

— Так мне здесь хорошо! Сестра меня совсем поняла.

Сергеенко в 7 ч. вечера уехал.

Л. Н. было очень тяжело узнать, что Софья Андреевна бросалась в пруд. Цель поездки Сергеенко была известить Л. Н., как в действительности это произошло, чтобы Л. Н. не узнал о нем из извращенных слухов.

Л. Н. решил не возвращаться. И только на следующий день написал Софье Андреевне письмо, в котором он дает перспективу свидания через некоторое время ¹².

После отъезда Сергеенко Л. Н. остался у Марии Николаевны до 8 ч. Был в радостном, добром настроении, несколько раз выразил удовольствие, что он здесь, и намерение подольше здесь остаться. Вечером Л. Н. в начале 9-го простился с Марией Николаевной и Елизаветой Валерьяновной и пошел в гостиницу. Записывал ¹³ и в начале 10-го часа лег спать.

Л. Н. утром зашел ко мне. Спал хорошо. Его номер показался ему слишком хорошим и постель мягкой. Пожелал перейти в другой, где попроще и постель тверже, и чтобы были наши номера рядом.

30 октября. Погода сырая. В 7.45 Л. Н., надевши на себя свитку и спросив послушницу, обслуживающую в гостинице, как идти на деревню и далеко ли, пошел туда. Деревня Шамордино ближе чем в версте от монастыря. Л. Н. пошел туда искать сам другое помещение. Вернувшись, сказал, что нашел квартиру у бабы Алены. «Вы ремесленники будете?» — спросила она. Л. Н. сказал, что она должна прийти не помню с каким еще ответом, и днем спрашивал, не приходила ли ¹.

За «Кругом чтения» попил кофе в моем новом номере и пошел в свой новый (бывший вчера моим) номер, куда я перетащил его вещи, пока он ходил на деревню. Теперь нас разделяла только тонкая стена, через которую было можно перекинуться.

Л. Н. позвал меня. Сидел на диване, устроив из него себе кресло, и читал одну из книжек «Религиозно-философской библиотеки» Новоселова «О цели и смысле жизни. Часть вторая. Христианское мировоззрение» ². Понравилась ему. Еще заинтересовала его книжка (сказал: «О социализме там хорошо») — «Социальное значение религиозной личности». Сборник. Влад. Соловьев. Герберт Спенсер. Достоевский. Герцен. Тихомиров ³.

Продиктовал (мне) письмо Новоселову:

«М. А. Новоселову, Вышний Волочок, Тверской губ.

Лев Николаевич у сестры в Шамординском монастыре нашел вашу «Религиозно-философскую библиотеку». Она ему чрезвычайно нравится и он очень желал бы знать, продолжается ли она и сколько ее №-ов. *И присылает вам свой привет — если вы его помните* (добавил Л. Н.)

Д. П. Маковицкий» ⁴

«Как интересно про социализм пишет Герцен» ⁵, — говорил Л. Н. и еще говорил — не помню что — про статьи Соловьева, Спенсера, Тихомирова.

В 10 ч. через стену окликнул меня. Лежал на диване и так читал.

— Чувствую слабость и вместе с тем сонливость.

Пульс, как это бывает перед припадками, 88, сильный, полный, пра-

* По словам Марии Николаевны, Л. Н. не пошел к старцу Иосифу только потому, что думал, что он его как отлученного от церкви не примет ¹¹.

вильный. Лицо не очень красное, но и не бледное. Обмороки случаются с Л. Н. уже полтора года, обыкновенно с шестинедельными интервалами, но бывало и через три, пять, восемь недель. Причинами их нам казались то малокровие мозга, то ослабление сердечной деятельности, то вследствие переутомления литературными занятиями, посетителями, длинными прогулками, то вследствие простуды, отравы кишечника ядами при повторном колите, то вследствие артериосклероза. Я посоветовал снять одежду, перестать читать и постараться уснуть, что Л. Н. и хотел исполнить. Л. Н. раз чихнул. Пульс еще участился, был более 90. Смерили температуру — 36,3. Приписали это состояние волнению, усталости последних трех дней и простуде по дороге. Кроме того, я приписал его слабость вздутию живота. Вчера с большим аппетитом два раза ел щи и кашу и даже огурцы. И по яблоку жесткому, местной антоновки, утром и вечером. Уже вчера вечером Л. Н. был усталый. Назвал меня Душаном Ивановичем, чего никогда не случалось.

Между тем приходила два раза Елизавета Валерьяновна, второй раз с письмом А. П. Сергеенко из Подборок. Сергеенко писал, что забыл сказать, что Софья Андреевна послала Л. Н. телеграмму «Вернись поскорей» и подписалась «Саша».

Л. Н. зашел ко мне рассказать о Новоселове и спросил, нет ли его статьи о социализме.

— Хотелось бы докончить статью,— сказал.— У Новоселова читал о социализме; они ходят около того, что я говорю; недоговаривают. Надо будет *договорить*, докончить статью.

Но статья в ночь, когда мы уезжали, находилась в ремингтонной комнате, в столе, куда никто из нас не заходил, и не была взята с собой⁶.

Потом слышна была через стену зевота, такая сильная, какая бывала у Л. Н. при недомогании. Вскоре я зашел к нему. Пульс упал до 80 с чем-то (Л. Н. считал). Было начало 3-го ч. Л. Н. готовился лечь спать перед обедом, который должен был быть в 3.30 у Марии Николаевны. Л. Н. перед обедом имел привычку поспать час с лишним. Л. Н. спрашивал:

— Была ли баба? Так и не пришла сказать насчет квартиры?

В 3.15 Мария Николаевна прислала свою пролетку за Л. Н.

В гостинице было очень тихо. Других гостей не было.

Перед нашими окнами в 30 шагах был станок, на котором молодой кузнец подковывал лошадей.

Л. Н., смотря в окно:

— Как бьет!

Кузнец бил жестоко молотком лошадь по ляжке. Я пошел ему сказать, чтобы не бил.

Л. Н. всегда всякое горе, несчастье видел и чувствовал в высокой мере, а в последние месяцы и именно в эти дни особенно сильно. Что я еще тогда замечал у Л. Н.: стал более решителен, менее позволяя себя обслуживать и стал более бережлив. Мечтал и говорил о предстоящем упрощении внешнего образа жизни. И не тяготился тем, что в эти дни мало работал.

За обедом у Марии Николаевны Л. Н. сначала был оживленный, возбужденный, потом стал спокоен, весел, шутлив. Мария Николаевна рассказала про воров, пробравшихся ночью к ней*, и про «врага». Кто-то ночью ходил по коридору, ощупывал стены, ища дверь. Дверь была заперта слабым крючком; немного напер бы, и она поддалась бы. Но он не отыскал ее. Утром в коридоре не оказалось следов.

— Говорят, что это был «враг»,— закончила рассказ Мария Николаевна.

* Она высунула им в форточку 10 р., и они ушли.

Л. Н. после, когда уходил, не мог выбраться из коридора, не мог найти двери и сказал: «Я тоже запутался, как враг»*.

Пробыли у Марии Николаевны в беседе до 7-го ч. Л. Н. стало холодно, накинули ему на плечи, кажется, фуфайку. На это не обратили особенного внимания, т. к. Л. Н. дома очень часто зяб по вечерам и, если не сидел закинувшись на спинку в кресле, а играл, например, в шахматы, наклонившись вперед, то ему накидывали фуфайку.

Я в этот вечер был очень усталый, дремал. Разговоров не помню.

В 7-м ч. пошли пешком домой. В гостинице застали только что приехавшую вместе с Александрой Львовной В. М. Феофритову с вещами. Александра Львовна пошла к Марии Николаевне. Л. Н. пошел за ней. Так как уже было довольно темно, я боялся, что Л. Н. собьется с дороги и в 100 шагах пошел следом за ним. И действительно, Л. Н. пропустил дом Марии Николаевны, направился дальше влево. Я догнал его и вернул и тогда уже вместе с ним вошел к Марии Николаевне.

Александра Львовна после пережитых ею вчерашних волнующих и бурных событий ночью тайком поехала за Л. Н., ехала кружным путем на Калугу, была еще возбуждена путешествием. Встревоженно рассказала подробно про поведение Софьи Андреевны, когда та узнала об уходе Л. Н., про созыв братьев и сестры, их решение касательно матери и их отношение к уходу отца. Об этом привезла от них и от Софьи Андреевны письма Л. Н.-чу. Александра Львовна передала Л. Н. письма Софьи Андреевны, Сергея Львовича, Татьяны Львовны, Ильи и Андрея Львовичей и письмо Черткова⁷. Андрей Львович писал с точки зрения матери, как ей тяжело.

Александра Львовна говорила, что они больше с этой точки зрения рассуждают, а как тяжело отцу, это им, как с гуся вода. Один Сергей Львович писал, чтобы Л. Н. не возвращался и что он берет мать в Москву и там окружит ее медицинским надзором⁸; поручил сказать, что вызванный психиатр Петров из Тулы не ручается за то, что Софья Андреевна не сделает покушения на самоубийство⁹. Братья поручили это сообщить отцу, и Александра Львовна, тогда сама напуганная возможностью самоубийства матери и чтобы снять с себя ответственность, об этом сказала отцу.

Александра Львовна знала, что Софья Андреевна никогда серьезно не станет покушаться на самоубийство, что она слишком любит себя, эгоистична. Мы все это знали, но тогда никто не высказал этого.

Л. Н. написал Софье Андреевне письмо.

Мария Николаевна и Елизавета Валерьяновна очень не хотели, чтобы Софья Андреевна настигла Л. Н. «Она его доконает», — сказала Мария Николаевна. Л. Н. твердо решил не возвращаться, по крайней мере, довольно долго, домой.

Александра Львовна рассказала, что Софья Андреевна хочет непременно поехать за Л. Н.; что разведывают (через губернатора, через своего человека и через корреспондентов «Русского слова»), где находится Л. Н. и что предполагают, что в Шамордине и можно ожидать приезда Софьи Андреевны и Андрея Львовича.

Л. Н. сказал, что приезду Андрея Львовича был бы рад, что он его убедил бы, что ему нельзя вернуться, нельзя быть вместе с Софьей Андреевной, ради нее и ради себя.

Когда Александра Львовна высказала опасение, что Софья Андреевна уже в пути сюда; что утром прибудет; что надо собираться и утром в другое место уехать, Л. Н. сказал:

* Мария Николаевна была огорчена тем, что это были последние его слова, сказанные им ей.

— Надо обдумать. В Шамордине хорошо.

Рассказал про квартиру в деревне, где поселится:

— Не хочу вперед загадывать.

Пришла Варвара Михайловна, говорено было много про состояние Софьи Андреевны и про тревогу в Ясной Поляне.

На ней и особенно на Александре Львовне было видно, какой панический страх овладел ими.

Александра Львовна и Варвара Михайловна настаивали на том, что надо бежать дальше, и поскорее. Она (Александра Львовна) оставила своих ямщиков до утра, чтобы с ними поехать к 5-тичасовому поезду на Сухиничи — Брянск.

Л. Н. не хотел. Он сидел, накинув на себя фуфайку, холодно было ему, и был молчалив после прочтения писем.

Мария Николаевна и Елизавета Валерьяновна тоже не хотели, чтобы Л. Н. уезжал.

Когда Л. Н. вышел в другую комнату, Елизавета Валерьяновна встала даже: «А может быть, ему и нельзя ехать. Он сегодня слабость чувствовал».

— Можно ли ему ехать? — спросила Елизавета Валерьяновна, обращаясь ко мне.

— Можно, — ответил я, — слабость прошла.

Все-таки Л. Н. решил пока не ехать, потому что устал и хочет спать, — а утром решить.

В 8 ч. ушли от Марии Николаевны; Л. Н. не простился с ней, не намереваясь уезжать.

По дороге в гостиницу Л. Н. спрашивал, не приходила ли с ответом баба, у которой квартиру нанимал, и, когда узнал, что нет, решил, что можно остаться в гостинице, платя по рублю в сутки.

Л. Н. вошел в свою комнату и стал писать. Через минут 20—30, не знаю, по какому поводу и на зов ли или от себя, вошла к нему Александра Львовна. Нашла его у стола, под открытой форточкой с непокрытой головой пишущего. Просила позволить закрыть форточку, Л. Н. не согласился. Тогда просила его перейти писать в соседний, мой, номер и пусть тут (в его комнате) форточка останется открытой. И на это не согласился.

Александра Львовна пощупала пульс; был частый; насчитала что-то 90, но мне тогда об этом не обмолвилась.

Затем входил я к нему из-за этого же, но безуспешно.

Мы перешли в мою комнату, где между тем был поставлен самовар, и стали громко разговаривать — главное, о том, куда направить путь. Все мы были очень взволнованные и усталые.

Намечали Крым. Отвергли, потому что туда только один путь, оттуда — некуда. Да и местность курортная, а Л. Н. ищет глушь. Говорили о Кавказе, о Бессарабии. Смотрели на карте Кавказ, потом Льгов.

Л. Н. позвал нас к себе. Разложили карту у него на столе. Тут Александра Львовна незаметно закрыла форточку. Л. Н. рассматривал Кавказ, а именно Грозный и его окрестности, вспоминая знакомые места, сказал:

— Я чувю, что это опять увижу.

Говорил про своего друга Раевского. Не помню, в связи с Кавказом ли или в связи с Рязанской губернией. Еще говорил, вспоминал — не помню что — про лошадь Кабардинца, которую он купил.

Ни на чем определенно не остановились. Скорее всего на Льгове, от которого в 28 верстах живет Л. Ф. Анненкова, близкий по духу друг Л. Н. Хотя Льгов оказался нам очень близко, Софья Андреевна могла бы приехать, и тогда она ни на шаг не отстанет от него.

Поезд в Льгов (на Сухиничи — Брянск — мы думали, что надо туда ехать, потому что на той карте, которой мы пользовались, — на карте официального указателя Брюля — Льгов ошибочно нанесен на линии Брянск — Артаково вместо Курск — Артаково) в 5.19 утра. На Горбачево же в 7.40 утра.

Л. Н. ничего не решил. Отложили отъезд до завтра. Л. Н. сказал, что «утром решим»; теперь он устал, хочет спать.

Л. Н. остался в своей комнате и еще писал.

Александра Львовна, Варвара Михайловна и я в соседней комнате до 11 шумно разговаривали за чаем. Л. Н. приблизительно в это время, без чего-то 11, лег. Я занимался до 1-го ч. и слышал его, как он ворочался в постели.

31 октября. В начале 4-го ч. Л. Н. вошел ко мне, разбудил; сказал, что поедем, не зная куда, и что поспал 4 ч. и видел, что больше не заснет (и поэтому) решил уехать из Шамордина утренним поездом дальше. Л. Н. опять, как и под утро перед отъездом из Ясной, сел написать письмо Софье Андреевне¹, а после написал и Марии Николаевне². Я стал укладывать вещи. Через 15 минут Л. Н. разбудил Александру Львовну и Варвару Михайловну. Они продолжали укладываться, я же пошел к Марии Николаевне. Разбудил ее дочь Елизавету Валерьяновну и сообщил ей, что Л. Н. решил уехать и просил для него более удобную пролетку Марии Николаевны. Но тут оказалось, что без разрешения на это игуменьи монастырских лошадей брать нельзя, в деревню же посылать, т. е. за черту монастыря, тоже нельзя без разрешения игуменьи; ночью тоже никакой из послушниц идти нельзя, а игуменья больна, жалко будить ее, да и пока этого добьешься, время пройдет.

Пришлось сделать так: идти на скотный двор, разбудить оставленных двух ямщиков, а третьего ямщика нанять в деревне, послать за ним работника. А пролетку Марии Николаевны прислать за ней же, чтобы она поехала в гостиницу проститься с братом.

Ямщики ужасно медлили с подачей лошадей. Было почти шесть, когда Л. Н. и я садились в экипаж. Было туманно, сыро, температура могла быть на точке замерзания, безветренно, темно. Л. Н. был в поддевке, меховой шапке, башлык около шеи, свитку не хотел надеть. Я хотел ему накрыть ноги — почти крикнул на меня, не позволил. А ехал в одних сапогах, зимние калоши должна была Александра Львовна упаковать по его поручению — не хотел их надеть.

Мы с Л. Н. поехали. Александра Львовна с Варварой Михайловной остались ждать своего извозчика. Они выехали через час после нашего отъезда, ехали очень быстро. Мария Николаевна, приехавшая проститься с Л. Н., их застала еще. Она приняла живое участие в Л. Н., но жалела, что не повидалась, а сейчас же стала говорить о дальнейшем, что будет с Л. Н.

Л. Н. сидел, не опираясь (на спинку). Спинка была довольно низка, и была на ней связка, чтобы на нее опираться.

Л. Н. был мрачен, молчалив, только изредка понукал извозчика ехать быстрее. Я еще раз попробовал накрыть ему ноги; не позволил, на полдороге сам себя накрыл свиткой.

Впереди ехал ямщик с вещами, у него лошадь оказалась шустрее, но т. к. он не особенно торопился, Л. Н. сказал нашему ямщику, чтобы он обогнал его. На спуске с горы в деревню N. мы догнали обоз, в большом беспорядке медленно двигавшийся, который загородил всю дорогу. На замерзшей дороге лежал тонким слоем снег, по которому колеса тяжелых возов скользили, не ворочаясь. Нам пришлось его объезжать по широкой канаве. Начинало светать. Мы ехали под страхом встретить Софью Андреевну, которая могла приехать в Козельск в 6 ч. Я предложил

поднять верх нашей пролетки. Л. Н. не согласился. (Я сказал ямщикам, что если будут встречные спрашивать, кого везут, чтобы не отвечали.)

Л. Н. спросил, как далеко к Анненковым от станции Льгов, и сказал, что по дороге можно остановиться отдохнуть.

Л. Н. спросил ямщика про жизнь ямщика, того, который привез их третьего дня, и про жизнь его самого. И спрашивал, поспеем ли к поезду, не видать ли Александры Львовны и Варвары Михайловны, которые остались в гостинице в ожидании своего ямщика. Подъехали к самому Козельску, а их все не было видно. Мы усомнились, что поспеем к поезду, но ямщик утверждал, что да.

Л. Н. намекнул, ввиду невероятности поспеть к поезду, не остановиться ли в гостинице, и спросил ямщика, какая в Козельске гостиница.

Я заметил, что тогда под вечер в 4.50 можно будет дальше ехать.

Л. Н.: В том поезде (вагоне), в котором сюда приехали?

И в голосе слышно было, что мысль о том страшна ему. И никто из нас не поручил ямщику свернуть к гостинице. Догадайся я спросить Л. Н., как он себя чувствует, может быть, Л. Н. признался бы в своем недомогании. Л. Н. все время сидел прямо, не опираясь, не ища как бы поудобнее сесть, не стонал, не вздыхал, ничем не проявлял утомленности или того, что нехорошо себя чувствовал. Но я не обратил внимания, не подумал, что Л. Н., может быть, по слабости хочет остановиться, и мы, не останавливаясь, поехали на вокзал. Поезд подъезжал.

Ямщик погнав лошадей и остановился у самого подъезда.

Когда Л. Н. слез с пролетки и стал ногой на низшую ступень каменной лестницы, он слегка пошатнулся.

Я тогда это приписал торопливости и оцепенению ног (и спешке) и что поэтому он нетвердо ступил.

Поезд должен был стоять восемь минут. Мы сели в буфет подождать, подъедут ли Александра Львовна и Варвара Михайловна.

Не прошло трех минут, как и они прибыли. Поспешили сесть в вагон второго класса. Пустого купе не оказалось, Л. Н. сел к одному белевскому интеллигенту, приятному человеку. Он сразу узнал Л. Н. и вскоре ушел, чтобы ему не мешать.

Билетов у нас купленных не было. Стали совещаться, куда ехать. На Льгов через Горбачево сообщения не было, пришлось бы ждать восемь часов в Горбачеве. Здесь ждать, ввиду близости Ясной Поляны и возможности, что кто-нибудь туда протелеграфирует, нельзя было.

Л. Н., влезая в вагон, обо что-то поранил себе палец. Пришлось перевязать.

Александра Львовна согрела кофе, Л. Н. выпил стакан с сухарями, после она сварила овсянку, Л. Н. много и с аппетитом съел ее, и два яйца всмятку, потом разговаривал, читал и, кажется, продиктовал Александре Львовне письмо³.

В Белеве слез компаньон и перестали входить любопытные глядеть на Л. Н. Стало просторнее, спокойнее. Мы вещи разложили и опять стали советоваться, куда ехать. Пока не решили ничего и взяли билеты до Волова. За Горбачевом опять советовались и остановились на Новочеркасске. Там у племянницы Л. Н.⁴ отдохнуть несколько дней и решить, куда окончательно направить путь — на Кавказ, или, раздобыв для нас, сопровождающих Л. Н., паспорта («У вас у всех виды, а я буду вашей прислугой без вида», — сказал Л. Н.), поехать в Болгарию или в Грецию. Л. Н. намечал обе эти страны, предполагая, что там его не знают. Он не помнил или не знал, как он известен и в Болгарии. Ни на одном языке в мире, не исключая английского, чешского, нет столько переводов последних писаний Л. Н., как на болгарском. Но никто из нас тогда и не думал объяснить Л. Н., что ему скрыться надолго нигде нельзя.

Мы тогда думали только о том, чтобы хоть несколько недель (а пока хоть несколько дней) не быть разысканными, догнанными.

Впрочем, Л. Н. не хотел вперед загадывать. Говорили о том, чтобы около Новочеркасска, неподалеку в деревне, поселиться.

В Горбачеве и раньше на станциях заметили сыщика⁵. Прочли сыщичкий номер «Русского слова» с фельетоном Дорошевича «Софья Андреевна»⁶. Сплошное вранье. Но оно на руку Софье Андреевне. В Горбачеве мы прочли сенсационную новость огромными буквами в «Русском слове»: «Уход Л. Н. из Ясной Поляны». Целая страница была ему посвящена. Порядочно телеграмм сыщичких, очень неприятных. Л. Н. уходит тайком из дому, ищет уединения, скрывает, а редакция «Русского слова» выслеживает его, сообщает телеграммы из Щекина, Горбачева, Козельска, где видели Л. Н. Множество пассажиров и кондукторов получали «Русское слово» и другие московские газеты и с тайственным любопытством заглядывали в купе Л. Н. из коридора вагона и с перрона.

Л. Н. было неприятно узнать об этой погоне за ним газетных Шерлоков Холмсов и настоящего сыщика, который по распоряжению тульского губернатора ехал с нами в поезде и обнаружился тем, что чуть ли не на каждой станции слезал и становился против нашего вагона, смотрел упорно в окно и несколько раз иначе переодевался*.

Из Горбачева отправили письмо Л. Н. к Софье Андреевне⁷ и телеграмму такого содержания: «Уезжаем. Не ищите. Пишу»⁸. Л. Н. лег (на диван) и больше почти что не вставал**. Лежа читал и беседовал.

В вагоне Л. Н. читал «Круг чтения» и книжку Новоселова «О религии и смысле жизни», и понравился ему конспект из его (Л. Н.) статьи¹⁰. Сидел больше один в купе. Александра Львовна к нему входила раза два, и Варвара Михайловна, и я. Л. Н. до сих пор чувствовал себя довольно хорошо, а затем в 5-м ч. Л. Н. стал сонлив и жаловался на холод, познабливание, просил теплее накрыть его. Пульс 88 (правильный и не очень полный и сильный), t° 38,1; холод в левой лопатке и больше ничего. Никакой боли в груди, кашля, удушья.

Мы накрывали его одеждой, укрывали ему особенно спину, которая зябла больше всего — как всегда у Л. Н. Озноб усиливался, Л. Н. дрожал и стонал. В 6 ч.—38,5 и перебой, t° в 8 ч.—39,5.

Я пошел в отделение, где сидели кондуктора, все уже наши знакомые, за теплой водой. И спросил их, какие города будут по дороге, где можно в гостинице остановиться. Мы ехали рязанской равниной. Городки редко попадались да не у самой линии железной дороги. Данков — в двух верстах. Раненбург тоже вроде того. Они советовали доехать до Козлова.

Л. Н. духом был бодр.

Жар у Л. Н. поднимался. Я опасался воспаления легких и счел необходимым на первой большой станции остановиться. В 6.35 приехали в Астапово. Я поспешил к начальнику станции, который был на перроне, сказал ему, что в поезде едет Л. Н. Толстой, он заболел, нужен ему покой, лечь в постель, и попросил принять его к себе, сразу же сказав, что у Л. Н., вероятно, воспаление легких и придется пробыть ему дольше недели; спросил, какая у него квартира. Начальник ответил не сразу и отступил назад на несколько шагов — он мне не поверил. Рядом стоявший кондуктор подтвердил ему мои слова, и тут он сразу охотно согла-

* В этом же поезде ехал корреспондент «Русского слова» Орлов. Мне очень жаль, что он в Астапове, видя, что Л. Н. заболел, не вызвался помочь нам (не предложил своих услуг).

** По пути некто Л., тульский помещик, хотел дать (или дал) телеграмму Софье Андреевне о том, где Л. Н.⁹

И. Л. ТОЛСТОЙ (ВТОРОЙ СПРАВА) С ГРУППОЙ ВРАЧЕЙ

Слева направо: Д. В. Никитин, Г. М. Беркенгейм, В. А. Щуровский, П. С. Усов (?)
Астапово, 6—8 ноября 1910 г.

Кадр из документального фильма бр. Пате

сился. Я спросил еще, чисто ли у них (пол оказался мытым вчера). Я попросил его задержать поезд и поспешил в вагон. У двери в купе нашел встревоженную Варвару Михайловну.

Я ей сказал, что хочу предложить здесь остановиться и чтобы она поддержала. Вошли в купе к Л. Н., где была и Александра Львовна. Я сказал Л. Н., что ему, больному, нельзя рисковать продолжать путь, что надо здесь слезть и что можно остановиться в квартире начальника. Варвара Михайловна и Александра Львовна дружно попросили Л. Н. согласиться, и он, не сказав ни слова, быстро сам приподнялся; одели его, приподняли воротник и, слегка поддерживая, повели в дамский зал ожидания. Похолодало и дул острый ветер. Л. Н. не хотел, чтобы его поддерживали, в буфет вошел один и оттуда в пустой дамский зал ожидания. Сел на край узкого дивана, втянул шею в воротник, наклонил голову вперед, засунул руки в рукава (как в муфту) и сейчас стал дремать. Голова отвисла на бок. Я приставил к ней подушку, Л. Н. отклонил. Л. Н. кутался, втягивался от озноба в меховое пальто, иногда глубоко стонал. Лечь на диван не хотел. Просидел так минут 20, пока Варвара Михайловна распоряжалась в квартире, приготовила кровать в гостиной у Озолиных. В это время уходили то я, то Александра Львовна на квартиру. И. И. Озолин еще был занят, поезда еще не отошли. В коридоре толпа господски одетых людей, я принял их за пассажиров, а они были железнодорожные служители. Знать мне это, я вызвал бы охотников мне помогать. Но так мы оставались одни с Л. Н., приходили мысли: надо вынести мебель из комнаты, выбить из нее пыль. Надо бы принести сюда кровать, Л. Н-чу одетым лечь на нее, накрыть его и понести. Надо было печку топить, греть кирпичи к ногам. Но все эти мысли некому было

сообщить, поручить исполнить, и они как являлись, так и исчезали. Догадайся предложить тогда свои услуги ехавший с нами корреспондент «Русского слова», он мог много помочь. Догадайся И. И. Озолин поручить свои занятия товарищам, он мог бы нам услужить.

Публика в коридоре вокзала и на перроне почтительно расступилась и снимала шапки. Торжественная тишина. Из нее вызвался помочь только один служащий железной дороги, он помог провести Л. Н. в дом. Он сзади поддерживал его под мышками. Отец его (фамилии не запомнил) — уроженец Ясной Поляны. Когда вели Л. Н. по лестнице вниз, подошел старик, сторож железной дороги, и поддерживал Л. Н. спереди. Л. Н. сильно падал вперед, вообще шел с большим трудом, чем из вагона на вокзал.

В гостинице у Озолиных сел в кресло и просидел так почти полчаса. Отказался лечь в постель — боялся холодной постели. Термометр был ему холоден. Все продолжал сидеть в кресле в пальто на меху и шапке. Просил позвать хозяина. Поблагодарил его за приют и извинялся за причиняемые ему и его семье неудобства. Добродушный, простосердечный, И. И. Озолин растрогался. Потом просил позвать хозяйку, и ее благодарил и просил иметь терпение. Она высказала искреннее сожаление о том, что не может лучше услужить, более спокойнее устроить, дети кричат, будут беспокоить (они в это время громко играли в соседней столовой).

Л. Н.: Ах, эти ангельские голоса, ничего.

Л. Н. лег. Предложили горячего чаю с вином. Л. Н. выпил очень мало (треть чашки), больше пил нарзан с красным вином и еще больше чистый нарзан. Озноб прекратился. Никакой боли в груди, ни давления, стеснения в груди, ни удушья. Только озноб, сонливость, слабость. Кашлянул три раза, как при ларингите. В 11 ч. температура упала с 39,7 до 39,3, пульс 91 с переборами, неполный, скорее слабый. Л. Н. глубоко дышал.

В 11 ч. стал потеть и бредил, что придет Софья Андреевна, догонит его¹¹. Около 12 ч. sheyne-stokes дыхание¹². Л. Н. потерял сознание (обморок), стал шевелить губами, как если бы сосал, слюну глотал. Мышцы около глаз, уст и др. лицевые стали стягиваться, и слабое подергивание рук. Припадок продолжался 40 секунд. Во время припадков лицо было бледное. Глубокий сон. Через четверть часа еще один слабый припадок: подергивание мышц лица секунд пять.

Вечером, когда Л. Н. спал, Стоковский (врач) — за чаем.

Ночью очень сильно потел, более никаких, только озноб, сонливость, слабость. Боли в ногах появились. Спал плохо. Со 2-го ч. ночи спал, но плохо, скорее дремал, температура постепенно падала. В 2 ч. — 37,5.

Озолин — латыш, его жена — саратовская немка. Я просил начальника станции взять отпуск и перебраться с семьей куда-нибудь. Нужен воздух, тишина, место для нас, ходящих за Л. Н. Но ему, и особенно его жене это показалось до того неожиданным; покрутила головой: это невозможно.

1 ноября. Л. Н. проснулся в 9.30 утра, казался бодрим, только был бледен, но сам чувствовал большую слабость. Когда температура упала до 36,2, Л. Н. говорил, что ему лучше и что можно ехать дальше. Когда начала снова повышаться, Л. Н. стал говорить, что это, может быть, и смерть и что это хорошо и просто...

Температура вскоре поднялась до 37,6. Продиктовал Александре Львовне одну мысль о боге¹. Вскоре затем почувствовал озноб. В 10 ч. — 38,1, пульс 88.

Между 10 и 11 продиктовал длинное общее письмо Сергею Львовичу и Татьяне Львовне². Потом просил прочесть «Круг чтения». Еще потом

в 12.25 продиктовал другую мысль о боге³. В это время смерили t° (в 12.25). Он спросил, какая. Ответил: 39,7, пульс 94, восемь перебоев. — Вот как хорошо, — сказал Л. Н. Стонал, но кроме как на озноб ни на что не жаловался. Сонливость.

Утром зашел в столовую местный владелец аптекарского магазина по поручению какой-то газеты спросить про состояние здоровья Л. Н. Я отказался отвечать. Александра Львовна отказала другому. Они узнавали через Озолина, но расспросы Озолина нас так не беспокоили. При дальнейшем течении болезни многочисленные телеграфные и письменные запросы (расспросы), корреспонденты*, друзья, родные и все из местной публики, интересующиеся ходом болезни Л. Н., очень отвлекали, отягощали докторов. Требовалось постоянное внимание к Л. Н., а тут отрываю. Все мы, окружавшие Л. Н., были напряженные, взвинченные, усталые.

Приходил корреспондент. Я — его, а Александра Львовна — другого просили не приходить, не беспокоить нас. Л. Н. не желает, чтобы газеты давали о нем сообщения, но известия все же они получали через Озолиных. Озолину доставили в этот день четыре телеграммы от «Русского слова», умоляли его (телеграфировать) сообщать и прислали ему 100 р., которых он не принял, узнав от нас, что Л. Н. не желает, чтобы о нем публиковали сообщения. Он, бедняга, не знал, как поступить. Эти телеграммы озадачивали, волновали его и рассеивали. Вместо того, чтобы сосредоточиться на прислуживании.....**

В 4 ч. пополудни t° — 39,8, пульс — 106, 15 перебоев, дыхание 30. Сонливость. Пил мало (нарзан); весь день ничего не ел.

В 6 ч. вечера пот. Л. Н. очень стонал, но болей, стеснений в груди никаких не ощущал. Не бредил, не метался. Пил нарзан. Дремал. В легких, в обоих нижних долях сзади, обильные сухие и влажные хрипы. Бронхит. Л. Н. два раза кашлянул грудным кашлем, сухо. Аускультация*** — звонкий звук. Сегодня приходил Стоковский, был очень любезен, мил.

В 5 ч. получена успокоительная телеграмма от Черткова о Софье Андреевне. Л. Н. было приятно, что Софья Андреевна спокойнее. Пожелал, чтобы приехал Чертков⁴. Просил свою статью «О социализме».

Александра Львовна спрашивала, можно ли будет завтра или послезавтра дальше ехать, и переговорила с Озолиным о заказе отдельного вагона. Я ответил: «Дай бог, чтобы можно было через 7—14 дней».

Вечером, когда Варвара Михайловна хотела посмотреть температуру, Л. Н. сказал:

— Нет, вы мне посветите. Я сам люблю смотреть...

Посмотрел на термометр и, увидя, что температура с 38 не падает, сказал:

— Ну, мат! Не обижайтесь...

В 10 ч. t° 38,2, пульс 96 и дыхание участилось. Согревающий компресс.

2 ноября. В ночь с 1 на 2 ноября к учащению дыхания прибавились еще боль в левом боку и кашель. Тут стало воспаление уже очень правдоподобным, но аускультацией и перкуссией**** еще нельзя было его определить.

В 2 ч. ночи — 39,2, пульс 96 и такая же t° до утра. (Пульс с перебоями.)

* Наехал 271 корреспондент.

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

*** выслушивание (*лат.*).

**** выстукиванием (*лат.*).

Ночью Л. Н. держал руки сложенными, как на молитву. Очень мало говорил. Температуру мерить, пульс щупать охотно давал. Согласился на прослушивание, также на компресс. Дремал, но легко просыпался. Надо было проветривать комнату. Принесли ширмы, обставили ими кровать Л. Н. и открыли форточку в той же комнате, в которой лежал. Вечером опять нашел дым в комнату. Дело было не в щелях, которые печник замазал, а в неумелой топке. Мы вентилятор не закрывали, а надо было его закрывать на время, пока не перегорели дрова; девушка недостаточно перемешивала уголь перед тем, как закрыть трубу; дымилось и из третьей комнаты, где девушка положила дрова так, что они торчали из дверей, и из этих торчащих концов пламя и дым валили в комнату. Печник починил печь на второй или третий день, но еще день прошел, пока выучились закрывать вентилятор на печи в то время, пока топили. Ночью тараканы и мыши шумели. Есть и клопы — я снял с рубашки Л. Н.

Утром в 9 ч. дыхание 38, t° 39,2. Дыхание пустое, вся грудь подымалась. Голос у Л. Н. ослабел и получил звук грудной, слышно было, сколько усилий и более стоило ему говорить.

Допустили ошибку, что с самого начала не пригласили сиделку к Л. Н. и что мы сами не упорядочили свое дежурство, а иногда все трое голпились, входили часто, мешали Л. Н. спать, и что не наняли прислуги.

Л. Н. был нужен отдых, а приехали В. Г. Чертков с А. П. Сергеенко. Л. Н. был сосредоточен, озабочен, молчалив и слаб.

Когда первое свидание и беседа с Чертковым кончились, Владимир Григорьевич вышел *. Л. Н. хотел уснуть и скоро стал равномерно дышать. Сон его был прерван падением мешка с горячей водой, который был положен на стул, близ кровати. Были два маленьких стола в комнате, но они были завалены вещами, так что приходилось занимать стулья. Часто Л. Н. будила длинная процедура мытья полов, открывание двери без ручки, которая с трудом отворялась и со щелчком: так как все были невыспавшиеся, то лишний раз ходили и болтались, а нам приходилось выходить и входить постоянно: за водой для питья, за теплой водой. Был на всю семью и для нас всего-навсего один самовар; одно ведро на весь дом; не было посуды, не сразу в первые же дни обзавелись всем своим, а постепенно. Сначала не догадались, да и было неловко покупать новое, т. к. хозяева любезно предлагали — у них охота была делиться, но вещей никак не хватало для удовлетворения обеих сторон.

Дня три-четыре не было у нас посыльного, не распорядились насчет дежурства, чтобы, кроме дежурного, никто не входил.

Доходили тревожные слухи, что полиция высылает всех, кто..... **

Первый вечер и следующие два дня вся семья начальника (пять детей) и нас четверо и прислуга продолжали жить в его доме; а на третий день прибавились еще Чертков с Сергеенко. Ночевало нас с ночи со 2 на 3 ноября 14 человек да, кроме того, еще постоянно бывал кто-то из сыновей Л. Н., или врачи, или из друзей.

Во временной столовой была устроена канцелярия. Туда получалась огромная корреспонденция. Какая там шла работа, видно из того, что на телеграммы и почтовые марки тратилось по 20 р. в день. Там была и трапезная и ночлежная. Туда весь день и ночь стучали в форточку и подавали почту, и спрашивали известия. Сергеенко был секретарем,

* В. Г. Чертков описал свои впечатления, наблюдения и беседы с Л. Н. в «О последних днях Л. Н. Толстого». СПб., 1911. Отсылаю читателя туда (что там написано, я не буду повторять).

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

экономом, привратником. Постоянно приходили справляться о состоянии здоровья.

Л. Н., поговорив перед полуднем с Владимиром Григорьевичем, приехавшим в 9 ч., вздремнул.

В 12.30 дня в мокроте — кровь. Воспаление легких стало несомненным.

Когда Л. Н. был один, все время дремал, легко просыпался, в доброй памяти. Сегодня, как и вчера, немного диктовал: мысли о боге и письма.

Около Л. Н. дежурили, чередуясь, Александра Львовна, Варвара Михайловна и я, теперь и Владимир Григорьевич. Приходил Стоковский. Приезд Черткова внес успокоение, он твердо убежден, что у Л. Н. хватит сил перенести эту болезнь. Александра Львовна не теряет.

Л. Н. серьезен и, наверно, понимает опасность, сознает, насколько ослаб, насколько болезнь серьезна.

Он нежен, смирен, старается угождать всем во всем, хоть и с напряжением сил, но не показывая этого, соблюдает душевное спокойствие. Очень благодарен за всякое внимание, услугу.

Температура между 2 и 5 ч. пополудни — 39,5, после упала до 38,8.

Пожелал градусник и прочесть газеты. Владимир Григорьевич прочел статью Хирьякова¹ (о Л. Н. и еще другие), Л. Н. еще просил — не о себе, а «что попадет» политического.

Сзади, ниже лопатки влево, звук глуше, грохот крупных и малых пузырей. Вправо, под лопаткой, звук тоже немного глухой, хрипы. В этом же (правом) боку стал чувствовать легкую боль. Второй фокус воспалений.

В 6.30 вечера t° 38,8, дыхание 38. Я проветривал в это время, вино себя. Потом в 7 ч. заснул. Слышно охал: «Боже мой, боже мой». Я в первый раз слышал от стонущего Л. Н. эти слова.

Александра Львовна: Не вызвать ли Никитина?²

В 7 ч. вечера приехал Сергей Львович и привез другую, более просторную кровать. Несколько часов не входил к отцу, потом вошел, когда он дремал, не показываясь ему, чтобы новой встречей не утомлять его и, главное, чтобы падить его, чтобы думал, что не знают, где находится. Только где-то после полуночи, когда Л. Н. была нужна помощь, Сергей Львович приблизился, и Л. Н. узнал его, обрадовался его приезду и разговорился с ним.

— Как ты меня нашел? — спросил его Л. Н.

Сергей Львович поцеловал его; этим Л. Н. был очень тронут.

Получили два извещения: Озолин — что ночью приедет экстренный поезд, а я (от Куприянова) — что приедут Софья Андреевна с врачом-психиатром и фельдшерницей, с Андреем, Михаилом, Татьяной Львовной и В. Н. Философовым.

Решили Л. Н. об их приезде не говорить и Софью Андреевну не допускать к нему. Но мы еще боялись ее, не решались загородить ей дорогу. Тут Озолин, полюбивший Л. Н., вызвался не пускать ее в квартиру.

В 7.45 Л. Н. проснулся, t° 38,5. Впал в забытие.

В 9.40 t° 39,2, пульс 114. Томился, изжога. Пульс — каждый третий перебой. Принял четыре капли строфантовой настойки. Через 7 мин. — 110, перебоев менее. В 10 ч. ночи — 140. Позвал Алешу Сергеенко и поговорил с ним о..... *

Когда Л. Н. спросил меня, какой пульс, и я сказал, что 110, попросил часы и сам стал считать, насчитал 80 (перебои не дали ему правильно сосчитать пульс).

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

В 10.20 предложили кофе. Л. Н. не хотел пить, боясь усиления изжоги. По той же причине сегодня не пил молока и ничего не ел.

Хотя ободряем друг друга, особенно Владимир Григорьевич, сегодня все мы, окружавшие Л. Н., скрываясь один от другого, исплакались.

В 12.10 ночи приехал экстренный поезд с одним вагоном (санитарным: половина — второго, половина — третьего класса). Я пошел, переутомленный, встречать и сообщить Софье Андреевне о положении Л. Н.

Софья Андреевна имела не свой обычный деловой вид, была не такой, какая она есть, а какой-то нерешительной, несмелой. Была бледна. За ней следили, прерывали ее с нетерпением: «Мамá, не волнуйся».

Софье Андреевне я рассказал, что у Л. Н. воспаление, которое в этом возрасте обыкновенно смертельное, но Л. Н. в последние пять лет два раза легко перенес бронхопневмонию, сил много, но безнадежен. Софья Андреевна заговорила о свидании с Л. Н., на это я сказал, что этого не может быть, что Л. Н. третьего дня бредил тем, что она его погонит. Софья Андреевна упрекала меня, почему я тогда не разбудил ее, что она бы обласкала его и он не уехал бы, и что это он навлек на нее такой позор, жену бросил, она ему ведь ничего не сделала, «только вошла в кабинет посмотреть, у него ли дневник, который пишет, не отдал ли и его, и еще, услышав шум, заходила и спросила: «Левочка, аль ты нездоров?»» — «Изжога, миндаль принимаю, не мешай мне», — ответил злобным голосом, досадуя. Я долго стояла у двери. Сердце у меня билось. Потом, услышав, что потушил свечу и ложится спать, я ушла. Как это я крепко заснула, что не слышала, как он ушел».

Если Л. Н. выздоровеет, в чем Софья Андреевна не сомневается, и если поедет на юг.....*

Татьяна Львовна, Андрей, Михаил и В. Философов были усталые и встревоженные, озабоченные положением и отца и матери. Успокаивали мать, но нервно, с укорами. Софья Андреевна выставляла причиной свое нездоровье.....* а потом созналась: «Я пересолила».

3 ноября. Вчера днем Л. Н. страдал от сильного жара (39,6). Ночь на 3 ноября до полуночи спал очень плохо, почти все время бредил, кашлял, снова отхаркнул ржавую мокроту, стонал, страдал от изжоги. Перед полуночью жар постепенно упал до 37,7, после полуночи Л. Н. спал спокойно.

Температура утром в 6 ч. — 37,2, дыхание 36, пульс 90.

Температура утром в 9 ч. — 37,2, дыхание 39, пульс 104—120, перебои, слабый. В 10.20 — t° 36,7.

Хотя Л. Н. значительно ослабел за время болезни, по два дня ничего не ел, мало пил, все-таки физических сил у него удивительно много. Третьего дня и вчера мало пил. Не чувствовал жажды. Сегодня соглашается пить для того, чтобы восстановить потерянную телом в жару жидкость. Душевно бодр и спокоен. Согласился пить шампанское и полоскать им рот, принимать ревеня, соду (от изжоги), компрессы.

Опять пил нарзан и обыкновенную воду.

Просил обмыть лицо и руки. Александре Львовне, когда ему это делала, сказал:

— Как вы, женщины, ловко это делаете.

Опять выпил нарзану и обыкновенной воды.

Спросил, какая у него болезнь.

— Катаральное воспаление частей нижних долей легких.

Л. Н. помолчал.

— Старайтесь, Лев Николаевич, поменьше говорить, больше отдыхать.

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ТЕЛЕГРАФИСТЫ НА СТАНЦИИ АСТАПОВО

7—8 ноября 1910 г.

Фотография С. Г. Смирнова

Сегодня приехали Илья Львович, И. И. Горбунов, Гольденвейзер. Л. Н. пожелал писать дневник и попросил поправить ему под головой. Я, поправляя, подложил ему подушку, привезенную ночью.

Л. Н.: Какая это подушка?

— Ваша, прислали из Ясной.

Л. Н. отстранил подушку.

— С кем?

— С Татьяной Львовной.

— Когда Таня приехала?

— Ночью.

Молчок.

— И Дмитрий Васильевич здесь ¹.

Л. Н.: Дмитрий Васильевич когда приехал? So viel Umstände! *

От Владимира Григорьевича Л. Н. узнал, что приехали Горбунов и Гольденвейзер.

Пришел Д. В. Никитин, добрый друг Л. Н. В начале 1900-х годов — домашний врач у Толстых. Он теперь занимается преимущественно бактериологией. Л. Н. мило, дружелюбно принял его и поговорил с ним о медицине: говорил о бесполезности медицинского лечения, что важен один уход. Ни в чем нет столько занятия тем, чего не знают, как в медицине. Есть одно, гигиена разных больных, главное — опыт, не заниматься (?), не разрешать (?)..... ** Советовал Дмитрию Васильевичу не заниматься бактериологией, говоря, что это глупости: пусть занимается живыми людьми; советовал работать врачом не в земстве, а в клинике.

Потом спросил, на какой бок лечь от изжоги. Л. Н. инстинктивно ложился на правый бок, переменив компресс.

Освидетельствовали Л. Н-ча Никитин и А. П. Семеновский ².

* Сколько беспокойства! (нем.).

** Пропуск в подлиннике.— Ред.

Сердце слабо. Никитин приписывает это не столько органическому расстройству, сколько расстройству нервного аппарата сердца.

После Л. Н. отдыхал.

Ходила за ним Варвара Михайловна; ей сказал, что она идеальная сиделка.

Потом с Владимиром Григорьевичем говорил о дневнике и, кажется, диктовал³. Владимир Григорьевич прочел отобранные письма из полученных на имя Л. Н. после его ухода⁴. Между ними письмо Новикова. Л. Н. внимательно слушал и на словах отвечал⁵. Спросил о В. Ф. Булгакове (секретаре) и о С. М. Булыгине, не звали ли их на ставку. Владимир Григорьевич слишком утомил Л. Н. разговорами и чтением писем, на которые Л. Н. диктовал ответ. Л. Н. тяготился, что из-за него столько людей наехало, хотя он знает не про всех, кто здесь. Л. Н. так не хотел, чтобы из-за него от своего занятия отрывались люди, как раньше не хотел, чтобы его на прогулках верхом сопровождал кто-нибудь. Только когда стал 81-летним стариком, позволил.

Л. Н. (Александр Львовне): В приезде Никитина ты виновата. Я ему сказал, что полезна гигиена.

Александра Львовна: Я его выписала в помощь Душану Петровичу, который уставал и не хотел на себя брать ответственность.

В час дня попросил «Круг чтения». Я ему прочел вслух 3 ноября⁶. Всегда спрашивал авторов.

После писал дневник, лежа, своим (подаренным ему Чертковым) самопишущим пером. Толстая тетрадь in 4° с черными коленкоровыми мягкими обложками. Под тетрадь положили дощечку с немецкими изречениями из Библии — эту дощечку сняли со стены и поставили ему на колени. Л. Н. лежал у стены. Л. Н. спросил числа дней, проведенных в Шамордине и здесь. И стал, торопясь, записывать, быстро водя пером. Записал дни 31 октября — 3 ноября*.

Потом просил простой воды. Стонал.

В 3 ч. перенесли Л. Н. в соседнюю комнату, и его комнату проветрили, отворив парадный вход. В это время поднялась на крыльцо Софья Андреевна. Сергеенко перед ней закрыл дверь. Она обиделась и после говорила, что она хотела только вызвать одного из докторов. Я виделся с Софьей Андреевной пополудни, когда ходил поспать в вагон к Михаилу и Андрею Львовичам. Она все говорила о том, как ее огорчил Л. Н.: что она его любит и мечтает, чтобы он опять пожил в Ясной в обычных, привычных ему условиях; что она готова переселиться в Тулу или Телятинки жить и только временами приезжать в Ясную. Если же Л. Н. уедет, то она за ним. Она готова 5000 р. дать сыщику за выслеживание.

В 4 ч. пополудни t° 36,7, пульс 96.

В 6 ч. сам просил пощупать ему пульс.

В 9 ч. вечера t° 37,8, пульс 104, очень слабый, со множеством перебоев. Никитин предложил принять настойки строфанта.

— Позвольте не принимать, — ответил Л. Н., но принял и запил полным стаканчиком нарзана с мадерой.

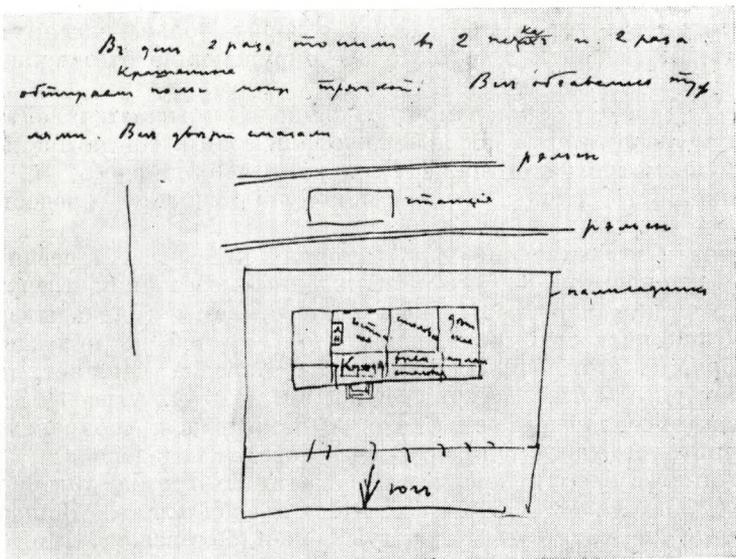
Сегодня Л. Н. почти ничего не ел.

Лечение: согревающий компресс, вино, камфора под кожу, клизма; пил глотками виши, t° вечером 37,8; деятельность сердца к вечеру несколько улучшилась (Никитин).

Л. Н.: Не могу заснуть... Все сочиняю, пишу, складываю. Можно только писать или газеты читать. Прочитайте «Голос Москвы»**.

* Последняя запись⁷.

** Последняя газета, которую Л. Н. просил прочитать.

ПЛАН ДОМА И. И. ОЗОЛИНА В АСТАПОВЕ

Чертеж Маковицкого в письме к М. Н. Толстой от 6 ноября 1910 г.

Собрание Д. Маковицкого (племянника), Братислава

«Голоса Москвы» не оказалось. Я стал читать «Русские ведомости» от 2 ноября, а продолжила Варвара Михайловна. Что о нем писали, просил пропустить. Слушал внимательно. Статью о тройном самоубийстве⁸ просил вырезать и положить ему в дневник*.

Л. Н. готовил, писал в последнее время, кроме статьи о социализме, еще статью о безумии современной жизни, о самоубийствах.

Видно, что сам Л. Н. надеялся преодолеть болезнь. Видно было и то, что желал выжить, но и за все время болезни ничем не показал обратного, т. е. нежелания, лучше сказать — страха смерти. Л. Н. еще до сегодняшнего дня все время думает, что выздоровеет и поедет дальше. Сегодня сказал Александре Львовне:

— Телеграфируй сыновьям, чтобы удержали мамá от приезда, потому что чувствую, что сердце мое так слабо, что свидание будет губительно, хотя здоровье лучше⁹.

Сегодня входила к Л. Н. Татьяна Львовна. Она почти конфузилась — настолько была озабочена его здоровьем и тем, чтобы не волновать, не повредить ему, и, наверное, ее угнетало то, что она будет говорить не всю правду насчет Софьи Андреевны. Ответила, что Софья Андреевна в Ясной с Андреем и Михаилом.

Л. Н. был Татьяне Львовне так же рад, как и Сергею Львовичу. Л. Н. говорил Александре Львовне:

— Сережа-то каков! Как он меня нашел? Я очень ему рад, он мне приятен. Он мне руку поцеловал.

И Л. Н. всхлипнул.

Татьяна Львовна провела у него всего около шести-семи минут.

Сегодня приехал и Илья Львович. Так что съехались все дети, кроме Льва Львовича, который в Париже. Все они единодушны в том, чтобы убедить Софью Андреевну, что нельзя ей теперь к Л. Н. Она сама этого

* Последняя статья, которую Л. Н. просил вырезать и отложить для него.

настойчиво не требует, пытается, как говорит, только заглянуть, ничего не сказать, не говорить с ним. Но все окружающие отговаривают ее от этого.

Илья, Андрей, Михаил самоотверженно отказываются войти к отцу, не желая тревожить его. Так и не говорили с ним. Когда дремал, входили в дверь посмотреть на отца. Л. Н. не знал, что они здесь.

Сиделки нет. Озолины сегодня покинули квартиру, предоставив всю нам.

Сегодня (и в следующий день) входили к Софье Андреевне в вагон пять корреспондентов. Она в возбужденном состоянии говорила им — и они строчили, — что Л. Н. ушел ради рекламы (оправдывала себя). Но они были настолько порядочны, что ее речей не передавали¹⁰.

4 ноября. До 4 ч. ночи Л. Н. не спал. Изредка кашляет, ничего не отхаркивает. До 4 ч. дежурил Никитин. В 4 ч. утра t° 38,3. Бред. В 5.30 очень беспокоен. Раскрывался и накрывался, «обирался». «Боже, избави меня», — говорил. Стонал. Выпил нарзану с мадерой.

Л. Н. стал (в бреду) решительно, отчетливо, громко диктовать (говорить): «84, 85, 134, 135, 73, 74, 75, ну...» и «обирался»... Я подал питье. Л. Н., беспокойно водя рукой, толкнул стакан, облился.

— Это что? — немного затих.

Потом снова начал громко диктовать и сердиться:

— Отчего вы не делаете четвертое пятое? Поставьте четвертое пятое. Не понимаю, что вы делаете, поставьте четвертое пятое. Ах, боже мой! Опять, вода левой рукой, отчетливо:

— Отчего вы не пишете? Не думайте, что я глуп.

При этом Л. Н. не находил себе места, лежал со скрюченными коленями, поворачивался с боку на бок, приподымаясь очень высоко, даже присел. Казалось, что движения эти делал очень легко.

Я позвал Сергеенку. Он догадался, что «четвертое пятое» — это о том, что с 4-го на 5-е должно в газетах появиться письмо о том, что никто не имеет права продавать его сочинения¹.

Сергеенку сказал Л. Н.-чу:

— Четвертое пятое поставлено, — и стал читать вслух, не помню, какие, записанные слова Л. Н. Когда остановился, Л. Н. сказал: «Потом, потом». Сергеенку опять прочел снова: «Поступило 4-го, 5-го и т. д.», и, когда остановился, Л. Н.: «Так оставьте», и успокоился. Охотно пил нарзан. Поспал четверть часа спокойно.

В 6.30 утра опять начал одеяло снимать с груди и живота и опять натягивать его. Стонал, слабо бредил.

Температура с 36,7 к 4-му ч. утра поднялась до 38,3, а в 6.40 t° 38, пульс около 100, перебоев меньше вчерашнего. В 7 ч. стал рукой писать по одеялу и произносить отдельные слова. Кашляет, не откашливая ничего. Как вчера, и сегодня икота. Она мучила его чем дальше, тем больше (от нее сначала помогала сахарная вода. Потом мешок с горячей водой на желудок. Но скоро оба эти средства перестали действовать, и икота, хотя, как Л. Н. сказал, что она не мучительна, вредна Л. Н. была тем, что не давала ему спать*).

Позже, в 9 ч., t° 38,1, пульс 140.

С 7 до 9 был беспокоен, поворачивался, садился, места себе не находил. Пить не хотел. Разбудили Александру Львовну. Она ему подала пить — пил.

Беспокойство все сильнее. Л. Н. открывался, снимал с себя одеяло. Рукой водил по воздуху, как если бы хотел что-то достать. В 9.40

* В последующие дни болезни икота становилась все продолжительнее, в 7-й день — 12 ч. в сутки.

С. А. ТОЛСТАЯ У ОКНА КОМНАТЫ ДОМА И. И. ОЗОЛИНА,
ГДЕ ЛЕЖИТ БОЛЬНОЙ ТОЛСТОЙ

Астапово, 3—6 ноября 1910 г.

Кадр из документального фильма фирмы бр. Пате

«В 12.10 ночи приехал экстренный поезд с одним вагоном... Я пошел... встречать и сообщить Софье Андреевне о положении Л. Н.... Съехались все дети, кроме Льва Львовича, который в Париже. Все они единодушны в том, чтобы убедить Софью Андреевну, что нельзя ей теперь к Л. Н. Она сама этого настойчиво не требует, пытается, как говорит, только заглянуть, ничего не сказать, не говорить с ним... Сегодня утром, в 7 ч., Софья Андреевна справлялась о здоровье Л. Н. Ходила вокруг дома... В 9 приходила на крыльцо»...— Записи от 2, 3 и 4 ноября 1910 г.

t° 38,1, дыхание 33, пульс 140, очень частый. Strophanti шесть капель. В 10 ч. сняли компресс. Никитин выслушал: сердце, как вчера, расширено, воспаление в левом легком не пошло дальше. В правом боку ниже лопатки какие-то посторонние шумы. Язык сух и мал. Слабость сильнее. Общее состояние более тяжелое, чем вчера. Не следовало давать шампанского из-за возбуждения сердца.

Попросил, чтобы его не будили, что хочет «лежать» (не находил точных выражений). Заснул и спал с полчаса более или менее спокойно. Изредка стонал. Владимир Григорьевич стоял возле. В 10.30 Л. Н. вдруг сел, просил: «Пить!». Я подал воды с вином, оттолкнул. И «пить, пить» (опять не находя точного выражения)... После спокойно заснул. Верно, полегчало ему, т. к. после спал спокойно.

В 11.15 *injectio coffeini* *.

Около 12-ти меняли компресс (Л. Н. охотно подчиняется).

Пульс держится около 100 (раз был, недолгое время, 140), перебоев меньше, чем вчера. Около полудня подали свежий компресс. После *injectio camphorae* **. Потом пил по полстаканчику нарзана с шампанским и миндальное молоко. В 4-м ч. попросил: «Не будите меня, хочу лежать».

* вприскивание кофеина (лат.).

** вприскивание камфоры (лат.).

В 3.45 просил чего-то. Владимир Григорьевич спросил: «Чаю?» — «Да». Подали с миндальным молоком, выпил 80 гр., полчашки — на восемь глотков, очень устал от питья. Но вскоре «свободно» приподнялся, очевидно сил у Л. Н. много.

Александра Львовна его умыла. Разговаривал с ней. Выйдя, сказала: — Он, как ребенок маленький совсем.

С 4-х ч. охает, в забыты. Пульс 120, t° 38,3.

Дмитрий Васильевич впрыснул камфору три раза сегодня.

В 4.30 бредил числами: 424 и т. д., потом повторял в бреду: «Глушости, глупости».

Александра Львовна подавала пить:

— Не хочу. Не мешайте мне, не пихайте в меня.

У Л. Н. были причины просить: «Не будите меня», «Не мешайте мне», т. к., действительно, мы, ходившие за ним, будили его, мешали ему (чего не следовало делать: в такой болезни главное — покой). Наше дежурство не было упорядоченным, все мы были возбужденные, утомленные, то и дело отвлекали нас (особенно Никитина) корреспонденты, родные, друзья, любопытные. Получались в большом количестве газеты, переполненные известиями о Л. Н. Каждый получал во много раз большую корреспонденцию, чем обыкновенно, много телеграмм. Как только кто-нибудь ложился спать, его будили из-за «срочных с ответом» телеграмм.

Хотя квартира была семьей Озолиных оставлена, места стало больше, но нас, людей около Л. Н., и вещей прибавилось. Две комнаты квартиры были невычищены и, кроме того, на ногах вносилось в квартиру много грязи, песку.

Жили в квартире Озолина Александра Львовна, Варвара Михайловна, Озолин, Чертков, Сергеевко, девушка-прислуга. Я, Никитин и Семеновский ходили ночевать в другие квартиры. Днем приходили еще доктор Стоковский, Татьяна Львовна, сыновья Л. Н., Горбунов, Гольденвейзер, позже еще прибавились доктора (Щуровский, Усов). Иногда входил разносчик телеграмм. Во время совместной еды порой бывало шумно. Когда Л. Н. было плохо, все приунывали; когда, казалось, ему легче, оживали.

Не догадались обзавестись мягкой обувью, не смазали дверей (это стали делать только с пятого дня); топка, мытье пола, умывание лица, рук, тела; не догадались, когда Л. Н. дремал, сделать на дверях знак не входить.

(Сегодня распоряжение о выселении лиц, не живущих в доме у начальника, не семейных Л. Н. и не корреспондентов — тоже растревожило нас, хотя напрасно. Это было сделано, чтобы предотвратить скопление народу, которого через несколько дней набралось бы из Москвы и других городов тысячи.)

Сегодня утром, в 7 ч., Софья Андреевна справлялась о здоровье Л. Н. Ходила вокруг дома, беспокоила нас; я боялся, что станет громко кликать, чтобы услышал Л. Н., что она здесь. В 9 приходила на крыльцо, долго задерживала Никитина.

Семейный совет: решали, выписать ли еще московских врачей. Андрей Львович хотел. Переголосовали, решили «пока не выписывать».

Как это несчастье сближает людей! Теперь сыновья Л. Н. все дружны, поступают заодно с другими.

В 6.30 t° 38,4, пульс 110.

В 7 ч. digitalis.

В 7.30 пообмывали, пообтирали и подложили гутаперчевый круг. Четвертая injectio camphorae.

С 2 ч. Л. Н. не хотел ничего пить.

ТОЛСТОЙ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Астапово, 7 ноября 1910 г.

Фотография В. Чеховского

В 7.50 от икоты проглотил три чайные ложки сахарной воды, а немного спустя молока с коньяком. Очень устал.

К вечеру стал бредить и говорил: «Саша, все идет в гору... Чем это кончится. Плохо дело... плохо твое дело». После молчания: «Прекрасно», а потом он вдруг крикнул: «Маша!».

Л. Н. сегодня, когда не бредил и не дремал, был погружен в себя; размышлял, мало говорил, старался спокойно лежать и спокойно переносить мучившую его изжогу и икоту. Не звал никого и сам не разговаривал.

Но, когда говорил, думал о всех, был необыкновенно впечатлительный, легко слезился.

5 ноября. Ночью до 3 ч. утра был плох. Жар ночью был 37,7, к утру упал до 37,4, пульс 100 и весь день до 6 ч. вечера выше 37,0 не поднялся. Был очень возбужден, все бредил, метался в постели, то садился, то снова ложился, говорил невнятно. Сильная одышка (40—44), плохой, слабый пульс. Ночью два впрыскивания 2% камфоры. При выслушивании сердца опять расстройство ритма. Воспаление дальше не распространялось. Угнетенное и подавленное состояние. Тем не менее сознание яснее, полнее, чем вчера было, восприимчивость к внешним впечатлениям не понижена. Икота утром через каждые 20 минут и продолжается пять минут, потом глубокий сон.

В 8-м ч. Л. Н. сел и так пил.

В продолжение некоторого времени еще несколько раз так садился, спустивши ноги с кровати; раз присидел дольше часа.

Голос свободнее и не устаёт говорить, хотя старается мало говорить. Глолет легче. Пьет мало, потому что у него икота, и предпочитает не пить.

Когда я ему предлагал, ответил: «Оставьте, друг мой».

Почти на все предложения пищи отвечал отказом, съел всего три ложки смоленской каши и просил его как можно меньше тревожить; не позволил себя перекидывать на другую постель; весь день икота. На изжогу не жаловался. За день впрыснуто два шприца дигалена, три — камфоры, один — кофеина. Температура вечером 37,4.

Мокроту откашливал легко, жидкая, крови самые малые следы. Л. Н. стал нетерпелив.

В 10-м ч. дня Л. Н. в полубреду настаивал, чтобы что-то «делать дальше». Мы стали ему читать «Круг чтения», сначала я, потом Варвара Михайловна, потом Татьяна Львовна, которую Л. Н. спрашивал, благодаря ее за что-то, и сказал: «Милая Таня».

Прочли три раза подряд 5 ноября «Круга чтения»¹.

Когда перестали читать, Л. Н. сейчас же спросил:

— Ну, что дальше? Что написано здесь, — настойчиво, — что написано здесь? Только ищи это... Нет, сейчас от вас не добудешь ничего.

Последнюю фразу говорит Л. Н. почти плачущим голосом и, повергивая голову, ложится.

— Что нынче было?

В 10 ч. дня пульс 96, t° 37,1, перебои 1—2.

В 10.15 injectio digaleni 0,01.

Спокойно спит.

Приехал Г. М. Беркенгейм. Привез всякие лекарства, приспособления, кислород.

Вычистил, проветрил соседнюю комнату. Мы туда перенесли Л. Н., в это время Григорий Моисеевич опять вычистил, проветрил другую комнату.

Сегодня два раза будили Л. Н. — раз для того, чтобы напоить, раз, чтобы перенести на другую кровать.

Сегодня были все, несмотря на абсолютно плохой прогноз, поставленный Семеновским, в приподнятом, бодром состоянии духа. И не хочется верить, чтобы дорогой человек умер, к тому же недавно такой бодрый, крепкий и преодолевший столько тяжелых болезней. Воспаление не распространяется, и Л. Н. меньше горит и меньше вчерашнего бредит, движения свободнее, дыхание..... *

Мы поддерживали, обнадеживали друг друга. Во временной столовой оживление.

Александра Львовна сказала: «Какая судьба отца! Хотел опроститься, а тут Прохоров предлагает вегетарианский стол Л. Н-чу. Поехал третьим классом — предлагают особый вагон. Со всех сторон депеши. Заплатили вчера на здешней станции за депеши 372 рубля. Кроме того, в почтово-телеграфной конторе ...»

Владимир Григорьевич: Это все на трудовые деньги народа.

Л. Н. против инъекции: «Нет!»

6 ноября. Первую половину ночи на 6 ноября спал довольно спокойно, вторую — тревожно, громко стонал от икоты и изжоги. Временами был в полузабытии. Пульс был слабый, частый, с большими перебоями. За ночь впрыснуто два шприца камфоры, t° утром 37,2. Большая слабость, одышка, икота. Дыхание не затруднительнее, чем вчера. Пролежень на правом костреце. Его заметил еще вчера вечером Дмитрий Васильевич (неободранный). А слева на левом колене тоже неободранный пролежень. Утром под кожу впрыснуты дигален и камфора.

Приехали доктора Щуровский и Усов. Они очень деликатно и коротко

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Стану раско гитиса. Станови
 где он не доу, Вил Гр., Сервис
 А. Д. и Ва мн стану гитиса
 Вана бонд и (маркенто) мнети по
 ствоти к поззгу
 С. А. стану мнети вати и пачевати
 бонд и Л. Н. и и позвот. и Нгу бонд
и ствоти он
 перекомани раздани
 в бонди (мнети. мнети) на трира бонди
и мнети мнети
 мнети и оури и мнети мнети
 мнети мнети (Н-ва) мнети мнети
 мнети (мнети) и мнети мнети
 мнети и мнети мнети
 (мнети мнети)

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ, СДЕЛАННАЯ МАКОВИЦКИМ В АСТАПОВЕ
7 ноября 1910 г.

выслушивали легкие Л. Н-ча. Л. Н. их не узнал и задыхался. После спросил:

— Кто эти милые люди?

После консилиума все мы, ходящие за Л. Н., упали духом. Один Владимир Григорьевич так же спокойно ухаживает за Л. Н., как и прежде. Он невозмутимо спокоен и не теряет надежды.

Около часу дня я спросил Л. Н.:

— Можем ли вас в ту комнату перенести, а тут проветрить?

Л. Н.: Пойдите... Лучше нет.

Как очень часто, особенно в болезни, Л. Н. не сразу соглашается на предложения. Потом, через несколько минут, еще раз спросили. Л. Н. не ответил, и мы (четыре доктора) понесли его.

Около 2-х ч. дня неожиданное возбуждение: сел на постель и громким голосом, внятно сказал присутствующим:

— Вот и конец!.. И ничего!

После ухода докторов остались у Л. Н. Татьяна Львовна и Александра Львовна. Л. Н. им ясно сказал:

— Я вас прошу помнить, что, кроме Льва Толстого, есть еще много людей, а вы все смотрите на одного Льва¹.

И еще сказал:

— Лучше конец, чем так.

Среди дня начали пускать кислород. Л. Н. позвал: «Сережа...» и говорил что-то, чего нельзя было понять. Так как тяжело дышал, пускали кислород вблизи его.

Л. Н. спросил:

— Что это?

— Кислород, чтобы легче было дышать.

Л. Н. неохотно дышал, много раз просил прекратить.

Пьет поряточно молока и воды. Выпил 100 гр. жидкой овсянки с одним желтком и 120 гр. молока.

Делали инъекции камфоры, от икоты клали мешки с горячей водой на желудок.

Л. Н. просил: «Оставьте меня в покое».

Страшно мучила Л. Н. весь день икота. В 6 ч. вечера после продолжительной икоты, отрывивания, которое не дало ему отдохнуть, Л. Н. в полузабытье говорил слова, фразы — иные понятно, иные нет: «Совершенно бесполезно», «Глупости» (о медицинских приемах?).

Потом произнес:

— Я очень устал: не хочу теперь думать.

Сегодня ходили за Л. Н. больше Владимир Григорьевич, А. П. Семеновский и я. С Чертковым очень хорошо. Он в самые тяжелые минуты не теряет спокойствия; и не разговаривает и ничего не спрашивает Л. Н.

К вечеру самочувствие несколько лучше; сделано впрыскивание ди-галена, затем камфоры. Л. Н. попросил есть. Выпил в течение вечера три маленьких стаканчика молока и съел немного овсянки. Сознание у Л. Н. было вполне ясное. Но к концу вечера усилились икота и одышка.

Вечером от 10 до 12-ти, когда было ему труднее всего, когда места себе не находил, когда дыхание с 40 участилось до 50, несколько раз ложился на левый бок, наклонясь (скрючась) сильно вперед; несколько раз откинулся сильно назад, так, что мог выпасть.

Перед полночью, употребив много сил, он быстро сел. Чертков, стоявший между правой стороной кровати и стеной, поддержал его сзади. Тяжко-тяжко дышал 50 раз в минуту. Л. Н. сидел так с четверть часа со спущенными ногами. Потом перегнулся вперед, спустился до 45°. Голова повисла, но не совсем сильно.

Тут никто его не держал: Л. Н. не желал. Глубоко стонал и дышал; так пробыл с полторы минуты. Потом приподнял голову и плечи, посидел прямо, голову несколько назад закинул и сказал (в голосе вздох удушья и страдания):

— Боюсь, что умираю.

Движением головы и корпуса показал, что хочет лечь. Лег и все очень трудно дышал. Откашлялся сглубока, но не выплюнул, а проглотил.

— Ах, гадко!

Поднялась икота.

Л. Н. не находил себе места. Опять резко сел. Говорил с передышкой, то бормоча, то понятнее. Я понял эти слова:

— Сережа... истину... я люблю много, я люблю всени (всех? Л. Н. иные слова не выговаривал точно)².

Дышал страшно тяжело, к тому же отрывка.

Л. Н.: Ах, гадко!

У меня записано в 11 ч. ночи:

— Как трудно умирать! Надо жить по-божьи.

Как Л. Н. кричал, как метался, задыхался!

Уже раньше была речь между нами, врачами, что от икоты надо дать морфину (в виду слабости пульса). Л. Н. сопротивлялся принятию питья. Хотел икоту так побороть. Обыкновенно начиналась без нам видного повода, но часто после питья. Л. Н. лежал с закрытыми глазами, дремал.

Когда в 11.35 я попросил Л. Н., чтобы пил теперь, пока икота, а то хотим впрыснуть ему от нее морфин и тогда заснет, пить не будет, Л. Н. слабым голосом произнес:

— Парфина не хочу (сказал «парфина» вместо «морфина»).

Теперь (перед полночью), когда Л. Н. так томился: одышка, икота, отрывка, — Усов посоветовал впрыснуть морфин; говорил, что он замечал: как икота подымается, пульс хуже. Если впрыснуть morphin, Л. Н. поспит, икота прекратится, пульс не будет от нее портиться, сердце отдохнет.

Впрыснули морфин.

Л. Н. еще тяжелее стал дышать и, немощен, в полубреду бормотал. Я разобрал:

— Я пойду куда-нибудь, чтобы никто не мешал (или не нашел)... Оставьте меня в покое... Надо удирать, надо удирать куда-нибудь, — сказал, когда через четверть часа после морфина впрыскивали камфору.

7 ноября. Ночь. Л. Н. больше не говорил. Спал. Дыхание уменьшилось с 50 до 40, до 36, с четвертого раза опять учащалось. Пульс становился filitornis* (в 2 ч.), а потом (кажется, в 3-м ч.) и совсем нельзя было (мне) его прощупать. Действие морфина стало ослабевать в 4 ч.

После 4 ч. Л. Н. начал охать, стонать, переворачиваться, раз левое колено поднял. Dyspnoë expiratoria**.

Руки, ноги теплые.

В 2.40 начал стонать.

В 3. (40) injectio — 175 гр. Na Cl 0,6% в берцо.

Кислород. Обкладываем мешками с горячей водой.

В 4.40 Л. Н. заметно тяжелее дышит. Пульса никакого. Цианоз лица и губ.

Все время клали в постель мешки с горячей водой. Родные и друзья стали входить, взглядом прощаться с Л. Н.

В половине 5-го Щуровский вызвал меня, чтобы попробовать дать попить. Я обратился к Л. Н. Он понял, приоткрыл глаза, левый больше, и сделал глоток с ложки. Через час та же проба. Л. Н. проглотил.

Беркенгейм предложил позвать Софью Андреевну.

В 5 другая инъекция — 175 гр. Na Cl в левое и правое бедро. Л. Н. реагировал на боль.

В 5.20 вошла Софья Андреевна, сидела в трех шагах от кровати, шепталась с Усовым, который сидел слева от нее.

Между нею и кроватью стояли Никитин и я. Если бы Л. Н. очнулся и она хотела бы подойти, мы загородили бы путь. Побыла минут восемь, поцеловала темя Л. Н., потом ее увели. Присутствовали Сергей Львович, все дети, Елизавета, Валерьяновна, доктора. Потом пришли прощаться

* нитевидным (лат.).

** Предсмертная одышка (лат.).

Буланже, Гольденвейзер, Сергеенко, В. Н. Философов, И. И. Созлин, его семья.

В 5.30 другая инъекция — 175 гр. Na Cl в левое и правое бедро Л. Н. реагировал на боль. Еще пускали Oxidon. Л. Н. дал знак, что не желает. Стал все труднее дышать и нижней челюстью работать. В 5.45 часто — 50 раз и чаще — поверхностно дышал. В 6.03 — остановка первая. Потом еще минуту дышал. В 6.04 остановка вторая. После минуты в 6.05 еще один вздох — последний. Смерть.

* Стали расходиться. Сыновья ушли из дому. Александра Львовна, Варвара Михайловна, Владимир Григорьевич, Сергеенко стали торопливо укладывать вещи, чтобы поспеть к поезду.

Софья Андреевна стала ссыскивать и паковать вещи Л. Н-ча.

Я подвязал Л. Н-чу бороду и закрыл ** очи.

Мы с Никитиным раздели, переложили мертвое тело на другую кровать и обмыли с помощью фельдшера.

Потом одели в холщовую рубашку, подштанники (Черткова), вязаные нитяные чулки, суконные шаровары и в такую же [темную] блузу (ремень оставил).

* Следующая далее запись сделана Маковьцким на отдельном листе.— *Ред.*

** В подлиннике словацкое слово: «застлал».

ПРИМЕЧАНИЯ

1909

1 июля

¹ Т. Тапсель.

² Художник Я. Стыка в письме от 28 июля н. с. (почт. шт.) писал из Гарша о своем отходе от христианства и толстовства. Частично опублик. в кн.: В. Biało k o z o w i c z. Lwa To' stoja z w i ą z k i z P o l s k ą. W a r s z a w a, 1966, s. 226—228. Т. отв. 27 июля (т. 80, с. 42—44).

2 июля

¹ Две телегр. опублик. в т. 84, с. 390 с неверной датой 3 июля: утренняя — под № 817, дневная — под № 816.

² Письмо Ф. А. Абрамову (т. 80, с. 1—4).

4 июля

¹ Письмо Ф. Ф. Казакова (почт. шт. Макеевка. Область войска донского, 30 июня).

² А. А. Стахович и П. Б. Струве приехали в Ясную Поляну 12 авг. (см. т. 57, с. 115).

³ Ст. Т. «Неизбежный переворот» (т. 38); Т. внес в ст. исправления, предложенные С. Д. Николаевым (см. т. 57, с. 93).

⁴ Отв. на письмо Н. М. Кузьмина из В. Устюга от 23 июня о Г. Джордже; черн. с датой 10 июля (т. 80, с. 18).

⁵ Моск. отд. Всеславянского о-ва «Славия» прислало Т-му 23 июня/6 июля, в годовщину сожжения Яна Гуса, картину и приветствие, заканчивавшееся словами: «Все люди должны быть братьями не только по крови, но и по духу. Или, как прекрасно выразился поэт Ян Коллар: «И пусть на зов твой «Славянин!» ответит эхо: «Человек!» Т. отв. 8 июля (т. 80, с. 10). Письмо его было прочитано председателем О-ва С. О. Коничеком 12 июля на празднике под Москвой (Крылатское).

⁶ Изречение не Лихтенберга, а Шопенгауэра («Круг чтения», т. 2, с. 5; т. 41, с. 463).

5 июля

¹ В письме от 11 июля н. с. из Ланси А. Шкарван писал Т-му о просьбе П. А. Сергеенко и процитировал отр. (приведен в тексте) из письма Т. к нему от 2 мая 1896 г. (т. 69, с. 96).

6 июля

¹ В письме от конца июня А. Нахтман просил Т-го обработать его труд по астрономии и издать его. Т. отв. 7 июля (т. 80, с. 7—8).

9 июля

¹ Уведомление об избрании Т. почетным членом XVIII конгресса мира. Т. отв. 12/25 июля (т. 80, с. 22—23).

² Интересовавшие Т-го сведения о Болгарии Х. Досев сообщил 23 июля из Майкопа.

12 июля

¹ Сьюзи М. Фаррелл, составительница сб. изречений против вивисекции, в письме от 2 мая (н. с.) просила Т. высказать в неск. строках свое мнение. Т. отв. 12/25 июля (т. 80, с. 24).

13 июля

¹ Ст. А. С. Изгоева «Об интеллигентности молодежи».

² Письмо И. Н. Дерябина от 29 июня. Т. отв. 25 июля (т. 80, с. 36).

14 июля

¹ В письме от 20 июля н. с. М. Глюксман горячо благодарил Т. за его борьбу против самодержавия.

15 июля

- ¹ Письмо Черткова от 14 июля.

16 июля

¹ В письме от 23 июля К. А. Военский сообщил Т-му о посланной ему 12 июля своей кн. «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года», т. I («Литва и западные губернии»). СПб., 1909 (*ЯПб*, дарств. надпись). Т. поблагодарил его в письме от 17 авг. (т. 80, с. 61—62).

17 июля

- ¹ Кн. сохр. в *ЯПб*.
² E. Metchnikoff. Essais optimistes. P., 1907 (*ЯПб*, дарств. надпись, пометы).
³ Ст. без подп.
 - См. запись 12 июля.

19 июля

- ¹ Т. отв. И. И. Мечникову 27 июля (т. 80, с. 41).
² И. К. Пархоменко в письме от 9 июля из Плеса просил разрешения приехать. 10 июля Т. пригласил его телегр. (т. 80, с. 19). Художник провел в Ясной Поляне 3 дня (19—21 июля) и написал в 8 сеансов портрет Т., неоднократно воспроизводившийся в печати (см. т. 57). Местонахождение его в наст. время неизв.
³ Письмо Т. к помещику-фабриканту Ю. П. Гужону от 8 июля см. в т. 80, с. 8—9. Вторично Т. написал ему 19 июля, указав цену, предлагаемую крестьянами за землю (т. 80, с. 27). Гужон на эти письма не отв. и земли не продал.
⁴ Из кн. Мечникова: «Мне пришлось присутствовать при последних минутах моего старшего брата (его звали Иваном Ильичом, и он послужил прототипом героя знаменитой повести Толстого «Смерть Ивана Ильича»). Чувствуя, что умирает от гнойного заражения крови, в 45-летнем возрасте, мой брат сохранил всю ясность своего замечательного ума» (с. 407).

20 июля

- ¹ Кн. сохр. в *ЯПб*.
² М. Попова дважды писала Т-му, прося его найти защитника ее сыну, А. Ф. Попову, к-рого судили за принадлежность к партии эсеров. Во 2-м письме (1-е не сохр.) от 21 июня (почт. шт.) Попова сообщала подробности о его деле. На это письмо отв. Гусев 25 июня (т. 79, с. 284). В телегр. от 19 июля Попова писала, что предполагает приехать в Ясную Поляну (см. т. 57, с. 97—99). Т. внес 20 июля в Зап. кн. черновик письма к Столыпину (т. 57, с. 227—228). За письмом она, однако, не приехала и к Т. больше не обращалась.

22 июля

- ¹ Работа над докладом была закончена 4 авг. (т. 38).

23 июля

- ¹ «На каждый день», к-рый называли «Новым кругом чтения» (т. 44, с. 49—53).
² См. запись 10 марта 1908 г.
³ А. Грин (псевд. А. С. Гриневского). История одного заговора. Рассказ («Новый журнал для всех», 1909, № 4, февр.).

24 июля

- ¹ П. Кропоткин (т. VII). Взаимная помощь как фактор эволюции. Пер. с англ. В. П. Батуринского, под ред. автора. СПб., 1907.
² Кн. изд. в Лондоне в 1909 г.
³ Кн. хр. в *ЯПб* (дарств. надпись).

25 июля

- ¹ При письме от 19 июля П. И. Кореневский прислал отгиск своей ст. «Крестьянский «Генрих Блок»» (*ЯПб*) из *РБ*, № 6.
² Т. отв. П. И. Кореневскому 26 июля (т. 80, с. 39—40), разрешив использовать свое письмо при следующем изд. статьи. В нояб. того же года *РБ* издало ее отд. брошюрой, поместив отр. из письма Т. в качестве предисловия.

29 июля

- ¹ См. запись 1 июля.
² Из трех «Севастопольских рассказов» не сохр. рук. «Севастополя в декабре».
³ Г. Бичер-Стоу умерла еще в 1896 г.

30 июля

- ¹ С. П. Спиро. См. его ст. «У Л. Н. Толстого» (*Р. сл.*, № 177, 2 авг.).

1 августа

¹ Материалы об отношении Т. к З. М. Молоствовой см. в указ. кн.: Н. Г. Молоствов и П. А. Сергеенко. Лев Толстой, вып. 2, с. 81, 113; см. также Дн. 8 июня 1851 г. (т. 46, с. 79—80, 360—362) и замеч. Т. к рукописи его биограф., составленной П. И. Бирюковым (т. 34, с. 399).

2 августа

¹ О посещении Т. членами XI Всероссийского лесного съезда см. заметку тульского корресп. В. К. «В Ясной Поляне». В ней полностью приведено приветствие проф. Н. С. Нестерова (*Р. сл.*, № 180, 6 авг.).

² Франц. пер. доклада, приготовленного для Конгресса мира в Стокгольме (т. 38).

3 августа

¹ А. С. Гольденвейзер. Преступление — как наказание, а наказание — как преступление (Мотивы толстовского «Воскресения»). Киев, 1908 (*ЯПБ*).

² См. *Р. вед.*, № 155, 8 июля и № 175, 31 июля. Англ. правит. чиновника У. Керзона убил студент Надар Лал Дингра.

³ «Free Hindustan» присылал Т-му ред. этого изд. Таракнатх Дас. В *ЯПБ* сохр. 15 №№ журн. за 1908—1910 гг. (пометы).

⁴ 6-я симфония Чайковского не «провалилась», а имела ограниченный успех.

4 августа

¹ «Тихой печалью повеяла осень туманная...».— *Илл. прилож. к НВ*, № 11993, 2 авг.

6 августа

¹ Г. Кожевников. Белые и черные (*Р. вед.*, № 177, 2 авг.). Излагается содерж. резко реакционной ст. швейц. д-ра К. Эткера «Душа негра» из «Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie».

² Вероятно, А. А. Стахович имел в виду ст. С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество» в сб. «Вехи».

³ См. письмо Т. к Черткову от 13 (?) авг. (т. 89, с. 137).

8 августа

¹ В письме от 26 июня свящ. с. Александровка Херсонской губ. И. Миронов выразил солидарность со взглядами Т. и пожелал ему «долгих лет жизни». Т. отв. 10 июля (т. 80, с. 18—19).

² Кн. «Изречения китайского мудреца Лао-тзе, избранные Л. Н. Толстым» и с его предисл. «О сущности учения Лао-тзе» вышла в «Посреднике» в нояб. Т. выбирал по корр. мысли для задуманной Горбуновым-Посадовым маленькой кн. в дешевом изд.

9 августа

¹ Ответ «Концертной дирекции Жюль Закс» от 17 авг. н. с. Т. продиктовал Маковицкому (см. ниже); по его записи письмо опубл. в т. 80, с. 281. Маковицкий послал текст А. Шкарвану, к-рый перевел его на нем. яз. Опубл. в иностр. газетах (см. также т. 80, с. 59 и 70—71).

² См. т. 80, с. 280—281.

³ В *ЯПБ* сохр. 2 кн. члена Моск. религиозно-философ. о-ва В. П. Свенцицкого. Одна из них: «Второе распятие Христа». Изд. для народа. М., 1908.

⁴ Вероятно, письмо Углицкого (ст. Дружковка, Екатеринославской губ.) от 2 авг. спрашивавшего: «Чему верить? Или учению нашей православной церкви, или науке? Я был религиозен пока мне не пришлось встретиться с произведением Дарвина «Происхождение видов». Отв. А. Л. Толстая 10 авг. (т. 80, с. 281).

⁵ Заявление об аресте Гусева впервые напеч. в *Р. вед.*, № 183, 11 авг. с исключением только 9 слов. 12 авг. перепеч. в «Речи» (опубл. по рук. в т. 38).

10 августа

¹ Т. читал в рук. ст. Черткова «Страница из воспоминаний. Дежурство в военных госпиталях» (опубл. в *ВЕ*, № 11).

11 августа

¹ И. Грегор (лит. псевд.: *Тайовский*) в письме к Д. П. Маковицкому от 17 авг. н. с. сообщил имена назаренов, заключенных в сегедской тюрьме (Венгрия).

12 августа

¹ Возможно, записка б. д., адресованная «В Овсянникове, за Козловкой» (т. 90, с. 340).

² Письмо Никитина из Чернигова от 8 авг. (см. т. 80, с. 282).

³ В «Отзыве о книжке графа Льва Толстого «Учение Христа, изложенное для детей»» («Церковные ведомости», № 30, 25 июля — Прибавл.), составл. по поруч. Синода, епископ Иннокентий предлагал возбудить против Т. судеб. преследование «за богохульство, глумление, издевательство и кошунство» над Христом.

⁴ См. *Гольденвейзер*, с. 285—287.

⁵ Письмо П. В. Великанова от 11 авг. было ему возвращено. Конспекты Т. для отв. см. в т. 80, с. 282.

13 августа

¹ Дню рождения Т. посвящен № 8 журн. «Маяк». Ст. о Т-м Горбунова-Посадова и приветственные письма детей помещены в нем не были. В юб. № вошло 15 фотогр. Т. с его изречениями, легенда «Большая Медведица», «Молитва внучке Сонечке» под загл. «Детская молитва» (первая публ.) и большой отр. из письма Т. к Д. Севитту (т. 79, с. 204—206) под загл. «Что самое главное для человека в жизни».

² В письме от 20 авг. н. с. И. Д. Гальперин-Каминский прислал Т-му свою переделку для сцены рассказа «Зерно с куриное яйцо», а также вырезки из 10 франц. газ. о спектакле в дер. Ольне-су-Буа, близ Парижа, 18 июля и 15 авг. (см. «Театр в полях». — *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 376—379).

³ На представлении пьесы Чехова «Дядя Ваня» Т. был в МХТ 24 янв. 1900 г.

⁴ Ст. Л. Мороте «Душа эпохи» вошла в *МТА*.

⁵ Пояс Б. Паскаля был утыкан гвоздями, острия к-рых были направлены к телу.

⁶ А. И. Эртель. Письма. М., 1909. Под ред. и с предисл. М. О. Гершензона. В кн. опубл. 25 писем к Черткову.

14 августа

¹ *Р. вед.*, № 185, 13 авг.

² В. Хорошко. К вопросу о самоубийстве детей в нашей действительности (*Р. вед.*, № 185, 13 авг.).

15 августа

¹ Кн. издана в Петербурге в 1900 г.

17 августа

¹ Воспоминания Ю. М. Огаревой появились впоследствии в *ГМ*, 1914, № 11.

² Ст. К. Дистенбаха и Т. Р. Мэк-Мечена «Воздушный корабль-миноносец» (*Илл. прилож. к НВ*, № 11999, 8 авг., и 12006, 15 авг.).

18 августа

¹ В письме от 14—15 авг. В. А. Молочников привел выдержки из письма к нему А. Соловьева: «...что помогло мне изменить себя хоть немного, так это ты, брат, и «Круг чтения»».

23 августа

¹ См. Дн. 16 (?) авг. и Зап. кн. 12 авг. (т. 57, с. 116—117 и 233).

24 августа

¹ Письмо от 1 сент. н. с. с благодарностью Т. за его отв. (см. запись 9 авг.). Просили Т. приехать лично и сообщить точное назв. его выступления (доклада, речи).

25 августа

¹ Н. С. Лесков. Совесть Даниила и Прекрасная Аза. Две легенды по старинному прологу. М., «Посредник», 1889 (*ЯПб*).

² А. И. Орлов. Н. В. Гоголь как учитель жизни. М., «Посредник», 1888 (*ЯПб*, пометы).

³ При письме от 21 июня н. с. Э. Г. Шмит прислал Т. свою кн., изд. в Лейпциге в 1909 г. (*ЯПб*). Т. отв. Шмиту 26 авг. (т. 80, с. 71—72).

⁴ М. Меньшиков. Письма к ближним. Две души Л. Н. Толстого (*НВ*, № 12014, 23 авг.).

26 августа

¹ На письмо Черткова от 23 авг. Т. отв. 26 (?) авг. (т. 89, с. 140); в тот же день он писал А. Шкарвану (т. 80, с. 70—71) и В. И. Засосову (там же, с. 75).

² Этот эпизод послужил поводом для ст. «Пора понять» (т. 38), которую Т. начал писать 16 сент. (т. 38).

³ Письмо А. Шкарвана к Т. от 2 сент. н. с. из Франции частично опубл. в *Летопись ГЛМ* 2, с. 197. Т. отв. 26 авг. (т. 80, с. 70—71).

⁴ См. кн.: С. Розанова. Толстой и Герцен. М., 1972, с. 70.

⁵ Близкий друг А. Соловьева, Д. П. Павлов, писал Т-му 23 авг.: «Я прочитал 65 писем Дарвина. Он всю жизнь не успел подумать серьезно о религиозном вопросе. На заданные ему от окружающих вопросы о боге и религии он несколькими лицам в письмах в ужасе восклицает: «Я стар, я нездоров (...) я никогда уже не успею сказать того, что мог бы и должен сказать по этому вопросу».

28 августа

¹ Из письма В. Е. Крашенинникова к Т. от 22 авг. (почт. шт.).

² Ошибка Т-го или в записи Маковицкого: 3 в кубе=27; в этот день Т-му исполнился 81 г., т. е. 3 в 4-й степени.

³ На конв. письма М. И. Горяиновой (матери) от 26 авг. помета Т.: «Присылает фотографию Иры».

⁴ Н. В. Орлов начал писать 3 картины в новой манере: «Утро инвалида», «В поисках укрытия» и «На сенокосе». Закончены не были. Погибли на Кубани в 1920 г.

29 августа

¹ Ред. ст. б. загл. (*Р. вед.*, № 197). За эту ст. ред. была оштрафована на 500 р. (*см. Р. сл.*, № 205, 6 сент.).

² П. А. Буланже работал в это время над кн. «Жизнь и учение Конфуция», вышедшей в 1910 г. в «Посреднике».

³ Загряжский, приехал вместе с М. В. Булыгиным.

30 августа

¹ А. В. Макаренко, впервые посетивший Т. в конце янв. 1908 г., писал ему из ссылки 13 марта.

² Выдержки из этого письма М. М. Дондуковой-Корсаковой см. в *Р. вед.*, № 274, 29 нояб. Т. отв. 31 авг.—1 (?) сент. (т. 80, с. 82—84).

2 сентября

¹ В Зап. кн. Т. записал: «Гольденблату. Екатерина Агафонова за убитого мужа» (т. 57, с. 236).

3 сентября

¹ П. Н. Софронов писал Т. в мае и июле и прислал свои ст.: «Мысли крестьянина» и «Во что верит Лев Николаевич» — изложение мировоззрения Т. В отв. на его письмо от 29 авг. ему сообщили, что Т. будет в Москве и постарается увидеться с ним (*см. т. 80, с. 276 и 286*).

² В кабинете моск. дома портрет Т. работы Н. Н. Ге, написанный в янв. 1884 г. (подл. в ГТГ). В большой гостиной копия, сделанная П. И. Нерадовским летом 1893 г.

4 сентября

¹ Памятник герою севастопольской обороны гр. Э. И. Тотлебену, по проекту А. А. Вильдерлинга, был открыт 5 авг. в Севастополе на месте бывш. 4 бастиона, на Историческом бульваре.

6 сентября

¹ В своей ст. А. М. Хирьяков защищал Т. от нападок Г. Москвы в связи с публ. его ст. «Заявление об аресте Гусева». Ст. Хирьякова завершается словами: «...в родной стране находятся люди, у которых хватает совести отравлять последние дни величайшего человека нашего времени. Какое бесстыдство! Какой позор для русской земли!»

² Корресп. Горбунова-Посадова «Л. Н. Толстой в Москве» б. подп.— В *Р. вед.*, № 204, 5 сент. Заметка Д. С. Нейфельда, без обозн. автора — «У Л. Н. Толстого».

7 сентября

¹ При письме от 5 сент. В. И. Ламанский прислал 2 свои кн.: «Три мира Азийско-Европейского материка». СПб., 1892 (*ЯПб*, дарств. надпись) и «Secrets d'Etat de Venise...». S. Pétersbourg, 1884 (*ЯПб*, дарств. надпись). Т. отв. 8 сент. (т. 80, с. 89—90).

² Телегр. опубл. с датой 8 сент. (т. 84, с. 390).

9 сентября

¹ «Разговор с прохожим» (т. 37).

² *Еванг. от Матф., XVIII, 6.*

3 октября

¹ 18 сент. Т. вернулся из Крекшина в Москву и на след. день выехал в Ясную Поляну.

² О своем решении начать изд. *Жиз. д. В. В. А. Поссе* сообщил Т. 9 сент. и при- слал проспект журн. В отв. письме от 12 сент. Т. выразил сочувствие задачам журн. (т. 80, с. 90—91).

³ П. Б. Струве посетил Т-го 12 авг. На след. день Т. записал в Дн. о нем и А. А. Стаховиче: «Малоинтересны и тяжелы, особенно Струве» (т. 57, с. 115).

⁴ Ст. о курении — «Разговор с прохожим»; о податях, военщине — «Проезжий и крестьянин». Работа продолжалась до 22 окт. (т. 37).

⁵ «Ответ польской женщине (одной из многих)» был отправлен В. А. Поссе при письме от 12 сент. (т. 80, с. 90—91). Опубл. с ценз. пропусками в *Жиз. д. В.*, № 1 (дек.).

4 октября

¹ Ст. об анархизме, получившая впоследствии назв. «Пора понять», была начата в Крекшине 16 сент., закончена 6 дек. (т. 38).

² Письмо А. Н. Гилькина из Луганска от 24 сент. Отв. П. И. Бирюков 28 сент. (т. 80, с. 288). 1-е письмо по тому же вопросу Т. получил от И. Островского в апр. 1908 г. (см. т. 78, с. 334—335).

³ Выдающийся исп. педагог Ф. Фарер был казнен 13 окт. н. с. по ложному обвинению в подстрекательстве к восстанию.

⁴ С. А. Толстая, выражая благодарность Г. К. Градовскому за присланную им ст., пригласила его в Ясную Поляну. Ст.— вероятно, «Внутреннее обозрение» в сент. кн. (№ 21-24) журн. «Мир божий».

⁵ А. Крынский и Суфизм (*Брокгауз*, кн. 63).

⁶ Письмо Ф. А. Желтова от 17 сент. Т. отв. 12 окт. (т. 80, с. 138—139).

5 октября

¹ Премьера «Анатэмы» в МХТ состоялась 2 окт. См. фельетон Гранитова (И. В. Туркина) «Анатэма» (*Г. Москвы*, № 226, 3 окт.).

² «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избраны Л. Н. Толстым». Пер. с англ. С. Д. Николаева. М., «Посредник», 1910, с. 14 (т. 40, с. 344).

³ «Проезжий и крестьянин».

⁴ См. запись 7 сент. и письмо Т. к Ламанскому от 8 сент. (т. 80, с. 89—90).

6 октября

¹ В *ЯПб* хр. 6 брошюр М. Д. Чельшева о вреде пьянства; на одной из них пометы Т.

² Впервые Горький встретился с Т. 13 янв. 1900 г. в хамовническом доме (после двух неудачных попыток увидеться в 1889 г.).

³ М. Меньшиков. Письма к ближним. Взрыв анархии.— Здоровый оптимизм (*НВ*, № 12056, 4 окт.).

⁴ Ошибочное: *der Kind* вместо *das Kind*.

7 октября

¹ Вероятно, письмо А. Ф. Владимирова со ст. Сольцы Новгородской губ. о преследовании его судом. По поручению Т-го Молочникову написал С. М. Белинский.

8 октября

¹ В ст. Н. М. Кн(иповича) «Мухи», к-рую читал Т., упоминается не Вейерман, а Шипер (*Брокгауз*, кн. 39, с. 246).

² E. Va u t a n p. L'immoié. 4-ème éd. P., 1909 (*ЯПб*, дарств. надпись).

9 октября

¹ Письмо С. Д. Фомина от 8 окт. На конв. помета Т.: «Интересное письмо. Списать и послать Чельшеву» (т. 80, с. 290).

10 октября

¹ Крестьянин Е. Копыл в 1907—1909 гг. писал Т-му ругательные письма, отстаивая православную веру. На конв. письма от 8 окт. помета Т.: «Ругательное. Копыл. Б. с.». См. также кн. «Переписка крестьянина К. с гр. Л. Н. Толстым». Киев, 1910.

² Открытого письма по поводу автографов Т. не написал.

³ В письме от 3 окт. из Нижнесергинского завода Пермской губ. народный учитель И. Г. Екенин писал, что ему и ученикам «хочется видеть собственноручное письмо Л. Толстого», и просил написать «наставление, правило и т. д.». Т. отв. 10 окт. (т. 80, с. 136).

⁴ На письмо А. Т. Дзюбы из толстовской коммуны «Водопад» близ Пятигорска от 5 окт. Т. отв. 10 окт. (т. 80, с. 136—137). Дзюбе был тогда 21 год.

11 октября

¹ Письма, датир. Т. 12 окт.: Ф. А. Желтову, В. А. Лебрену, Я. Стыке, ред. газ. (т. 80, с. 138—140) и Черткову (т. 89, с. 146—147).

² Н. George Junr. Tolstoy in the twilight. With photographies made especially for this article and copyright by the Author («World's Work», № 87).

³ Н. Кра в ч е н к о. Художественная хроника (*НВ*, № 12061, 9 окт.).

12 октября

¹ В *ЯПб* сохр. 3 тт. рассказов Л. Н. Андреева с пометами Т. и оценкой каждого рассказа по пятибалльной системе. Рассказ «Христиане» оценен 5+. Сюжет рассказа Л. Н. Андреев заимствовал из газ. сообщений (см. *ЛН*, т. 72, с. 579).

² Сохр. 2 не посланных и 3-й посланный вар. ответа (т. 80, с. 142). В тексте приведен 2-й вар.

13 октября

¹ При письме от 11 окт. (почт. шт. СПб.) С. М. Новин прислал Т. от ред. «Библиотеки-копейки» 1-ю серию их изд., в к-рую вошли рассказы из «Круга чтения»: «Беглец» Чехова, «Живые мощи» Тургенева, «Одиночество» Мопассана, «Епископ Мириель» Гюго и «Франсуаза. Рассказ по Мопассану» Т-го, и просил указать, какие произв. рус. и иностр. писателей, а также какие свои произв. он рекомендует им издавать. На конв. помета Т.: «Ответить по каталогу Бирюкова».

² В отв. на письмо сербки Р. Миленковичевой, почтальюна из гор. Лесковац, от 25 сент. были посланы кн.: «На каждый день» и «Мужчина и женщина». На конв. 1-го письма от 2 окт. 22-летней болгарки Т. Йоповой из г. Вратца помета Т.: «Душану прочесть и рассказать». Ей была послана ст. Т. «О науке». Во 2-м письме, от 17 окт., Йоцова просила отв. на вопрос, изложенный в ее предыдущем письме. Отв. Маковицкий 6 нояб. (т. 80, с. 295).

³ Т. читал рассказ «Проклятие зверя» в т. VI Собр. соч. Л. Н. Андреева. СПб., 1909.

14 октября

¹ Письмо С. Ф. Попова от 11 окт. Ему была послана кн. «На каждый день».

² Ст. Пандита Прабху Датт-Шастри. В письме от 21 окт. Т. поблагодарил редактора этого журн. Рама Дева за присланный № (т. 80, с. 155).

15 октября

¹ В «Искрах», № 40, 11 окт. помещены репродукции с фотогр. В. И. Качалова в роли Анатэмы и отд. сцены из спектакля.

² М. М е н ь ш и к о в. Молодежь и армия (*НВ*, № 12065, 13 окт.).

³ А. А. Жашкевич и Б. Мюллер после отъезда из Ясной Поляны, где они находились с 31 авг. до 2 сент., были арестованы в Курске. Мюллера (глухонемого) освободили, а Жашкевича отправили по этапу к месту жительства, в Умань. В письме от 12 окт. Жашкевич сообщал о их мытарствах и о своем намерении описать их. Т. выразил готовность опубликовать его ст. (см. помету на конв.— т. 80, с. 292). Отв. Маковицкий 18 окт. Текст отв.: «Л. Н-чу было очень приятно получить ваше письмо и видеть твердость вашего настроения и жизни».

16 октября

¹ Д-р мед. М. А. Липинская, путешествовавшая по России, в письме от 13 окт. (почт. шт.) просила разрешения приехать 16 окт. На конв. помета Т-го: *Б. о.* (см. т. 57, с. 152—153).

17 октября

¹ Приведенный вопрос Т-го процитирован в заметке «М. Д. Челышев у Льва Толстого», подп. *Альфа* и опублик. в *НВ*, № 12063, 11 окт. В связи с этим Т. получил из Петербурга 2 осуждающих письма: одно анон. от 13 окт., 2-е — от 14 окт. с подп. *Труженик труда*. Т. написал заметку и включил в нее полностью 1-е письмо и начало 2-го, намереваясь послать ее в газеты. Заметка, однако, послана не была (см. т. 38; там же, на с. 582, напеч. текст сопров. заметки Т. к 1-му письму, написанной на конв.).

² В письме от 14 окт. из Петербурга Челышев извещал о получении через Маковицкого новой ред. ярлыка для бутылок с вином и просил Т-го «прислать текст ярлыка на бутылки в оригинале», т. е. написанное рукой Т.— 17 окт. этот текст был послан (см. т. 80, с. 291—292).

³ Атрпета, Имамат. Страна поклонников имамов (персидское духовенство). Историческое исследование. Александрополь, 1909 (*ЯЛБ*, дарств. надпись). По просьбе автора книгу прислал бекаист, служивший в конторе Мусы Нагиева в Баку, Мирза Алекпер Мамедханов. Т. отв. 18 окт. (т. 80, с. 149).

⁴ 9 окт. А. В. Мягкий из Уральска писал о Г. И. Мемешкине (т. 80, с. 287—288): «Один мой знакомый спросил вас, как смотрите вы на спиритизм. Вы ответили, что спиритизм — и глупость, и обман». Т. отв. Мягкому 15 окт. (т. 80, с. 146).

⁵ См. указ. кн. Атрпета, с. 133.

⁶ П. А. Буланже работал над очерком «Жизнь и учение Конфуция». Впоследствии Т. внес в очерк ряд значительных исправлений.

⁷ Голос Т. был записан 18 окт. на 5 пластинок: две на рус. и по одной на англ., нем. и франц. яз. Пластинки хранятся в *ГМТ*. Текст отр. из соч. Т., произнесенных им в фонограф, напечатан в кн. «Живые слова», вып. 1, под ред. И. И. Митропольского. М., 1910, с. 13—17.

18 октября

¹ И. А. Белоусов. Стихотворения 1882—1909 г. М., 1909 (*ЯЛБ*, дарств. надпись).

² В. Ропшин (Б. Савинков). Конь бледный.

³ *НВ*, № 12062, 10 окт. («Заметки» А. А. Столыпина).

⁴ Рец. П. Эттингера под рубрикой «Художественные вести» (*Р. вед.*, № 237, 16 окт.).

19 октября

¹ 17 окт. Чертков писал Т-му про И. Д. Сытина: «Ради того, чтобы исполнить свое обещание выпустить обе книги в течение октября, не позже ноября — они печатаются на всех парах и в Москве, и в Петербурге (...) Отбирать же у него эти книжки, из которых одна совсем набрана, а другая почти, — теперь уже нет основания».

² Вероятно, «Мысли мудрых людей на каждый день» (М., 1903), 1-е изд. «Круга чтения» (М., 1906), 2-е изд. этой кн. и печатающийся сб. «На каждый день».

³ Пародия на драму Л. Н. Андреева «Анфиса», 1-я постановка к-рой состоялась в Петербурге, в Новом драматическом театре 10 окт.; *Фуриозо* — псевд. Н. Н. Вентцеля.

⁴ Намек на персонаж драмы Л. Н. Андреева «Жизнь Человека» — *Некто в сером*. Ср. запись 26 окт.

⁵ В № 1 «Русской мысли» опублик.: повесть В. Ропшина (Б. Савинкова) «Конь бледный», рассказ Ф. Сологуба «Белая березка», стихи А. Блока «Друзья», В. Брюсова «Отречение», А. Белого «Сумерки», З. Гишпиус «Петухи», Д. Мережковского «Ужель мою святыню...», С. Соловьева «Иоанн Креститель», Ф. Сологуба «Ты царь. Решеткой золотою...» и др. Упомянутый в тексте отзыв А. А. Столыпина — «Заметки» (*НВ*, № 12062, 10 окт.).

⁶ В письме от 16 окт. М. Г. Григорьев сообщал о своем поступке и спрашивал Т., правильно ли поступил. Т. отв. 19 окт. (т. 80, с. 149).

20 октября

¹ «Никто не пил лучший напиток, как человек, проглотивший гневное слово во имя бога» (см. указ. кн. «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран», с. 12).

22 октября

¹ В письме от 4 окт. из Ялты М. Г. Эрденко известил Т., что приедет после 10 окт. «поиграть и поговорить» с ним. На конв. помета Т.: «Не понимаю, было ли письмо. *Б. о.*».

² В письме от 12 окт. из Тулы В. Мажопович, посетивший Т-го 31 июля 1907 г., просил разрешения навестить его 22 окт. «Хотелось бы поделиться с вами всем пережитым за последние два-три года». Т. пригласил его к обеду (см. т. 80, с. 292).

³ Народная песня, особенно нравившаяся Т-му; под эту песню танцевала Наташа Ростова в «Войне и мире» (т. 11, ч. 4-я, гл. VII).

⁴ М. Г. Эрденко и его жена, пианистка Е. И. Эрденко, исполнили, кроме ноктюрна Шопена и евр. нар. мелодии «Кол-Нидре», неск. вещей Г. Венявского, в том числе «Карнавал» и «Мазурку» («М. Г. Эрденко в жизни Толстого». — «Одесские новости», 1910, 10 нояб.).

23 октября

¹ 23 октября Т. написал не «Песни на деревне», а 1-ю ред. очерка, получившего впоследствии загл. «Сон» (т. 38, с. 364—369); этим очерком заканчиваются «Три дня в деревне» (т. 38).

² См. приписки Т. к письмам Черткова, адресованным П. А. Сергеенко и в ред. газет (т. 89, с. 151 и 161).

³ См. т. 89, с. 152.

24 октября

¹ «Беседа миссионера Д. И. Боголюбова с И. М. Трегубовым» (*НР*, №№ 289—290).

² Письмо от 21 окт. учительницы Е. П. Мейер. Т. отв. 24 окт. и послал свою кн. «Учение Христа, изложенное для детей» (М., 1908), предупредив, что она запрещена (т. 80, с. 156).

³ См. Дн. 24 июля (т. 57, с. 101).

⁴ «На каждый день» печаталось в *НР* с 1 нояб. до мая 1910 г.

25 октября

¹ Завещание, написанное Т. в Крещине (т. 80, с. 267).

² Премьера состоялась 14 окт. в Малом театре.

³ Изречение Лихтенберга об изучении естественной истории Т. поместил в «Круге чтения» — т. 1, с. 191—192 (т. 41, с. 170—171).

⁴ См. А. Шифман. Если бы он был естествоиспытателем («Наука и жизнь», 1973, № 11, с. 124—124).

⁵ В *ЯПб* хр. все 86 кн. *Брокгауза*: 82 основных и 4 дополнительных.

⁶ Кониси виделся с Т. в хамовническом доме в Москве утром 19 сент. «Он был Л. Н-чу скучен и очень утомил его» (*Гольденвейзер*, с. 345). Вероятно, тогда же он выразил желание посетить Ясную Поляну.

⁷ В письме от 20 окт. (почт. шт.) П. М. Рывдин писал, что «поддался на удочку» тех людей, к-рые его убеждали, что «Христос был революционер» и теперь «попал на ссылку». Просил прислать книг. На конв. помета Т.: «Хор(ошее) письмо. Послать Евангелие краткое и дет(ское) и то, что он просит, кроме больших книг». Посланы были «На каждый день», «О воспитании» и др. книги.

⁸ Т. отв. Л. Семенову 26 окт. (т. 80, с. 160—161).

26 октября

¹ Ф. А. Страхов приехал сообщить Т-му, что завещание его, подписанное 18 сент. в Крещине, юристами признано недействительным, т. к. собственность, в том числе и литературную, можно было завещать только определенному лицу. Вследствие этого 1 нояб. Т-м было подписано новое завещание.

29 октября

¹ М. Меньшиков. Письма к ближним: «Наше преступление». — «Замечательная книга». — «В чем мы виноваты?» (*НВ*, № 12077, 25 окт.).

31 октября

¹ Г. Джордж. Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства. Средство избавления. Пер. с англ. С. Д. Николаева. СПб., 1896 (*ЯПб*, дарств. надпись изд., Л. Ф. Пантелеева).

² «Круг чтения», т. I, с. 385 (т. 42, с. 187).

³ Л. Нелидова. Памяти И. С. Тургенева (*ВЕ*, № 9).

⁴ На телегр. В. В. Навроцкого от 31 окт. Т. отв. в тот же день (т. 80, с. 166). «Круг чтения» издан в янв. 1910 г.

1 ноября

¹ Текст завещания во 2-й ред., составленный моск. присяжным поверенным Н. К. Муравьевым, был привезен в Ясную Поляну А. Б. Гольденвейзером и Ф. А. Стреховым. Л. Н. должен был только переписать его своей рукой (см. т. 80, с. 268—269).

² Ст. П. Васильева «Богомилы» (*Брокгауз*, кн. 7).

³ 4/17 нояб. Т. сообщил Б. Фрейданку, автору кн. «Die Greuel der christlichen Civilisation», о своем намерении написать к ней предисл. и издать ее на рус. яз. (т. 80, с. 170). Предисл. Т. не написал; кн. перевела А. А. Гольденвейзер. Опубл. в *ВО*, 1910, №№ 5 и след. О том, что автором писем является Фрейданк, а лама — лицо вымышленное, Т. не знал.

⁴ Письмо Т. к П. Н. Туржанскому от 1 нояб. (т. 80, с. 166).

2 ноября

¹ А. В. Моравов приехал в Ясную Поляну 1 нояб., уехал — 8-го. Сб. рассказов С. А. Толстой «Куколки-скелетки», с 8-ю рис. в красках, исполненными по плану автора А. Моравовым, вышел в Москве в 1910 г. В янв. того же года на Передвижной выставке в Москве был выставлен портрет «Толстой за работой в яснополянском кабинете» работы Моравова. Два вар. портрета хр. в *ГМТ*.

² Из ст. Герцена «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)» (*Герцен*, т. XIII, с. 38).

³ Курсистка Н. Субботина приглашала Т. приехать в Петербург на выставку картин Поленова из жизни Христа. 27 мая Поленов прислал Т. альбом репродукций с этих картин. Толстой поблагодарил его в письме от 3 июня (т. 79, с. 215—216).

⁴ «The Sayings of Shri Ramakrishna Paramahansa». 2 ed. Madras, 1905 (*ЯПБ* *, пометы). Т. намеревался издать в «Посреднике» отд. кн. выбранные им изречения. Изд. осуществлено не было.

3 ноября

¹ В письме от 27 мая Т. поблагодарил изд. Т. Вейхера, приславшего ему «Goethe Kalender auf das Jahr 1909» (т. 79, с. 207—208).

² Парижское изд. 1835 г. (*ЯПБ*). Т. перевел неск. глав «Сентиментального путешествия» Стерна в 1851—1852 гг. (т. I).

4 ноября

¹ Парижский литератор Ж. Барраль писал Т-му о посылаемой им кн. стихов молодого поэта с Антильских островов Э. Лафорэ со своим предисл. (E. Laforest. *Sonnets — Médailles du XIX siècle*. P., 1909, *ЯПБ*; портрет Т-го и посвящ. ему сонет — р. 58—59). На конв. помета Т.: «Оле прочесть». Отв. О. К. Толстая 9 февр. 1910 г. (т. 81, с. 276).

² Письмо Дж. Скарпа из Бирмингема от 10 нояб. н. с. Он сообщил Т-му, что его отец, входивший в состав делегации квакеров к Николаю I в 1850-х гг., безуспешно пытался предотвратить войну России с Турцией.

³ 1-е письмо М. К. Ганди к Т. от 1 окт. н. с. опубл. в *ЛН*, т. 37-38, с. 340—343. Т. отв. 7 окт. н. с. (т. 80, с. 110—111).

⁴ В. Л. Бурцев в 1897—1898 гг. издавал в Лондоне журн. «Народоволец». Под давлением рус. пр-ва Бурцев был арестован, судим и приговорен к 18 мес. каторжной тюрьмы.

⁵ О деле С. А. Степанова см. письмо Т. к М. А. Стаховичу от 5 нояб. (т. 80, с. 174).

⁶ K. Kà l a l. *Zivotni program. Vychovalelske stati*. Praha, 1909 (*ЯПБ*, пометы).

5 ноября

¹ Поздравление Т-го Лит. фонду от 4 нояб. (т. 80, с. 172). В «Искрах», № 43, 1 нояб. были помещены фотогр. виднейших деятелей Лит. фонда за 50 лет.

² Письмо Ю. О. Якубовского от 29 окт., в к-ром он сообщал, что Мищенко вскоре после назначения на пост Туркестанского ген.-губ. был ранен на смотре одним из солдат, позднее приговоренным к смертной казни. Т. отв. 5—7 (?) нояб. (т. 80, с. 176).

6 ноября

¹ Т. работал над очерком «Песни на деревне», начатом 5 нояб. (т. 37).

² Кн. прислал Т-му проф. П. М. Нойков при письме от 30 окт. н. с. (*ЯПБ*). Отв. Маковичкий 6 нояб. (т. 80, с. 295).

³ При письме от 2 нояб. Т. Л. Сухотина прислала 1-ю часть своего попул. очерка о теории Г. Джорджа. Чтоб отец мог судить «свободно и беспристрастно» о ее ст., она подписалась Л. А. Полюлов. На конв. ее письма помета Т.: «Отвечать. Интересное». Т. отв. 6—7 нояб., не зная, что пишет дочери (т. 80, с. 177—179). См. «Из воспомина-

ний Т. Л. Сухотиной-Толстой. О том, как мы с отцом решали земельный вопрос.— Сб. «Толстой и о Толстом. I». М., 1924, с. 45—62. Работа Т. Л. Сухотиной осталась незаконченной.

7 ноября

¹ Доклад был прочитан по-франц. Н. Н. Ге-сыном на антимилитаристском конгрессе в Биенне (Швейцария). Текст телегр. Т. неизв. Доклад был вскоре напечатан на франц. яз. в «Voix du Peuple» и на нем. яз. в «Sozialist», № 20, 1.XII.

9 ноября

¹ Вероятно, несохр. «описание дела» С. А. Степанова. См. запись 4 нояб.

11 ноября

¹ На письмо С. Рубинштейн от 24 сент. Т. отв. 28 сент. (т. 80, с. 116). Приложенная к письму молитва (т. 90, с. 145) опубл. вместе с письмом Т. в газ. «Киевские вести», № 295, 5 нояб. и в др. газ.

12 ноября

¹ Письмо Т. к А. Воловому от 11 нояб. (т. 80, с. 187).

² П. Б о б о р ы к и н. Нет ложной науки! (Мысли вслух, вместо ответа автору) (Р. сл., № 259, 11 нояб.).

³ 12 нояб. была написана 1-я ред. очерка о нищих, вошедшего в трилогию «Три дня в деревне» под загл. «Первый день. Бродячие люди» (т. 38).

13 ноября

¹ П. А. Буланже готовил к изд. в «Посреднике» кн. «Ми-ти. Учение о всеобщей любви». Вышла в 1910 г.

² Восп. И. Б. Файнермана (Тенеромо) «Друзья Толстого» (МТА).

³ В письме из Нью-Йорка от 9 нояб. н.с. (почт. шт.) «Американка» послала Т-му свои стихи «Русскому царю», в к-рых резко упрекала Николая II за «убийства, погромы, средневековое варварство».

⁴ Трудовая земледельческая община интеллигентов «Криница» была основана в 1886 г. В. В. Еропкиным на принадлежавшей ему земле в Новороссийском окр. Черноморской губ. (см. «Криничане. Четверть века «Криницы». Киев, 1913). В нояб. Новочеркасской судеб. палатой разбиралось дело 20-ти участников «Криницы» за принадлежность их к «сообществу, поставившему целью своей деятельности ниспровержение существующего строя». Суд признал всех виновными и приговорил их к заключению в крепости на разные сроки: от 6 мес. до полутора лет. В Р. вед. 12 нояб. (№ 260) было помещено письмо в ред. моск. адвоката С. Ордынского «Великая слепота», с протестом против этого приговора.

⁵ Миссионерский съезд в Киеве постановил просить Синод выступить с «увещанием» против празднования юбилея Т-го.

⁶ 14 сент. к Т. в Крекшино приехали учителя земских школ Звенигородского у. (около 40 чел.). Готовясь к встрече, Т. записал то, о чем хотел с ними говорить. После обработки текст был напеч. под загл. «В чем главная задача учителя (Из беседы с народными учителями)» (т. 38).

⁷ О приезде к Т-му учителей из г. Богородицка см. запись 23 апр. 1905 г.

⁸ П. А. Буланже. Конфуций. Жизнь его и учение. Под ред. Л. Н. Толстого. М., «Посредник», 1910.

⁹ С. Б (у л и) ч. Упанишады (Брокгауз, кн. 68).

14 ноября

¹ W. Booth. In darkest England and the Way out. L., (1890) (ЯЛБ, пометы). Рус. пер. Р. Сементковского: В. Б у т с. В труппах Англии. СПб., 1891.

² Бирюков при письме от 11 нояб. прислал Т-му 2 письма к нему крестьянина Ярославской губ. Н. Д. Платонова. Т. написал Платонову 14 нояб. (т. 80, с. 192—193).

³ Письма Толстого к А. М. Завадскому от 13 и 25 нояб. (т. 80, с. 190—191 и с. 211—212).

16 ноября

¹ Сообщ. И. С. Гусарова не подтвердилось: кн. «На каждый день. Сентябрь» вышла из печати в нояб.: «На каждый день». Учение о жизни, изложенное в изречениях, взятых у мыслителей разных стран и разных веков. Составлено Л. Н. Толстым». СПб., 1909.

² В письме от 11 нояб. П. Н. Туржанский, отвечая на письмо Т. от 1 нояб. (т. 80, с. 166—167), писал: «Очень буду счастлив, если вы осчастливите меня своими книга-

ми, истины которых неоспоримы». Т. отв. 17 нояб. (т. 80, с. 202—203). На конв. помета: «Посланы книги».

³ М. М. Мелик-Гайказова сообщала 14 нояб. из Москвы, что ее сын перестал есть мясо, и осведомлялась, не вредно ли это для здоровья. На конв. помета Т-го: «Душану, чтобы написал о вегетарианстве» (т. 80, с. 296).

⁴ Вероятно, А. А. Гинкен, просивший в письме от 13 нояб. сообщить, где можно достать кн. Н. Федорова «Философия общего дела» (т. 80, с. 296).

17 ноября

¹ Письмо от 17 нояб. (т. 80, с. 200).

² Эти письма Т. к А. Н. Дунаеву и М. Н. Толстой неизв.

³ В *ЯПБ* сохр. полный комплект «Вестника теософии» за 1909 г.; № 11 почти не разрезан.

⁴ Из сказки Андерсена «Новое платье короля». Т. перевел ее на рус. яз. в 1857 г., включил излож. ее в «Азбуку» (1872) и трактат «Царство божие внутри вас», а позже в новой обработке — в детский «Круг чтения».

18 ноября

¹ Кн. эта с пометами Т. сохр. в *ЯПБ*.

² Кн. хр. в *ЯПБ*; пометы. Своего намерения написать к ней предисл. Т. не выполнил.

19 ноября

¹ Письмо Т. от 19 нояб. (т. 80, с. 203—204).

² Т. отв. П. Карпову 20 нояб. (т. 80, с. 205).

³ При письме от 11 нояб. из Вильны П. И. Кореневский прислал Т-му свою брошюру «Крестьянский «Герих Блок»» и жаловался на тяжелое материальное положение. Т. отв. ему 16 нояб. (т. 80, с. 198—199). Письма Т. к А. Н. Дунаеву и А. Н. Коншину неизв.

20 ноября

¹ Т. переводил свой «Доклад» на франц. яз. 31 июля — 3 авг. Дальнейший пер. он поручил И. В. и Е. С. Денисенко, гостившим в Ясной Поляне (см. т. 38, с. 311—316).

² Это намерение А. Л. Толстой осуществлено не было.

21 ноября

¹ См. Н. Лопатин. Вести из Ясной Поляны (*УР*, № 40—7, 24 нояб.).

² В письме от 6 нояб. В. А. Молочников привел часть своей «Беседы с Мишей неизвестным» и процитировал несколько отр. из письма к нему А. Н. Соловьева. Т. отв. Молочникову 28 нояб. (т. 80, с. 219).

³ В отв. на письмо Т. от 19 сент. (т. 80, с. 95—96) А. И. Иконников сообщил 14/27 нояб. интересовавшие Т-го подробности о трех каторжанах, отказавшихся в свое время от воен. службы. Упомянул также, что они получили от Т-го деньги.

⁴ Про хлопоты Т. и С. А. Толстой о детях вдовы Хохловой см. «Прошение» Т-го предс. Совета московских приютов (т. 80, с. 269—270).

⁵ При письме от 30 нояб. н. с. А. Розенберг, «ценитель религиозных идей» Т-го, прислал №№ 17 и 18 журн. «Freie Kirchenstimme», в к-рых опубликованы указ. в тексте ст. за подп. М. Отв. Маковицкий, послав «На каждый день» и др. кн.

⁶ «Записки священника» Т. начал писать 21 окт. (т. 57, с. 155). Сохр. набросок начала в Юб. изд. не вошел. Опубл. в *ЛН*, т. 69, кн. 1, с. 443—444.

⁷ «Бхагават-Гита» («Песнь господня»), с предисл. Альба («Вестник теософии», № 11, *ЯПБ*).

⁸ На письмо ред. «Berliner Tageblatt» от 30 нояб. н. с. отв. Маковицкий 21 нояб. (т. 80, с. 297).

22 ноября

¹ В письме от 15 нояб. Н. К. Муравьев, поблагодарив Т. за присланный ему портрет с дарств. надписью, послал ему копию обвинительного акта по делу Горбунова-Посадова, привлеченного к ответственности за напеч. кн. Г. Спенсера «Право собственности на землю». Горбунов-Посадов судом был оправдан.

² Анон. заметка «Доехали старика!» (*БВ*, веч. вып., № 11426, 20 нояб.). А. Л. Толстая опровергла достоверность сообщенных в этой заметке фактов, заявив, что «весь этот разговор вымышлен» (*Р. вед.*, № 271, 26 нояб.).

23 ноября

¹ М. Меньшиков. Первая очередь (*НВ*, № 12088, 5 нояб.).

² В письме от 1 дек. н. с. Э. Моод просил Т. написать для антиалкогольного журн. «Alliance News» о вреде спиртных напитков. Отв. О. К. Толстая 3/16 дек. (т. 80, с. 298).

³ *Илл. прилож. к НВ*, № 12104 опубл. «Неизданные письма Ф. М. Достоевского и И. С. Аксакова» по поводу «Дневника писателя».

⁴ Т. работал над предисл. к «На каждый день».

⁵ За 23 нояб. известно 3 письма Т. (т. 80, с. 209—210).

25 ноября

¹ Письмо Т. к А. М. Завадскому от 25 нояб. (т. 80, с. 211—212).

26 ноября

¹ Ст. Черткова «Две цензуры для Толстого», написанная в 1-й половине дек. Т. прочел ее в рук. 20 дек. (см. т. 57, с. 192 и 396). Напеч. в *Жиз. д. В.*, 1910, № 2. В 1914 г. вышла отд. изд. под загл. «Дополнительная цензура для Толстого».

² В ст. «Новый враг интеллигенции» Д. В. Философов писал о кн. П. Карпова «Говор зорь»: «Книжонка маленькая, но страшная. Написана отравленными чернилами» (*Р. сл.*, № 270, 25 нояб.).

³ На письмо Н. Н. Ге от 3 дек. н. с. Т. отв. сочувственным письмом 26 нояб. (т. 80, с. 215). Ст. Ге «Честность» напеч. не была.

27 ноября

¹ Письмо П. А. Николаева от 22 нояб. (почт. шт.). Т. отв. 30 нояб. (т. 80, с. 222). Николаеву были посланы книги: «Исповедь», «На каждый день» и др.

² При письме к Т. от 6 нояб. В. А. Молочиков прислал Т-му письмо к нему С. И. Смирнова (т. 80, с. 219).

³ Напеч. в № 271, 26 нояб.

28 ноября

¹ Г. Жуанна известила Т., что она и ее муж назвали своего сына (род. в 1907 г.) в честь Т.— Львом (см. т. 80, с. 220). Т. отв. 28 нояб. (там же).

29 ноября

¹ Т. писал предисл. к «На каждый день».

² Т. написал Н. Д. Платонову 14 нояб. (т. 80, с. 192—193). Бирюков прислал Т-му 2 письма Платонова к Бирюкову. Т. переслал их Черткову.

³ См. т. 80, с. 272—273.

30 ноября

¹ Письмо Т. к М. М. Дондуковой-Корсаковой от 31 авг.—1 сент. (?) — опубл. в *Р. вед.*, № 274, 29 нояб.

² М. Меньшиков. Народное единодушие (*НВ*, № 12111, 28 нояб.).

³ В *ЯПБ* сохр. 4 тт. этого изд.

1 декабря

¹ См. запись 27 нояб.

² П. И. Бирюков. Л. Н. Толстой. Биография (*ЯПБ*). Том II, вышедший в изд. «Посредник» в сент. 1908 г., был вскоре изъят из продажи. 4 нояб. 1909 г. кн. была освобождена от ареста.

³ М. А. Мамедханьян (Баку) прислал Т-му при письме от 24 нояб. рук. своего перевода соч. Веха Уллы «Лаух. Отблески». Т. отв. 28 нояб. (т. 80, с. 219).

⁴ Теме «Суеврие государства» Т. посвятил 17-е и 18-е числа каждого месяца (см. т. 44, с. 480).

⁵ Одним из источников «Круга чтения» явились «Душеспасительные наставления св. Василия Великого» (М., 1893). В 1-м изд. «Круга чтения» все 13 изречений 6 февр. посвящены злословию; из них только одно с подп. Василия Великого.

⁶ 21 нояб. в «Книжной летописи» (№ 45) сообщалось об изъятии из продажи кн.: Л. Толстой. Круг чтения, т. II, вып. 1, изд. 2-е «Посредника». Конфискация была, вероятно, произведена из-за текста 17 сент.: все изречения (в том числе 3—Г. Джорджа) были направлены против частной собственности на землю.

⁷ «Круг чтения» вышел в изд-ве «Ясная Поляна» в 1909 г.

⁸ Роман «The Metropolis» (1908).

2 декабря

¹ С. Толстая. Куколки-скелетцы и др. рассказы. М., 1910.

² Свой чемодан Т. потерял 6 окт. 1883 г. по пути с Курского вокзала в хамовнический дом (см. т. 63, с. 142—143).

³ Трактат Т. «Царство божие внутри вас», изд. Е. В. Герциком в сент. 1908 г., был изъят из продажи. Петерб. судеб. палата рассматривала это дело 1 дек. 1909 г.

⁴ В. Миллера. Кришна (*Брокгауз*, кн. 32).

⁵ Ср. т. 57, с. 181.

⁶ В. Ф. Краснов в письме от 8 нояб. просил разрешения приехать. Т. пригласил его (см. т. 80, с. 186). О своем намерении взорвать раку мощей Сергия Радонежского Краснов вспоминал в письме к Т. от 1—29 марта.

3 декабря

¹ В письме от 4 дек. Т. поблагодарил Л. Д. Семенова «за прекрасные выписки из Плотина» (т. 80, с. 228).

² Письмо Н. Е. Фельтена от 30 нояб.

³ В «Маяке» 1910 г. напечатаны след. произв. Т.: Из «Мыслей о жизни». «Любовь» (№ 7), «Одна душа во всех» (№ 10), «Молитва» (№ 12). Из «Детской мудрости» публ. не было.

⁴ В № 3831 газ. 1 дек. помещено 8 изречений Т. о неделании и воздержании от зла. 7-е изречение по требованию цензуры заменено точками.

4 декабря

¹ В эти дни Т. работал над предисл. к кн. «На каждый день» и правил корректуру издававшейся в «Посреднике» кн. П. А. Буланже «Ми-ти. Учение о всеобщей любви».

² Ср. Дн. 4 дек. (т. 57, с. 182).

³ А. Шкарван в письме к Т. от 12 дек. н. с. сообщил, что закончил перевод на нем. язык ст. «О науке» и послал его Е. Шмиту для ознакомления. «Три листа против «О науке»» в письме Шкарвана — это возражения Шмита на ст. Т.-го. Т. отв. 6 дек. (т. 80, с. 233—234).

⁴ И. А. Родионов. Наше преступление (Не бред, а быль). Из современной народной жизни. СПб., 1909. *ЯШб*. Дарств. надпись, пометы. Т. А. Кузминская писала о ней С. А. Толстой в письме от 1 дек.

5 декабря

¹ Вслед за отв. А. Шкарвану Т. начал писать добавление к своей ст. «О науке», к-рую закончил 9 дек. (т. 57, с. 185). В рук. загл. нет. Опубл. в «Киевских вестях». № 331, 13 дек. под загл. «Еще о науке» (т. 38).

² Выписки из соч. Ж.-М. Гюйо прислала З. М. Гагина при письме от 2 дек.

³ Т. выразил свое сочувствие в письме к М. М. и В. А. Репиным от 15 дек. (т. 80, с. 248—249).

⁴ На письмо адм.-сылыного М. Комарова от 2 нояб. из Якутска Т. отв. 5 дек. (т. 80, с. 230).

⁵ Письмо Т. к З. М. Гагиной от 5 дек. (т. 80, с. 229). Дн. Гагиной опубл. (под псевд.): Н. Б. Петрова. Из дневника народной учительницы. М., «Посредник», 1915.

⁶ Обычно Т. говорил «декадентство».

6 декабря

¹ Анон. ст. в № 34 газ., 15 нояб.

² Заметку против смертной казни «Нет худа без добра» Т. продиктовал 6 февр. Ф. П. Купчинскому. Напеч. в «Жизни», 9 февр. (см. письма Т. к С. К. Гершельману от 27 февр. и Н. П. Лопатину от 28 февр. — т. 79, с. 95 и 97). Н. П. Лопатин посетил Ясную Поляну 21 нояб.

7 декабря

¹ Вторая ред. очерка «Сон», над к-рой Т. работал с 21 нояб. по 8 дек., озагл. «Из воспоминаний врача» (т. 38).

8 декабря

¹ См. эту ст. в т. 38.

² «История моей жизни» П. И. Муцинг-Елисева. Опубл. в *Жиз. д. В.*, 1915, № 11 за подп. Павел Евстигнеев. Письмо Т. к автору ст. от 17 нояб. — т. 80, с. 201—202.

³ Г. К. Градовский напечатал текст секретного предписания тульского полицеймейстера фон-Вернера крапивинскому уездному исправнику А. К. Грессеру в своей ст. «Два дня в Ясной Поляне» (*БВ*, утр. вып., № 11413, 13 нояб.).

10 декабря

¹ В письме от 4 дек. из Екатеринослава В. Сулимов просил книг. 12 дек. они были ему посланы.

² В. Дорощевич. Горький (*Р. сл.*, № 280, 6 дек.).

³ В рассказе «На плотях» (1896) старик-свекор сожигательствует с молодой снохой.

11 декабря

¹ Замысел осуществлен не был.

12 декабря

¹ П. Перцов. Литературные письма. Судьба Владимира Соловьева (*НВ*, № 12122, 9 дек.). «Как философ, как пророк, как теоретический писатель вообще (оставляя в стороне художество) Лев Толстой может быть охарактеризован, как гений банальности, и уже самая форма его тяжеловесных, вечно путающихся среди бесчисленных «что» и «чтоб» моральных писаний, обличает их внутреннюю бесплодность».

² В. Джемс. Многообразие религиозного опыта. Пер. с англ. В. Г. Малахивой-Мирович и М. В. Шик. М., 1910, с. 139—146 (*ЯПб*).

³ Д. И. Шестов приехал в Ясную Поляну 2 марта 1910 г.

13 декабря

¹ Ярмонкин. Трагикомедия нашей русской жизни («Русское знамя», № 265, 29 нояб.).

14 декабря

¹ На письмо аптекарского ученика, сына бедного портного, М. М. Фельдмана от 11 дек. (почт. шт.) Т. отв. 15 дек. (т. 80, с. 249).

16 декабря

¹ «Токухон» на япон. языке с рус. пер. протоиерея П. Н. Булгакова (*ЯПб*).

² С. Спирио. В Ясной Поляне (*Р. сл.*, № 290, 18 дек.).

18 декабря

¹ А. А. Станков пробыл в Ясной Поляне 2 дня — 18 и 19 дек. (см. т. 57, с. 191—192).

² Письмо В. А. Молочникова от 18 дек. Т. отв. 21 дек. (т. 80, с. 253—254). Письма С. М. Смирнова и А. Н. Соловьева Молочников прислал Т-му 6 нояб. Т. поблагодарил его в письме от 28 нояб. (т. 80, с. 219).

³ «Geschichte eines Excommunicirten. Eine Selbstbiographie». Lpz., 1863.

⁴ Кн. сохр. в *ЯПб* (пометы).

19 декабря

¹ Письмо Э. Жуанне от 26 дек. н. с.

² Письмом от 18 дек. Н. К. Муравьев, защищавший Горбунова-Посадова в Моск. судеб. палате, известил Т-го о его полном оправдании.

³ Анон. рец. (озаглавленная «Из книги и жизни») на ст. Н. А. Рубакина «Книжный прилив и книжный отлив», напеч. в *Р. вед.*, № 289, 17 дек.

⁴ В письме от 15 дек. из Петербурга Г. К. Градовский передал С. А. Толстой просьбу ред. *БВ* — узнать, «какие пожелания высказал бы Т. России (...) к наступающему году».

20 декабря

¹ Ст. Черткова «Две цензуры для Толстого». Поводом для выступления Черткова послужила публ. в *Р. вед.* ст. Т. «О науке» с ценз. пропусками.

² 11 дек. З. М. Гагина сообщала Т-му: «Книги, из которых я делала выписки, — «Иррелигиозность будущего» и «Воспитание и наследственность» Гюйо».

21 декабря

¹ В. Розанов. Как люди русеют (*НВ*, № 121131, 18 дек.).

² *Первое послание Иоанна*, IV, 16.

³ В этот день, работая над очерком «Сон», Т. «все выкинул и оставил один сон» (см. т. 57, с. 192 и 264). О том, как была создана 4-я, последняя ред. «Сна» (т. 38, с. 390—394), см. в *ОР* I, с. 551—552, №№ 16—17.

22 декабря

¹ Работа над очерком продолжалась до 28 янв.

24 декабря

¹ На письмо Н. С. Логунова от 6 нояб. Т. отв. 11 нояб. (т. 80, с. 188). «Вызоза» в Ясную Поляну в этом письме нет.

² Н. К. Михайловский. Десница и шуйца гр. Л. Н. Толстого (1875); Д. С. Мережковский. Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество (СПб., 1901—1902); Л. Шестов. Добро в учении гр. Толстого и Ницше. СПб., 1907.

³ Письма Т. от 24 дек. к С. Д. и Л. Д. Николаевым (т. 80, с. 257) и Черткову (т. 89, с. 163).

⁴ Письмо А. Шкарвана от 30 дек. н. с. На конв. помета Т.: «Душану подумать» (ср. т. 38, с. 122—123).

⁵ Корресп. «К положению на Дальнем Востоке» — о «нашумевшем докладе» С. П. Глезера — в № 294, 23 дек.

⁶ «Из неизданных бумаг Ренана» (в том же № *Р. вед.*; перепеч. из «*Matin*»).

25 декабря

¹ Соч. Л. Стерна Т. включил в список кн., произведших на него «очень большое» впечатление в возрасте от 14 до 20 лет (т. 66, с. 67). Это соч. Т. перевел в 1851 г. (см. т. 1, с. 249—278).

² Письмо Черткова опубл. 25 дек. в *Р. сл.*, *Р. вед.* и *НР* (см. т. 89, с. 161—162).

³ Письмо М. Д. Абольника от 24 дек. (почт. шт.). Т. отв. 25 дек. (т. 80, с. 259).

⁴ В письме от 16 окт. А. М. Хирьяков писал: «Я года два тому назад говорил с вами о популярной истории литературы. Вы хотели сделать мне кое-какие указания на сочинения и авторов, обыкновенно пропускаемых в наших историях литературы, на которых следовало бы обратить внимание». Отв. А. Л. Толстая 19 окт. (т. 80, с. 292). Свою просьбу Хирьяков повторил в письме от 2 дек. Отв. Т. см. в т. 80, с. 230—231.

26 декабря

¹ Стихотв. И. А. Бунина.

² «Л. Н. рассказывал свой «Сон», который он пишет. Хотел сделать сцены и разговоры, а свел к той речи о земельной собственности, которая должна быть сильна и ясна» (*ЕСТ*, 26 декабря).

28 декабря

¹ Письмо Кирка из Вашингтона от 15 дек. н. с.

30 декабря

¹ При письме от 24 дек. Лебрён прислал рук. своей ст. «А. Шпир, основатель научной метафизики». Опубл. в 1912 г. в «Календаре для каждого». Текст отв., продиктованного Т-м Маковицкому, публикуется здесь впервые.

31 декабря

¹ Письмо К. Е. Ястребова от 26 дек. Т. отв. 31 дек. (т. 80, с. 266).

² Р. Маршан посетил Т-го 2 янв. 1910 г. (см. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 62—64).

1910

1 января

¹ Ср. запись 10 июня 1906 г. и прим. к ней.

² Два письма Т. к В. А. Гольцеву — от 25 марта 1891 г. и 31 июля 1904 г. — опубл. в сб. «Памяти Виктора Александровича Гольцева». М., 1910, с. 153—154 (т. 65, с. 275, и т. 75, с. 146).

2 января

¹ Корресп. «Figaго» Р. Маршан посетил Т. в этот день. «Говор(ил) с ним горячо, отвечая на вопросы» (Дн. — т. 58, с. 3; ср. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 62—64).

² Т. отметил в Дн. 2 янв.: «Вечером разговор о зем(ле) с Сер(ежей)» (т. 58, с. 3). Маковицкий записал из этой беседы, гл. обр., только реплики Т.

3 января

¹ См. «Воскресение», ч. 1, гл. LI, LVII, LVIII.

² Письмо П. В. Злобина от 16 дек. 1909 г. Т. отв. 31 дек. (т. 80, с. 264—265).

³ См. запись 1 дек. 1909 г.

4 января

¹ Записки С. Л. Толстого под загл. «Мое участие в эмиграции духоборов в Канаду. П. А. Кропоткин (1898—1899 годы)» впервые опубл. в *Очерках былого*.

5 января

¹ Т. читал одну из последн. ред. «Сна» (т. 38).

6 января

¹ В Ясную Поляну в этот день приехал кинооператор А. И. Дранков. Фрагменты киноленты, заснятой Дранковым, хр. в Госфильмофонде СССР.

7 января

¹ П. А. Кропоткин. Записки революционера. Л., 1902 (ср. т. 88, с. 285).

² Рециным картина на эту тему написана не была.

³ Вероятно, рассказ Каляева о свидании о Елизаветой Федоровной (вдовой вел. кн. Сергея Александровича) в кн. «Дело Ив. Каляева». СПб., 1906, с. 42—45.

⁴ «Власть тьмы (по драме Л. Н. Толстого)» — кинодрама в 7 картинах. Режиссер П. И. Чердынин, оператор В. Сиверсен. Производство А. А. Ханжонкова, 1909.

8 января

¹ Письмо Н. Н. Гусева из Корепина Чердынского у. Пермск. губ. от 2 янв. с выдержками из письма к нему С. Н. Дурылина о посещении им Ясной Поляны 20 окт. 1909 г.

10 января

¹ Письмо от 9 янв. (т. 81, с. 30—32). Текст этого письма здесь опускается.

² Т. работал в эти дни над очерком «Подати» из «Трех дней в деревне» (т. 38).

³ Письмо от 2 янв. Т. отв. 9 янв. (т. 81, с. 30).

11 января

¹ «Критические очерки. При вступлении в Новый год» (НВ, № 12150, 8 янв.). Буренин упрекал Репина в «комическом подражании Толстому».

² 100-летие со дня рожд. Гоголя отмечалось 20 марта 1909 г.; 50-летие со дня рожд. Чехова — 17 янв. 1910 г.

12 января

¹ Ф.-М. Б. Гец в письме от 10 янв. сообщил Т. о посылке ему книг о Талмуде. Т. отв. 12 янв., поблагодарив за «все три партии книг» (т. 81, с. 42).

13 января

¹ М. Горький. Рассказы, т. II, 3-е изд. СПб., 1901 (ЯПб, пометы).

² В. А. Поссе. На темы жизни. СПб., 1909 (ЯПб).

³ В. А. Поссе посетил Т. 23 июля 1909 г.

⁴ В № 1 Жиз. д. В. нашеч. рассказы А. А. Лугового «Реакция», Н. И. Фалеева и Р. Кумова «Бесноватая», ст. Л. С. Козловского «О внутреннем устройении личности», ст. В. А. Поссе «Татьянина ночь», «Памяти А. П. Чехова» и др.

⁵ Письмо П. Ф. Полизоиди от 23 дек. н. с. 1909 г. Т. отв. 14 янв. (т. 81, с. 48—49).

14 января

¹ Анон. ст. «В университете». По данным автора, содержание Моск. ун-та в 1909 г. обошлось в 3 миллиона с лишним рублей. Из общего числа студентов — 10 086 — на юридическом ф-те обучалось 3 906 чел. (Г. Москвы, № 8, 12 янв.).

16 января

¹ На заседании выездной сессии Моск. судеб. палаты 16 янв. разбиралось уголовное дело о покушении на ограбление почты и политич. дело эсера И. И. Афанасьева, обвинявшегося в хранении нелегальной лит-ры. Как отмечалось в печати, благодаря присутствию Т. по делу об ограблении почты был вынесен оправдательный приговор, а по делу Афанасьева — сравнительно мягкий.

² Тульским прокурором в это время был В. А. Кегель.

17 января

¹ Письма Черткова к Т. от 26 и 27 дек. 1909 г. об изд. «На каждый день». Т. отв. 2 янв. (т. 89, с. 165—166).

18 января

¹ Авторы письма спрашивали Т., целесообразно ли для Италии выселять папу римского за границы итал. гос-ва.

² В № 83—50 газ., 13 янв.

19 января

¹ См. письмо Т. к Черткову от 14 янв. (т. 89, с. 168—169).

20 января

¹ Известно 3 письма Т. от 20 янв. (т. 81, с. 56—57).

22 января

¹ Письмо Т. к П. Мельникову от 22 янв. (т. 81, с. 60—62). Письмо Мельникова Т. отправил В. А. Поссе для публ., находя, что оно «очень сумбурное, но очень характерное по душевному настроению, общему теперь многим людям из народа» (т. 81, с. 110). Частично опубл. в кн. В. А. Поссе «Счастье и смысл жизни» (Пг., 1916).

² П. А. Була в же. Жизнь и учение Сиддарты Готамы, прозванного Буддой (совершеннейшим) с приложением извлечений из буддийских писаний (см. прим. 3 к записи 28 янв.).

³ На письмо А. В. Голицына от 19 янв. Т. отв. 23 янв. (т. 81, с. 67—68).

⁴ Отвечая на письмо Т. от 7 янв. (т. 81, с. 23). Кузминский писал 17 янв., что в своей деятельности он стремился «оградить себя от всевозможных посторонних влияний» и поэтому не отвечал на письма Т. о заступничестве по судеб. сенатским делам.

⁵ № 684 газ.

24 января

¹ Письмо ссыльнопоселенца С. И. Мунтянова от 5 янв. Т. отв. 24 янв. (т. 81, с. 73—75).

² Цит. письмо чернорабочего В. Казанцева от 7 янв. и отв. Т. см. в т. 81, с. 72—73.

³ См. неотправленный отв. Т-го Большеву от 23 янв. в т. 81, с. 63—64.

⁴ См. № от 22 янв.

⁵ В. А. Берс.

25 января

¹ На письмо П. В. Калачева от 17 янв. Т. отв. 25 янв. (т. 81, с. 75—77).

² Письмо П. Н. Давыдова от 15 янв. Т. отв. 24 янв. (т. 81, с. 71—72).

³ Письмо Ф. Фрейнда от 3 февр. н. с. из Гарроу, близ Лондона. На конв. помета Т.: «Душану ответить, когда прочту письсу».

⁴ Письмо Черткова к Т. от 15 янв. (рекомендательное письмо Булгакову, переданное им Т.). В письме идет речь о работе над кн. «На каждый день».

26 января

¹ «Всероссийский национальный союз» — программа, выработанная советом двух объединившихся партий: Всероссийского национального союза и бывшей партии умеренно-правых (в № 12164 газ.).

² Два письма А. Шкарвана к Т. от 13 янв. н. с.; Т. отв. 5, 9 и 10—11 янв. (т. 81, с. 20—21 и 30—35).

³ П. А. Сергеевко опубл. 3 письма Т. к вел. кн. Николаю Михайловичу: от 20 янв. 1902 г., 1 апр. 1903 г. и 26 янв. 1906 г. («Письма Л. Н. Толстого. 1848—1910 гг., собранные в редактированные П. А. Сергеевко, т. I, с. 274; т. II, с. 212 и 226—227»). Переп. Т. с Н. М. Романовым впервые опубл. полностью в ДН, т. 37-38.

28 января

¹ А. Безант. Теософия и новая психология. СПб., 1908 (ЯПб*).

² Письмо унтер-офицера А. И. Тарасова от 24 янв. Т. отв. 28 янв. (т. 81, с. 80).

³ Работу П. А. Буланже о Будде Т. послал В. А. Поссе при письме от 25 февр. (т. 81, с. 110). «Жизнь и учение Сиддарты Готамы, прозванного Буддой», была напеч. в № 3 *Жиз. д. В.* вместе с письмом-предисл. Т. «О значении ознакомления с основами религиозных учений». Изд. отд. брошюрой под ред. Т-го «Посредником» в 1910 г.

29 января

¹ Ср. т. 58, с. 13.

30 января

¹ Эпизод с бродячим музыкантом в «Люперне» (т. 5, с. 13—26).

² Список книг для самообразования по указ. Т. составил Булгаков (см. запись 26 апр.).

31 января

¹ «Народная яснополянская библиотека Моск. о-ва грамотности в ознаменование 80-летия Т-го» была открыта в избе крестьянина А. Е. Елисеева. См. корресп. Куприянова «Торжество в Ясной Поляне» (*Р. сл.*, № 26, 2 февр.). В 1928 г. б-ка была переведена в яснополянскую школу им. Л. Н. Толстого, в 1929 г. — в телятинскую школу.

² А. Я р о ц к и й. Идеализм как физиологический фактор. Юрьев, 1908 (*ЯПб*, дарств. надпись).

³ А. С о к о л и н с к и й. Пятнадцать рассказов. М., 1902 (*ЯПб*).

⁴ Переп. Т. и А. А. Толстой издана отд. кн. в 1911 г. с предисл. В. Срезневского. Там же опубли. и «Воспоминания» А. А. Толстой.

⁵ Упом. письма Т. к А. А. Толстой от 2—3 февр. 1880 г. и 3—4 марта 1882 г. (неотпр. — т. 63, с. 6—9 и 90—93).

1 февраля

¹ Письмо Л. Л. Толстого к матери от 26 янв.

² А. В е р н е р. «Chantecler» (*Р. сл.*, № 25, 31 янв.).

³ Перечень кн. яснополянской народной б-ки, открытой 31 янв.

⁴ «Отклик», кн. 1. М., 1910 (*ЯПб*). 1-е стихотв., помещенное в сб., — «Осенние аккорды» К. Сукованченко: I. «Эй, вы, перевитые золотом струны!..»; II. «Будет много сказок бледных...»; III. «Человек рассказывал поэту...» Последнее, представляющее собой стихотв. в прозе, Т., вероятно, и прочел вслух.

⁵ Н. М и в с к и й. Объявление Барита провокатором (Письмо из Парижа) (*УР*, № 92-59, 28 янв.).

2 февраля

¹ Т. перерабатывал «На каждый день» так, чтобы одни и те же числа каждого месяца имели одинаковую тему.

3 февраля

¹ Приписка Т. к письму Т. Л. Сухотиной к матери от 31 янв. (т. 84, с. 391).

² *Сироты* — крестьянские дети Татьяна, Иван и Петр Хохловы из д. Новая Колпана. Благодаря хлопотам Т. и С. А. Толстой Татьяна была помещена в Сергиевское ремесленное уч-ще, Иван — в Ольгинский детский приют, младший Петр оставался у родных (см. «Воспоминания Хохловых», машинопись).

4 февраля

¹ Булгаков посылал Черткову копии записей своего дн. до 2-й половины 1910 г.

5 февраля

¹ А. А. И з м а й л о в. Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых явлениях в литературе. М., 1910; его же: Кривое зеркало. Пародии и шаржи. 2-е доп. изд. СПб., 1910. Обе кн. сохр. в *ЯПб*.

² Письмо В. А. Лебрену по поруч. Т. от 5 февр. (т. 81, с. 275).

6 февраля

¹ По свидетельству Булгакова, на заседание «Общества мира» Т-го приглашал П. Д. Долгоруков (*Булгаков*, с. 85).

² Пародия на Горького из цикла «Любовь у старых и новых писателей (История русского романа)», с. 120—121, или «М. Горький (из дружеских пародий)», с. 195—197.

³ Кн. Э. Моода «The Tsar's Coronation». L., 1896, была прислана Т-му Дж. Кенворти (см. письмо Кенворти к Т. от 16 окт. 1896 г. и отв. Т. — т. 69, с. 173—175). Вновь заинтересовавшись в 1909 г. событиями на Ходынском поле, Т. сделал конспективные записи о Ходынке в Зап. кн. № 3 — т. 58, с. 179.

⁴ Анон. ст. «Ходынская катастрофа» (в № 277).

⁵ См. т. 58, с. 13.

⁶ Рассказ написан 25 февр. (т. 38).

7 февраля

¹ Упом. о посещении машиниста М. В. Шмелькова см. в Дн., 8 февр. (т. 58, с. 15).

9 февраля

¹ В. Хра не в и ч. Ф. М. Достоевский по воспоминаниям ссыльного поляка. — Чтение этих восн. напомнило Т. о Достоевском, и он выбрал из его соч. мысли для сб. «На каждый день» (т. 44, с. 310 и 312).

² «Ответ полтавскому губернатору» (т. 37) — по поводу распутного поведения земского начальника Кобелякского у. А. Ф. Райевича.

10 февраля

¹ Отв. Т. на ст. А. фон Больта неизв.

² Над предисл. к кн. П. А. Буланже «Жизнь и учение Сидарты Готамы, прозванного Буддой», Т. работал с 12 по 24 февр. В виде письма к В. А. Поссе под загл. «О значении ознакомления с основами религиозных учений» опубли. в *Жиз. д. В.*, № 3 (см. т. 90).

³ Телегр. Детурнеля де Констана и отв. Т-го — т. 81, с. 95.

11 февраля

¹ Письмо В. Казанцева от 7 янв. Отр. из этого письма и отв. Т-го — т. 81, с. 72—73. Ср. запись 24 янв.

12 февраля

¹ К своему письму от 4 февр. из Канады П. В. Веригин приложил отчет о съезде духоборческой общины. На конв. Маковицкий пометил, что отчет послан для публ. в *Жиз. д. В.*

² Письмо христианского пастора из г. Кофу, близ Токио, Киносуэ Шираиши от 4 февр. н. с.

³ Письмо Мирзы Насрулли Хана Нури из Петербурга от 10 февр. (почт. шт.). Т. отв. 12 февр. (т. 81, с. 96).

⁴ 12-м февр. помечено 8 писем по поруч. Т. (т. 81, с. 276—277). Упом. письмо о бессмертии — отв. Т. на письмо Г. Князева из Минусинска от 21 дек. 1909 г. (т. 81, с. 102).

⁵ Т. слушал оперу Р. Вагнера «Зигфрид» в Большом театре 18 апр. 1896 г. (см. т. 69, с. 82—83). Музыка Вагнера, в частности опере «Зигфрид», посвящена гл. XIII трактата «Что такое искусство?» (т. 30, с. 129—140).

16 февраля

¹ Точное название ст.: «Дополнительная цензура для Толстого».

17 февраля

¹ Фрагменты киноленты, снятой Мейером, хр. в Госфильмофонде. Часть их включена в документальный фильм «Живой Толстой» (1960).

20 февраля

¹ Об этой системе, действовавшей в скандинавских государствах и Финляндии, см. в *Жиз. д. В.*, 1910, № 1, с. 122, и в кн. 2 наст. изд., с. 593.

² С. А. Толстая готовила 12-е изд. соч. Т.

³ Г. Брандес посетил Россию в 1887 г. Он выступал на франц. яз. с циклом лекций о рус. лит-ре в Петербурге, Москве, Смоленске. См. его ст., вошедшие в кн. «Россия. — Наблюдения и размышления. — Литературные впечатления» (Собр. соч., т. XIX. СПб., (1913): «Наблюдения и размышления», «Литературные впечатления», «Максим Горький» (1902), «Антон Чехов» (1904), «Мережковский» (1903).

⁴ Предисл. к кн. Буланже (в форме письма к В. А. Поссе). Было законч. 25 февр. (т. 81, с. 110).

21 февраля

¹ Об этом матросе-эсере см. в письме Т. к Черткову от 22 февр. (т. 89, с. 172).

² E. B u r n s. Diana, a Psychophysiological Essay on Sexual Relations for Married Men and Women. N. Y., 1887.

³ Письмо В. А. Поссе от 18 февр. Т. отв. 25 февр. (т. 81, с. 111).

22 февраля

¹ М. Н. Тарновская обвинялась в подстрекательстве к убийству своего любовника гр. П. Камаровского с целью получения за него страховой премии.

² С. А. Толстая. Моя жизнь (машинипись).

1 марта

¹ Письма Т. к сектанту Е. И. Комладзе, к учительнице Е. Б. (фамилия не установлена) и крестьянину П. У. Пестову (т. 81, с. 117—122).

2 марта

¹ Т. просил разрешения посетить заключенного эсера И. И. Афанасьева. Телегр., адресованная М. А. Стаховичу от имени А. Л. Толстой и датир. 5 марта, также не была отправлена (т. 81, с. 130 и 291).

² В. А. Кегель.

³ J. Galsworthy. Justice. A tragedy in four acts. L., 1910 (*ЯЛБ*, дарств. надпись).

⁴ J. Vaitz. Ecce Sacerdos. Ein Zeitroman. Dresden, 1909 (*ЯЛБ*).

⁵ Л. Шестов. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше (Философия и проповедь). СПб., 1900. Эту кн. Т. читал в 1902 г.

⁶ 27 февр. Т-го посетили кубанские казаки М. С. Остахов (Астахов) и А. Я. Елисеев, желавшие «установить царство небесное на земле» (см. т. 58, с. 20).

⁷ См. т. 58, с. 21.

3 марта

¹ Дело эсеров Е. К. Брешко-Брешковской и Н. В. Чайковского слушалось 23—24 февр. в Петерб. судеб. палате (при закрытых дверях).

² См. запись 9 апр.

³ Печатавшийся в «Ниве» (изд. А. Ф. Маркса) текст «Воскресения» подвергся правке ред. Р. И. Сементковского. Ряд купюр был сделан цензурой. Полный текст одновременно печатался Чертковым в Англии.

⁴ Письмо к Т. от ред. «Journal Franco-Russe», в к-ром опубли. «Письмо студенту о праве» (№№ 26 и 27, 9 и 16 янв.).

6 марта

¹ По свидетельству Булгакова, это письмо о половом вопросе «очень взволновало» Т., и он ответил на него, но адреса не оказалось, и письмо не было послано (*Булгаков*, 136). Отв. Т. не сохр., в *Списке* (т. 81) не указан.

9 марта

¹ См. прим. 2 к 10 февр.

10 марта

¹ В *ЯЛБ* сохр. 2-е изд. этой кн.— L., 1908.

² На письмо В. Ю. Шимановского от 7 марта Т. отв. 10 марта (т. 81, с. 140—141).

³ Портрет «Л. Н. Толстой в розовом (или дедовском) кресле», масло. 1909 выполнен И. Е. Репиным по фотографии С. А. Толстой: «Л. Н. Толстой и И. Е. Репин». Ясная Поляна, 1908.

11 марта

¹ Письмо Т. к А. А. и Е. А. Толстым (неотпр.) из Кларана от 1/13 мая 1857 г. (т. 47, с. 127—128; ср. т. 60, с. 188—189).

12 марта

¹ В. Н. Мешков. «Л. Н. Толстой». Ясная Поляна. Бумага. Уголь. 1910. О посещении Ясной Поляны и работе над портретом и др. рисунками см. В. Н. Мешков. Памятное. Листки из мемуаров. («Сов. искусство», 1938, № 114, 28 авг.; см. также *ДСТ IV*, с. 45).

² На письмо Н. Смирнова от 10 марта Т. отв. 12 марта (т. 81, с. 145—146).

³ В. Н. Мешков. «Л. Н. Толстой и М. С. Сухотин за шахматами». Бумага, цв. карандаш Т. Л. Сухотина «Л. Н. Толстой и М. С. Сухотин за шахматами». Бумага, карандаш.

⁴ Письма Т. к А. А. Толстой от 23 (?) авг. 1858 г. и от конца апр.—3 мая 1859 г. (т. 60, с. 273—274; 293—295). В 1-м из них отзыв Т. о кн. П. В. Анненкова «Николай Владимирович Станкевич». М., 1858: «Никогда никакая книга не производила на меня такого впечатления. Никогда никого я так не любил, как этого человека, которого никогда не видал».

13 марта

¹ На письмо К. Ф. Дранникова от 8 марта Т. отв. 13 марта, но письмо отправлено не было (т. 81, с. 147 и 277).

14 марта

¹ Письмо Т. к З. М. Любочинской от 25 авг. 1899 г. напеч. под загл. «О самоубийстве» в *Р. сл.*, № 55, 9 марта (т. 72, с. 175—176). Иеромонах Донского монастыря Арсений в письме от 10 марта выражал согласие со ст. Т-го. Т. отв. Арсению 13 марта (т. 81, с. 146). Приезжавшему в Ясную Поляну 30 марта корресп. Куприялову Т. передал письмо Арсения для опубли. в *Р. сл.*

15 марта

¹ П. А. Сергеевко прислал Т. машинописный экз. афоризмов, собранных Н. С. Лесковым. Чтение их произвело на Т. «сильное впечатление», и он отметил некоторые афоризмы для включ. в «Путь жизни» (см. т. 58, с. 26 и 163). Большинство этих афоризмов, как выяснилось впоследствии, принадлежало самому Т. (см. ст. П. А. Сергеевко «Из передуманого Л. Н. Толстым и Н. С. Лесковым». — «Пробуждение», 1915, №№ 22—24).

² Отр. из письма от 14 янв. (т. 81, с. 43—45) опублик. в № 67 газ. 10 марта.

³ О своем аресте В. А. Молочников сообщил Т. 11 марта. Т. отв. 15 марта (т. 81, с. 148).

⁴ Письмо Т. к В. А. Молочникову от 16 июня 1909 г. (т. 79, с. 234—235).

⁵ Похороны В. Ф. Комиссаржевской, умершей в Ташкенте 10 февр., состоялись в Петербурге, в Александро-Невской лавре 20 февр.

⁶ На Курском вокзале 19 сент. 1909 г.

⁷ Т. упоминает о Н. В. Мезенцове в письме к А. А. Толстой от 5 (?) сент. 1878 г. (т. 62, с. 439—440).

⁸ Письмо к А. А. Толстой от 15—20 (?) апр. 1877 г. (т. 62, с. 322).

16 марта

¹ Т. читал корр. т. II кн.: A. Maude. The Life of Tolstoy. L., 1910 (см. т. 81, с. 160—161).

² *Еванг. от Иоанна*, VIII, 58.

17 марта

¹ «Эпоха Николая I». Под ред. М. О. Гершензона. М., 1910 (*ЯПБ*).

² Над отв. на письмо Киносука Шираиши Т. работал с 10 по 19 марта. Сохр. 6 черновики и копия оконч. текста на рус. яз. (т. 81, с. 155—160). Подл. был послан Мооду для пер. на англ. яз. (см. т. 81, с. 161).

³ Письмо Т. к Ф.-М. Б. Геду от 17 марта (т. 81, с. 151).

⁴ Т. включил в «Путь жизни» 6 изречений из Талмуда (т. 45).

18 марта

¹ Письмо из Белоострова (Финляндия) от 10 марта с просьбой дать отзыв («хоть несколько слов через вашего секретаря») на кн., содержащую исповедание веры «всеобщих христиан».

² На письмо Гусева от 9 марта Т. отв. 18 марта (т. 81, с. 152).

³ Эта кн. вышедшая в Петербурге, сохр. в *ЯПБ*.

⁴ Восп. И. Я. Гиндбурга «Стасов у Толстого» (указ. изд., с. 26—34).

19 марта

¹ Гаршин приходил в Хамовники в конце янв. 1885 г., но Т. в это время не было в Москве — он уехал в Ясную Поляну (см. т. 83, с. 476, и С. Дурыйлин. Вс. М. Гаршин. — «Звенья», V. М., 1935, с. 635—636).

² Из серии «Замечательные мыслители всех времен и народов»: «Конфуций, китайский мудрец. Жизнь его и учение». Сост. П. А. Буланже. Под ред. Л. Н. Толстого. М., 1910; в этой же серии изд.: «Римский мудрец Эпиктет». М., 1889; «Народный украинский мудрец Г. Сковорода». Сост. Н. Н. Гусев. М., 1906; «Изречения китайского мудреца Лао-тзе, избр. Толстым». М., 1910; «Изречения Магомета, избр. Толстым». М., 1910; «Ми-ти, китайский философ. Учение о всеобщей любви». Сост. П. А. Буланже. Под ред. Л. Н. Толстого. М., 1910.

³ В *НР*, начиная с 1 ноября 1909 г., публиковались изречения из сб. «На каждый день». В № 20, 21 янв. было напечат. изречение Т., в котором «закон божий» назван «бессмыслицей» (т. 43, с. 153—154). Ред. газ. К. П. Славин, привлеченный к суду за богохульство, спрашивал Т., имеется ли «валидность преступления» в этих словах. Т. отв. 27 февр. (т. 81, с. 116—117).

⁴ Очерк А. Зорина «Рабочий мир» (*Жиз. д. В.*, № 3).

20 марта

¹ Б. Шоу прислал Т. при письме от 14 февр. н.с. свою драму «The Shewing up of Blanco Posnet». Т. отв. 15—26 апр. (т. 81, с. 254—256).

² Отв. Т. на письмо фельдшерицы Р. С. Лабковской от 12 марта — т. 81, с. 179—182. Письмо отпр. не было. Т. использовал его в 1-й ред. ст., получившей впоследствии загл. «О безумии» (т. 38, с. 584—585).

21 марта

¹ См. запись 10 марта.

² Письмо С. И. Мунтянова от 23 февр. Т. отв. 20—22 марта (т. 81, с. 167—169).

³ Сказка «Царь и рубашка» (т. 21, с. 267).

⁴ На письмо А. В. Калачева от 17 марта Т. отв. 21 марта (т. 81, с. 169—170).

⁵ А. Е р н е ф е л ь т. Тит. Драма в 5-ти д. Берлин, изд. Ладжжикова, б. г. (*ЯПб*).

24 марта

¹ Письмо В. А. Молочникова из новгородской тюрьмы от 17—21 марта (опубл. в сб. «Толстой. Памятники творчества и жизни», 2. М., 1920, с. 132—134). Т. отв. 24 марта (т. 81, с. 177—178).

² См. *Р. сл.*, № 67, 23 марта.

³ «Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном» (1864—1909 гг.).— *РС*, № 3.

25 марта

¹ Анон. отзыв о ст. В. Г. Короленко «Бытовое явление» в № 68 газ., 24 марта.

² Изложение речи П. А. Столыпина, произнесенной в Гос. совете 15 марта, опубл. в газетах 16 марта.

³ Письмо П. Л. Успенского к Маковицкому от 23 марта из Харькова.

⁴ Л. В. Д а ш к е в и ч. Государственные избирательные законы. Аграрный переворот. Сельский суд. М., 1909 (*ЯПб*). См. письмо Т. к Дашкевичу от 25 марта (т. 81, с. 182—183).

26 марта

¹ *Просовы* — ямы на проезжей дороге, образовавшиеся от таянья подснежного льда.

² На письмо А. Руданского от 23 марта Т. отв. 26 марта (т. 81, с. 184—185).

³ А. П. М и л ю к о в. К портрету шести русских писателей (*РС*, 1880, № 4). Упоминается сделанная С. Л. Левицким 15 февр. 1856 г. фотогр. с изображением группы согр. *Совр.*: Тургенева, Островского, Дружинина, Толстого, Григоровича, Гончарова. Эта фотогр. с автографами Островского, Дружинина, Гончарова и Тургенева находится в яснополянском кабинете Т.

⁴ Письмо Т. к В. Г. Короленко от 26—27 марта (т. 81, с. 187—189).

27 марта

¹ Письмо Ш. Миньковича от 21 марта. Т. отв. 27 марта (т. 81, с. 192—193).

² Отр. «Лунная соната» из романа Г. Сенкевича «Водоворот» (*Р. вед.*, № 69, 25 марта).

³ См. Зап. кн. (т. 58, с. 149—150).

29 марта

¹ Серб. король Петр Карагеоргиевич пришел к власти после воен. переворота в Белграде 29 мая 1903 г., во время к-рого были убиты король Александр (из династии Обреновичей) и его жена Драга.

31 марта

¹ Письмо С. И. Мунтянова от 9 марта (*ЛН*, т. 37-38, с. 357—358). Т. пометил на конв.: «Булгакову написать, что мне приятно было его письмо именно потому, что чувствуется в нем правда и серьезность, и написать о бобе». Отв. Булгаков 1 апр. (т. 81, с. 169).

² Письмо Е. Д. Хирьяковой к Т. от 28 марта.

³ Письмо Т. к Черткову от 24 марта (т. 89, с. 178—179).

⁴ Соч. Ф. А. Страхова «Искание истины». Позднее Т. изменил свое решение, о чем сообщил Страхову 16 авг. (т. 82, с. 112). Кн. вышла в изд-ве «Посредник» в 1911 г. с письмом Т. от 1 апр. (т. 81, с. 197—198).

⁵ Корресп. П. Ольберга. Его ст.-интервью «Лев Толстой о финляндском кризисе» опубл. в «Hufvudstadsbladet» 20 апр. (ср. т. 58, с. 32).

⁶ Кн. XIX «Пути жизни», озагл. «Ложная наука»; в нее вошли 4 изречения Шопенгауэра (т. 45, с. 303—304, 309—310, 313 и 315).

⁷ Т. отв. А. Я. Молочниковой 1 апр. (т. 81, с. 196—197).

⁸ Рассказ «Марфуша-сирота» вошел в сб. С. Т. Семенова «В разлуке» и др. повести и рассказы. М., 1902 (*ЯПб*). В *ЯПб* есть и др. книги Семенова.

⁹ Текст завещания приведен в письме Т. к В. Ю. Шимановскому от 7 апр. (т. 81, с. 216—217).

1 апреля

¹ С. А. Толстая была в Москве с 1 до 4 апр. по делам изд. нового собр. соч. Т. (см. *ДСТ IV*, с. 49).

² Сообщение это оказалось ложным.

³ Петерб. изд-во «Обновление» выпускало соч. Т., запрещенные до 1905 г. в России.

⁴ Т. е. членом черносотенного «Союза русского народа».

⁵ Ст. «Взгляд на текущую литературу» вошла в кн. Н. Страхов. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862—1885). Изд. 2-е. СПб., 1887 (*ЯПБ*, пометы).

2 апреля

¹ Кн. М. Эгеперса и Р. Домбра, изд. в Париже в 1910 г.

² А. Крuber, С. Григорьев, А. Барков и С. Чефранов. Начальный курс географии. В 1910 г. вышло 10-е изд. этого учебника.

³ И. Н. Жукову, приславшему Т. фотогр. своих работ, отв. Т. Л. Сухотина-Толстая (т. 81, с. 294).

3 апреля

¹ Ср. письмо А. Л. Толстой в редакции газет от 10 янв. (т. 81, с. 270).

4 апреля

¹ Письмо В. А. Молочникова из новгородской тюрьмы от 30 марта опубл. в сб. «Толстой. Памятники творчества и жизни». 2. М., 1920, с. 148—150. См. письмо Т. к А. Я. Молочниковой от 4 апр. (т. 81, с. 206—207).

² С. Т. Семенов. Настасья Большенина. М., 1899.

5 апреля

¹ Для сытинского изд. «Круга чтения» Т. сделал многочисленные испр. по тексту 1-го изд. Корр. были подписаны в 1908 г.; в полн. виде кн. вышла в свет в 1911 г.

² *Еванг. от Иоанна*, X, 16.

³ «Единая заповедь» (т. 38) напеч. в «Юбилейном сборнике Литературного фонда. 1859—1909» с пенз. пропусками, обозначенными точками.

⁴ Изречения Канта о религии Т. поместил в качестве эпигра. к гл. II и IX «Единой заповеди» (т. 38).

⁵ См. о картине «И солнце уснуло над Адриатикой», «написанной» ослом, к хвосту к-рого была привязана кисть, в кн. В. М. Лобанов. Кануны. М., 1968, с. 230.

⁶ Худож. выставка, устроенная в Москве ред. «Золотого руна».

6 апреля

¹ Письмо А. Руданского от 2 апр. Т. отв. 6 апр. (т. 81, с. 212—214).

7 апреля

¹ Письмо крестьянина П. А. Мельникова от 5 апр. Т. отв. 7 апр. (т. 81, с. 214—215).

² Запись в Дн. 10 марта (т. 58, с. 23). Т. отв. Георгиевичу 10 марта (т. 81, с. 138).

8 апреля

¹ Л. Пост прислал Т. при письме от 23 нояб. н. с. 1909 г. свою кн. «Social Service». N. Y., 1909 (*ЯПБ*, дарств. надпись). Отв. О. К. Толстая 3 дек. 1909 г. (см. т. 80, с. 273).

² Т. Землянички й. Чуваши. Казань, 1909 (*ЯПБ*, дарств. надпись). Отв. Т. неизв. (см. т. 81, с. 267).

9 апреля

¹ Рук. 4-й ред. «Детства», посланная Т-м в ред. *Совр.*, не сохр. Автограф Т., представляющий собой 3-ю ред., напечатан полностью в 12-м изд. «Соч. гр. Л. Н. Толстого», ч. 1. М., 1911. В предисл. к этому изд. С. А. Толстая писала: «Предполагая, что издание «Детства» по рукописи, всецело написанной рукою Льва Николаевича, без вмешательства редакции и пропусков цензуры, представляет большой интерес, я решила печатать «Детство» в новом издании по этой рукописи...» («Соч. гр. Л. Н. Толстого». М., 1911, ч. 1, с. 5).

² При письме от 6 апр. В. Д. Ахшарумов прислал Т. свою кн. «Стихотворения». Полтава, 1908 (*ЯПБ*). В огл. отмечены Т. стихотв. «Куда» и «Покоя ищу я, покоя». Т. отв. 20 апр. (т. 81, с. 236).

10 апреля

¹ T. G. Masaryk. Der Selbstmord als social Massenerscheinung der modernen Civilisation. Wien, 1881 (*ЯПб*, пометы).

² Напеч. в кн. С. Т. Семенов. Дедушка Илья, и др. рассказы. М., «Посредник», 1903 (*ЯПб*, пометы).

³ Из выбранных Булгаковым изречений Достоевского Т. включил в «Путь жизни» только 2 (т. 45, с. 481 и 482).

12 апреля

¹ Под словом «очищал» Т. подразумевал переписывание в Дн. мыслей, ранее внесенных в Зап. кн.

15 апреля

¹ См. *Список* в т. 81, с. 267.

16 апреля

¹ Рассуждения С. Д. Николаева о «незнании» основоположниками марксизма теории Г. Джорджа и о характере их полемики с его учением глубоко ошибочны (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 348—350; т. 35, с. 163—165; т. 36, с. 496—498). В предисл. к рус. пер. кн. «Письма И. Ф. Беккера, И. Дипгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». СПб, 1907, В. И. Ленин четко охарактеризовал отношение Маркса и Энгельса к Г. Джорджу и его теории. Отмечая реакционность «социализма» Г. Джорджа, они в то же время подчеркивали необходимость для америк. рабочей партии на известном историческом этапе сотрудничать с его последователями (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, с. 233—234; т. 17, с. 317).

² Чертков переехал с семьей на лето в усадьбу «Отрадное» под Серпуховом, возле с. Мещерского Подольского у. Т. писал Черткову о своем намерении посетить его там (т. 89, с. 185).

³ В. П. Мазурин. О нем запись в Дн.: «Совсем близкий человек» (т. 58, с. 38).

⁴ Ст. в *НВ*, № 12244 была вызвана публ. в финск. газ. «Hufvudstadshladet» 20 апр. н. с. интервью «Лев Толстой о финляндском кризисе».

17 апреля

¹ Письмо И. Мелисова из Тобольской губ. от 24 марта. Т. отв. 17 апр. (т. 81, с. 232).

² «World's Chinese Student's Journal», № 4 (*ЯПб* *, пометы).

³ «Письмо к китайцу», 1906 (т. 36).

⁴ Т. посетил Дрезденскую галерею 5 и 6 авг. н. с. 1857 г. (см. т. 47, с. 148—149).

⁵ Вероятно, «Otagula sibyllina», vol. I—III. P., 1841—1856.

18 апреля

¹ Ср. *Булгаков*, с. 185—186.

² Отставной полк. Троцкий-Сенютович (см. т. 58, с. 40).

³ Цит. из рассказа «Дедушка Илья» (С. Т. Семенов. Дедушка Илья, и др. Упом. изд. с. 68).

⁴ Герой рассказа «Набег» капитан Хлопов. Его прототипом послужил Хилковский (т. 3, с. 288).

⁵ Т. участвовал волонтером в боевых действиях отряда Кавказской армии под командованием кн. А. И. Барятинского в июне 1851 г.

19 апреля

¹ Письмо М. С. Остахова, казака из станицы Новопокровская Кубанской обл. от 15 апр. На конв. рукой Т.: «Чудное письмо» (т. 81, с. 299). В Юб. изд. указаны ошибочные инициалы: А. Ф.

² Письмо Т. к Кинусуэ Ширайши от 10—19 марта (т. 81, с. 155—160).

³ Кн., изд. в Иоганнесбурге в 1904 г. (*ЯПб*). Прислана Ганди с сопров. письмом от 4 апр. н. с., опубл. в *ЛН*, т. 37-38, с. 344. Т. отв. 25 апр. (т. 81, с. 247—248).

⁴ В. Овчинская. Как живут японцы. М., «Посредник», 1899.

20 апреля

¹ Т. е. на репетиции.

² См. черн. вар. «Детства» (№№ 8—10) — т. I, с. 175—183.

21 апреля

¹ J. J. D o k e. M. K. Gandhi. An Indian Patriot in South Africa. With an Introduction by lord Ampthill. L., (1909) (*ЯПб*, пометы). Прислана Т-му Ганди с сопров. письмом от 10 нояб. 1909 г. Т. отв. 25 апр. (т. 81, с. 247—248).

22 апреля

¹ См. Н. Книпович. Муравьи (*Брокгауз*, кн. 39). Эту ст. Т. читал 20 апр. (т. 58, с. 40).

² Автором кн. «Die Gruel der christlichen Civilisation. Briefe eines buddhischen Lama aus Tibet. Lpz., 1907 (*ЯПБ*) являлся Б. Фрейданк. Написана от вымышленного лица — ламы Чонг Ка-па. Под загл. «Письма буддиста к христианину» в пер. А. А. Гольденвейзер напеч. в *ВО*, №№ 5—10.

³ Т. был на представлении «Дяди Вани» Чехова 24 янв. 1900 г.

⁴ Письмо Т. к Б. Шоу от 15—26 апр. (т. 81, с. 254—256).

⁵ J. Wassermann, Kaspar Hauser. Stuttgart, 1909. Т. изложил историю К. Гаузера в черн. ред. «Что такое искусство?» (т. 30, с. 464—465).

⁶ Д. Жбанков. Современные самоубийства (*СМ*, № 3).

⁷ Письмо Н. С. Логунова от 18 апр. Отв. Булгаков 22 апр. (т. 81, с. 299).

⁸ Письмо Тацуку Харада от 3 мая н.с. с благодарностью от него и его друга Коджу Мидзутакэ за радушный прием. К письму приложена выписка из обращения «К нашим подданным» от «30-го дня 10 мес. 23 года Мейдзи».

⁹ См. запись 17 апр.

¹⁰ Т. читал рассказ Ф. Сологуба «Белая березка» и его стихи в *РМ*, 1909, № 1 (см. т. 57, с. 154).

¹¹ См. кн. К. Чуковского «Нат Пинкертон и современная литература» и «Куда мы пришли». Изд. 2-е. СПб., 1910, в к-рых большое место занимают проблемы киноискусства.

¹² Л. Н. Андреев приезжал на Капри по приглашению Горького осенью 1908 г.

¹³ В интервью *Мистера Рэя* (С. С. Раевского), взятом у Л. Н. Андреева («Леонид Андреев у Л. Н. Толстого»), сообщалось со слов Андреева: «Спрашивал Лев Николаевич и о критиках. Между прочим, Лев Николаевич указал на Чуковского, который умеет и смеет касаться тем, до которых не решаются спуститься высокопоставленные критики. Как на образец он указал на статью Чуковского о кинематографе — этом новом «художественном» явлении последних дней, имеющем такое громадное влияние на толпу» (*УР*, № 134, 29 апр.).

23 апреля

¹ См. воспроизведение этой фотогр. на с. 229 наст. кн.

24 апреля

¹ Телегр. напеч. в т. 81, с. 249.

25 апреля

¹ Письмо от 26 апр. (т. 81, с. 251).

² Ст. А. Панкратова (*РВ*, № 4).

³ Всероссийская мясная выставка открылась в Москве 22 апр. На открытии присутствовал городской голова Н. И. Гучков.

⁴ Над предисл. к «Пути жизни» Т. работал с перерывами 4 года, переделывая его более 100 раз (т. 45, с. 521—526).

26 апреля

¹ Список кн. для самообразования, составл. по указ. Т-го Булгаковым. Во вступит. прим. отмечено: «Черновая этого списка была просмотрена и исправлена Л. Н. Некоторые сочинения он выпустил, а остальные распределил по степени их важности на три разряда» (*Булгаков*, с. 208).

² «Crime and Criminals» by the Prison Reform League. Los Angeles. 1910 (*ЯПБ*, пометы). Кн. посвящена Т-му; прислана Дж. Гриффисом, секретарем Лиги тюремных реформ, с сопров. письмом от 23 марта н.с. Т. отв. 23 (?) апр. (т. 81, с. 243—244).

³ На Всероссийском съезде писателей, проходившем в Петербурге с 23 по 29 апр., М. А. Стаховичем было прочитано письмо Т. к предс. съезда Г. К. Градовскому (т. 81, с. 211—212; см. также с. 227 и 242).

27 апреля

¹ Ред. заметка «Юбилей «Посредника»» в № 95, 27 апр.

² Из стихотв. «Когда волнуется желтеющая нива...»

28 апреля

¹ «Репинская община» — земледельческая колония близ Ташкента, основанная В. А. Репиным.

² Письмо Марии Бук из Грискирхена (Австрия) от 3 мая н.с. На конв. надпись Т.: «О процессе Тарнов(ской). Душану прочесть» и помета Маковидского: «Рукопись возвращена. 29 апр.» (т. 81, с. 300). В юб. изд. Бук ошибочно обозначена как мужчина.

29 апреля

¹ В № 1-2 черносотенного журнальчика «Студент-христианин» напеч. ст. М. Сырокомли (из Фатежского у. Курской губ.) «Как хоронить яснополянского шарлатана».

1 мая

¹ О встрече с Т. участников автомобильного пробега см. в УР, № 137, 4 мая.

2 мая

¹ Перепечатка из «Русского инвалида» сообщ. о банкете в честь И. Д. Сытина, начавшего изд. «Военной энциклопедии» (Р. с. л., № 98, 30 апр.).

² Повести были присланы при письме от 28 апр. из Варшавы.

³ L. P o s t. Social Service.

⁴ «Очень замечательное», по мнению Т., письмо А. П. Тишковой и в качестве предисл. к нему свое сопров. письмо от 29 апр. (т. 81, с. 262) Т. передал приехавшему 30 апр. С. П. Спиро и в тот же день ответил Тишковой (т. 81, с. 264). Т. намерен был отредактировать письмо Тишковой и свое предисл. (см. С. П. Спиро. Беседы с Л. Н. Толстым (1909 и 1910). М., 1911, с. 68—69).

3 мая

¹ Одним из первых незавершенных замыслов Т. была повесть «из цыганского быта» (см. т. 46, с. 39); см. «у цыган» имеются в рассказах «Святочная ночь» (т. 3, с. 260—264) и «Два гусара», гл. VI (т. 3, с. 164—168), а также в «Живом трупе» (т. 34, с. 22—28).

² Письма Т. от 3 мая: Э. Г. Шмиту по поводу его работы «Leo Tolstoy als Gegner der modernen Wissenschaft in Dokumenten des Fortschritts». В., 1910 (т. 82, с. 15); Т. О. Масарику (т. 82, с. 14—15); С. А. Толстой (т. 84, с. 392).

³ Ред. ст. (НВ, № 12260, 1 мая).

4 мая

¹ С. Т. Семенов. У пропасти, и др. рассказы. М., «Посредник», 1900.

² Пьеса Шоу «Избранник судьбы» («The Man of Destiny») в кн. Б. Шоу. Собр. соч., т. I («Избранник судьбы»). Пьесы приятные: «Шоколадный солдатик». М., 1910 (ЯПб).

³ Среди опубл. одноактных пьес Семенова, насколько нам известно, нет пьесы с одним женским действующим лицом (см. С. Т. Семенов. Крестьянские пьесы для народного театра. М., «Посредник», 1912).

5 мая

¹ Т. говорит о предисл. О. Вермореля к трактату Э. Лабозти «De la servitude volontaire...»

² А. О. Фрейман выведена Т. под именем Акулины Тарасовны в ст. «О науке. Ответ крестьянину» (т. 38, с. 132—133).

³ La Rochefoucauld. Œuvres complètes, v. I—III. P., 1863—83 (Grands écrivains de la France).

⁴ Р. В. Иванов-Разумник. О смысле жизни. Ф. Сологуб, Л. Андреев, Лев Шестов. Изд. 2-е. СПб., 1910 (ЯПб). О Герцене — с. 256—283.

⁵ На письмо Л. Д. Семенова от 11 мая Т. отв. 14 мая (т. 82, с. 26—27). На конв. письма помета Т.: «Ответ Леон. Сем.».

6 мая

¹ С. Ш т и л ь. Обязанности матери (О половой педагогике). Пер. с нем. В. Деловой; А. Ч у й к о. К нашим детям (Беседа о происхождении человека). М., «Посредник», 1907.

² Письмо Черткова Т-му от 3 мая.

³ Изд. «Collection des grands écrivains de la France». P., s. a.

⁴ Манифест, датированный: «Милан. 11 апр. 1910 г.» и подписанный У. Боччони, К. Карра, Л. Руссолю, Дж. Балла и Дж. Сезерини (см. «Манифесты итальянских футуристов. Собрание манифестов...» Пер. В. Шершеневича. М., 1914, с. 11—15).

7 мая

¹ Письмо Черткова в ред. Р. с. л. от 3 мая. Напеч. 5 мая в «Речи», № 121, и УР, № 138. 8 мая в НВ были опубл. отв. Г. К. Градовского с указ., что сокращение было будто бы согласовано с Т.

8 мая

¹ Письмо Т. к В. Г. Короленко от 27 марта по поводу ст. «Бытовое явление», напеч. в «Речи» (№ 106, 18 апр.).

² Коммерческое изд-во, самовольно присвоившее себе назв. «Ясная Поляна», выпустило в свет «Полное собр. соч. гр. Л. Н. Толстого, печатавшихся до сих пор за границей», т. I—III. СПб., 1907. В т. II включено «Царство божие внутри вас».

³ Письмо М. С. Остахова (Астахова) от 1 мая.

⁴ См. запись в Дя. 25 нояб. 1888 (т. 50, с. 5).

⁵ В *BE* № 9 опубли. «Три дня в деревне» с ценз. сокращ.; «Сон» — в кратком изложении.

⁶ А. Турки и н. Исправник (*РБ*, № 1).

⁷ Написал ли Т. это письмо, не установлено; С. П. Спиро в Ясную Поляну после 30 апр. больше не приезжал.

9 мая

¹ Ст. О. В. «Толстой и Тургенев» — о сб. изд-ва «Образование», посвященном Т.: «Очень интересные передаваемые в статье Сергеенко «Л. Н. Толстой и его современники» подробности разрыва, происшедшего между Толстым и Тургеневым». Этому эпизоду и посвящена ст. О. В. (*Р. вед.*, № 104, 8 мая. Ср. «Лит. Россия», 1976, № 16, 16 апр., с. 11).

11 мая

¹ А. Аракелян. Бабизм. Тифлис, 1910. См. в газ. «Тифлиссские новости», № 220, 28 сент. о письме Маковицкого к Аракеяну.

² O. Pfl e i d e r e r. Religion und Religionen. München, 1906.

³ «На всякого мудреца довольно простоты».

12 мая

¹ Рассказы А. де Мюссе «Mimi-Pinson» и «Histoire d'un perle blanc» («La Feuille Littéraire», Mai).

² «От ней все качества» (т. 38).

13 мая

¹ Письмо И. В. Колесникова от 5 мая. Т. отв. 14 мая (т. 82, с. 24—25).

14 мая

¹ Письмо Л. Д. Семенова от 11 мая. Т. отв. 14 мая (т. 82, с. 26—27).

² Н. М. Горбов, сосед Сухотиных, организовал в Мпенском у. народную школу.

15 мая

¹ P. A d a m. Le trust. P., 1910. Роман из цикла «Время и жизнь», рисующий историю 3-х поколений франц. буржуазии.

² Т. читал Гафиза в пер. А. Фета (см. т. 60, с. 317 и 319).

³ В это время стр. газет пестрели сообщениями о приближающейся комете и о ее предстоящем столкновении с Землей (см. т. 81, с. 44).

⁴ «Закон насилия и закон любви». Вырезка из газ. не сохр. Пер. И. Д. Гальперина-Каминского вышел отд. изд.: L. T o l s t o i. La loi de l'amour et la loi de la violence. Traduit d'après le manuscrit et publié en français avant l'original russe par E. Halpérine-Kaminsky, précédé d'une lettre de Tolstoï à propos de la *Barricade* de Paul Bourget. P., (1910) (*ЯПБ*). Письмо Т. к И. Д. Гальперину-Каминскому от 24—25 февр.— т. 81, с. 111—112.

16 мая

¹ Известно 7 писем с пометами на конв., сделанными Т. в этот день (т. 82, с. 238).

² Нач. почт. конторы в Одессе в это время был И. В. Кочнев.

19 мая

¹ Упом. присланная из Парижа И. И. Мечниковым при письме от 1 июля 1909 г. (т. 80, с. 41—42) кн. E. F o a. La traversée de l'Afrique du Zambèse au Congo Français. 3-e éd. P., s. a. (*ЯПБ*).

² В корресп. «Государственная дума» (*Р. вед.*, № 112, 18 мая) сообщалось о скандале, вызванном накануне речью депутата Пуршкевича при обсуждении законопроекта о предоставлении западным районам (Польша, Литва, Финляндия) земского самоуправления.

20 мая

- ¹ Речь «Памяти Тургенева», произнесенная А. Ф. Кони в заседании АН 1 марта 1909 г., опубл. в *Изв. ОРЯС*, № 4.
² М. Ш. Кюэс.

21 мая

- ¹ N. A. Krose. Der Selbstmord im 19 Jahrhundert nach seiner Verteilung auf Staaten und Verwaltungsbezirke. Freiburg, 1906 (*ЯПб*, пометы).
² «Студенческий альманах», кн. 1. Под ред. А. И. Золотарева и др. Киев, 1910.

22 мая

- ¹ Г. Торо. Вальден. Пер. П. А. Буланже. М., «Посредник», 1910 (*ЯПб*, пометы).
² Письмо Т. к Б. О. Гольденблату от 23 мая (т. 82, с. 33).
³ Письма Вл. С. Соловьева к Е. В. Селевиной, урожд. Романовой, за 1871—1873 гг. (*РМ*, № 5).
⁴ См. т. 58, с. 54, 391.
⁵ Представление состоялось 23 апр. (см. *Булгаков*, с. 206).

23 мая

- ¹ М. и т. Учение о всеобщей любви. Сост. П. А. Буланже. Под ред. Л. Н. Толстого. М., «Посредник», 1910.
² См. т. 45, с. 314—315, 481 и 482.

25 мая

- ¹ «Путь жизни».
² В. Г. Короленко. Бытовое явление (заметки публициста о смертной казни). См. запись 8 мая.
³ Мысли Торо включены в «Путь жизни» (т. 45).

26 мая

- ¹ Публичная лекция проф. Р. Ю. Вишпера, прочитанная в Москве 27 янв.; напеч. в *РБ*, № 5.
² «Из Юбилейного сборника Литературного фонда. 1859—1909». СПб., 1910.
³ Ред. ст. «Венгерские выборы» (*НВ*, № 12283, 24 мая).

27 мая

- ¹ Письмо Черткова к Т. от 26 мая (т. 58, с. 397—398).

28 мая

- ¹ Обличительная ст. С. В. «Распутин-Новых» («Речь», № 142, 26 мая).
² Письмо Г. К. Градовского к С. А. Толстой от 21 мая. С. А. Толстая отв. 28 мая (см. *ДСТ IV*, с. 62).
³ А. М. Хирьяков находился в петерб. тюрьме «Кресты». Он был приговорен в 1909 г. к годичному тюремному заключению за издание им в 1906 г. в Петербурге газ. «Голос».

29 мая

- ¹ «Единая заповедь» была изд. «Посредником» в 1917 г.

30 мая

- ¹ В *ГМТ* хр. след. произв. П. П. Трубецкого: 3 рисунка Т. (бумага, карандаш) и «Толстой за работой» (холст, масло). Относятся к 1910 г.

31 мая

- ¹ Ср. т. 82, с. 232—233. Текст письма Т. к М. Л. Оболенскому воспроизв. по памяти агрономом Д. Н. Волковым в кн. Б. Нечаев. Ясная Поляна и Рвы. Пб., 1914, с. 12.
² В *ЯПб* сохр. ч. 3-я и 4-я соч. Вольтера, принадлежавшие, по-видимому, родителям Т.: *Voltaire. Œuvres complètes. Parties 3—4. P., 1828—1829. (Œuvres historiques et Correspondance)*; «La Henriade», t. II. Amsterdam, 1775, и «Alzire, ou les Américains». Amsterdam, 1736.

3 июня

- ¹ Чиновник Мин. вн. дел В. Д. Бутурлин был из корыстных побуждений отравлен мужем своей сестры.

5 июня

¹ Коллективное письмо от 11 июня с 12 подписями польских ариан и с прилож. программного воззвания общины. В этом письме содержалась просьба к Т. «сообщить свое мнение» об этом воззвании. На конв. рукой Т.: «Душану» и рукой Маковицкого: «Привет от польских ариан».

² П. Т. Лохмачева — умственно неполноценная крестьянка дер. Ясная Поляна. Т. приводит ее ответ на вопрос, будут ли у нее, после рождения мертвого ребенка, еще дети.

³ В 1910 г. Т. получил еще драму «Тит, разрушитель Иерусалима» (Берлин, 1910, изд. И. П. Ладыжникова на рус. яз.) и сб. рассказов на нем. яз. «Sie und ich», без года и указ. места изд. (ЯПб, разрезана не полностью).

⁴ Кн. сохр. в ЯПб.

6 июня

¹ В б-ке ГМТ хр. экз. брошюры «О разуме, вере и молитве» (М., «Посредник», 1905) с надп.: «Дал Лев Николаевич в Ясной Поляне 6 июня 1910 г. в Троицын день. В. Модестов».

² Е. Лозинский. Что же такое, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт). СПб., 1907 (ЯПб, пометы).

³ Письмо Е. И. Лозинского от 19 мая. В связи с приветствием Т. съезду писателей Лозинский упрекал его в «солидарности с интеллигенцией» — «вместо того, чтобы последние дни жизни использовать на то, чтобы до конца разоблачать в глазах рабочих масс новую все растущую силу, подготавливающую новую форму эксплуатации и рабства». В письме Лозинский цитировал свою ст. из «Киевской мысли», № 125 на эту же тему. На конв. рукой Т.: «Б. о. Послать Черткову».

9 июня

¹ Н. А. Потаненко, к-рая привезла Т. на отзыв свое соч.

11 июня

¹ Отчет о заседании Гос. совета с обсуждением правит. проекта о Финляндии с целью «охраны русских имперских интересов» (№ 130).

² «Сорок лет» — легенда Н. И. Костомарова. Предполагая напечатать ее в 1886 г. в «Посреднике», Т. упростил язык, сократил, внес изменения в композицию и написал новый конец (т. 26).

³ Роман «Ядориги» («Сорная трава»). Вышел в Токио в 1909 г.

⁴ Приехавшие из Хабаровска В. В. Плюшня и И. Н. Збайков посетили Т. 29 апр.

⁵ Письмо Такахашии из Токио от марта: «Милостивый государь граф Толстой! Имею честь послать вам экземпляр работы или, вернее, конспект работы моего друга пророка Мизаки, которого Япония в последнее время признала творцом нового Евангелия. Сущность такового я перевел на английский язык для того, чтобы представить эту «благую весть» на суд ареопага мира: ибо «никто не пророк в своем отечестве». Надеюсь, что мой варварский язык не явится помехой к правильному пониманию этого творения и справедливому суждению о нем мудрейших и лучших людей всего мира. Уважающий вас Горо Такахаши, переводчик». На конв. рукой Маковицкого: «Takahashi. Япония. Присылает книгу «Good Fiddlings by Miyasaki». Рукой Булгакова: «Англ. Ответ. Л. Н. 10 мая 10 г.». Отв. Т. неизв. (см. т. 82, с. 232, где искажена фамилия адресата, названного *Токши*).

⁶ Т. получил кн.: Miyasaki Toganosuke. The Prophet, My New Gospel. Tokio, (1910) (ЯПб). В кн. упом. Т.

13 июня

¹ См. запись 3 марта.

² «Сказка об Иване дураке...» (т. 25).

14 июня

¹ Крестьянин С. П. Данилин.

² Рассказ «Путаница».

³ См. т. 84, с. 393.

⁴ Во всех прижизненных собр. соч. Т-го т. IV составлялся из его педагогических ст., в том числе и из тех, к-рые были опублик. в журн. «Ясная Поляна».

⁵ В 1884 г. Т. не писал статей на педагогические темы.

⁶ Выражение Ф. Шиллера. См. кн. 2 наст. изд., с. 483 и 672.

⁷ «Сборник песен и гимнов свободных христиан», составл. А. К. Чертковой. Изд. Св. сл., 1905.

15 июня

¹ Соч. крестьянина А. П. Новикова «Записки лакея, или Правдивая история рабочей жизни». Рук. с пометами Т.

17 июня

¹ «О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого, собранные Владимиром Чертковым». В 1901—1906 гг. кн. выходила в Лондоне, Берлине и Петербурге с идентичным текстом.

² 10/22 июня Э. Моод писал Т.: «Недавно я перечитал, работая над книгой, письма от вас. Они живо мне напомнили, скольким я вам обязан, как добры и терпеливы вы были ко мне (...) Одна из больших услуг ваших для народов английского языка в том, что внесли изменение в наше понятие добра: для русских не только *добрый*, но и *хороший* — это человек добрый, великодушный, сострадательный. И это понятие добра русские писатели — и вы особенно — внесли в западный мир». В письме от 16 февр. 1909 г. Моод выразил желание перевести «Круг чтения»; в февр. 1910 г. он перевел «Три дня в деревне».

³ Предисл. Т. к соч. Черткова «Злая забава» включено И. Д. Гальпериным-Каминским в сб. «Plaisirs cruels». P., 1896, состоящий из его перевода соч. самого Т. Текст Черткова в это изд. не вошел.

⁴ В связи с тем, что Россия не участвовала в междунар. конвенции по авторскому праву, все зарубежные переводчики могли беспрепятственно переводить, а изд-ва издавать как опубликованные, так и не опубликованные в России лит. произведения, что создавало вокруг наиболее значительных из них атмосферу ажиотажа и конкурентной борьбы.

По сообщению П. А. Буланже, Чертков, опасаясь искажений переводов, договорился с Толстым, «чтобы тот не обнаруживал своих произведений до тех пор, пока они не появятся в переводах на главные европейские языки, избирает вполне надежных переводчиков и издателей, и с тех пор каждое написанное Л. Н. произведение стало появляться одновременно на русском языке в типографии Черткова, в Англии и на главных европейских языках во всех странах» (П. Буланже. Толстой и Чертков. М., 1911, с. 13).

18 июня

¹ С. С. Курсаков. Курс психиатрии, тт. I—II. Изд. 2-е. М., 1901 (ЯПБ, дарств. надп., пометы).

² По мнению Маковицкого, С. А. Толстая симулировала душевную болезнь, используя симптомы, описанные в этой книге.

20 июня

¹ «Письмо к индусу» (т. 37) и «Ответ польской жемчужине» (т. 38).

² Напеч. в т. 38.

³ К началу в июне ст. «О безумии» Т. присоединил фрагменты ст. «О самоубийстве», над к-рой работал в марте и мае, а также использовал свои впечатления от посещения больниц в Мещерском и Троицком. Ст. не закончена.

⁴ Очевидно, сб. «Путь жизни». 16—17 июня Т. правил корр. кн. «Грехи, соблазны, суеверия» (т. 45).

⁵ Эпизоды из рассказа «Нечаянно».

⁶ Теория «русского социализма», изложенная Герценом в цикле статей 1840—1850-х гг. («Россия», «Русский народ и социализм», «Старый мир и Россия»).

⁷ См. запись 3 июня и прим. 1 к ней.

⁸ Бюст работы Аронсона, выполненный в 1901 г.

21 июня

¹ Портрет старца Федора Кузмича, присланный Т-му 10 июля 1891 г. А. А. Толстой (т. 36, с. 584).

² Основатель скопческой секты К. Селиванов после возвращения из сибирской ссылки в Москву среди членов секты считался искупителем и царем Петром Федоровичем. Портрет Селиванова помещен в кн. Н. Ш и л ь д е р. Император Александр I, т. II. СПб., 1897, с. 109.

³ В кн. записей корресп. об этом письме помечено: «Отказавшийся. Очень важно и интересно».

22 июня

¹ Телегр. б. п. (т. 84, с. 398).

² Вероятно, «Искание истины». Т. в этот день записал: «Вечером Страхов читал статью об идеале христианства» (т. 58, с. 68).

23 июня

¹ Текст телеграмм С. А. Толстой и отв. Т.— т. 84, с. 398.

² Ст. «О безумии» (т. 38).

³ См. т. 84, с. 398.

⁴ В «Предсмертной записке» С. А. Толстой от 23 июня содержалось след. обращение к сыну: «А ты, Андрюша, отмсти за смерть своей матери, ты любил ее и понял врага ее» (*ДСТ IV*, с. 72).

26 июня

¹ В Дн. от 20 марта Т. записал: «Хочу попытаться сознательно бороться с Соей добром, любовью» (т. 58, с. 67).

² Согласно диагнозу врачей-психиатров Г. И. Россолимо и П. И. Растегаева, С. А. Толстая страдала тяжелой формой истерии, паранойей, «кратковременным, проходящим душевным расстройством» (*ДСТ*, с. 786—787).

³ Т. продолжал начатое 1 июня чтение ст. Н. С. Русанова «Чернышевский в Сибири (по неизданным письмам и семейному архиву)»; *РБ*, №№ 4—5. Высказывания Чернышевского из двух писем — к жене и к сыну Александру — Т. включил в сб. «Путь жизни», разд. «Ложная наука» (т. 45).

27 июня

¹ Т. Л. Сухотина приехала в Николо-Вяземское 28 июня, в тот же день, что и ее родители.

² М. С. Сухотин сообщал Т-му 2 июля: «Я написал в Бастыево Горячеву, рекомендуя ему обратиться за помощью по его земельному делу в село Победное-Собакино Мценского уезда к волостному писарю Костину, специалисту по делам этого рода. Предупредил я Костина, прося его оказать безвозмездно помощь Горячеву, если последний к нему придет».

³ «От ней все качества» (т. 38).

⁴ Т. просил Черткова отменить свой приезд в Ясную Поляну (т. 89, с. 191).

28 июня

¹ См. т. 58, с. 434—435.

² Известно 6 писем, на конв. к-рых Т. 28 июня написал конспекты отв. (т. 82, с. 247).

³ В записи 28 окт. Маковицкий вычеркнул строки: «Л. Н. мне рассказал, что есть село Мананки, откуда женщины-мананки, которые артелями всю работу делают. И живут более нравственно, чем деревенские, т. к. артели стыдятся».

29 июня

¹ Из стихотв. Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» У Тютчева: «Край родной долготерпенья».

1 июля

¹ Письмо опубл. в вечернем вып. «Union», № 188, 8 июля н. с. под назв. «Lev Nikolajevič Tolstoy. Aus dem Slavenskongress in Sophia».

² Кн. изд. в Варшаве, без указ. года (*ЯПб*, пометы). Была получена 30 июня (см. т. 58, с. 72).

³ В. М. Феокритова вела дн. с 24 июня по 19 сент.; в нем она записывала весьма тенденциозно, гл. обр., события, связанные с семейной драмой Т. и обличающие С. А. Толстую.

⁴ Письмо Черткова от 1 июля, адресованное Т. (*ДСТ IV*, с. 305).

⁵ А. Л. Толстая 2 июля записала: «Решено было сделать выборки тех мест, которые нежелательно давать С. А., вырезав эти страницы, и остальные давать ей».

⁶ В отв. на требования вернуть Дн. Т-го Чертков, по словам С. А. Толстой, сказал ей: «Вы что же, боитесь, что я вас буду обличать посредством дневников Л. Н.? Я давно имел возможность и достаточно связей, чтоб *напакостить* вам и вашей семье; и если я этого не сделал, то только из любви к Льву Николаевичу» (*ДСТ IV*, с. 83—84).

⁷ В письме от 1 июля С. А. Толстая писала Черткову: «Я сама пишу свои Записки и воспоминания, и мне дневники Л. Н. служили дорогим материалом; теперь я этого лишена, и мне это очень больно» (*ДСТ IV*, с. 258).

⁸ См. запись 18 июня.

3 июля

¹ Дом, сгоревший в дер. Овсянниково, принадлежал Т. Л. Сухотиной. В поджоге подозревали душевнобольного В. А. Решина, к-рого приютила М. А. Шмидт, а также жившего у нее молодого крестьянина.

² И. А. Родионов. Наше преступление. Не бред, а быль. Из современной народной жизни. СПб., 1910.

5 июля

¹ Л. Л. Толстой приехал 2 июля из Парижа.

² Т. осмотрел 22 июня вместе с Чертковым шелкоткацкую фабрику бр. Трегубовых.

³ Т. получил письмо И. Чеховского и брошюру «Научная мечта (электричество и фагоцитоз)». Киев, 1910.

⁴ Этот разговор в дн. А. Л. Толстой записан 6 июля так: «Лева рассказывал папá про Родена; защищал его, когда папаша говорил, что Роден сделал «божескую руку» и лепит голых женщин. Между прочим, Лева сказал: «Роден говорит, что не надо думать, что мысль изнашивает мозг. Папá это ужасно поразило».

⁵ С. А. Толстая читала присланные Э. Моодом корр. последних глав т. II его кн. «The Life of Tolstoy» (вышел в мае 1911 г.) — см. ДСТ IV, с. 89.

⁶ В заметке «Все или ничего?» (НВ, № 12320, 1 июля) М. О. Меньшиков в связи с письмом Т. к Славянскому съезду писал: «Толстой велик (...) именно в своей художественной работе. Но вне ее (...) он проявляет умственную узорность».

7 июля

¹ Объяснение С. А. Толстой с Чертковым было вызвано инцидентом, к-рый произошел между ними 4 июля.

² П. Милль прислал вместе с письмом от 13 апр. н. с. сб. своих рассказов «La biche égarée». P., 1909 (ЯПб).

9 июля

¹ Явная ошибка или описка Маковицкого. В соч. Моцартаopus'ы не указываются. По известному же справочнику у Моцарте Кёхеля (Lpz., 1862, S. 85) под № 80 значится не фортепьянное произв., а квартет.

² Т. не раз оказывал помощь находившемуся в ссылке Н. Т. Изюмченко. 9 дек. 1899 г. по поруч. Т. ему были переведены деньги (т. 72, с. 559). 10 июля 1909 г. Т. писал ему: «Хотелось бы также помочь вам и вашей семье. Не могу ли чем?» (т. 80, с. 15).

10 июля

¹ Т. прочел вслух гостям — Ш. Саломону, Н. В. Давыдову и Н. Н. Ге — свою ст. «О воспитании» (т. 38).

13 июля

¹ См. т. 82, с. 73.

² Александра Львовна записала в дн. 12 июля: «Она съездила к Елизавете Ивановне, вернулась возбужденная, довольная, много говорила о двух баптистах, которые ее отчитывали, о том, как они по душам говорили».

³ В дн. А. Л. Толстой этот эпизод описан так: «Отец, по-видимому, отдыхал под защитой Тани, сидел в большом кресле и улыбался. Я проходила около него. Он что-то как будто про себя сказал. Я думала, что ему что-нибудь нужно. «Что ты, папá?» — «Девки мои хороши» (запись 15 июля).

⁴ А. Хэйт посылал Т. все изд. этого труда (ЯПб).

⁵ Известны 2 письма Т. к А. Хэйгу — от 30 июня 1904 г. и 7 марта 1905 г. (т. 75, с. 130—131 и 232).

14 июля

¹ O. Weiningerg. Geschlecht und Charakter. Wien — Lpz., 1903 (ЯПб).

² «Николай Палкин» (т. 26) — неоконч. ст. Т., запрещенная в России.

15 июля

¹ Проф. права ун-та в Эдинбурге (Небраска, США) М. Геринг в письме от 11 июня н. с. просил разрешения приехать с поручением от У. Брайана. Получив от Т. разрешение (т. 82, с. 47 и 243), он 2 дня пробыл в Ясной Поляне, где его называли «мистер Рокки».

² Возможно, кн. Ch. G. Davis. Why Not Now? Boston, 1909 (ЯПб; дарств. надпись).

³ Письмо от Широаиши Киносукэ из г. Кофу от 11 июля.

⁴ Дн. Т., находившиеся у Черткова, были 16 июля положены Т. Л. Сухотиной и А. Л. Толстой на хр. в тульское отд. Гос. банка на имя Т.

⁵ Письмо ред. журн. «Сокол» за подписью Д. Кузьменко, О. Разгон, О. Золдачек, Ф. Ольшанских от 15 июля с просьбой «откликнуться хоть единым словом».

16 июля

¹ Изв. письма Т. к Г. А. Комаровских от 17 авг. 1906 г. (т. 76, с. 187) и 13 февр. 1910 г. По поруч. Т. отв. Вулгаков (т. 81, с. 277).

18 июля

¹ В дн. А. Л. Толстой 19 июля записано: «У него были исправник и становой. Требовали отчета обо всех живущих. Чертков отвечать отказался. Тогда они потребовали паспорта. Паспорта баронессы Клодт, сына подполковника А. Д. Радынского, Булгакова как секретаря Л. Н. вернули, остальные взяли».

² Мысль Т., что «народы именно славянского племени» прежде всех других примут идею «всеобщего религиозного единения» (т. 38, с. 177).

³ Ответ Т-го Кониси на письмо с выражением благодарности за оказанный ему прием. Письмо послано не было.

⁴ Т. читал «Pensées» Паскаля в парижском изд. 1850 г. (*ЯПБ*) для отбора афоризмов в сб. «Путь жизни».

⁵ Т. приводит цитату из отв. Паскаля на вопросы, задававшиеся ему по поводу «Писем к провинциалу» — записано М. Перве (см. P a s c a l. Œuvres complètes. P., 1954, p. 1407—1408).

19 июля

¹ Письмо Т. было прочитано на заключ. заседании.

22 июля

¹ Очерк «Три дня в деревне». — «Второй день (Живущие и умирающие)» (т. 38).

² См. т. 38.

³ Интервью Т., данное А. С. Панкратову, в к-ром он сообщал о своей работе над очерком «Три дня в деревне», опубли. в *Р. сл.*, № 38, 17 февр., и перепеч. рядом др. газет.

⁴ Письма М. Ф. (отца) и С. М. (сына) Соломахиных от 4 июня 1910 г. На конв. помета: «Соломахи. Москва. О сектантах и спрашивает, можно ли приехать его отцу. Отв. 22 июля 10 г. Булгаков» (см. т. 82, с. 254. Приписка Т. к письму В. Ф. Булгакова — там же, с. 80).

23 июля

¹ Составленная С. Д. Николаевым кн. «Жизнь Кришны (индусские сказания)». В нее вошла легенда о Кришне и его изречения, выбранные Т. Кн. была набрана в «Посреднике», но ее изд. не осуществилось. Сохр. корр. с типогр. шт. «23 июнь 1910 г.». Предисл. Т. опубли. в т. 40.

² 21 июля Т. подписал текст завещания, оформленного в соответствии с нормами гражданского законодательства, и вследствие этого были названы имена лиц, к к-рым переходили его рукописи и право собственности на все произведения: А. Л. Толстая, а в случае ее смерти — Т. Л. Сухотина. В дополнение к завещанию Чертковым была составлена объяснительная записка, смысл к-рой заключался в том, чтобы сохранить за ним право просмотра и изд. соч. Т. (т. 82, с. 228). Разговор Т. с Чертковым касался двух его поправок к этому документу. После смерти Т-го С. А. Толстая возражала только против передачи А. Л. Толстой (на основании пункта завещания о «переходе в полную собственность А. Л. Толстой всего написанного Толстым») сданных ею в 1904 г. на хранение в Историч. музей 10 ящиков с рукописями писателя. Спор между ней и А. Л. Толстой дважды рассматривался в Сенате и только в ноябре 1914 г. было принято решение о признании права владения С. А. Толстой этими рукописями. Она предоставила дочери возможность снятия с них копий для подготовки первой публикации.

24 июля

¹ Письмо от 22 июня. Т. на него не ответил, т. к. не было обратного адреса.

² Ст. В. Вагнера «Ламарк и Дарвин как типы ученых» в № 7 журн.

³ В этом письме С. А. Толстая писала: «Твой вчерашний поступок — плевание матери чуть ли не в лицо, превышает не только всякое дурное отношение, но просто приличие, учтивость (...) Ты мне больше не дочь, этого последнего поступка я никогда не забуду и не прощу (...) Всякие отношения с тобой прекращаю навсегда, т. е. на тот короткий срок, который остался мне мучительно дотянуть на земле».

⁴ Объяснительное письмо А. Л. Толстой заканчивалось словами: «Но так как мы должны жить вместе, потому что, пока жив отец, я никуда ни за что не уйду от него, я совершенно согласна с тобой, что я должна соблюдать учтивость и вежливость по отношению к тебе, что я и буду делать, и извинаясь в том, что позволила себе не сдержат себя и в первый раз за целый месяц выразить свое негодование на ежедневно повторяющиеся с твоей стороны выходки, назвав их комедией и плюнув с досады в сторону».

⁵ А. Л. Толстая показала отцу оба письма и 25 июля записала свой разговор с ним: «Что, побранишь меня за мой ответ?» — спросила я. — «Нет, нет, твое письмо хорошо, — сказал он. — Надо же говорить правду».

25 июля

¹ Сохр. записка Маковицкого, видимо, адресованная Черткову, в к-рой он писал: «Захар Мих. Дробуцк был у Л. Н., поговорил с ним. Он одинокий и желал бы познакомиться с друзьями. Л. Н. направляет его к вам, чтобы познакомиться с Сереей Поповым и др. У Л. Н. стеснение в груди прошло. 25 июля 1910 г. Душан».

27 июля

¹ Письмо от 26 июля (т. 89, с. 196). Накануне Т. написал аналогичное письмо, но в более нервном тоне и не послал его (*Гольденвейзер*, с. 168).

² Отр. из письма, к-рое Чертков писал 21, 22, 25 и 26 июля см. в т. 58, с. 471.

³ См. т. 89, с. 196.

⁴ Популярный эстрадный театр.

⁵ Во время пожара сгорели автографы писем Т. к М. А. Шмидт, копии к-рых сохр. в арх. Черткова. Сохр. также принадлежавшая Шмидт копия «Исследования догматического богословия» и сказки «Работник Емельян» в последнем варианте.

28 июля

¹ Чертков посетил Ясную Поляну 24 июля (т. 58, с. 83).

² Дн. А. Л. Толстой (1903, 1910 гг.).

³ Дн. В. М. Феофитовой.

⁴ 18 июля А. Л. Толстой было сделано завещание о передаче всего ее имущества, в том числе и прав на наследование соч. Т., в случае ее смерти, Т. Л. Сухотиной. Оно засвидетельствовано А. Б. Гольденвейзером, А. П. Сергеевко и крестьянином М. Я. Зайцевым. Имеется и др. текст завещания аналогичного содержания, датир. 23 июля, и с заменой свидетеля Зайцева — А. Д. Радынским.

⁵ Известно письмо И. А. Толстого к П. Н. Толстой от 18 июля 1813 г.

29 июля

¹ «Дневник для одного себя». Начат 29 июля (т. 58).

² В «Дневнике для одного себя» этого нет.

³ Известно следующее замечание С. Л. Толстого на эту запись: «Маковицкий ошибался... Но это были только разговоры» (см. т. 58, с. 473).

⁴ Письмо от 24 июля (т. 84, с. 398).

⁵ P. Mille. Le Congo leopoldien («Cahiers de la Quinzaine», VI cahier, 7-me série; *ЯПб*, не полностью разрезано).

⁶ А. С. Пушкин и сочинения. Переписка. Под ред. и с прим. В. И. Саитова (*ЯПб*).

31 июля

¹ Т. работал в это время над комедией «От ней все качества».

2 августа

¹ По мнению Бирюкова, составление офиц. завещания было равносильно обращению за защитой своих прав к государству, к-рое Т. отрицал, а конспирация — признак недоброжелательного и недоверчивого отношения к семье.

² О разговоре Т. с Бирюковым Черткову стало известно из письма Т. (т. 89, с. 199—200). Чертков ответил письмами от 3 и 11 авг., после к-рых Т. признал ошибочность позиции Бирюкова (см. письмо Т. к Черткову от 12 авг. — т. 89, с. 203—204).

³ В «Дневнике для одного себя» такой записи нет.

⁴ Т. читал корр. «Пути жизни», XXV раздел — «Самоотречение» (т. 45).

⁵ Эту работу осуществил Горбунов (см. т. 45, с. 549).

3 августа

¹ Письмо Т. от 23 июля (т. 82, с. 81—82). В дн. А. Л. Толстой сохр. ее письмо к Э. Мооду от 7 авг.; объяснив состояние матери, она просила выполнить просьбу Т.

² Моод неодобрительно отозвался о Черткове (*ДСТ IV*, с. 320).

³ Письмо Е. И. Чертковой и отв. С. А. Толстой — там же, с. 320—322.

⁴ Запись в Дн. 1851 г. (т. 46, с. 237).

⁵ Стихотв. «Хельцицкий» опубли. в № 8 назв. журн. (*ЯПб*).

4 августа

¹ С. Двумянцев. Приехал с разрешения Т. В разговоре с ним Т. «погорячился» (см. т. 58, с. 131).

² Это изд. не осуществилось.

³ Письмо к Д. Н. Реевскому (т. 82, с. 98—99; текст не полностью совпадает).

5 августа

¹ Июньские и июльские №№ журн. после ухода Т. остались на этажерке в его кабинете.

² Письмо Т. к М. Крымбаеву от 14—16 марта 1909 г. (т. 79, с. 120—121).

³ Письмо вошло в т. XX 12-го изд. Собр. соч., подг. С. А. Толстой. М., 1914, с. 470. В авг. был дан в набор т. XV.

⁴ Об этом спрашивал В. В. Чертков в письме от 4 авг. Т. отв. в тот же день (т. 82, с. 96—97).

⁵ Булгаков внес в Дн. из Зап. кн. запись 5 авг. (т. 58, с. 200 и 87—89). Запись 7 авг. вписала в Дн. А. Л. Толстая (там же, с. 201—203 и 90—91).

6 августа

¹ Т. был знаком с М. М. Ковалевским; в 1880-х гг. с ним встречался.

² Текст телегр. Короленко и ответ С. А. Толстой: *Булгаков*, с. 338.

³ В последних №№ *PM* были напеч. стихи К. Д. Бальмонта «Из поэзии сумерек» (№ 5) и «В Египте» (№ 7).

⁴ *Уайтгейпел* — район бедноты в Лондоне.

⁵ А. Л. Толстая 6 авг. более подробно записала разговор о граде Китеже. «Как интересно, — сказал отец. — Вы не писали об этом?» — «Да, писал очерк, который поместил в «Сборнике Литературного фонда». — «И в «Русских ведомостях» лет 12 тому назад», — вставил Душан Петрович. — «Да, но с тех пор я еще познакомился с этим, ездил туда, дополнил, и вот этот-то дополненный очерк и поместил в «Сборнике Литературного фонда». — «Ну, а есть там рационалисты, молокане?» — «Да, есть. Но с каждым годом верующих становится все меньше и меньше». Булгаковым это высказывание Т. не записано.

⁶ В изданном дн. Булгакова этого высказывания нет. В дн. А. Л. Толстой под 6 авг. дан такой текст: «Невидимое есть духовная жизнь, но только они это не совсем так представляют».

⁷ В конце июня 1909 г. в Полтаве торжественно отмечалось 200-летие Полтавской битвы. Короленко присутствовал на празднествах и написал о них корресп. «Полтавские празднества» (см. В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 8. М., 1955).

⁸ В 1903 г. в Саратовской Пустыни (монастырь в Тамбовской губ.) состоялось торжественное открытие «мощей» канонизированного Синодом монаха Серафима (Саровского).

⁹ Письмо И. П. Рабчинского от 31 июля из Новочеркасска. На конв. помета: «Рабчинский. Новочеркасс. Почему священник присутствует при казнях? Отв. (отк.) и послал кн. 7 авг. 10. *Булг.*» (см. т. 82, с. 258).

¹⁰ П. А. Фокин был у Т. 5 авг. Остальные не пришли (см. т. 58, с. 89).

¹¹ А. Вернер-Деренталь. Перед боем (корресп. из Барселоны); *P. вед.*, № 179, 8 авг.).

¹² Этому процессу Короленко посвятил цикл ст. «Мултанское дело».

¹³ По свидетельству А. Л. Толстой, в разговоре затрагивались и др. лит. темы. Запись 6 авг.: «Как-то разговор перешел на произведение Решетникова «Поддиповцы». Короленко хвалил. И отец сказал: «Я начал читать, но не кончил; мне показалось искусственным».

¹⁴ Полностью этот рассказ записан Булгаковым: «Знаете, Лев Николаевич (...), есть легенда о Христе. Будто бы он вместе с апостолами пришел к мужику ночевать. А у того у избы крыша была дырявая, и Христа с апостолами промочило. Христос ему и говорит: «Что же ты крыши не покроешь?» А мужик отвечает: «Зачем я ее буду крыть, когда я знаю, что я в четверг умру». И вот, говорят, с тех пор Христос сделал так, чтобы люди не знали дня своей смерти. Так и вы, Лев Николаевич. Что загадывать? Живут же люди до ста двадцати лет. Так, вот, может, вы и напишете этот свой тип...» (*Булгаков*, с. 345).

7 августа

¹ Л. Васильевский (Плохоцкий). Западнославянская идиллия (*РБ*, № 5).

8 августа

¹ Письмо секретаря брамина Шри Параматамзы. Т. принять его не смог (см. письмо к Черткову от 7 авг. — т. 89, с. 202).

² Кн. хр. в *ЯПБ* (пометы).

10 августа

¹ А. Л. Толстая записала 10 авг.: «Не помню, как отец перешел на африканскую книгу о Конго и рассказал о том, как добывается каучук под угрозой смерти и истязания бельгийским королем Леопольдом».

13 августа

¹ См. т. 82, с. 108 и 263.

² Священные тексты браминов или брахманов: религиозно-философские (Махабхарата), эпические (Упанишады) и др.

³ Сб. «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран».

⁴ Ошибка памяти Т. или в записи Маковицкого. Нужно: «только у Матфея» (см. *Еванг. от Матф.* XX, 28).

⁵ Л. Саломон посетил Ясную Поляну 11 авг. (см. *ДСТ IV*, с. 153).

15 августа

¹ «Искание истины. Сб. статей и мыслей. Со вступительным письмом Л. Н. Толстого». М., «Посредник», 1911. Т. читал сб. в корр. до его выхода в свет. 16 авг. он написал автору о своем впечатлении (т. 82, с. 112). Письмо Т-го Страхов поместил как вступление к своей кн.

17 августа

¹ В. Реймонт. Мужики. Переведено с польского Марией Троповской. СПб., 1910 (*ЯПБ*). На тит. листе надпись: «Великому писателю земли русской, любимому творцу «Анны Карениной», переводчица М. Троповская-Брумберг. Москва, 1910». Кн. разрезана до 77 с.

18 августа

¹ А. Я. Григорьев, вероятно, привез кн. «Поэзия и проза сибирских скопцов».

² Письмо М. Муратори от 17 авг. н. с. из Каира. На конв. рукой Т. Л. Сухотиной: «Маргарита Муратори просит автограф Тургенева и хочет прислать Софье Андреевне шитую подушку. 17 авг. 1910», и рукой Т.: «Таня написала бы, что нет автографа Тург. А то подушку пришлет». Татьяна Львовна отв. 31 авг. отказом.

³ По просьбе С. А. Толстой Тургенев в февр. 1881 г. прислал для изд. С. А. Берсом журн. «Детский отдых» рассказ «Перепелка». Напеч. в сб. «И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой. Рассказы для детей, изд. С. А. Берса и Л. Д. Оболенского. «Перепелку» иллюстрировал В. М. Васнецов. Там же напеч. «Кавказский пленник» и «Чем люди живы?»

⁴ В рус. пер. роман Л. Галеви вышел под назв. «Семейство кардинала» в том же 1895 г., с 12 виньетками Эдмонда Морена.

⁵ В связи с этим Маковицкий послал открытое письмо, в котором высказал возмущение пропажей багажа, в том числе чемодана со «всеми отобранными письмами, которые получил Лев Николаевич за последние четыре месяца, и его ответы» (*НВ*, № 12372, 22 авг.). Вещи потом нашлись.

19 августа

¹ М. Л. Урусова. См. запись 6 сент. 1908 г.

² В тот же день Т. записал в «Дневник для одного себя»: «За обедом некстати рассказал об Агаго tout court. И стыдно стало» (т. 58, с. 134).

20 августа

¹ Нач. Петерб. охр. отделения А. В. Герасимов.

² В письме от 20 авг. н. с. Бурцев убеждал Т. «поднять голос против (...) преступлений (...), которые совершает русское правительство (...), сея всюду предательства и провокаторства». Т. ему не ответил.

21 августа

¹ «П. А. Столыпин в Москве» — корресп. о посещении Столыпиным хуторских хозяйств около ст. Быково («Г. Москвы», № 191, 20 авг.).

² «Ми-ти, китайский философ», сост. П. А. Буланже, под ред. Л. Н. Толстого. М., 1910.

23 августа

¹ Корр. книжек «Жизнь в настоящем», «Слово», «Смирение», «Смерть» (т. 45).

² Изречение 2-е (по Ювеналу) — т. 45, с. 358.

³ См. т. 45, с. 356.

⁴ *НВ*, № 12372, 22 авг. С. А. Толстая, возможно, имела в виду след. афоризм: «В юности любишь женщин за то, что они более или менее подобны первой; потом начинаешь любить их за то, что они похожи одна на другую».

24 августа

¹ См. т. 82, с. 120.

² Анон. открытка с бессмысленно-бранным текстом.

³ Запись в дн. А. Л. Толстой 24 авг.: «В цыганском пении хорошо то,— сказал он,— что совершенно очевидно, что слова не играют никакой роли: ения, забвения, ения, а выходит хорошо.— Поставили Карузо. Это грубо в сравнении с цыганским»,— сказал он вначале. Но, по мере того как Карузо пел, ему пришлось все больше и больше.— «Да... хорошо, очень хорошо. Ведь ни одно искусство, ни живопись, ни поэзия не объединяют так людей, как музыка,— сказал отец,— ведь все мы сейчас испытываем одно и то же».

25 августа

¹ Т. получил печатный плакат на чешском языке с афоризмами о евреях политических деятелей и писателей — Наполеона, Бисмарка, Гете, Вольтера и др. (И. М. Димидов. Встреча с Толстым.— «Народный учитель», 1928, № 9, с. 50).

² Ф. М. Сухотин умер 19 февр. 1905 г.

³ М. А. Сухотина, урожд. Дьякова, была сестрой друга Т-го — Д. А. Дьякова. Т. был хорошо с ней знаком и даже увлечен (см. т. 47, с. 164). В 1868 г. М. А. Сухотина разошлась с С. М. Сухотиным и вышла замуж за С. А. Ладыженского.

26 августа

¹ Т. читал «Vedic Magazine», № 1. Над текстом: «The Aereja Samaj, a Political Body» by M-g Madan Mohanjeth M. a.— рукой Маковицкого написано: «Эта статья поправилась Л. Н-чу» (ЯПБ). После ухода Т. из Ясной Поляны журн. остался в кабинете Л. Н. на полке над письменным столом.

² Это высказывание Шопенгауэра см. в «Мыслях мудрых людей» (т. 40, с. 199) и в «Пути жизни» (т. 45, с. 404).

³ Д. Мэвор еще раньше просил Т. о разрешении приехать. Т. пригласил его (см. т. 82, с. 244 и 257). Он приехал 30 авг.

⁴ Замысел написать роман о «переселенце, русском Робинзоне» возник у Т. в 1877 г. (см. ДСТ I, с. 39—40). Спусти 27 лет, увидев на дороге «дугу новую, связанную лыком», Т. вспомнил «сюжет Робинзона — сельского общества переселяющегося» и захотел написать 2-ю часть «Нехлюдова», изобразить жизнь «на фоне робинзонской общины» (см. т. 55, с. 65—66). Замысел остался неосуществленным.

⁵ См. очерк М. С. Сухотина «Киевское шоссе» (Илл. прилож. к НВ, 1914, № 12848, 17 дек.).

⁶ В мае И. Ф. Чепурин писал Т. подробно о себе, просил совета, как жить, и общался о начатой им автобиографии. Т. отв. 25 мая (т. 82, с. 35).

27 августа

¹ Ср. т. 58, с. 97.

28 августа

¹ «Приполярный Робинзон» (НВ, № 12371, 21 авг.).

29 августа

¹ Л. Л. Толстой был привлечен к суду за изд. ст. Т. «Где выход?» и «Разрушение ада и восстановление его». 16 авг. он писал С. А. Толстой: «Сегодня урядник привез мне повестку на суд 13-го сентября и обвинительный акт, который будет вам интересен».

² Ст. под рубрикой «Москва, 28 августа» в № 198 газ.

³ Ст. «О науке» (Р. вед., 1909, № 258, 10 нояб.) была напеч. в сильно урезанном виде.

⁴ Ряд газ. перепечатал из авг. кн. РБ письма Т. к С. Н. и Н. Н. Толстым и Т. А. Ергольской из Севастополя.

⁵ Корресп. в № 197 газ., 27 авг. (см. т. 58, с. 213).

⁶ См. т. 84, с. 401.

30 августа

¹ Брайан предполагал баллотироваться в четвертый раз на должность президента США.

² Письмо Т. к А. Ф. Аншиной от 24 авг. (т. 82, с. 117).

31 августа

¹ См. «Ege Nouvelle», № 48, 30 июня (ЯПБ).

² В августе предполагалось в 3-й раз выдвинуть кандидатуру Т. на соискание Нобелевской премии. Т. намеревался от нее отказаться (см. письмо Т. к М. Левину от 24 сент.— т. 82, с. 167).

³ В Кочетах Т. услышал поговорку: «На небе царство господнее, а на земле царство господское», к-рую потом не раз повторил.

1 сентября

¹ Письмо от 31 авг. (отв. на письмо А. Ф. Аншиной от 19 авг.) — дополн. к письму от 24 авг. (т. 82, с. 117 и 129). На конв. письма Аншиной рукой Т.: «Будет ли полезно читать ученикам в школе «Мысли мудрых людей»? 24 авг. 10. Отв. Л. Н.»

2 сентября

¹ Анон. хроникальная заметка «Убийство иеромонаха» (о. Анатолия), в *Г. Москвы*, № 200, 31 авг.

² Письмо М. Гамалила от 25 авг.

3 сентября

¹ М. Меньшиков. Урок хамству (*НВ*, № 12381, 31 авг.).

² С. А. Толстая отслужила в доме молебен с водосвятием, чтобы «изгнать дух Чертова».

4 сентября

¹ Анон. корресп. из Берлина по поводу Съезда германских юристов, обсуждавших вопрос о смертной казни в №№ 201—202 газ., 1—2 сент.

² М. Стричек. Парис (№ 203 газ., 3 сент.). В ст. идет речь об «Армии спасения». *Салюгистами* (франц. salutistes) называли членов «Армии спасения».

5 сентября

¹ С. А. Толстая передает разговор Т. с братом, происходивший в авг. 1904 г.

6 сентября

¹ Т. читал полученный от Ганди вместе с письмом от 15 авг. журн. «India Opinion» (*ЯПб*) о созданной им в Южной Африке, вблизи Дурбана, земледельческой «толстовской» ферме на принципах «ненасилия». Т. отв. 7 сент. (т. 82, с. 137—140).

7 сентября

¹ См. прим. 3 к записи 28 июня.

² Письмо А. Ф. Аншиной от 24 авг.

³ И. В. Галант. Черта еврейской оседлости. Киев, 1910. В письме от 3 сент. (почт. шт.) автор просил Т. высказать свое отношение к вопросу, затронутому в его кн. Т. отв. 9 сент. (т. 82, с. 142).

⁴ Письма от Шапиро (26 авг.) и А. Колодного (1 сент.). Отв. Т-го Колодному см. в т. 82, с. 137.

⁵ С. А. Стахович приехала 5 сент. (см. т. 58, с. 100).

⁶ Кн. вышла в Париже в 1902 г. Т. слушал чтение вслух вступления к роману (см. *ДСТ IV*, с. 188—189).

⁷ В № 9 *ВЕ* напеч. «Три дня в деревне» Т-го. По его поручению ред. журн. К. К. Арсеньеву было послано письмо с благодарностью.

8 сентября

¹ Ссора произошла из-за требования Софьи Андреевны немедленно возвратиться в Ясную Поляну (см. т. 58, с. 101).

² В свое письмо к Т. от 5 сент. А. В. Гольденвейзер вложил выписку из дн. В. М. Феокритовой о С. А. Толстой (см. *Гольденвейзер*, с. 277). Запись Феокритовой, «ужаснувшая» Т., опубл. в т. 58, с. 598.

³ См. т. 82, с. 142.

⁴ П. И. Бирюков. История моей ссылки («Исторический сборник. О минувшем». СПб., 1909, с. 83). Т. читал присланный автором оттиск (*ЯПб*).

9 сентября

¹ Письмо от 6 сент., переданное через Т. Л. Сухотину, и отв. С. А. Толстой от 9, 11—18 сент. (т. 58, с. 506—514).

² Письмо к М. А. Шмидт от 10 сент. (т. 82, с. 144).

11 сентября

¹ В Новгороде слушалось дело по обвинению В. А. Молочникова в хранении запрещенных произв. Т. и в переписке с учениками Новгородской школы огнестойкого строительства А. П. Смирновым и С. И. Некрасовым, к-рых он убеждал отказаться от воен. службы.

² Письмо С. И. Манягина от 26 авг. Т. отв. 10 сент. (т. 82, с. 146).

12 сентября

¹ Т. получал от К. Я. Грота сб. «Н. Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах» (СПб., 1911), в к-рый вошли письма Т. к Н. Я. Гроту и мемуарный очерк Л. М. Лопатина «Н. Я. Грот» (впервые опубли. в *ВФилл*, 1899, кн. 48, май — июнь).

² Письмо К. Я. Грота от 1 сент., в к-ром также содержалась просьба написать восп. о Н. Я. Гроде. Т. просьбу выполнил и написал в форме письма к Гроту статью-воспоминания о его брате (т. 38). Ср. «Лит. Россия», 1976, № 16, 16 апр.

13 сентября

¹ Корресп. из Берлина «Смертная казнь» за подп. С. (*НВ*, № 12389, 8 сент.).

² Письмо Дж. Витали от 13 сент. н. с. Он работал над кн. «Leone Tolstoj. Contratta bibliographia e lettere autographi». Вышла в Риме в 1911 г.

³ 19 апр. 1897 г. по приглашению В. И. Сафонова Т. присутствовал в Моск. консерватории на репетиции оперы А. Г. Рубинштейна «Фераморс». Свои впечатления он передал в трактате «Что такое искусство?», тл. I (т. 30, с. 28—30 и 325—326). Т. поразило грубое обращение Сафонова с исполнителями — учениками Консерватории (ср. *ЛН*, т. 37-38, с. 491—492).

⁴ № 210 газ., заметка, подписанная С.

⁵ «Смертный приговор помощнику полицеймейстера» — корресп. из Екатеринодара об убийстве полицейским Головки братьев Угнивенко и Трума (*Р. сл.*, № 209, 11 сент.).

⁶ Письмо Гусева от 31 авг. из чердынского земского арестного дома. Т. отв. 18 сент. (т. 82, с. 155).

⁷ Письмо А. Пивоварова от 9 сент. Ему была послана 25 сент. брошюра «Христианство и воинская повинность». СПб., 1906. Позднее ее текст был включен в неск. измененном виде в ст. «Закон насилия и закон любви» (гл. XII) — т. 37.

⁸ № 209 газ., 11 сент.

⁹ Напеч. в т. 38.

14 сентября

¹ Отв. Маковицкий: «Л. Н. поручил мне написать вам, что он хотя и не совсем здоров, очень желал бы написать вам письмо о вашем брате для вашего сборника и желал бы знать, какой последний срок присылки письма для сборника».

15 сентября

¹ А. Герцен. Русский народ и социализм. — Письмо к Ж. Мишле, профессору Коллеж де Франс (1851) (*Герцен*, т. VII, с. 339). У Герцена идет речь о царе Иване VI Антоновиче, заколото м стражей при попытке его освобождения офицером В. Я. Мирновичем.

² Письмо В. А. Молочникова от 11 сент. Т. отв. 18 сент. (т. 82, с. 156).

³ «Письмо в редакцию» Черткова по поводу письма К. К. Арсеньева об организации подписки для устройства в Ясной Поляне даровой столовой и ночлежного дома для посетителей. Чертков оспаривал точку зрения «некоторых газет», что «скопление (...) бродячего люда», «подонков городской жизни» в Ясной Поляне может причинить Т. «еще большие беспокойства» (*Р. вед.*, № 210, 12 сент.; перепеч. рядом газ.).

⁴ Т. иногда писал и «отограф» (см., напр., Дн. — т. 55, с. 267).

16 сентября

¹ *НВ*, № 12395, 14 сент. с портретами подполковника Одинцова и поручика Л. М. Мацневича под заголовком «Наши авиаторы».

² На 1-е письмо М. Ададурова от 7 сент. Т. отв. 13 сент., но, получив 2-е письмо от 9—10 сент., решил не посылать своего отв.; это решение он все же изменил, и 18 сент. письмо было послано (т. 82, с. 151).

³ Письмо от Б. Бунера от 14 сент. н. с. из Винтертура. Отв. Маковицкий.

17 сентября

¹ А. С. Панкратов. Ищущие бога (очерки современных религиозных исканий и настроений). М., 1911 (*ЯИП*; на обложке надпись: «Автор был бы счастлив, если бы Лев Николаевич заглянул в книжку. Одну главу «Московский братец Иоани» он знает»).

² В ряде моск. и петерб. газ. были напечатаны сообщения о наложении ареста на брошюру «Три дня в деревне» с привлечением изд. к судеб. ответственности (см. *МВ*, № 212, 16 сент.).

³ Письмо Л. Ф. Анненковой от 15 сент. Т. отв. 18 сент. (т. 82, с. 152, где ошибочно указано, что письмо Анненковой неизв.).

⁴ К письму В. М. Феокритовой были приложены выписки из ее дн. от 13 сент. о Софье Андреевне, ее поведении и суждениях.

18 сентября

¹ Изв. 11 писем Т. за 17—18 сент. (т. 82, с. 151—158; т. 89, с. 215—216) и 7 писем по его поруч. (т. 82, с. 265—266).

² См. т. 82, с. 153.

³ В заметке «Гибель победителя Симплона» (*Р. вед.*, № 212, 16 сент.) сообщалось о смерти после аварии авиатора Г. Шавеза.

19 сентября

¹ Письмо Булгакова от 16 сент. из Телятинок. Т. отв. 20 сент. (т. 82, с. 162).

² Булгаков записал рассказ А. И. Кудрина о мытарствах, пережитых им в связи с отказом от воен. службы (*Булгаков*, с. 355). Под назв. «Что Андрей Иванович Кудрин рассказал Толстому» с предисл. П. Д. Долгорукова было опубл. в изд-ве И. Ладжинкова. Берлин, 1911.

³ Письмо П. П. Николаева от 23 сент. н. с. Т. отв. 19 сент. (т. 82, с. 159).

⁴ Ф. П. Купчинский. Проклятые войны. СПб., 1911. В письме от 9 сент. Купчинский просил Т. помочь ему, чтобы «книга имела читателей, несмотря на запрещение». На конв. помета: «Книга возвращена».

20 сентября

¹ Письмо Т. от 19—20 сент. (т. 82, с. 161—162).

² W y s s. Robinson suisse (1812).

³ «Робинзон» в пересказе А. П. Сердобольского напеч. в «Ясной Поляне», 1862, кн. 2.

⁴ Одна из присланных кн.: И. А. Клименко. Мои воспоминания о Петре Ильиче Чайковском. Рязань, 1908. Т-м или Маковицким неточно воспроизведены след. слова из письма Чайковского к Клименко от 15 нояб. 1872 г.: «Я один только интерес имею в жизни: это мои композиторские успехи» (с. 66).

⁵ Письмо Т. к И. В. и К. М. Гуляевым (т. 82, с. 153).

21 сентября

¹ См. т. 82, с. 163.

² П. П. Николаев. Понятие о боге как совершенной основе жизни, ч. I. Женева, 1907; ч. II, 1910.

³ «Письма к ближним» (*НВ*, № 12400, 19 сент.).

⁴ Письмо В. П. Некрасова от 14 сент. о том, что крестьяне Новгородской губ. не сочувствуют проповедуемому Т. вегетарианству. Т. отв. 21 сент. (т. 82, с. 163—164).

⁵ Письмо Т. А. Кузминской от 18 сент.

22 сентября

¹ Письма к Д. Н. Татищеву Т. не послал (см. т. 82, с. 157—158).

² Т. по пути заехал на хутор Затинье к Х. Н. Абрикосову.

³ Письмо от 14 сент. (т. 84, с. 403).

23 сентября

¹ В отсутствие Т-го С. А. Толстая заменила висевшие в его кабинете над столом фотографии Черткова с Илюшком (внуком Т.) и Т. с Александрой Львовой портретами Н. И. Толстого и своим (см. *Булгаков*, с. 366—367).

24 сентября

¹ См. запись 20 июля 1909 г.

² На Конгрессе мира 1910 г. доклад Т. не был оглашен, гл. обр., из-за несогласия с основными его положениями, а также вследствие того, что текст его уже был опубл. в сб. «Д. Н. Толстой. Собрание статей по общественным вопросам за 1909 г.». Лос-Анжелес, 1910. Отв. Т-го Долгорукому от 30 сент.— т. 82, с. 172.

25 сентября

¹ И. А. Малиновский. Кровавая месть и смертная казнь. Томск, 1910 (*ЯПБ*, пометы). На кн. дарств. надпись: «Льву Николаевичу Толстому, обличителю всякого насилия и, в частности, великого зла, именуемого смертной казнью. От автора».

² Отзыв Т. об этой кн. см. в его письме к Малиновскому от 25 сент. (т. 82, с. 169—170).

³ Напеч. в № 4 журн.; находился в кабинете Т. В 1896 г. Т. перевел рассказ Каруса «Карма» (т. 29).

26 сентября

¹ 9 сент. Т. получил письмо от К. Пульпана, ред. чешской газ. «*Mladé Průdy*», датир. 16 сент. н. с. Пульпан сообщал о своем намерении издать «Книгу для чтения» со ст. «социалистическими и народно-экономическими» и просил Т. принять в ней участие. По поруч. Т. ответил Маковицкий (см. т. 82, с. 265). Отв. самого Т. превратился в ст. «О социализме» (т. 38).

² В этот день по просьбе Т. в его кабинете были вновь повешены снятые С. А. Толстой фотогр. (см. *ДСТ IV*, с. 202).

Около 28 сентября

¹ Вероятно, мулла Тайнов. Был выбран накануне роспуска Думы.

² Ф. В. Тихвинский был депутатом II Гос. думы от Вятской губ.

³ Эту работу осуществил Горбунов-Посадов.

⁴ Никодимово Евангелие — один из распространенных памятников апокрифической литературы.

⁵ Th. G. Masaryk. Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus. Wien, 1899 (*ЯПб*, пометы). Книга написана в духе христианского социализма, чем и привлекла Т.

⁶ Н. Кареев. Социализм (*Брокгауз*, кн. 61, с. 21—34).

29 сентября

¹ Чертков послал Т. письмо М. А. Лентовской о разногласиях между ней и Трегубовым. Т. отв. Черткову 1 окт. (т. 89, с. 218—219).

² По просьбе Д. Витали Маковицкий составил для него хронологический список всех опубликованных сочинений Т.

30 сентября

¹ «Календарь с пословицами на 1887 г.» (т. 40).

² Письмо от И. Застирца, датированное 9 сент., с просьбой написать в «великий малорусский альманах о будущности малороссийского народа».

1 октября

¹ Г. Петров. Плоремус (*Р. сл.*, № 224, 30 сент.). В этом фельетоне, посвященном Л. Андрееву, упоминались советы, к-рые давал ему Т. — «великан русской литературы».

² Кн. были получены от Моск. комитета грамотности для народной б-ки в Ясной Поляне.

³ Изд-вом «Посредник» ежегодно выпускались сб. «Русский песенник» и листки с песнями.

⁴ М. Сивачев. На суд читателя. Записки литературного Макара. М., 1910.

2 октября

¹ Письмо Х. Жука от 28 сент. из местечка Малеч Гродненской губ. Опубл. в «Единении», 1917, № 4. На конв. Т. написал: «Превосходное письмо, послать все книги и «Круг чтения» и написать, как меня порадовало его письмо» (т. 82, с. 270). Там же: «Ответ и посланы кн. 2 окт. 10. Булг.».

² См. *Булгаков*, с. 400—401.

³ По-видимому: В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1—3. М., 1908.

⁴ Т. ушел из Ясной Поляны и вернулся с полпути 18 июня 1884 г. (см. т. 49, с. 104—105). 20 дек. 1885 г. у Т. снова возникло намерение покинуть дом, уехать в Париж или Америку (см. т. 83, с. 539—549).

⁵ Секта, широко распространенная на Сев. Кавказе и считавшая себя носителем «христовой правды». Не признавала церковных обрядов, икон. С 1906 г. подвергалась правительственным репрессиям, как преследующая цели, противные «общественной нравственности».

⁶ А. Л. Толстая так передает этот разговор со своей кумой, А. Воробьевой (запись от 26 сент.):

«Что вы грустите, — сказала нам Аннушка, — не надо грустить. Вот, небось, нет у вас Марка Аврелия? Почитали бы, вся тоска бы и прошла». — «Какого Марка Аврелия?» — удивленно спросила я, не понимая, о чем она говорит, и никак не думая, что мысли римского мудреца могут быть известны ей. — «А вот книжечка есть такая, мне граф дал. «Марк Аврелий» называется. Мне, как делается скучно, или Никита запыет, или хлеба нету, или еще там что, я сейчас достаю эту книжечку, посажу ребят: «Петька, читай». И так хорошо на душе делается, что все забудешь. Вы достаньте себе эту книжечку».

5 октября

¹ Н. Ф. Федоров. *Философия общего дела*, т. I. Верный, 1906.

² G. de Maupassant. *Les sœurs Rondoll. Illustrations de René Le Long*. P., 1904 (*ЯПб*).

³ G. de Maupassant. *Le colporteur*. P., 1900 (*ЯПб*). После ухода Т. из Ясной Поляны кн. осталась открытой на рассказе «*La farce (Mémoires d'un farceur)*», p. 151.

6 октября

¹ Погибший летчик Л. М. Мациевич.

² В объявлениях о подписке на еженедельный журн. «Ясная Поляна» в целях рекламы сообщалось: «Мы дадим ряд рассказов известных русских и иностранных писателей, одобренных графом Л. Н. Толстым, причем многие из них появятся с его предисловием (...), картины русских художников с пояснительным текстом графа Л. Н. Толстого (...) 16 книг Полного собрания сочинений, до сих пор печатавшихся за границей. В числе их 5 книг «Круга чтения», о которых граф говорит: «Чувствую, что это моя последняя работа, и хочется придать ей характер тихой беседы после долгих и бурных споров с миром, и я рад, если эту книгу читают» (*Р. сл.*, № 221, 26 сент.).

³ La Torre Jorge Corredor. *L'Eglise romaine dans L'Amérique latine (du Sud)*. P., 1910 (*ЯПб*, дарств. надпись: «A l'illustre maître Tolstoï. Respectueux hommage. Jorge Corredor La Torre. Paris. Octobre 1910»).

7 октября

¹ Пригласить Черткова в Ясную Поляну по поруч. С. А. Толстой поехала Т. Л. Сухотина (*ДСТ IV*, с. 213).

² Два письма от 6 окт. В одном Чертков писал: «Не вижу возможности приехать к вам», а в другом писал об «основаниях», из-за которых перенес свидание с Т., и ставил «условие», чтобы «при свидании не было Софьи Андреевны».

8 октября

¹ У Горбунова-Посадова находилась рукопись одной из последних ред. предисл. к сб. «Путь жизни» (см. т. 45, с. 525—526).

² Ст. «Конец века». В собр. соч. Т. включена не была.

³ Боре́й. Маленькие заметки (*НВ*, № 12419, 8 окт.). Автор сообщал, что в Петербурге за три дня задержано 1 500 хулиганов.

⁴ Т. был избран чл.-корресп. Сербской королевской академии 22 февр. н. с.

9 октября

¹ В этот день Т. написал письма В. И. Шнигановичу, общее — П. Олейнику и Я. Витвицкому (т. 82, с. 183, 182).

10 октября

¹ А. Л. Толстая записала в этот день: «10-го приехал Наживин. Отцу он был приятен, приятен своей живостью, веселостью, непринужденностью и интересен своими рассказами».

² Т. читал ст. Е. Лозинского «Вегетарианство и антропофагия (письмо в редакцию)» в «Киевских вестях», № 254, 22 сент. Ст. была прислана ему автором (см. письмо Т. к нему от 10 окт. — т. 82). Полностью опубли. в *ВО*, 1910, №№ 6, 7, 8.

³ «Ere Nouvelle» (sept.) — *ЯПб*, кабинет Т., круглый стол. В № опубли. ст. Т. «Le droit et ses mensonges».

⁴ «Дн. для одного себя», запись 24 сент. (т. 58, с. 138).

11 октября

¹ Имя девочки — Мариам.

² К. Гамсу́н, Пан (1894, рус. пер. 1901). В связи с 50-летием Гамсуна в печати было опубли. много статей о нем, в том числе «Кнут Гамсун о Толстом» К. Зборовского («Подолія», № 108, 10 сент.).

³ Булгаков после четырехдневного отсутствия вернулся в Ясную Поляну 11 окт. (см. *Булгаков*, с. 412). Следовательно, запись относится к 11 окт.

⁴ M. Hudson. *The Science of Poetry and the Philosophie of Language*. N. Y.—L., 1910 (*ЯПб*, дарств. надпись: «With compliments of the Author. Hudson Make me»).

⁵ Разговор касался закона 9 нояб. (см. И. Ф. Наживин. *Собр. соч.*, т. V. М., 1912, с. 456—457).

⁶ Письмо Т. к И. В. Галанту от 9 сент. (т. 82, с. 142).

12 октября

¹ Попытка организации в Ясной Поляне потребительской лавки для крестьян на кооперативных началах.

² Рассказ В. Ф. Краснова «Ходынка» (*РБ*, № 8).

³ В дек. 1910 г. С. А. Толстая в разговоре с журналистом А. Ксюниным вспоминала: «Вы, вероятно, не знаете (...) ведь Л. Н. хотел идти в ряды армии в турецкую войну. «Вся Россия там, и я должен идти». Каких только трудов стоило уговорить его, объяснить, что своим пером он может принести большую пользу России...» (*Ал. Ксюнин. Уход Толстого*. СПб., 1911, с. 36).

⁴ В 1863 г. Т. вместе со своим соседом А. Н. Бибиковым, владельцем имения Телятинки, построил небольшой винокуренный завод, просуществовавший около полутора лет.

13 октября

¹ А. В. Цингер. Начальная физика. М., 1910. Т. был знаком с Цингером, к-рый в 1889 г. приехал в Ясную Поляну и участвовал в домашнем спектакле «Плоды просвещения».

14 октября

¹ Письмо от 14 окт. (*ПСТ*, с. 794—795). В связи с этим письмом Т. сказал Александре Львовне: «Терпеть надо. Ну, зато теперь все ясно. Мы дошли до того пункта, где все разъяснилось. Мне, по крайней мере, это легче. А потом я стараюсь учиться новому правилу, совершенно обратному тому, которому учился всю жизнь: не приписывать никакого значения ее словам. Сейчас одно, а через минуту совсем другое» (запись 14 окт.).

² Сохр. два позднейших завещания С. А. Толстой — от 26 февр. 1913 г. и 9 авг. 1916 г., в к-рых «права литературной собственности» на ее «записки под заглавием «Моя жизнь», дневники, повести, письма» передаются «в пользование детям», в том числе и А. Л. Толстой.

³ В дн. А. Л. Толстой записано 14 окт.: «Когда я вошла к отцу, чтобы возвратить ему письмо, он мне сказал, что была Софья Андреевна, что она плакала, становилась на колени, просила его уничтожить завещание, умоляла, целовала его руки».

⁴ Письмо Ф. Фишера из Гроссвустерлица от 20 окт. н. с.

⁵ 12 окт. Т. начал читать т. I «Братьев Карамазовых»: Достоевский И. Полн. собр. соч., т. XIV. СПб., 1883 (*ЯПб*, пометы; находится в кабинете Т.).

⁶ Вероятно, Мопассан (см. запись 5 окт.). Т. находил у него и «задатки глубокой мысли», умение «изображать пустоту жизни» (*Булгаков*, с. 385).

⁷ 50-летие лит. деятельности П. Д. Боборыкина.

⁸ 14 окт. скончался знакомый Т. — предс. Гос. думы С. А. Муромцев. С. А. Толстая предлагала отправить телегр. вдове с выражением соболезнования.

⁹ 12/24 окт. К. И. Чуковский послал Т. из Куоккалы письмо, в к-ром просил его выступить в печати с протестом против смертной казни (см. т. 58, с. 560—561). На конв. помета Т.: «Отвечать». Отв. Т. превратился в ст. «Действительное средство» (т. 38).

¹⁰ См. запись 29 авг.

15 октября

¹ Изд-во «Посредник» систематически выпускало составленный Горбуновым-Посадовым «для всех деревенских и сельских жителей» «Русский сельский календарь».

16 октября

¹ За изд. кн. Г. Спенсера Горбунов-Посадов по суду был оправдан, но кн. подверглась сожжению. «Письмо Л. Н. Толстого крестьянину о земле (О проекте Генри Джорджа)» вышло в свет 11 нояб. 1906 г.; 17 нояб. 1910 г. часть тиража была конфискована; рассказ Марика «Солдат Мошка», напеч. в 1906 г., также был в нояб. 1910 г. конфискован. На «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1907—1908) запрет был наложен Моск. комитетом по делам печати, т. к. эти книги были найдены «умоиступленными», «дерзко-кощунственными». Против издателя было возбуждено судеб. дело. После длительных формальностей оно затем было прекращено.

17 октября

¹ Изд-во «Посредник» выпускало серию «О пьянстве и курении», в к-рую входила также и «Новая серия книжек, картин и листков» о вреде алкоголя.

² К. И. Чуковский писал Т. 12/24 окт., что Короленко в связи с его обращением к писателям с просьбой выступить против смертных казней прислал «превосходный набросок «Один случай»» (см. т. 58, с. 561).

18 октября

- ¹ Рассказ был послан при письме от 19 сент. (т. 82, с. 159, 160).
² Известно 5 писем Т. за 18 окт. (т. 82, с. 192—195).

19 октября

- ¹ В 1908 г. в Петербурге было создано «О-во Толстовского музея», к-рое ставило своей целью организацию музея-квартиры Т. и занималось сбором материалов. Музей был открыт 27 марта 1911 г. Материалы и экспонаты музея находятся в ИРЛИ.
² Арх. Н. Г. Молостова в наст. время находится в ГМТ.
³ Впоследствии была издана: Е. В. Молостова. Иеговисты. СПб., 1914.
⁴ См. А. С. Пругавин. Религиозные отщепенцы. Очерк современного сектантства и раскола. М., «Посредник», 1906. Т. был знаком с Пругавиным, встречался с ним в 1880-х гг. в Москве.
⁵ В. Д. Бонч-Бруевич занимался изучением истории рус. сектантства и раскола. Автор кн. «Значение сектантства». Женева, 1902, и «Животная книга духоборцев». СПб., 1909. Был знаком с Т.
⁶ Н. Keller. The Story of my Life. With her letters... (1887—1901). L., 1909. На кн. надпись: «Дорогому Льву Николаевичу от М. Я. Шанкс и Н. А. Иенкен» (ЯИб).
⁷ А. И. Эртель. Письма под ред. и с предисл. М. О. Гершензона. М., 1909, с. 407.
⁸ О книгах Леногра, в к-рых автор «беспристрастно описывал эпизоды из Великой французской революции со всеми мелкими подробностями». Т-му рассказал С. Л. Толстой, обещавший ее привезти (см. *Очерки былого*, с. 426—427). Вероятно, речь шла о кн.: Th. Lepoivre. Paris révolutionnaire. P., 1906.

20 октября

- ¹ Письмо Т. к Д. Н. Анучину от 21 окт. (т. 82, с. 201). Новиков привез статьи «Недуги народной бедности» и «Тьма народная» (см. М. Новиков. К отъезду Л. Н. Толстого (Р. вед., № 244, 2 нояб.).
² Письмо к А. Н. Коншину от 21 окт. (т. 82, с. 201).

21 октября

- ¹ М. Т. Полин.
² И. Грегор-Тайовский. Тайные богачи. Опубл. в сб. «Smutne pôty» (1907). Маковичкий был знаком с автором книги.

22 октября

- ¹ Булгаков прочел в Моск. ун-те реферат «О высшей школе и о науке», изд. под назв. «Университет и университетская наука (Почему я вышел из университета?)» в 1912 и 1919 гг. в Москве.
² Средство против сифилиса, открытое А. Эрлихом.
³ Письмо И. М. Трегубова от 17 окт. об организованном им кружке — «общине свободных христиан», с прилож. вырезки из журн. «Духовный христианин» (№ 5-6) «Об основных положениях общины свободных христиан в Москве и Петербурге».

23 октября

- ¹ М. М. Ефимов запросил телегр., может ли он приехать, чтобы узнать мнение Т. о «близком и дорогом деле воздухоплавания». Т. отв. 23 окт. (т. 82, с. 203).
² Возможно, ст. «Неизбежный переворот», к-рая первоначально называлась «Человечество вырастает из пеленок».
³ Письмо Гусева от 27 сент. к А. К. Чертовой из ссылки (см. т. 58, с. 554—555).
⁴ Т. считал брошюру И. Ф. Наживина «Вино — яд» «недурной» (т. 82, с. 210).
⁵ Свое мнение об этих кн. Т. изложил в письме к Горбунову-Посадову от 24 окт. и приложил к нему список из 78 назв., разделенный на 4 группы, со своими отметками (т. 82, с. 206—210).

24 октября

- ¹ Подробный расчет изд-ва «Просвещение», предложившего С. А. Толстой миллион рублей за право изд. соч. Т., см. в «СПб. газете» (прилож.), № 306, 7 нояб.
² Произв. С. Т. Семенова очень широко издавались «Посредником». В проспекте 1910 г. — 37 назв. его сб. и отд. повестей и рассказов.
³ А. Л. Толстая записала 24 окт.: «Приехала Альмединген. За завтраком отец говорил о печати, о книгах. «Слово есть дело величайшей важности, — говорил он, — оно может быть и величайшее зло и величайшее добро. Но дело в том, что тут всегда примешиваются деньги, а как денежное дело, так конец. И куда только они ни примешиваются, эти материальные дела, — прибавил он с горечью, — и в отношения супругов, и в отношения детей и родителей».
⁴ См. т. 89, с. 227—228, т. 82, с. 202. Письмо отправлено не было.

⁵ Письмо С. Я. Г-га от 15 окт. о том, что Л. И. Петражицкий разрушает в нем веру в учение Т. «о непротивлении злу насиллием». Отв. Т. от 24 окт. (т. 82, с. 205).

⁶ С. Ко и д р а ш к и н. Братец Иоаннушка («Речь», № 290, 22 окт.).

⁷ М. Осташов привезжал к Т. 27 февр. (см. т. 58, с. 20).

⁸ П. Н. Гастев написал восп. о В. К. Сютаеве. Возможно, Т. читал их в рук. 27 окт. (см. т. 58, с. 123). Опубл. в *ВО*, 1912, №№ 1—2.

⁹ Письмо к М. П. Новикову от 24 окт. (т. 82, с. 210—211).

26 октября

¹ А. С. П р у г а в и н. Очерки совр. сектантства, вып. 1-й. Сютаевцы. СПб., 1904.

² Оба назв. произв. не вошли в 12-е собр. соч., изд. С. А. Толстой, хотя из 20 тт.— 5 были посвящены публицистике Т.

³ В дек. 1910 г. между С. Л. Толстым и Сумароковым состоялось формальное примирение.

27 октября

¹ А. Л. Толстая записала в своем дн. 25 окт.: «Вошла к отцу. Он сидел на кресле у стола, ничего не делая. Как-то странно видеть его без книги в руке, без пера, непривычно. «Я сижу и мечтаю,— сказал он мне,— мечтаю о том, как я уйду. Ты ведь захочешь идти непременно со мной?» — спросил отец.— «Да я не захотела бы тебя стеснять — может быть, первое время, чтобы тебе легче было уйти, не пошла бы с тобой, а вообще жить врозь с тобой я не могу». — «Да, да, но ты знаешь что, я все думаю, что ты для этого недостаточно здорова, насморки, кашель начнется...» — «Нет, нет, это ничего. Мне будет лучше в простой обстановке». — «Если так, то мне самое естественное, самое приятное иметь тебя около себя как помощницу. Я думаю сделать так. Взять билет до Москвы; кого-нибудь, Черткова, послать с вещами в Лаптево и самому там слезть. А если там откроют, еще куда-нибудь поеду. Ну да это наверное все мечты, я буду мучиться, если брошу ее, меня будет мучить ее состояние... А с другой стороны, так делается тяжела эта обстановка, с каждым днем все тяжелее, да еще и Софья Андреевна так тяжела. Я признаюсь тебе, жду только какого-нибудь повода, чтобы уйти».

² «Заметки» (*НВ*, № 12434, 23 окт.). В ней отмечалось, что студент Булгаков «отрицал как высшую школу, так и науку, становился на точку зрения Льва Толстого».

³ Т. находился в переп. со свящ., протоиереем Христорождественской церкви в Туле Д. Е. Троицким, к-рый обращался к нему с увещательными письмами. Письма Т. к Троицкому от 11 и 23 окт.— т. 82, с. 185, 203—204. Письмо Троицкого от 9 окт. под назв. «Православно-пастырское увещание гр. Л. Н. Толстого» опубл. в журн. «Христианин», 1913, № 11. В «Утренней звезде» эти письма не печатались, но в № 42 этого журн., 15 окт., было опубл. письмо Т. к К. А. Клишевскому (т. 81, с. 92). Быть может, его и имел в виду Т.

28 октября

¹ В дек. 1910 г. Маковицкий сделал след. запись: «Лев Николаевич давно (в 1881, 1896 г.), собирався уйти из дому от барской жизни. При мне — в прошлом, 1909 г. Тогда Л. Н. собирався за границу и несколько раз спрашивал меня, бежавших за границу и вернувшихся в Россию беглых матросов, рабочих и других, проходивших через границу, о том, как перебирались через границу, как пробираются без паспорта. Об этом же узнать на границе он просил и меня, когда я в 1909 г. ездил домой в Словакию. О том, что хочет уйти из дому, Л. Н. говорил мне (я думаю, что неоднократно и Александре Львовне) этим летом, во второй половине сентября, в начале октября, когда ездил с ним верхом. Около 10 сентября Л. Н. сказал, что хочет взять с собою Илью Васильевича. Тут я предложил себя, и Л. Н. сказал: «Пусть Саша решит». За три-четыре дня до ухода опять сказал, что уйдет. Еще дней за шесть до ухода решил было на следующее утро уехать, но поздно вечером отменил. Все эти последние разы намеревался уехать утром, тайком, к дочери Татьяне Львовне в Кочеты. 27 октября мне ничего не говорил, а Александре Львовне сообщил. Я об этом не знал».

² См. т. 84, с. 404.

³ См. запись 27 окт. и прим. 3 к ней. Переписка Т. с протоиереем Д. Е. Троицким опубл. А. С. Николаевым в ст. «К последним дням жизни Льва Николаевича Толстого» (*«Дела и дни»*, 1920, № 1).

⁴ Со ст. Шекино Маковицкий с кучером, отвозившим Т. из Ясной Поляны, отправил А. Л. Толстой след. записку: «Прошу: над моим письменным столом на полках есть, кажется, чертковская папка с моими предпоследними дневниками. Приберите ее к себе. Шкапы же закрыть и на крючки (левое крыло) и на замок. Со стола и ящиков в столе тоже все убрать. Л. Н. по дороге говорил только то, что рад, что выбрался, а что ночью такое состояние (биение сердца) и не спится, что не знает, что могло бы приключиться» (письмо сохр. в бумагах Маковицкого).

⁵ Восп. этой гимназистки из г. Белева, Т. Туманской «На пути в Козельск» напеч. в *Г. Москвы*, № 266, 18 нояб.

⁶ В открытом письме монаха Эраста (Егистова) разговор Т. с о. Михаилом излагался тенденциозно, для доказательства того, что Т. готов был вернуться в «лоно православной церкви» («Колокол», № 1389, 9 нояб.).

⁷ Ал. Ксюнин. Последние дни Л. Н. Толстого в монастыре (НВ, № 12466, 24 нояб.).

⁸ См. т. 82, с. 214, 215.

⁹ См. т. 58, с. 123—125.

¹⁰ П. И. Юшкову Т. в Оптиной Пустыни не навещал.

29 октября

¹ См. т. 38, с. 437.

² См. «Последние дни Л. Н. Толстого». Альбом Вл. Россинского. М., 1911, с. 6.

³ Письмо к М. Н. Толстой, жене Сергея Львовича, о крестьянке Д. Г. Окаемовой (т. 82, с. 219).

⁴ Т. написал письма к А. Л. и М. Н. Толстым (т. 82, с. 218, 219) и Черткову (т. 89, с. 233), внес в Зап. кн. сюжеты задуманных произв. (т. 58, с. 235).

⁵ А. Ксюнин. Оптина Пустынь (НВ, № 12463, 21 нояб.).

⁶ Т. познакомился с Н. С. Кашкиным летом 1853 г. в Железноводске, встречался с ним в 1856—1857 гг. в Москве и впоследствии переписывался (см. т. 67, с. 200).

⁷ Вероятно, С. Н. Толстая пересказала то, что слышала от Е. В. Оболенской.

⁸ См. *Вирюков IV*, с. 238—240.

⁹ С. А. Толстая, узнав об отъезде Т., бросилась в пруд.

¹⁰ М. А. Новоселов в 1891—1892 гг. содействовал Т. в оказании помощи голодающим крестьянам. С начала 1900 г., порвав с толстовством, вернулся к православию и стал выпускать серию кн. под назв. «Религиозно-философская библиотека».

¹¹ Маковицкий посетил Шамордино в дек. 1910 г., чтобы рассказать М. Н. Толстой о последних днях ее брата.

¹² Письмо, написанное 30 окт., послано не было (см. т. 84, с. 406).

¹³ Запись 29 окт. (т. 58, с. 125).

30 октября

¹ Среди бумаг Маковицкого сохр. след. запись, сделанная им в дек.: «Из Шамордино в Оптину Пустынь возил меня Кузьма Тимошкин. Его тесть возил Л. Н. 30 октября квартиру искать. Л. Н. его встретил на улице и спросил: «Где тут квартиру можно снять?» — «Семья ваша большая?» — «Нет. Мы с товарищем будем жить». Старик повел Л. Н. к двум вдовам — снохе Матрене со свекровью Аленой Хомкиной. Эта вдова плохо живет. Брат подает помаленьку. В их доме две комнаты (половины). В одной только они живут. Другая горница теплая, чисто и лежанка, и пол есть. Л. Н. ее за пять целковых в месяц нанял. «Вот и хорошо. Я здесь останусь. Вещи снесут, а я пойду к сестре Марии Николаевне. Завтра, в воскресенье, я приду». Л. Н. мог бы пожить в свое удовольствие в крестьянской избе хоть сколько позволило бы ему его здоровье».

² М. А. Новоселов. О цели и смысле жизни. Вышний Волочек, 1903.

³ Кн. вышла в Вышнем Волочке в 1904 г. В сб. вошли отр. из произв. Вл. Соловьева («Чтения о богочеловечестве»), Г. Спенсера («Грядущее рабство»), Ф. Достоевского («Дневник писателя»), Л. Тихомирова («Борьба века») и Герцена («Легенда»).

⁴ Письмо опубли. в ст. С. Булгакова «На смерть Толстого» (РМ, № 12, с. 155—156; см. т. 58, с. 527). В *Список* (т. 82) не вошло.

⁵ «Легенда» (Герцен, т. I).

⁶ Рук. была найдена после смерти Т. в одном из ящиков его письменного стола.

⁷ См. *ИСТ*, с. 795—796, и *Очерки былого*, с. 253—256. В письме от 28 окт. Чертков писал: «Не могу высказать словами, какой для меня радостью было известие о том, что вы ушли... Уверен, что от вашего поступка всем будет лучше, и прежде всего бедной С. А-не, как бы он внешним образом на ней ни отразился (...). Отдайте это письмо Душану для возвращения мне при случае».

⁸ Этого в письме С. Л. Толстого нет.

⁹ С. А. Толстую обследовал врач-психиатр П. И. Растегаев, который нашел, что она «страдает психопатической организацией (истерией)», а «под влиянием тех или иных условий» возможно «кратковременное преходящее душевное расстройство» (*Очерки былого*, с. 266—267).

31 октября

¹ См. т. 84, с. 407—408.

² Письмо к М. Н. Толстой и Е. В. Оболенской (т. 82, с. 221).

³ Приписка к письму Черткову, написанному в Шамордино (см. т. 89, с. 234, 235).

⁴ Е. С. Денисенко.

⁵ П. А. Жемчужников, пом. нач. сысского отд. в Туле.

⁶ Р. сл., № 250, 31 окт. Маковицкий называет его «сыщичким», т. к. в нем сохранилась подробная информация о Т. после «ухода».

⁷ См. т. 84, с. 407, 408.

⁸ См. т. 82, с. 222.

⁹ Телегр. была послана корресп. *Р. сл.* К. В. Орловым.

¹⁰ М. А. Новоселов. «О религии и смысле жизни», вып. X. В сб. вошли выдержки из ст. Т. «Религия и нравственность».

¹¹ В бумагах Маковицкого сохр. копия его письма к С. Л. Толстому и Т. Л. Сухотиной от 31 окт.: «Глубокоуважаемые Сергей Львович и Татьяна Львовна! Я вас от себя очень прошу никаким образом не пустите Софию А. за Л. Н-чем. Подумайте, как тяжело Л. Н. скрываться, переезжать с места на место и как тяжело было бы для него, если бы его настигла С. А. А для С. А-ны началось бы новое беспокойство. В нынешнее положение каждым днем больше и больше будет выправляться. Занятие с изданием у нее есть. Кланяюсь вам и всем. Д. П. М.»

¹² Форма дыхания, получившая назв. по имени врача В. Штока.

1 ноября

¹ См. т. 58, с. 143.

² Том 82, с. 222—223. Т. просил передать это письмо адресатам после его смерти.

³ Напеч. в т. 58, с. 143—144.

⁴ Выполняя просьбу Т-го, А. Л. Толстая послала Черткову телегр. (под условным именем «Фролов»): «Вчера слезли Астапово. Сильный жар, забытье. Утром температура нормальная, теперь снова озноб. Ехать невымыслимо. Выражал желание видеться с вами. Фролов» («Смерть Толстого». М., 1929, с. 18).

2 ноября

¹ Интервью с А. М. Хирьяковым по поводу ухода Т. (*Р. сл.*, № 251, 31 окт.).

² В ночь с 1 на 2 нояб. А. Л. Толстая отправила С. Л. Толстому срочную телегр.: «Положение серьезное. Привези немедленно Никитина» («Смерть Толстого», с. 20).

3 ноября

¹ Д. В. Никитин приехал утром 3 нояб.

² Бюллетень о состоянии здоровья, подписанный Маковицким и Никитиным: «У Л. Н. воспаление нижней доли левого легкого. Температура вчера вечером 39,1, сегодня утром 36,7, вечером 37,7. Значительное ослабление сердечной деятельности. Пульс частый, с перебойми, печень увеличена. Аппетита нет. Полное сознание» (*Р. вед.*, № 254, 4 нояб.).

³ Т. продиктовал начало письма к Э. Мооду (т. 82, с. 223).

⁴ См. В. Чертков. О последних днях Л. Н. Толстого. М., 1911, с. 14—17.

⁵ Письмо Новикова от 29 окт.—см. там же, с. 16. Под диктовку Т-го Чертков на конв. написал: «Поблагодарить. Уехал совсем в другую сторону».

⁶ См. «Круг чтения», т. II, с. 389—391 (т. 42, с. 192—194).

⁷ См. т. 58, с. 126.

⁸ «Три смерти» (*Р. вед.*, № 252, 2 нояб.).

⁹ Телеграмма адресована детям Толстого (см. т. 82, с. 224).

¹⁰ В ряде газетных корресп. все же содержалось изложение интервью с С. А. Толстой и ее объяснение причин ухода Т.

4 ноября

¹ См. запись 23 июля и прим. 2 к ней.

5 ноября

¹ «Круг чтения», т. II, с. 431—433 (т. 42, с. 229—231).

6 ноября

¹ Т. Л. Сухотина писала 6 нояб. М. С. Сухотину: «Сегодня я сидела с ним одна (...) Отец протянул мне руку, взял мою и сказал: «Вот и конец (...) ничего». И стал все тише и тише дышать. Я думала, пришли последние минуты (...) Пришел Семенов-Семеновский и впрыснул камфору. Через несколько минут отец энергично приподнялся, так что за ним подняли его подушки, почти сел и вполне внятным голосом проговорил: «Только одно советую вам помнить: есть пропасть людей на свете, а вы смотрите на одного Льва». Последние слова были сказаны уже слабее, и сейчас же после этого он впал в забытье» (*ДСТ IV*, с. 367—368). Этот момент так описан А. Л. Толстой: «Кровать стояла среди комнаты. Мы с сестрой сидели около нее. Вдруг отец сильным движением привстал и почти сел на кровать. Я подошла.— «Поправить подушки?» — «Нет,— сказал он, твердо и ясно выговаривая каждое слово,— нет. Только одно советую помнить, что на свете есть много людей, кроме Льва Толстого, а вы смотрите только на одного Льва» (А. Л. Толстая. Об уходе и смерти Л. Н. Толстого. Тула, 1929, с. 57).

² См. «Очерки былого», с. 270.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ К ПРИМЕЧАНИЯМ

Все ссылки на тексты Толстого даются по изданию: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах («юбилейное»). Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.—Л., 1928—1959 с указанием только томов и страниц.

Б — журнал «Былое».

БВ — газета «Биржевые ведомости».

Библиотека в ЯП — «Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне», ч. 1—2, М., 1972—1975.

Бирюков I—IV — П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, т. I—IV. М.—П., 1922—1923.

Брокгауз — Энциклопедический словарь изд. Брокгауз и Ефрон. СПб., 1890—1907.

Булгаков — В. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1957.

ВВ — журнал «Всемирный вестник».

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

ВО — журнал «Вегетарианское обозрение».

ВП — газета «Вечерняя почта».

ВФ и П — журнал «Вопросы философии и психологии».

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1954—1965.

Герцен, Женева — «Сочинения А. И. Герцена», т. I—X. Женева, 1875—1879.

ГМ — журнал «Голос минувшего».

ГМТ — Государственный музей и архив Л. Н. Толстого (Москва).

Г. Москвы — газета «Голос Москвы».

Гольденвейзер — А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959.

Горький — Полное собрание сочинений, тт. 1—25. М., 1968—1976.

ГРМ — Государственный русский музей (Ленинград).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

Гусев I — Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1912.

Гусев II — Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1928.

Дн. — Дневники Л. Н. Толстого.

ДСТ I—IV. — Дневник С. А. Толстой. М., 1928—1936.

ЕЖВ — «Ежемесячный журнал для всех».

ЕСТ — «Ежедневник» С. А. Толстой (рук., ГМТ).

Жиз. д. В. — журнал «Жизнь для всех».

Зап. кн. — Записные книжки Толстого.

Зап. ЛБ — «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина».

ИВ — журнал «Исторический вестник».

Изв. ОРЯС — журнал «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».

Илл. прилож. к НВ — Иллюстрированные приложения к «Новому времени».

Кн. corresp. — «Книга записи корреспонденции» (ГМТ).

Летопись I—II — Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890 и 1891—1910. М., 1958 и 1960.

Летописи ГЛМ 2 — Государственный литературный музей. Летописи, кн. 2, «Л. Н. Толстой». М., 1938.

Летописи ГЛМ 12 — Государственный литературный музей. Летописи, кн. 12, «Л. Н. Толстой», т. II. М., 1948.

- ЛН* — «Литературное наследство».
МБ — журнал «Мир божий».
МВ — газета «Московские ведомости».
МГ — журнал «Минувшие годы».
МЛ — газета «Московский листок».
МО — журнал «Миссионерское обозрение».
МР — Музей революции (Москва).
МТА — Международный толстовский альманах «О Толстом». М., 1909.
НВ — газета «Новое время».
НГ — газета «Наша газета».
НД — газета «Новости дня».
НЖ — газета «Наша жизнь».
Н и БГ — газета «Новости и Биржевая газета».
НП — журнал «Новый путь».
НР — газета «Новая Русь».
ОЗ — журнал «Отечественные записки».
ОР — «Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого». М., 1955.
Очерки былого — С. Л. Толстой. Очерки былого. Изд. 3-е, Тула, 1965.
ПГ — «Петербургская газета».
ПСТ — С. А. Толстая. Письма к Л. Н. Толстому. 1862—1910. М., 1936.
ПТС — «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906». Л., 1929.
Р — газета «Русь».
РА — журнал «Русский архив».
РБ — журнал «Русское богатство».
РВ — журнал «Русский вестник».
Р. вед. — газета «Русские ведомости».
РЛ — газета «Русский листок».
РМ — журнал «Русская мысль».
РС — журнал «Русская старина».
Р. сл. — газета «Русское слово».
РУ — газета «Раннее утро».
СО — газета «Сын отечества».
Сб. ОРЯС — «Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук». СПб.
СВ — журнал «Северный вестник».
Св. сл. — журнал, издательство и листки «Свободное слово».
Сл. — газета «Слово».
СМ — журнал «Современный мир».
Совр. — журнал «Современник».
Список — Список писем, написанных по поручению Л. Н. Толстого (в томах писем Полного собрания сочинений Толстого).
Сухотин — «Толстой в последнее десятилетие своей жизни. По записям в дневнике М. С. Сухотина» («Лит. наследство», т. 69, кн. 2).
ТВС I—II — «Толстой в воспоминаниях современников», т. I—II. М., 1960.
ТЕ — «Толстовский ежегодник». М., 1912 и 1913.
«Толстой-редактор» — сборник «Толстой-редактор». М., 1965.
Тургенев, Письма. — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. — Письма в тринадцати томах. М. — Л., 1961—1968.
УР — газета «Утро России».
Шифман — А. И. Ш и ф м а н. Толстой и Восток. М., 1971.
ЯЗ I, II — «Яснополяские записки» Д. П. Маковицкого. Вып. I—II. М., 1922—1923.
ЯПб — Яснополянская библиотека.
ЯПб * — книга описана по рук. каталогу Яснополянской библиотеки (ГМТ).
Я. сб. — «Яснополянский сборник».
ADM — Архив Д. Маковицкого (племянника) в г. Братислава.
В. — Berlin.

L.— London.

LAMS — Literárny archív Matice slovenská (г. Мартин).

Lpz.— Leipzig.

N. Y.— New York.

Op. cit.— цитируемое произведение.

P.— Paris.

PNP — Музей «Památník národního písemnictví» (Прага).

s. a.— без года.

St.— Stuttgart.

Все упоминаемые в примечаниях (без особой оговорки) рукописи Толстого, также письма к нему хранятся в ГМТ.

СОДЕРЖАНИЕ

1909

Июль	7
Август	26
Сентябрь	59
Октябрь	63
Ноябрь	93
Декабрь	118

1910

Январь	147
Февраль	173
Март	189
Апрель	216
Май	240
Июнь	268
Июль	291
Август	311
Сентябрь	340
Октябрь	366
Ноябрь	416

ПРИМЕЧАНИЯ

1909	435
1910	450
Список условных сокращений к примечаниям	483

Литературное наследство
том 90

У Толстого
1904 — 1910

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
1909 (июль — декабрь) — 1910

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редакторы издательства
Е. В. Белова, В. Ч. Воробская, Г. А. Гудимова
Художник *Е. Е. Смирнов*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректоры *Л. С. Агапова, Г. М. Котлова*

ИБ № 5498

Сдано в набор 10.10.78.

Подписано к печати 20.07.79. А-41675.

Формат 70×108^{2/16}. Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная. Печать высокая

Усл. печ. л. 42,87. Уч.-изд. л. 45,2

Тираж 15 000 экз. Тип. зак. 1181

Цена 6 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

6 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·